

Вячеслав Иванов

Переписка

Лидия Зиновьева-Аннибал

НОВОЕ ЛИТЕРАТУРНОЕ ОБОЗРЕНИЕ

Вячеслав Иванов

Переписка

Лидия Зиновьева-Аннибал

Вячеслав Иванов

Переписка

Лидия Зиновьева-Аннибал

1894–1903

Том 2

МОСКВА / НОВОЕ ЛИТЕРАТУРНОЕ ОБОЗРЕНИЕ / 2009

УДК 821.161.01(092)Иванов Вяч.
ББК 83.3(2Рос=Рус)6-8Иванов Вяч.
И20

Издано при финансовой поддержке
Федерального Агентства по печати и массовым коммуникациям
в рамках Федеральной целевой программы
«Культура России»

Подготовка текста
Д.О. Солодкой и Н.А. Богомолова при участии *М. Вахтеля*

Вступительные статьи
М. Вахтеля и Н.А. Богомолова

Комментарии
Н.А. Богомолова и М. Вахтеля при участии *Д.О. Солодкой*

Иванов Вячеслав, Зиновьева-Аннибал Лидия
И 20 **Переписка: 1894—1903. Т. 2.** — М.: Новое литературное обозре-
ние, 2009. — 568 с.: ил.

Переписка крупнейшего русского поэта XX века Вячеслава Иванова (1866—1949) с его второй женой Лидией Зиновьевой-Аннибал (1866—1907) — один из важнейших памятников истории русской культуры рубежа XIX и XX веков. В настоящее издание включена переписка 1894—1904 годов (в 1905 и 1907 супруги не переписывались, письма 1906 года составляют особый комплекс, который будет издаваться отдельно). В ней широко документированы ученые занятия Иванова, его становление как поэта, работа над первой книгой стихов «Кормчие звезды», лекции в Парижской вольной школе общественных наук, сделавшие его знаменитым. Письма рисуют широкую картину европейской жизни 1890-х и начала 1900-х годов (супруги жили не только в России, но и в Италии, Франции, Германии, Швейцарии, Греции), а также историю любви, разворачивающуюся на глазах читателя. Книга — плод работы интернационального коллектива (Майкл Вахтель — профессор Принстонского университета, США; Д.О. Солодка — аспирант этого университета, Н.А. Богомолов — профессор МГУ им. Ломоносова; существенную помощь в работе оказывали ученые из США, Италии, Франции, Швейцарии), она сводит воедино материалы, хранящиеся в Москве (основной корпус переписки), Петербурге и Риме.

УДК 821.161.01(092)Иванов Вяч.
ББК 83.3(2Рос=Рус)6-8Иванов Вяч.

ISBN 978-5-86793-734-8
ISBN 978-5-86793-735-5

© Д.О. Солодка, Н.А. Богомолов, М. Вахтель. Подготовка текста, 2009
© М. Вахтель, Н.А. Богомолов. Вступ. статьи, 2009
© Н.А. Богомолов, М. Вахтель, Д.О. Солодка. Комментарии, 2009
© Художественное оформление. Новое литературное обозрение, 2009

ПЕРЕПИСКА
1901

350. Зиновьева-Аннибал — Иванову
2/15 января 1901. Женева (?)

Очень дорожу мнением пришедшего только что Никиты¹, именно: пусть Марусенька спросит у Фрей^{2*}, не знают ли они девочку 10—14 лет *немку* или *почти* <?> немку, чтобы тотчас <?> приходиться часа на 1 ½ или на час, на ½ часа даже, главн<ым> обр<азом> *играть в куклы* с Верой. В 10 дней язык *оживет*. Можно и в сад с серсо ходить или просить Лилию уступить колясочку в сад. Это было<?> бы хорошо и после поступления, пока язык не оживет и голова от болтовни с дев<очкой> не болит. *Очень* прекр<асная> мысль! При *энергии* достать девочку можно. Спроси у Юли³ мои англ<ийские> визитн<ые> карточки и пошли две в перв<ом> письме мне. Потом еще две, а то нет у меня. Все отлично. Все вечернее ложь. Право утро. Ogasemrge. Сережа очень целует, говорит, не устал**.

Прошу узнать, нашелся ли кошелек Сережин русский.

Открытка карандашом по адресу: Monsieur V. Ivanov. 16, Bd. des Philosophes Genève, (как и пп. 346—348). Штемпели: Ambulant 15.I.01 — Genève. 15.I.01. С этого письма начинается повествование о поездке Л.Д. вместе со старшим сыном в Англию, где она должна была его оставить для продолжения учебы.

¹ Лицо, нам неизвестное.

² Неизвестная семья.

³ Юлия Михайловна Замятнина (в замуж. Корш), сестра М.М. Замятниной.

* Далее несколько вставленных слов прочитать не удалось.

** Далее следует короткая фраза, которую не удалось прочитать.

351. Зиновьева-Аннибал — Иванову
2/15 января 1901. Понтарле

Вторник.

Нин, большей обиды мне в дороге не случилось! Если бы мы выехали в 5. 50 утра, то в 6 вечера были бы в Париже и завтра утра<ом> в Лондон всю дорогу III-м класс<ом>. Теперь же ехали до Pontarlé <sic!> *товарным* поездом и будем в Париже в 6 утра завтра! Надо философск<ое> терпение и смирение разумное. Всё оттого, что сама не пошла на вокзал узнать! Днем ехали весело и уютно. Завтракали в Vallorbe в моем отеле.

Целую крепко. Низкий поклон. Лучше взять еще одно одеяло у дамы. Orasempre.

Открытка карандашом. Штемпели: Dijon à Pont<arlier> 15 janv. 01. — Gare de Dole, Jura 15 Jan. 01. — Genève. 16.1.01.

352. Зиновьева-Аннибал — Иванову
2/15 января 1901. Дижон

Дорогой Куня, идиоты кассиры в Pontarlier, выдавая билеты, объявили, что раньше 6.10 утра мы не можем доехать без оплаты в 23 фр. В Dijon оказалось это враками, и мы приедем сегодня в 11 ½ ночи. Но утром в Лондон только II-й кл<асс>, и выгоды ехать — никакой. Поэтому, отоспавшись всласть завтра (устала!!) спешу с Никитой разобраться в вещах для Сережи, и еду вечером. Телеграфирую <?> завтра утром, вечером же в Лондон*. Целую. Сережа очень целует. Он преславный, и нам вместе очень хорошо. Целую крепко Мар<усю>. Напишу Юл<ии> М<ихайловне>. Кошелек Сер<ежин> нашелся. Orasempre. Утро правда. Вечер ложь.

Открытка карандашом. Штемпели: Gare de Dijon. 15 janv. 01 — Genève. 15.1.01.

* Чтение всей фразы неуверенное.

353. Зиновьева-Аннибал — Иванову 3/16 января 1901. Париж

Среда.

Славенька, выезжаем из Парижа. Телеграмму не успела послать. Были у Гольшт<ейнов>. Приняли нас очень горяче. Ал. Вас. тебя очень зовет. Мне предлагает жить, где хочу. В столовой у Якунч<иковой?>¹, или во флигеле, или у нее в комнате. Вл. Авг. ничего не имеет, но на всё надеется. Страшно, но радостно видеть его своб<одным>. Целую. Сережа славный <?>.

Твоя Л...²

Открытка карандашом. Штемпели: Paris 16 (второй штемпель — 17) janv. 01 — Genève. 18.I.01

¹ Художница Маргарита Васильевна Якунчикова была замужем за Л.Н. Вебером, сыном А.В. Гольштейн от первого брака.

² Этим же днем помечено письмо (на двух открытках) С.К. Шварсалона к Иванову, которое здесь приведем:

Дорогой и милый Вячеслав, пишу тебе из отеля, пока мама одевается. Носильщик нас привел в чистенький отель. Мы попали из Лозанны в товарный поезд, к которому на следующей станции прибавили целую кучу товарных вагонов. Был только один пассажирский вагон. Но мы очень этому рады, потому <что> мы могли выходить на станциях и осматривать местность. В Vallorbes, пока наш поезд делал «tapoeuvres», мы позавтракали в отеле, где мама раз ночевала. Мало-помалу мы выползли из туманов и увидели солнце. Мы ехали вдоль интересной глубокой долины, где был замок. Все было в инее. Мы видели много очень красиво замерзших водопадов. После длинного туннеля <так!> мы вдруг очутились в долине под чудным темным <?> чистым голубым небом. Теплое солнце сияло. На одном склоне гор долины снег искрился яркой и чистой белизной. Темно-зеленые еловые леса образовывали чудную границу между блистающим снегом и синим небом и очень красиво выделялись. Это была самая высокая точка: 992 метра. Мы оставили холодные и туманные долины, в которых раньше плелись <?> за туннелем. В этой долине, которую я описываю, была очень хорошая маленькая деревушка. Колокольня маленькой романской церкви блистала золотом. К счастью, мы долго там стояли на станции и успели налюбоваться этой упоительной сценой. Это уже была Франция. Из этой станции к нам шел французский таможенный офицер, который нам по дороге показал источник, который выливается из-под земли каждые пять минут и от него бежит ручеек. В лесу я видел маленькую лисицу. Этот офицер нам рассказывал историю двух фортов, в которых очутился изменник (в 1870-м году). Этот человек продал один из них пруссакам, которые пошли на него по узкому ущелью. Но солдаты успели открыть измену и схватили генерала, который хотел продать форт. Но немцы, не подозревая этого, вошли в опасное горло, и пушки из форта многих положили в <1 нрзб>, и пруссаки никогда не вошли в эти крепости. Мы видели эти два форта, которые стоят почти на отвесных скалах, и мы под ними проезжали. Мы видели памятник на месте, где были побиты пруссаки и видели простреленное бомбой дерево. Мы всю дорогу имели одно compartiment и поэтому хорошо отдыхали и спали. В

Париж мы приехали в 12 часов. Вообще путешествие до Portarlier было очень интересно и красиво. Спали в одной широкой постели очень дружно. Утром в 9 часов я встал и послал тебе телеграмму. Потом напился кофе в нашем ресторане с извошиками и потом заказал маме кофе в постель. Узнал поезда в Clamart <?>, куда теперь торопимся. Мама хочет купить Гольштейну угощения: его любимых раковин. Мама и я очень крепко целуем тебя, дорогой Вячеслав, и Марусю, Олю, Веру, Костю, Лидию. Очень жалею, что не успел хорошенько проститься с тобой. Спешу. Твой горяче-любящий Сережа.

Целую. Дай Бог всего легкого и хорошего. Αγαθή τύχη. Λυδία.
(РГБ. Ф. 109. Карт. 38. Ед. хр. 52. Л. 32—33).

354. Зиновьева-Аннибал — Иванову 4/17 января 1901. Лондон

Четверг 17-ое

Ник, на канале¹ была такая прекрасная ночь, что, послав с трудом Сережу вниз, сама просидела и пролежала переезд на палубе. За висевшими гроздьями <так!> огненными звездами была еще высокая, бездонная глубина, и мачта вся мерно ходила от созвездия к созвездию. Имели счастье всю дорогу от Женевы встречать людей приятных и занимательных и еще больше — справлять наш lune de miel² вдвоем. Хорошо ездить с Сережей: мне он больше помогает, чем ты, право! Теперь он стрижется у куафера, я же зашла в аптеку Jacks'a на углу Gower str<eet> и Euston R<oad> и пишу в почт<овом> отделении, поджидая дружка. Были в Лондоне в 8 утра. Встретили нас вечные сумерки туманные, темно-серые ряды мелких домов и приветливая простота английских employers. Hansom³ привез нас быстро к <2 нрзб>. Получили комнату vis-à-vis⁴ Еленушки.

Встреча была приветливая. Умывались, пошли на угол Gower Place и Gow<er> Str<eet>, где попили чай и поели бэкон и эггз⁵ и — в школу. Пэтон⁶ был добр и мил, как всегда. Но Сереже велел идти to bed⁷ вместо школы до завтра. Спросил, впрочем, книги и тетради греч<еские> и лат<инские> и сказал: «Я знаю, что он in good hands⁸, он поступит в Up<per> fourth⁹!» Относительно Тапер¹⁰ я была откровенна вполне. Он все понял и сам подсказал, что она буржуйка и ругательница, но неловко ему оскорбить ее; она же и ждет, и в прошлый term¹¹ отдала троим, ожидая. Во всяк<ом> случае он надеется в Марте или в том term снабдить Тап<пер> барышнями и просить ее «to bundle Sergius over to me¹²», а пока звал каждое воскр<есенье> с breakfast'a¹³ и на весь день. Он

очень доволен <1 нрзб>: будет держать все в школе в кабинете как память о Сереже <?>. Говорили мы хорошо, дружно, и всё началось, потому что и я приглашена к breakfast'у и на весь день в Воскр<есень>!!! После свидания пошли к Игольф...¹⁴, выбрали празд<ничный> костюм и прелестную шапку U.C.S.¹⁵, потом отправились в Hampstead¹⁶, где застали похорошевшую славную Эстер¹⁷, обрадовали ее пряжкой <?>. Но Mrs. Meckleham¹⁸ больна серьезным изнеможением и до нее никого не допускают. Потом завтракали: Cooked <?> rostbeef <так!> и cake и ginger ale¹⁹ в ресторанчике славном Trojan <?>. Тапперы любовно прямо встретили Сережу, обвораживали меня. Я их косвенно, но знатно ругала и за Мурусю <так!> и за себя. Они извивались. Сидела долго, чтобы лучше пенять. Жалкие люди, о хлебе едином живут <?> ни добры, ни злы, бедняжки, но к Сереже прямо любовны. Сережа говорит, что не хочет им поддаваться и чувствует себя сильным, но его трогает их ласка. Всё это грустно и вредно! Но воскресения спасают дело! Теперь идем домой: 5 ½ веч. поедим chops <?>²⁰ и чай у Шоппи²¹ и спать! <1 нрзб> и у Еленушки в комнате. Не узнать почти. Ох, боюсь опять не хватит мужества навалить плиту на могилку... Сережа крепко, нежно целует, велит сказать, что кисляй. Благополучно <1 нрзб> в Лондон. Целую Марусю. Твоя.

Письмо на трех пронумерованных открытках, посланное по адресу (как и пп. 344—356): Monsieur V. Ivanov. Villa Java. Châtelaine. Genève. Штемпели: London Ja 17. 01 — Genève. 19.1.01.

Фрагмент от «Встретили нас» до «Up. fourth» — Кружков. С. 373—374.

¹ Речь идет о Ламанше (по-английски — English Channel).

² Медовый месяц (*фр.*).

³ Служащих. Кэб (двухколесная коляска) (*англ.*).

⁴ Напротив (*фр.*).

⁵ То есть bacon and eggs — яичница с беконом (*англ.*).

⁶ О Дж. Пэтоне см.: Интермедия (IV). Письмо Иванова к Замятниной от 26/14 Дек<абр> <18>99, прим. 3.

⁷ В постель (*англ.*).

⁸ В хороших руках (*англ.*).

⁹ То есть upper fourth form — старший четвертый класс (*англ.*).

¹⁰ О семействе Таппер, где С.К. жил во время пребывания в Англии, см. прежде всего письмо Иванова и Зиновьевой-Аннибал к Замятниной от 17/4 Мая 1900 (Интермедия (IV)).

¹¹ Период обучения (*англ.*).

¹² Отослать Сережу ко мне (*англ.*).

¹³ Завтрака (*англ.*).

¹⁴ О ком идет речь, неясно.

¹⁵ Сокращение от University College School.

¹⁶ Район Лондона, где жили и Тапперы, и, видимо, семья Мейклэм, в которой ранее жила Л.В. Иванова.

¹⁷ О ком идет речь, нам неизвестно.

¹⁸ Женщина, у которой жили Л.В. Иванова и опекавшая ее «девушка».

¹⁹ Жареный ростбиф, и кекс, и имбирный эль (*англ., рус.*).

²⁰ Отбивные (*англ.*).

²¹ Судя по контексту, семейство, у которого Ивановы оставляли свои вещи.

355. Зиновьева-Аннибал — Иванову 6/19 января 1901. Лондон

Суббота.

Дорогой Кун, вчера и сегодня держалась близ Серези: утром была в школе у Пэттона, уговаривалась об уроках гимнастики и столярничанья. Потом делала покупки, потом пришла к 4-м домой, чтобы с ним посидеть и поужинать. Получила твое письмо, но ничего о книгах не узнала. Что брать? Могла бы в Среду уехать. Сегодня должна была завтракать дома с сыном. Я его не отпускаю к Т<аппер>. Боюсь одиночества, а он даже спит со мною в одной постеле и сам не хочет уходить от меня. Очень грустно, что экономишь, старье покупаешь, а вещей для дома мелких по 37 <?> фр<анков> платишь. Я работаю здесь, как могу. К Елене пойду, когда буду одна*. Твоя Лидия.

Открытка. Штемпели: London. Ja 19. 01 — Genève. 21.I.01

356. Зиновьева-Аннибал — Иванову 8/21 января 1901. Лондон

Понед. 1901.

Плачет мама неутешно,
Слезы льются по щекам.

(по поводу исчезновения чернильницы, почему и пишу карандашом).

Лежит мешок.
Лежит он молча
И давит крышку сундука.

* Далее 3 фразы, написанные поверх текста, не читаются.

(По поводу клеенчатого школьного мешка, ожидающего момента отхода хозяина в школу) и прочая чепуха...

Сереза повторяет историю.

Бэкон и кофе покончены.

Пойду к stationary¹ и в Br<itish> mus<eum>². Вчера с утра Серезу собрала еще до брэкфаста³ к Пэтону. Сама осталась дома убираться и писать письмо маме. К завтраку пришла к Пэтону, где провела часа 3 очень приятно. Там был один мол<одой> господин — издатель повести Ruskin paper «St. George» — Mr. Whitehouse⁴. Очень симпатичный, мягкий, тонкий англичанин. Потом были 2 мальчика живущие: один случайный, не очень мне понравившийся, из-за него до Марта или даже на весь term нет места Серезе*, другой тот гарландск<ий> Charly Lecy <?>, прелестный юноша, простой, горячий патриот, сердечный, словом, очаровавший меня, лет 15-ти. Сам был очень прост и мил: угощал дивным завтраком в наилучшем англ<ийском> стиле (мы таких не знали), потом показывал много интер<есных> картин и карточек. Имеет собственноруч<ый> горный набросок несколькими штрихами — Ruskin'a. Показал себя в разговоре во всей неприкосновенной, сильной, односторонней строгой принципиальности и верности идеалу своему. Да, воспитатель твердый и надежный, готический англичанин вполне. Затем забежали к Mrs. Turper, где Сереза спас меня от необдуманного плана привести Серезу и самой обедать в самый день отъезда, т.е. в Четверг (раньше не справлюсь), и вместе с тем он не допустил, чтобы я отпустила его в Среду, а устроил обед на Понед<ельник>, т.е. на сегодня. Это всё он сообразил, когда мы уже вышли, и он вернулся один, чтобы перестроить. Он говорит мне: «Никак нельзя, чтобы ты меня отослала в Среду, потому что ты не будешь спать последнюю ночь, и утром встанешь с тяжелыми мыслями, вообще расстроишься на дорогу. Это совсем невозможно». Вообще глубокая и тонкая, непостижимо для мальч<ика> его лет понимающая заботливость и нежность ко мне — уверяют меня в его истинной доброте и благородстве. Много в нем и равновесия. Несмотря на почти сентимент<альную> прилипчивость ко мне, он вполне желает остаться здесь и весь уже в школьн<ой> жизни учения и спорта. Его отнош<ения> к Турпер прекрасны. Он говорит о них с той долей

* Рукой Иванова на полях сделано примечание: NB. Trouville⁵! — «многолегкодумная Маруся».

разумной критики, как нужно для его спасения от их влияния и не вредит приличны<м> отношениям. Словом, мальчик интересный, дорогой, а мне теперь просто спасительный. Целую! Ничего не знаю о вас, о Вере, о твоей работе, о переезде <?>.

Купила Вере 2 платья и Косте панталоны. Скажи Марусе.

Химическим карандашом. Конверт со штемпелями: London. Ja 21. 01 — Genève. 23.I.01.

¹ Видимо, Зиновьева-Аннибал ошиблась, имея в виду слово stationery — канцелярские принадлежности, почтовая бумага (англ.).

² Британский музей (англ.).

³ От англ. breakfast — завтрак.

⁴ John Howard Whitehouse (1873—1955) — специалист по творчеству Джона Рэскина (Ruskin; 1819—1900). В конце жизни у Рэскина был утопический план аграрного цеха «St. George». О повести под таким названием собрать информацию нам не удалось.

⁵ Находка (фр.).

357. Зиновьева-Аннибал — Иванову 9/22 января 1901. Лондон

22 Янв. 1901

Мне очень грустно, дорогой Славенька, разочаровывать тебя относительно отъезда! В Среду я выехать не успела бы, но и в Четверг решила не выезжать, а прямо отложить до Воскресенья. Права или нет — не знаю, решаю поскольку <так!> умею. Вот как я рассуждаю: побывавши сегодня в Норууде <так!>¹ и устроивши могилку, я имела страстную тоску от мысли не увидеть ее больше самой и не показать Сереже. Мальчик не попал бы туда иначе как в обществе Турре²ов, выразивших мне намерение съездить в N<ogwood> с Сережей. Хочу в Воскр<есенье> утром съездить туда спокойно с Сережей и затем проститься с ним. В Субботу уложу все вещи и отошлю Сережин сундук. В эти же 4 дня до отъезда имею: 1) регулировка счетов с Турре и со школой, 2) свидание с Пэтоном по поводу уроков, 3) исполнение обещания посмотреть в Regent's Park football² Сережин, 4) выборка вещей и их приведение в приличный вид для отсылки, 5) посещение Nogwood'a еще раз, 6) покупка Астарты³, Сереже двух-трех вещей в приданое, 7) посещение Brit<ish> Museum и парламента и пробежать Нац<иональную> галерею⁴... Но единственно важно, конечно, это le désir poignant⁵ провести последний день с Сережей у

Елены. Правда также, что я очень устаю, если напрягаюсь, и лучше не буду напрягаться, боюсь... Что касается Парижа, то не надеюсь справиться в 2, 3 дня. Нечего и думать! Ведь там-то должна всё вверх дном перебрать в вещах раньше, чем их отправлять, поэтому кладу *минимум* 4, потому что 1-й и последний отпадают. Значит, до Пятницы, Субботы или Воскресенья через неделю не жди. Буду, значит, дня за 2 до Вериного экзамена. Дорогой Славенька, не сердись, как ни ворчую <так!>, не выходит, точно тогда в Сестрорецке, замаюсь уезжать в Четверг душой и телом. Затем остается отложить до Пятницы — ты боишься, а там уже Суббота — лучше дожидаться еще день — Воскресенье, и исполнить мечту с Norwood'ом. Сегодня была утром в Endell str<eet> и видела начальника дома⁶. George жив и здоров, и начальн<ик> (с отвратит<ельной> физиономией) объявил, впрочем, что когда ему будет года 3, 4, «it can do no harm if you <would> like to repeat your application»⁷. Конечно, вряд ли что-либо может выйти! Оттуда прямо отправилась в Norwood. Могилка вся зелененькая, берестовый крестик цел и живо то скромное доброе растение в головах, остальное всё пропало. Я сделала реформы в плане о памятнике, но буду обсуждать ее <так!> с тобою потом: мне хочется, оставаясь при прежнем проекте плиты, гранитовой <так!> доски и лежащего креста, всё уменьшить соразмерно с детскою могилкой, так, чтобы крест имел величину этого милого берестового, вокруг обнести решеткой, обсадить плющем, а в головах оставить те деревца, какие я сегодня посадила. О, какая прекрасная стала сегодня эта могилка! Посылаю веточку побольше от дерева кипарисоподобного, высотой аршина в 1 ½, посаженного мною в головах, и веточку поменьше от других двух кустиков низких, но пышных и необыкновенно красивых и благородных, которые в плечах насыпи. Затем крест я прикрыла белыми цветами с кучкою темных фиалок посереде, середину насыпи покрыла больш<им> венком рождественским: весь из плюща (посылаю) и ключего красивого растения, кот<орое> растет в рощах Италии, и ягод вроде золотых вишен <?> и рябины и серебристого моха. В ногах стоит больш<ой> горшок с 4-мя алыми тюльпанами и 2-мя белыми гиацинтами, а дальше пересажен добрый старый дружок от изголовья. Надо всем тишина, сквозь деревья даль холмов, а вблизи колонны часовни и пение яркое птиц.

Такая тишина, что там бы и остаться желалось, чтобы никогда не уйти в жизнь. Странно всё это..... Кричат по улицам, пока я

пишу, а Сережа кончает греческий (сейчас пойдём спать оба зараз, как всегда, в 9), кричат пронзительно о смерти Виктории⁸. Устройством Сережи у Туррег'ов я довольна. Они стали шелковые у меня, и Сережа их отлично понимает. Целую, люблю, только не пишется. Скоро будем вместе. Orasempre.

Впрочем, пожалуй, завтра не будет школы из-за смерти Виктории, и тогда я уеду в Субб<оту>. Скажи Мур<усе> <так!>, что костюмы девочкам и панталоны Косте куплены.

Л. 12 — попытка нарисовать могилу, внизу подпись: Ничего не вышло из рисунка.

Конверт со штемпелями: London. Ja 23. 01 — Genève. 24.1.01. Кружков. С. 374—376, с купюрами.

¹ Norwood — район в южном Лондоне, где была похоронена Елена.

² Риджентс Парке футбол (англ.). Риджентс Парк — лондонский район.

О чем идет речь, непонятно. Астарта — имя богини семитских народов, олицетворения женского начала.

⁴ Крупнейший лондонский художественный музей.

⁵ Мучительное желание (фр.).

⁶ Речь идет о намерении, описанном Зиновьевой-Аннибал в письме к Замятинной от 3 марта 1900 (см.: Интермедия (IV)), взять на воспитание мальчика-подкидыша, найденного в тот день, когда Ивановы регистрировали смерть дочери.

⁷ Вы сможете снова повторить ходатайство (англ.).

⁸ Королева Англии (1819—1901), скончавшаяся в этот день.

358. Зиновьева-Аннибал — Иванову 12/25 января 1901. Лондон

Четв<ер> веч<ер>.

Славинька, случилось так, что у Сережи вчера болел кок¹ и он не мог бегать футбол, поэтому мы с ним позавтракали на углу Gower Place и поехали в Norwood. Мы провели у могилы часа полтора, и уже была ночь, когда мы вышли. Хорошо было, и я хорошо поговорила с милым мальчиком, так горяче и просто стремящимся быть смелым <?>, честным и добрым. Оба поплакали, целуя дорогую землю. Верно, из-за этой земли есть у меня это странное фатальное, рабское чувство подчиненности, принадлежности своей этому страшному и обожаемому и страшашему городу. Уехать тяжко, и тяжко было приезжать, но как тяжко уезжать.

Хлопочу с lady's help². Забот еще много. Но спешу...

Сереза готовит уроки. Я только что вернулась из ванны. Устала.

Спасибо Мар<усе> за суб<ботние> 2 письма.

Открытка. Штемпели: London. Ja 25. 01 — Genève. 26.1.01.

¹ От *англ.* cock, половой член.

² Женщиной для помощи (*англ.*).

359. Зиновьева-Аннибал — Иванову 13/26 января 1901. Лондон

Пятница

Славенька, сижу с гол<овной> болью от напряжения. Не понимаю, как так выходит, а всё приходится через силу устывать. Выхожу с Серезей и всё что-то делаю. Сегодня вышла и до 9 ½ успела съездить к Куку¹ менять франки, купить Серезе saline² (жел<удок> у него оч<ень> плох) и перчатки для его ванны. Потом в школу к Пэтону. Много и хорошо с ним переговорила. Потом смотрела, раскладывала, укладывала вещи в Shop <?>³, только в 2 ½ убрала. *Не могу физически* выкладывать и укладывать книги: если бы ты приказал непременно, я наняла бы человека раскрывать ящики и раскладывать их. Не знаю, что и делать: один из них раскрыла до дна, и ничего не нашла и мучалась. Еще завтра поеду к Туррег'ам и вскрою ящик там в поисках за классиками, но это задержит меня до Воскр<есенья>, а то я собиралась сюрпризом выехать в Суб<боту>. После 2-х едва позавтракала и не удержалась, чтобы не съездить на Tarba.... Hill⁴.

Как прекрасен Heath⁵, я его видела всего, с его пологими <?> холмами, млечно-зеленой травой, черными, чернее кипарисов высокими чашами кустов, и мертвыми деревьями, и страшным городом внизу в дыму, черный, не кончающийся <?> и теряющийся в тумане далеко, далеко.

Это для меня лучше галереи, где еще не была.

Целую крепко.

Лидия.

Станный, любимый город!

Дома ждала уже Bunting⁶, с предложением, *очень* подход<ящей> девушки.

Была на футболе. Очень хорошо <?>.

Утро. Только что получила твое письмо. Спасибо, друг дорогой. Ogasempre.

Открытка. Штемпели: London. Ja. 26. 01 — Genève. 29.1.01.

¹ Наиболее популярное в мире в конце XIX и первой половине XX в. бюро путешественников.

² Вероятно, имеется в виду какая-то лечебная соль.

³ См. п. 349, прим. 21.

⁴ Нам не удалось понять, о чем идет речь.

⁵ Видимо, имеется в виду район Лондона Hampstead Heath.

⁶ О ком идет речь, нам неизвестно.

360. Зиновьева-Аннибал — Иванову 13/26 января 1901. Лондон

Вот какие дела: вчера была буря такая, что мне отсоветовали ехать, но главная причина была в том, что я в совершенном отчаянье относительно своей шубы. Вели Оле тотчас написать в Париж, *где шуба*. У Шоп <?>? В каком ящике? *Я три* раза поштучно выкладывала *всё* в кладовой. *Шубы нет*, и нет ни одной простыни. Где Вер<ины> и Кост<ины> простыни? — Грустно и тоскливо. Шопы <?> в отчаянье, здесь целая история. Затем знайте, что, может быть, я привезу с собою англичанку. Одна мне ужасно нравится, и если добрая Mrs. Bunting (предложила с ней повидаться сама, и она меня чудесно понимает, эта умная старушка) найдет эту девушку годною, то я ее выпишу в Париж и привезу. Она будет всё помогать в доме (чистую работу), даже стирать помогать, и вместе с тем имеет certificat¹ известного музык<ального> образования. Она хочет спать с Лилей. *Надо иметь постели и ванну*. Если ты не хочешь ни за что этой девушки, *пиши тотчас* в Париж. Тревога во мне, но пройдет и эта полоса жизни. Поскорей бы.

Целую.

Ogasempre.

Пиши! Такое счастье получать твои письма.

Лидия.

Открытка. Штемпели: Lnd. Ja. 26 01 — Genève. 30.1.01.

¹ Сертификат (фр.).

361. Зиновьева-Аннибал — Иванову
15/28 (?) января 1901. Дьепп

Кун, я в Dieppe¹. Опущу письмо в Париже. Море было бурное, но, хотя не могла оставаться на палубе, где волны хлестали через всё, спала отлично внизу. Вчера корабли *не* ходили вовсе. Последние мгновенья прощанья с мальчиком принесли неожиданно тяжелую тоску. Он учил уроки возле меня, мы пообедали в нашей комнатке, потом пришли за вещами, и он заплакал, потом, когда я (не позволив ему провожать: до 11-го часу ночи) села в карету, то долго из окна видела маленькую, словно придавленную фигурку мальчика, одну на тротуаре Endsl<eigh> Gard<ens> в страшном городе. Теперь, дай Бог, он в постельке в своей розовой комнатке. Но разлука ужасна, она жжет! Надо ли вольно налагать ее, или это искушение судьбы, или это мужество <?>!

Лидия.

Это ужасно худо, что нет ванны для Веры при ее коже!! Казни <?> Маруси <так!>.

Открытка. Штемпели: Paris. 29 Janv. 01 — Genève. 30.I.01.

¹ Французский порт, один из наиболее удобных для путешествия между Англией и Францией.

362. Зиновьева-Аннибал — Иванову
18/31 (?) января 1901. Париж

Дорогой Ник <?>, пишу от Кикиной¹, где ночевала после разборки корзинки. Она очень умная серьезная женщина, и мы сдружились. Вещи от Nigues <?> все отправлены. Рвусь домой. От Сержи имею прелестное письмецо. Мальчик молодцом. Я же очень тоскую по нем. Г<ольштей>ны очень ласковы, но наводят тоску. Его дела еще en l'air², хотя с большими надеждами. Еду сейчас узнать о поездках. Целую нежно. Веринька, будь молодцом. Увы, прелестная англичанка девушка только что написала милое письмо, но приехать к нам *не* может. Я приеду *в ночь на Воскр<е-сенье>* в 1.20 по парижск<ому> вр<емени>. Значит, вероятно, в 2 ¼ по-жениевски. Узнайте. Лидия.

Открытка. Штемпели: Paris. 1 Fevr. 01 — Genève. 3.II.01.

¹ См. п. 510, прим. 7.

² В воздухе, в подвешенном состоянии (*фр.*).

363. Иванов — Зиновьевой-Аннибал
2—4/15—17 декабря 1901. Афины

День 1.

15/2 Дек. 9 ½ ч. веч.

Любимая радость!

Когда твой экипаж скрылся за поворотом, я понял, что «incipit vita nova»¹, и начал ее с того, что купил газету и дал вычистить свои сапоги; после чего пошел, как во сне, по Стадию, через Синтагму, вошел в открытую контору Кука и, сказав: «Bonjour, Monsieur Angelo»², [осведомился] справился о пароходе, идет ли он сегодня, не запоздал ли, — из всего этого, мне кажется, ясно видно, что я был ненормален... Дальнейшим проявлением моей ненормальности было то, что я завязал беседу с драгоманом Константинидисом по выходе из церкви... За обедней, при словах: «Тебе благодарим»³, был поражен мыслью, что христианство — религия благодарности по преимуществу. Христос часто благодарит Отца. Евхаристия — благодарность. Буддистам не за что благодарить и некого. Ницше говорит, что религия Греков была избытком благодарного чувства⁴: так ли это? Пафос христианской благодарности в гимне Св. Франциска⁵. За ним идут брат Зосимы⁶ и Глебушка⁷. У древних дифирамб — уже благодарность страдающему богу... После обедни я читал надписи в Институте до 12 ½; потом завтракал, и Леонардо⁸, конечно, осведомился о твоём отъезде, как и о времени приезда «в Голландию»... Ἔφυγε — ἡ χυρία; — Ἔφυγε σῆμερα. — Σῆμερα...⁹ И любопытно-грустная мина... Потом я медленно пошел, мимо Филадельфии и Хирста¹⁰ и прочих достопримечательностей, домой через Froschmaul¹¹ и пинету¹². Волынка играла где-то внизу и все время странствования по горе надувала мне свой заунывно-вакхический ритм. Из ξαυθαί τεῦχαί¹³ я долго глядел на море. Оно красиво белело и серебрилось в тумане. Было два часа без четверти. Я подумал, что, быть может, увижу твой корабль, и он — «любви желаньем притяженный»?¹⁴ — вдруг появился против Эгины¹⁵. Или то был не он? Перед домом я застал Фотины с матерью Панагиотиса и Киприянкой и самим Панагиотисом сидящими на солнце. Они также указывали мне на пароход, говорили о наших детях, о твоём приезде*, и т.д. Из окна нашей

* В Николин день — праздник моряков. (Прим. Иванова.)

комнатки я долго следил за парходом в бинокль. Потом спал. Потом возился с неудобным, пальцы обжигающим σαφοβάρι¹⁶, поставленным мною на подоконник. Погода была прекрасная, окно стояло открытым, было 17 градусов. Но море, кажется, зыбилось. У меня очень уютно, но как-то тихо-тихо без тебя. Книжки дают большую усладу. А Фетинья все свое: что несколько дней, дескать, тоскуешь и проч. Παϊδάχι¹⁷ унесли — «ἔξω...»¹⁸... А там Леонидас плачет — тоже с голоду? В 8 часов Ангел пришел и повесил мне Парфенон (с наклоном) над Никой (немного спущенной). All right¹⁹. Относительно экипажа, говорит, что сегодня никто меньше 10 драхм в Пирей²⁰ брать не хотел, потому что предстояли похороны какой-то родственницы Делианиса²¹. В Афинах все — событие... Иду в постель. Где-то ты теперь? «Лазурный дух морей, безвестных гость дорог»²² — где он несет тебя? — «Пред ним серп лунный, вождь эфирный»...²³ Впрочем, теперь серпа уже нет на небе; только немногие звезды. Провожая тебя своей молитвой.

День 2.

16/3 Дек. Понед.

9 ½ утра. Тепло и тихо. — Уф! Только что кончил hauswirtschaftliche Uebungen²⁴, с медом и сбиванием яйца включительно. Ориентировался в своих запасах; кладовая у меня как у микенского царя²⁵. Оно и забавно, пожалуй, да «zeitraubend»²⁶, и все же труд. Выдал Фотини oat meal²⁷ и bacon²⁸ для завтрака. Дома решил позавтракать, чтобы кончить выписки из одной книжки и сдать ее в Институте [после завтрака] пополудни, где спокойнее в эти часы. Πῶς ἦσθε ἀλόψε; — Καλά²⁹. Но Фотини не верит; все свое ладит. И будет, верно, ладить, дней до трех. А рыжий жучок — the gold bug³⁰ — бежит от меня из Греции, как Арефуза от Алфея³¹, через Ионическое море. Увидишь ли ты засветло берега Сицилии и Мессинский пролив? Радость дорогую люблю. Basta³².

12 ч<асов>. Она (т.е. Радость) очень ободрительно смотрит — не на меня, а немного вбок — из блистательного Ständer'a³³. Устал писать полезные, но сомнительные по научной добротности выдержки.

Фотини несет овсянку. Спрашивает, где ты. Говорю: «В открытом море». «Γαλήνη»³⁴ (тишина на море), говорит. И опять расспросы об остановке в Неаполе, о времени приезда в Марса-

лию («ὄραία!»)³⁵ и ἑς τὸ σπίτι.. — —³⁶. Заканчиваю завтрак остатками симпозиа: горгонцолой³⁷ и Ифакским³⁸ вином за твоё здоровье и счастье.

В Институте. Заходил на почту: письмо пойдет завтра. В библиотеке только я да твой благородный и «мужественный» Норвежец (?)^{*39}. Как видишь, бумажка для тебя всегда у меня под рукой, и я уподобляюсь разговорчивому глухому**.

7 часов. Курю трубочку, сбыв чай. В 5 был у твоей портнихи, был встречен ласково, услышал пожелания тебе счастливого пути и получил брошечку. Потом отнес Эдгара По в библиотеку. Потом вознаградил себя за эти комиссии стаканом пива на ὄδ. Παυελιστημίου⁴⁰. Дома был встречен Фотини: στενοχωρεῖτε; ... ὀλιγώτερα⁴¹? Ссылаюсь на работу. Но она стоит на своей теории, и теперь уже решила, что ὀλιγώτερα⁴². — Я намеренно вставляю греческие выражения, чтобы тебя заставлять читать и припоминать их. — Где ты? Сидела ли на палубе и любовалась ли на лунный серп? Писала ли что-нибудь для романа? — Занимаюсь. Слышен αὐλός⁴³ агорьи⁴⁴. —

9 ¼. Фотини очень старательна и любезна. —

Я иду спать в постель; felice notte⁴⁵, милая радость!

День 3

17/4 Вторник

9 часов. Встал в 8. И все вожусь с пищей. Пишу тебе, пока трещит жарящийся басон. Я все об еде. Это оттого, что хозяйничать мне очень трудно. Надеюсь привыкнуть. И потом ты застрашала и приказала так много этим заниматься. Прежде всего эмансипируюсь от кофе в постели. Терпения на этот процесс не оказалось уже и сегодня.

Сегодня тепло и серо. Когда ты будешь в Неаполе? Я надеюсь, раньше 3-х. Что-то вынесешь из визита? —

Сейчас отнесу письмо на почту. Оно должно встретить тебя... нет, не встретит; но первая весть от меня пусть будет тебе радостна и скажет тебе, как я тебя люблю и что мне хорошо работать и что я бодр и силен. Поцелуй детей и Марусю как бы я сделал; Оле дорогой — мой привет. С нетерпением жду известий об ее делах. Басон очевидно подгорел — запах гари... О, я великий повар!

* Знак Иванова.

** Абзац вписан химическим карандашом.

Да, жир растопился и половина обратилась в подобие угля.
Nitschewo, nitschewo! как говорил Бисмарк⁴⁶. Выучимся. И
вообще: «даст Бог, удастся, друг!»⁴⁷

Целую. Orasempre

Конверт с адресом: Monsieur V. Ivanov p.b. Mr Angelo Gonimos 30. Rue du Stade. Athènes (по тому же адресу отправлены и остальные письма 1901—1902 гг.) и со штемпелями: Афины. 4 дек. 1901 — Genève. 21.XII.01. На лицевой стороне конверта рукой Л.Д.: Стремя. Фиалки. Сборник. Ал. Вас.

¹ Начинается новая жизнь (*лат.*). Начальные строки «Новой жизни» Данте Алигьери.

² Здравствуйте, господин Анжело (*фр.*).

³ Слова из Литургии Иоанна Златоуста: «Тебе поем, Тебе благословим, Тебе благодарим, Господи, и молим Ти ся, Боже наш». Присутствуют также и в других богослужебных текстах (например, в Акафисте Духу Святому).

⁴ Имеется в виду следующий пассаж из «По ту сторону добра и зла»: «В религиозности древних греков возбуждает наше удивление чрезмерный избыток изливаемой ею благодарности — в высшей степени благородна та порода людей, которая *так* относится к природе и жизни!» (*Ницше Фридрих*. Сочинения: В 2 т. М., 1990. Т. 2. С. 281 / Пер. Н. Полилова).

⁵ Речь идет о «Цветочках» («Fioretti») Св. Франциска Ассизского.

⁶ Маркел, старший брат Зиновия, впоследствии старца Зосимы, из романа Ф.М. Достоевского «Братья Карамазовы» (Глава: «Из жития в Бозе преставившегося иеросхимонаха старца Зосимы, составлено с собственных слов его Алексеем Федоровичем Карамазовым»).

⁷ По всей вероятности — герой романа Зиновьевой-Аннибал «Пламенники».

⁸ О Леонардо, официанте в ресторане, где часто обедали Иванов и Зиновьева-Аннибал, см. Интермедию (IV).

⁹ Уехала — госпожа? — Уехала сегодня. — Сегодня... (*новогреч.*).

¹⁰ Районы в Афинах.

¹¹ Лягушачья пасть (*нем.*). Название холма в Афинах, сходного по форме.

¹² От *ит.* «pineta» — хвойный лес.

¹³ Золотисто-желтые сосны (*древнегреч./новогреч.*).

¹⁴ Цитата из второй части поэмы Вячеслава Иванова «Сфинкс» (сборник «Кормчие звезды»).

¹⁵ Остров в заливе Сароникос, расположенный к юго-западу от Афин.

¹⁶ Самовар (*новогреч.*).

¹⁷ Ребенок, дитя (*новогреч.*).

¹⁸ Прочь, вовне (*новогреч.*).

¹⁹ Хорошо (*англ.*).

²⁰ Афинская гавань, соединенная с городом длинными стенами.

²¹ Федор Делианис (1826—1905), греческий государственный деятель (между апрелем 1897 и декабрем 1902 в отставке).

²² Из стихотворения Иванова «Тень реет. В глубине, за рошей горных пиний...».

²³ Из этого же стихотворения.

²⁴ Упражнения по домашнему хозяйству (*нем.*).

²⁵ Видимо, имеется в виду Агамемнон, мифический микенский царь, один из героев «Илиады». Микены его времени названы в поэме «златообильными».

²⁶ Отнимает много времени (*нем.*).

²⁷ Овсяную крупу (*англ.*).

²⁸ Бекон (*англ.*).

²⁹ Как поживали вечером? — Хорошо (*новогреч.*).

³⁰ Видимо, английский перевод пришел в голову Иванову по аналогии с рассказом Э. По (о чтении его произведений он пишет ниже) «The Gold Bug» («Золотой жук»).

³¹ Арефуза (чаще — Аретуза), нимфа, в которую влюбился речной бог Алфей и преследовал ее.

³² Хватит (*ит.*).

³³ Подставка (*нем.*). Иванов подразумевает подставку для фотографий со снимком Лидии.

³⁴ Тишина (*новогреч.*).

³⁵ Прекрасно! (*новогреч.*). В *новогреч.* слово пишется с обличенным ударением, а у Иванова ударение острое, как в *древнегреч.* слове, означающем «удобное, хорошее время года (от весны до осени)». Марсалия — Марсель.

³⁶ Домой (*новогреч.*).

³⁷ Симпосий (*греч.*) — пир. Горгонцола — сорт итальянского сыра.

³⁸ Имеется в виду вино с острова Итака.

³⁹ О Норвежце см. также п. 369.

⁴⁰ Ул<ица> Университета (Университетская ул.) (*новогреч.*).

⁴¹ Мыкаетесь?... хуже нет? (*новогреч.*)

⁴² Хуже нет (*новогреч.*).

⁴³ Флейта (*древнегреч./новогреч.*).

⁴⁴ От *греч.* «²αὔβρι» — мальчик.

⁴⁵ Доброй ночи (*ит.*).

⁴⁶ По легенде, пересказывавшейся современниками, в бытность послом в России будущий «железный канцлер» Германии Отто Эдуард Леопольд фон Бисмарк-Шёнхаузен (1815—1898) был поражен хладнокровием своего кучера, во время различных опасных перипетий повторявшего: «Ничего!» и выходявшего из сложных положений. После этого он заказал себе железное кольцо с надписью «nitschewo» внутри и любил повторять это слово. См., напр.: The New York Times. 1885. November 25 (со ссылкой на «Pall Mall Gazette»).

⁴⁷ Источник цитаты не установлен.

364. Иванов — Зиновьевой-Аннибал 4/17 декабря 1901. Афины

№ 2.

День 3. 8 ч. веч.

17/4 Дек. Вторн.

Дорогая девочка! Только что окончил ужин и спешу написать, чтобы поручить письмо заботе Ангела: сам думаю завтракать завтра дома, идти в Институт к 2-м часам и потом ко всеобщей. Телеграммы от тебя нет, да я и не надеялся получить ее так скоро, даже предполагая, что в 3 ч<аса> ты была уже в Неаполе; есть, кроме того, и разница в часах... Итак, буду смиренно ждать до завт-

ра... Отчет о дне: опустив письмо, пришел в Институт; нашел полезные для меня сопоставления и проч.; в 12 ½ завтракал у «Гревса»¹; придя домой, спал час; потом имел неожиданный дамский визит...; потом у меня кружилась голова... будь спокойна: не от лихорадки или слабости, и не от дамского визита, — а от невообразимого хаоса имен и культов, в которых разобраться представляется подчас невозможным, — так велико их число и так перепутаны они между собою, что кажется будто ты в самом деле в критском лабиринте, где если не помрешь с голоду, то погибнешь съеденным². Потом утешился, обдумывая план «Дионисической Жертвы»³, и тихо работал. — Но ты не слушаешь заинтригованная визитом... Итак, я имел визит барышни... (А ты уже думала об Итальянке под горой!). Очень хочется испытать твою догадливость, да уже слишком долго ждать разгадки. Итак, Фотини представила мне свою дочь из Арсакиона⁴. Да, она существует в реальности, дочь из Арсакиона, и притом очень хорошенькая. Но еще девочка. Вошли они как-то церемонно, я церемонно усадил их. По-французски она не говорит — говорит: не учат, т.е. языку немного учат, но не разговору; и, кроме греческого, вообще ничему не учат (NB!). В Сентябре она уже кончает курс — Фотини была in high spirits⁵, гордая дочерью и возбужденная визитом пришедших с нею же дам и детей. Вскоре вся комитива⁶ покинула гостеприимную Фотини. Что за отношение к дочери, — не понимаю. Я уверил ее потом, что дочь очень симпатична и красива, и на вопрос: будет ли она учительницей, услышал: βεβ-σίως⁷. — Столько о моем дне. Когда-то получу желанные вести? Как ты найдешь «дорогой домик» (выражение Сережи) и его теперь волнующихся и мучащихся обитателей. Целую любимую радость, как люблю.

В.

Марусе от меня поклонись нарочито.

Конверт со штемпелями: Афинский неразборчив, женевский — 22.XII.01.

¹ Об официанте в ресторане, прозванном «Гревс», см. Интермедию (III).

² Подразумевается миф о Минотавре.

³ О дионисической жертве В.И. писал многократно и в стихах и в прозе. Однако работа такого названия неизвестна.

⁴ Арсакион — девичий институт в Афинах.

⁵ В веселом, приподнятом настроении (англ.).

⁶ Компания (греч.).

⁷ Конечно (новогреч.).

365. Зиновьева-Аннибал — Иванову
2—5 / 15—17 декабря 1901.
Пароход между Пиреем и Неаполем

«Saghalien». Neiss. Mar. <?>
Архипелаг. 4 ½ час. 15 Дек. 1901.
1-й день мужества.

Дотик, как трудно было написать все эти названия и даты. Сколько раз ошибалась в месяце и годе! Enfin ça y est! первый день мужества. Боже, благослови людей, которые пытаются делать хорошо, как умеют, как понимают. Что мы понимаем? Почти ничего. Надо быть *доверчивым* и сильным. Скоро закатится солнышко Илиос², сейчас даже, за каким-то гористым островом архипелага. Вот, пока писала, закатилось, а двое маленьких ребят с фотограф<ическим> аппаратом его снимали только что, и уверяют, что отлично выйдет. Они и меня перед ним сняли, т.е. раньше меня, потом его. Меня на пластинке не видно, но они говорят, что когда высохнет — видно будет! Чистый смех. Девочка и мальчик. Девочка принадлежит к труппе, отделившейся от труппы Mme Режан³ и едущей в Marseille. Она, т.е. девочка, 7 ½ лет и, говорят, имеет большой талант и играет по часу вдвоем с Режан на сцене. Вот они пришли и пристали ко мне, чтобы я писала стилографом⁴, потому что не верят, что в нем чернила. Девочка славная, совсем дитя и чистый мальчишка по бойкости и шалостям. Один актер заболтался со мною. Милый парень, ненавидит актерскую жизнь и любит философствовать. Ненавидит Россию, потому что русские очень грубые и непонятливые и невежественные, и всё кланяются иконам и т.д. Говорят, что Mme Réganne <так!> путешествует с эфебом и с Гэбой⁵. Милая тройка очень дружна. До сих пор просидела на корме и до последней возможности следила за Афинами. Наш домик, т.е. его местопребывание, т.е. угол пинеты, исчез лишь когда исчезли из виду Афины. Вначале Пентеликон, как большой орел с широкими распростертыми крыльями осенял город с Ликабетом, Акрополем и Мусеэйоном. Потом Афины медленно передвинулись в театр <?> между ним и Парнасом. И по мере удаления нашего от них странно рос Ликабет и Акрополь, и исчезли только когда исчез весь город, все ландшафты. Я молилась всем существом о возвращении... Море черно-пурпуровое, металлическое, острова в лиловом пурпуре,

небо золотисто-огненное. Ветер посвежел после заката. Но волны небольшие. Корабль очень длинный, но грязный, и моряк голodom: голова болит.

2-й день мужества.

12 ч. дня. 16 Дек<абря>. Открытое море темносинее с белыми барашками и мелкими беспорядочными не качающими корабль волнами.

Дотик, вот хорошо-то буду знать числа месяца! В шкапу найдешь несвежего Bismark'a⁶. Брось его кошке! Там же моя новая мовная⁷ кофточка, завешанная Вере. Я *очень* рада, что забыла ее, она ведь не была обновлена. Останется тебе на память, Дотик. Умеешь ли ты читать свое имя с придыханием на Д и т⁸? Как ты себя ведешь? Как спал, как с бэконом справляешься, как нотка⁹ дорогая, отекает ли? Отоспался ли? Я спала с 8 ½ до 8 утра и выспалась. Всё утро сегодня со мною беседовала моя сопутница по кабине, странное и прекрасное существо. Родилась в Румынии от «русских» родителей, мать из Киева, отец из Василько по фамилии Бобок! Вероятно, Еврейка, но красоты изумительной, foudroyante¹⁰. Высокая, матово-бледная, с черными кудрями, черными очами, мелкими, совсем не еврейскими чертами лица. Что-то непонятное в ее красоте. Она доверчива, как дитя. Ей 22 года. 3 года была замужем за греком, и узнав, что он в связи с актрисой, которая в ее отсутствие поганила ее дом, в одну ночь третьего дня покинула мужа, убежала в Пирей и едет в Marseille прямо в нищету от богача мужа. Она ловка на шляпы, у нее есть сестра в Marseille, у которой магазин шляп, и она хочет либо у нее, если примет, либо у другой модистки устроиться *comme première*¹¹, у нее есть 2000 фр. и на ней и в ее чемоданчике несколько остатков прежнего величия, поэтому она одета вся в шелку, но ничего нужного не взяла с собою. Всё это правда, потому что она давала мне читать письма ее гречишки, написанные в течение 6-ти месяцев ее отсутствия (он ее всё уговаривал пожить у родителей и не возвращаться к нему пока *rien rien*¹² <так!> он не продаст свое бюро и не переедет в Лондон). Стиль, *idée, bellezza, amore*¹³ и «*je suis vierge sans toi*»¹⁴, всё — Эрнесто¹⁵, до последнего штриха.

Пишу так подробно о ней потому, во-первых, что она страдает и мечется и всё совета просит у меня, так что меня это дело

близко волнует за бедняжку. Во-вторых потому, что это дело на-поминает до комичности и Шварсалона и Эрнесто. — Идем мы хорошо, но свежий ветерок против нас, так что не знаю, когда прибудем в Неаполь. Ты узнаешь до конца этого письма, через минуты 4 по часам, я же только через сутки. Смешно как-то. Капля, Доткин, будь памальчик¹⁶ и живи хорошо, если чувствуешь себя в силах, если нет, то не поднимай бремена неудобноносимые¹⁷ и приезжай в Женеву. Это я о здоровии и о тоске. Но очень прошу не тосковать, быть тототым, тототым матитом¹⁸.

Я нехорошо описала того актера. Он очень хороший паренек, любящий правду, простоту душевную, очень выговоренный тип и чистый. Вообще же труппа неинтересна. Есть еще один, совсем Беппе, наверное — комик. Бритый и двигающий всею кожей на лице и очень умный и учтивый парень.

8 ¾ вечера. В ожидании чая и спать.

Сегодня le jour des confidences¹⁹. Мой друг, курносый актер, сегодня возымел ко мне такое доверие, что рассказал мне роман своей жизни: он имеет одну жену, которую горяче любит и обожает своих детей, но жена не понимает его в его нравственных потребностях, т.е. в потребностях ума, и поэтому он полюбил другую женщину, которая, со своей стороны, имеет мужа ниже себя. Он любит их обеих и вдавался во всякие подробности своей психологии. Он славный парень, энтузиаст, дрейфузар <так!>²⁰, входит в огненный раж восторга, говоря о подвиге Зола²¹, и я с ним от всей души поговорила. Он очень деликатен и говорит, что моя беседа доставляет ему глубокую радость и он должен весь открыться передо мною. Кроме того, я в хороших отношениях с остальными артистами, а еще один господин решил вместе с моей соломенной вдовушкой, что я, должно быть, поэт, потому что такой особенной и distingué²² головы он никогда не видел. Видишь, у французов успех! Море было и есть беспокойное, многие больны, но это волнение еще не трогает меня. С одним актером я только что распевала Carmen на борту, глядя в фосфорические звезды в черных бороздах у корабля. Луна мутная. Увы, Мессину проедем в 3 часа ночи! Где красная Сицилия? Море оттого беспокойно, пока что мы проезжаем Бискайский залив. Завтра будет лучше. Звонок к чаю. Целую Дотика обожаемого. Всем существом с ним всегда. Каждый час знаю, что он делает, как бы сквозь, через его видение живу, татата.

8 час 17 Дек. в виду Стромболи²³.

Дотик, какой странный вулкан. Точно видение прямо на море, гладкий, прямо вздымающийся широким гигантским конусом. Говорят, он так опасен, что остров необитаем. Две колонны дыма над ним. Да, Мессину проехали в 3 часа ночи. Будем в Неаполе в 3 часа, не позже. Спала отлично, но с 6 встала ради Сицилии — и напрасно. Тотик, будь тихий счастливый матит и береги себя, татата, ради Бога, матавец. Господи, как жду первого письма, чтобы узнать твое настроение, жизнь моя Дотик матик.

2 часа. Нет, Дотик, в Неаполе будем в 5. Но ты узнаешь всё вместе: не стоит писать теперь. Всячески будем вовремя. Ну, Дотик, на всякий случай целую тебя, татата. И опущу это письмо в ящик на корабле, тогда скорее дойдет, говорят. Народ очень милый на корабле, и со мной всё ласковы и учтивы. Дотик, будь здоров, je te recommande le бórницек²⁴! Твоя Лила.

Конверт со штемпелем: Napoli. 18 <dec.> 1901. Афинский штемпель не сохранился.

¹ Наконец-то свершилось (*фр.*).

² Илиос — по-гречески солнце.

³ Габриэль Режан (Gabrielle Réjane; настоящее имя Gabrielle-Charlotte Rejeu, 1856—1920), знаменитая французская актриса. В 1906 г. основала собственный театр.

⁴ Автоматическая ручка.

⁵ Эфеб (*греч.*). — юноша старше 18 лет, внесенный в гражданские списки; после первого года воинской службы эфебы приносили клятву на верность государству. Гэба (Геба) — греческая богиня цветущей юности, дочь Зевса и Геры.

⁶ Сорт сладкой булки.

⁷ От *фр. mauve*, сиреневый. См. также п. 367.

⁸ Имеется в виду домашнее имя Иванова — Дотик.

⁹ На подражании детскому языку, который здесь и далее часто использует Зиновьева-Аннибал, — ножка. У Иванова со времени афинской болезни вследствие тромбоза вены отекала левая нога (см.: Интермедия (III) и п. 372).

¹⁰ Разительной (*фр.*).

¹¹ Модельершей (*фр.*).

¹² Мало-помалу (*ит.*).

¹³ Идея, красота, любовь (*фр., ит.*).

¹⁴ Я невинен без тебя (*фр.*).

¹⁵ Э. Басси, неаполитанский жених О. Никитиной, с которым Зиновьева-Аннибал виделась во время поездки. Описание визита и обсуждение его см. ниже во многих письмах 1901 и 1902 гг.

¹⁶ Очевидно, на «детском» языке — пай-мальчик.

¹⁷ Лк. 11: 46.

¹⁸ На том же «детском» языке, видимо, — хорошим, хорошим мальчиком.

¹⁹ День исповедей (*фр.*).

²⁰ То есть дрейфусар, сторонник невинности капитана Дрейфуса в знаменитом процессе, тянувшемся с 1894 до 1906 г., расколовшем Францию на два лагеря.

Дрейфус, еврей по национальности, был обвинен в шпионаже без достаточных на то оснований и приговорен к разжалованию и ссылке в Кайенну, но в конце концов, после многих выступлений общественности, был по суду оправдан.

²¹ Эмиль Золя (1842—1902), один из убежденных защитников Дрейфуса. После выступления под надолго ставшим символическим заглавием «J'accuse» («Я обвиняю») в 1898 г. был вынужден покинуть Францию.

²² Изысканной (*фр.*).

²³ Остров с постоянными вулканическими извержениями.

²⁴ Со своей стороны, я рекомендую сборничек (*фр.*, «детский» язык).

366. Зиновьева-Аннибал — Иванову 5/18 декабря 1901. Неаполь

Ora sempre

Телеграмма. Телеграфная помета: Napoli. 18.XII.01.

367. Иванов — Зиновьевой-Аннибал 5—7/18—20 декабря 1901. Афины

№ 3.

День 4.

Среда 18/5 Дек.

Милая радость, наконец есть телеграмма! Отчего вы запоздали? Разве не за твоим пароходом я следил в воскресенье, в 2 часа? Сегодня утром я был дома, как предполагал с вечера. Группировал свои материалы и проч. Но Фотини видела мою ажитацию и в утешение уверяла, что ты здесь, и подойдя к твоему портрету говорила: Καλημέρα 'ς, χαίρετε¹. Я не получал ни депеши, ни писем. В 2 часа был в хουρεϊόν²: Ангела не было; он пошел наверх и понес письмо (будто бы одно), лишь незадолго полученное, а телеграммы вовсе не было: так говорил его прикащик. Неуютно мне было, и с тяжелым духом пришлось сидеть в Институте, где я читал надписи и нашел очень интересные для [себя] своих целей вещи. К 5-ти опять у Ангела: телеграмма пришла! Подкрепившись пивом у Гульельмо, пошел ко всеобщей, и вот в 6 ½ дома и имею ласковый привет от Сережи и Маруси³. Сегодня — вопреки теории Фотини — мне впервые было сиротливо... Но совсем не в том дело — да теперь это и прошло, — а в том, что, кажется, необходимо начать *большие* Sammlungen⁴ для дионисических культов во *всем* их объеме и в *географическом* порядке: из различных огра-

ничений темы, как напр.: вопрос о λάθη⁵, вопрос о дионисических жертвах, Дионис и Артемида, и т.д., ничего не выходит. Все цепляется за все и требует всего... Не знаю, как дело устроится. — Вчера на сон грядущий почитал в постели la Joie de Vivre⁶. Мне нравится бойкая и меткая, мастерская манера Зола. — А с дионисизмом то же что с «публиканами»⁷. Man muss den ganzen Stoff beherrschen⁸, чтобы разработать хотя бы одну часть как следует. En somme, une mer à boire⁹.

— 9 часов. Ложусь в постель и буду читать гимны Каллимаха¹⁰... Как уютно было бы знать, что ты на месте и среди любви и ласок, а не где-то ночью в открытом море, дорогая любовь, бедная детка!

День 5.

Четверг 19/6.

Ночью спал худо. Einfälle¹¹ мешали, и я принялся их записывать. Конечно, не поэтические Einfälle — что мне поэзия? — а неожиданные точки зрения на предмет моих научных гаданий. Поэтому после лекции Вильгельма¹² и завтрака в «Гермесе», спал. А теперь сижу за письменным столом. Очень веселые эти чтения и комментирования камней; так думают, вероятно, все участники, потому что все пожелали чтобы следующие упражнения состоялись на второй день праздника. Сегодня англичанки показали, что также знают по-гречески. Дорогая детка, где ты, маленькая золотая пантерка, среди каких пучин? Гадаю, сидишь ли ты на палубе — погода все время хорошая и теплая у нас, — завязала ли знакомства (встретила интересных Французов? — в роде того колонизатора? — едва ли впрочем: Левант¹³ преобладает?), строчишь ли стилографом¹⁴ «Роман»? Жаль, что опоздание парохода портит «сюрприз» приезда. Как долго ты путешествуешь! В самом деле, верно даль легла между нами... Устала ли ты от плавания, — или же не больна, бодрa и отдыхаешь в корабельном плену? Сижу и гадаю.

9 час<ов> — Сейчас приносят телеграмму¹⁵. Как, разве ты уже в Марселе?.. Нет, опять из Неаполя, и от вчерашнего числа... Толком не понимаю, в чем дело. Наверху, в рубрике Remarks: ampliation¹⁶. Итак, это добавление ко вчерашней телеграмме [вероятно не]. Но адрес другой (вчера не было Ivanov): значит, ты подала эту телеграмму вчера вечером, а не чиновники ошиблись и теперь только сообщают конец... Но что такое ampliation? Разве можно дополнять телеграмму второй в тот же день, не платя отдельно за адрес или что-нибудь подобное?... Целая цепь длин-

ных, скучных и глупых соображений... * Смысл понятен: теперь только доставляют мне телеграмму [от вчерашнего], которую Радость хотела обрадовать меня еще вчера вечером и вместе известить, что она еще в Неаполе. Теперь передо мной три Orasempre. (Четвертое скрыто — в том, что бьется: оракул...) (Что это значит?). Целую, что светит: еще загадка. Благодарю. Orasempre... И вот окончательная загадка, в стихах¹⁷:

Ночью, от света зачавшей, тот выношен свет, что мне светит;
И что не греет светя, тем я без света согрет. —

Разгадай, Пантерка, разгадай-ка, те мудреные загадки разгадай-ка!

*День 6.
9 утра*

Пятница, 20/7 Дек<абря>

Остаюсь утром и завтракаю дома, в обществе Лулуки¹⁸, которая толкает меня и вероятно просит передать тебе ее лулуканье. Погода, кажется, портится: тепло но ветер воет; вероятно, Дерпфельдов¹⁹ Борей готовится к лекции. Вчера на ночь читал Dyer the Gods in Greece²⁰ — как раз подходящее перед сном чтение. Сейчас буду наполнять свои сходы²¹, начиная с Беотии и Эвбеи²².

9 вечера.

Ангел пришел и принес мне «Радуйся»²³... Радуюсь! Дома ж что за радость чрез час, два ли, настанет, Бог даст!²⁴

Как бы хотелось мне быть там и встретить тебя! Ты так уповательно приезжаешь из отлучек. Дай Бог, чтобы все было благополучно. Сегодня Сережа должен выехать из Лондона — и выезжает около этого времени.

Мой день: что муха в горшке с медом — сладким, липким, опасным, неисчерпным, — то и я в своей науке. Со всех сторон что-то открывается и зовет и обещает...

Был в Институте пополудни.

Леонидас плакал. Я подарил ему банку γάλα εὐρωπαικόν²⁵, и все были очень довольны. Он и голодноват (по признанию Фоти-ни), и зубы (мать это говорит) режутся.

* Все время читательница говорила: «дурак» или «ученый дурак». (Прим. Иванова.)

Спешу дочитывать Dyer'a (Studies of the Gods) — все же он очень полезен и на мысли наводит, — и Каллимаха: срок вышел.

Целую дорогую Любовь. Χαῖρε σύ, καὶ χαίρετε πάντες²⁶. Целую Верушку и Костю, за то, что заждались тебя, и Лильку, за то, что на тебя так похожа.

Твой В. ora e sempre.

У Фотины опять была дочь с коротким визитом.

Пожалуйста, передай мое почтение и сердечные приветствия Дмитрию Васильевичу и, когда будешь писать, твоей маме.

Поручаю письмо Ангелу, потому что завтра лекция Дерпфельда и, быть может, я останусь утром дома.

С нетерпением жду письма от тебя, с голодом по твоей речи. Четыре слова в 6 дней достаточны только чтобы не умереть.

Разбудишь ли ты сегодня детей? Они, вероятно, уже будут спать. Что-то привезешь ты Оле?

Как покажется тебе наша комнатка?

ΑΓΑΘΗ ΤΥΧΗ²⁷
ORA E SEMPRE.

Вставь мою Нику в рамку и повесь себе. — Каждый раз как я открываю шкаф, мне улыбается твоя новая блузочка mauve²⁸. Ты забыла ее — или оставила мне в утешение? И как ее лучше сохранять? Я бы хотел, чтобы ты была нарядной. Буду ждать известий фотографии. ORS²⁹

Конверт с неразборчивым афинским штемпелем, женеvский — 26.XII.01.

¹ Добрый день, будьте здоровы (новогреч.).

² Цирюльне (древнегреч./новогреч.).

³ Письмо от Замятниной — от 27—29 ноября / 11—13 декабря (так обозначено отправительницей!). См.: РГБ. Ф. 109. Карт. 19. Ед. хр. 13. Л. 11—13. Письмо от С.К. Шварсалона — от 15/2 XII.01 (РГБ. Ф. 109. Карт. 38. Ед. хр. 53. Л. 36—37).

⁴ Собирания (нем.).

⁵ Страстях, страданиях (древнегреч./новогреч.). Иванов, следуя Аристотелю, переводит это слово как «пассивные переживания». См.: II, 96.

⁶ «Радость жизни» — роман Э. Золя (1884), часть известного цикла романов «Ругон-Маккары» («Les Rougon-Macquart»).

⁷ Имеется в виду диссертация Иванова «De societatis vectigalium publicorum populi romani» (издана в 1910).

⁸ Надо владеть *всем* материалом (нем.). Слова Моммзена.

⁹ В общем, работы невпроворот (фр.). Вариация выражения «C'est la mer à boire». Дословно: «Надо выпить море».

¹⁰ Каллимах (310 до н.э. — 240 до н.э.) — один из наиболее прославленных авторов александрийской поэзии.

¹¹ Внезапно приходящие идеи (нем.).

¹² Адольф Вильгельм (Adolf Wilhelm; 1864—1950) — известный австрийский специалист по греческой палеографии.

¹³ Левант (от *фр.* Levant или *ит.* Levante — Восток) — общее название стран восточной части Средиземного моря (Сирия, Ливан, Египет, Турция, Греция и др.).

¹⁴ Автоматической ручкой (от *фр.* stylographe).

¹⁵ Телеграмма неизвестна.

¹⁶ Замечания: добавление, дополнение (*фр., англ.*).

¹⁷ Далее шел следующий текст, впоследствии вычеркнутый:

Ночью, от света зачавшей, тот выношен свет, что мне светит;
Светит не греючи то, что так согрело меня!..

Отгадку см. в п. 381.

¹⁸ Кличка кошки.

¹⁹ Вильгельм Дерпфельд (Wilhelm Dörpfeld; 1853—1940), немецкий археолог, в 1887—1911 первый секретарь Афинского отделения Германского археологического института.

²⁰ Имеется в виду книга: *Louis Dyer. Studies of the Gods in Greece at Certain Sanctuaries Recently Excavated.* London; New York, 1891.

²¹ От лат. scheda — полоска папируса, листок. Здесь имеются в виду записи на отдельных листках бумаги. Ср. в письме Иванова к И.М. Гревсу от 4/16 апреля 1893: «...прямо примитесь за развитие плана в деталях, за пересмотр Ваших схед и за составление отдельных глав» (История и поэзия. С. 47).

²² Беотия — область в Средней Греции. Эвбея — остров в Эгейском море, у побережья Балканского полуострова, с которым соединен мостом. Территория Греции.

²³ Видимо, подразумевается письмо от Л.Д. Здесь имеет место игра слов, т.к. «Радость» — неизменное обращение Иванова к Л.Д., а «Радуйся» — перевод греческого приветствия, которое либо начинает ее письмо, либо обозначает письмо как таковое.

²⁴ Обратим внимание, что абзац образует собой элегический дистих:

Ангел пришел и принес мне «Радуйся»... Радуюсь! Дома ж
Что за радость чрез час, два ли, настанет, Бог даст!

²⁵ Европейского молока (*новогреч.*).

²⁶ Будь здорова ты <сама>, и будьте все здоровы (*древнегреч. /новогреч.*).

²⁷ В добрый час (*древнегреч. /новогреч.*), ср. Quod felix fastumque (*лат.*): обычное начало греческих надписей, высеченных на камне. Иванов записывает пожелание прописными буквами, т.е. в привычном для эпитафического зачина начертании, но помещает его в конце письма.

²⁸ Сиреновой (*фр.*). См. п. 362.

²⁹ Письмо заканчивается графическим символом, состоящим из явно читающихся латинских букв «O», «S» и «R» и обозначающим сокращение от «Ora e Sempre».

368. Зиновьева-Аннибал — Иванову 5—7 / 18—20 декабря 1901. Неаполь — Марсель

18 Дек. 1901

7 ½ утра. 4 день мужества.

Дотик, выезжаю к Эрнесто. Вследствие сильного ветра корабль не выйдет из порта до 12 час. дня. Значит, будет 24 часа опоздания. — 12 ч. дня. Вернулась и узнала, что корабль идет

только в 4 часа. Очень обидно. Знала бы то — успела бы побродить по знакомым местам. Ведь по дороге тягучей в Портичи¹ мимо кожевенного завода и казармы с 50-тью окнами и по улице бесконечной, бесконечной я имела странно сжатое сердце, и сладко, и мучительно было как-то. И вернулся тот день, когда я, рыдая, сходила с лестницы нашего дома, чтобы ехать в Лондон, в страшно близкий душе Лондон, и несла в себе свою девочку... и с тех пор жизнь — как бурный путь через море с пересадками в восточных гаванях и с видением Храма Гроба Господня и Иерусалимской пустыне <так!> — как кормчие звезды над судном... всегда... Но молчу: покорность, покорность, доверие.

Дотик, что я скажу об Эрнесто? Пришла через один из прекрасных порталов Palazzo Reale² в мрачно великолепный двор с крытой галереей из больших, высоких арок. Встретил меня возле входа с того двора, входа грязного, совсем итальянского, маленький, на вид испитой человек с болящими, красными веками над серыми глазками и объявился Bassi и просил говорить с ним на дворе, потому что все спят, так как работают поздно ночью, было 8 ½ часов. Оказалось, что это брат Эрнесто младший — Гвидо. Он по моему настоянию позвал сестру, потом пришла другая сестра (их две) и наконец сам. Беседовали, стоя во дворе у входа в здание. Мать, отца и квартиру не показал, очень извиняясь за это. Лицем Эрнесто скорее симпатичен, тонок, нервен и очень серьезный и с характером. Повторял всё, что столько раз писал вплоть до *riano riano*. Против Ольгиного приезда в Неаполь на свидание очень возражает, и сестра очевидно скандализирована. Он говорит: «Я хочу, чтобы она приезжала в мой дом, ко мне, а не в чужие комнаты», *non è uso*³.

Он говорит: я ее люблю, как любил, но звал ее раньше, чем захворал мой отец и лишился места. Теперь на мне вся семья, и сестры еще не замужем, и я один работник. У меня работы очень много, потому что я специалист, и все товарищу <так!> несут мне лучшую работу, и я зарабатываю много, но не хватит мне на то, чтобы нанять еще комнату и содержать жену, я же знаю, что Ольга в доме господ не привыкла к нужде, и я не хочу, чтобы она нуждалась со мною. Она должна довериться мне и терпеливо ждать. Моему отцу лучше, скоро он будет искать места, тогда я могу жениться. Прецизировать⁴ срока он не мог, и когда я сказала: как же вы думаете, в течение этого года вы устроитесь, чтобы жениться, он сказал: «*Io spero durante l'anno 1 9 0 2*»⁵, и дважды повто-

рил: 1 9 0 2, чтобы я не поймала его на слове *in questo anno*⁶. Он необыкновенно твердо знает, что ему нужно, и относится к Ольге с легким презрением за ее неразумность и недоверие. Про нее он сказал еще: «Я не верил, что она ушла от вас, и не верю. И отца у нее нет, и матери нет. Она не посылает мне фотографию отца. — Когда она написала мне, что приедет прошлую осень, ответил ей, как теперь вам говорю, и сказал еще, что я мог бы лучше устроиться, если бы у нее (он прямо сказал мн<е> это) были деньги, чтобы открыть магазин, так как у него работы столько, что магазин пошел бы отлично, но она не хотела делать, как он ей советовал, т.е. откладывать и копить зарабатываемые деньги, а отвечала мне: надо руки и любовь, а денег не нужно (здесь он презрительно, вернее, сожалительно слегка пожал плечами). Когда же я намекал ей, что хочу занять *in piazza*⁷ денег и потом выплачивать, она ответила: “*Tu prenderai denaro e come pagare dopo? non potrai!*”⁸ Я послушался ее, и не стал занимать, сказал себе и ей: “*Vene, guardiamo a far altro*”⁹. Теперь только что он заменял товарища на поезде по Адриатической линии, и вернулся два дня тому назад, и работал <1 нрзб>, очень устал. Не знаю, от того ли или от чего другого у него был вид человека, много и долго пившего и истощенного, или же очень малокровного. Что же я могла из всего понять? Или что он серьезный и очень хороший человек, очень симпатичный, который может составить счастье Ольги, или он очень хитрый человек, который рассуждает так: ждать он будет спокойно и тянуть переписку, терять ему нечего, а выиграть может, если в конце концов Оля принесет-таки ему несколько сот франков. Вот что и вышло, *und bin nicht weiter wie zuvor*¹⁰.

Теперь слушай другое. Здесь такая комедия идет, что ввек не видела. Нельзя рассказать: слишком подробно. Я нахожусь в дурном обществе, действительно в дурном обществе, в обществе *des artistes*¹¹. О Боже, какое счастье, что мне не удалось попасть в действительности в этот ужасный мир. Вчера я сначала на минуту огорчилась, а в конце концов хохотала про себя, потому что был просто театр: я села между одной дамой, казавшейся симпатичной и серьезной <?> и одним господином. Господин выбирает секунду, тянет меня за рукав и шепчет: «*Prenez garde de cette femme: elle vous pésera!*»¹² И через секунду она шепчет в другое ухо: «*Prenez garde de ce monsieur il est un fruit <?>, mais on ne peut pas se fui<r> à lui!*»¹³ Не театр!

Я молчу и удаляюсь от всех и осторожна теперь, но не резко, как я и всегда делаю, знаешь. Но мне ведь ни *cette femme ni cet homme*¹⁴ не могут ничего сделать!

4 часа.

Знаешь, Тутик, я хочу отослать это письмо из Неаполя и попытаюсь. Вчера я отослала тебе длинное, в 14 стр<аниц> письмо и телеграмму: «*Orasempre*». Но все это на авось, с одним французом, очень милым на вид. Дошло ли всё?

Целую, обожаю. Твоя Лила.

10 ч. утра. 5-й день мужества.

19 Дек. У берегов Ольбы <?>¹⁵

Дотик, не удалось отослать письмо. Читай конец вчерашнего дня наверху 8-й страницы. Я не успела тебе рассказать, как прекрасен был въезд в Неаполь. Это была незабвенная красота. Когда мы стали близиться к земле, часов в 4 <так!>, ветер усилился. Море стало черносинее с белыми мчащимися повсюду гребнями волн. На небе неслись, сменяясь, тучи, и мгновениями их пронизывало лучом серебряно<е> солнце. Справа появился берег Салерно, совсем близко от нас, так что каждый грот, каждая скала, каждый гордый, причудливый излом круч был ясно виден. И какие удивительные скалы, как-то роскошно нагроможденные <так!>. Слева появился Капри, высокий, неприступный, легкий, просветленный даже вблизи, так нежны светло-серые откосы <?> его утесов. Потом направо явился Соренто <так!>. И мне оно меньше понравилось, нежели Салерно. Нет того величия и той роскоши, той невероятности прекрасных линий.

12 час. Позвали в 10 ½ к завтраку. Детка моя родная, думаю о тебе ежечасно, постоянно вспоминаю, что ты делаешь в это мгновение. Вчера часов в 10 вечера сидела на палубе и следила за морем, озаренным месяцем. Я месяц уже ярко светящий четвертью круга увидела с правой стороны часов в 8, и тотчас подумала, не взглянул ли ты на него в то же мгновение, пройдясь со двора своего за калитку к обрыву. А теперь в это минуты <так!> ты идешь с лекции Wilhelm'a. Но не знаю, где ты решил завтракать и куда дальше следовать за тобою: к Sintagm'e или навехр, в Pineta.

Мимо берега Корсики. Только что пробежалась через весь корабль вдогонку за смешной маленькой 7-летней актрисой. Погода туманная, море рябит серебристо-синее.

20. 6-й день. 7 ч. утра. Гавань Marseille.

Приехали. Было сильное волнение, все были больны. Я — нет. Должна кончать. Кончаю жарким поцелуем. Татéвец будь спокоен. Тоскливо.

Лидия.

Сохрани марки и пришли.

9 часов. Я ошиблась, Дотик, мы стоим с 6 часов в защите каких-то тоскливых белесоватых островов за 20 минут от Marseille. И проходит ветер<инарный> доктор, какие-то формальности. Ничто не движется. Туман белый окутал море и небо. Ничего не видно, ничего нельзя понять. Все поезда уйдут без нас, и придется тащиться с омнибусом всю ночь и быть в Женеве лишь в Субботу. Ужасно тоскливо, даже сердце щемит. Люди, французики вокруг, такие крошечки, бедненькие, такие эфемерные в буквальном смысле греч<еские> слова со всеми грязными страстишками мужчин и голодными обманами женщин. Грязь жалкая. Целый урок жизни <?>. О, Эритра <?>¹⁶, как ты странно божественна перед этими людьми. Да будет благословен святой Огонь, возносящий дух над мутью тумана, над белесоватыми островами, над бедными, столь жалкими, даже до невинности дрянными людишками. Всё была ложь, что я писала тебе и о моей спутнице в первом письме из Неаполя. Она грязнейшая и бессердечная уличная девка. Приятно, не правда ли, d'être exposé à voyage en deux avec une fille publique d'un mauvaise espèce: «une longue juive»¹⁷. Здесь были на палубе грязнейшие и шумные скандалы. В I-м классе едет несколько французских dames du monde¹⁸. И у каждой на лице написано: «Продаюсь!» Бело-серые острова, бело-зеленоватое море, белое, мягкое небо, белые чайки тяжело и редко пролетают, и на недвижимом корабле копошатся два по́ла, низких, однодневных человечков, жеманясь и грассируя. Целую матита дорожного. Твоя всегда, ежесекундно

Лидия

2 ½ ч. вокзал. Marseille

Милый Славинька, т.к. обещала быть во всем откровенной, то и сознаюсь, что мне очень стало плохо. Здесь на вокзале надо ждать до 4-х. Домой попаду только завтра в 11 ч., и придется короткую ночь с 11 ½ до 7 переночевать в Lyon. Но, увы, смотреть ничего не могу. Сегодня льет дождь, и идти нет возможности, и энергия моя вдруг упала. Не забудь, Дотик, что уже следующая

моя записка может быть веселою и бодрою, и поэтому не огорчайся эту, но ты неверно напророчил мне, что я буду полдороги скучать по тебе, а затем буду рваться в Женеву. Я же теперь лишь, когда с корабля сошла, то страстно вся зарвалась назад. Сейчас с восторгом бы села на второй <?> пароход назад к тебе. Тоска по тебе у меня, и к тоске прибавляется страх, страх мгновениями схватывающий <?> сердце, так больно, так сильно, что не дает дышать. Ужас какой-то потерять тебя. Дотик, не могу жить, если ты не будешь больше. Дотик, береги себя и пиши мне всю правду. Работай, Дотя, хорошо, а если не можешь, то приезжай сюда. Бог с тобой, Дотик, будь Памацик. Я уж постараюсь как-нибудь, если ты хорошо учишься. Нельзя свою жизнь тебе портить. Конечно, ты многое успеешь хорошее сделать в Афинах, если Бог даст. Буду стараться и я, Дотик. Только бы ты здоров был. О, Бога ради, берегись и простуды, и всякой опасности. Как они здесь говорят, я ничего не понимаю. Послала телеграмму: Radouisia!¹⁹, чтобы ты был умник.

Лила*.

¹ Город недалеко от Неаполя.

² Известное здание XVII века в Неаполе.

³ Так не принято (*ит.*).

⁴ От *фр.* *préciser*, уточнять.

⁵ Я надеюсь, в 1902 году (*ит.*).

⁶ В каком году (*ит.*).

⁷ На площади (*ит.*). Имеется в виду рыночная площадь или площадка, где ведется биржевая торговля.

⁸ Ты возьмешь деньги, а как будешь отдавать? Так нельзя (*ит.*).

⁹ Хорошо, попробуем по-другому (*ит.*).

¹⁰ И я не пошел дальше, чем был прежде (*нем.*). Переиначенная цитата из первого монолога Фауста, где читается: «Und bin so klug als wie zuvor» («И я так же умен, как и раньше»). В переводе Б.Л. Пастернака: «Однако я при этом всем / Был и остался дураком».

¹¹ Артистов (*фр.*).

¹² Берегитесь этой женщины, она будет давить на вас (*фр.*).

¹³ Берегитесь этого господина, он фрукт <?>, но от него невозможно убежать (*фр.*).

¹⁴ Эта женщина... этот мужчина (*фр.*).

¹⁵ Вероятно, имеется в виду город Ольбия на Сардинии.

¹⁶ Эритра (Эритрея) — город на ионийском побережье Греции.

¹⁷ Путешествовать вдвоем с публичной девицей дурного рода: «долгая еврейка» (*фр.*).

¹⁸ Дам света (*фр.*).

¹⁹ Этой транслитерированной телеграммы среди сохранившихся писем не обнаружено.

* Поверх текста письма написано: «Текст телеграммы: Arrivée».

369. Иванов — Зиновьевой-Аннибал
8—10/21—23 декабря 1901. Афины

№ 4

День 7

Суббота 21/8 Дек.

Около 11 веч<ера>

Видишь, как поздно? Ждал Ангела и волновался немало. Ни писем, ни телеграммы весь день не было. Пришел Ангел и принес. Говорит: в 6 ч<асов> получил и то и другое. Что он, врет, что ли? Я ему твержу, что очевидно почтальоны беспорядочны, грожусь, что пойду на почту. Он говорит: идите к директору. Спасибо, дорогая детка. Я теперь успокоен, зная что ты в Женеве. От тебя имею δελτάριον¹ пирейский: почему он-то пришел только сегодня? Необъяснимо! Очевидно, потому что адрес французский и что [в Афинах] его отложили спокойно до ближайшей иностранной почты. Или здесь Ангел виноват? Скорее!... Постучался к Ангелу. Так и есть! Говорит, что это он не разобрал в чем дело. Думал, что письмо *английское*, у него есть «un ami anglais»² ... Вот и делай что хочешь. Телегр<амма> помечена: 1 ч. 5 минут. Пришла вечером. Утром он бы прислал немедленно. Я ему наказывал строго. А вечером — как требовать? Остается поклониться Адрас-тее³, воплощенной в таком любезном явлении, как Ангел.

Сегодня в Институте не был, а только на Акрополе. Дерпфельд Парфенон бросил, а объяснял — очень интересно — старый храм Афины (ἀρχαῖον ναόν⁴) и часть Эрехфиона⁵. —

Вечером опять послышались взволнованные голоса и разговоры про θεολογία⁶, и Фотини заявила мне, что в городе опять λόγεις⁷, поднятый студентами специально богословского факультета — θεολόγοι⁸.

Имею письмецо от милого, внимательного Сережи и от простуженной и прокисшей Маруськи⁹.

Твое ожидаемое (по моей глупости) из Неаполя, конечно, прийти сюда еще не могло.

Целую твое телеграфическое словечко.

Твой —————.

Забыл вчера написать, что, благодаря меня за молоко, Родофея — не то просила кланяться, не то желала всякого добра (не разобрал я) — и тебе, и παιδάκια¹⁰.

P.S. Только что перечитав весь текст телеграммы целиком, с негодованием открыл einen himmelschreienden Doppelsinn¹¹. Она формулирована: Gonimos 30 Stade Athènes.... и то словечко!..¹²

День 8

Воскресенье 22/9 <декабря 1901>

б ч<сов> веч<ера>.

Ветер хочет снести ангельский домик с горы. "Ανεμος πολὺ δυνατός, πολὺ σφοδρός¹³, — твердит Фотини; τρομερός¹⁴, — подкиваю я. Но это Νότος¹⁵, и очень тепло. Что делается у вас? Сережа приехал, и радость в доме, и радуются все друг на друга, и оба приезжих в центре мира?.. Как обидно не иметь скорых сношений!

До часа почти в Институте. Потом, за завтраком, беседа с Леоном: ἔφθασε ἡ κυρία¹⁶. Он сегодня хочет писать тебе письмо. Осведомился еще, учится ли Сережа по-гречески. Кажется, основная идея послания будет: βρέχει¹⁷, — сообщение, хотя и post eventum¹⁸, но все же исходящее от самого προφήτης Ἡλίας <так!>¹⁹.

Πόλεμος²⁰, кажется, успокоится, вследствие неединодушия студентов*: οἱ φοιτηταὶ φιλόλογοι καὶ φαρμακευταὶ θ' ἀπόσχωσι πάσης ἐνεργείας, θεωροῦντες τὸ περὶ τῆς μεταφράσεως τοῦ ἱεροῦ Εὐαγγελίου ζήτημα ἐντελῶς λήξαν (λελυμένον)²¹.

Студенты подговаривали и ремесленные корпорации к участию в протестах, но их председател<и> (προέδροι, <так!>²², — и Ангел также, по словам Фотини, πρόεδρος²³) заявили: δηλοῦμεν ὅτι θά** ἀπόσχωμεν τῆς συναιθροίσεως καὶ συμμετοχῆς εἰς τὰς ἐνεργείας τῶν κυρίων φοιτητῶν²⁴. Теперь правительство разыскивает и конфискует повсюду экземпляры перевода. Министр ездил с этой целью в Арсакион²⁵. Γελοῖα πράγματα²⁶.

Завтра, в 5 ч<асов>, заседание в Институте: реферат Дерпфельда о его раскопках в Левкаде и какого-то грека об острове Θερμιά²⁷. Первый очень интересен.

Вчера Дерпфельд сообщил открытие Шрадера²⁸, еще не опубликованное и имеющее une très grande portée²⁹. Отсюда мораль: не судите по лицу, а судите судом праведным. Он (вероятно из скромности) на лекцию не пришел.

* Поймет ли Сережа, например, такую газетную фразу? (Прим. Иванова.)

** Объясни Сереже θά <глагольная частица, неперенный атрибут будущего времени и сослагательного наклонения в новогреческом языке>. Тогда πιστεύω ὅτι θά καταλάβῃ πάντα ὅσα ἔγραψα <я верю, что ты поймешь все, что я написал (новогреч.)>. (Прим. Иванова.)

Вчера со мной заговорил Англичанин, известный нам под кличкой «Норвежца». Он показывал Дерпфельду в Эрехтейоне рогаткоподобную неровность в скале, принимаемую неким Нильсоном, его знакомым англичанином, за отпечаток Посидонова трезубца, которым Посидон, как известно, ударил по земле в споре с Афиной. Дерпфельду Нильсон уже раньше докладывал это наблюдение и теперь написал о нем статью в «Journal of Hellenic Studies»³⁰. Д<ерпфельд> относится к открытию отрицательно. Место, где Посидон ударил по скале, было предметом культа и находилось по Дерпф<ельду> под большим портиком (где чудесная дверь), а Нильсон нашел свою рогатку внутри храма. Я признался «Норвежцу», что мне не кажется открытие очень вероятным и, главное, — след достаточно определенным, но что нужно прочесть самую статью. На что тот заметил, что Нильсон очень держится за свое открытие и что английская статья появится и в переводе... La glace est rompue!³¹

А Виламовиц³² антиципировал³³, как я увидел сегодня в новой работе, одно мое наблюдение, к которому я сам относился слишком робко. Я очень этим обрадован.

Штудирую теперь эту работу (Textgeschichte der griech<ischen> Lyriker³⁴). И в центре моей жизни — герой Тезей (или вернее Фесей) и великолепный тиран Писистрат³⁵.....

Льет ливня дождь... Попробовала ли ты уже свой голос?

Вчера, когда все случаем ушли, я имел приятный tête-à-tête — с Леонидасом. Очи у него как звезды, и милая улыбка.

После ужина Фотини приносит мне кофе на бюро, за которым я сижу. Перед твоим портретом стоит снигирек <так!>. — Как мне хотелось бы заглянуть к вам! —

День 9, 4 час<a>.

Понед. 23/10

Солнечная хорошая погода. Хотел было сегодня два раза сходить в город: утром и на заседание, — да поленился и иду только теперь.

Утром был в λειῶσαι³⁶ в течение часа и любовался видом с «променады», и читал, где много <?> раз сидели. Работы много домашней, но работал-то я не много, а после яичницы и βασον'а с χαφές ελληνικός³⁷ — спал. Сейчас зайду на почту спросить о деньгах. Это промозглая Марусенька не благоволит высылать ни га-

зет, ни тетрадок, которые мне очень нужны. Я думаю, она опять как-нибудь ухитрится озорничать и что-нибудь доказывает. И вообще θέλει ξύλα³⁸ ... По поводу трубочки, не ей адресованной³⁹, она сочла необходимым отозваться (точно ее спрашивали!) — что ей, дескать, очень приятно, а вместе и неприятно, и что лучше, чтобы трубочки не было вовсе, а раз что есть, то очень опять-таки приятно, что есть... Дьявол не разберет логики половинчатых и озирающихся существ. *Озорка* она и *озорница* вместе <?>... И чему позавидовала? Моей трубочке!

Вот еще ее каверза: перед тем, как писать мне, она «*простудилась*» и, понятно, прокисла; а кончая письмо, восклицает: «вот я и выздоровела — как рукой сняло!»..

Целую. O.S.⁴⁰

9 час<ов> веч<ера>

Как это невыносимо, что нет писем... От тебя имею после Пирея только телеграммы. Конечно, этим надо быть довольным. Но люди балуются. И все же тяжело жить при таких сношениях.

Возвращался из Института при ясной луне по верхней тропинке; красиво было глядеть на Афины, но немного туманно. Заседание было такое праздничное, вся зала библиотеки полна. Все выползли, как напр<имер> человек непроизвольно<го> движения. Дерпфельд любезно встречал. Я беседовал с Шиффом⁴¹. Моя болезнь и ему была известна. Теперь я, по его мнению, *sehe so dick, ganz brillant aus*⁴². Можешь радоваться. *Ich beschäftige mich jetzt mehr mit den griechischen Dingen*, — говорю ему. — *Ja, ich auch...*⁴³ Хороши оба. Спрашивал об Александрии, о Мюнцере⁴⁴: с ним он переписывает<ся> редко. Теперь едет в Берлин. Нужно было послать поклон Гиршфельду, — да я этого не сделал...

Д<ерпфельд> рассказывал о своих раскопках. Вероятие в его пользу есть, и, кроме того, ему удалось найти черепки, соответствующие древнейшему периоду Трои. Раскопки будут продолжаться в Марте.

Все время нас забавлял волшебным фонарем, показывавшим восхитительные пейзажи. Этот фонарь привлек на заседание и Дерпфельдова сынишку, хорошенького, с умными глазками мальчугана, который сидел за колонной на шкапике (поясном). —

Получил 200 фр<анков>. Поблагодари за них от меня моего друга — Марию Замятнину. —

Несомненно, та хорошенькая девочка, что тебя приводила в негодование своим легкомыслием на лекции Дерпфельда, — я, впрочем, хорошо не знаю, кто тебя приводил в негодование, — есть его дочь. Она приходит за отцом на Акрополь к концу лекции и сегодня была на заседании, как и его худошавая жена. Καληνύχτα, ζωή μου!⁴⁵

День 10

Утро

Спешу. Целую Радость.

В.

Конверт со штемпелями: Афины. 11 дек. 1901 — Женева. 28.XII.01.

¹ Почтовую открытку (*новогреч.*).

² Английский друг (*фр.*).

³ Адрастея — богиня возмездия, отождествлявшаяся в греческой мифологии с Немесидой. К стихотворению «Красота» («Кормчие звезды») Иванов дает следующее примечание: «По стоикам и орфикам, Адрастея — неизбежная, неотвратимая Судьба, мировая Необходимость».

⁴ Старый храм (*древнегреч. /новогреч.*).

⁵ Эрехфион (Эрехтейон, Эрехфейон) — храм Афины и Посейдона-Эрехтея на Акрополе в Афинах.

⁶ Богословие (*новогреч.*). Об имеющихся здесь и далее в виду столкновениях Зиновьева-Аннибал подробно писала М.М. Замятниной (см.: Интермедия (III)).

⁷ Война (*древнегреч. /новогреч.*).

⁸ Богословы (*новогреч.*).

⁹ Письмо от М.М. Замятниной среди ее писем к Иванову того времени (РГБ. Ф. 109. Карг. 19. Ед. хр. 13) не сохранилось. Письмо от С.К. Шварсалона, если не имеется в виду упомянутое в предыдущем письме (п. 367, прим. 3), также не сохранилось.

¹⁰ Детям, ребятишкам (*новогреч.*).

¹¹ Кричащую двусмысленность (*нем.*).

¹² Слово, которое Иванов не цитирует, — *orasempre*. Таким образом, получается, что тайное обращение друг к другу оказывается отнесено к совсем чуждому человеку.

¹³ Ветер очень сильный, очень крепкий (*новогреч.*).

¹⁴ Ужасный (*новогреч.*).

¹⁵ Нот, южный ветер (*новогреч.*).

¹⁶ Доехала <ли> госпожа? (*новогреч.*). Об официанте Леонарде и его претензиях на функцию пророка, предсказывающего погоду, см. в письме Замятниной к Зиновьевой-Аннибал (Интермедия (IV)).

¹⁷ Идет дождь (*древнегреч. /новогреч.*).

¹⁸ После события (*лат.*).

¹⁹ Пророка Ильи (*греч.*). НВ. Имя пророка написано с густым придыханием.

²⁰ Война (*древнегреч. /новогреч.*).

²¹ Студенты-филологи и фармацевты, считающие вопрос о переводе Святого Евангелия до конца выясненным (разрешенным), воздержатся от всякой деятельности (*новогреч. каф.*).

²² Председатели <совета> (*древнегреч./новогреч.*). NB. У Иванова ударение на втором слоге от конца (ожидаем: на третьем слоге от конца).

²³ Председатель <совета> (*древнегреч./новогреч.*).

²⁴ Мы заявляем, что воздержимся от присоединения и вмешательства в действия господ студентов (*новогреч. каф.*).

²⁵ Видимо, имеется в виду здание суда в Афинах.

²⁶ Веселые дела (*древнегреч./новогреч.*).

²⁷ Фермия (или Кифнос) — один из Кикладских островов.

²⁸ Ганс Шрадер (Hans Schrader, 1869—1948) — немецкий археолог, с 1901 г. второй секретарь Немецкого археологического института в Афинах. О его открытиях того времени см.: *Bosanquet R.C., Tod M.N. Archaeology in Greece, 1901—1902 // Journal of Hellenic Studies. 1902. Т. 22. Р. 389—390.*

²⁹ Очень большое значение (*фр.*).

³⁰ См.: *Nilsson Martin P. The Σχῆμα Τριάντης in the Erechtheion // The Journal of Hellenic Studies. 1901. Т. 21. Р. 325—333.*

³¹ Сделан первый шаг (*фр.*). Дословно: «Лед сломан».

³² Ульрих фон Виламовиц-Мёллендорф. Первое упоминание о нем см. в п. 218.

³³ От *lat. anticipare*, предвосхищать.

³⁴ Ulrich von Wilamowitz-Moellendorf. *Die Textgeschichte der griechischen Lyriker. Berlin, 1900.*

³⁵ Тезей (Theseus, т.е. может транскрибироваться и как Фесей) — мифический герой, совершивший многие подвиги (в т.ч. одержавший победу над Минотавром и выбравшийся после этого из лабиринта). Писистрат (ок. 600 — 528 до н.э.), афинский тиран. В упомянутой в предыдущем примечании книге Виламовиц-Мёллендорфа Тезей и Писистрат не упоминаются вместе. Но в свое время царство Писистрата рассматривалось как золотой век, и именно в это время был создан идеал Тезея как мощного защитника народа. На эту связь указано в книге известного историка Э. Мейера, на которого В.И. многократно ссылается: *Eduard Meyer. Geschichte des Altertums. Stuttgart, 1893. Bd. 3. S. 775.* В статье «О русской идее» В.И. сам указывает на кажущееся противоречие: «великий реформатор эллинской религии — Писистрат — является учредителем мистерий и запоминается народу только как тиран» (III, 329—330).

³⁶ Сосновый лес (*древнегреч./новогреч.*).

³⁷ Греческий кофе (*новогреч.*). NB. У Иванова первое слово с острым ударением (по строгим правилам ожидаем: тупое).

³⁸ Хочет дров (*новогреч.*). Неизвестное нам выражение.

³⁹ Судя по всему, Иванов послал в каком-то из своих писем детям рисунок трубки, которую он начал курить. См. письмо К.К. Шварсалона (п. 378, прим. 11).

⁴⁰ *Ora e sempre.*

⁴¹ Альфред Шифф (Alfred Schiff; 1863—1939) — археолог, учился в Гейдельберге, Страсбурге и начиная с 1887 г. в Берлине, где с ним познакомился Иванов. Затем он провел долгое время в Немецком археологическом институте и в Риме и в Афинах и участвовал в раскопках в Греции и Египте. Во время встречи с Ивановым в Афинах Шифф еще не написал диссертацию (она была сдана лишь в 1905 г. в Росток с посвящением памяти Моммзена). Однако по совету Дерпфельда он уже в 1900 г. стал членом Немецкого археологического института в Афинах. О его роли в качестве специалиста по истории олимпиады см.: *Lehmann Stefan. «Sport der Hellenen» — die Berliner Ausstellung von 1936 und der jüdische Archäologe Alfred Schiff (1863—1939) //*

Stadion: Internationale Zeitschrift für Geschichte des Sports XXIX (2003), P. 199—220. В статье приводится крайне интересная переписка 1938—1939 гг. Шиффа с Дерпфельдом.

⁴² Так поправился, отлично выгляжу (*нем.*).

⁴³ «Я занимаюсь теперь больше греческими делами», — говорю ему. — «Да, я тоже» (*нем.*).

⁴⁴ Фредерик Герман Мюнцер (Frederick Hermann Münzer; 1868—1942), немецкий ученый-классик; учился в Берлине вместе с Ивановым. Упоминается в «Автобиографическом письме» как один «из более зрелых учеников», с которыми Моммзен «заводил серьезнейшие и опаснейшие диспуты» (II, 17).

⁴⁵ Доброй ночи, жизнь моя! (*новогреч.*)

370. Зиновьева-Аннибал — Иванову 9 / 22 декабря 1901. Базель-Женева

6-й д<ень> м<ужества>. 8 ч. утра. Поезд.

Сцена: Вокруг снег, всё бело, серые деревья сердито думают <?>, горы пегие <?>, небо низкое, мутное. По трем углам моего compartment¹ по толстому господину и у каждого по газете.

Дотик, здравствуй, и смотри, не забывай подтягивать вверх штаны с колен, когда садишься. Что делать, Дотик, вот первое размышление, которое я имела, проснувшись от дремы в своем углу (ночевала в Лионе и выехала в 7) и бросив *soup d'œil*² на 3 пары штанов в 3-х углах. 2 пары протасканы <?> в коленях, а одна прекрасна, хотя не нова.

9 ч. ½. Через 2 часа буду в Женеве. Если бы я одна была затронута вопросом, вперед или назад, то крикнула бы всею душою: назад.

11 ч. Мчимся к Женеве. Рона мчится <?> рядом, зелено-серая. Сердце сжато. Я страдаю глубоко и остро. Боже, сохрани мне тебя, мое счастье единственное на земле, я одна въезжаю в страшный город.

22 дек. 8 день.*

Villa Java. Наша комнатка. 7 ч. утра. В постельке. Светает, но горит свеча.

Дотик, Татата, все мысли с тобою. Полегчало на душе, хотя просто получила еще вчера твое дорогое письмецо и из него поняла, что Дотик мой мужествует и трудится. Только не нашла

* Исправлено из: 7.

словечка о ббаничке³. Дотик, сделай усилие воли и отошли его. Он должен выйти весной <?>.

Сюда приехала вот как: не телеграфировала, поэтому никто не заметил даже, как я подъехала и вошла в дом, только Оля из окна уже во дворе меня заметила и от волнения выронила горшечек с гиацинтами, который для меня купила и украшала розовой бумагой. Моя комната полна цветов. Встреча не была шумная, потому что я была очень тиха и сдержанна. Но глубокая радость вошла в нас всех, только радость не полная, потому что всё, всё до последней картинки, до последней <нрзб> прикрепленной к стене (потому что у Маруси миллион маленьких удобств, изяществ и <нрзб> очаровательных <нрзб>). Ничто не кажется вполне <нрзб>* не радуется сердце полною радостью и является чувство обиды почти за них, за всех этих toutes ces bonnes et humbles choses qui sont là pour se donner entièrement et qui ne peuvent être prises par mon âme⁴ раздвоенной. Бедные дорогие детки. Верушка большая, высокая, здоровая девочка, вся сияет радостью и нежностью, Козля очень тих и мил**, мне кажется, что он положительно сделал успехи в умении сдерживаться. Он очень счастлив твоей попкой, хотя вначале твоего письма, еще не поняв, что попка куплена, очень огорчился тем, что его замысел был тебе выдан.

9-й день м<ужества>. Hall⁵. Маруся пишет тебе же рядом за столом, я на полотняном стуле, лежа. Вчера была в церкви с Марусей, несмотря на то, что пока я писала вчера тебе в постели, раздался стук у двери и на мой «entrez»⁶ влетел Сережа и бросился мне на шею, лопоча сквозь зубы les paroles tellement précipitées⁷, по-русски, что я ничего долго не понимала. Он вырос, но немного. |— — —| — вот приблизительная мерка с прошлого лета. Вера же почти с него ростом, и у нее мягкие груди, и вся она мягче, женственнее и обещает быть высокой, роскошной девушкой. Сережа и я, мы оба имеем чувство, что не расставались почти. Он плакал, прочитав твое прекрасное письмо к нему, и просит извиниться, что не отвечает: это оттого, что он спал до 8 ½ ч., а потом сменил у моей постели Олю, в свою очередь с 7 ½ прервавшую мое письмо к тебе, которое еще раньше, с 5 ½, прервало мой сон. Сережа и побеседовал со мной до 9 ½, после чего пошел брать ван-

* Угол листа залит маслом, что делает чернила нечитаемыми.

** Сверху вписано: 9-й день, 7 ч. утра, постель.

ну. Теперь о Лиле: она действительно прелестн<ая> девочка, и ко мне очень ласкова, и выросла. Вчера и третьего уж дня ходила к дедушке. Старик как всегда. Выглядит хорошо. Поварчивает, ничего про тебя не понимает, со стоном всё начинал: «Да зачем же ему там <?>... да как это...?» Но в общем ничего не понимает. Феской доволен, и она ему идет удивительно. Miss Blackw<ell>⁸ в тысячу раз лучше, чем на фотографии. Вчера показывала несколько картинок Палестины; но так, без подробностей, чтобы приготовить. Все жадно ждут обещанных систематических рассказов, для которых будет назначен час, удобный всем. Кристина⁹ очень милая, страшно робкая, молчаливая, недурненькая <?> круглолицая русская девушка, которая всем своим явлением приятна и родна. Дом совершенно очаровательный в своей безупречной чистоте и изяществе. Он весь полон, и все люди в нем милые. Дети же живые сокровища. В церкви вчера на меня нашел теплый мир и полнота благодарности. Хочу быть чистой, хочу быть доброй и глубокой, как текучая глубокая вода. Маруся, добрый гений самый бесконечно добрый и тихий. Да, у нас здесь рай, и всё ждет тебя, чтобы любовно отогреть, укутать. Погода теплая. После завтрака еду купить елку, потом не будет. И кое-что еще, с Марусей.

Милый, любимый, береги себя. Кушай и, главное, тоже ложись рано. Итак, ты не получил картолины из Пирея, я послала с корабля¹⁰?

Целую, обнимаю. Почта уходит. Бог с тобою, дитя.

Лидия.

Вера целует будет писать.

Оля кланяется очень.

¹ Купе (фр.).

² Взгляд (фр.).

³ Сборничке («детский язык»).

⁴ Все эти красивые и хрупкие вещи, которые находятся здесь, чтобы полностью отдаться, и которые не могут быть полностью приняты моей душой (фр.).

⁵ Зал (англ.).

⁶ Войдите (фр.).

⁷ Слова до такой степени стремительно (фр.).

⁸ Об этой англичанке, жившей на вилле Жава сравнительно недолго (см. далее в письмах о ее неожиданном отъезде), у нас нет практически никаких данных.

⁹ Имя ее разными людьми и в разных обстоятельствах пишется по-разному — то Кристина, то Христина. Мы сохраняем разноречие в написании.

¹⁰ Видимо, эта открытка не может быть отождествлена с п. 365 и должна считаться неразысканной.

371. Иванов — Зиновьевой-Аннибал
 11—12/24—25 декабря 1901. Афины

День 10

Вторн. 24/11 Дек.

Ich weiss nicht, was soll es bedeuten, dass ich so traurig bin¹.

Сегодня [вечером] за ужином приступ меланхолий, и на каждую редиску, и без того довольно посыпанную солью, падает из моих глаз соленая слеза.

Je n'aime pas ces attendrissements².

В эти мгновения вся жизнь утрачивает свои твердые, стойкие формы, весь мир звучит одним αἴλιον, αἴλιον³.

Ветер носится и стонет вокруг дома; сквозь него слышен постный звон. Тепло.

Нет, Лия не учительница, а умертвительница жизни. Жить учит Рахиль. Vita contemplativa⁴ — единственно жизнь. И кто любит, тот должен созерцать как те боги: «рука с рукой, с устами уста», — как те — «жертвы и боги», что держат в себе мир, глядя в глаза друг другу.

И в эту минуту — неожиданно — приносят твое письмо из Неаполя...

Фотини проникнута атавизмом идолопоклонничества. Она ставит перед твоим портретом снегиря и говорит: 'καφέ εἰς τὴν χυρίαν'⁵.

Спасибо, детка! Точно твой голос слышал — через телефон, что ли? Словечки ласковые, на твоём языке, со всеми тонкостями их произношения, помогают этому впечатлению и, так сказать, сенсуализируют письмо, всегда как-то отвлеченное...

Милая Радость, письмо пришло как раз вовремя, чтобы меня утешить. Ты не беспокойся меланхолией и пр. Δὲν λειοράξει!⁶ Я «тихий счастливый матит»⁷.

Правда, я утешен, но не очень радостен и теперь. Мы с тобой стали оба — и это почти совпадает с рождением твоего литературного юмора — как-то очень серьезные. «Боже, благослови людей, которые пытаются делать хорошо, как умеют, как понимают. Что мы понимаем? Почти ничего. Надо быть доверчивым и сильным»⁸.

Так нельзя быть радостным. Для радости нужны Übermut⁹ и иллюзия.

И так как я знаю, что мы типичны, сами не подозревая того, что мы типичны всегда, — то заключаю, что люди нашего време-

ни или поколения живут, как мои певцы голода, или вернее до смерти умерли, как они и все философы, по Платону:

Тобой лишь нам земные дни красны!
Ты, Вещий, жив: тобой живут надежды;
Тобой в ночи цветут нам веры сны.
Пожри слепцов: им сны сомкнули вежды!
И смерть твоей утратой лишь горька;
Зане Земля и Твердь — твои одежды¹⁰.

Читая твой рассказ о корабельных знакомых, я думал именно, что мы, о нашей всегдашней невольной типичности. «Поверьте, Дмитрий Александрович! Работа поколений — работа кораллов»¹¹...

Итак, за твоим пароходом я следил с Ликабета — из пинеты и из окна.

Как ты ярко описываешь несколькими словами!

Тебе правду сказали, что корабельное письмецо придет (почему — Бог весть) раньше; ибо я не отчаиваюсь получить еще и завтра как другое письмо от тебя, так и женевакское.

Сегодня и завтра я решил не ходить в Институт. Сегодня, наверное, убирают стулья после вчерашнего заседания или готовят свою елку. Но все утро шатался по разным Гермесам и Эолам¹², был в банке. Удовлетворил трех кредиторов — подумай! Именно: Гульельмо (с которым меня связывает теперь уже довольно тесная дружба), Маккаса (этого заочно) и шелковую женщину. Оказалось, что ей требовалось заплатить 20 драхм, а в моей дырявой памяти было 12... Все же дырявая память предпочтительнее дырявого кошелька.

Послал картолину к Новому Году Frau Dr. Löwenheim, по адресу Alt-Moabit¹³ просто. Дойдет ли?

Послал свою étrenne¹⁴ Гольштейнам: понравится ли?

Προφήτης¹⁵ — кажется, что он лживый пророк — уверяет, будто вчера приготовил тебе письмо и положил на стол в углу, где я накануне сидел, а посетители смяли и разорвали ἐπιτολήν¹⁶. Такая или подобная участь, как известно, часто постигала пророческие письма.

Что такое «Saghalien»? Сахалин?¹⁷ Peoples amis¹⁸, и франко-сахалинские симпатии?

Твой почерк, ductus¹⁹ твоих букв уже веселит меня. Напр<имер>, как хорошо написалось у тебя: «по фамилии Бобок», — и восклиц<ательный> знак!..

У меня сегодня елка... Угадай! — не угадаешь!.. Я *нашел* елку с детьми, в своем портфеле.

Твой «Капля Доткин» (вероятно, Еврей — прибавлю, как ты про свою Бобок).

День 11. утро

Фотини разрывается от бешенства и вопит, вопит: πατέρας! καλόγηρος! βρομοκαλόγηρος! Ἰησοῦτης! προδότης! κατάσκοπος! ὑποκριτής! т.е. батюшка! инок! Donnerwettermönch²⁰! иезуит! предатель! лазутчик! лицемер!.. и много, много других живописных эпитетов, которые ускользают от моего невежественного и тупого уха. Но Leitmotive²¹ я выписал и особенно три первых имени являются постоянным refrain'ом²². Сначала я думал, что все это относится к обитающему в нашем доме молодому папасу²³ (еще учащемуся в университете, но уже (καλόγηρος²⁴), которого Фотини характеризовала мне недавно: κακός²⁵ и διάβολος²⁶, — особенно потому, что он целомудренно фыркает и отворачивается при встрече с нею. Но потом слышу обвинения βρομοκαλόγηρος'а²⁷ в том, что он оклеветал Евгению. Из чего вывожу, что вероятно — реально или в воображении Фотини — ей явился образ истинного проδότης'а²⁸, того, которого ждала у нашей двери петля*. Она все еще не может успокоиться и все изрыгает свои: πατέρας! καλόγηρος! βρομοκαλόγηρο! ²⁹ отрывочными рыканиями.

Сейчас иду на почту, зайду к Гульельмо и к Ангелу, позавтракаю внизу и вернусь домой.

Твое письмецо на ночь положил у постели. Мне очень скучно без тебя.

В.

Что французы ближе всех к нам по умственной культуре, видно и из физиономически-правильной appréciation³⁰ твоего типа. Симпатичен их культ поэзии в поэтах.

* И притом в монашеской метаморфозе. Но как согласить с этим фразой: Νὰ φύγη ἀλεδῶ — ὀρίσται. А спросить объяснения (-ий?) еще боюсь. (Примеч. Иванова.)

Конверт со штемпелями: Афины. 12 дек. 1901 — Женева 29.XII.01.

¹ Начало знаменитого стихотворения Гейне «Лорелей» («Die Lorelei»): «Не знаю, что значит такое, / Что скорбью я смущен» (перевод А.А. Блока).

² Я не люблю этой растроганности (*фр.*).

³ «Жалобный плач, плач» (*древнегреч.*). Цитата из Эсхила («Агамемнон», 158—159).

⁴ Жизнь созерцательная (*ит.*). Иванов имеет в виду библейских героинь, Лию и Рахиль, жен Иакова, которые, начиная с философии неоплатоников, ассоциируются с двумя путями к Божественной истине, Жизнью деятельной и Жизнью созерцательной соответственно.

⁵ Кофе для госпожи (*новогреч.*).

⁶ Не имеет значения (*новогреч.*).

⁷ Отсылка к словам «детского языка» Зиновьевой-Аннибал в п. 365.

⁸ Источник цитаты не разыскан. По всей вероятности, она извлечена из романа Зиновьевой-Аннибал «Пламенники».

⁹ Самонадеянность (*нем.*).

¹⁰ Цитата из поэмы Иванова «Сфинкс» (I, 645).

¹¹ Источник цитаты не обнаружен.

¹² Видимо, имеются в виду греки. Эол — родоначальник и эпоним племени эолийцев. Гермес — бог торговли.

¹³ Улица в Берлине. По-видимому, Иванов не мог вспомнить номер дома.

¹⁴ Новогодний подарок (*фр.*). *Русск.* местоимение «свою», с одной стороны, согласуется с *фр.* «étienne» (женский род, единственное число), с другой стороны, стоит в винительном падеже как прямое дополнение глагола «послать». См. описание реакции Гольштейнов на эту посылку в п. 383.

¹⁵ Пророк (*греч.*). Речь идет об официанте Леонардасе.

¹⁶ Письмо, послание (*греч.*). Значение восходит к *новозаветному* языку и перешло в *новогреч.* Ср. «восход <звезды>» (*древнегреч.*).

¹⁷ Название парохода, на котором плыла Зиновьева-Аннибал. См. начало п. 361.

¹⁸ Дружественные народы (*фр.*).

¹⁹ Начертание (*лат.*).

²⁰ Проклятый монах (*нем.*).

²¹ Лейтмотивы (*нем.*).

²² Припевом (*фр.*).

²³ От *новогреч.* «πάπας/ παπάς» — поп; ср. «πάππας» — папа, батюшка (*древнегреч.*).

²⁴ Инок (*устар.*), монах (*новогреч.*).

²⁵ Плохой, гадкий, лукавый (*новогреч.*).

²⁶ Дьявол (*новогреч.*).

²⁷ Грохочущего монаха (*новогреч.*).

²⁸ Предателя (*древнегреч./новогреч.*).

²⁹ Батюшка! инок! грохочущий монах! (*новогреч.*)

³⁰ Оценки (*фр.*).

372. Иванов — Зиновьевой-Аннибал 12—15/25—28 декабря 1901. Афины

11-ый день

25/12 XII.

9 ч<асов> веч<ера>.

Любимая Радость! Ожидания мои обмануты. Письма, другого, от тебя нет; нет письма ни от Сережи (что понятно), ни из

Женевы (что свидетельствует уже о некотором обычном маленьком предательстве некоторой особы, премилой, впрочем, и о друзьях пренежно заботливой). Отчего от тебя нет другого письма из Неаполя, не понимаю¹. В Институте я, как уже писал, не был, по случаю европейского Рождества. Как-то вы его справили? Имели ли плумпуддинг²? Здесь сегодня сводный праздник: праздник иностранцев, рождение короля и — что Греки справляют особенно — праздник св. Спиридония. По этой последней причине Леонардо клевал носом и жаловался на последствия вчерашней ночи и выпитого лолу краси³; чем между прочим, извинял свою неисправность перед тобой — письма опять не было. Праздновали Греки, но не праздновала Фотини?. Пблѐμος⁴ был ужасен, и весь день, без перерыва раздавались слова, мною сообщенные, так что я мог наконец явственно разобрать, что не патѐρας⁵ восклицает она, а τὸ τέρας⁶ (чудовище), и δρομοκαλόγηρος⁷ (буквально: Wegemönch, уличный монах, бродяга), а не так, как я написал и объяснил. А он, монах, — красивый молодой человек, блондин — встретился сегодня со мной как раз и, раскланиваясь, имел улыбку, говорившую: «Ты, мол, все знаешь». И я действительно все узнал, потому что, конечно, был привлечен к хору друзей Фотини, сонегодующих на чудовище Ἰουδαῖν, προδότην, κακοῦργον⁸; оказалось, — что я уже подозревал и сам, и на что наводят мои соображения в утреннем письме, — оказалось... что προδότης⁹, долженствовавший быть повешенным у нашей двери, и есть живущий в нашем доме красивый δρομοκαλόγηρος¹⁰. Понятно, что он «καχός»¹¹, понятно, что «διάβολος»¹² *. Итак, порох был готов, нужна была искра. Чисто ссора между Ив<аном> Ив<ановичем> и Ив<аном> Никифоровичем¹³. Сегодня утром он сбросил вниз белье, повешенное Фотини на верхней террасе — и, очевидно, препятствовавшее Предателю любоваться свободно видом на Гимет, что и возбудило утром ее крайнее негодование. Но кто может описать невероятное исступление ее гнева, когда пополудни Предатель повторил то же деяние и опять сбросил белье с верхней террасы на двор... Мое перо бессильно описать сцены такого пафоса¹⁴!.. — Результат, что Προδότης — θὰ φύγη¹⁵. Фотини сказала: «Ὁ δρομοκαλόγηρος νὰ φύγη ἀπεδῶ, ὀρίστε, — ὅτὸ μοναστήρι »¹⁶, — прибавляла она в виде доброго увещания, — и он θὰ φύγη¹⁷... Я коснулся осторожно его притязаний на честь

* Бедная Фотини! Жить под одной кровлей с Иудой-Предателем! Но почему-то она до сего дня скрывала от меня это неожиданное тождество. (Прим. Иванова.)

стать ее зятем и вопроса об отношении τῆς Θεοποιίδος¹⁸ к прекрасному Искариоту. Тогда Фотини (с сердитой улыбкой) образовала формы женского рода от слов δρομοκαλόγηρος, πρὸδοτής и Ἰησοῦτης¹⁹ (против правил грамматики) и заявила, что это — она, Деспинида²⁰, дочь ее, — такая же, как он. И когда я спросил определеннее, нравится ли [ей] Деспиниде чудовище, ответила: «Να, να, να, να²¹». И к этому оракулу прибавила еще: «Если замужем (ὕλκνδρεὺμένη²²), хорошо»... Интерпретировать все это не берусь и не смею... Фотини лицом напоминает немного Александру Васильевну, когда входит в искреннее бешенство и вместе (как свойственно сангвникам) рисуется и прихорашивается и немного играет роль бурного негодования перед зрителями... Но я то какую эпопею написал о «гневе» Фотини!²³

Ты, наверное, ворчишь на наполнение письма излишним балластом, главное — многоречивым; но писать другого нечего. Мои занятия были терпеливым записыванием выдержек, и вся внутренняя жизнь моя была в моих эксцерптах²⁴ и — в обманувшем меня ожидании писем. А в темном подвале души вздыхала и воровчалась бессонная тоскливость и истома разлуки.

12-ый день, утром. Четверг 26/13 XII.

Спешу в Музей. Погода солнечная. Все время тепло. Настроение тяжелое и притом вялое. Малоокровие, должно быть. Нога вчера опять сильно распухла после улучшения последнего времени. И — спячка.

День 12

9 часов вечера.

Ангел принес твое письмо из Марсея, Марусино (жаль, что вчера ее помянул лихом) и Гольштейна. Получил он их вечером. Ничего не понимаю...

Сначала я прочел Гольштейна письмо, потом Марусино, — и наконец, волнуясь, решился открыть твое. Жутко было как-то открыть его. И вовсе не потому, что я боялся дурных вестей. Ведь письмо было из Марсея и давнишнее, а я уже из Женевы имел успокоительную телеграмму. Но страх и жуткое, шемящее чувство эти — те же, как если я тебя тоскливо жду и вот сейчас должен увидиться или если вижу приближающийся поезд, с которым ты должна приехать... Что это такое, я не знаю; это ощущение загадочное, его природа таинственная...

Сердце все время сжималось, пока читал, и когда кончил, почувствовал острую боль: как будто ты была все время, пока я читал, со мною и все говорила мне что-то нежное и очень скорбное, и вдруг тебя опять нет, опять разлука...

Очень тяжело нам быть не вместе.

Вл<адимир> Августович пишет, только что получив твое письмо и в то время как «Сережа, только что приехавший, сидит за завтраком с Ал<ександрой> В<асильевн>ой», медицинские наставления. Отекание ноги «в порядке вещей: тромбоз вены никогда быстро не изглаживается». Советует носить — для тепла — нетугой фланелевый бинт и о нем пишет подробно. «Растираний и лекарств употреблять не советую. Внутрь также не надобно принимать ни мышьяка и никаких вообще медикаментов. Ваши лекарства — это хорошая пища, воздух, избегание всякого переутомления». Против «разрыхления десен» — полоскание, сначала водой, потом раствором полуторно-хлористого железа. И все.

«Стояние и сидение без приподнятия больной ноги вреднее умеренной ходьбы». Сидеть велит кладя ногу на табурет.

Фотини тоже очень заботится о моем здоровье, питании и пр. Говорит, что тебе обязана дать отчет. Сегодня опять спрашивала твой портрет, при кофе: τί κάμνεται²⁵? Она, хоть и дышит все еще гневом и без усталости раскатывает δρομοκαλύπτρος <так!>²⁶, но на свой πλόημα²⁷ смотрит уже с оттенком юмора. Велела мне описать тебе войну; и когда я показал ей первый листик этого письма с выписанными в нем обильными «полемическими» эпитетами, смеха было у Фотини и Родофеи довольно.

На лекцию Вильгельма я шел сегодня, как ты любишь, через пинету, а потом по более короткому и удобному спуску к церкви, чем какой мы избрали тогда. Погода была хорошая; во время лекции (на дворе Музея) пришлось снять от жары плащ. Возвращался я из музея с Dr. Kolbe²⁸, который мне сообщал разные интересные вещи. Оказалось, что я пропустил одно заседание ([именно] бывшее еще при тебе): о нем не было объявления в предположении, что все знают об институтских середках (один раз в две недели). Дерпфельд на нем сообщал о своих новых раскопках в Пергамоне. Но Кольбе был там (в Малой Азии) с ним, и рассказал мне все существенное и кое-что несущественное*. Елка для немецких

* Я видел статьи Кольбе: он занимался историей афинского флота; он специально эпиграфист⁴⁹. (Прим. Иванова.)

детей только сегодня; поэтому, думаю лучше и завтра не идти в библиотеку. Вильгельм продолжает быть очаровательным. Англичане все же комичны и сами это знают, п<отому> ч<то> смеются над своими товарищами. «Werden Sie vielleicht die Güte haben, das zu lesen?»²⁹ — говорит Вильгельм сидящей напротив него Англичанке. «Н-я-а-о-у!» (= No³⁰) — неожиданно раздается певучий ответ. «Nicht?»³¹ — весело изумляется В<ильгельм> — общая веселость. Тогда за дело принимается ее сосед. «Two iotas... алфа... дэлта... спаре...»³² «Zwischenraum»³³, переводит Вильгельм. А есть англичанка, которая, кажется, хорошо знает по-гречески.

Как мне больно, что тебе пришлось пачкаться на французском пароходишке прикосновением к «столь близкому нам по умственной культуре»³⁴ племени, так отборно представленному.

Не нужно быть простодушным и начинать с хороших предположений и с участия.

Свидание твое с Ernesto мне очень не понравилось. Я хочу сказать: то, как тебя приняли, и то, что и как он говорил. Он мне внушает решительное недоверие. Человек он по характеру холодный, расчетливый, жесткий (мне хочется лучше сказать: жестокий). Отношение его к невесте — невозможное. Он ничему не верит, подозревает всякого рода хитросплетения, *знает*, что она у нас, и — хладнокровно (по-кошачьи) выжидает. О любви его к О<ле> не может быть и речи. «Для меня так это ясно, как простая гамма»³⁵.

Итак, Радость, ты видишь, что я работаю и креплюсь. Работай и крепись и ты. Как я жду следующего — женеvского — письма! Оно, быть может, покажет мне, как ты почувствуешь себя дома. И если будет очень тяжело, жутко, — не будем себя мучить! Иду спать, Диля. Бог с тобой!

Только что Ангел подал мне счет. Он хочет брать с меня по 2,50 в день, как при тебе. Каков каналья! Конечно, я не согласилась. И он ушел, сказав, что дня три посмотрит, во сколько я ему обхожусь. «Nous nous arrangerons!...»³⁶ О, каналья!

День 13.

Пятница 27/14 Дек<абря>

9 ч<асов> вечера

Только из связи твоего разговора с Ernesto я понял наконец, отчего вопрос о родителях О<ли> его так интересует, зачем он так добивался фотографии и пр. Чтобы объяснить себе ее положение у нас, он а priori предположил, что она сирота и что ты заменила

ей мать. Ему нужно было проверить догадку, и теперь она для него окончательно подтвердилась. Важно же было ему это, чтобы установить, что она у нас до некоторой степени на правах дочери и что, следовательно, никогда не будет оставлена без покровительства, — что, женившись, он в известной мере окажется «зятем». Это, несомненно, так, и это — расчет; а поведение его, выжидающее, затаенное, холодное, его позиция человека, ловко поставившего *свои условия* и спокойно ожидающего шагов противника, его солидарность с семьей и ведение военных операций при участии семейного военного совета — все это дискредитирует в моих глазах его (эпистолярную) верность формуле (слишком уж как-то отвлеченной): «*io amo Olga*»³⁷. И что значит это долгое, долгое молчание и ссылки сестер на его «болезнь» (тогда как в действительности он «заменял товарища на Адриатической линии»!), и его вид, свидетельствующий о продолжительном «гуляньи»?.. Ты пишешь: «Что же я могла из всего понять? Или что он серьезный и очень хороший человек, очень симпатичный, который может составить счастье Ольги, или он очень хитрый, который рассуждает так.....» Защищая второе предположение, я не вижу никаких оснований для первого. Что значит серьезный? Лицом и видом он *серьозен* — потому что расчетлив и холоден. Что он *серьозен* в смысле [отсутствия увлечения] строгости жизни, — мы не знаем. Что он *серьозен* в смысле, исключающем неблагоприятие, риск, поспешность, вообще любовное увлечение, — мы *слишком* знаем. «Очень хороший»... Работящий — кажется, да. И еще — «опора семьи». Гм, гм! Уж эта мне семья, семья!³⁸ ... «Очень симпатичный» — решительно, нет! Затаенный, неискренний, непрозрачный. «Составит счастье О<ли>»... Да, они составят. Потому что этим составлением счастья займется весь клан. — Я даже не совершенно исключаю ту возможность, что все его расчеты не мешают ему в своем роде *voler bene*³⁹ к О<ле> и что он будет мужем дельным и ладным (хотя иногда и придется заменять товарища на Адриатической линии). Но во всяком случае он не имеет ничего общего с Олей, ни капли идеализма русского, ни одного отзвука в своей душе ее душе; и на все отличия, нравственные и умственные, Оли от своей и своего *babbo*⁴⁰ особы будет отвечать только сожалительным (презрительным) пожиманием плеч. А впрочем, особенно в первое время, будет иметь различные *égards*⁴¹, — особенно чтобы угодить своей «*belle-mère*»⁴² ... —

Это я все пишу вовсе не для О<ли>, а для тебя. Ей напротив ты ничего не сообщай.

Видишь, я теперь совсем уж не похож на человека, который «разумеет вместить в кратком слове многую речь»⁴³. Одиночество делает болтливым. Храня качество краткости для моего «друга» — Марии Замятниной, прошу тебя только сказать ей от меня

За все, за все тебя благодарю я⁴⁴.

Для тебя поясню, что в это «все» входят: и газеты, не получаемые, и тетрадки, не получаемые, и такие обороты письма, как: «должно быть ясно Brunetière⁴⁵ говорил, что мне кажется, я даже могу передать сжато все содержание; но я устала сегодня, и не сделаю этого» (— дальше следует слитный сухой, конечно; без обращения и т.п. учтивостей и любезностей, отчет о двух днях, и об интересной лекции уж ни слова; аналогично говорила бы гостью хозяйка: «Вы хотите чаю, и у меня есть хороший чай, я могла бы вам дать, но я устала, и не сделаю этого»), и проч. и проч.⁴⁶

Сегодня дома. Утром высоко в пинете. Вид был упоительный. Настроение ужасное. Тоска и томление. Вероятно, полоса такая тяжелая, неплодотворная. Все в мыслях не складывается, а рассыпается. Потому умственная и волевая вялость в занятиях. Спячка после завтрака.

Только что неприятное объяснение с Ангелом, кот<орый> настаивает на своем. Я сказал, что дам ему, но только не буду доволен. Он не хочет. Я сказал, что считаю справедливым платить 50 др<ахм> в месяц, кроме louer⁴⁷. Он написал счетец: charbons 30 cent. в день, pain 30, pétrole 40⁴⁸... Разве возможно 30 в день на угольки для самовара? и т.д.?

Целую дорожную Радость. Письмеца-то нет...

Целую Сережу, Верушку, Костю, Лилию. Твой В.

Но верно, что ужины теперь хорошие, и много вина и фруктов. Я говорю: мне таких ужинов не надо*.

День 14, Суббота. Отличная погода. Море синее темной полосой. Поздравляю вас с Рождеством. Иду в Институт с утра; потом лекция на Акрополе. Не огорчайся преходящими настроением. Мне хорошо работать. Фотини говорит: вчера вы скучали.

Целую жарко. В.

* День 14 записан на полях слева и сверху от основного текста письма День 13: начинается с левой стороны и переходит на верх листа.

На почте
 будь радостная
 Мне сегодня
 очень хорошо*.

¹ Обстоятельства писания писем с корабля выясняются из писем Зиновьевой-Аннибал: так, второе письмо из Неаполя (п. 368) она не отослала, надеясь отправить его для быстроты из Марселя.

² От *англ.* «plum pudding» — рождественский пудинг, пудинг со сливами.

³ В больших количествах вина (дословно: многое вино) (*новогреч.*).

⁴ Война (*древнегреч./новогреч.*).

⁵ Батюшка (*новогреч.*).

⁶ Чудовище (*новогреч.*).

⁷ Уличный, бродячий монах (*новогреч.*).

⁸ Иуду, предателя, злодея (*новогреч.*).

⁹ Предатель (*древнегреч./новогреч.*).

¹⁰ Уличный, бродячий монах (*новогреч.*).

¹¹ Плохой, гадкий, лукавый (*новогреч.*).

¹² Дьявол (*новогреч.*).

¹³ Отсылка к «Повести о том, как поссорился Иван Иванович с Иваном Никифоровичем» (1834) Н.В. Гоголя.

¹⁴ От *греч.* «πάθος» — страсть, страдание.

¹⁵ Предатель убрался б (*новогреч.*).

¹⁶ Бродячий монах пусть уберется отсюда — милости просим — в монастырь (*новогреч.*).

¹⁷ Убрался б (*новогреч.*).

¹⁸ Барышни (*новогреч.*).

¹⁹ Уличный монах, предатель и Иезуит (*новогреч.*). НВ. *Греч.* слово «Иезуит» написано с ошибкой.

²⁰ От *греч.* «Δεσποτίνης» — барышня.

²¹ От *греч.* «ναι» — да.

²² Замужняя (*новогреч.*).

²³ Здесь под «гневом» подразумевает гнев Ахиллеса: Иванов вослед Гомеру поет гнев Фотини и войну с молодым паппасом.

²⁴ От *англ.* «exsert» — выдержка, цитата.

²⁵ Как ваши дела? (*новогреч.*)

²⁶ Бродячий <так!> монах (*новогреч.*).

²⁷ Война (*древнегреч./новогреч.*).

²⁸ Вальтер Кольбе (Walter Kolbe; 1876—1943), известный немецкий историк, эпиграфист.

²⁹ Не будете ли Вы так любезны прочесть это? (*нем.*)

³⁰ Нет (*англ.*).

³¹ Нет? (*нем.*)

³² Две йоты... алфа... делта... интервал... (*англ.*).

³³ Интервал (*нем.*).

³⁴ См. п. 371.

* Приписано химическим карандашом.

³⁵ А.С. Пушкин. «Моцарт и Сальери» (1830). Слова Сальери из открывающего трагедию монолога.

³⁶ Мы договоримся! (*фр.*)

³⁷ Я люблю Ольгу (*ит.*).

³⁸ Замечание Иванова восходит к двум пушкинским строфам из «Евгения Онегина», которые подспудно придают высказыванию иронический тон. Ср. «Евгений Онегин», глава четвертая, XVIII, и глава четвертая, XX.

³⁹ Любить (*ит.*).

⁴⁰ Папы (*ит.*).

⁴¹ Знаки уважения (*фр.*).

⁴² «Теще» (*фр.*). Кавычки стоят, т.к. Иванов иронически подразумевает здесь Зиновьеву-Аннибал.

⁴³ Цитата из «Первой пифийской оды» Пиндара в переводе Иванова. Приведем ее в контексте: «Кто хранит в витийстве меру, / Кто разумеет вместить / В кратком слове многую речь, — / Нареканий / Меньше тому от людей».

⁴⁴ Начало стихотворения М.Ю. Лермонтова «Благодарность» (1840).

⁴⁵ Фердинанд Брюнетьер (Ferdinand Brunetière; 1849—1906), литературный критик, создатель теории истории литературы, основанной на теории эволюции Дарвина; противник натурализма. О его лекциях Зямятнина писала Иванову в письме, начатом 3/16 декабря:

День 288. Вторник 4/17 дек. 11 ½ ч. веч.

Около часу тому назад вернулась к<a>к раз с лекции Brunetière'a. Уж рада я так, что попала на нее. Читал он в Victoria Hall вместо университета, лекция бесплатная и уж знали, конечно, что будет много народа. Зала была переполнена, мне кажется, что не меньше 2000 чел<овек> было. Я заняла очень счастливо место, конечно, стоять пришлось, но совсем недалеко, так что и слышно чудно было, и видно, а его надо и слышать и видеть, т.к. у него замечательно подвижное лицо и читает, т.е. говорит он чудно и к<a>к-то совершенно особенно, да еще и то, что говорит, то симпатично, так что наслаждение получила громадное. Brunetière старался выяснить именно «l'Œuvre de Calvin dans l'histoire» «Дело Кальвина в истории» — *фр.*, т.к. его взнос в культуру человечества, он находит, что Кальвин первый (и больше гораздо, чем Лютер) после введения христианства «renouvelé la conception même de la religion» «обновил саму концепцию религии» — *фр.*. Должно быть, ясно Brunetière говорил, что мне кажется, я даже могу передать сжато все содержание; только я устала сегодня, и не сделаю этого.

288—289 дни. Четверг 6/19 Дек. Николин день. 12 ч. ночи

Сейчас сижу страшно огорченная, только что прочла в «Journal de Genève», что вчера Brunetière читал лекцию в университет<ете> — для студентов, а т.к. вчера лекция Vuvièr была еще раньше отменена, то я не была в университет<ете> и не знала ничего об этом. Читал он о методе литерат<урной> критики, предмет-то страшно интересный, да и прочел-то, верно, отлично. Такая обида, что не попала, прямо до смерти.

РГБ. Ф. 109. Карт. 19. Ед. хр. 13. Л. 14 об. — 15.

Отчет о лекции в Victoria Hall перед «une foule énorme» (необычайной толпой) был опубликован вместе с целой страницей, посвященной почти дословной передаче лекции (Journal de Genève. 1901. 19 décembre). 20 декабря в той же газете появилась заметка «M. Brunetière a l'Université» («Г. Брюнетьер в Университете»), где кратко сообщалось о его выступлении для студентов.

⁴⁶ В ответ на эти упреки Замятнина писала Иванову в письме от 8—10 декабря 1901 / 31 декабря 1901 — 2 января 1902: «О лекции Brunetièrre не написала, потому что правда страшно уставала перед Лидин<ым> приездом, прихорашивая дом и по-ложительно не имела физич<еских> сил писать. Отсутствие же приветствий — в силу того, что, в сущности, степень, силу и их количество ни язык, ни перо не в состоя-нии выразить, вот Вам, урод Вы эдакий, сказ какой» (РГБ. Ф. 109. Карт. 19. Ед. хр. 13. Л. 24 об).

⁴⁷ Квартирной платы (*фр.*).

⁴⁸ Уголь 30 сант<имов>... хлеб 30... керосин 40 (*фр.*).

⁴⁹ Диссертация Кольбе действительно была посвящена морской теме. См.: *Kolbe Walter. De Atheniensium re navali quaestiones selectae* (Tübingen, 1899).

373. Зиновьева-Аннибал — Иванову 10—13 / 23—26 декабря 1901. Женева

8-й д<ень> м<ужества>. 23 Дек. 1901. 8 ч. веч.

Всё там же, только я сижу рядом с Марусей за четы<ре>ху-гольным столом в Hall. В столовой Сережа помогает Косте пере-писывать сочинение на вольную тэму, заданную в класс <так!>. Наверху легла Лиля и Вера моется.

Дотик, дети хорошие, Дотик хороший, Маруся хорошая, Оля, Кристина хорошие, Miss Blackwell хорошая.... И т.д. Очень все хорошие. Меня глубоко до слез трогает, что все работают словно для меня, для моих детей. Вот сбежала Miss Blackwell легко с лест-ницы и увела наверх Козлю спать... разве это не трогательно и не удивительно видеть, как она хлопочет, молодая, очень хорошень-кая, с прекрасным цветом лица и красивыми глазами, всё для меня и моих... Вот посылаю тебе глупейшее сочинение Кости, написанное с хитростью для рекламы, чтобы набрать волонтеров. Между завтраком и обедом с Марусей ездила в Женеву и купили и велели отослать 3 картины в Лондон: Пэтону: Шилльон <так!>¹ и dent du Midi² в розовом альпенглюэн³ — это довольно большая фотография на жести, раскрашенная от руки и покрытая эмалью: очень верно и изящно, сзади черный картинный штендер⁴, так что вот <?> можно поставить на камин или стол. Mrs Turper — лодка и озеро, Mrs Meckleham, приславшей Лиле прелестную книгу, а Оле календарь — такой же вид Женевы, но поменьше. Все эти вещи имеют характер очень роскошного и изящного поздравле-ния к Рождеству. Купили также елку! о, какая елка! Пожалуй, не встанет в hall, такая высокая. И густая, и темная. Кажется, самая прекрасная в Женеве. Дети такой не видели. Она будет хранить-

ся до русского рождества <так!> в саду, спрятанная. Дети не видели ее. — 9 час. Целовала всех деток, слушала молитву. Произносят ее громко по очереди и импровизируют. Но установилось у них говорить «Отче наш», «Богородицу» и два раза повторять: «Благодарю тебя, Господи, Прости меня, Господи, Господи, Господи!» Так это странно. Это они сами выдумали. У Веры бедра и талия. Да, кроме этих молитв всё повторяются упоминания любимых лиц и прибавления, «чтобы было как можно лучше!» И потом благодарения за твое выздоровление. — Теперь в столовой, накрыв чай, присела Miss Blackwell к Сереже, читающем<у> «Midsummer dream»⁵, и балагурят. Сережа умеет удивительно балагурить, знаешь, как любят англичане, с особым их юмором, так и стреляют они вдвоем и с такой быстротой, что я ничего не понимаю.

5 час<ов> дня. 24 Дек<абря> 9-й д<ень> м<ужества>. Hall.

Только что сказала Лидии: пойди наверх в мою комнату, на письменном столе у окна найдешь красный бювар, в котором бумага для писем, принеси его осторожно. Через 2 минуты она идет легкими шажками и несет портфельчик, очень гордая. Девочка очень милая, тихая и живая, ласковая, и еще при мне ни разу не гримасничала. Вчера вечером и сегодня вот только что сидела рядом со мною и копировала какую-то рекламу. «Extra strong»⁶ — когда я объяснила, что *strong* значит, она сказала: «Это для папочки, чтобы он был здоровый». Я буду ее очень любить. А Вера просто красавица будет, если только нос не окажется великоват. Она так прелестна опять, так женственна, и добра, и проста. Теперь Маруся в городе за подарочком для Miss Blackwell: полочку для книг. Miss Bl<ackwell> накрывает на стол, Лиля помогает. Сережа с Костей, наигравшись в футбол <так!> с большим мячом, привезенным Сережею, пришли домой, переобулись в передней и пришли ко мне. Костя работает рамочку из ленточек вокруг белого листа, на котором нарисует цветочки. Он *очень* мило рисует. Он мне преподнес подобный рисунок, *pensée*⁷, еще мелкие цветочки раскрашены нежно и красной краской аккуратно написано: «Jour de Noël. Dessin pour ma chère Maman»⁸. Не хватило терпения дожидаться. Вера вышивает тужельку для подвешивания часов для Miss Blackwell, работает терпеливо и охотно, тонкую вышивку. Сережа читает «King John»⁹. Вот на минуту пришли Лиля и Miss Blackwell. Последняя принялась рассуждать

со старшими о героях «King John». Вера читала «Hamlet», «Merchant <так!> of Venice», «Henry V»¹⁰ и еще еще <так!> что-то. И поняла многое, и очень довольна, что может рассуждать с другими. Все группируются вокруг стола 4-х угольного с лампой в Hall. Саламандра¹¹ топится рядом в гостиной. Тепло, уютно. Но 1-й звонок — и дети рассыпались: пить рыб<ий> жир, мыть руки — и к столу. Я иду тоже переменить кофточку и приодеться.

9 ч<асов>. Какой был вечер, Дотик. Сегодня 24-го. Завтра Miss Blackwell собиралась...

5 ½ веч<ера>. 10-й д<ень> м<ужества>. 25 Дек<абря>. Hall.

Маруся ушла за Сфинксом. Дети, предведомые Сережей, — на елку к одной даме-американке. Это так, на минутку, и нельзя было отменить, но ни к чему не обязывает. Итак, Дотик, продолжать вчера не могла, потому что был слишком сумасшедший вечер. Видишь ли, после обеда, перед сном дети пели. Острога¹² сделал чудеса! т.е. *буквально* (кстати, он уехал на 2 недели). Вера и Костя поют *solfèges*¹³, отбивая такт рукою, как в оркестре, называя ноты по имени и в такт, быстро, не детонируя, и лишь под аккомпанемент Miss Blackwell (лишь аккордов). Ну, хорошо: после музыки Miss Blackwell повела их спать, но нашла в своей комнате повешанный красивый пучек ги¹⁴ и под ним подарок Маруси — сдвижную полочку для книг — и мой. Не брани меня, Дотик. Вот история подарка. У нее нет часов, я решила купить ей черные часики. Пошла к нашему домохозяину, т.к. тот имеет <?> магазин, где мы купили часы на браслетке-мазурики <так!>.

11-й д<ень> м<ужества>. 26 Дек<абря>.

3 ч<аса> пополудни.

В гостиной на диване у растопленной саламандры. Маруся с Верой у зуб<ного> доктора. Сережа с Костей в ожидании товарищей-мальчиков устраивать летнее поле, нанятое под крикет, для футбола. Лиля и Miss Blackwell>. ушли гулять. Оля мешает мне рассуждениями про то, как поступить с Эрнесто. Кристина убирает посуду на кухне. — Дотик, все не могу кончить про 24-го вечер. Итак, пошли днем тогда к хозяину, чтобы купить часы черные фр<анков> за 40, вроде Вериных. Оказывается, есть золотые на ту же цену. А за 60 фр<анков> совсем хорошие, тяжелый ящик, гарантированный механизм. Ну, решила купить, чтобы была вещь ей на всю жизнь. А на будущий год меньше подарю. Вот эти часы

и лежали под гí. Когда она увидела их, то подумала, что они игрушечные, и долго не верила, даже когда приложила к уху. Она была как сумасшедшая от радости и душила меня. Вдруг, когда мы все целовались под гí, в дверь комнаты Лилиной и Miss Bl<askwell> постучался отвратительного вида, жирный, с толстым румяным паясного <?> вида лицом мужчина в бархатной фуражке с портфелем и зонтиком под мышкой и синих очках. Вшагнул <?> нахальным<и> широкими шагами в комнату и жирной, лоснящейся довольством рожей вперед бросился целовать Miss Bl<askwell>. Я была в диком страхе от отвратительности непередаваемой этого жовиального явления, нахал, фат, бесстыдства несказанного и с басом подвывающим. Впечатление до того сильного <?> отвращения, что невозможно бы даже смазать по гадкой роже. Вот так загадка! Кто это?

Потом он бросился вниз, у него отвалилась рыжая борода, он стал вопить: «J'ai mal au <sic!> dents». Потом стал выкрикивать всякий вздор: «Ma femme m'aime pas, pas donnez sou <?> je dormez jusqu'à midi, je levez après midi, ma femme pas donne moi manger, ah, ah, ah...!»¹⁵ и т.п. Ну, не стану дальше интриговать, если сам уже не догадался, что это Оля. У нее прямо талант дурачества. Через несколько минут она явилась в моем старом сером балахоне-регенсмантеле¹⁶ с черным платочком с висюлочками, кругло навязанным на голове и косой сзади, брови скосила вверх и приподняла углы глаз — китаец чистейший, до иллюзии, все движения стали китайские, и поет песню: «Джан, джан, джан!» Потом мы стали с нею вдвоем изображать японские церемонии. Словом, смеха было много.

Вчера прервал меня в писании писем Степ. Ник. Жук<овский>¹⁷. Дело в том, что детей пригласили к Костиной учительнице solfêges на полчаса к елке. Сережа их свел туда к 6-ти часам. Надо было видеть, как они мило пошли по саду к калитке. Сережа вел Лилю за руку, и они шли все так чинно и хлопотливо. Маруся сделала с ними чудеса. Ах, Дотик, наш дом совсем преобразен. Как хорошо сердцу в нем. Что Маруся сделала с нами тихо, тихо, тихо, по немного <так!>, со всею скромностью и молчаливо, и стоит чудо порядка и уюта. Даже Костя совершенно неузнаваем, и тебе не пришлось бы ни вмешиваться, ни сердиться. Итак, с елки пришел с детьми Жук<овский> и присидел до 11 после обедом <так!>. Я ему показывала виды. Он скучен, это правда, и я <?> легла в 12 ч.

Я очень устала вообще, так как от волнения всех нахлынувших впечатлений плохо сплю. Сегодня утром была радость 3-его твоего письма. Ты умник, Дотик, Бог с тобою. Я верю в твой труд, хотя бы и стал трудом многих лет! Только боаницек, Дотик! Ради моей просьбы, дорогой мой Татата, детеньш* золотой, кончай его *скорее*, Славинька, сделай энергическое усилие и отошли его. Славинька, ведь это у тебя на совести, а у меня тяжело на сердце. Дедушке поклон передала. Он не совсем здоров. 8 ч. веч. Дети все ложатся: устали за длинной веселой игрой в футбол. Сейчас Вера в красном капоте с лестницы показала и сказала: «Мамочка, через одну секундочку!» Значит, должна кончать, идти молиться с ними. Я молюсь с ними лучше, чем прежде. Почти как они. Дотик, *что ты кушаешь по утрам? Отчего твое первое письмо пахло фиалковыми духами?* В который час ложишься спать? 9 ч. веч. Помолилась с детьми и иду спать. Целую Тотика, обожаемого. Учись, Тотик, кончай боаницек, спи, тўтай, будь таотий, таотий мЀтит¹⁸... Обожаемый, до свидания. Твоя Лидия.

Дотик, загадки не понимаю: 1) в часах ogasempre. 2) фотография? (из света)¹⁹.

Приложен рисунок Л.В., описанный в этом письме, с надписью «extra strong».

¹ Изображение Шильонского замка, знаменитого в Англии тем, что там разворачивается действие поэмы Байрона «Шильонский узник». Замок находится на берегу Женевского озера, недалеко от Монтрё. За полученные подарки Дж. Пэтон благодарил Зиновьеву-Аннибал в письме от 19 января 1902 (РГБ. Ф. 109. Карт. 32. Ед. хр. 76. Л. 5—6). О реакции Иванова на то, что Зиновьева-Аннибал отправила в подарок, см. п. 401.

² Dents de Midi — горный хребет в Швейцарии.

³ От нем. Alpenglűhen — особый оптический эффект, возникающий в горах, когда во время заката солнца на востоке появляется горизонтальная красная полоса.

⁴ Приспособление для удерживания картинки в стоячем положении.

⁵ Комедия Шекспира (между 1594 и 1596). Точное название — «A Midsummer Night's Dream» («Сон в летнюю ночь»).

⁶ В высшей степени сильный (англ.).

⁷ Замысел (фр.).

⁸ День Рождества. Рисунок для моей дорогой мамочки (фр.).

⁹ Историческая хроника Шекспира «Король Джон» (1596—1597).

¹⁰ «Гамлет» (1601—1602), «Венецианский купец» (1596), «Генрих V» (1599) — трагедии и исторические хроники Шекспира.

¹¹ Марка переносной печки (ср. в более поздних письмах описание покупки еще одной такой же).

¹² Феликс Валерьянович Острога (1867—1936), композитор, преподаватель Женевской консерватории. Занимался с детьми Ивановых музыкой, дружил со всей

* Написано через «ять».

семьей, впоследствии женился на О.Ф. Никитиной. В 1904 г. Иванов писал Брюсову: «Мой приятель, Острога, профессор здешней консерватории и композитор, хочет нам <в "Весы"> писать о лейтмотивах Вагнера...» (Литературное наследство. М., 1976. Т. 85. С. 464). Статья была написана, но в «Весях» опубликована не была. Подробнее об Остроге см. далее в письмах Зиновьевой-Аннибал, а также во вступительной статье.

¹³ Сольфеджио (*фр.*).

¹⁴ То есть гуи, омела (*фр.*).

¹⁵ Моя жена меня не любит, не дает ни единого су, я сплю до полудня, я просыпаюсь после обеда, моя жена меня не кормит, ах, ах, ах!.. (*фр. ломаный*)

¹⁶ Регенсмантель — плащ-дождевик.

¹⁷ О нем см. п. 208, прим. 1.

¹⁸ В переводе с «детского», видимо, означает: Учись, Дотик, кончай сборничек, спи, кушай, будь хороший, хороший мальчик.

¹⁹ Речь идет о стихотворной загадке из п. 367.

374. Зиновьева-Аннибал — Иванову 14/27 декабря 1901. Женева

7 ч. веч. (после обеда). 27-ого Дек.

12-й д<ень> м<ужества>. Hall.

Костя играет аккомпанемент «Что ты спишь, мужичек?»¹ Лидия слушает. Маруся читает «Нов<ое> вр<емя>», Вера читает книгу английскую о пиратах, данную ей Сережей. Сережа наверху с Miss Bl<ackwell> что-то чинит мне в сюрприз. Только что роли изменились, и Лиля села к роялю и стала играть одним пальцем без ошибки ею самую подобранные ноты «Белым снегом...»², и где бы ни упал ее палец для первой ноты, дальше она уже не сомневаясь и без ошибки следует мелодии и ритму. Рядом из гостиной пылает саламандра.

— Дотик, не успела много писать тебе сегодня, потому что была занята и усталая. Я от нахлынувших потоком впечатлений заболела нервами и при всей сдержанности и совершенном спокойствии всех движений и слов вся напряжена, поэтому и не сплю совсем по ночам, почему и стала принимать бром. Кстати, Дотик, у тебя есть бром в четырехуг<ольной> коробочке в одном из ящиков столов<ого> стола. Надо в случае нужды принимать по ½ порошку зараз и 2 раза в течение вечера, даже 3 раза можно. Купить можешь в любой аптеке порошки <?> bromure de potassium à 2 grams chaque poudre³.

— Тататá, сегодня встала в 7 ¾, накинув капот, сбежала вниз и взяла ванну, потом оделась и спустилась к брэкфасту к 8 ½.

В 9.50 мы с Марусей поехали в город. Я купила себе присмотренный Марусею столик с 3-мя ящиками в угол за кушетку для романа. Потом отдала свои часы браслет в починку, а также и все свои дорогие брошки <так!> и серьги. Хочу скорее начать носить мои любимые аметисты, твои аметисты, мой Дотик. Потом купили Grèche⁴ с животными, магами и пастухами из картона для Лили к Рождеству и материи на платье Вере, темно-синей, и на халатик Сереже толстой шерстяной материи. В 3 часа сходила вдвоем с Сережей к дедушке⁵. Радовалась случаю поговорить с Сережей наедине по дороге и убедилась в его совершенной чистоте <?>*. Он очень трогательно любит дедушку⁶.

¹ Песня на стихи А.В. Кольцова (1839). Неоднократно многими композиторами было положено на музыку, включалось в нотные сборники для начинающих.

² Народная песня.

³ Бромистый калий, по 2 грамма порошок (фр.).

⁴ Ясли (фр.). Имеется в виду макет рождественских яслей.

⁵ То есть к Д.В. Зиновьеву, отцу Зиновьевой-Аннибал, жившему неподалеку.

⁶ На последней странице письма послание от Л.В. Ивановой и М.М. Замятниной:

<Дата рукой Замятниной: Пятница 27/14 Дек. 6 ч. веч.>

<Рукой Л.В> mon ami papa vien vite papa je emlura <?> ce toi papa ta fille Lidia
1901

<Рукой Замятниной> Лидия велит написать Вам: «Я тебя хочу скорей». Она написала Вам сейчас свое первое письмо, говоря: «Папа теперь вовсе в себе один, ему надо написать письмецо». Лилька сейчас очень возбуждена, она приготовила стихотворение на новый год, маленькое, конечно, — на фр<анцузском> яз<ыке> — в школе и сейчас мне его несчетное число раз говорила, это сюрприз Лидии-маме. Она велела написать Вам об этом, а также сказать, что она целует очень крепко, непременно велит написать два раза «очень».

375. Иванов — Зиновьевой-Аннибал 16/29 декабря 1901. Афины

День 15.
29/16 Дек.
11 ч. 5 м.

Воскр.

Прохожу мимо почты после обедни, вижу, что есть европ<ейская> почта в 11 ч<асов>, и на всякий случай посылаю δελτάριον¹. Вчера поздно вечером получил с таким нетерпением ожидаемое первое письмо из дома, был очень утешен и обрадо-

* Оторван уголок письма, и, возможно, слово следует читать как «честности».

ван, успокоен как-то — но вместе и возбужден, так что долго потом не мог уснуть. Мне хорошо. Погода прекрасная. Море синее. Иду в Институт.

Целую. В.

Открытка карандашом. Штемпель: Афины. 16 дек. 1901. Женевский штемпель отсутствует.

¹ Почтовую открытку (*новогреч.*).

376. Иванов — Зиновьевой-Аннибал 16—18/29—31 декабря 1901. Афины

День 15

Воскр. 29/16 Дек.

Милая Лиля! Вовремя ли пришла утренняя картолина? Воскресеньями я отсчитываю недели разлуки. И это воскресенье провел как то, первое, когда, отпустив тебя, я пошел в церковь. Был и сегодня в церкви, потом в Институте; после завтрака шел домой так же через ξανθαί λεῖψαι¹ и так же любовался на море и чудно окрашенные горы. Дома так же спал. Настроен опять серьезно, не уныло. Занятия кажутся привлекательными, горячо интересуют лежащие вокруг книжки. Вчерашнее письмо — первое из Женевы — так живо охватило меня (я уже писал об этом в δελτάριον²), так взволновало и обрадовало и успокоило, точно я сам побывал дома, оглянул дорогой домик, помолился в церкви с Марусей, испытал неожиданное вторжение Сережи и не мог понять его «ragoles prescrites»³, видел радостную Верушку, выросшую и формирующуюся, и т.д. и т.д. Что же ты не пишешь о канарейках? Разве ты разлюбила их? Висят ли в hall «Богатыри»⁴? Как мне уютно знать, что ты дома, среди любви, заботы и ласки! Как я счастлив, что тебя любят *так*, что ты там, как солнце! Я не завидую, я счастлив и исполнен благодарного чувства за этот обмен любви...

Мне показывали твою carte postale⁵: кажется, Ангел не очень хорошо ее понял. Мы с ним опять большие друзья; а с Фотини дружба никогда и не омрачалась. А вот и доказательство: жаровня, долженствующая согреть меня, потому что я был frileux⁶ (при 14° в комнате). Я ему заплатил вчера по 2 др<ахмы> в день (на что он был вполне согласен), и прибавил еще, для довершения довольства, сегодня 15 лепт в день, за услуги: он и доволен вполне,

поблагодарил. Сообразовался же я со вторым (исправленным) его счетом вчера поданным, в котором значится:

rain 20
 potage 30
 viande etc. 80
 vin 20
 fruits 10
 pétrole 40
 charbons 15⁷
 2.15

(Услуга не была вписана, но на нее он указывал.)

День 16.

Понед<ельник> 30/17

Утром, дорогая девочка, я работал дома. После полуденного отдыха, в 3 ч<аса>, пошел за справками в Институт, где занимался до темноты, при электричестве. Потом, одним духом и даже еще в дождь совершил что-то в роде Геракловых подвигов: купил яйца, купил железо (для зубов) и коллодий (свежий) у Криноса, купил аршин фланели за 2 драхмы (все это во исполнение Гольштейновых предписаний), купил английских булавок, сделал закупки у Гульельмо. Придя домой, пил поздно чай, потом занимался, потом ужинал и озадачил хозяев отказом с нынешнего дня впредь от вина. Грелка опять появилась, и за мной ухаживают; но ужин не соответствовал своей цене, и я нарочно мало ел. Боюсь, что меня уловили на слове, что я вовсе не просил улучшать свои ужины и потом улучшать сообразно счет. Вообще теперь мне здесь не нравится, и я подумываю съехать прочь, конечно не из экономии, потому что буду платить везде гораздо дороже, — а из-за перемены или, скажем, измены.

Иду спать пораньше (хотя, впрочем, уже 10 ч<асов>). Целую Радость.

Панагиотис принес марку турецкую, которую он счел за черноморскую: посылаю ее. Пригодится также Сереже, быть может, и марка (штемпельная), которую закрепили развалившийся Марусин конверт: пусть-ка она полюбуется.

— Сегодня настроение было хорошее, бодрое.

В.

Как бы узнать программу издания Сочи<не>ний <?> Соловьева⁸ и пр., подписаться бы нужно!

День 17
Утро

Вторник 31/18 Дек.

Иду в Институт. Страдал бессонницей большúю часть ночи. Совсем задыхался без тебя. И не знаю, что это такое. Была полная нравственная прострация и *défaillance*⁹. Утром, конечно, ночные призраки рассеиваются. *Vernunft fängt wieder an zu sprechen*¹⁰. Отчаиваться решительно нет оснований, и тоска отлично прогоняется книгами. Мне опять хорошо. Целую мою (пока мы живы!) Радость, Веру, Любовь.

В.

Помни, что вчера я был нервен и капризничал.

На пути на почту, сходя с горы: Радуюсь. Радуйся. Радуйтесь*.

Конверт со штемпелями: Афины. 18 дек. 1901 — Genève. 4.I.02.

¹ Золотисто-желтые сосны (*древнегреч./новогреч.*).

² Почтовой открытке (*новогреч.*).

³ Сбивчивые слова (*фр.*).

⁴ Картина В.М. Васнецова, гравюра с которой путешествовала вместе с Ивановыми и Замятниной.

⁵ Почтовую открытку (*фр.*).

⁶ Зябкий, чувствительный к холоду; мерзляк (*фр.*).

⁷ Хлеб... суп... мясо и прочее... вино... фрукты... керосин... уголь... (*фр.*).

⁸ С 1901 г. (первый том поступил в продажу в июле) начало выходить Собрание сочинений В.С. Соловьева, предполагавшееся быть в 8 томах (впоследствии был выпущен и 9-й том, дополнительный). Из предисловия к нему было ясно, что оно не будет полным; видимо, поэтому Иванов и хотел бы узнать его хотя бы приблизительное содержание. Подробнее см.: От редакции // Соловьев В.С. Полн. собр. соч. и писем: В 20 т. Соч.: В 15 т. М., 2000. Т. 1. С. 1—2.

⁹ Внезапный упадок сил (*фр.*).

¹⁰ Цитата из «Фауста» Гете (сцена «Рабочая комната Фауста»). В переводе Б.Л. Пастернака «Я слышу разума внушенья».

377. Иванов — Зиновьевой-Аннибал 17/ 30 (?) декабря 1901. Афины

Счастливой елки.

Открытка (штемпели: Афинский 17 <?> ДЕК 1902 — Genève 5.XII.02 <так!>. Изображение на открытке: Corinthe — Temple de Corinthe et Acrocorinthe.

* Приписано химическим карандашом.

378. Зиновьева-Аннибал — Иванову
15—17 / 28—30 декабря 1901. Женева

8 ¼ ч. веч. 13-й д<ень> м<ужества>. 28 Дек<абря>. Hall.
Сереза в ожидании молока и ухода ко сну играет двумя пальцами вызубренную мелодию «Крещенского Вечерка»¹. Вера и Костя укладываются спать. Также и Лиля. Маруся ушла наверх, и слышен ее голос серьезный, но спокойный, что-то распоряжающийся. Оля стелет постель для Серези в его прелестной светелке, совсем невероятно уютной и полной. Кристина, наша тихая и милая девушка, моет посуду.

— Дотик, спала крепко и хорошо после брома. Проснулась ужасно поздно: в 9 ¾ и нашла твое дорогое письмо 4-й №² на полу у двери. Еще в постеле <так!> прочитала его, и меня наполняет счастьем мысль, что ты так полон своей работы. Дотик, ангел, только одно молю: борничек! ради всего, что дорого нам в нашем труде общем, молю, отошли его и возьмись энергично за приведение его в вид для напечатания. Время драгоценнейшее утекает, и поэтому я теперь энергично приступаю к тебе. Ты же знаешь, что я никогда не суечу тебя зря. Итак, довольно об этом. Я очень рада, что ты заговорил с «Норвежцем», и рада за Англичан, что их расса <так!> может произвести такие благородные очертания лица³. Как здесь ни сладко для сердца, но не могу не радоваться, что ты остался в научной среде. Когда укрепишься в ней, тогда лучше сумеешь противустоять теплу размягчающему «дома». Огорчило меня прочитать 11 ч. ночи на твоём письме, конечно, это было исключение, я понимаю⁴. Но, Тотик, не ступи на скользкий путь, Титатá, береги себя, мой любимый.

...Только что был перерыв: ходила наверх прощаться с детьми. Как прекрасно они молятся по очереди, Костя и Вера. В особенности прекрасна ими выдуманная молитва, всегда дважды повторяющаяся среди экстрактов <?>, выражающих тревогу текущих дней: «Благодарим тебя, Господи. Прости меня, Господи. Помогни нам, Господи». Повторяются также каждый вечер благодарения за твое выздоровление и моление о силах тебе, и всё всегда кончается: «Да будет воля Твоя яко на небеси и на земли»⁵. Всё это, конечно, сама Вера установила... Только что прогнала спать Серезу, писавшего тебе письмо.... Утром начала разбирать бюро, но, конечно, застряла в чтении! и именно твоего берлинского стихотворного дневника⁶. После завтрака вместе с Марусей и Верой

поехала в город. Они к зубн<ому> врачу. Я к Жуковским. Была встречена возгласом Ади: «Какая вы красивая!» — и старушка продолжала ее восхищения до полного моего смущения. Была там всего 25 мин. Обе были очень ласковы, и старушка трогательно добродушна. В 3.10 мы все встретились вновь на траме и пошли с Марусей вдвоем к дедушке, который весь сияет при моем приходе и как-то мучительно суетится, когда я собираюсь уходить. Не имею сил не ходить к нему ежедневно! Дома после обеда читала впервые «Мертвые Души», и был страшный хохот.

8 ч<асов> веч<ера>. 14-й д<ень> м<ужества>. 29 Дек<абря>. Hall. Только что кончили чтение «Мертв<ых> Душ», Манилова, и <1 нрзб> смеха всей собравшейся семьи, младшие ушли наверх и, напевая, раздеваются. Кристина торопится умыть посуду, которая задержалась чтением. Оля подшивает подол моего заслуженного альпага <?> черного, Маруся рядом сидит копошится. Miss Bl<ackwell>, вернувшись из гостей (Воскресенье) укладывает детей. Сережа занят таинственно приготовлением программы для «Сюрприза» мне во вторник.

— Дотик, утром сегодня, проснувшись, услышала шуршание твоего письма от прошлой Среды⁷, пропихиваемого Ольгой под мою дверь. Дотик, дитя любимое, что это за горе было читать это дорогое, любимое письмецо, где было сказано про не памáтита, который пáкал⁸ над редискаами! Дотик, зачем он скучал, мой таóтий, таóтий! Если будешь башка, придется мне к тебе собираться! Дотик, ты помни, тáтата, что как станет тебе худо, так я к тебе и приеду, но дай Бог тебе пока терпения и мужества, чтобы нам обоим окончить наш дорогой труд. Славинька, радость, я сегодня имела день для уборки комнатки моей дорогой. Все письма и бумаги перебрала, и весь бюро наполнен перевязанными веревочками пакетиками с надписями. Нашла начало «Муза»⁹, не помню, что у тебя не доставало. Просматривала наши старые письма. Как мы любили, и как любим, и как мы глубоко принадлежим друг другу. Читала и твое письмо в Пезаро внимательно и любовно¹⁰. Как ты весь уже в нем, и я вся, и наша любовь и сrostание <так!> сказано.....

9 ½ Утра. 30 Дек<абря>. 15-й д<ень> м<ужества>. Кушетка в дорогой светелке. Козля пишет там внизу тебе письмо¹¹. Сережа и Вера где-то хлопчат <так!> с «сюрпризом» вторниковском <так!». Лиля играет у Miss Bl<ackwell> с красками, ей вчера на

школьной елке подаренными, куда она ходила с Верой — *grande sœur*¹². Маруся «витает» организаторским духом. Она мало болит теперь, но говорит так спокойно и настоятельно, что ее и слушаются и ст<р>астно <?> любят дети. —

Дотик-тáтат, не успела дописать день вчера, потому что настал час ложиться спать, и я решила утром докончить письмо. Проснулась в 7, взяла ванну в 7 ½ (беру каждый день полухолодную, очень освежает), «имела» брэкфаст со всеми, ибо даже Марусю побуждаю вставать раньше, и уже добилась, что она ложится между 11—12 вместо часу и 2-х, обычного своего срока. Она нехорошо выглядит, серая, словно постаревшая, и всё оттого, что ложилась в 2 и *всегда* просыпается в 6 и *лишь валяется* (без сна), так что готова к 11 ч.!! Вся семья была к брэкфасту, включая тихую Кристину. Итак, не рассказала, Татата, что, убрав вчера бюро, я распределила в 3-х ящичках смешного нового столика, уже месяцами Марусею высмотренного, — свой «роман», и вся светелка приобрела такой блистательный вид, в особенности от прекрасного плюша *vieux-rosé*¹³, который я положила на свой столик, и голубого плюшевого с Сэврским фарфором моего бювара на письменном столе, и венецианского моего зеркала на столе под Коллизеум <так!>. Сижую или лежужу теперь на кушеточке, и близко, близко возле меня блаженная картина Лионардо <так!>¹⁴, и внизу, не глядя даже, святой, благой, обожаемый Лик нашего Спасителя, и молюсь ему, недостойная, раскрываю Ему сердце, чтобы Он очистил его. Хочу быть лучше, чище, тише. И тебя, моего возлюбленного, сокровище мое, жизнь, солнце мое, тебя предаю в тихие, благие Руки.

Целую тебя всею любовью, Дотик, и кончаю письмо. В 11 ч. надо опускать его в кружку <так!>.

Твоя Лидия.

Конверт со штемпелем: *Châteleine Genève*. 30.XII.01. Афинского штемпеля нет.

¹ По всей видимости, музыка к фрагменту баллады В.А. Жуковского «Светлана» (1811). Об этом произведении см.: Песни русских поэтов: В 2 т. Л., 1988. Т. 1. С. 594—595 (прим. В.Е. Гусева).

² П. 360.

³ См. текст названного письма.

⁴ Имеется в виду, что Иванов тяготел к ночному образу жизни, а Зиновьева-Аннибал — наоборот, и она старалась установить «правильный» режим для него.

⁵ Слова из молитвы «Отче наш».

⁶ Текст нам неизвестен. Небольшой фрагмент о Моммзене Иванов цитирует в «Автобиографическом письме» (II, 17).

⁷ П. 371.

⁸ То есть «плакал».

⁹ О чем идет речь, нам неизвестно.

¹⁰ Иванов написал Зиновьевой-Аннибал в Пезаро несколько писем. Здесь, видимо, имеется в виду первое (п. 3).

¹¹ Вероятно, имеется в виду письмо:

8/30 decembre Lundi

Дорогой Вячеслав целую тебя очень крепко как ты поживаешь и как у тебя идет дело надеюсь хорошо. Я очень сожалею что я сам не мог купить тебе рамку ну очень рад что все таки у тебя есть пирка от меня хотя её не я покупал а мама. Я тебя очень очень благодарю за твою хорошенькую группку которую ты мне послал и тоже за твой портрет мне он очень очень понравился и с этих пор я могу тебе сказать что ты рисуешь очень хорошо. Прощай дорогой Вячеслав тебя целую<т> Вера и Лиля твой любящий

Костя

(РГБ. Ф. 109. Карг. 38. Ед. хр. 26. Л. 4.)

¹² Старшей сестрой (*фр.*).

¹³ Бледно-розового цвета (*фр.*).

¹⁴ Имеется в виду фреска «Сена» («Тайная вечеря», 1495—1497), гравюра с которой висела в доме Ивановых; ей посвящено стихотворение Иванова в сборнике «Кормчие звезды».

379. Иванов — Зиновьевой-Аннибал 18—19 декабря 1901 / 31 декабря 1901 — 1 января 1902. Афины

17 День

Вторник 31/18 Дек.

Пишу тебе, милая Радость, в постели. Лег в 9 ч<асов>, читаю греческие стихи; тепло под толстою шерстью, да еще на ногах Лулука; в окна бьется ветер; дождь сегодня. Дождусь ли 12 ч<асов>, или раньше засну, не знаю. К тебе стремлюсь всем существом, всей тоской и любовью и страхом и надеждой. Хочу быть доверчивым, как ты велишь. Хочу мужествовать. Но моя душа <?> сегодня как-то растворяется, и — нет, я не мужествен, и работать мне не радостно. Долго стоял в пинете и смотрел на хмурые горы и серебряные просветы по поверхности моря под копытами лучей, прорывающихся из туч. (Из Института возвращался домой.) И было так умиленно на душе, и так сладко было милующее созерцание, и так странно личное сознание жизни, и так горек вкус ее.

Когда же я повернул вдоль горы к нашей долине, меня встретил грозно нахмурившийся, великолепно синеющий Гимет. Я пришел к себе, лег в постель, стал плакать и потом уснул. Все

тебе пишу, как есть... И теперь прощайте, книжки, тушу огонь, и постараюсь встретить новый год в глубоком сне. Благослови нас, Боже!

День 18.

Среда 1 Янв. 1902 / 19 Дек.

Радость-Лиля, новый год встретил во сне, как хотел. Но потом проснулся и даже в 3 часа зажег лампу и занимался. Вот все мои Treiben¹ ты видишь, как будто ты со мной. Сейчас иду в Институт, там буду заниматься и также оставляю визитную карточку в квартире Дерпфельда: думаю, что так при совокупности обстоятельств приличествует. Вот это письмо должно прийти к вашей елке. Желая вам еще радоваться, и тебе особенно желаю радоваться безоблачно семьей; мне хорошо, у меня хорошие занятия (их-то даже слишком много), хорошие чувства, хорошие мысли, хорошие надежды, и любовь, и вера. И сама ты — моя Вера и Любовь.

Ogasempfe.

Целую Верушку и Лилю.

Жду вечера (среды), который приносит письма. Когда ты получаешь письма от вторника, среды, суббота, воскресенье?

Конверт с не пропечатавшимся афинским штемпелем. Женевский штампель абсурден: 5.XII.02. Мы предполагаем, что письмо пришло в Женеву 5 января 1902 г. Написано химическим карандашом.

¹ Деяния (нем.).

380. Зиновьева-Аннибал — Иванову
17—20 декабря 1901 / 30 декабря 1901 —
2 января 1902. Женева

30 Дек. 15 день мужества.

9 час. веч. Понедельник.

Продолжение дня, уже отосланного с утренней почтой. После ванны, где Лиля серебристо хохотала всё время, потому что страстно любит ванны, и в той же купеле так!> чинно мылась Верушка, тоже очень довольная, в особенности моим визитом, — обе девочки, Лиля, унесенная Miss Blackwell, как серебрянный так!> звоночек, с белыми брыкающимися ножками в красных башмачках, Вера в красном капоте — переправились в постель-

ки. Костя уже ждал молитвы. Помолитесь и теперь спят. Маруся скипидарит Сережу. Miss Bl<ackwell> заваривает и накрывает нам вечерний чай. Я лежу в дорогой келлейке <?> на кушетке, тикают Еленины часики на ночном столике. На печки <так!> светит лампа наша парижская. Слева, близко, близко надо мной виднеется всегда неизменно благой лик Спасителя — Лионардо.

Дотик, матит, понравились ли картинки. Я в них была влюблена. Ты, ангел матит, получишь ше<ко>ладу. Не ворчи, сходи за пакетиком и заплати пошлину, если придется. Шеколад слишком вкусный и полезный, чтобы не потрудиться и не потратит<ь>ся для него, да и не велика трата: он здесь так дешев. Ты не пьешь утром при пробуждении тафийку¹: изволь теперь съесть в постеле <так!> 3 или 4 пластиночки шеколаду раньше, чем высунешь ножки из одеяла. Вот мой завет. Татата, я не досказала тебе, что вчера после завтрака во второй раз рассказывала о Палестине, собрав всю семью². Оля и Кристина плакали, когда я рассказывала о ночи в Храме Гроба Господня. Так как снег мокрый шел, то к дедушке не пошли. Сегодня, Дотик, после завтрака ездили с Марусей в город: купили подарок Вериной учительнице и еще мелочь между 1 часом — 3 ч<асами>. А в 3 я вернулась и отправилась к дедушке. Гуляла с ним в саду, т.к. тучи пронеслись, небо стало ясным, над рекой потянулся туман и па́рило у подножия гор по долине, но в воздухе стояло тепло почти весеннее, и чувствовалось прозябание. Отец говорил о своей тоске, о ревности и дурном хар<актере> Луизы, о том, что она не допускает ему <так!> иметь лошадь, говоря, что с ней много работы, и не допускает его к нам. Признаюсь, я весь вечер больна была от него, несмотря на все усилия воли и на то, что добрая Маруся, набегавшись до 4.10 в городе, всё-таки пришла за мною к отцу, зная мою тоску. После обеда убрали быстро со стола и вновь вся семья с Кристиной включительно слушала «Мертв<ые> Души» и много хохотали над Коробочкой. —

Вторн<ик> 31 Дек<абря>. 16 д<ень> м<ужества>. 9 ½ утра. Под Сена. Только что после брэкфаста, посидев минуточку рядом с клеткой в окне столовой, где веселая семья, пришла к себе в светелку. Дети внизу, суетясь, готовят сюрприз, о котором ты знаешь так скоро сравнительно с мною, еще томимой! Маруся, которую уложила в 11 ½ (сама вчера легла в 10 ½ и чудно выпалась) и подняла в 8 ½, теперь ушла в свою комнатку, которая была бы, правда, уютна, если бы она нашла, наконец, по вкусу рамы для

многочисленных картин. Miss Bl<ackwell> с детьми, т.к. сюрприз английский, и для него во время вчерашнего «Гоголя» пришивались Верою на мой старый атласный белый лиф красные бумажные сердечки. Оля на рынке, где покупает, между прочим, и розовую подкладку для Сережиного сине-серого халата, который она вчера вечером перед его сном уже примеряла ему, а он строил такие отчаянные рожи идиота с вываливающимся языком, что у нее руки опускались закалывать халат. Кристина хлопочет <?> с завтраком. Кстати, она действительно *замечательно* вкусно и разнообразно стряпает, она не узнаваемая. У нас стол отличный, и с тех пор, как я здесь, не повторялось ни одно блюдо.

Дотик, целую, целую, целую, целую.

Абажур — изделие Маруси, если длинен, подрежь снизу. Одеешь на картон свой или на проволоки и, одев, завяжи тесемки по ширине круга.

6 ½ ч<асов> веч<ера>. Под Сена. В ожидании обеда и несколько минут после ухода детей Strachan'ов и двух мальчиков Siebelin (сыновей той американки, друга Жуковских, у которой Костя учился solfège)³. Теперь дети убирают костюмы после представления. Дотик, свершилось... сюрприз свершился, и я узнала, и ты узнаешь.....

8 ¾. Там же. Отобедали, посидели с детьми. Теперь они ложатся. А я продолжаю письмо. Оля и Кристина торопятся на балаганы, — только что сбегала вниз: молилась с детьми, страшно и полно счастливыми, и девушки ушли. Дотик, Татата, слушай: сегодня всё утро и после завтрака до 3-х писала «Чертозу». В 3 оделась в голубовато-серую шелковую рубашечку, купленную в Мюнхене, причесалась набок и сошла вниз. Там уже собрались дети-гости: 6 чел<овек>, значит, 10 с нашими. Сели к чаю: были всякие пироги и варенье, слива и вишни Марусиной варки, и мед. Был за отдельным столиком чай для младших под председательством Веры со своим маленьким самоваром. Один из мальчиков Зибелин, глупенький (— идиот), но добрый, и не производит тяжелого впечатления. Другой лет 15-ти, *очень* симпатичный, чистый, скромный мальчик. После чая наши исчезли, и через несколько времени Miss Black<well> позвала нас в залу. Вот, Дотик, программа, нарисованная Miss Bl<ackwell>: их было 6 штук, одна другой милее⁴. О Дотик, сегодня я была глубоко взволнованна, потому что то, о чем я так глубоко и долго мечтала, совершилось: я жарко полюбила Лидию, я внезапно поняла,

какое сокровище у меня, и что она *наша*. Мы сидели в Hall, неподалеку от закрытой двери в гостиную. Дверь открылась, и в освещении предстала Лиля с легкими золотистыми длинными волосками по плечам, красным бантиком, и вся нарядная в вышитом русском костюмчике (такой был у Верушки еще раньше).....

17-й д<ень> м<ужества>. 1-ого Янв<аря> / 18 Дек<абря> 1902/1901. 10 ч<асов> утра. Сена Светелка.

Дотик, стану продолжать, потому что вчера побежала мыть голову, а потом легла спать, чтобы не поздно встать. Итак, золотое мое счастье, слушай: вот предстала Лиля и с полным спокойствием и милой улыбкой поклонилась нам и тотчас ясно и с прелестным выговаривая <так!> продекламировала стихотворение «Nouvel An»⁵, выученное в школе. Потом она еще выступала в пенье общем, где ее голосок поддерживал весь хор. Затем она пела отдельно английскую песенку с аккомпаниментом <так!> Miss Bl<ackwell>, причем аккомпан<е>мент начинался отдельно, и она, повернув личико и всю свою складную фигурку к публике, вступала голосом прямо в такт, где следовало, вовлеченная музыкой, и произошло так ясно и так ритмично, что каждое словечко пресмешной песенки было понятно, и личико выражало само по себе всё. Затем еще было «Musical skipping»⁶. Это под такт музыки она, встав перед нами, прыгала на разный манер через скакалку, украшенную бантиками и бубенчиками у ручек. Ритм и ловкость поразительны: и двумя ножками, и одной, и вперед веревкой, и назад, мягко и ритмично ударялись дорогие ножки, и личико сияло всею силою и счастьем красивой, ритмичной жизни. И какая деликатная, послушная и любовная девочка. Да, она наше светлое сокровище, которая <так!>, как солнышко утреннее, начинает свой жизненный день! Всё остальное было прелестно в театре. В сцене очень трагической из Шекспира Вера выучила прямо страницы наизусть, говорила без запинки, очень *хорошо* произнося и очень правильно и талантливо декламируя. Она была мальчик, и очень хорошенькая. Сюжет был в том, что Сереже, какому-то царедворцу, было поручено каким-то английским мерзавцем-королем выжечь Вере-мальчику глаза, и являлся Костя-палач в несказанно страшной маске со щипцами. Кончается тем, что Вера умаливает себе пощаду. Очень красивы были жив<ые> картины. Коро<ле>ва «Hearts» или Червей карточных, в атласном белом платье, обшитом красными сердцами, в короне с сердцем и распущенными прекрасными пепельными волосами печет

mince-pies⁷. 2) Потом валет червей, или Hearts, крадет их: Костя с большим Heart на спине, весь в белом, стоит в таком воровском убегающем положении, оглядывается с таким *неподдельно* плутовским веселым лицом, что роскошь! 3) Затем король червей в короне, очень красивый является к жене за пирожками, и жена стоит, сначала веселясь, а потом в отчаянии над пропажей. 4) Затем король хочет бить валета, а королева захватила его и в отчаянии молит о милосердии* 6) Наконец, последняя гармония: король ест возвращенные валетом пирожки в центре, справа королева, блистая белыми красивыми зубами и блестящими волосами, закусывает пирожок, а спереди вполупорот <так!> стоит клянущийся исправиться валет, и на его белой спине горит огромное красное сердце. Разве не подходящая роль Козлу? А как прекрасна, совсем сказочна была Вера. И как всё просто и мило. Затем хорош был длинный монолог трагический из «Henry V»⁸ Сережи, кончавшийся тем, что он бросается в жаркой молитве на колени. Вера говорила немецкие стихи, бойко, произнося ясно и очень старательно, но комично не по-немецки. Словом, было разнообразно, обильно и столько наслаждения, что я тихо и печально плакала в полутемной комнате, в мыслях и любви присоединяя к Лидии и остальным Елену..... Дотик обожаемый, только что Марусенька приходила и снимала меня. В комнате темновато и потому трудно. Маруся снимает en vrai artiste⁹.

10 ч<асов> утра. 18-й д<ень> м<ужества>. 2 Янв<аря> / 19 Дек<абря> 01/02 <так!>. Четверг. Под Сена.

Дети только что пришли наверх и бросили на меня serpentine из жестянки <?> бесконечной ниточной <?> бумаги, которую купили вчера на ярмарке. Было много смеху. Косте было разрешено порисовать <?>, потому что он только что перед тем скромно через Веру прислал мне своей работы школьной *прелестный* рисунок настурций, очень аккуратный и показывающий в нем хорошую способность рисовать. Вчера после завтрака все, кроме Маруси и меня, ходили на fête du Nouvel An¹⁰. Всем, включая и Miss Black<well> и девушек до Кости вниз, было дано по 1.25 на ярмарку, Косте 75, Лиле 50 и на брата еще по 20 сант<имов> на стакан молока и пирожок. Затем вечером мы с Марусей сделали судилище и присудили призы тем, которые умнее всего распо-

* Следующая фраза находится на обтрепанном нижнем крае листа и не читается.

рядились деньгами. I-й приз в 1.50 фр<анка> был разделен пополам двум заслужившим его одинаково за *цельность* вкуса Сереже за Спорт (всё было истрачено на разные состязания ловкости), Оле — за сласти, которые все были куплены у Итальянцев и почти все нам скормлены за обедом, мне преподнесен большой красный петух сахарный, с которым я долго перекликалась, изображая голос старого петуха и молодого, хриплого. И напугала всех за столом, потому что Оля сказала: «Ну вот, какое разочарование, я вам подарила петуха и думала, что вы запо....» — тут-то я как крикну во всю петушиную глотку, она так и откинулась в испуге. Ну, дальше. II-й приз (1 фр<анк>) пополам: Вера и Кристина за бережливость и разумное распределение трат, потому что сохранили часть денег, а что истратили, то на много разнообразных мелочей, удовлетворяющих разнообразные потребности. III-й приз цельный, 50 сант<имов>, Miss Bl<ackwell> за добродетель (В сущности — за глупость). Она прокатала 80 сант<имов> на карусели, причем совсем напрасно, и просто по неловкости не нашла себе лошади и прицепилась к Лидиной и будто бы ее поддерживала. Она бестолковая девушка, но имеет чудный характер, и добра к детям, и старается. Но так приятно, что у нее жених, и года через 2 мы радостно простимся, как радостно живем теперь вместе. Легко! и какое отдохновение от муки привязанностей земных с земными разлуками.... Призы были розданы мною с юмористическими поздравлениями и пожеланиями и с сожалением о том, что *всего* одна добродетель на всю семью! Папа подарил мне какую-то старую баночку с пахучими бумажками, которые я тайно посыпала на калорифер и стала уверять, что это благоухает добродетель Miss Bl<ackwell>, беспорядочно швырнувшей розовую бумажку (в которую был завернут ее приз) на калорифер. Все хохотали и поздравляли ее, не понимая, откуда на весь дом благоухание¹¹.

Ну а кроме вздора могу сказать, Дотик, ангел обожаемый, что вот 3-й день правильно и по несколько часов работаю над «Чертозой». Кстати, нашла начало Муна «Песнь Любви и Разлуки...» из Прима <?>. Что у тебя? и нашла в «Собаке» голову Капуанской «Елены»¹². Дотик, с утренней почтой не было дорогого письмеца. Жду в 12. Дотик, я не пишу тебе поздравление с Новым Годом. Ты велел мне праздновать Год, я и был<а> одна в ту ночь, и старалась настроить себя, но не могла, и заснула. Дотик, не имею настроения к этому условному светскому празднику. Для меня каждый вечер кончается старый год с благодарностью Христу и

Богородице за сохранение мне тебя и с молитвой сохранить тебя и на новый день. Когда ты у меня — вся жизнь светлый луч, и большего чего мне просить?

2 ч<аса>. После завтрак<а>. Там же. Татата, только что получила за завтраком твое письмо. Татавец, что же это? Если бы не последние два заявления, что тебе лучше, я уныла бы. Знай, Дотик, я всегда могу приехать к тебе. Только бы до моря добраться (всего 12 часов), а там всё одна волна, как один луч месяца или солнышко. Как на море, так и словно не разделены. Такое мое чувство. Оттого, верно, в Марселе я и затосковала, хотя и не знавала причины. Мальтит, мне-то хорошо здесь, потому что вокруг любовь и я всем нужна. Ты же так одинок! Но, детка, все здесь знают, что бедный матит, все отпустят меня в любую минуту к тебе. Живи с полною этой уверенностью и будь вполне искрен. Видишь ли, детям так хорошо. Маруся так бесконечно полна нами, поддерживает такой наш живой «культ» в детях, что мое отсутствие для них не было бы истинным лишением после хотя и краткого, но полного и, чувствую, *très efficace* <sic!>¹³ посещения. Итак, Дот, будь спокоен и правдив. Афины тебе нужны, и я также, потому ты получишь нас обеих <так!>, когда пожелаешь. Дот, ты не притесняй Ангела, дабы он *не ухудшал обеды*. Это правда, что я ела не очень много, вернее, что готовить на одну или на двоих — всё равно почти. А угли не на самовар, а на *фростó*¹⁴ идут. 60 фр<анков> вполне надо дать, но выговорить, что будет уступка, когда ты меньше будешь жечь керосину весною, и то сантимов на 10 в день или 15! Дот, относительно Эрнесто сам квартальный не разберет, я и сама думаю так: вероятнее всего, что он подлец, но, может быть, и честный и хороший человек. Всячески Ольга *не может* отступить от него, не повидав его вволю, не составив живое впечатление и по-новому о нем. Будешь упрекать или нет, Дот, не знаю, но я распорядилась так: Ольге в Неаполь против всех их приличий ехать — не позволяю, зато *сама* написала Эрнесто письмо: Мои обстоятельства позволили мне взять к себе Ольгу, и что, желая ей добра, я не согласна на на <так!> ее брак в чужую страну раньше, чем сама я ближе познакомлюсь с ее женихом. Поэтому я поставила ей условием: если *она хочет не ссориться со мною*, чтобы она выслала ему те свои деньги, которые накопила на свое путешествие в Неаполь, и чтобы он на эти деньги приехал в Женеву на несколько дней, где я приглашаю его остановиться в моем доме. Обставила это требование деликатно, но поставила его очень твердо. Видишь ли, хитрить теперь, изо-

бражая холодность к Оле, нет больше смысла: или он верил ее бедности, и <ли> не верил и *не говорит*. Значит, остается одно: надежда, что спокойное, пристойное свидание в лоне нашей семьи, где ее душа всё время будет *дома*, в родном Оле месте — даст ей возможность строго и прямо взглянуть на него и нам всем получить живое о нем впечатление. Большого сделать нельзя для нее. Если он *не* согласится, то не знаю уж, что начать. Жду ответа на днях. — Дот, я ведь так работаю. Посреди комнаты керосиновая печурка, а окно открыто для воздуха. Из этого ты видишь, что погода мягкая и я чувствую себя очень здоровой.

Оля печет тебе крендель. Да, Татата, ведь дорогая старая I часть нашлась, запёхнутая в чемоданчик! и теперь только что прервала себя в списывании описания первого вида из лоджии келлейки <так!>, чтобы сообщить о находке. Целую. Продолжаю.

2 часа. Дотик, Маруся приютилась на диване у нас и читает «*La querelle des anciens et de Modernes*» Brunetière¹⁵ и вдруг спрашивает, что значит «*rigolo*»¹⁶, и женевское ли это выражение. Я объяснила, а она сообщила, что на вопрос Лидии, нравится ли ей ее учительница (помощница старшей), Лидия ответила: она — *rigolo*¹⁷.

9 ½ вечера. Там же. Еще вот что: несмотря на твое заявление, Дотик, чтобы я лучше не читала Оле твоих рассуждений об Эрнесто¹⁸, я прочитала ей их конец и передала идею. Ведь подобное и я высказывала ей тотчас же по приезде. Она поручила мне сказать, что была очень рада узнать твое мнение и очень благодарна. И чувствует себя лучше с тех пор, потому что с разных сторон может обдумать свое дело и лучше подготовиться к свиданию. Она ведь очень разумная и славная девушка. Но что же нам с ней было решить? Бросить без свидания не в силах она, да и справедливо ли? А видеться с ним может только у нас. Пора бросить хитрости, вести дело прямо и решать по впечатлению живому. Не надо бросаться головой в омут. Но и бояться жизни через край — тоже могила.

Дотик, Марусенька страшно спешила проявлять и печатать фотографии и потому пришлось пользоваться серым днем, почему всё вышло бледно, и я кое-как пометила карандашом линию шеи, а то всё сплелось <?> и было страшно смотреть. Скоро пришлем лучшие, очень спешили снимать, в комнате было мало света и мы вообще ужасно волновались. Некрасиво, но, Дотик, всё так забавно. — Сегодня в 5 ½ веч. прибегает наверх к нам Ольга и го-

ворит — Степ<ан> Ник<олаевич> пришел. А дети были все у Strachan'ов¹⁹. Я в разгаре моей главы, Маруся возится с фотографиями рядом. Я не хочу идти, и Оля пошла и сказала, что мы заперлись в темной комнате, проявляем. Бедняга просидел с ½ часа один, потому что я хотела закончить свою работу. К шести приехали дети, и мы сошли к обеду. Много смеялись с ним. После обеда он стал играть с Костей и Сережей в волан <?>, а мы с Марусей укладывать тебе пакетик с сюрпризами. Когда-то придет? Посылаем завтра. Дотик, χαλνίηχα (orasempre)²⁰. Спешу отправить до утра письма. Татит, Христос с тобою.

Лидия.

Забыла сказать о комическом диалоге одном, где Вера <1 нрзб> учила Сережу в парике с жемчугами принцессу, должествующую выйти замуж за английского короля — по-английски. Смешным Сереже, выбравшему пиэсу казалось ломание английских слов. Но эти дорогие детки не поняли грязнейшей остроты, бывшей le clef <?>²¹ ком<ической> сцены: fast-fast <?>²² и т.д.

¹ На «детском» языке, видимо, «кофейку».

² О первом рассказе см. в письме М.М. Замятниной к Иванову:

№ 89. День 295. Вторник 11/24 Дек. 1901. Двенадцатый час

Утром сегодня Лидия начала нам рассказ о своем путешествии, пока довела до Яффы включительно, ах нет, до Иерусалима уже, т.е. она рассказала о переезде по жел<езной> дор<оге> и довела до «Раскопки», т.е. до того момента, к<а>к вам сказали, что придется устроиться не в главном здании Палестинско<го> общества. Страшно интересно и хорошо Лидия рассказывает. Слушаем все за исключением Miss Bl<ackwell> и Лидии маленькой, которая забегает к нам минутами только. Сидим все в маленькой гостиной вокруг стола овального (лампа с него снята во время рассказа), Лидия и я на диванчике, остальные кругом на креслах и стульях, слушают и Оля и Христина. На столе разложены фотографии видов и географические карты. (РГБ. Ф. 109. Карт. 19. Ед. хр. 13. Л. 19 об.)

³ Зиновьева-Аннибал путает написание фамилии, явно записывая со слуха: речь идет о певице Zibelin-Wilmerding (сопрано), устраивавшей в Женеве концерты под названием «L'Heure musicale» («Музыкальный час»). Подробнее о ней см. в письмах далее.

⁴ Ни одного экземпляра программы нам не известно. 24 декабря (с ошибочным обозначением года — 1902) Иванову писал С.К. Шварсалон: «Во Вторник у нас было устроено для Мама концерт («divertissement»), про который Мама тебе писала. Мы могли его хорошо устроить благодаря Miss Blackwell, которая нам сделала костюмы и т.д. Нам самим было страшно весело, и нам была еще другая радость: что мы Мама доставили удовольствие» (РГБ. Ф. 109. Карт. 38. Ед. хр. 54. Л. 76 и об).

⁵ «Новый год» (*фр.*).

⁶ «Музыкальные прыжки» (*англ.*).

⁷ Сладкий пирожок (*англ.*).

⁸ «Генриха V» (*англ.*). Имеется в виду упоминавшаяся выше историческая хроника Шекспира.

⁹ Как настоящий художник (*фр.*).

¹⁰ Праздник Нового года (*фр.*).

¹¹ Ср. также письмо В.К. Шварсалон (с припиской Л.Д. и ее рукой проставленной датой) к Иванову, описывающее события этих дней:

2 янв. 01/19 дек. 02 <так!>

Дорогой и милый мой Вячеслав

Поздравляю тебя с праздником и желаю тебя <так!> всего хорошего и как можно лучше провести праздник. Как грустно без тебя, но я знаю, что так нужно. Как, как весело иметь маму и Сережу.

У нас был театр во вторник, о котором тебе Мама писала, и нам было очень весело представлять <так!>; но мы без Miss Blackwell не могли бы такие хорошие одежды достать, она очень очень нам помогла. Мы ходили на ярмарку вчера, и очень было весело, у нас было с Сережей по f<gancs> 1.25, и по возврату давались призы тем, кто лучше всего истратил деньги: я получила второй приз (50 cent<imes>) и хочу на эти деньги купить на память статуэтку. Я их очень люблю. Погода у нас очень гадкая: дождь и ветер, но тепло. Мы, я думаю <так!>, никогда не получим катанья на каньках <так!>. Теперь мы идем к Mrs Strachan и там нам будут читать трагедию, которою <так!> дети придумали и мы будем представлять <так!> на Пасху. Какая теперь у тебя погода? Крепко крепко и нежно целую тебя дорогой Вячеслав и поздравляю еще раз и, желая всего хорошего,

Многолюбящая тебя

твоя дочь

В.

<Приписка Л.Д.> Здесь Сережа хотел приписать, но затормозился и не поспел, прогнанный мною спать. Я за него целую тебя крепко — как он любит тебя. Если бы ты слышал, как чудно они молятся за тебя, за твое возвращение, за силы и благодарят за выздоровление и всегда повторяет <так!>: «Чтобы с Вячеславом и мамой всё было бы как можно лучше». Целую за себя, Дотик.

Лидия.

(РГБ. Ф. 109. Карт. 37. Ед. хр. 2. Л. 15—16 об)

¹² О чем идет речь, нам понять не удалось.

¹³ Очень плодотворного (*фр.*). Должно писаться *efficace*.

¹⁴ Варку еды (*греч.*).

¹⁵ «Спор древних и новых» Брюнетьера (*фр.*).

¹⁶ Забавный (*фр.*).

¹⁷ Лидия делает ошибку, потому что должна была сказать в женском роде *rigolote*.

¹⁸ См. п. 372.

¹⁹ Об этой семье см. далее в письмах.

²⁰ Доброй ночи (*огасεμπρε*) (*греч., ит.*). Греческое слово должно писаться *καληνύχτα* или *ταληνύχτα*.

²¹ Ключ <?> (*фр.*).

²² Быстро-быстро <?> (*англ.*).

ПЕРЕПИСКА
1902

381. Иванов — Зиновьевой-Аннибал
19 декабря 1901 / 1 января 1902. Афины

День 18.

1 Янв. / 19 Дек. '902

7 час<ов> веч<ера>

Лиля-Радость, я очень счастлив твоим светлым письмом¹. Я вижу, что тебе хорошо и что у нас хорошо. Живо встает образ нашего дома и семьи, куда самоотверженная энергия любви Марусиной принесла Эвномии и Хариту². Как радостно мне благообразие, εὐσυχνησοῦνη³ детей! Маруся, создающая гармонию! Маруся, играющая на кифаре: «Большой палец» в роли плектрона⁴! Чудеса творит любовь. Скажи ей мое умиление.

Опустив письмо тебе и два δελτάρια⁵ Вере и Оле в 11 ч<асов> 5 м<инут> (что заставляет меня беспокоиться за своевременное их прибытие), я направился в Институт, где был до «после завтрака» (завтракал приблизительно от 1 ч<аса> до 1 ½; хозяин спрашивал опять о твоём здоровье и письмах*. В Институте оставил карточку Дерпфельду, виделся с Шиффом и Вильгельмом. Последний, после обмена новогодних приветствий, завязал разговор, спрашивая, долго ли я пробуду здесь, поеду ли на gigi⁶ и почему говорю по-немецки «so ausgezeichnet»⁷; так что я ему рассказал коротко свою научную биографию. «А я, представьте, не был в Риме!» И он стал, облизываясь, говорить, как хорошо заниматься Грецией *римского*

* А пэди²⁵ подарил мне хорошенький бутон розы, который я теперь дома, к сожалению, потерял, переодеваясь. (*Прим. Иванова.*)

периода, потому что эта область так мало исследована! Я должен был разочаровать его признанием, что меня интересует теперь совсем другое. Говоря о том, что сам он вполне сосредоточился на одном, я похвалил его удивительную продуктивность; он защитился против подразумеваемого возможным смыслом «Vielschreiberei»⁸ заявлением, что всегда боится скоро высказываться и доверять первому впечатлению и по возможности медлит. Я прибавил еще, что его работы мне кажутся, при их многочисленности, всегда и очень точно отделанными, — и, кажется, он был доволен. Из Института в 4 часа я, выпив пива, пошел, увлеченный чудесною свежей погодой, в королевский сад, где побродил, вспоминая наши блуждания. Начал, как у нас заведено было в последнее время, с аллеи тех вееролистных пальм и, конечно, побывал и на холмике; олива под ним тебе кланяется.

Дома неожиданно (я уже привык, что письма приносят поздно) нашел твое светлое письмо. Хорошо, что ты делаешь всех так счастливыми. В частности разумею подарок Miss B<lackwell>. Хотелось бы мне быть при твоих рассказах в уютной гостиной и все опять переживать с тобой. Хорошо, что дети имеют мир душевный, что Лидия тебя привлекает...

Фотини (несомненная клефтра⁹) принесла вымытую твою рубашечку — и сейчас же торжественно подносит ее к твоему портрету с целою речью в своем церемонном стиле. То же повторяется с новоприобретенною блестящею солонкою, украшенною зеленью. Твою загадку — кто такое жирный нахал¹⁰, — я отгадал тотчас; ты мою последнюю нет. Знай же, что первый стих означает твой портрет (фотография), а второй — твою телеграмму (электричество)¹¹.

*День 19.
1 ¼ ч. дня*

Четв. 2. I / 20. XII

Вернулся из Музея, где разбиралась одна псефизма (народное постановление) и надпись с балюстрады Ники, о которых говорил при тебе Дерпфельд, — через пинету домой позавтракать и поспать. Нашел твой портрет украшенным: Фотини прикрепила к штендеру¹² мою закладную ленточку (лиловую) и вчерашний бутон, лежавший в ящике бюро... Клефтра, клефтра... — только не Лулука¹³!

5 ч.

Мой five o'clock tea¹⁴ окончен. Ленточку я снял, а бутон (распустившийся) оставил над твоей головой. Так красивее.

День 20

Пятница 3.I/21.XII

Утром в Инст<итуте>. За завтраком получил прилагаемое письмецо тебе¹⁵. Леонардо очень ждет ответа. Удосужьтесь с Сережей написать. Воспользуйся также Сережей, чтобы написать Фотини: ей это очень польстит, и она будет радоваться. Да и вам очень полезное упражнение. Спячка моя продолжается, сплю до 4 часов. Ночью часто не могу спать подолгу. Лампу тушу в 11 ч<а сов> чаще всего.

О боунице¹⁶ думаю. «Ne vous tourmentez pas»¹⁷. «Pian piano»¹⁸.

8 1/2 час<ов> веч<ера>

Приготовил письмо и 3 δελτάρια (Лиле, Косте, Сереже), чтобы поручить все это Ангельскому попечению, — как вдруг неожиданная радость: Ангел приносит письмо¹⁹ (и газеты) — как оно так скоро пришло? Ангел говорит: море спокойное. Начинаю читать.

Любимая Радость, очень счастлив тем, что ты пишешь, и очень растроган. О сборнике, повторяю, забочусь. Дни мужества ты перепутала: 30 Дек<абря> = 16, а не 15 д<ень> м<ужества>. Как я счастлив видеть три странички, написанные *пером*, и узнавать твой старый флорентийский почерк. Хорошо у тебя в нашей комнатке. Я бодр и радостен. Ogasempre.

Благодарю за письмо Сережу²⁰.

Я написал в первый раз Лидюше, и вдруг получаю ее первое письмецо. Очень обрадован.

Фотографируйте мне елку. И хочу видеть вас всех. Жду *ряда* фотографий. Также изображения «столика смешного»²¹.

Сереже филологическая проблема. В δελτάριον, который ему посылаю, французская надпись под картинкой не соответствует греческой. Намеренно это сделали или нет? Я думаю: ненамеренно. Быть может, здесь ошибка уха переводчика с греческого на французский (быть может, ему читали по-гречески названия картинок, а он писал по-французски).

В чем несоответствие? И отчего я предполагаю ошибку уха?
И что думает обо всем Сережа?

Упражнение в «критике текста».

Возможно, что мама догадается даже лучше. Ἐγὼ νοθεύω²².

Справлялся на почте: римского *mandat de poste*²⁴ все нет.

Прошу принять энергичные меры.

Конверт с неразборчивым афинским штемпелем. Женевский — 8.I.02.

¹ Речь идет о п. 370 или 373. Впрочем, возможно, что было еще какое-то письмо, нам неизвестное, поскольку о «Марусе, играющей на кифаре» и «большом пальце в роли плектрона» никаких упоминаний в имеющихся письмах мы упоминаний не находим.

² Эвномия (*греч. миф.*) — одна из трех богинь времен года, представляющая лето и раннюю осень. Харита — одна из богинь, воплощающих радостное и доброе начало жизни (по Гомеру, Харита была лишь одна).

³ Благообразие, благонравие, умение себя держать (*новогреч.*).

⁴ Специальная палочка для извлечения звука на струнных инструментах, в том числе на кифаре.

⁵ Почтовые открытки (*новогреч.*).

⁶ *Здесь*: научные экскурсии (*ит.*). В архиве сохранилась печатная программа:

KAISERLICH DEUTSCHES ARCHAEOLOGISCHES INSTITUT
IN ATHEN

VORLAEUFIGES PROGRAMM

der

REISEN DES INSTITUTS

Im Frühjahr 1902

Ausgegeben

Athen, im Juli 1901

Далее перечисляются два маршрута, о которых Иванов напишет, явно лишь переводя расписание на русский язык, в п. 471, а также поездки в Трою (с возвращением в Афины или Константинополь: туда ехать Иванов не собирался). На последней странице находится извещение:

Genauere Programme und Vorschriften für die einzelnen Reisen werden einige Tage vor dem Antritt einer jeden in der Bibliothek des Instituts angeschlagen sein. Meldungen zur Reise durch den Peloponnes sind bis zum 15. März 1902, zur Reise nach den Inseln und nach Troja bis zum 26. April 1902 an den Unterzeichneten zu richten. Da die Zahl der Teilnehmer nur eine beschränkte sein kann, ist es ratsam, sich möglichst bald zu melden. Die Kosten der Reise durch den Peloponnes betragen für jeden Tag etwa 13 Mark, die der Reise nach den Inseln etwa 16 Mark. Für die Reise nach Troja lassen sich die Kosten nicht genau angeben, werden einschliesslich der Rückkehr nach Athen oder der Weiterfahrt nach Constantinopel 100 Mark nicht viel übersteigen. Der Betrag wird auf den beiden ersten Reisen unterwegs in griechischem Papiergelde, auf der dritten in französischem Gelde eingefordert. Das Reisegepäck ist auf einen Reisesack oder Handkoffer zu beschränken. Für die Peloponnesreise ist ein fester Ueberzieher oder Regenmantel, sowie ein Essbesteck notwendig. Die Briefe der Reisetilnehmer werden, wenn sie an das

Institut in Athen (Phidias Str. 1) adressiert sind, während der Reisen soweit als möglich nachgeschickt.

Der 1. Sekretar des Instituts:
Wilhelm Dörpfeld.

(РГБ. Ф. 109. Карт. 50. Ед. хр. 11. Л. 3—4 об.).

⁷ Так отлично (нем.).

⁸ «Графомания» (нем.).

⁹ От греч. «κλέφτρα» — воровка; подруга клефта (новогреч.). О клефтах — борцах за независимость Греции см. ниже.

¹⁰ Имеется в виду эпизод из п. 373, где в виде «толстого нахала», переодевшись, предстала О. Никитина.

¹¹ Речь идет о загадке из п. 367:

Ночью, от света зачавшей, тот выношен свет, что мне светит;
И что не греет светя, тем я без света согрет.

¹² От нем. «Ständer» — подставка. Здесь: подставка для фотографии.

¹³ Лулука — кличка кошки. Однако смысл фразы неясен (о слове «клефтра» см. прим. 8).

¹⁴ Пятичасовой чай (англ.).

¹⁵ Речь идет о письме, приложенном к данному (см. ниже).

¹⁶ То есть о сборнике стихов.

¹⁷ Не беспокойтесь (фр.).

¹⁸ Потихоньку (ит.).

¹⁹ Речь идет о п. 378.

²⁰ Речь идет о письме С.К. Шварсалона от 28/15 декабря 1901 (РГБ. Ф. 109. Карт. 38. Ед. хр. 54. Л. 81—82).

²¹ В письмо вложен листок с переписанным рукой Иванова посланием Леонардоса Битроса к Л.Д. по-новогречески. В переводе оно таково: «Госпожа Лидия, здравствуйте! Мы в добром здравии — и вам того же желаю. Твой отъезд причинил нам величайшую боль, поскольку я привык к тебе и <хочу> видеть тебя часто вместе с твоим любезным супругом твоим <так!>. Передай приветы твоим любезным чадам и имею надежду, что встречу и я такое же письмо. За сим, твой...». К некоторым словам этого письма Иванов дал перевод на русский или французский язык или сделал примечания относительно грамматических форм, прибавив в конце: «Остальное понятно частью тебе, частью Сереже». Дальнейший текст следует на обороте этого листка.

²² Здесь: устраиваю состязание (древнегреч./новогреч.).

²³ Почтового перевода (фр.).

²⁴ От новогреч. «λαιδί(ov)» — ребенок.

382. Иванов — Зиновьевой-Аннибал 22 декабря 1901 / 4 января 1902. Афины

21 день.

Суббота 4.I/22.XII

Иду в Инст<итут> утром и потому пользуюсь возможностью прибавить еще эту картолину. Письмо и 3 δελτάρισ! поручены

были Ангелу. Тепло, как всегда, даже в плаще. Жарко, но дождь идет, и Дерпфельд будет, вероятно, читать в Институте. Мне хорошо, я нисколько не тоскую, когда есть такие светлые вести от вас. Я с вами. Вчера наслаждался чтением Платонова «Протагора»², — что и тебе советую. Как все греческое теперь ко мне приблизилось! как ожил язык! Одно μάλοτα³ у Платона чего стоит! Бедная Φωτεινή⁴ стенает ночью и днем, как Филоктет⁵: у нее (как у Филоктета) нарыв. Целую Марусеньку дорогую. Будь радостна и светла. Рассказывай о Палестине и Афинах. В.

Открытка карандашом. Штемпели: ΑΘΗΝΑΙ. 22 ΔΕΚΕΜ. 1901. — Genève. 8.I.02.

¹ Почтовые открытки (*новогреч.*). ΝΒ. Греч. слово написано без ударения.

² Диалог Платона.

³ Совершенно верно, точно так, именно так (*древнегреч.*).

⁴ Фотини (т.е. Светлана): имя собственное от греч. «φωτεινή» — светлая (*новогреч.*).

⁵ Филоктет — в древнегреч. мифологии царь города Мелибеи, участвовал в походе на Трои, но по пути был ужален змеей. Незаживавшая рана Филоктета издавала страшное зловоние, и его оставили на острове Лемнос. После десяти лет отшельнической жизни его убедили прибыть под Трои, где он был исцелен.

383. Зиновьева-Аннибал — Иванову 20—23 декабря 1901 / 3—5 января 1902. Женева

19-й д<ень> м<ужества> <так!> 3 Янв<аря> / 20 Дек<абря> 8 час<ов> веч<ера>. У Сена. Дети ложатся, Оля пошла вниз искать мой стилограф, Сережа читает, Маруся легла с мятным маслом, потому что устала. Дотик, Татата, день наш прошел невероятным образом. Всё началось и всё кончилось* в шеколадном <так!> магазине. В 10 утра мы оказались в Женеве с большой корзиной, где было несколько сюрпризиков для Дотика, и снесли ее в шеколадный магазин против почты. Затем я зашла на почту спросить про отсылку корзины, Маруся же свела Сережу к дантисту. Потом я зашла за ней к дантисту <так!> и мы сбегали еще за сюрпризиками Дотику, потом (только что был перерыв: пила чай, и Маруся сошла: ей лучше, но она обещает тотчас лечь спать)... вернулись в шеколадную, стали укладывать и взвешивать корзинку Дотика, потом понесли на почту, на почте велели приделать крышку, понесли обратно в шеколадную, перекладывали,

* До этого места написано карандашом.

затыкали <?> и сходили домой позавтракать, приехали опять в шоколадную к 2-м часам, понесли корзинку Дотика на почту, вернулись в шоколадную платить и стали покупать очаровательные бомбоньерки <так!> на елку, потом запаковали две плиты шоколаду *comme échantillon sans valeur*¹ и пошли на почту отослать, потом вернулись в шоколадную заплатить... Было 4 часа! Побежали за покупками, так как хотим в воскресенье 23 праздновать все рождения и именины, и купили почти всё, что нужно, к 6-ти были на *gue Mont-Blanc*, и опять и в последний раз Маруся зашла в шоколадную за пакетом! Вот эпопея почты и шоколадной, начавшаяся <так!> в 10 час<ов> утра и окончившаяся в 6 веч<ера>. Продолжение до 9 часов — мятное масло! — что ты можешь оживить в воображении, понюхав этот лист*.

Окончу письмо сегодня наставлениями. Дотик, ты не сердись, если придется заплатить пошлину — вряд ли много. Шоколад же сам дешев, и посылка грош стоит. Здоровья же от него много. Ешь его всласть и постоянно. Не забывай. Буду присылать постоянно бандеролями.

19 д<ень> м<ужества>. <так!> 22 Дек<абря>

Суббота. 8 ч<асов> вечера.

Маруся с Сережей пошли к судомойке предупредить, чтобы пришла пораньше вычистить сапоги и вымыть калоши завтра утром (единственное, что она делает), потому что с раннего часу собираются старшие трое, и Оля и Кристина на полвысоты *Salève*² кататься на санях с гор снежных. Это наслаждение в честь праздника сборных рождений и именин. Вера, прелесть, т.к. мы с Марусей бегали по лавкам, *не приготовила* во весь свободный субботний *afternoon*³ ни одного урока на понедельник и теперь, вероятно, воеет и капризничает и не идет спать. Костя в ванне с *Miss Blackwell*. Я жду Марусю, чтобы справит<ь>ся с Верой, не выносят мои нервы этой распушенной девочки... Только что, впрочем, решила позвать сверху Веру, и она неожиданно ответила мне грустным и кротким голосом, что сейчас будет в постели! Эта кротость, несмотря на мою угрозу наказать ее без катания завтра <так!>, тронула меня. — Оля гладит белье. Кристина убирает посуду. Я лежу у Сера и едва пишу даже тебе, Дотик, едва пишу — устала. Видишь ли, страдные дни. Ведь встаю я в 7 ½ и

* На бумаге осталось масляное пятно.

сегодня писала письма Саше⁴ по делам и Гольштейнам. А с часу в город, сначала Серезу к дантисту, потом за покупками. Завтра утром будем раздавать подарки, 1-ую серию, т.е. именинную, т<ак> сказать, а во Вторник на Рождество ёлочные. Трудно!

Дотинька, неоценимый матит, получила за брэкфастом твое письмо золотое. Надрывается у тебя как-то сердце! Беспокоит это меня. То бодрость, то уныние и ночная тоска! Дотинька, будь же умник! Уже прошло 20 дней, а когда ты получишь это письмо, — 27 дней, т.е. без малого месяц. Сколько хочешь еще таких месяцев отсчитать, хочешь один, хочешь два, и напиши слово, и я приеду. Пока же продолжай добросовестно описывать все свои настроения: я всё, всё понимаю. Я же лично пока прямо не успеваю тосковать: хлопоты, обязанности и урывки на роман, и гомон детский и праздничный вокруг: все интересы на то направлены, чтобы другим было веселее, лучше. Вроде чада какого-то. Повторяю: *строго потребуй хороших ужинов*. Кушай, татавец, хорошенько. Это пай, что купил яиц. Трудись, Татата. И, Дотик, маленький, боаницит — *кóа — кóа ли — тáтов*⁵? Я жду, Тотик, когда ты напишешь: «Пей за добрый путь боарницу! Честный матит умеет держать слово».

10 ч<асов> веч<ера>. Была внизу на молитве. Вера чудная девочка. Решила завтра встать в 7 ч<асов> и приготовить уроки до 8-ми. Выезжают в 8.40. Плакала горько от раскаянья, но тихо, и потом дивно молилась, повторяя с глубоким чувством: «Благодарю тебя, Господи. Прости меня, Господи. Помогите нам, Господи» и «Да будет воля Твоя!» После молитвы пошла вниз, чтобы распределять подарки. Но поздно. Иду спать. Оба министра⁶ прошли наверх *pour le couché de la reine*⁷. Дотик, спокойной ночи!

21-й д<ень> м<ужества>. 11 ½ утра. Сена. Воскресенье.

Дотик, получила утром дорогое письмо мецо от Среды с описанием встречи Нов<ого> Года. Всё то же впечатление «напряженных чувств», радостности и грусти нервных, не простых и здоровых. О, злое одиночество! Дотик, смотри, будь умник. Займись боарництом: это очень будет полезно. Пакать <так!> не надо, Дотинька, зачем пакать, когда мы скоро будем вместе. Конечно, лучше бы помужествовать, пока сил хватит, но, слава Богу, таких причин нет, которые ставили бы императивную преграду сокращению разлуки, и всё зависит от твоего состояния, потому что ты

покинутый матит и ты баной⁸ матит, и должен поправляться, а поправляться в тоске не можешь. Придет время, и ты окажешься здесь, в полноте и тепле дома и семьи, если даст Бог, но работа святая еще зовет к мужеству и подвигу! Дотик, Сережа не может расстаться с домом на 6 ½ месяцев и только успокоился, когда я обещала ему билет на пасхальную вакацию 19 дней, но если Пэтон исполнит мою просьбу и разрешит ему неделю занятий, введенную им после 1-ого дня на самую Пасху, то ему будет вакация с 12 Марта до 28 Апр<еля> н<ового> ст<иля>! Это неделя экзаменов, и для такого ученика не думаю, чтобы была необходима.

9 ½ вечера. Сена.

Дети спят. Оля расчесывает волосы в своей светелке, потому что сегодня они все: трое старших, Оля и Кристина кубарем скатывались через терновник по снегу выше колена с Салева. Вот как было дело, дорогой Куни: утром к восьми часам я приготовила вместе с Марусей подарки перед приборами в столовой: 1) Сереже... но иду спать: будет долгий эпос завтра утром до почты. Целую Дотинька, обожаю, дышу им. — 9 ч<асов> утра. Понед<ельник>. Сена 22-й д<ень> м<ужества>.

The Velvet Fate

«I scorn the Velvet Fate

The Velvet Fate was mad with rage!»

Oh, who will dare to contradict upon the Velvet Fate?

Oh, is it I, oh, is it thou, oh is it you

Oh is it we, oh, is it she, oh is it they?

Nay, it is I, nay it is I, who dare to contradict upon the Velvet Fate!..

Oh, who art thou, oh, who art thou,

Oh, who art thou, thou Velvet Fate?..

The Velvet Fate in rage did answer <1 нрзб>

«A dagger plunged into thy heart

will not awake my mercy»

«The dagger plunged into my heart

will not awake thy mercy?»

«The dagger flew past by.. the dagger flew past by...»

«And I will laugh ha! ha! and I will laugh ho! ho!»

And I will laugh ho! ho! and I will laugh ha! ha!

ha! ha! конец⁹. —

Всё это поется на очень нежную, мелодическую музыку с эмфатическими жестами. Автор — Певец, сам голый, полотенце переброшено через одно плечо и вода после ванны стекает по всему телу <так!>. Волосы страшно всклокочены, но восторг греет, зато бэкон внизу и *portige*¹⁰ стынет, и Маруся неистово бежит <?> — вечный враг Дионисического исступления. *10 ч<асов>*. Дотинька, теперь всё успокоилось. Только сообразили и записали последние покупки к завтрашней елке, описание которой ожидает тебя в следующую почту. Я вернулась к себе на кушетку и опишу вчерашний день.

— Подарки Сереже: (одно объяснение: он вымолил пить из твоего подстаканника с тем, чтобы я пила из своего) 1) собственный серебряный подстаканник, формой плетеная круглая корзиночка, больш<ой> восторг Сережи. 2) несесерчик красной кожи с фиалочками-украшения<ми> со щеточкой, греб<ешком> и зеркальцем, вроде Дотиного для кармана. 3) складные карманные ножницы в кожаном мешечке. 4) Два нос<овых> платка с красивым вензелем, 5) пахучее мыло. Вере: 1) совершенно артистического, старинного вида *большая* шкатулка: лак китайский внутри, снаружи мистические цветы и птицы — чудовища коричневые выпуклые. Очень важная <?> и *красивая* вещь. Дик восторг Верин. Шкатулка для писем. В ней было положено: 1) Коробочка с пахучим мылом, большим флаконом духов *Lila blanc*¹¹, 2) несесерчик простенький, греб<ешок> и зерк<альце>, 3) саше¹² в платках, чудесной силы, 4) прелестные 3 картолины с видами, 5) широкая шелк<овая> красная лента в косу. Чашку чайную и эделвейс <так!> — ее желание. Косте: 1) Теннис, игра на столе, очень веселая, 2) зонтик, 3) тросточка, 25 сант<иметров>, 4) тетрадки для рисования: цветы и орнаменты. 5) чашку. Лиле: 1) ферму, кот<орую> отвергли Запеваевы <?> для своего *Ungeheuer*¹³. 2) тетрадки для рисования. Она сказала: «Мои подарки лучше всех». Еще не успев отойти от первых восторгов, дети, кроме Лилы, в 8.40 с Олей и Кристиной поехали на *Salève*. Предполагалось на полвысоты катание с горы на салазках, но снегу было мало и вместо того наняты были ослы вверх: 3 для детей и 1 для Оли и Кристины. Ослы скользили по льду, что доставляло ощущение опасности и приводило детей в восторг. Наверху они пили покупной сироп со своим взятым из дому завтраком, потом спустились вниз на «собственных» салазках, сбились с пути и неслись через «дебрь

и круч», принесли рябины. Всю дорогу была вакханалия Каковцев и Ушенкенцев <?>¹⁴, которые, ура! живехоньки и в полном разгаре были в перепалке <?> Веры и Сережи¹⁵. Приехали они домой к обеду в 5 ¼, такие сияющие, восторженные, что сердце радовалось. За обедом распили бутылку Asti¹⁶, были тосты, ура, очередное <?> пенье, последний заключительн<ый> тост за Дотика! и речи: очень грациозная Верина и эмфатически, идиотски комичная со стороны Сережи, влезшего на стул и вопившего, как дурной пастор <?>, при общем хохоте.

После обеда все поиграла в превеселую игру теннис Костин, повозились в hall на полу дети свалкой с Олей и Miss Blackw<ell> включительно и пошли спать в упоении счастья.

Дотик, татата, вот поручение. Купи непременно скорее: национальный гимн Румын с *музыкой* и *словами*. Это и есть *моя обожаемая песнь* вакхическая. Красота ее неподдельная! Это открытие одно утешение в моем несчастном companionship¹⁷ с мерзостной Румынкой¹⁸.

Дотинька, пора отсылать письмо. Делаю опыт эту неделю и посылаю каждый день картолины. Посмотрю, не будут ли приходить чаще к тебе. Мы получаем твои письма от Вторн<ика> — в Субботу, потом от Среды в Воскресенье, потом от Суб<боты> и Воскр<есенья> в Четверг. Целую любовно свое солнышко, мысль, душу мою, жизнь мою. Еду в час с Марусей сначала на лекцию Bouvier (проба)¹⁹, потом за последними подарками и украшениями. Елка будет на славу.

Дотинька, ты получишь следующее письмо на 2-й день Нового Года. Будь счастлив, Дотик. Дай Господь Бог тебе здоровья! Чего еще просить. Всё, всё есть, если мы сами живы один в другом.

Лидия.

Быть может, лучше всех понимает твое душевное состояние тоски и радости Оля.

А кто на Олиной картолин<е> написал греч<еский> адрес? Посылаю приветствия Ангелу и благодарность за картолину.

Почтовый штемпель — Genève 6.1.02. Афинский штемпель неразборчив.

¹ Как образчики, без объявления ценности (*фр.*).

² Невысокая горная цепь (вершина — 1300 м) недалеко от Женевы, параллельная Юре.

³ Послеобеденное время (*англ.*).

⁴ То есть брату, А.Д. Зиновьеву.

⁵ Видимо, «Сборничек — скоро, скоро ли готов?» на «детском» языке Ивановых.

⁶ Имеется в виду, что в долго тянувшейся детской игре Ольга и Кристина выполняли роль министров при правителях (см. п. 466).

⁷ Вечерняя аудиенция королевы (фр.). Зиновьева-Аннибал здесь и далее (см. п. 389) пишет с ошибкой. Должно быть: *le coucher de la reine*.

⁸ На «детском языке» — больной.

⁹

Бархатная Смерть

Я презираю Бархатную Смерть

Бархатная Смерть с ума сходила от злости!

О, кто осмелится противоречить Бархатной Смерти?

О, я ли это, о, ты ли это, о, вы ли это,

О, мы ли это, о, она ли это, о, они ли это?

Нет, это не я, нет, это не я, кто осмелится противоречить Бархатной Смерти!..

О, кто ты, о, кто ты,

О, кто ты, ты, Бархатная Смерть?

Бархатная Смерть в ярости отвечала <1 нрзб>:

«Кинжал, погрузившийся в сердце тебе,

Не пробудит моей жалости»

«Кинжал, погрузившийся в сердце мне,

Не пробудит твоей жалости?»

«Кинжал пролетел мимо... кинжал пролетел мимо...»

«И я буду смеяться ха! ха! и я буду смеяться хо! хо!»

И я буду смеяться хо! хо! и я буду смеяться ха! ха!

ха! ха!

¹⁰ Овсянка (*англ.*).

¹¹ «Белая сирень» (*фр.*). Зиновьева-Аннибал пишет с ошибкой, должно быть *lilas*.

¹² Сухие духи, засушенные лепестки сильно пахнущих цветков, употребляемые как ароматизатор для белья и пр.

¹³ Чудовища (*нем.*).

¹⁴ Речь идет о детской игре, упомянутой в прим. 6.

¹⁵ Приведем также большой фрагмент из письма С.К. Шварсалона от 24 декабря / 6 января: «Вчера, дорогой Вячеслав, мы провели чрезвычайно веселый день, потому что вчера праздновали все рождения и именины. Мы утром поехали на *Salève* и вернулись в без четверти шесть. Погода была не из блистательнейших, но все-таки нам было страшно весело; *Mont-Blanc* не было видно, но что нам был вид, когда я его видел уже два раза и когда мы поехали веселиться? Мы, в сущности, поехали, чтобы кататься на санях, но ничего подобного не было, потому что не было довольно снегу. Поэтому мы взяли 4 ослов (нас было пятеро, Вера, Костя, Оля и Христина и я). Оля и Христина менялись, а мы ехали всю дорогу. Езда на осле мне представляла<сь> немного соблазнительна, если бы дороги были чисты, но оказалось, что я наслаждался так, как совсем не ожидал, потому что дорога почти что вся была во льду и снегу (но не довольно до <так!> саней), и поэтому нужно было ехать в самой канавке в линии и нагибаться под сучьями, потому что ослы скользили, как только ступали на лед. Это и было весело, в особенности как Костин осел очень мало повиновался своему седоку; но когда мальчик проводник, который с нами шел и два раза спас нас от неминуемого <так!> падения, ткнул костиного осла и тот повернул в конаву <так!>, то Костя в восторге объявил: “Види-

те, как я чудно умею править!» Таким образом мы добрались почти что до верхушки. На верхушке в ресторане мы позавтракали на своей провизии <так!> и пили сироп, а большие пиво. После этого мы имели “баталию” из снежков, и решено было, что ничья сторона не выиграла. После этого начался спуск, и это было веселее всего. В начале рассказа я сказал, что бы <так!> не катались на санках, но я, может быть, ошибся, если считать катание на корточках или даже более в сидячем положении катанием на санках. Это случилось так. С самой верхушки мы решили “резать”, т.е. идти как можно меньше по зигзагчатой дороге. Но мы взяли слишком направо и потеряли всякий след дороги, несмотря на то, что она шла зигзагами. Мы начали “резать” прямо через лес, через отчаянные и сначала очень густые колючие кусты; нужно было идти с закрытыми глазами и как можно больше спустивши голову. Где кусты были чуть-чуть реже, то снег был почти что до колен. Мы были разделены в две группы, но скоро решили соединиться. Одна группа, Оля, Костя и Христина, не хотела было резать, но гидована неверными криками: “Дорога! Дорога!”, [кажется, Кости или кем-нибудь другим, не знаю], взяла еще правее, чем другая группа, т.е. еще дальше от дороги. Другая же группа, Вера и я, решили резать, но не совсем так резко, как пришлось.

Наконец Олина группа присоединилась к нам. Кусты стали реже и скоро превратились в сосновый лес. И между рядом деревьев, как будто бы нарочно, была длинная, невероятной крутизны линия, не очень широкая, довольно глубокого снега. На нем мы и покатились, то бочкой, то на корточках <так!>, то сидя, и очень часто обнимаясь за деревья для остановки, так как иначе нельзя было остановиться на такой крутизне. К счастью, спускаться нужно было долго, и все таким веселым образом. Так мы спустились от Treize-Arbres на верхушке до Monnetier, деревня между двумя Salèves, откуда мы тебе написали карточку, дорогой Вячеслав; надеюсь, что дойдет. В этом бешеном спуске мы играли, что мы Ушенкенская разбитая армия в бегстве, которая потеряла большую битву на горе, которую мы изобразили снежками. Спускаясь из Monnetier шел дождик и прибавляло к отчаянию и беспорядку разбитой армии, но, правда, к нашему наслаждению.

Дома, перед тем, как уезжать, мы видели наши подарки, которые были чудные. Мне было “block” для notes, с портретом Наполеона, что мне очень понравилось, потом кожаная штучка с зеркальцем, гребеночкой и щеточкой; потом кожаный мешечек с ножницами; визитные карточки и красивые платки. Я тебя от всего сердца благодарю тебя <так!>, дорогой и дорогой Вячеслав, за них.

Целую тебя очень очень нежно и крепко. Остаюсь горяче и глубоколюбящий тебя

Сереза».

(РГБ. Ф. 109. Карг. 38. Ед. хр. 54. Л. 76 об — 80).

¹⁶ Итальянское шипучее вино.

¹⁷ Совместном путешествии (англ.).

¹⁸ Об этой спутнице Зиновьевой-Аннибал см. п. 365 и 368.

¹⁹ Bernard Bouvier (1861—1941), профессор Женевского университета, специалист по французской литературе. В зимнем семестре 1901/02 учебного года он читал курсы «Французская литература. История современного романа» (в другие годы подзаголовок менялся: «Лирическая поэзия в XIX веке», «Французский роман в XIX веке», «Вольтер и Руссо»), «Упражнения в композиции и стиле», «Объяснение <сочинений> французских авторов», а также вел семинары «Аналитическое чтение современных французских авторов» и «Литературные изложения и дискуссии».

384. Иванов — Зиновьевой-Аннибал
 22—25 декабря 1901 / 4—6 января 1902. Афины

День 21. 6 ½ ч. веч.

Субб. 4.1.02 / 22.XII.01

Вернулся из Института, с лекции Дерпфельда, — и вижу: посылка. Фотини долго возилась с самоваром и мучила мое нетерпение, а при ней раскрывать обложку я не хотел. Вот мне опять радость неожиданная: два дорогие подарочка. Спасибо, милая Сивилла!! Они стоят передо мной. Юнгфрау² справа, у твоего портрета; лодка слева, перед лампой.

Zum höchsten Dasein immerfort zu streben³.

Я угадал, откуда у тебя опять эти старые и гордые наши слова, прежде чем увидел заметку: «из письма» и т.д...⁴

Ты опять «заветов пламенных грозюю величавой меня обвеяла и прорицаешь мне...»⁵

Да будешь ты присно одержима своим богом.

8 ½ час <ов>

Итак. Сестра моей Звезды⁶ — это тот вид, который нам открывался с Фаульгорна...⁷ Отчего же я так нищ, и наг, и скуден, и слаб?...⁸

День 22

Воскр. 23.XII

Дорогая Лиля, моя светлая Жизнь! Вот 3 недели «мужества»... если бы только действительно мужества!

Я очень малодушен и совсем недостоин твоего подарочка.

Я страдаю своим обычным страданием: представлением своей презренности, убеждением, что меня презирают, и притом по праву, отчаянием найти тропинку, которая выведет, когда я так отстал, и так сбился, и так выбился из сил, никуда не приля. Что мне делать, когда я вижу (— волосы у меня подросли —) свои седые виски и ничего не имею сказать на вопрос: «Чем ты оправдал эти седые волосы?»

Я знаю, что я должен идти, не останавливаясь и не оглядываясь; но я именно малодушен.

День мой: утром проспал; к обедне пришел перед «Отче наш»; потом в Институте завтракал в ресторане; дома спал. Потом копошился за своим бюро.

Фотини зачем-то потребовала имена детей на бумажке и потом заявила, что свою имеющую родиться девочку непременно

назовет Λυδία⁹: так нравится ей это имя. Мечтала, что родит в Январе, а окрестит когда придет *ἡμερίς*¹⁰. Но тут же противоречит себе, говоря, что у них крестят очень скоро по рождении. У Панагиотиса корь.

Дерпфельд вчера в течение утомительных 2 ½ часов все развивал свою теорию о храмах Афины; когда он оперирует с текстами, он решительно* более *ungreifbar*¹¹, чем на своих археологических *champs de bataille*¹², — и не все в его построениях мне кажется [вполне] равно убедительным. До лекции оказались в библиотеке только он, я, да его маленький Fritz, и вместе [приготов<ляли>] расставляли стулья. «Ich muss telegraphieren, — говорит он, вызывая стуком в пол подземного чертежника, *mit dem Fuss stampfend, — zu den chthonischen Göttern*». — «Ganz richtig»¹³.

Мне очень нравятся картинки. Я постоянно люблюсь на них и мечтаю о рамках. Они раскрашены очень изящно. К сожалению, черные углы полей смяты на почте у Леманской лодочки.

День 23. 6 ч. веч.

6.I / 24.XII

Весенняя погода. * *Ἄνοιξις*¹⁴, говорят Греки. Плащ оставался дома. Я был в Инст<итуте> до и после завтрака и пришел домой часам к пяти. Из окна любовался на золотой закат за Акрополем и то палеовое, то пурпурное море. В русской церкви красиво звонили ко всенощной; звон плавал над долиной и доносился, вероятно, далеко в ущелье пурпурового Гимета. Дома я застал ту разговорчивую живописную старуху, что так смущала нас своим политическим красноречием; она очень [справлялась] интересовалась вестями о тебе и очень наказывала передать тебе ее *χαίρετισμοῦς*¹⁵. Фотини часто и дружелюбно спрашивает о твоём возвращении: когда же, в Апреле ли? или в Марте?.. Я купил ей сегодня лукуми для завтрашнего подарка. Афины имеют праздничный вид. Фруктовые лавки разубраны гирляндами зелени, пальмовыми листьями, особенно красиво повешенными гроздьями апельсинов и т.д. Видел и одну елку, с ватой, изображающей снег. Всюду раздаётся пение и музыка мальчиков, которые «славят Христа». К нам на двор они пришли около 9 часов. У них в руках металлические треугольники, в которые они звенят (род систров¹⁶), и ба-

* В тексте на этом слове клякса, и на полях сделано примечание (без знака сноски): «Добрый знак: внезапная клякса. Лютер так запачкал библию, прогнав черта чернильницей. Так и мне нужно гнать “духа праздности, уныния, любоначалия и празднословия”²¹».

рабан, устроенный из кожи, натянутый на проломленное дно красных кувшинов: он бьет глухой аккомпанемент систрам и пению. У нас они пели быструю волыночную мелодию, которая мне нравится; в городе я слышал только протяжное и претенциозное пение. А у вас теперь что? елка? или она будет только завтра? Вот, жаль, я этого и не знаю. Завтра *le grand jour*¹⁷ «сюрприза» (о, если бы это было опять что-нибудь в роде трагедии! но едва ли!), а елка, вероятно, уже сегодня...

Чернильное пятно вчерашнее помогло: провалился черт. Это все *der Geist der Schwere* — *spukt*¹⁸. А все оттого, что тебя нет со мной.

8 ½. Пью кофе, в обществе снегиря. За ужином поплакал: столь остер молодой лук, которым меня, к моему удовольствию, кормит Фотини в честь *οδραχοστί*¹⁹. Она только что провозглашает мне, что отослала тебе письмо к новому году.

24 день

Рождество

Целую Радость. Спешу на почту, в церковь, оттуда в Институт.

Сегодня подарил Леониду 2 коробки молока. А подарок Фотини отложил до Нового Года, кот<орый> Греки, кажется, больше справляют.

Твой

Orasempre

В.

Посылаю письмо Дм<итрию> Вас<ильевичу>²⁰.

Конверт с неразборчивым афинским штемпелем; женеvский — 11.1.02.

¹ Сивилла — женщина, наделенная пророческими способностями. Зиновьева-Аннибал нередко получала от Иванова и друзей (временами — откровенно иронически) такое название.

² Гора в Альпах, одна из наиболее знаменитых в районе Бернер Оберланд.

³ Цитата из «Фауста» Гёте: «Безостановочно к бытию высочайшему стремиться» (сцена «Красивая местность»). В переводе Б.Л. Пастернака: «желанье / Тянуться вдаль мечтою неустанной / В стремленье к высшему существованью». Иванов использует данную цитату в качестве эпиграфа к первой части сборника «Кормчие звезды», циклу «Прорыв и грани» и неоднократно в переписке, впервые — в первом же письме к Л.Д. (см. п. 3).

⁴ Видимо, речь идет о том, что в п. 378 Л.Д. сообщала Иванову, что перечитывала старые его письма, в том числе специально писала про п. 3.

⁵ Неточная цитата из стихотворения Вяч. Иванова «На высоте» (цикл «Ореады» из сборника «Кормчие звезды»).

⁶ Отсылка к тому же стихотворению «На высоте».

⁷ Вершина в Бернских Альпах (2665 м).

⁸ Вероятно, парафраз слов из Апокалипсиса: «...ты говоришь: “я богат, разбогател и ни в чем не имею нужды”; а не знаешь, что ты несчастен и жалок, и нищ и слеп и наг» (Откр. 3: 17).

⁹ Лидия: имя собственное от *греч.* «Lydia» — страна в Малой Азии (*древнегреч./новогреч.*).

¹⁰ Госпожа (*новогреч.*); ср. госпожа, хозяйка (*древнегреч.*).

¹¹ Непонятен (*нем.*).

¹² Полях сражений (*фр.*).

¹³ «Мне надо телеграфировать, — ... топнув ногой, — хтоническим богам». — «Совершенно верно» (*нем.*).

¹⁴ Весна (*новогреч.*).

¹⁵ Привет, пожелания (*новогреч.*).

¹⁶ Сестры — древнеегипетские священные погрешушки. Использовались во время праздников в честь Исида. Были известны также в Греции и Риме.

¹⁷ Великий день (*фр.*).

¹⁸ Дух тяжести водится (*нем.*). Аллюзия на главу «О духе тяжести» из третьей части книги Ф. Ницше «Так говорил Заратустра».

¹⁹ Поста (*новогреч.*).

²⁰ Д.В. Зиновьев, отец Л.Д. Письмо нам неизвестно. В тот же день Иванов отправил поздравление В.К. Шварсалон (РГБ. Ф. 109. Карт. 10. Ед. хр. 40. Л. 12).

²¹ Из молитвы Ефрема Сирина.

385. Иванов — Зиновьевой-Аннибал 25—26 декабря 1901 / 7—8 января 1902. Афины

День 24.

День Рождества

9 ч<асов> веч<ера>

Светлая Радость, милая Лиля! К новому году ты должна получить это письмо. Чокаюсь *молча*. И молюсь словами Веры (невольное двузначашее созвучие! — это хорошо, и добрый знак): лучше не придумаешь. Мы так соединены, что все, чего желаешь тебе, тем самым желаешь и себе; и наоборот. Вместе жить, и вместе умирать, и воскресать вместе — вот венец всего. Любимая девочка, я пишу стишки лирические и думаю, что они должны закончить сборник — не сердись; надеюсь скоро их тебе выслать «на суд и приговор». Сегодня был после обедни в Институте. Теперь же устал от письмописания: в Харьков и Варшаву*. Разрубил Гордиев

* Адресовал: Вл<адимиру> Ив<ановичу> Беляеву, декану Ф<изико->М<атематического> Фак<ультета> Императорского Унив<ерситета>, Директ<ору> Ботанич<еского> сада, Varsovie. Думаю, так скорей перешлют. (*Прим. Иванова.*) Написано химическим карандашом.

узел. Пишу, что ты писала à deux reprises¹, но что я был помехой; что ты напишешь из Женевы. Вл<адимиру> Ив<анович>² написал отдельно; поблагодари<л> за прием и Л. Вл-ну. Саше отдельно посылаю δελτάριον³ с Акрополем. Письма от тебя нет — и праздник не в праздник. Впрочем, это не только несправедливо, но и неверно, и выражает только настроение вечера. Я был сегодня в праздничном настроении в лучшем смысле слова. Мне сегодня казалось, что справляют день рождения Христа. Мы так привыкли Его обожествлять отвлеченно и, так сказать, официально, что это представление дало мне почти une sensation nouvelle⁴. Сегодня думал о Сократе, и, кажется, впервые начинаю его понимать. Но об этом длинная речь. Фотини любит, чтобы твой портрет стоял в центре письменного стола, каждое утро ставит его так, и каждый вечер, когда приносит снегиря: несмотря на мои протесты, снегирь водружается на твое место, а ты — на все многочисленные карандаши и прочие письменные предметы, занимающие центральную позицию. Вот и теперь ты стоишь прямо передо мною, не сторонясь. (Ф<отини> уверяет, что ты мне помогаешь в работе.) Я же люблю класть часы перед портретом, чтобы они тикали у твоих ног: это символизм. А впрочем, детка, довольно писать (хотя на таком — к тебе обращенном — писании отдыхаешь). Радуйся.

Ф<отини> говорит, что написала каждому из детей сообразно с его именем: Σέργιος <Сергей (новогреч.)> — серьезный, Βέρα (= лат. Vera) — правдивая, истинная, искренняя и пр.

Нужно ли отдать вывернуть лондонскую курточку (наподобие панталон)? Стоит 10—12 драхм.

День 25.

Утро 26 Дек.

Дождь сегодня идет, а пополудни вторично придется идти в Институт: нельзя же пропустить заседание археологов.

Когда уезжает Сережа? Застанет ли его еще мое следующее письмо. На всякий случай передай ему уже теперь мои любовные напутствия счастливого пути и счастливого продолжения занятий.

Деньги бы нужно было послать на имя ли Анны Тимофеевны или Д.М.⁵ — все равно. Адрес: Садовая, 4.

Итак, дорогая девочка, будь в новом году умницей, дорогой, здоровой, счастливой, неразлучной Радостью.

Ogasemre.

Конверт со штемпелями: ΑΘΗΝΑΙ. 26 ΔΕΚΕΜ 1901 — Genève. 12.I.02.

¹ Дважды (фр.).

² Имеется в виду В.И. Беляев. См. о нем п. 71.

³ Открытку (новогреч.).

⁴ Новое ощущение (фр.).

⁵ Анна Тимофеевна Дмитревская — мать Д.М. Дмитревской, первой жены Иванова. Д.М. — инициалы Дарьи Михайловны.

386. Зиновьева-Аннибал — Иванову 23—27 декабря 1901 / 5—9 января 1902. Женева

22-й д<ень> м<ужества>. Тот же, что утром. Понед<ельник>.

В постельке в 10 ½ вечера после ужасного дня утомления. «Последний труд» был «жесток»¹, Дотик. Купили почти всё, но еще завтра придется выехать за час до церкви, чтобы закончить недоконченное. Устала, Дотик. Уж рада буду, когда кончится. И как старались не довести до конца! Но хорошо детям будет, так уж старались. Приехав домой, вдруг узнали, что прикатывают, как всегда, без предупреждения двое старших Сашиных² сыновей и будут со стариком на елке! Дотинька, иду спать, завтра надо встать не позже обыкновенного, т.е. в 7 или 7 ½, и начать работу. Елка-то громадная, ведь в залу не встанет.... Дотенька, жизнь, целую.

23-й д<ень> м<ужества>. Неизвестный час дня. На одно мгновение вбежала наверх за одной цели <так!>: нету ни минуты, но хочу сказать: Дотик, какой счастливый день. Сколько радости готовится детям. Устали, бегали и сегодня, но утром были дивно в церкви, дивно, детки молились, все 4-ро стояли перед нами и милая Кристина, которая, когда вынесли причастие, так просто и тихо, как всё, что она делает, как вся она, повернулась ко мне и сказала: «А Лидию нельзя ли причастить», и свела чудного, странного ребенка ко Святому Господу Христу! Бегу вниз, где невиданная по красоте елка выше потолок (срезанная верхушка) и темная, северная ель! В церкви, Дотик, я сказала детям, молившимся так дивно: «Вячеслав теперь же молится с нами!»

1 час ночи. В постели. Дотик, час ночи! Дотик, как ты провел день? Я видела столько счастья, столько засвещенных <так!>, благодарных глаз, что не могла не быть бесконечно счастливой. Если бы тепло и свет этих бедных дорогих душ достиг до тебя сегодня же! Если был бы телеграф, я послала бы его тебе сегодня же. Все подробности завтра утром. Но знай, что нет в этом доме че-

ловека, чье сердце не было бы согрето и радостно. Даже бедный Костик, которому я имела жестокость подарить дивную, крепкую тележку с сиденьем на 4 колесах, тележку, легкую, как перо и крепкую настолько, чтобы свезти взрослого человека и гораздо больше, тележку — его мечту за долгие месяцы, увидев которую он весь покраснел и воскликнул: «Это я самое я хот...» — и остановился на полслове, потому что на ухо я сказала ему: «Костя, эта тележка будет стоять на чердаке и ждать Пасхи: если к Пасхе ты будешь *очень* хорошо себя вести, то получишь ее». Итак, даже Костя был счастлив и плакал от чувства своей негодности и трогательного желанья исправления, это он плакал, когда Оля его горяче благодарила за хорошенький дорогой платочек, который он купил ей на память, т.к. она уезжает. Он говорил, плача: «Я знаю, что я дрянной и т.д...» И все-таки он *был счастлив* и заснул мирно, и радостно, и кротко. А наказание жестокое наложено за то, что он 1) не быстро слушается, 2) груб с Miss Blackwell и прекословит всем. Словом, при великодушном и добром сердце всё тот же безудержный ребенок. Но гармония общего счастья вокруг елки была так сильна, что увлекла его, что магнетически притянула и тебя в общий круг, словом, ты был с нами, дорогой мой, жизнь моя, солнышко мое, Дотик.

Среда. 3 ч. дня. 24-й д<ень> м<ужества>. Сена. Маруся на лекции. Дети в школах. Сережа пишет картолину Юл<ии> Мих<айловне>³, окончив Дунину, Васютину и Анют<ину>. Miss Bl<ackwell> на велосипеде своем отправилась на урок франц<узского> яз<ыка> (1 р<аз> в неделю). Мы с Олей долго возились, склеивая глупого неаполитанца-макаронщика. Теперь он стоит и сохнет, обложенный мехом, чтобы не сломаться в случае падения...

Дотик, итак, описываю елку: Утром поехали все в церковь, хотя Вера и Костя пошли на 1 на два урока. Я заходила раньше в школу Веры и учительница просила (потому что скоро экзамены). Мы с Марусей еще до церкви успели две, три покупки сделать. В церкви служба была прекрасная, и *как* мы молились, ты знаешь. Потом дети с Кристиной пошли домой, мы с Марусей еще бросились за последними делами к елке и вернулись лишь к 3-м. Дети были в 3 с поздравлением у дедушки все четверо и вернулись к 4-м вместе с дедушкой и Сашей илевой Зиновьевыми. Мы же все были заняты елкой: Miss Blackwell и Оля убирала ее, я с Марусей записывали имена на коробочках и бомбоньерках. Маруся наре-

зала корзиночки очаровательные из цветной бумаги для гостинцев, и вообще научила вешать маленькие подарки на елку, что произвело огромный эффект <так!>, потому что все ходили вокруг дерева, находили кто брошечку (Miss Bl<ackwell>, подобную той, которую потеряла), кто духи и перчатки (Оля), кто портсигар, полный папирос шеколадных, кто еще брошечку, и еще брочку три болавочки <так!> с каменной головкой, кто папиросы из табака, о котором мечтал месяцами, годами (que sais-je⁴), но которых забыл название и не мог вспомнить, а я нашла пакетик! (догадайся, кто этот последний человек?), кто по бомбоньерке с 20 фр<анками> золотыми, Саша и Лева, которым кроме того подарили орехового шеколаду и по сдвижной полочке для книг на столе. Они были очень благодарны. Саше шипр — Сережа. Елка была украшена прекрасно и горела многими огнями. Дети вошли с пением «Христос рождается» и с великолепной звездой Сережиной работы, несомой Лилей впереди всех, и процессия, сияющая ярче дерева, обошла вокруг него 3 раза. Повозившись с елкой, все были поведены к своим подаркам. Сереже: 1) бумажник красной кожи величиной с большой конверт от меня, для визитных карточек «Sergius Ivanov», кот<орые> он получил к рождению только что. 2) чудесный альбом зеленой кожи для фотографий от бабушки (конечно, мы выдумали и подарили). 3) 2-й и 3-й альбом для карточек (1-й полон) от Маруси, 4) и еще альбом маленький изящный от Юлии Мих<айловны>, присланный в большом пакете со всякими всячицами <так!> от добрейшей Паулы Аф<анасьевны>. Мальчик был очень счастлив*.

Вера: 1) Дивную полку в два rayons, en bois sculpté⁵, эффекта удивительного, на вид 20 фр<анков>, но так как дерево едва-едва рассохло<сь>, то мне отдал за 6 фр<анков>. Полка была ее мечта для многих bibélots⁶, к которым у нее страсть. 2) очаровательный альбом длинной формы с украшением ветки ели и шишками на зеленом блестящем пятне и инициалом (как и Сереже, от бабушки. Подвеска на стену) и эделвейс <так!> (ее цветок!) bois sculpté от Маруси, хорошеньк<ий> bibelot от Юл<ии> Мих<айловны>: на штендере — картина молящегося ангела... 5 ч<асов>. Так же, Дотик, звонок (Верин швейцарский) прервал письмо к чаю. Маруся еще в городе. За чаем дети прибежали по очереди из

* Забыла: я подарила чудесную сдвижную столовую полочку для книг с дубовыми листьями: <2 нрзб>

школ: Вера, Лиля, Костя, и я сидела, наслаждаясь ими. Тут же расправилась с Костей, он «тронул, чтобы посмотреть» коробку на столе Miss Bl<ackwell> и просыпал пудру, за что (узнав об этом случайно) я наказала его без кренделя и варенья. Зато сейчас после чая и после Вериных *solfèges*⁷, все, т.е. решительно все «семеро» — Miss Bl<ackwell>, Оля, Крист<ина> и дети вылетели в сад и играют в прятки с восторженными воплями. Miss Bl<ackwell>, слышу, влетает по лестнице зачем-то. Иду через минуту вымыть руки и вижу: она зажгла газ для ванны под котлом, и уже ее след простыл, носится с другими в ожидании, когда ванна дообеденная нагреется для Лили... Продолжаю подарки, после перерыва: прихода Маруси и на нашем диване-*somier*⁸ отчет о ее Женевских ученых похождениях. Костя: от меня и бабушки знаменитая, фатальная тележка. От Маруси — *tampon-buvars*⁹, чернильница, тетрадки для рисования. Оля одарила сердечно и щедро всех детей. Лилия: 1) прелестный светленький столик от бабушки, стулик от меня, *сêche*¹⁰ с зажженной свечей позади и интимной <?> сценой поклонения от Маруси, тетрадки для рисования от меня, которым она весь день занимается, еще *mignon petite boîte*¹¹ с рыбками и магнитом от Юлии Мих<айловны>, и на всех обдуманно трогательно по вкусу подарочках написано так сердечно *ins Herz*¹² каждому. Кристине: 1) бархатную красную блузку, очаровательный зонтик кумачев<ый> <?>. Марусе я подарила капот, который уже она купила себе, но хотела отослать сестре замужней, найдя его слишком светлым и элегантным. Он очаровательный, синесеро-голубой и идет ей удивительно. Кроме того, конечно, *mignons*¹³ мелочей, когда покупали вместе. Оле к елке не было ничего, кроме мелочей, представлено, но всё время идет торжественное выделение часов, которые в обилии щедро предлагает на выбор наш домовый хозяин. Оля долго билась между солидными старинного фасона с глухой крышкой <1 нрзб> золота (100 фр<анков>, я знаю, но не она) и несколькими другими с эмалью очаровательной по золоту, но меньших размером и легкомысленнее. Теперь выбор остановился, и она говорит так: «Мне хочется больше всего с эмалью: *лилии*. 1) потому что они красивы, 2) потому что их любит Вячеслав Ив<анович>, 3) потому что часто вас так называют и Лидию. Но меня тянет и к солидным, и если вы решите их, я буду согласна и рада». Цену «Лилий» я *не* знаю, но это подарок и за праздники нынешние и прошлогодние, и обещанный давно в честь невесты. Думаю, что они не дороже ста. До-

тинька, оглядев все подарки и полные сияющей благодарности дети ушли наверх. Старик бедный, пришедший *пешком*, и несмотря на перспективу *пешеходного путешествия домой*, был весь светлый, преображенный в своем кресле ближе к двери в переднюю (ёлка была против дверей в столовую) посередине hall. Юноши ведь очень простые и добрые, и всех очаровала Лиля, которая, после того, как дети пришли наряженные в свои костюмы с «представлением», спела с очаровательным лепетом, вполне притом ясно произнося, свою комическую английскую песенку с аккомпанементом Miss Blackwell и пропрыгала avec tout son etrainement <?>¹⁴ свою «musical skipping»¹⁵, точно солнечный луч в бегущей струе преломлялся, так она сияла вся в движении, легкая. Потом ряженые обносили гостей подносами с обильным Studentenfrass¹⁶, затем вся счастливая компания перешла к 9 часам в столовую и с чаем, домашним вареньем и дивно удавшимся (о weh, о weh, о weh¹⁷, не идет мне в горло этот крендель: твой-то, тебе посланный, *очень* неудачен: скажи Фотинии, что от моря отсырел и засох). Да, Дотинька, забыт обед до елки с дедушко<й> и юношами (они все обедали): гусь — великолепный с яблоками, суп с <1 нрзб> и.... — м о р о ж е н о е!!! (я ради детей купила за 15 фр<анков> машину для мороженого: 20 мин<ут> сбивать и навсегда восторг!), Asti, который понравился мальчишкам Зин<овьевым> и дедушке и который пили за всех.

В 10 часов дедушка наполовину неохотно решил встать и скоро собрался, сопутствуемый двумя молодцами в одних сюртуках, хотя вся земля была замерзшая. Тогда, пьяные счастьем, его полностью, дети пошли гурьбою наверх и мирно, блаженно легли. Но раньше чем заснуть все дети, кроме Лили, уже легшей в свою постельку, собрались молиться вместе, и так чудно, так глубоко молилась Верушка, вкладывая всю бедную душу, молодую и уже почувствовавшую Жизнь в мгновение Смерти, прошедшей близ нее в ту зиму в Лондоне. Надо слышать, как этот ребенок говорит, начиная свои молитвы: «Да будет воля Твоя на небеси, яко и на земле», и тихо, странно, мистически, страшно почти, словно отголоском себя же всегда повторяет: «Да будет — — воля... твоя...», и слова во второй раз теряются, как бы не знаешь, говорила она их или нет, потому что в это время ее тело склоняется земным поклоном. Станный ритм¹⁸, ею твердо установленный. Что-то потрясающее есть в ее молитве, как упоительное в серьежном, усердном голосе бедного Костика, когда он говорит ее

слова в свою очередь, как чудесна сладость лепета, раздающегося от постельки Лили. «Баодица деадуса, бататна ты де» — и «Оче нас заси небеси...»¹⁹ Слова ей непонятные, но милые и важные, очень важные, как и теплый поцелуй своему крестнику, наученный еще старшим Дунею и потому, верно, дети все имеют обычай на молитве вытаскивать крестики и нежно целовать их при конце.

9 ½ час. веч. Там же.

Дотинька, сейчас Сережа ляжет. А сколько было смеху. Что он выделявал внизу в столовой своим талантом к мимике. Он изображал кислого, староватого, промозглого, брезгливого господина и говорил дребезжаше, брюзжаше и в нос. Он сидел против Miss Bl<ackwell>, пока мы все пили чай и он всё подымал перед лицом газету, говоря, что его лицо очень безобразно. «Do you find so?»²⁰ — брюзжит гнусаво сморщенный господин лет сорока с приподнятыми болезнями и надуто плечами: «I know, I am not very handsome but I not bad looking!»²¹, и дальше: «It is crude of you to bind your face, you know how I love you!»²² Когда же она, забывшись, отодвинула вбок газету: «Now you have come to reason & you show me your face!»²³, потом он вскочил и продекламировал <ал> свою Velvet Fate²⁴, которую кончил падением на колени перед Miss Bl<ackwell>, после чего она помчалась вверх по лестнице, и он за ней, и было что-то во всем до того смешное, живое, остроумное, которое я не сумею передать тебе, Дотик. Или же представление Лили и Веры в большой теплой ванне, где Лиля с обидой возражала мне на мой упрек Вере: «Why do you speak so roughly to a little child!»²⁵ (Вера полушутя сказала: «Shut your mouth») «I am not a little child, I am a big girl!»²⁶ — и поплыла лягушкой беленькой. Только что за обедом она с прелестным выговором считала по-французски: «Deux et deux font quatre»²⁷, и рассказывала, что девочки ей говорили: «Au bois une vache voix <sic> ton charreau rouge, elle te mange!»²⁸ Дотинька, иду спать. Не успела ответить на полученное утром письмо. Хотелось раньше повеселить тебя. А как твое письмо меня порадовало. Я ожила за тебя, моя сладость.

25-й д<ень> м<ужества>. 11 ч<асов> веч<ера>. — Дотинька, день так был полон и весь принадлежал другим, что секунды не было писать. Хотя поздно, и устала, и должна утром ехать рано в Женеву, не могу не написать Дотиньке отчет, потому что письмо надо опустить с этого же вечера. Прежде всего скажу: очень жалела, что не поняла загадки, так прелестно составленной, до конца. Но ты знаешь, хотя я люблю загадки и горжусь Дотиком, уме-

ющим их делать красиво, но люблю, чтобы мне их объясняли, а то голова болит от такого рода малейшего механического напряжения²⁹. Дотинька, забыла сказать, что после елки, когда дети легли, мы: Маруся, Оля, Кристина и я допили Asti в веселой, радостной беседе, и легла я усталая, но не чувствующая себя от пьянства чужою радостью. Думаю, дети, заждавшиеся меня, не помнят такого радостного праздника! Дай, Господь Бог милостивый, чтобы этот новый год свел нас всех вместе и следующее рождество наполнило бы чашу семейной радости до краев. Как дети хорошо ежедневно молятся по своей инициативе, своими «смешными» словами! да, еще молитва: «Помоги, Господи, нам быть утешением, а не горестью Марусе, Вячеславу и Маме!»

Сегодня утром я проспала до 10, впервые, и отошла от тех дней забот и трудов. Сойдя вниз, была посажена Сережей рассматривать его альбом с картолинами, после чего принесла письмо Леонардоса и пыталась обратиться к его помощи (ошибку уха мы не могли понять в *ворийя* пили и *belle porté*)*.

Сережа мне не был помощью, потому что он 1) ученый дурак, 2) имел в себе забытую, но очень интересную мысль, очень веселую, но забытую, и так далее, и ничего-то он не знал. Я его прогнала и после некоторых трудов и с Рамалловской книжечкой в руках добилась до всего, почти до всех слов. Какое милое, мило выраженное письмо: «Ваш отъезд причинил мне огромное горе, потому что вы научили меня видеть вас постоянно вместе с вашим любимым супругом», например. Я начала ответ и думала кончить после завтрак<a>, но не успела. Скажи ему спасибо и что я напишу в след<ующий> раз, и всяких любезных вещей наговори. — После завтрака я собрала, наконец, всех семейных и, можно сказать, кончила рассказ о *Палестине*, pretty well all³⁰. Ведь это главное. Постараюсь еще закончить их и побеседовать о Каире и Греции. Но увы, осталось три дня до Сережиного отъезда, и Вера с Костей ведь целый день по школам, потом приготовление и музыка. К концу моей беседы в маленькой гостиной явились Саша и Лёва и просили продолжать. Вера сидела на ковре у моих ног, и я действительно продолжала, отрываясь, чтобы пояснее <?> то одно, то другое вспомнить, и было интересно. Что мне сладко, так это восхищение, возбужденное Лидией у моих племянников: «Такая живая и такая спокойная!» «Какая интересная девочка», «Нео-

* Абзац читается очень неотчетливо.

быкновенная!» и т.д. После чего они ушли, и мне надо было пойти одеть черное платье, т.к. оказалось — подошел урок Остроги. Во всем разгаре бесед и детских интересах я забыла о нем. А тут вдруг ответ от Эрнесто, и Оля, вся в волнении, читает. И счастье, что Оля со мною, т.е. собственно он знал, что Оля *всегда была у нас* <?>, и счастлив, что не обманулся, а знал потому что очень любит Ольгу (логики не понимаю), и какое счастье, что у Оли такая *nobili* и *gentilissime tutrici*³¹, и какая честь, что его зовут и т.д. ... только одно: очень холодно, и хотя он не боится за жизнь, когда дело идет об Оли <так!>, самого дорого<го> для него на свете предмета, но жизнь его нужна его семье, *ché abusa*³² его *buon cuore*³³ и отнимает всё *guadagno*³⁴ его, и потому, что я решу, то он сделает..... Вот так фунт. Оля в обиде. Я думаю, он положительно подлец. А может быть, у него нет пальто. Две альтернативы: или подлец, или без пальто, или обе вместе, впрочем: подлец без пальто! Тем временем пришел Острога, и я спешила вниз, ведь первый урок, в Понед<ельник>, я провела в городе за покупками. Он очень изменился, постарел, но имеет приятное, доброе лицо. Он очень добр к детям, очевидно, *знает* их и привязан. С Лидией особенно дружен, и с Верой, которую хвалит за усердие. Прелестно обращается с ними за уроком. Меня поразил отчетливый, энергичный тушэ Веры. Острога умно говорил: «Ей не надо быть виртуозом, для этого недостаточно таланта у нее и запоздало учение, ей надо уметь читать, и читать хорошо, чтобы владеть музыкой для себя...» К обеду он не мог остаться — был приглашен, так что о Сереже говорили мало. Во время урока Лиля сидела за своим новым столиком и рисовала новые тетрабочки. Это она всегда за уроком делает. Она была упоительно хороша каждым жестом и очаровательным умением тихо и сердечно работать и радостно. Она после урока принесла мне тетрадку, Острога протянул руку, и взял, и сказал: «Я нахожу, что это хорошо сделано». Он очень ее любит. Он ужасно милый, потому что прост и добр. Не знаю, талантлив ли и умен ли. Он очень некрасив, но не неприятен. Говорит свободно по-русски, хотя урок дает по-французски, что дало случай мне понять, что Костя хорошо владеет языком. После обеда зажигали елку, меня упросили попеть, и я ради детей спела очень *voilée*³⁵ голосом «Бедный конь»³⁶ и «Если бы я солнышком <?>»³⁷ под аккомпанемент отчаянный страстно рьяной Miss Bl<ackwell>, от усердия, бедняжки, совсем теряющейся. Вечер кончился обильными слезами покаяния Коз-

лика, намочившими его подушку широким пятном и молчаливыми, как всегда. Они лились просто из сознания им своей негодности и без слов. Когда я пришла, он встал тотчас и стал молиться, потом обнял меня нежно и заснул, весь полный неисполнимых намерений добродетельных. Верина полочка была мною водружена над камином, и вся комната оказалась в красоте. Затем явилась Оля на обсуждение, но чем решилась долгая беседа, не имею сил досказать. Решила писать только завтра и спокойно. *Надо* повидать его, чтобы покончить этот, кажется, очень несчастный роман. Дотинька, целую, иду снести Марусе письмо и спать. Бостабой, Бостабой³⁸, матит.

Твоя Лидия.

26-й д<ень> м<ужества>. 8 ½ ч. утра в электр<ическом> траме по дороге в Женеву. Дотик, я считаю д<ни> м<ужества> с Понедельника, потому что еще в Воскресенье имела тебя светлого.

Конверт со штемпелем: Genève. 10.I.02. Афинский штемпель не пропечатался. Адрес написан рукой М.М. Замятниной.

¹ Парафраз строки из поэмы Иванова «Сфинкс»: «И будет вам последний труд жесток» (I, 660).

² То есть А.Д. Зиновьева, брата Л.Д. Подробное описание визита его сыновей см. в письмах ниже.

³ Ю.М. Замятниной, сестре М.М. Замятниной. О ней и ее визите в Женеву см. ниже в письмах.

⁴ Что я знаю? (*фр.*)

⁵ Полки из резного дерева (*фр.*).

⁶ Безделушки (*фр.*).

⁷ Сольфеджио (*фр.*).

⁸ С сеткой (*фр.*). Зиновьева-Аннибал пишет с ошибкой, в слове *sommièr* должно быть два «т».

⁹ Пресс-папье (*фр.*).

¹⁰ Ясли (*фр.*).

¹¹ Маленькая коробочка (*фр.*). Имеется в виду игра: картонная ширма загорживает лежащих на столе картонных рыбок с металлическими вставками; ребенок берет в руки палочку, к которой на нитке привешен небольшой магнит, и старается «поймать» им рыбок.

¹² Сердечно (*нем.*).

¹³ Здесь: милых (*фр.*).

¹⁴ Со всем одушевлением (*фр.*). По-французски слово *entraînement* пишется с одним «т».

¹⁵ Музыкальные прыжки (*англ.*).

¹⁶ Студенческой жратвой (*нем.*).

¹⁷ Увы, увy, увy (*нем.*).

¹⁸ От *фр.* *gîte* — ритуал, обряд.

- ¹⁹ Детски переиначенные молитвы «Богородице, дево, радуйся...» и «Отче наш».
- ²⁰ Вам так кажется? (*англ. искаж.*)
- ²¹ Я знаю, я не очень красив, но неплохо выгляжу! (*англ.*)
- ²² С твоей стороны жестоко прятать лицо, ты знаешь, как я тебя люблю! (*искаж. англ.*)
- ²³ Теперь ты пришла в разум и показываешь мне лицо! (*англ.*)
- ²⁴ См. текст этой песни в п. 383.
- ²⁵ Почему ты говоришь так грубо с маленьким ребенком! (*англ.*)
- ²⁶ «Закрой рот!» — «Я не маленький ребенок, я большая девочка!» (*англ.*)
- ²⁷ Два и два — четыре (*фр.*)
- ²⁸ «В лесу корова увидит твою красную шапочку и съест тебя!» (*фр. искаж.*)
- «*Chapeau rouge*» — французское название сказки Ш. Перро «Красная Шапочка».
- ²⁹ Речь идет о загадке из п. 367. Ее разгадка находится в п. 381, которое к этому времени Л.Д. еще не успела получить.
- ³⁰ Практически всё (*англ.*)
- ³¹ Благородная и добрая попечительница (*ит.*)
- ³² Которая злоупотребляет (*ит.*)
- ³³ Доброе сердце (*ит.*)
- ³⁴ Заработок (*ит.*)
- ³⁵ Приглушенным (*фр.*)
- ³⁶ Ария Вани (для женского голоса) из оперы М.И. Глинки «Жизнь за царя», которую Л.Д. исполняла даже в концертах (см., напр., п. 157).
- ³⁷ О каком произведении идет речь, мы не знаем.
- ³⁸ На «детском» языке — «Бог с тобой, Бог с тобой».

387. Иванов — Зиновьевой-Аннибал 26—28 декабря 1901 / 8—10 января 1902. Афины

25 день.

26 Дек.

8 ½ ч. веч.

Сегодня, дорогая Радость, придя после завтрака домой, я нашел: твое письмо (с Марусиным, Вериним, программой праздника и фотографиями¹), твою посылку (шоколад, которому очень обрадовался — большое спасибо — но еще не настоящий *пакет*), Олину картолину (поклонись ей и поблагодари ее очень за память, греческие письмена и внимание к моим симпатиям), пакеты, письмо от Александры Васильевны (которая в восторге от моей *étrenne*² и дает утешительные сведения о поправлении их дел, т.е. о наличности постоянной работы), письмо от Frau Löwenheim (которое тебе перешлю вместе с своим, чтобы ты приписала ей и свое письмецо). Твое же письмо чрезвычайно меня и обрадовало, и растрогало, и повеселило. После отдыха пошел опять в Институт на заседание. Были два интересных реферата: Прот-

та³ (о культе царей при диадохах⁴ в связи с культом Диониса) и Шрадера (о предполагаемой бронзовой группе элевсинских божеств нач⁵ V столетия⁵).

Сегодня писать много не буду. Настроение светлое. Твои фотографии смешные, но я чрезвычайно доволен. На одной ты хмыляешься, как пантера. На других хмуришься. Вид очень писательский. Столик не понимаю, почему «смешной» и «урод». Очень счастлив видеть тебя на кушеточке в нашей милой светелке. Из других фотографий очень нравится Вера, «получившая б». Общее впечатление, что вы все меня очень балуете.

День 26.

9 Янв<аря>/27 Дек<абря>

Я очень счастлив тем, что ты пишешь о нашей Лиле, любимая Светлость и Жизнь. Я и вообще счастлив детьми (кстати, кто это выглядывает, четвертый, на «загадочной фотографии», изображающей Марусю и Лилю под большой елью и Костю на суке?..)

Музыкально-драм<атический> «entertainment»⁶ был, должно быть, восхитителен. — Вы мало оцениваете все заслуги Miss VI<ackwell>: это она вас так хорошо организовала. Передай ей мое почтение и félicitations⁷ по поводу «entertainment».

От приглашения Ernesto не жду прока. Я думаю, он приедет, и будет изображать жениха, *согласного на условиях**. Этот джентльмен не пользуется у меня теперь ни малейшим кредитом. И толкает же Олю связываться с — по меньшей мере — подозрительными Неаполитанцами. Вообще, коварные и бессердечные обитатели средиземного побережья, сухие и пустые души, нам не родня. Отчего не поиграть в роман на берегу Неаполитанского залива, — а там — addio Amore!⁸

Я знаю, что женихов нет, что они редкая и дорогая (ценой) occasion⁹ и что в них нужда, и все же ни за что бы не взял мужа, которому бы не доверял абсолютно и, так сказать, стихийно. В заключении брака то же, что в религии: нужно стихийно любить и доверять; чему имя — вера.

Сегодня была чудесная погода. На лекцию Вильгельма и после нее домой шел (без пальто) через пинету верхнюю и нижнюю; в Институте же не был. Дома занимался.

* Разумею *предварительные условия*. А потом — продолжение будет следовать. Кстати, кто так хвастает работой, — мечтает об отдыхе. Вообще, он и отец его одно. (Прим. Иванова.)

Твоя и Марусина картинки мне необыкновенно нравятся; я постоянно возвращаюсь к ним взглядами.

Козлик с Лилей в воротах тоже очень милы. И шоколад тоже очень вкусен. И ты тоже.

День 27, 9 ч<асов> веч<ера>

10.1/28.XII

Но не вкусна вам пришлось шоколадная лавка! Читаю только что полученное послание¹⁰. Балуете вы меня чересчур. Что это такое за «корзина Дотика»? Какая такая «корзина»? Какого такого «Дотика»? К чему «Дотик»? К чему «корзина»? К чему «шоколадная»? К чему «мятное масло»?.. Серьезно, мне обидно и больно, что вы обе убивались до изнеможения, чтобы повеселить меня. Ведь страшно читать о шоколадных подвигах... и чувствовать запах мяты...

Продолжаю чтение.

Сейчас узнал, что, т.к. Сережа приедет на Пасху, ты остаешься дома до конца Апреля. Моя *Inselreise*¹¹ кончается 13 мая. Кажется, не стоит тебе и приезжать уже сюда. День: утром и полудни в Институте.

Целую дорогую детку. *Ogasempre*.

Вероятно, к этому письму относится конверт с неразборчивым афинским штемпелем. Женевский штемпель — 15.1.02.

¹ Речь идет о п. 380. Письмо от Замятниной — от 18—20 декабря 1901 / 31 декабря 1901 — 2 января 1902 (РГБ. Ф. 109. Карт. 19. Ед. хр. 13. Л. 23—24).

² Новогоднего подарка (*фр.*).

³ Ганс Протт (Hans Theodor Anton von Protz; 1869—1903). Его некролог, написанный Шрадером, появился в «*Mitteilungen des kaiserlich deutschen archäologischen Instituts: Athenische Abteilung*», 1903. S. i—vii.

⁴ От *греч.* «διδάχος» — преемник, наследник (*древнегреч./новогреч.*). В истории — полководцы Александра Македонского, поделившие после его смерти завоеванные территории.

⁵ Точные названия лекций 2-го января 1902 (по протоколу журнала «*Mitteilungen des kaiserlich deutschen archäologischen Instituts: Athenische Abteilung*». P. 428): Н. v. Protz «*Der Attalidenkult*», Н. Schrader «*Eine statuarische Gruppe der Eleusinischen Götter*».

⁶ Представление (*англ.*).

⁷ Поздравления (*фр.*).

⁸ Прощай, Любовь! (*ит.*)

⁹ *Здесь*: находка (*фр.*).

¹⁰ Имеется в виду п. 383.

¹¹ Поездка по островам (*нем.*).

388. Иванов — Зиновьевой-Аннибал
 29 января 1901 / 11 января 1902. Афины

28 день. 11.1 / 29.XII 6 ч. веч. на почте

Проходя вблизи почты, чувствую искушение зайти в это симпатичное учреждение. Странно, что в этом здании я чувствую себя как-то ближе к тебе, Радость. Итак, сегодня — Институт, завтрак у Леонардо, лекция Дерпфельда об Ἐνεακροῦνος¹ — помнишь, колодец знаменит<ый> и на новых раскопках около — о водопроводах, очень важная и интересная. Отличная погода! Пурпуровое освещение Акрополя. Гимет весь пурпур. Оттуда зашел ко всеобщей. И теперь на почте. Целую. В.

Новый месяц впервые увидел только что: с левой стороны — all right². Помнишь об этом у Пушкина: «Так суеверные приметы согласны с чувствами души»³.

Открытка. Штемпели: ΑΘΗΝΑΙ. 29 ΔΕΚΕΜ. 1901 — Genève. 18. I. 02

¹ Энеакрунос: сооруженный Писистратом колодец с 9-ю трубами, питавшийся от источника Каллирое и поставлявший наилучшую воду афинским жителям (Брокгауз—Ефрон. Т. 4. С. 571).

² Все в порядке (англ.).

³ Цитата из стихотворения А.С. Пушкина «Приметы» (1829), равно как и «И месяц с левой стороны сопровождал меня уныло».

389. Зиновьева-Аннибал — Иванову
 27—29 декабря 1901 / 9—11 января 1902. Женева

26-ой д<ень> м<ужества>, вечер уже упомянутого утра. 7 ¾ ч<аса>. Сена Там трое младших укладываются. Марусинька с Костей убедительно беседует, он-таки порядочно растрепался со временем <так!> праздников. Но она умеет так настойчиво, так серьезно и убедительно справиться с ним. Сережа читает французский роман. Оля только что дошла Сережин халат: сине-серый шерстяной с отворотами и обшлагами и полами темно-красного сукна. Ему заказали шнурки красные. Всё это вместо дамского капота. Он очень счастлив. — Дотинька, Татата, и я не могу наладиться после праздников. Сегодня утром поехали в 8.40 в город, мы две и Сережа. Сережа зашел в Hôtel de Russie к братьям и, послав им свою «карточку визитную» «Sergius Ivanov», был ими принят с радостью. Они собирались на вокзал. Мы же с Марусей

помчались за маленькими подарочками: я для своих, она для своих. Я купила брошку черных камней Елене Егоров<не>, брошку зеленых камней Иде Степановне, бумажник Эмме Васильевне, духи и брызгалку мамочке, рамочку Лизе, закладку с ножичком разрезным особой системы Саше¹. Всё это и брошечки Марусины для Павлы Аф<анасьевны>² и Юлии Мих<айловны> мы привезли на вокзал. Мальчишки взялись свезти всё, кстати и шарф греческий Юл. Мих<айловне> от меня. Они были очень счастливы и горды этими проводами, и мне было очень приятно. Вышло тепло и хорошо. Они ехали в простом вагоне II-ого класса. Вернулись мы втроем домой, и вот какая была сцена: ехали мы в новом электрическом вагоне, а сзади нас поспешал добрый старый пыхтящий, трубящий, широкий, плотный локомотив с огромным вагоном, доверху нагруженным антрацитом. У каждой остановки он угрожающе накатывал на нас, и несказанно комично выглядела прикрепленная к его физиономии громадной сбоку на отвес дощечка с мелкою надписью: «Attention au train»¹. Комизм глупой надписи на пыхтящем поезде поднял Сережа, и мы хохотали как безумные всю дорогу.

Суббота 29-го Дек<абря>. Сена 11 ½ ч<асов> дня. Только что поднялась к себе после часов 2-х проведенных в гостиной на диванчике <так!> с Марусенькой за чтением твоих дорогих писем и письма Павлы Афанасьевны. Кстати удалось хорошо и кстати и просто поговорить с Марусей о ее денежн<ых> отношениях. Я сказала, что так <как> она примкнула к нашей семье ее третьим взрослым членом, и я часто говорю как-то странно: «Наши дети», то и деньги словно тоже «наши деньги», но жить не отделяя своих личных ей все-таки неудобно, потому не проще ли и не естественней ли всего ей отделять себе из приходящих денег русских столько, сколько она всегда имела в России, т.е. 50 рублей в месяц. Она уверяла, что много, всплакнула даже, но потом успокоилась и всё пошло дальше. Как ты думаешь об этом? Дотинька, плакали мы, и в особенности Маруся, когда я сказала ей, что ты тоскуешь о седых висках «без подвигов», и она приходила в неистовство, что такой человек, имеющий то за собою, что имеешь ты (боарнитек), и то в себе захваченное широкою душою и мчащееся по радиусу к завершению (моя метафора, и плохая, но ты почувешь, что я хочу сказать) может сокрушаться тем, что *мало* сделал. Слава Богу, Дотинька, что канун Рождества и самое утро праздника принесло тебе просветление и силы. Спроси Фотини́,

что она желает, чтобы я ей преподнесла, когда приеду, моим годовым подарком. Мне кажется плохо, что ты всем подарил им лукуме <так!> к Нов<ому> Году. Лучше бы быть экономным в счетах, но щедрым на подарки. Это приятно и выгодно для приятности отношений. Ты можешь подарить золотой *10 фр<анков>* по рождению ребенка, как бы ему, новорожденному, если не знаешь вещи. Как ты думаешь? Да что это, беременна ли она? отчего она не рождает? и у нее месячные. Вдруг все это вздор! Прочитала Сереже твое письмо. Он очень был доволен его получением, но не много принимал к сердцу серьезную идею *отчета* и *Streben*⁴, потому что он в волнении чувств два последние дня, происходящим оттого, что хочется насладиться домиком дорогим и *морозом*. Вопрос: «Салазки или коньки?» — важнее всякой философии и этики. Светлый Дотинька, дай я dokonчу вчерашний день.

4 ч. дня. Сена. Маруся на лекции таракана⁵. Оля понесла брошечки и гостинцы в café. Кристина, Miss Bl<ackwell> и старшие поехали на далекий каток. Младшие в школах. — Дотинька, спешу: По возвращению из Женевы мы с Марусей и Лилей пошли в коммунальную <так!> школу снести шелк учительнице (которую я раньше не застала дома). По дороге к нам присоединилась Вера из своей школы, и пошли вчетвером так бодро. В школе застали нескольких девочек за шитьем. Я всем сказала что-нибудь ласковое. Учительница была очень довольна. После завтрака я пошла наверх и до чаю сочиняла письмо Леонардо. Ученый дурак не присутствовал. Зато потом он мне оказал услугу, поставив верно ударения и по мере сил установив различные *Иты*, ипсилон⁶ и т.д. Пошлю Фотини точь-в-точь то же письмо — трудно главное *долго* писать по-другому. Ее письма еще не имею. Во время поправления орфографии явилась Адя Жук<овская>, маленький Шура Зиновьев и еще какая-то очень неинтересная дама, которая меня когда-то у Жук<овских> видела и навязалась в гости и стала звать к себе. Прескучно. Не скоро пойду. Сидели часа 1 ½. Адя была очень сердечна. Очень хвалила дом и также ёлку. Сказала радостную весть: у Якунчиковой не было лихорадки в течение нескольких месяцев, что дает надежду на хотя бы временную остановку процесса. И сил больше: читает. Мы с Марусей проводжали их до Charmilles⁷, потому что электр<ические> трамы ужасно неправильно ходят и постоянно запаздывают. Назад шли по морозному туману быстро, бодро и всё говорили о тебе. Вошли в калитку, и вспомнила, как ты говорил: «Будете вы сидеть под сос-

ной, и вдруг я иду от калитки к вам по саду», — и решили было послать тебе ключ, да лучше сама привезу. Вчера легла спать в 9 ½ часов, не докончив тебе всё, что хотела, и спала до 9 ½-ти и — выспалась. Сегодня утром читала твое письмо и была вместе с тобою, теперь сейчас приедет Маруся, мы живо попьём чай и побежим к старику.

9 веч<ера>. Сена Дети спят. Сережа читает в столовой с Miss Bl<ackwell> «драму», сочиненную детьми Strachan. Предполагается играть эту драму на Пасхе, и Сережа будет иметь главную роль. Сегодня последний вечер, что вот, вот слышу милые его шаги по лестнице, и его голос говорит: «Мама, видишь, я не больше десяти минут читал». Он идет спать. Мое сердце сильно сжимается провожать его. Если Mr Paton позволит ему не держать экзаменов в конце term⁸, т.е. отпустит ему неделю после 1-го дня Пасхи (его новшество в том, что после 1-го дня Пасхи он собирает школу еще на неделю, и лишь после того начинаются вакации в 19 дней) — то Сереже будет 28 дней отпуска. С Лилей и Костей и Марусей были сегодня у дедушки. Он сильно расстроен визитом внуков Зиновьевых и сегодня пустился в старые, тяжелые разговоры, и только перед самым нашим отходом выпрямился и сменил потухшее усталое выражение лица на то засвечивающееся, которое я так люблю.

Воскресенье. 11 ч<асов> веч<ера>. Постелька. Марусины шаги, сходящие по лестницы <так!> после «couchet de la reine»⁹. Оля спит. Вера тоже рядом со мной, т.к. завтра ей придется встать позднее, чем Косте, и потому лучше не будить ее заодно с ним. Позже она встает оттого, что только что недавно легла после прова нашего дорогого мальчика. Теперь его несет express в Париж. Он сидит в compartiment des non fumeurs¹⁰ вдвоем с каким-то господином. Дай Бог ему доехать благополучно. Его багаж набит гостинцами для Mrs. Tupper и Mr. Paton'a, и есть шкатулочка с замком, чтобы хранить свои гостинца <так!> от воровки-прислуги, и есть гостинца на дорогу и всякие баловства, и есть хороший запас молодой энергии и радости жизни (кстати, не забыл ли ты отнести книгу в библиотеку! 1 Янв<аря> кончается абонемент). Тосклива мне эта разлука, но крепилась, и достигла спокойного и верящего «до свиданья». А Пэтона просила, если Сережа будет хорошо учиться, отпустить ему неделю после Пасхи, тогда он может приехать домой с 29 марта по 9 Апр<еля> н<ового> ст<и-ля>. А утром, Дотинька, я была больна, ночью угорела. Потом получила твое сладкое письмо к новому году.

Милый, дорогой Дотик, ты не должен скучать по вечерам. Будь Паматит. Дотик, Бог с ним, с лирическим стихотвор<ением>¹¹. Я ему очень рада, но, подумай, надо печатать в *этом году*, т.е. в эту зиму. И кроме того, Маруся даже удивляется терпению типографии и тому, как они могут столько времени держать растянутые <?> машины под шрифтом. И есть у нас 2-й боанитек в виду — мой соперник¹². Дотинька, печатий каей, каей <так!>¹³. Иду спать, утала <так!>. Буду молиться за нашего дорогого большого мальчика.

10 ½ утра. Гостиная. Sommier сапарé¹⁴, греясь в тепле неугасимой саламандры. Маруся пишет тебе в hall. Утром провели часок в беседах о fourneaux¹⁵. Холодно. Стоит мороз около 4-х, 5-ти ° уже много дней, без снегу, но с туманом, лежащим прекрасным инеем по деревьям, кустам и траве, блистающем <так!> идеально правильным узором на каждом листе и тяжелящем <?> ветви, ровно снег в России. Все эти дни были по городу развешаны объявления о том, что на Salève солнце merveilleux¹⁶, тогда как у нас пелена тумана. Вот Сережа и купил и посылает тебе картинку Salève в подобный день. Мы с Марусей вчера вечером было сговорились поехать вдвоем на Salève, да сегодня выглянуло и внизу солнце, и Miss Bl<ackwell> бросилась в сад снимать белые елки. Дети в школе. Сережа должен с Божьей помощью уже быть в начале пути из Парижа в Лондон. Гольштейнам послан мед. Дотинька, сегодня я здорова, а вчера ночью была беда: Я открыла с вечера дверце <так!> моей печьки <так!>, а труба была наполовину закрыта, и заснула. Просыпаюсь в 12 с головной болью, но, не соображая ничего, засыпаю тяжело далее и через часа 2 опять просыпаюсь: болят виски, трещит весь череп. Догадываюсь: в первый раз в жизни угорела, бросаюсь открыть окно и едва назад дохожу. До утра маялась одна.

В 8 добыла у Оли фенацетину¹⁷, потом еще от Маруси. Сережа был в страхе, конечно. В 10 заснула до 12-ти, и всё прошло, кроме дрожи во всем теле, слабости и легкого головокружения на весь день. Дотинька, тататá, будь радостен и бодр. Татáвец, умоляю позаботиться о боаницке! Как же ты думаешь печатать? неужели лишь с будущей осени? и приехать сюда, не напечатав? а летом или поздней весной ужасно невыгодно. Роман мой не писала все эти рождественские дни и еще не в колее. Завтра или сегодня начну. Теперь должна отсылать. Да, анекдот: За обедом она <так!> внезапно говорит: «Фугá». — «Что это?» — спрашиваем. —

«Это фуга, пленники, которых берут * солдаты в плен, они должны всё делать, что им велят!» Вот тебе полит<ическая> экон<омия>. Дотинька, роковой час почты. Целую, обожаю! Солнышко, жизнь. Опять не успела Леонарди и Фотини!

¹ Речь идет о родных Зиновьевой-Аннибал и близких им людях: матери С.А. Зиновьевой, брате А.Д. Зиновьеве, его жене Е.Н. Зиновьевой (Лизе), компаньонке матери Эмме Васильевне. О Елене Егоровне и Иде Степановне (также спутницах С.А. Зиновьевой) у нас точных сведений нет.

² П.А. Замятнина — мать М.М. Замятниной.

³ Осторожно, поезд (*фр.*).

⁴ Стремления (*нем.*).

⁵ Под этим прозвищем, насколько удастся понять из письма Замятниной, цитируемого в п. 392, прим. 25, она подразумевала приват-доцента Henri Vulliéty (1860 — ?), у которого слушала курсы и участвовала в практических занятиях по истории искусства.

⁶ Имеются в виду греческие буквы η и υ. С.К., получавший уроки греческого, должен был помогать матери составлять письма.

⁷ Квартал в Женеве.

⁸ Учебного периода (*англ.*).

⁹ Вечерняя аудиенция королевы (*фр.*). Как и в п. 383, Зиновьева-Аннибал пишет с ошибкой, но с другой.

¹⁰ Купе для некурящих (*фр.*).

¹¹ О лирическом стихотворении, долженствовавшем закончить сборник «Кормчие звезды», см. п. 385.

¹² Очевидно, имеется в виду, что Зиновьева-Аннибал готовила к печати еще не до конца дописанный роман «Пламенники».

¹³ То есть на «детском» языке: «Печатай скорей, скорей!»

¹⁴ (На) диване с сеткой (*фр.*).

¹⁵ Печах (*фр.*).

¹⁶ Чудесное (*фр.*).

¹⁷ Жаропонижающее и болеутоляющее лекарство, которое в современной медицине используется очень ограниченно из-за возможных побочных эффектов.

390. Зиновьева-Аннибал — Иванову 29—30 декабря 1901 / 11—12 января 1902. Женева

30-й д<ень>м<ужества>. 1 ½ дня. Понедельник. Сепя.

Дорогая моя, 1 ½ часа тому назад отослала тебе письмо, пропела несколько арий и романсов: 3 арии из «Сарген» и романс Даргомыжского «Я всё еще его, безумная, люблю»¹ (это я пела еще на Тверской²) (Острога любит и интересуется Даргомыж<ским>)

* В оригинале: берит.

(Мне помнится, когда-то и ты, Дотя, говорил, что его любишь) (но я ничего тебе не пела его) (Довольно скобкок) — позавтракала, и вот я наверху с двумя печками: круглая кафельная топится дровами, круглая керосинка пыжится нагреть 4 ½-градусную (обычную по утрам) температуру нашей светелки. Но не бойся, Маруся настояла на топке *дровами*, а не брикетами, и вчера во время театра моего сама истопила печь, и к вечеру было 12 ½°! Но не в этом теперь дело. У меня такая масса есть, о чем с тобой поговорить и того и другого, и еще, и еще другого, что не знаю, с какого конца приняться! и оттого была в отчаянии отсылать так резко незаконченное письмо, и оттого тотчас принимаюсь вновь писать тебе, вместо того, чтобы пользоваться несколькими чудно свободными часами — до 5 ½ — урока музыки (Маруся обещает сходить к отцу, у которого, бедняги, никто не был с прошлого Четверга, а сегодня Понедельник!). Ай, ай.. вдруг вспомнила.....

2 ½ часа. Только написала «Ай.. ай», и пришла Маруся перед своей лекцией и принесла каталог, чтобы выбрать книгу для дедушки из библиотеки Richard. Она всегда так добра к старику и меняет ему книжки, когда он присылает нам книгу.

После Маруси меня осенила внезапная «идея». Я вспомнила Сестрорецк. Бросилась в кухню. Кристина сварила мне клейстеру, и я замазала белыми полосками бумаги дверцу печки. Теперь она топится герметически: уже труба остыла, а сама вся накалилась, что не дотронуться!! Вот смех-то! Маруся вчера торжествовала надо мной, что научила меня топить, нашла же способ согреть мою комнату, из которой мне вчера утром перед театром пришлось после 2-х часового утреннего «писательства» — выбежать со слезами и переодеваться в театр внизу у саламандры и пить Марсалу³. Ну, а сегодня, вот как вернется она из университета, я ей и преподнесу свою «идею» исполненную и, таким образом, перещеголяю ее.

Но теперь возвращаюсь к «Ай, ай». Забыла. Забыла, что ты, гадкий матик, не присылаешь мне моего гимна национального Румын⁴. Я писала тебе, что это его мелодия, столь простая и дионисическая, которую мы с тобой так любим. А слова его вроде: «Встань, Румын, враги идут!» Дотя, пришли, молю тебя, раздобудь. Вот я в какой-нибудь понедельник преподнесу новинку. Кстати, суббота Mme Zibelin, кажется, *des blagues*⁵. Острога сказал, что у нее *хоры*, что она заведует хорами и, верно, в оперу Массенэ будет *хоры* готовить. Верно, поэтому, после того, как она услышала мой голос, то уже не повторяла приглашения, а сама с

радостью приняла мысль устраивать музыкальные понедельники у меня и иногда у себя, так как имеет *два* рояля, и один хороший, лучше нашего. При умном отношении к делу не выйдет ли чего из *наших* понедельников, т.е. со временем не притянем ли через Острогу — профессора консерватории — каких-нибудь еще музыкантов и не удастся ли мне петь где-нибудь интересно.... ну, увидим, пока что очень приятны наши интимные вечера. К сожалению, сегодня не состоится, разве только с одним Острогом. Это уже не то. Mme Zibelin в постели — больна и очень огорчена. Острога хорошего мнения об ее артистичности. Я не очень огорчаюсь сегодняшней неудачей, потому что не успела *вполне* подготовиться, т.е. *roug une audition*⁶ перед артистами, а не публикой знакомых и благожелателей! Еще *кстати* (теперь, когда пишу это слово, всегда вспоминаю нашу с тобой о нем контроверзу⁷). Дотя, итак, кстати: не приговорила, конечно, не из лени или небрежности, а вследствие *гнусного* горла. Ведь не могу и *петь* и *говорить*. А как молчать! *C'est ridicule et c'est méchant*⁸ изображать дурацкую артистку и не говорить с детьми, не веселить их, не разбирать их делишки, не рассказать чего им и девушкам, вообще быть кикиморой. А между тем, приходится стараться отвечать все свои слова, и то как поговоришь, то горло начинает болеть до сжимания сердца особенно неприятною болью, как усталый мускул, ломящую. Вот гадость-то! Маруся стала мне немножко, очень нежно массажировать горло. Думаю, вреда не будет, а мне необычайно приятно. Так смешно, точно я кошка; чистое наслаждение. Ну, теперь хочу говорить о неприятной вещи: это дело Костиного воспитания. *Something is <w>rong*⁹ в нашей системе. Скажу всё *en grands traits*¹⁰: Мальчик недурен душою. У него есть сердце, есть порывы к добру, есть правдивое сознание своей дрянности. Но в нем сидит дух непослушания, дух, который верно определила Mme Cuchet: «*Ce qu'il déteste le plus au monde: c'est d'obéir. Cela lui fait mal d'obéir*»¹¹. Это верно. Значит, первое: непослушание систематическое. Второе: дерзость тоже систематическая. Третье: самооправдание, ведущее к систематической ленивости. Вот три черты, три одержа <так!> этого несчастного мальчика. И их результат: домашний ад ему и окружающим. Он сам несчастен глубоко и глубоким чувством недовольства собою и постоянными довольно жестокими наказаниями (лишение тележки, лишение катка, лишение прогулки в горы, лишения визитов к дедушке, лишения слова за столом, задачей постоянных учений басень <так!>, списыванием и бранью, бранью, бранью...)

Окружающие несчастны постоянным *état de guerre*¹². Нервы напрягаются в высшей степени, и весь дом оглашается криками, ворчанием, остальные дети соблазняются в гнев и грубость, взрослые подчас в удары или же тратят нервные силы до истощения, до вреда для себя, как бедная Маруся, например, которая сегодня после завтрака перед лекцией пришла вся дрожа ко мне и сказала мне: «Я вся дрожу. Я заставляла Костю учить экзерсисы для Остроги. Он их *не хочет делать* и срывает руки с рояля, и ворчит, и дерзит! Я ему сказала, что он не будет допущен к уроку Остроги, пусть тот займется с Верой одной». Недопущение к уроку — *болезненный позор* для этого в некоторых отношениях сумасшедше (как я была) самолюбивого мальчика. А вчера еще вечером, когда после молитвы Маруся не хотела прощаться с Костей (тоже за предшествовавшее непослушание, и всё по пустякам, по мелочам), он весь собрался жалким комочком в ногах своей постели, и молил, и рыдал слезами раскаяния, отчаяния, жаждал любви, ласки, примирения. Вот сегодня я размышляю и думаю: something is <w>rong. Нельзя так продолжать: разврат для него, и счастья нет, мука для других, и результатов воспитания нет. Её не знаю, что делать. Но одно ясно. Не должно быть, чтобы *два* человека (*Маруся* и *Miss Bl<ackwell>*) и *третий* en cas d'urgence¹³ — я, ежедневно и почти постоянно были (первые двое) заняты, напряженно заняты одним 9-тилетним тварёнышем. *C'est absurde*¹⁴. Ясно, что это абсурд. Но где выход? Здесь что-то *крупное* не в порядке. Надо обдумать. Первая моя мысль вот такая: разузнать об одной школе Mr Thudichum. В ней воспитывался Жуковский. Это пансион по дороге к Vernier¹⁵. Можно *полупансионером*. Поеду к Жуковским все узнать. Может быть, дисциплина большой, *мужской* школы (но не college с его сбродом и грязью) заставит этого мальчика согнуть свою непокорную спину и понять, *что* есть жизнь. Словом, моя идея в том, что его школа никуда не годится. Я видела учительницу-надзирательницу. Это хорошенькая, совсем полуребенок, куколка, которая трогательным голоском жалуется: «Il ne veut pas obéir, il repond toujours»¹⁶ и т.д. Итак, 1) надо строгую, мужественную школу, чтобы в нем проснулся страх и уважение (awe¹⁷ — по-английски) 2) лучше ему меньше быть дома и, так как мы решили никогда не отдавать мальчиков в пансион, то попытаться *на весь день* его устроить под ферулой школьной. Надо попытаться счастье. Он расстроил Марусино здоровье. У нее большое сердце!

4 ½. Сена. После чаю. Вот вернулся Костя, выслушал свой приговор и поплелся наверх весь в слезах, печальный, подавленный. Ужасно вечно лицезреть такое состояние ребенка! Самое ужасно<е> — это ему отказ от урока Остроги. Маруся было предложила мне продержатъ его в страхе и простить в самый момент прихода Остр<оги>, но я не согласилась на это и уговорила Марусю выдержатъ во что бы то ни стало наказание. Маруся принесла мне «Petits poèmes en prose» Baudelaire¹⁸ и я сейчас собираюсь почитать. Она же, выпив чаю, уже убежала к отцу с книгой Легенд Гебгарта «Au son des Cloches»¹⁹. Это рекомендовали усиленно в библиотеке. Видела мельком: там легенда о Thamos Le grand Pan est mort²⁰. Но стиль: я прочитала 3 фразы какие-нибудь d'un mauvais France²¹, кажется.

6 ½ час<ов> веч<ера>. Hall, стол под газовым рожком. Дотя, Острога не пришел. Или болен, бедняга: у него только что была influenza²², и он был неосторожен: выходил за заработком на уроки. Но я надеюсь, что это не то и что скорее он всё ждет вдохновения на стихотворения Mogéas²³. Дотинька, бегу наверх, далеко не досказав тебе всего, что хочется, оставляю на завтра, а то ни строчки не напишу в роман. А этого не хочу суеверно!

Вот я наверху. Вера и Christie Strachan учат у себя географию к завтрашнему дню. Miss Bl<ackwell> как заметила, что я пошла наверх, бросилась вниз, чтобы разучивать мне аккомпанемент Даргомыжского. Он легок, и я ей его указала. Она не могла до сих пор еще ни разу аккомпанировать мне. Костя переплетает картоном свои школьные книги с удивительной выдержкой и искусством. Маруся у дедушки. Оля шьет в кухне. Кристина стряпает. Целую. *

8 ½ утра 31-ого дня мужества.

Бегу на трам в Женеву. Хочу расспросить на почте, не удастся ли обозначить адрес рúти²⁴ на Lloyd²⁵, чтобы ты получил 10 Февр<аля> н<ового> ст<иля>.

Целую бесконечно. Люблю свово <так!> матита.

Лидия.

Много еще есть что сказать.

¹ Романс А.С. Даргомыжского на стихи Ю.В. Жадовской (Песни русских поэтов: В 2 т. Л., 1988. Т. 2. С. 18).

* Далее следует плохо разборчивая [Ушла <?> в далекий угол комнаты, где стоит <?> <1 нрзб>] и непонятно к чему относящаяся фраза.

- ² Имеется в виду дом Зиновьевой-Аннибал в Петербурге (Тверская, 4).
- ³ Сладкое и крепкое испанское вино.
- ⁴ Об этом поручении см. п. 383.
- ⁵ Розыгрыш (фр.).
- ⁶ Для прослушивания (фр.).
- ⁷ См. пп. 185 и 188. Ср. также п. 395.
- ⁸ Это смешно и это зло (фр.).
- ⁹ Что-то неверно (англ.). Зиновьева-Аннибал пишет с ошибкой, пропуская первую непроизносимую согласную (повторяется и далее).
- ¹⁰ В общих чертах (фр.).
- ¹¹ Больше всего в мире он не любит подчиняться. От подчинения он заболевает (фр.).
- ¹² Состоянием войны (фр.).
- ¹³ В экстренном случае (фр.).
- ¹⁴ Это абсурдно (фр.).
- ¹⁵ Деревня в кантоне Женевы.
- ¹⁶ Он не хочет повиноваться, он всегда огрызается (фр.).
- ¹⁷ Благоговейный страх (англ.).
- ¹⁸ «Маленькие стихотворения в прозе» Бодлера (фр.).
- ¹⁹ Имеется в виду книга: Gebhart Emile (1839—1908). *Au son des cloches: contes et legendes* («Под звон колоколов: Сказки и легенды»; впервые опубликована в 1898 г.).
- ²⁰ Речь идет о рассказе «*Au soir du monde antique en l'an 33*» («На закате античного мира в 33 году» (с. 37—51), где пересказана история Плутарха о пловце Тамосе (Thamos), который слышит таинственный голос, извещающий, что «*Le grand Pan est mort!*» («Великий Пан умер!»).
- ²¹ Видимо, Зиновьева-Аннибал хотела написать «*d'un mauvais français*», т.е. «дурного французского» (фр.).
- ²² Грипп (фр.).
- ²³ См. п. 407.
- ²⁴ Вероятно, от фр. *route*, маршрут.
- ²⁵ Английская морская компания.

391. Иванов — Зиновьевой-Аннибал
30 декабря 1901 — 1 января 1902 / 12—13 января 1902.
Афины

День 29.

Воскр. 12.I/30.XII

Вот и четыре недели минуло, как мы расстались, Лиля!

.....

Сегодня хорошо, бодро занимаюсь. До завтрака — в Институте. Погода весенняя. Хорошо в «певках»¹.

[Погодой недоволен мой друг — молодой Goulielmos. Он находит, что зимой привычно, чтобы шел дождь и было холодно. Отклонение Ор² от заведенного порядка и дисциплины — вред-

но для здоровья (людей). Кроме того, его здоровье портится от постоянного пребывания в магазине.]*

Вчера отослал тебе вечером δευτέρου³ с почты. Прекратил абонемент в Library⁴. После ужина писал Александре Васильевне длинные confessions amicales⁵. Передавая твой поклон Ангелу, узнал, что он тебе опять писал, и напал на след вашей тайной корреспонденции.

О себе:

Владею днем моим, с порядком дружен ум;
Учусь удерживать вниманье долгих дум;
Ищу вознаградить, в объятиях Свободы,
Мятежной младостью утраченные годы...⁶

Все же *объятия*, хотя и призрачного, но женского существа, и очень желаю, чтобы они сейчас мне приснились. И если Свобода примет твой образ, тем лучше...

День 30.
Утро.

Понед. 13. I / 31. XII. 1901.

Но они не приснились. — Только что пришел из пинеты. Сидел на выступе скалы, высоко. Чудесно выделяется монастырь на голубом небе. Солнечно и туманно. Блестят иглами ξανθαί λεῖψαι⁷. —

Сегодня в 5 ½ ч<асов> первая лекция Дерпфельда *о театре* в библиотеке Института.

Утром опять были мальчики и колядовали с систрами и окариной⁸. Они поют интересные песни, которые я читал в книжке, данной мне Фотини.

Ты увенчана новым цветком и пр.; и вообще, Фотини — сама Харита⁹, жалуется только, что ее платья далеко не сходятся, что мешает ей идти на сегодняшний карнавал. Велит мне его посмотреть, часа в 4.

Нужно работать.

8 час. 20 м.

Вернулся с лекции Д<ерпфельда> и поужинал рыбным супом, рыбой, апельсином и мандарином, и кофе. В первый раз Д<ерпфельд> читает эту зиму специальный курс о театре. Счас-

* Квадратные скобки принадлежат Иванову.

тие. Лекции (по понедельникам) будут перемежаться осмотром театра Диониса и экскурсиями в Сикион, Ороп и, м<ожет> б<ыть>, Форикос¹⁰. [Кстати, без денег экскурсионистам худо, и если из Рима будут упорно отмалчиваться, придется от тебя выписать, — я ведь твоих кредиторов — портниху, Гульельмо — удовлетворил.]* Этот курс есть вместе апология Д<ерпфельда> против нападений Пухштейна¹¹, который написал книгу, чтобы уничтожить его открытия (касающиеся театра), но, кажется, книгу вздорную¹².

В Афинах карнавал. Χαρτολόγεμος¹³ — конфетти. Шум, толкотня, музыка, бросание в женщин — все как следует.

В песнях мальчиков (ψάλται¹⁴) прославляется Василий Великий¹⁵ (1 Января — его праздник), которому приданы черты мифические: он — покровитель грамоты, его жезл расцветает, вокруг выются голуби, один голубь теряет перо — тогда Господь посылает дождь...

Дивинаторы¹⁶ мы с тобой удивительные! Вообразили, что Ангел с супругой из Царьграда. Константинополь для них столь же предмет мечтаний, как и Петруполис. Группа в «Галатции»¹⁷ снята где-то здесь, вблизи. Родина Ангела — Кастрий — представь себе... угадай — что это такое, этот obscure¹⁸ Кастрий... это — Дельфы¹⁹! И Фотини даже предлагает мне гостеприимство родственников, живущих под Парнассом, если я туда поеду.

В Институте познакомился с стариком Baurat Gräber (?)**, приехавшим для раскопок водопроводов. Для него третьего дня лекция Дерпфельда посвящена не в черед водопроводам. Вопрос об Ἐννεσχροῦνος²⁰ — кардинальный пункт всей афинской топографии и одна из слав Дерпфельда.

Греческого короля чуть не съел струфокадил (т.е. страус)²¹, когда он забрался к нему за ограду в Фалероне²². Один господин его спас, с собственной опасностью. —

Теперь буду заниматься. —

Серееже в Лондон посылаю δελτάριον — с хорошими изображениями на хороших монетах, — на счастье. —

10 ¼ ч<асов>.

Выпив Итасского вина глоточек (все твоего еще) за твоё счастье и нашу любовь и съев кусочек твоего шоколаду, я считаю, что

* Квадратные скобки принадлежат Иванову.

** Вопросительный знак в скобках — помета Иванова.

встретил Новый Год, и ложусь спать, а письмо поручаю Ангелу. Целую и поздравляю мою Радость.

Felice anno²³

Orasempre.

День 31.

Новый Год. Ἄγαθή Τύχη²⁴

Лиля, милая Радость! Верушке написал о нынешнем дне, прибавить нечего²⁵. Бог даст, завтра будут дорогие строчки. Завтра нужно в 10 ч. уже быть на Акрополе: великий Шрадер начинает свои Vorträge²⁶ в акропольском музее. Погода прекрасная. Шифф меня поздравлял с новым годом. Фотини больна, простудилась; скучает Ангел; дали мне сладкого вкусного хлеба, вроде кренделя. А в реальность вашего кренделя — не верю! Так только обманываете.

Да, не забыть бы: спрашивал о деньгах на почте — *ничего нет*. Eh bien, *menez vos mesures*, s.v.p.²⁷

Как ты провела сегодняшний праздник, дорогая детка, и встречала ли вчера новый год? Я же не спал, когда часы стали бить, зажег спичку, и — кончил Итакскую бутылку за твое здоровье и твое счастье и нашу любовь.

В.

Благодарю Ольгу Федоровну²⁸ за письмецо и целую.

32 день

15/2.1

9 ½ утра

Итак, спешу. Целую Душку.

В.

Жду «Чертозы»... и денег, не говоря уже о «сюпризах» (???)^{*}.

Конверт со штемпелями: ΑΘΗΝΑΙ. 29 ΔΕΚΕΜ. 1902 — Genève. 18.1.02.

¹ От греч. «λεῖχαι» — сосны (*древнегреч./новогреч.*).

² Оры: богини времен года и погоды, стражи ворот Олимпа, отворяющие и запирающие их, выпускающие облака и удерживающие их.

³ Почтовую открытку (*новогреч.*).

⁴ Библиотеке (*англ.*).

⁵ Дружеские признания (*фр.*).

⁶ Цитата из стихотворения А.С. Пушкина «Чаадаеву» (1821). Отметим, что у Пушкина «свобода» печатается со строчной буквы, не как у Иванова.

⁷ Золотисто-желтые сосны (*древнегреч./новогреч.*).

⁸ Окарина (*ит. osarina*, буквально — гусёнок) — духовой музыкальный инструмент со свистковым устройством.

* Знаки вопроса в скобках принадлежат Иванову.

⁹ См. п. 381, прим. 2.

¹⁰ Сикион — город в северо-восточном Пелопонесе, главный город Сикионии. Известен как город ремесленников и художников. Ороп — город на восточном побережье Аттики. Форинос — город на северо-восточном побережье, к северу от Сунийского мыса.

¹¹ Отто Пухштейн (Otto Puchstein; 1856—1911) — немецкий археолог.

¹² Книга, о которой говорит Иванов, следующая: *Puchstein O. Die griechische Bühne. Eine architektonische Untersuchung, mit 43 in den Text gedruckten Abbildungen.* Berlin, 1901.

¹³ Бросание конфетти друг в друга (*новогреч.*).

¹⁴ Певцы (*новогреч.*).

¹⁵ Св. Василий Великий (ок. 330—379), епископ Кесарии (Каппадокии), богослов, автор нескольких литургий. Известен бережным отношением к наследию античности.

¹⁶ От *фр.* «divinateur» — предсказатель, прорицатель.

¹⁷ Вероятно, от названия «Галата» — северное предместье Стамбула (Константинополя).

¹⁸ Непонятный, загадочный (*англ., фр.*).

¹⁹ Место святилища Аполлона, где находился самый знаменитый в Греции оракул. С 1880 г. в Дельфах французскими археологами велись значительные раскопки.

²⁰ Эннеакрунос. См. п. 388, прим. 1.

²¹ От *греч.* «στρουθοκάμηλος» — страус.

²² Фалерон (соврем. — Фалирон) — бухта в Эгейском море.

²³ С Новым годом! (*ит.*)

²⁴ В Добрый Час (*древнегреч./новогреч.*).

²⁵ Имеется в виду следующее письмо:

День русского Нового Года
<пoмeтa кaрaндaшoм: 1902 14/Г>

Дорогая Верушка,

Спасибо большое за твое милое и ласковое письмецо. Жду дальнейших писем от вас, чтобы знать, как вы провели все праздники. О елке, например, еще ничего не знаю. Но из того, что знаю, вижу, что праздники начались весело, и даже больше чем весело! Радуюсь за вас, детей, что мама с вами. Сегодня — только сегодня — я получил открытое письмецо из Monnetier с chamois и подписями — твоей, Сережиной и Костиной. О вашем путешествии на Salève до сих пор не могу вспомнить без ужаса и головокружения. Это очень хорошо, что картолина пришла только сегодня: она порадовала меня одна в день Нового Года. Я не хочу, однако, сказать, что мне было худо, а только — что писем не могло сегодня быть, а как пришла картолина — я не знаю. Сегодня Афиняне с ума сходили от радости, что дожались нового года. Утром я был разбужен пушками; на закате солнца опять моя долина потрясалась двадцать одним выстрелом, которым отвечали пушки из Пирея; и во время обедни церковь также дрожала от пушечных салютов. Войска ходили по улицам с музыкой, и страшно пестрели пышные красные и ярко-голубые султаны на касках офицеров. Я же потихоньку сидел в Институте за книжками. А вчера был карнавал, как я уже писал маме. Мне хорошо, когда я охотно, с увлечением занимаюсь; а это бывает почти всегда. Я так радуюсь, что могу опять работать. Но все же мне жаль, что не видел немножко из того, что творилось у вас всех там на праздниках. Жаль, что без меня прошло ваше dramatic and musical entertainment. Особенно хотел бы видеть и слышать Лидюшу и тебя. Мама пишет, что ты очень хорошо играла. Mes felicitations! Я знаю, что ты хорошо играешь. Мне очень нравится твоя фотография — возврат из школы

с хорошим carnet. Очень желаю, чтобы ты как можно чаще была, возвращаясь из школы, похожа на этот портрет! Вообще желаю теперь успеха и удачи, и радостной, деятельной бодрости, дорогая, любимая девочка! Целую крепко, крепко. Поцелуй брата и сестру. Твой Вяч.

(РГБ. Ф. 109. Карт. 10. Ед. хр. 40. Л. 17—18 об.)

²⁶ Лекции (нем.).

²⁷ Ну так что ж, *примите*, пожалуйста, *меры* (фр.).

²⁸ О.Ф. Никитина.

392. Зиновьева-Аннибал — Иванову 31 декабря 1901 — 3 января 1902 / 13—16 января 1902. Женева

29-й д<ень> м<ужества>. Понедельник. 3 ч<аса> дня. Сена. Я сегодня утром забыла пометить этот день. Утром отослала письмо. Теперь пришла после завтрака наверх, чтобы немного успокоиться и прийти в себя. На письменном столе стоят отобранные еще не завядшие цветы из букета, подаренного мне Сереженько<й> и Верой с приложением посылаемой тебе карточки и обвязанный <так!> розовой лентой. Он теперь на море, бедный мальчик. Бог милостив. Маруся на лекции, Вера не пошла в школу после завтрака, потому что после нескольких дней жалоб на желудок я решила напоить ее касторкой и теперь она делит свой après-midi¹ в ожидании урока Остроги в 5 ½ веч<ера> между роялем, бóббэ и английск<им> чтением. Доди, какой снегирь — живой или чучело?²

5 ½ час<ов> веч<ера>. Hall. За роялем Вера, размахивая такт рукой, поет solfèges³ с Острогой. Только что после чаю Вера, глядя на меня своими большими, задумчивыми и любовными глазами, просила меня идти с ней в сад осматривать все его уголки. Пошли мы втроем с Марусей, и я узнала столько уготов <так!>, мне еще неизвестных, и имела чувства чего-то родного, радостного, трогательного, и всё это était si roignant⁴, потому что тебя не было со мною. Есть местечки, где я желала бы иметь тебя около себя в темный вечер, совсем для себя, и прижаться к тебе всем счастьем нашей большой любви, и так сильно было это чувство, что тяжелым стало мне сознание необходимости ехать к тебе в чужую даль, вместо того, чтобы дожидаться тебя скоро, скоро сюда и встретить вместе весну дома. C'est une sensation que passe⁵, жизнь так широка и многообразна, так богата в своей мимозности <?>,

что надо ширить в доверии и радости сердце, чтобы принять ее всю, как она дается, всем полным ее счастьем, вернее — всем ее упоением счастья и страдания, красоты и Веры... Странные, долгие сумерки Севера! Я начала это письмо, когда у рояли свечи были зажжены, и теперь еще внизу ясно от света, падающего из большой двери-окна на мое кресло позади длинного стола. Вера волнуется, пытаясь играть как можно лучше передо мною. Она кончила *solfèges* и *étude*⁶ и теперь играет экзерсисы. Острога так мил и прост. Я еще в первый раз просила его остаться к обооту <так!>, но он не мог, и сегодня, кажется, не может, так что впечатления о его умственной личности не имею. На вакации он всегда ездит к своим детям во Францию, они воспитываются у его сестры. Маруся где-то возится с вечным грешником — Козлом. Да, это трудный мальчик: он вечно в беде и непослушании. Сегодня принес домой огромный кусок льду, добытый где-то далеко по дороге из школы, из-под крана. Всё пальто, все штаны мокры и грязны. Конечно, тотчас сто оправданий и результат — лишение игры... Вот он пришел заменить Веру на урок, и вся мордочка светится, потому что он любит этот урок. Вера теперь в ванне с Лилей до обеда. После обеда пойдет Костя. Их моет Miss Bl<ackwell>. Я ее в строгости держу. Она совсем неопытная и неумная девушка, но с большим запасом добродушия и доброго желания. Но способна оставить, как вчера, пока мы провожали Сергея, Лидию одну в этаже внизу за своим столиком с зажженной игрушечной свечей: ребенок зажег бумагу нечаянно, и когда увидел высокое пламя, побежал спокойно звать ее: «Miss Bl<ackwell>, come please, I want you for something»⁷. Вот только что слышу Острога задает Косте урок: «Ce n'est pas difficile pour jeune homme comme vous»⁸. Вот экзерсисы <так!>: «Celà c'est un peu de votre fantaisie. C'est jolie çà te-re-re, re... mais c'est de votre fantaisie!»⁹ Он весел, но... Вот дальше спор: К<остя>: «Il ne faut pas comme çà». — «Mais oui, il le faut!». — «Je crois qu'il ne faut pas!». — «Mais je suis sûr qu'il faut!»¹⁰ И Костя исправляет что-то неверно понятое. Есть в Остроге что-то и добродушно смеющееся, и строгое. Словом, Костя в уважении содержится и тих, как вода. Костя отлично говорит по-французски. Да, Дотик, забыла сказать: в Субботу были блины для Сереженьки. Он теперь уже между New Haven и London. Вчера сливочное мороженое ванильное, твое любимое. Конечно, у меня был глупый *serrement de coeur*¹¹. Мо-

розили своим льдом, заготовленным в посудинах в саду еще накануне.

8 час<ов> веч<ера>. Hall. Сейчас иду прощаться с детьми. Сережа должен быть в Лондоне. Дай-то Бог. Костя сегодня лишен мороженого (остатков вчерашнего). Трудный он мальчик. У Маруси столько терпения и много серьезной выдержки, но иной раз целый день идет борьба с ним. И при этом добр, наивен, симпатичен. Надо спокойно относиться к этому. Делать что можем и надеяться на время. Пишу это, чтобы ты не обольщался надеждой, что он исправлен. Скажу больше, я даже боюсь, что моя надежда, что годы улучшат его, пока, быть может, *не скоро* исполнится. С одной стороны, его шалости становятся словно серьезнее, смелее. Но есть ведь ужасные *enfants terribles*¹², которые потом становятся добрыми и честными людьми. Вот надежда, которая утишает <так!> мою горькую заботу по поводу этого мальчика, полного желаний, грубого и изворотливого. Он не в отца — всегдашнего пайкинда¹³. Это дает некоторое утешение.

10 ½ ч. утра. 30-й д<ень> м<учения>. Вторник 1 Янв<аря>. 1902. Сена. Дотинька, с Новым Годом! Дай Бог тебе и мне здоровья и соединения в той же нашей любви, что и досели <так!>. А пока дай Бог нам бодрости в разлуке и сил на труд святой и насущный. Вчера встретила Год с мыслью о твоём письме детям. Молилась и надеялась, вернее, верила, отдавалась вере. Впрочем, всё это сквозь присутствие милых, бедных душ наших домашних: Маруси, Оли, Кристины, они все трое пробрались незваные наверх и окружили с 10 часов мою постель. Маруся на ней, те две на баране на полу возле. Прежде Оля была одна и говорила о том, как ей тяжелее стало жить с годами. Как прежде всё было проще, а теперь всякое желание кажется таким дорогим и желаемым лишь до его достижения, но не успеет еще оно свершиться, как кажется иным, и новое является на смену. Я горяче упрекала ее за это грешное настроение и простыми словами объяснила, что религии и философии Смерти стоят на этом, вера же Христа спасает от этого. И потом, когда все ушли, призвала ее обратно и горяче и много рассказывала о Св. Франциске <так!>, о его радости жизни, о его влюбленности в Христа, о гимне, о стигматах и вечной песне его души. Она пошла тихая спать, и проспала без просыпа и снов сегодня встала свежая и такая любовная. Она в горе, что я не успела в отосланном вчера письме исполнить ее поручение сказать тебе, как она тронута твоим поздравлением к

Нов<ому> Году на картолине и что она будет писать в этот раз, а тотчас не успела, собирала Сережу. Сегодня в 8 ½ пришла дорогая депеша: *aggrivé well*¹⁴. Сегодня он уже в школе, и всё идет правильно. Я и не вмешиваюсь в дело хозяйства, Дотинька, Марусенька *вполне* ограждает меня, как истинный добрый гений, она наше незаслуженное счастье! Но вместе с тем я пытаюсь мудро двинуть всё, что нахожу нужным, и прежде всего *рано встаю*, поэтому весь порядок детского утра изменился и встал в строгие рамки, и Miss Bl<ackwell> подтянута минуту <так!> в минуту. Утром я всюду уже до 8-ми*. В ванне все имеют мною установленные свои ¼ часа, начиная от ¼ 7 и до 8.20, после чего Маруся имеет ванну для себя или, в случае моего запоздания, и я.

31 д<ень> м<ужества>. Среда. 2-го Янв<аря>. В гостиной на *sommier divan*¹⁵. Одна во всем доме. Только что пела ¼ часа экзерсисы Mme Pauline Viardot, которые, найдя их в нотах, расцеловала с жаром во имя всего дорогого прошлого, напитанного поэзией и тобою. Маруся на лекции сначала Бувье, потом «Таракана», т.е. с 2-х до 5 ½ не дома. Оля с Христиной в виде прогулки, т.к. день морозный, сверкающий солнцем по снегам гор и инея <так!> долины, прошли к «Таракану» снести Марусины картины для разбора. Miss Bl<ackwell> на уроке франц<узского> языка. Дети в школах. Только что постучались в окно кухни: — молочник. Налил 3 литра в приготовленную на подоконнике посудину и сказал мне: «*Bonjour Mademoiselle!*»¹⁶, на что я неразумно ответила в своем смущении: «*Bonjour, Madame!*»¹⁷, и вот я опять с тобою, и канарейки, оравшие до непостижимости из столовой во время моего пения, теперь замолкли, чтобы удовлетворить законно возбужденный искусством голод. Дотинька, вчера вечером в 4 часа вышли с Лилей к дедушке. Ребенок по дороге у Paracelsia¹⁸ встретил своих товарищей, маленьких фермеров, которые предложили ей снегу: «*Lydia, veux-tu du sucre?*»¹⁹ Потом швырнули нам вслед комок. С той минуты она заболтала по-французски с упоительным *асцент*²⁰. Расшалилась так мило и жизнерадостно. Забегала вперед, крича: «*Tiens, il y a beaucoup de sucre là-bas!*»²¹, набирала комки снега и бросала их в меня, крича: «*Voilà du sucre!*»²² и картавя *р*: «*C'est une grosse (ô), alors! Tiens, c'est une grosse!*»²³. Я говорю: «*Madame Duvernoi <sic!> va dire: Mme, vous êtes toute blanche. Qu'est-ce donc?*»²⁴ А она: «*Et b<i>en, moi je va dire: c'est du sucre!*»²⁵

* Слова «уже до 8-ми» жирно подчеркнуты красным карандашом.

У дедушки она веселила старика своим светлым видом: Сначала долго разрисовывала принесенные тетрадки, очень ак<к>уратно и усердно. Потом вдруг запела очаровательно чистым и верным голоском школьную песню, потом встала и делала жесты, изученные в школе же для иллюстрации песни. Потом убежала из кабинета наверху, где мы всегда сидим зимою у отца, в его спальню: «Что ты делаешь?» — «Смотрю, нет ли интересного?» И нашла коробочку с арабской картинкой из-под папирос. Дедушка предложил ей в подарок, но заметил, что уже раньше дарил ей подобную: «Это ничего: я их собираю. Теперь у меня 3, а будут 4, потом 5!» Назад, так как мы запоздали на 5 мин<ут> к 6-тичасовому обеду, то мы обе бежали взапуски по деревне уже в полутьме до дома. Здесь узнали, что был Степан Ник<олаевич> и к счастью вышел нам навстречу, но не встретился! Вечер прошел быстро в экзерсисах пения и разборе Sodoma и Luini²⁶. Какой противный Luini, внешний, декоративный, бессердечный и грубый в своих символах. Sodoma мне нравится. Он изящен, изяшно-нарядный и вместе есть Innigkeit²⁷ и религиозность. Это впечатление по скверным гравюрам en bois²⁸ и фотографиям и памяти той Сиенской картины. Легла рано, в 9 ½.

7 ½ час<ов> веч<ера>. Гостиная на кресле у окна. Вера кончает Üben²⁹. Маруся ей помогает, оторвавшись от разбирания «Нов<ого> Врем<ени>» для тебя. Только что была сцена между ей и Верой. Вера была нервна, потому что solfège был с трудно понятным ритмом, и времени мало на экзерсисы пальцами, т.к. сегодня девочек ждет ванна. (Костя уже вымыт до обеда). Лиля сидит за новым столиком около меня в гостиной, шьет кукле платье и поет avec une justesse parfaite: do, re, mi, fa³⁰ и т.д. Костя учит географию наверху. Сегодня он вел себя получше и так и ластится целоваться. Дотинька, сегодня день волнений и событий. 1) Твое письмо³¹. Какую радость доставила вся первая часть вплоть до последних 4-х его заключительных строчек, которые больно, больно ударили по сердцу <так!>, и так этим ударом письмо и кончилось. Я только что выскочила из холодной ванны, когда Маруся принесла мне твоё письмо. Я была так счастлива, читая, что наши заботы тронули тебя, что вся великая моя любовь, любовь всего моего существа, всего, что имею горящего во мне, через все те глупые мелочи, словно матерьяльно чуть-чуть коснулась тебя: с розовых вершин Jungfrau, со строчек письма — жизни моей, с плиток сливочного шоколаду и т.д. И все эти пустяки

развеселили, пригрели моего Дотика, Дотиньку, Пуичку пою, Тата́вца, Славулечку, я<с>ного солнышко <так!>, Любовь мою. И вдруг так худо, худо запела моя птичка: «Если Сережа приедет на Пасху, тебе не стоит приезжать в Грецию». Ведь об этом мы много говорили: я останусь к Пасхе, если ты не будешь чрезмерно тосковать, если же ты будешь по вечерам скучать, как до сих пор, то я приеду раньше. Напиши, Дотик, *когда начинается Giro в Пелопонез* <так!>. Что же касается послепасхального приезда, то ведь всё время мы толковали о нем, и в ум не приходило, что «не стоит». Словом, Дотинька, ты нехороший, не памáтит, когда пишешь такие неискренние и бо́льные вещи. Я же теперь не имею себя как-то и вся живу для вас: тебя и детей. И всё время чувствую себя как будто в пути, в пути *par excellence*³², как никогда еще в этой жизни, которая всегда словно путь для меня: остановиться нельзя, избежать его тяжестей и радостей нельзя, измерить его длину, его *valeur*³³ тоже нельзя. 2-ое событие: Печи, печи, печи. Сегодня день печных подвигов. С утра пришел *plombier*³⁴ и вставил мною заказанный большой черный лист в камин *hall*, черный, как и мрамор камина, и теперь саламандра катается из гостиной в залу и обратно с легкостью. Благодаря особому топливу *boulllets*³⁵ огонь в ней неугасимый, и подумай, какая была радость видеть ее красную рожицу <так!> посереде *hall*! Она уже была опять в гостиной и теперь (9 ч<асов> веч<ера>. *Hall*. После чаю и моему <1 нрзб>) опять возле меня, против рояля. Затем, отпустив этого благодетельного *plombier* мы с Марусей ринулись в Женеву. Сначала шмыгали по адресам *feuille d'avis*³⁶, потом разбежались и помчались в Старую Женеву. Где нашли у какого-то *bonhomme*'а³⁷ печь абсолютно образца нашего великолепного и очень выгодного *calorifère*³⁸, только маленькую, для комнаты Лили и *Miss Bl<ackwell>* и, ура, прелестную *cheminée parisienne*³⁹ для Марусеньки. Это выдвигной камин, хорошенько вставляющийся в обыкновенный камин, но маленький и выступающий в комнату всем своим огнем, так что дает много тепла, уюта и при этом экономен сравнительно. Кстати, купили и очаровательный диванчик к Лилиному столу, *en osier*⁴⁰, всё за 26 *fr*. Это недорого. Уже печи водружены, у Маруси топится, у *Miss Bl<ackwell>* нет: не совсем сладили трубу. 3) событие: 3 раза принималась понемножку за экзерсисы. О, какой расшатанный по всем швам голос, но ясный, цельный, звонкий. Но лишь при пении таких экзерсисов после 4 ½ лет перерыва я могла измерить загрубение и разрывы между

режистрами⁴¹ своего голоса. Буду осторожно и терпеливо практиковать его. 4-ое событие: визит Mrs. Strachan. Она пила tea⁴², хотя, по ее словам, вторично. Я, как и она, была очень любезна, но очень светски любезна. Сделаю ей скорый, но краткий визит. Вот и всё, Дотя, любимый всюю душею, всем жаром, всем светом, всюю радостью. Доброй ночи.

32-й д<ень> м<ужества>. Четверг. 3 Янв<аря>. 10 ч<асов> утра. Сена. Дотинька, доатой, доатой матит, здравствуй, татата. Какие глупые слова я пишу тебе, и вместе с тем как мне сладко их писать. Я вижу тебя совсем моим деткою, тихим, послушным в постельке, когда ты в тихой радости поправлялся после болезни, весь мой, мною выхолненный, со своею доброю, кроткою, слабою улыбкою. Мой кроткий, мой возлюбленный мальчик! Я живу как сквозь сон. Здесь детки бедные любящие так и льнут. Вера смотрит mit sehnsuchtvollen Augen⁴³, Лидия упивается новым как бы чувством любви и доверия ко мне. Это всё скользит, как сон, и так другой сон скользит — твоя жизнь, твой образ, твое существование, одно сознание которого дает мне силы и счастье слишком большое, незаслуженное, которое упоминаю с умильною молитвой. Будь здоров, Дотинька, не будь одинок, чувствуй себя повитым <?> мною, через земли и моря я твоя всецело, и не меньше, чем в твоих объятиях. Лежу на кушетке, у ног печка моя керосиновая, она не пахнет совсем, когда хорошо заправлена, и бодро греет низенькую светелку. На ней благоухают каким-то «народом» подаренные дедушкой курения. Тихо, тикают дорогие часики «Еленушкины» Лондонские, купленные в High Hollborn⁴⁴, когда я еще носила ее. Стоит еще невянувший <?> рождественский букетик, подаренный детьми. Встала в 8. Взяла холодную ванну. Иначе нельзя в этом доме со всеми температурами земного шара. Все здесь закаляются холодными ваннами и никто не простужается. Попела ¼ часа экзерсисы и пришла наверх. Сейчас буду писать роман. Целую, Дотик, сладость моя. Ношу твои <1 нрзб> здесь мне хорошо <?>.

6 ч<асов>. Hall. Урок музыки. Утро всё работала над «Certo-sa» — кончила, хотя еще с некоторыми опущеньями. Начало не переделано (сцена в склепе). Но все ком<ические> или, вернее, траги-ком<ические> герои введены, представлены, охарактеризованы и понасунуто много вздора. О впечатлении судить невозможно. Минутами кажется, что всё до невозможности grotesque,

и балаганно, и вовсе не смешно. Марусе буду читать лишь когда напишу «Виллу» и как следует в «Шуме»⁴⁵ введу англичанина и переработаю 1-ое свидание Оп<алин>на с Ириной до Sertosa. После завтрака опять писала. Потом пришли печники окончательно устроить печку у Miss Blackwell. Потом сбежали: Маруся, Лиля и я к дедушке с 3 ½ до 5. Что Лиля там выделявала. Ведь вчера она мне сообщила по дороге от дедушки, что она очень boggy-man (домовой)⁴⁶, что их двое у нас в доме. Оказывается, 1) трубочист, 2) plombier. Но она любит того, у которого борода длиннее. Всех же больше из людей (мушин, подразумевалось) Oh! она любит дедушку за то, что у него длинная борода. Вот тебе задача, чтобы войти в фавор! а ты хотел остричь бороду! Сегодня она опять сияла всё время и совсем развеселила песенками <так!>, ласками, игрою с большой серою кошкой и жизнью своих блестящих глазок бедного старика, который нас встретил *страшно*, почти со свирепой ипохондриею. Итак, пришли к уроку, тем более, что Вера, ходившая с Костей и с Miss Bl<ackwell> на каток и встретившая нас по дороге к дедушке, умоляла меня *не опоздать* к уроку. Маруся потом сказала мне, что Вера очень не любит быть одной на уроке: стесняется, конфузится, боится. Теперь сижу на кресле спиной к садовой двери. Рядом Лиля рисует усердно за своим столом. К прошлому уроку она была мною наказана за медлительность и опоздание сильное в школу: я и не допустила ее в залу во время урока. Вера такая милая, большая, старательная и как-то смешно учтивая и усердная. Острога мил, весел и остроумен, как всегда. Удивил Веру тем, что при «чтении» новой пиэски стал тетрадкой закрывать *следующую* ноту, чтобы она глазами *вперед* запоминала ее. Вера смеялась и старалась играть. Потом он объявил, что очень доволен этим изобретением, осенившим его в эту минуту, и завтра же применит его к ученикам консерватории. Вот Вера кончила урок. Явился Козля, шаливший на катке немножко, но очень старающийся и хорошо приготовивший урок. Вот и Маруся пришла и села писать тебе. Вот только что Острога обернулся к Лиле и сделал ей знак прийти. Она вся взгорелась <так!> и вылезла из-за своего диванчика (диванчик прелестный, впридачу ко вчерашним печам), но когда она подошла, робкая и счастливая, к роялю, он сказал: «Non, ma petite, tu ne peux pas le faire si <?>, il est à trois quarts!»⁴⁷, и она

пришла назад, причем приблизилась ко мне, чтобы поцеловать меня, вся еще сияя, в губы.

11 ½ веч. Столовая. Запоздали, Славенька. Вот что: Острога осталась обедать, и к концу обеда, прошедшего оживленно, подали кофейное мороженое. Надо знать, что Miss Bl<ackwell> не обедает никогда, и только в случае вкусного 3-го блюда сходит к нему. Я в начале обеда рассказала, что она просила ее не звать к мороженому, потому что ей стыдно, и все подумают, что она «greedy»⁴⁸. Чистый смех. Вот к мороженому Острога предлагает за ней идти и идет вместе с Верой. Через 3 минуты они все входят, и мы хлопаем им в ладоши. Разговор у них, как у Вильгельма с Англичанами-археологами — двуязычный со взаимным пониманием. После *кофейного* мороженого я сварила торжественно восточный кофе. Разлила в подстановочки под яйца, поданные на белом под цвет блюде, вышло вроде восточных чашек. Острога вдруг оказался знатоком и научил, когда кофе снят с огня, провести по краям кофейника ложкой сухой, чтобы каймаки отстало <так!>. Он страстный любитель этого кофе. Кстати, я угостила его папироской и себя, и после ужасающих гримас и извиваний Маруси она потянула из моей папироски, запила кофе и нашла, что это прекрасно, очень вкусно, причем мы хохотали над ее развратом все. После этого дети зажгли елку и Острога стал играть польку и все плясать, потом Miss Bl<ackwell> играла вальс, и я заставила Острогу плясать с Кристиной, которая прелестно умеет и обожает. Потом дети легли, и я показывала виды Палестины и очень зажгла Острогу рассказами об арабских энтузиазмах по поводу Св. Огня <?>⁴⁹. «Вот бы оперу написать!» — он говорит, уходя. Он очень милый парень и трогателен тем, что еще так молод душою и так льнет к молодежи попросту. По его уходу в 9 ½ ч<асов> я пела мои дорогие класс<ические> романсы и, между проч<им>, «Se e miei sospiri»⁵⁰, хотя от двух дней экзерсисов голос мой стал такой, что я сама заслушиваюсь его в верхних и средних нотах. Еще грудные плохи.

Дотик, скажи Лионардо еще раз мой нежный привет и милым хозяевам горячее спасибо за их прелестные карточки всем детям очаровательные, и по письму на каждой, из которого я ничего не понимаю. Скверно написано, и я вообще с трудом разбираю. Мне сегодня предстояло или утро растрепать на переписывание писем

греческих *им* и разбор *их* писем, или целно поработать! Я и не взялась. Надо будет придумать им любезность.

Целую Дотика.

Иду спать, чтобы завтра работать. Дотинька, *будь* хороший мальчик, па мацит⁵¹, как ты *есть* обожаемый мацит.

Лидия.

Завершающий фрагмент письма находится в другой единице хранения: РГБ. Ф. 109. Карт. 19. Ед. хр. 14. Л. 1 об. Он написан на обороте письма М.М. Замятниной к Иванову от 2/15 января 1905.

¹ Послеполуденное время (*фр.*).

² О находящемся временами перед Ивановым снегире см. пп. 384, 385. В п. 401 сказано, что речь идет о настоящей, живой птице.

³ Сольфеджио (*фр.*).

⁴ Было так горестно (*фр.*).

⁵ Это ощущение, которое проходит (*фр.*).

⁶ Сольфеджио и этюд (*фр.*).

⁷ Мисс Блэквелл, пойдите, пожалуйста, вы мне зачем-то нужны (*англ.*).

⁸ Это нетрудно для такого молодого человека, как вы (*фр.*).

⁹ А здесь немного вашей фантазии. Так хорошо: те-ре-ре, ре... но это предоставляется вашей фантазии.

¹⁰ «Так не должно быть!» — «Нет, именно так и должно!» — «Думаю, что не должно». — «А я уверен, что должно!» (*фр.*)

¹¹ Сжатие сердца (*фр.*).

¹² Ужасные дети (*фр.*).

¹³ Пай-мальчика (*нем.*).

¹⁴ Приехал хорошо (*англ.*).

¹⁵ (На) пружинном диване (*фр.*).

¹⁶ Добрый день, мамеуазель! (*фр.*)

¹⁷ Добрый день, мадам! (*фр.*)

¹⁸ Старинное и очень известное здание в Женеве, где размещались в разное время библиотека, санаторий, школа для девочек. Впрочем, не исключено, что Л.Д. имеет в виду villa Paracelsia, где она в свое время жила.

¹⁹ Лидия, хочешь сахару? (*фр.*)

²⁰ Выговором (*фр.*).

²¹ Смотри, сколько сахару под ногами (*фр.*).

²² Вот тебе сахар! (*фр.*)

²³ Вот какой большой! Вот какой большой! (*фр.*)

²⁴ Мадам Дювернуа сейчас скажет: «Мадам, вы вся белая. Что случилось?» (*фр.*)

Фамилия учительницы верно пишется Duvernois.

²⁵ Ну ладно, а я скажу: «Это сахар» (*фр.*).

²⁶ Sodoma (Giovanni Antonio Bazzi (1477—1549)), Bernardino Luini (1480/1485—1532) — итальянские живописцы. Об истории занятий ими в семинаре Н. Vulliétу («Таракана») Замятнина рассказывала Иванову в письмах. 17/30 декабря 1901: «С сегодняшнего дня надо будет приступить к заброшенным “тараканым” devoig’am <долгам — фр.>, благо еще через 1 ½ недели занятия, так все откладывались. К след<ую- шему> разу дал охарактеризовать Sodoma, немного в итальянскую шк<олу> надо

заглянуть, чтобы иметь понятие для сравнения, он сказал, что время от времени будет давать итальянских мастеров» (РГБ. Ф. 109. Карт. 19. Ед. хр. 13. Л. 22). 26 декабря 1901 / 8 января 1902 (начато 24 декабря 1901 / 6 января 1902): «Сразу после лекции Bouvier понеслись я и голландка, с кот<орой> я участвую в работах у M. Vulliéty к нему в Servette, обыкновенно мы его встречаем в траме и приходим вместе. Сегодня он запоздал и мы его ждали в его тараканьем кабинетике (Mr. Vulliéty a fait ses études à l'université de Berlin <Г. Вюйети учился в Берлинском университете — *фр.*>, и я было думала, что Вы его можете знать, но нет, он старше, я думаю, лет на 10—15. Хотя он и безлетний. Должна была покаяться ему, что ничего не приготовила, сказав, что и не знаю, к<a>к справлюсь, т.к. не умею описать, но что постараюсь к будущему разу все-таки что-либо сделать, у меня ведь кроме Sodoma был еще снимок с одной из Мадонн Luini, он прибавил мне еще фотогр<афию> с фрески громадной Luini в Lugano, страшно сложная, с массой нагроможденных отдельных сцен: в центре Распятие, но кроме этого главного еще несколько моментов страданий и смерти Спасителя. Так вот, кроме Sodom'ы он и сказал, что я, м<ожет> б<ыть>, попробую еще эту картину анализировать, причем жестоко нисколько не помог мне, давая ее. Надо будет притянуть Лидию и уж приготовиться» (Там же. Л. 32 об — 33). Сюжет завершился в письме от 2/15 января: «На следующий раз дано мне охарактеризовать художн<ика> фламандской школы Jacob Jordaens (1593—1678). Сегодня ведь был Sodoma и Luini, надо было их сравнить. Теперь дано совсем из другой оперы нарочно» (Там же. Л. 30).

²⁷ Искренность (*нем.*).

²⁸ На дереве (*фр.*).

²⁹ Упражнения (*нем.*).

³⁰ С превосходной правильностью: до, ре, ми, фа... (*фр.*).

³¹ Имеется в виду п. 387.

³² По преимуществу (*фр.*).

³³ Ценность (*фр.*).

³⁴ Здесь: печник (*фр.*).

³⁵ Угольный брикет овальной формы (*фр.*). Верно пишется с одним *l*.

³⁶ Объявлениям (*фр.*).

³⁷ Человека (*фр.*).

³⁸ Обогреватель, калорифер (*фр.*).

³⁹ Парижский камин (*фр.*).

⁴⁰ Ивовый (*фр.*).

⁴¹ От *фр. registre*, регистр.

⁴² Чай (*англ.*).

⁴³ Глазами, полными тоски (*нем.*).

⁴⁴ Улица в центре Лондона.

⁴⁵ Названия глав из романа «Пламенники».

⁴⁶ По-английски слово «домовой» может писаться трояко: *bogy*, *bogey* или *boogey*.

Видимо, Зиновьева-Аннибал неверно производит его от «*bog*», болото.

⁴⁷ Нет, малышка, так ты не можешь сделать, тут на три четверти! (*фр.*)

⁴⁸ Прожорливая (*англ.*).

⁴⁹ Имеется в виду ежегодно перед православной Пасхой происходящее в Храме Гроба Господня схождение чудотворного огня — самовоспламенение свечей не обжигающим огнем.

⁵⁰ «Если мои вздохи» (*ит.*). Начало романса, долгое время приписывавшегося итальянскому композитору Alessandro Stradella (1639—1682), однако уже в это время

было понятно, что он был написан гораздо позже, скорее всего Дж. Россини. См. п. 394, прим. 25, и п. 407, прим. 24.

⁵¹ На «детском» языке — пай-мальчик.

393. Иванов — Зиновьевой-Аннибал 2—4/15—17 января 1902. Афины

32 день.

15/2.1 '902.

По твоему, 31-ый?

Все сияющее, как сама Елка, пришло твое светлое и умиленное письмо, Лиля, о вашей Елке, — нужно было сказать: о нашей! Я очень счастлив детьми, как ты.

Фотини не только торжественно внесла письмо, но и в продолжение его чтения несколько раз прерывала меня расспросами, в особенности: получено ли ее послание с отдельными обращениями ко всем детям. А я говорил: пока только поклон вам, может быть, в конце письма будет о том, что послание получено. И потом она констатировала, что читал я твое письмо целый час, и все развивала, как ты мне пишешь ежедневно, о всем, что случилось за день, что — дети, что — ἀδέλφῃ², что — πατέρα³ и пр. и пр. Она находит, что ты καλὴ σύζυγος⁴ и что мы очень любим друг друга.

Только мне как-то грустно, что из-за детей не видна ты сама. Вернее, впрочем, тебя и не было вовсе вне детей, в них была ты вся. А мне нужно тебя. И из 24 страничек письма ни одна не дала мне впечатления присутствия твоего близ меня, хотя вся ты и обращена постоянно ко мне.

Великий Шрадер созвал нас на Акрополь, чтобы говорить с нами $\frac{3}{4}$ часа всего. Материала у него мало, что ли; но ведь и то правда, что все великие открытия формулируются немногословно. Кроме того, он как будто застенчив, и краток, не потому что сжимает, а потому что комкает предмет изложения. У него, кажется, есть художественное чувство, известная тонкость, способность *глаза** к наблюдению и комбинации; но, кажется, нет достаточно знаний и метода. Его гипотезы мне кажутся как будто лишенными мысли, что не мешает им отчасти неожиданно попадать в цель.

После лекции Вильгельм поздравил меня с русским новым годом и предупредил, что переносит свою лекцию на субботу, —

* Это очень важно, скажи Марусе, чтобы она старалась у Vulliétу (орфография имени на ее ответственности)²⁶. (Прим. Иванова.)

прибавив, по своей любезности, нет ли на это каких возражений. Про Vorträge⁵ Шрадера, о которых я заметил, что они дают много нового, представляют предмет в новом свете, он сказал: «Und es fügt sich alles so schön zusammen»⁶. Думаю, что этот умный человек скрывает под своей любезностью довольно злостности и что похвала о двух концах. «Ja, eben!»⁷ — ответил я.

Сереза не выдержал моего экзамена, имевшего целью определить, насколько он *ученый*: есть ли у него жилка исследователя и есть ли страсть филолога⁸. Ни той, ни другой и в помине нет, — пока! Думаю впрочем, что последней и не будет; и, кроме того, отсутствие критики и анализа выступает ясно в его учении (как-то безразлично и пассивно усвояющем) и в его мышлении, *очень мало развитом*. Отчасти виной тому английская (умственно-поверхностная) среда и — après tout⁹ — неудовлетворительная (в деле обучения) школа. Скорее всего, задатки литературного дарования могут быть подозреваемы в его поэтической возбудимости и опьяняемости. — Кстати, что такое Velvet Fate?¹⁰ создание англ<ийского> сказочного мира или свое? C'est drôle — the velvet Fate¹¹. —

Вера продолжает меня пугать своим неуютно-глубоким отношением к жизни. — Радуюсь, что Лиля приобшались.

Как хорошо ты живешь и меня заставляешь жить счастьем детей! Как ты хорошо пишешь о них — я каждого вижу и слышу и переживаю всю полноту [и упоение] их жизни <?>, со всеми ее напряжениями, надеждами, радостями, сокрушениями, опьянениями, купаньем, молитвой, безмятежным, кротким сном на обмоченной слезами подушке, со столиком и стуликом Лили, и «статуэтками» Верушки — «я очень люблю статуэтку», — и великолепной в своем несколько нереальном и трагическом величии тележкой Козлика!

Бедный мой Козлик
Серенький Козлик —
На мотив ᾠδὸν τὸν Ἄδωνιν¹².

Имел сильное искушение за него ходатайствовать условно, но нет! — лучше, как ты решила.

33 день.

16/3 I.

Лиленька-Жизнь, я сегодня немного простужен — вчера на Акрополе продуло вспотелого и спешащего на лекцию без плаща — и тоскливо мне без тебя, смертельно-тоскливо!

Л.Д. Зиновьева-Аннибал, Вячеслав Иванов, Сергей и Вера Шварсалоны.
Загорье, 1907 (РГБ)

S. Boehringer
ATHEN

Л.Д. Зиновьева-Аннибал.
Афины. Надпись на обороте: «Дорогой Марусеньке от сестры.
8/21 Июля 1901» (РГБ)

Л.Д. Зиновьева-Аннибал.
1907 (РГБ)

РОСКОТ КОДАК ПЛАНТ

Л.Д. Зиновьева-Аннибал.
Женева, 1902(?) (РГБ)

Л.Д. Зиновьева-Аннибал.
Швейцария, 1906 (РГБ)

Л.Д. Зиновьева-Аннибал и М.М. Замятина.
Швейцария, 1906 (РГБ)

Вера, Сергей, Константин Шварсалоны (стоят),
Лидия Иванова и М.М. Замятина (сидят).
Женева, 1901(?) (РГБ)

Вера, Сергей, Константин Шварсалоны, Лидия Иванова,
М.М. Замятина и неизвестная.
Женева, 1901(?) (РГБ)

Сергей, Вера и Константин Шварсалоны, Лидия Иванова.
Женева, 1904–1905(?) (РГБ)

О.А. Беляевская.
Петербург. На обороте надпись: «Дорогому другу,
дорогому вдвойне, втройне. 9-е июня 98 г.» (РГБ)

Швейцарский вид.
Фотография из архива Вяч. Иванова (РГБ)

Шале в швейцарских горах.
Фотография из архива Вяч. Иванова (РГБ)

Швейцарский вид.
Фотография из архива Вяч. Иванова (РГБ)

Женевское озеро.
Фотография из архива Вяч. Иванова (РГБ)

Швейцарский вид.
Фотография из архива Вяч. Иванова (РГБ)

Виды Швейцарии.
Фотографии из архива Вяч. Иванова (РГБ)

Швейцарский вид.
Фотография из архива Вяч. Иванова (РГБ)

Дом в окрестностях Женевы.
Фотография из архива Вяч. Иванова (РГБ)

Δὲν πειράζει...¹³ Холодно сегодня стало. В Институте был полудни. —

Что такое случилось с Горьким? В газетах его портрет, с лаконической подписью: «Максим Горький, исчезнувший русский романист»¹⁴. —

Итак, — tutrice¹⁵... «Ужели слово найдено?»¹⁶ Благополучно мы добрались и до юридических терминов (à la Schw<arsalon>, tout à fait!¹⁷) — ибо это не метафора, а кляуза. Родителей нет: tutrice и опекаемая. Итак, tutrice, если вы желаете устроить опекаемую замуж, то не угодно ли, *первым* делом... Решайте, да или нет. Вымогательство путем поставленных условий — вот будет «метод» жениха, уже определенно намечающийся. Я имею ощущение (неаполитанское!) — дурного запаха... «Vuon cuore!»¹⁸ — фи! фи! «Abusa»¹⁹... И, главное, явно врет: семья и он — одно, и семья нужна, необходима для вымогательств («Eccellenza!...»²⁰) и условий.

«Eccellenza, andate all'inferno»²¹ — был бы единственно достойный ответ!

Что ему ближайшим образом нужно, все-таки мне не вполне ясно. Первое впечатление было: «Конечно, пальто». Однако, пальто неаполитанцу не надобно, иначе как чтобы продать его. Скорее, он в самом деле боится простудиться, и [изображает] кстати подчеркивает жертву и ищет тебя обязать ответственностью за нее. Но это не важно. Вымогательство и кляузничество уже и без того распространяют свой специфический запах. Дрянь ваш макаронщик, как ни склеивайте его и ни обкладывайте мехом прозябшего²². Боюсь только, чтобы ты не запуталась: уж очень ты стала в этом деле решительна.

Zu meiner dichterischen Ehrenrettung²³: Музы часто недевственны, и специально Эрато²⁴ является в мифе родоначальницей! — Милая девочка, отчего я не вижу плечиков и розовых волос?!!

34 день

17/4 I.

Любимая, ничего нет в этом дне достойного сообщения. Ветер, суровое небо, серая бахрама разрешающихся в дождь туч низко над морем. Градусник в комнате без грелки показывал 7 градусов. Заходил в Инст<итут>; Леонарду сказал твой привет. Теперь — после ужина, за кофе — поручаю письмо Ангелу: завтра утром лекция в Музее, почта не по дороге. Важное извещение:

из почтовой книжки узнал, что европ<ейская> почта кроме вторника (Florio) и пятницы (Lloyd), приходит сюда еще в *четверг* (Florio). В самом деле, сегодня пришел посланный Марусей кончик газеты. И потому попробуй непременно этим воспользоваться. М<ожет> б<ыть>, я буду так счастлив иметь 3 раза в неделю письмо. *Мало того*: один раз в две недели почта приходит в *среду* (Lloyd) — именно:

9 Янв<аря>	} старого стиля.
23 <Января> 5 Февр<аля>	
6 Февр<аля> 19 <Февраля>	
20 Февр<аля> 5 Март<а>	
6 Март<а> 19 <Марта>	

и т.д.

И один раз в две недели приходит в *Понедельник* (Messageris и Lloyd)

именно:	14 Янв<аря> 27 <Января>	} старого стиля
	28 <Января> 10 Февр<аля>	
	11 Февр<аля> 24 <Февраля>	
	25 Февр<аля> 10 Март<а>	
	11 Март<а> 24	

и т.д.*

К этим почтам также следовало бы подгонять лишнее письмо.

— Марусе привет сердечный и пожелание справиться с своим Содомай: кажется, это трудно — он отразил ведь разнообразные влияния. Не совсем понимаю, зачем давать для анализа столь производные величины, как Sodoma и Luini, не выяснив, откуда они взялись и как сложились²⁵. — Люблю. Твой.

Не понимаю, что пишешь об опыте с открытыми письмами: ни одного не получил. «Корзина Д.....» тоже все в дороге (???)**
Целую Радость.

Конверт со штемпелями: AΘHNAI.4YAN. 1902 — Genève 19.I.02.

¹ Речь идет о п. 386.

² Сестра (*древнегреч./новогреч.*).

* В обоих списках столбик объединен фигурной скобкой, перевод на новый стиль сделан рукой Зиновьевой-Аннибал.

** Вопросительные знаки в скобках принадлежат Иванову.

³ Отец (*новогреч.*).

⁴ Прекрасная супруга (*древнегреч./новогреч.*).

⁵ Лекции (*нем.*).

⁶ И все так хорошо сочетается (*нем.*).

⁷ Да, точно! (*нем.*)

⁸ Речь идет об упражнениях в греческом языке, заданных Ивановым С.К. Шварсалону в п. 381.

⁹ В конечном счете (*фр.*).

¹⁰ «Бархатная Смерть» (*англ.*). Имеется в виду песенка, приведенная Л.Д. в п. 383.

¹¹ Это смешно — бархатная Смерть (*фр., англ.*).

¹² О Адонис /клянусь Адонисом (*древнегреч.*). Греческое слово написано без ударения. Имеется в виду популярная песенка «Жил-был у бабушки серенький козлик».

¹³ Не имеет значения (*новогреч.*).

¹⁴ Такое сообщение в греческих газетах не обнаружено (просмотренные комплекты по большей части оказались дефектными).

¹⁵ Опекунша (*фр.*). Речь идет о том, как Эрнесто, жених О. Никитиной, представлял себе отношения между нею и Зиновьевой-Аннибал.

¹⁶ Цитата из «Евгения Онегина» (Глава седьмая, XXV).

¹⁷ Совсем как Шварсалон! (*фр.*)

¹⁸ Доброе сердце (*ит.*).

¹⁹ (Он) злоупотребляет (*ит.*).

²⁰ Превосходительство (*ит.*).

²¹ Ваше превосходительство, идите к черту! (*ит.*)

²² Речь идет о статутке макаронщика-неаполитанца, которую Зиновьева-Аннибал и Замятина склеивали (см. п. 386). Он иронически отождествляется с Эрнесто.

²³ В защиту моей поэтической чести (*нем.*).

²⁴ Эрато — муза, покровительница лирической поэзии и эротических стихов.

²⁵ Реакция на сообщение о том, что Замятина анализирует творчество этих художников.

²⁶ См. п. 392, прим. 25.

394. Зиновьева-Аннибал — Иванову 4—7 / 17—20 января 1902. Женева

33-й д<ень> м<ужества>. 10 ч<асов> утра. Пятница. Сена. Дотинька, здравствуй, татата! Вот встала в 8. Ванны не брала. Были причины. Пила кофе. Ела бэкон с Марусей. Говорила о Гёте и бранила его страшно <?> за *не* трагич<еский> характер Эгмон-та¹, за испорченный конец т.н. трагедии, где Clärchen убивается, даже не дождавшись его казни, как самый слабый характер мог лишь сделать, потом за бессердечие, бесстыжество <так!> в «Вильг<ельме> Мэйстере»² и т.д. К сожалению, графичная <?> память Маруси ничего не вмещает, и потому говорить с ней —

лишь Entladung³ желчи, но не польза и наука. Потом попела экзерсисы. Да, утром в 8 ¼ устроила Лилин завтрак вкуснее. Утром Лиля прибежала в комнату Маруси и сказала: «Хочу вас поцеловать. Большой кис (kiss)⁴, как мама целует!» — и поцеловала, Маруся говорит, как-то особенно полно и мягко. Вообще Лидия положительно довольна своим открытием: матерью. Буду писать «Виллу». До свидания, Дотинька.

1 ч<ас> дня. Сена. До 11 ½ работала. Привела компанию в виллу, дернула Бальмонта и чуть-чуть Мережковского⁵. В 11 ½ пришла из школы Вера и, пользуясь позволением, ей данным, посещать верхний этаж, была у меня с визитом (входит она только когда я крикну «при»⁶, и всегда острит: «Oh bien où est le prix?»⁷ Она мне сообщала des petites aventures romanesques⁸ между нею и подругами в виде ссор и примирений с подарочками. Потом я еще пописала. Потом с 1-м звонком пошла вниз попеть экз<ерсисы>, к завтраку все собрались, и оказалось, что у Кости за «négligence de ses devoirs»⁹ билет штрафной, за который завтра должен 1 час сидеть в школе лишней. Маруся поехала на лекцию. Костя делает solfège. Вера и Лилия в школах. Я здесь и сейчас принимаюсь за «Виллу». До свиданья, Дотинька, татата!

7 ч. веч. Сена. Дотинька, Татата! Слушай. Писала до 4-х, причем с полчаса дремала, потому что вчера легла после 11-ти и совсем этого не могу выдержать. Во время дрёмы всё рассчитывала пароходы Fréssinez¹⁰ и высчитала, что если к 13-ому Мая, то буду с ним 8-го вечером в Пирее. Иначе надо через Италию. Но вот какая у меня мысль: *обдумай и тогда отвечай решительно. Не приехать ли мне тотчас* и хотя бы на 6 или 8 недель, т.е. с первых чисел февраля и до 1-ого Апреля. Сережа, *может быть*, приедет к 28-му Марту, и тогда на целый месяц, т. что я вполне могу вернуться через 2 недели после его приезда и встретить русскую Пасху вместе. Видишь ли, этот план имеет то преимущество, что il soure en deux¹¹ наше одиночество, тогда как мой план пасхальный приезда только сокращает его, и срок моего пребывания в Греции почти одинаков с 13-го Мая по 13-ое приблизительно Июля. Но он имеет очень дурную сторону, *насколько я понимаю*: хорошо ли прерывать твой строй теперь, а мой приезд непременно прервет его, это-то уж верно. Вот это ты рассуди совсем спокойно. Особенно же если я с тобою решусь теперь проехать куда-нибудь из Греции. Словом, ты, Дотинька, ради Бога не волнуйся, будь про-

стее и *бесчувственнее*, как сам проповедывал. Видишь ли, дело ведь такое простое, раз есть средства на путь, и такой человек, как наш неоценимый друг с детьми — то все можно устроить легко, как нам удобнее и умнее, и путь ничего не стоит. Пять дней — и я с тобою. Если очень надумаешь решительно, можешь телеграфировать: я могу выехать 2-го Февр. с Фрессинэ, а вернуться через Бриндизи или Сицилию. Все цифры нов<ого> ст<илия>. Дотинька, только не тревожься, Тататá! Если этот вопрос тревожит тебя, то просто оставь всё по-старому. Оно, может, и лучше по-старому. Прежде же всего надо быть спокойным, разумным, тихим и как можно лучше употребить дорогое время на книгу дорожную новую и на дорогой боаничек. Вот, Кисенька моя, золотая капелька, будь же хорошим паматитом и не волнуйся. Я же всегда твоя и здесь и с тобою... 9 час. Были после чаю у дедушки. Как ни предполагала ходить к нему 3, 2 раза в неделю — не позволяет сердце! Старик так и льнет, так и льнет. Сегодня обнимал меня, обнимал, до порога на двор сверху провел, всё прижимал к себе и Марусе руки целовал, и вдруг говорит: «Я, душенька, завтра к тебе приду». Это когда я сказала, что постараюсь зайти, но не поручусь, оттого что должна к массажисту и к Костиной директорисе. Дома тепла хоть отбавляй. Печь в комнате Miss Bl<ackwell> и саламандра в hall греют весь дом вплоть до нашей комнаты. Спокойной ночи, Дотик. Впрочем, еще напишу «Виллу».

34 д.м. Субб. 9 ½ ч. утра. Сена. Только что кончила экзерсисы и пришла наверх. Дотик, за брэкфастом читала твое письмо от Вторника 1-ого Янв<аря>, порученное с 31 Дек<абря> Ангелу, и от Субботы на предыдущей неделе, дошедшее вместе с ним¹². Верно, в Воскресение 30 Дек<абря> не было почты, потому что не было *Méssageries*. Кстати, читай всюду, где я сдуру поставила вчера Фрессинэ, — *Méssageries*. Дотик, это хорошо, что ты кушал шеколад под Нов<ый> Год. Кушай, Дотик, его много. В «Корзине Дотика» его очень много. Дай хозяевам и сам ешь во славу, потому что, оказывается, за грош можно пересылать, и он грош стоит. Я здесь и вечером в постели, и утром, как проснусь, так его ем. А вот что: *что ты и как изволишь кушать к брэкфасту?* Отвечай. Спасибо, Дотинька, за все дорогие ласковые словечки, и как они оживляют меня. Только в этом письмеце скрыто настроение твоей души или она без настроения только в работе? А боанитик? Дотик, оцени мои советы и мои мольбы. Как ты приедешь домой, а боанитек еще всё не напечатан. Дотинька, ради нашей любви,

ради обещания своего возьмишься энергично и отошли его. Не сердись за мои мольбы. У меня так больно шемит сердце, и ты помнишь, как я плакала, и ты обещал. А где же ты исполняешь? Хотя ты и пишешь, что над ним *veille*¹³, но есть степень во всем, и на этой степени интенсивности, очевидно, обещание *скорой* отсылки не исполнится. Ну, молчу, ты знаешь, что я привыкла во всем тебе доверять, когда речь идет о задуманной или текущей работе, и никогда не тороплю, не насилюю тебя, но в данном случае работа сделана, свитки написаны и лежат в Урне Храма Труда, зачем ждать Змеи, чтобы из Пожара метать их в толпу под Дворцом¹⁴? Дотинька Жизнь, Радость, Свет мой, целую. До свидания. Б<орски>й <?> прочитал письмо Соф. Аммес. <?>¹⁵.

8 час<ов> веч<ера>. Сена. Только что Костя вышел из ванны. Только что молилась с Лилей. Только что Вера кончила вырезать контуры какой-то карты. Только что подумала сказать Тотику, что я месяц молодой увидела справа. Значит, за нас обоих, потому что если мне хорошо будет, то и Тотику, а если ему будет худо, то и мне не может быть хорошо, а месяц-то был справа. Еще хочу похвастать, что меня Miss Bl<ackwell> очень боится. Это мне льстит. Я с ней болтаю, ласкаю ее, но очень решительно говорю свои желания, и она прислушивается к каждому слову, к каждой интонации и сейчас волнуется и сообщает Марусе: «Это, кажется, не нравится Mrs. Ivanov» и т.д. Очень горжусь. Дотинька, вот что было сегодня. После завтрака в 1 час поехали в город Маруся, Козля и я к Гренауэру заплатить деньги и получить последние советы. После него Маруся пошла с Костей заказывать ему башмаки, я же с визитом к Mrs. Strachan. К счастью, ее не видела: она была с головной болью. Потом с визитом к Mme Sibelin <sic!>, это дама с двумя мальчиками, бывшая на Musical Entertainment¹⁶, один глупенький, я писала. Она большая музыкантша, образованная, приятная, развитая. Она дает концерты и уроки. Она друг Жуковских. Она в каком-то музыкальном обществе, где они хотят поставить оперу Масснэ «Марию Магдалину»¹⁷. Она очень мечтает залучить меня на свои музыкальные Субботы. Предчую <так!>, что может быть мне будет случай со временем петь. Что ты думаешь. Ступить ли мне на этот путь? Я теперь-то сказала, что еще не решаюсь на людях петь, потому что голос запущен. После нее я пошла в школу Кости, где видела его директрису. Она очень умная на вид женщина и изучила Костю умно и пресизно¹⁸. Она говорит: «Он добрый и совсем не *mauvais*¹⁹. Но

obéir lui est une souffrance. Il ne supporte pas d'être commandé. C'est ce qu'il doit apprendre et ce que l'âge l'apprendra. Il ne veut pas mentir mais il veut <sic!> toujours expliquer tout pour son avantage pour se defaire d'une responsabilité et il se ment. Il pourrait travailler très bien parce qu'il est immensément intelligent, mais il veut toujours questionner bien qu'il sâche très bien ce qu'il demande à lui être expliqué»²⁰. Кроме того, она рассказала, что однажды она его застала пишущим под столом во время урока, и так как это запрещено, конфисковала в карман бумажку. Когда же потом разглядела, там было написано: «Mamá chérie comme je t'aime, comme je serai heureux quand tu reviens!»²¹ И она была этим тронута и говорит: «C'est parce qu'il est bon que je prend volontiers la peine de combattre son mauvais caractère, sa désobéissance. Но carnet ego *O* и *Mauvaise semaine*»²².

35-й день. Воскресенье. Сена.

Но вообще, Дотя, нет людей со Словом! И как мир, так и люди тесны. Это результат вчерашних визитов, результат умственный; физический был — головная боль и фенацитин <так!>! Утро сегодня хорошее. Было твое письмо с письмом к Верушке. За брэк-фастом воскресным Верушка читала громко твое письмо. Представь себе, что она лучше разбирает твой почерк, чем Сережа, и читает просто так же хорошо, как я, и говорит, что она страшно любит твой почерк. Она так innig²³, так внимательно и с гордостью прочитала длинное письмо, что мое сердце радовалось. Маруся получила письмо от матери, где та пишет, что наша семья и сама Маруся совсем сливаются у нее в одно, и благополучие «Лидии и детей» теперь так же близко ее касаются, как и Марусино. И про тебя нежно спрашивает. А Юл<ия> Мих<айловна>, получив пакетик, посланный нами через Зиновьевых, совсем с ума сошла, вообразив, что ты и я приехали. Дотя, о 700 фр. мы похлопочем, и уже давно подали жалобу²⁴. Здешняя почта очень горяче принялась за дело. Вчера в сочельник крещенский Вера и Кристина (Костя был оставлен на лишний час в школе) ходили на Водосвятие — и обе были очень довольны и службой, и друг другом, и угощением (молоко и булки), которое они, проголодавшись, себе доставили. У нас теперь в доме так тепло благодаря моей саламандре, которая путешествует то в Hall, то в гостиную, и никогда не гаснет, и маленькому calorifère у Miss Bl<ackwell>, тоже вечного <так!>. Я же живу с моей керосинкой (запаха не имеющей) в

дружбе, достигаю 9, 10 °, и теперь больше не жгу бальзамических бумажек²⁵: храню их до тебя. Сегодня Вера не хочет идти на каток. Она хочет провести «тихое, домашнее воскресенье». Принимаюсь за «Виллу».

8 ч<асов> веч<ера>. Сена. Сейчас дети позовут меня прощаться на ночь. Пока записываю тебе отчет дня. После завтрака я разбирала все свои старые ноты, что было немножко и больно и сладко. Тем более, что для вящего напоминания прожитых мук оказывается, что мой голос в состоянии вечной легкой хриплости, так что вчера вечером бросила петь посреди «*Se i miei sospiri*»²⁶. И сегодня отложила петь экзерсисы. Это до слез грустно, но этот климат мне не по горлу. Дети сходили на часок к дедушке и с Miss Bl<ackwell> и к пяти вернулись. Говорят, Лидия несносно кривлялась всё время. Остатки кривляния она показывала за обедом. На нее находят противные дни. До обеда *раннего* в 5 ч., мы с Марусей сидели наверху, она искала *безуспешно* у Пушкина для меня «Не дорого ценю я громкие права». Найди, Дотя, и выпиши дальше несколько строк. Я мучаюсь своею «виллой». Не умещается всё, отвратительная распределительная работа без божества, без вдохновения²⁷, голову всунешь — хвост вылезет и т.д. Обед был в пять. После обеда гадали воском: Вере снова, как и в прошлый год, вышел Крест. Косте коляска! верно, знак, что он заслужит свою. Он в бешеном был восторге. Вера тоже. Мне вышла я<с>-ная, бесспорная черепаха. Марусе морской конь. Лидии ящерица. Оле голая нога. Кристине сердце пронзенное. Miss Bl<ackwell> непонятно. Потом ходили за ворота и бросали башмачек, как пели в песенке²⁸. Косте вышло носком в дорогу, Вере в сад домой, Miss Bl<ackwell> прямо в café. Потом зажгли елку, пели песни, плясали вальс и польку, ели гостинцы. Елку украсили прелестными яблоками. Дети, в особенности Вера, были в восторге. Она всё ластится ко мне. Просто обожает меня, так и Лидия, а Костя не умеет так <1 нрзб>. Вера не позволяет жечь елку, просит поставить в сад. Дотик, мы получили 5 карточек, прелестную <?> от Ангела и что-то очень <1 нрзб> по-гречески. Вере про алифию <?> и что Христос — алифия²⁹. Косте насчет Византии, о<с>-новы христианства и величия Константина мегиста и Елены³⁰. Сереже не поняла, и Лидии тоже. Думаю всё послать Сереже, чтобы он показал Пэтону. Их повеселит, и будет тема для беседы. Кстати, письмо посылаю, всё забывала, от Пэтона. От Сережи имела откр<ытое> письмо только по делу³¹, жду послезавтра отчета более подробного. Я велела ему писать мне и тебе вместе по-

старому, но адресовать сюда, а я стану пересылать. Как думаешь? Иду к детям, потом чай, потом напишу.

36-й д<ень> м<ужества>. 10 утра. Сена. Понедельник. Дотя, я не писала больше, а легла спать после чаю, и как-то голова болела ночью, и сегодня даже после ванны всё тяжела. Сейчас буду переписывать греч<еские> письма. Думаю о том, чтобы купить подарочки Птемасе <?> и Леон<идасу> и послать. Дотя, как полна твоя ученая жизнь! Любо читать и страшно помешать. Твоя, мой Дотинька, Лидия³².

Дотинька, со след<ующей> почтой пришлю подарочек, и письма Ангелу с Фотиной: они мне и к Нов<ому> году прислали самовольно <?> карточки. Очень благодарю их.

Конверт с женевским штемпелем — 20.1.02. Афинский штемпель неразборчив.

¹ Речь идет о трагедии Гёте «Эгмонт».

² Имеется в виду один из двух романов Гёте, посвященных Вильгельму Мейстеру: либо «Годы ученичества Вильгельма Мейстера» (1795) либо «Годы странствования Вильгельма Мейстера» (1821).

³ Развитие (*нем.*).

⁴ Поцелуй (*англ.*).

⁵ Поскольку текст романа неизвестен, мы не знаем, что там говорится о Мережковском. Однако создать представление о роли К.Д. Бальмонта в некоторой степени возможно: он отчасти (вместе с С.П. Дягилевым) послужил прототипом для фигуры поэта Умолова, нередко упоминающегося в переписке Иванова и Зиновьевой-Аннибал. Так, 26 марта / 8 апреля 1903 г. она писала М.М. Замятинной: «...ты ничего не *знаешь* из моего романа. Там Умолов трижды насмеяется над “Горящими Зданиями”, это может убить роман в их <Мережковских> глазах. И вообще Умолов еще лишь поэт и неприличный мистификатор с грязноватым скандалом. <...> Объяснила ли ты, что этот Умолов потом подымается на высоту глубокого пафоса, становится в Шуме трагичным и прекрасным и что весь роман построен на высмеивании себя самого, т.е. на хранительном юморе, идущем вперед насмешкам Бурениным и умеряющем das Eghabene философских глубин и ставящего автора на объективную высоту над своим матерьялом» (*Богомолов Н.А.* Вячеслав Иванов в 1903—1907 годах: Документальные хроники. М., 2009. С. 50). Отрывок из стихов Умолова см.: п. 430, прим. 13.

⁶ От *фр.* *rie*, прошу.

⁷ Ну хорошо, а где же приз? (*фр.*) Слова *rie* и *rix* произносятся одинаково.

⁸ Маленькие романические приключения (*фр.*).

⁹ Небрежение своими обязанностями (*фр.*).

¹⁰ Fréssinez и далее *Méssageries* — пароходные компании.

¹¹ Он делит на две части (*фр.*).

¹² Речь идет о п. 391 и 388.

¹³ Канун (*фр.*).

¹⁴ Отсылка к сну Зиновьевой-Аннибал, описанному ею в дневниковой записи от 12 ноября 1894 г. (см.: Интермедия (I)).

¹⁵ Речь идет о героях романа «Пламенники».

¹⁶ Музыкальное представление (*англ.*).

¹⁷ Опера Жюль Массне (1842—1912) «Мария Магдалена» (*Marie-Magdeleine: drame sacré*, 1873).

¹⁸ От *фр. precise*, точный.

¹⁹ Дурной (*фр.*).

²⁰ Повиноваться для него — страдание. Он не выносит, чтобы им командовали. Это то, чему он должен научиться и чему он с возрастом научится. Он не хочет врать, но все хочет обернуть в свою пользу, чтобы снять с себя ответственность, и потому врет. Он мог бы работать очень хорошо, потому что он бесконечно умен, но всегда хочет хорошенько расспросить обо всем, хотя прекрасно знает то, что просит ему объяснить (*фр.*).

²¹ Дорогая мамочка, как я тебя люблю, как я буду счастлив, когда ты вернешься! (*фр.*)

²² Именно потому, что он хороший, я охотно беру на себя труд бороться с его дурным характером и неповиновением. Но в дневнике его *О*, и *Дурная неделя* (*фр.*).

²³ Искренна (*нем.*).

²⁴ Речь идет о почтовом переводе из Рима, который Иванов с нетерпением ожидал. См. п. 381 и 396.

²⁵ См. рассказ в п. 380.

²⁶ См. п. 392, прим. 49.

²⁷ Цитата из стихотворения Пушкина «К * * *» («Я помню чудное мгновенье...»).

²⁸ Имеется в виду положенное на музыку начало баллады В.А. Жуковского «Светлана»:

Раз в крещенский вечерок
 Девушки гадали:
 За ворота башмачок,
 Сняв с ноги, бросали...

Было неоднократно положено на музыку; наиболее известна музыка А.Е. Варламова (подробнее: *Песни русских поэтов: В 2 т. Л., 1988. Т. 1. С. 594*).

²⁹ Истина, правда (*греч.*).

³⁰ Константин Великий (Флавий Валерий Константин; после 285 — 337) — римский император, перенесший свою резиденцию в Константинополь; святой католической церкви. Св. Елена (ок. 244 — 327), мать Константина Великого.

³¹ Речь идет об открытке С.К. Шварсалона от 15 января 1902 (РГБ. Ф. 109. Карт. 39. Ед. хр. 3).

³² О судьбе фрагмента данного письма, начиная со слов: «Вчера в сочельник крещенский...» и до сих пор, см. в начале п. 398.

395. Иванов — Зиновьевой-Аннибал 5—8 / 17—20 января 1902. Афины

35 день

18/5 Янв. ¹

Вот уж денек, Лиля-Радость, — вовсе не подходящий для человека, разломанного насморком! С 10 до 12 стоянье среди надписей в подвале Музея, пополудни — почти до 5 ч<асов> — беганье с Дерпфельдом взад и вперед от Ареопага к Сократову

кабачку и от кабачка к Ареопагу². (Интересная для меня лекция о Дионисе в Лимнах³.) Очень усталым вернулся домой, писем не нашел, и теперь, после ужина, ложусь в постель и так буду дожидаться *позднего* прихода Ангела (суббота!)... Круг моих знакомств расширяется... Целую Радость и Жизнь в плечики и *puce*⁴ и волоски розовопепельные.

День 36.

19/6 Янв.

Тяжело было, Радость Лиля, не дожидаться заветного письмеца. Пришел в 12-м часу Ангел — и не принес ничего. Я себе сказал: «Parfois le Sort veut mettre à l'épreuve notre persistance et notre sang-froid. Courage!»⁵ Было несказанно тоскливо, несмотря на эти *encouragements*⁶, — до 6-го часа пополудни сегодня, когда Фотини внесла мне в комнату полученное еще в 3 часа, но забытое ею за гостями письмецо⁷. Какая чудесная елка! Ах, какая радость! И Лилины столик и стулик! И она сама за столиком на стулике!.. Но впечатлений письма не перебрать! Картинкой Сережа мне угодил чрезвычайно. Она красуется рядом с твоей Jungfrau. — А гости, о которых упоминаю, приходят сегодня целый день по случаю Фетиньина дня рождения. Еще с утра был угощен ликерным стаканчиком вина и *bonbons*⁸. — Я совсем расклеился. Кашель, головная боль, жар. Даже боялся ночью, как бы не расхвораться здесь, вдали от тебя. Старался и стараюсь отлеживаться в теплой постели и принимаю хинин. Чувствую себя уже лучше, но иду скорее в постель. 8 ч<асов> 20 м<инут>. Завтра Дерпфельд объясняет театр Диониса.

День 37

20/7 Янв.

Оказалось, что Д<ерпфельд> не объясняет театр Диониса, а читает в 5 ч<асов> в Институте — и понапрасну пришлось мне сбежать в 2 часа в театр. Но сегодня я уже здоров; насморк и кашель проходят, и мне было не трудно в 5 часов опять сойти с своей горы в долину людей. Лекция вечерняя за столом в библиотеке была уютна и интересна: общий обзор развития архитектурных форм театра. В Форице <?>⁹ храм Диониса прямо выходит фасадом в оркестру, алтарь оркестры был алтарем храма: как это гармонирует с моей теорией жертвы! *

* Возвращался от Вильгельма с Kolbe²³ и другим археологом: говорили больше всего о Schöffler'e и Töpffer'e²⁴, двух очень известных филологов, рано умерших, из остзейского края; Шеффера я знал и лично. (Прим. Иванова.)

По поводу писем:

Папироски табачные нашел себе, конечно, дедушка. — Тележка (красноречиво говорящая и на фотографии *все* — отсутствием владельца) действительно прекрасна с своим поднятым вверх в трагическом величии дышлом без коня и возницы. Елка и hall очаровательны. (Хорошо также, что натерли пол.) Кажется, на столике шкатулочка Веры узорная?

Счет дням мужества у тебя прекратился... почему?! — Даму, приехавшую с Ад. Ст., непременно навести: это же обязанность перед Ад. Ст. — Угорелую «в первый раз в жизни» девочку очень жалел и бранил. Берегись открытых ночью окон и т.п.: легкие у нас одни. Кстати, говорят, что здесь очень распространилась инфлуэнца: такова, вероятно, и моя хворь — легкая инфлуэнца. — Ты, кажется, в святочных оргиях потеряла счет деньгам: этим объясняется желание опять преподнести что-то Фотини. Нам с ней увеличивать «приятность отношений» сверх *существующей* — это уж идти слишком далеко... Я все-таки спросил ее от тебя: τί θέλετε¹⁰: Она отвечала: ξύλα¹¹. — Если родит что-нибудь, ну, тогда ее можно наградить: а теперь за что? Но я сам сомневаюсь в ее родоспособности*. — «Новое Время» меня забавляет иногда. Вот только что Буренин обругал — mit unwillkürlichem Humor¹² яростно — «пухлого» (на пухлости он очень настаивал) прототипа или скорее первоисточника твоего Зефира Умолова — Дягилева¹³. Интересно, что наши декаденты дебатировали о том, русский ли (по духу) Иванов**¹⁴, и толкуют о «русских религиозных идеалах»¹⁵. Кстати о религиозных идеалах (кстати, «кстати» ты употребляешь вот как кстати: «есть шкатулочка с замком, чтобы хранить свои гостинцы... и есть гостинцы на дорогу, и всякие баловства, и есть хороший запас молодой энергии и радости жизни; *кстати, не забудешь ли ты отнести книгу в библиотеку, 1 Января <аря> кончается абонемент*; тосклива мне эта разлука, но крепилась и достигла спокойного и верящего “до свидания”....!!)», — итак, кстати (вспоминается мне мое «à propos»¹⁶, на которое мне было отвечено «relatively speaking»¹⁷, а эхо повторило: «hon<n>u soit qui mal у pense»¹⁸) — ну, теперь, что бы я ни сказал, все будет некстати,

* Посторонний читатель из связи всего пассажа должен заключить, что я рассчитываю на приплод от нее... (Прим. Иванова.)

** Пока еще разумеется живописец; потом будет черед стихотворца. (Прим. Иванова.)

п<отому> ч<то> связь окончательно потеряна и вышел «se-crétaire»¹⁹ — на днях прочел*, что Ренан²⁰ незадолго до смерти писал: «Nous ne savons rien, n'affirmons rien, ne nions rien, espérons»²¹ ... Если тебя не умилит это последнее слово человека, старавшегося всю долгую жизнь мыслить честно (не умилит, п<отому> ч<то> Ренан тебе ненавистен и подозрителен раз навсегда**), то скажи это Марусе: утерев слезу, она добросовестно постарается заучить это наизусть. Впрочем, если ты ей, в кратких и сильных выражениях, разовьешь *свой* взгляд на Ренана, то она, продолжив в течение некоторого времени попытку заучивания, кончит тем, что бросит его... Поклонись доброму старому паровику с антрацитом, если его встретишь. Однако я разболтался. По крайней мере, ты видишь, что я весел и не умираю. Целую свою девочку как люблю. O. S.²²

День 38.

9 ½ утра

Бегу на Акрополь (Шрадер). Целую, целую, девочку. В.

¹ Между днем и числом нарисован графический символ, изображающий вписанную в латинскую «O» латинскую «S» (Ora e sempre); под символом сделана приписка Иванова: «Что это значит? Круг, обнимающий два соединенные круга, переходящие один в другой?»

² Ареопаг — холм в Афинах, место заседаний древнего суда, называвшегося так же.

³ Лимны — часть Афин, где находился священный участок Диониса и где около 500 г. до н.э. началась постройка первого каменного здания для драматических представлений.

⁴ Затылок (*фр.*).

⁵ Иногда судьба хочет подвергнуть проверке нашу стойкость и наше хладнокровие. Будем мужественны!.. (*фр.*)

⁶ Ободрения (*фр.*).

⁷ Речь идет о п. 386.

⁸ Конфетами (*фр.*).

⁹ Видимо, подразумевается греческий город Форикус; см. п. 391, прим. 10.

¹⁰ Чего желаете? (*новогреч.*)

¹¹ Дрова (*новогреч.*). Похоже, что Фотини не хватает дров, а Иванов снова намекает на поговорку, которую нам не удалось распознать.

¹² С ненамеренным юмором (*нем.*).

¹³ Сергей Павлович Дягилев (1872—1929) — выдающийся организатор художественных и театральных предприятий, один из основателей группы «Мир искусства» и издатель одноименного журнала.

* В финале «Etudes» Weil'²⁵. (*Прим. Иванова.*)

** Как Гёте — посредственность²⁶, а Bouvier — дурак. [Разумею женева профессора Monsieur Bouvier.] (*Прим. Иванова.*)

¹⁴ Имеется в виду художник А.А. Иванов.

¹⁵ Единственная статья Буренина ноября—декабря 1901 и начала января 1902 г., о которой мог писать Иванов, в точности таких слов не содержит. Приведем наиболее выразительные и имеющие отношение к тексту письма цитаты: «Г. Бенуа, если не ошибаюсь, “вытек” из того мутного и гнилого источника декадентского аматерства, который брызнул у нас в последние годы и разлился хотя и небольшими зловонными лужицами, но все-таки разлился. Правда, г. Бенуа в настоящее время кажется уже удалился из дурного и извращенно-шарлатанского кружка самозванных оценщиков живописи, скульптуры и архитектуры, вообразивших, что они могут вести искусство вообще и русское в особенности по новому пути, обладая только наглостью, распушенностью и невежеством. Но все-таки некоторая закваска наших пухлых и тухлых эстетов, наших фигляров упадничества до известной степени еще бродит в критических суждениях и вкусах автора “Истории русской живописи” <...> г. Философов с важным видом наставника журит провинившегося ученика г. Бенуа. Что г. Бенуа отверг серьезное значение Бруни и Брюллова в истории русской живописи — это отлично, превосходно! Тут один только недочет важный: не совсем он отверг, не совершенно, надо было бы порешительнее, с полным размахом невежества. Но вот то, что, отвергнув Брюллова, он превознес Иванова — это уже совсем, совсем нехорошо. Брюллову и Бруни г. Бенуа по “личному вкусу” предпочитает великого Сурикова. Великолпно! Но Иванова, как представителя национальной религиозной живописи, он предпочитает г. Васнецову. О, это уже никуда не годится, это идет вразрез с личными вкусами и восхищениями муравьями муравьями “силы непомерной”» (*Буренин В. Критические очерки // Новое время. 1901. 21 декабря. № 9268*).

¹⁶ Кстати (*фр.*).

¹⁷ Относительно говоря (*англ.*).

¹⁸ Пусть будет стыдно тому, кто плохо об этом подумает (*фр.*). Девиз ордена Подвязки. Изречение приписывается английскому королю Эдуарду III, увидевшему потерянную на балу дамскую подвязку.

¹⁹ «Секретарь» (*фр.*).

²⁰ Эрнест Ренан (Ernest Renan; 1823—1892), французский историк, наиболее известные работы посвящены истории христианства.

²¹ Мы ничего не знаем, ничего не утверждаем, ничего не отвергаем, надеемся (*фр.*).

²² Oga e sempre (*ит.*).

²³ См. п. 372, прим. 28.

²⁴ Johannes Toeppfer (1860—1895) — профессор в Базеле. Valerian von Schöffner (в России Валериан Александрович Шеффер, 1864—1900), филолог. Окончил Киевский университет Св. Владимира. За границей работал в разных областях классической филологии у профессора Роберта. В 1889 г. за диссертацию «*Deli insulae rebus*» (*Berliner Studien für classische Philologie und Archaeologie, Bd. IX*) получил степень магистра древнеклассической философии и начал читать лекции по древним языкам в звании приват-доцента в Московском университете. В 1892 г. защитил диссертацию «Афинское гражданство и народное собрание» (Ученые записки Московского университета. 1891. Вып. 18) на степень доктора греческой словесности и был назначен профессором Московского университета по кафедре классической филологии.

²⁵ Такой цитаты у Weil'я нет. Иванов путает его труды с книгой австрийского ученого, где в конце приводятся именно эти слова Ренана: *Gomperz Theodor. Griechische Denker. Eine Geschichte der antiken Philosophie. Leipzig, 1896. S. 361*. Гомперц дает точную ссылку на Ренана (*Feuilles détachées, p. XVI sq.*), но цитирует с не-

значительной неточностью в порядке слов, которая, однако, позволяет нам установить, что Иванов следует Гомперцу, а не Ренану. Отметим, однако, что у Гомперца слова приводятся только по-немецки. Очевидно, сам Иванов перевел эту цитату с немецкого обратно на французский.

²⁶ Gёте не раз говорил о посредственности как о противоположности гению, например: Xenien aus dem Nachlass, 51: «Mittelmäßigkeit ist von allen Gegnern der schlimmste, Deine Verigung, Genie, schreibt sie als Tugend sich an». «Посредственность — худший из всех врагов. Твою ошибку, гений, она считает своей добродетелью».

396. Иванов — Зиновьевой-Аннибал 8—9 / 21—22 января 1902. Афины

День 38. 8 ½ ч. веч.

21/8 I

Вот и Ангел пришел, но писем не принес: такое счастье — именно получение писем — редко бывает во вторник, но бывает. —

Утром, Лиля-Радость, как уже писал, нужно было бежать на Акрополь. В Прописеях встретился с Вильгельмом, который также шел к Шрадеру. Сегодня, в 2 ½ ч., в Музее, должны были состояться, в первый раз, специальные упражнения у Вильгельма. Но известил он о них на прошлой своей лекции как-то странно (подозрительно было уже, что так долго молчал, и заговорил, вероятно, потому, что [вопрос возбудил] его спросил о том Kolbe, с которым я раньше говорил об ожидаемых упражнениях). Известил он, я говорю, как-то странно: «Ich war leichtsinnig genug eine besondere Stunde anzukündigen»¹. «Leichtsinn»² был в том, что он не подумал, что все дни, кроме пятницы, заняты другими лекциями и заседаниями. Все-таки он думает, что можно устроить упражнения во вторник. Мне казалось, что ему просто не хочется почему-то начинать их. Кто-то сказал, что придет; я также — что желал бы. Он поклонился. Я высказал свою scrupulos³ Kolbe, но он уверил меня: «Er tut es sehr gerne»⁴. — Поэтому сегодня, при встрече, я сказал Вильгельму, что мы, кажется, злоупотребляем его добротой и занимаем его время. Он отвечал, что как раз теперь очень занят. И стал затем говорить что-то непрозрачное и неясное, а именно: «die Jüngeren (значит Kolbe?) wollen etwas Unedi<e>rtes haben»⁵, но обломки такие небольшие и так разбиты, что требуется «ein sehr geübtes Auge»⁶, чтобы их собрать и соединить. Другими словами: неизданное ему хочется самому издать и он опасается, чтобы при упражнениях ему не пришлось поделиться материалами. Я сказал, что представлял себе упражнения

так, что он даст нам надписи для списывания, с помощью книг или *ex tempore*⁷, и потом будет проверять списки. Между тем мы пришли к Музею, где Шрадер уже говорил, и говорил сегодня очень мило и содержательно, очень интересно. С Вильгельмом я после лекции не встретился, а познакомился случайно с директором американской школы Richardson⁸, очень симпатичным на вид. Он был тоже на лекции; сказал мне, что учился в Берлине, в <18>74 году еще; приезжает он на велосипеде. Вследствие разговора с Вильгельмом, я решил в Музей не идти и не отнимать с своей стороны его время или еще, чего доброго, материал для [его <?> издания] публикации⁹. В Институте также не был, а оставался дома, потому что голова все еще немного побаливает и насморк и кашель не прошли окончательно. Это — поветрие в Афинах такое. Фотини [была и есть еще теперь] больна и кашляет; и сегодня захворала тем же Родофея. Фотини даже цифру афинских заболеваний приводит: 20.000 (где-то в газете будто почерпнутую), но, конечно, по обыкновению врет. Иду в постель. Девочку свою ласкаю в мыслях.

День 39.7 1/2 веч.

22/9 I Среда

Вернулся с заседания Института — очень интересно. Сначала Дерпф<ельд> говорил из области географии Гомера¹⁰. Гомер меня очень интересует теперь. К нему применены в последнее время, именно археологами, новые методы исследования, дающие неожиданные перспективы и вносящие много точности и позитивности в темную область. Как раз утром сегодня я взял книгу Robert'a¹¹ об Илиаде, вышедшую в 1901 году, о которой упоминал и Дерпфельд. Потом Тирш давал интереснейший отчет о новейших раскопках (Баварцев) на Эгине, очень богатых¹². Ты осведомлена впрочем достаточно о хищении Фуртвенглера¹³ с помощью дамы-амазонки и подкупного «вапори»¹⁴ — от Леонарда, помнишь? А Тирш (не подозревая клевет Эгинетцев) как раз хвалил соостровитян нашего Леонардоса! После реферата Дерпфельда, не интересуясь очевидно Эгиной, консул и консулица поплыли мимо меня к выходной двери; мы раскланялись, но беседовать было нельзя — Тирш уже говорил — и консул только процедил: «Как ваше здоровье?» Тоже археолог этот собиратель додонских идольчиков и бычков...¹⁵ Кстати, что наша археология? Благополучно ли доведены стклянки <так!>? Будет ли сделан

шкапчик? И хранишь ли ты, *кстати* (!), данный мной талисман фаллический?

Был утром на почте, спросил еще на всякий случай — о римских деньгах, и меня на этот раз позвали наверх в дирекцию. Оказалось, что они отослали *mandat*¹⁶ из Афин в Берн!! Дело было так. Сначала из Рима не посылали сюда за отсутствием № в нашем требовании. Прислали только в последних числах Декабря. Но *mandat*'у истек двухмесячный срок и потому Греки немедленно послали его для *визы* назад в Швейцарию, на центральную (бернскую) почту. Теперь, говорит директор, нужно ждать дней 10—15, — а может быть и неопределенно дольше*, пока визированный *mandat* вернется из своих путешествий... Вот тут и делай что хочешь с формалистами-Греками! А б<ыть> м<ожет>, его пришлют из Берна Марусе?

Дома пополудни наслаждался письмами. Во-первых, скажи Марусе, что три газеты (одна от 29 Дек<абря>), ее картолина абсурднейшая и письмо — все пришло сегодня вместе¹⁷. Фотография твоя — Сережи — Веры уже, конечно, ниже всякой критики, но есть в ней интересный пункт: это одежда Сережи. Неужто правда фрак? йтонский¹⁸, что ли? Влюбленный, сентиментально глядящий куда-то высоко сынок твой напоминает в своем фраке юношей очень старинного романтизма. В письме испугало меня сообщение о твоём столь раннем вставании; я боюсь, что это нехорошо, утомительно; не нужно тебе напряжения. И Марусе нужно быть подольше в постели. Жаль, что нет у нас Мольера¹⁹. Скажи Марусе в мое оправдание, что у меня целая библиотека франц<узских> классиков в Берлине. Нужно написать Frau Löw<enheim> и тебе переслать для приложения своего письма, и между прочим позаботиться о пересылке берлин<ских> книг. Милая Радость, я очень счастлив твоими ласковыми речами. А за то, что я написал в отчаянии, что не стоит приезжать сюда, не сердись. Хотя ты *так* говоришь (раньше) о «чужой стране, в которую надобно ехать для свиданий, вместо того чтобы проводить весну в своем уголке и садике», — что видно, что поездка сама по себе тебя теперь не прельщает. Даты археологической поездки: в Пелопоннес и т.д. от 10 до 26 Апр<еля> нов<ого> ст<илия>, на острова — от 2 до 13 Мая нов<ого> ст<илия>. —

* Я наподобие других habitués²⁵ не плачу Леонардо, а подписываюсь под счетом. (Прим. Иванова.)

Милая девочка, хорошо, что ты работаешь и, кажется, успешно. Пришлешь ли мне или нет? Хорошо, что поешь. Хорошо, что носишь аметисты. Хорошо, что любишь тепло. Хорошо, что пишешь мне так, что я с вами живу и все вижу в движении и жизни. (Этот стиль писем можно назвать кинематографическим.) Хорошо, что Маруську-Озорку * греешь. Хорошо, что Лиле к столу очаровательному и стульчику купила диван en osier. Хорошо, что любишь сад и друествуешь с Верушкой дорогой. Нехорошо, что с твоей простой samarade²⁰ чересчур уже «разбегáешься» и «проносишься» невесть куда. К дедушке нужно ходить реже, его нужно залучить непременно в Java, а напрягаться и выбиваться из сил ни для каких целей не нужно²¹! Нехорошо тоже чувствовать себя так — «в пути»: «остановиться нельзя, избежать его тяжестей и радостей нельзя, измерить его длину, его valeur тоже нельзя». Все это очень верно, и хорошо и глубоко сказано. Но не нужно так чувствовать. И можно так *не* чувствовать. Можно видеть, что «все течет»²², но можно видеть и что все стоит и «нет движенья»²³. Человек здоровый командует временем, и оно послушно идет, бежит или стоит. Тут все дело в sensation²⁴: в твоей — нездоровая пассивность, угнетенность воли. И у Веры тоже. Обе должны быть хорошими, не чересчур трансцендентными девочками. Целую Жизнь. Даю письмо Ангелу. Завтра утром в Музей. В.

Конверт со штемпелями: АΘΗΝΑΙ. 10 YAN. 1902 — Genève 27.I.02.

¹ Было достаточно бездумно с моей стороны назначить определенный час (нем.).

² Бездумность (нем.).

³ Беспокойство (лат.).

⁴ Он делает это очень охотно (нем.).

⁵ Молодые... хотя что-нибудь неопубликованное (нем.).

⁶ Очень опытный глаз (нем.).

⁷ Без подготовки (лат.).

⁸ Rufus Wyatt Richardson (1845—1914), археолог, профессор университета штата Индиана и Дартмут Колледжа (Dartmouth College), США.

⁹ Вильгельм был автором множества мелких заметок об отдельных палеографических проблемах, так что трудно сказать, о чем именно пишет Иванов.

¹⁰ Согласно журналу «Mitteilungen des kaiserlich deutschen archaologischen Instituts: Athenische Abteilung», Band XXVII, (1902). S. 447, 22 января Дерпфельд читал доклад: «Der Peloponnes in mykenischer Zeit».

¹¹ Имеется в виду книга: *Robert Carl. Studien zur Ilias*. Berlin, 1901.

* Хотя —

Зачем тебе [scilicet²⁶: Озорка!] камин и ласки,

Коль свой огонь в душе горит...²⁷ (Прим. Иванова.)

¹² Герман Тириш (Hermann Thiersch; 1874—1939). Согласно «Mitteilungen des kaiserlich deutschen archaeologischen Instituts: Athenische Abteilung», Band XXVII, (1902). S. 447, 22 января он читал доклад «Die Ausgrabungen beim Tempel in Ägina».

¹³ Адольф Фуртвенглер (Adolf Furtwängler; 1853—1907). См.: «В самой Греции великим событием лета было повторное изучение профессора Фуртвенглера храма Эгины...» (*Bosanquet R.C. Tod M.N. Archaeology in Greece, 1900—1901 // Journal of Hellenic Studies. 1901. Vol. 21. P. 345*). Итоги раскопок были подведены им в предсмертной книге «Эгина. Святилище Афайи» (1906).

¹⁴ От Βολόρι — пароход (*новогреч.*); ср. «vareug» — пар (*фр.*).

¹⁵ В Додоне находился знаменитый религиозный центр с Додонским оракулом при храме Зевса в Эпире; при раскопках было обнаружено множество священных даров.

¹⁶ (Почтовый) перевод (*фр.*). О разрешении проблемы см. п. 424.

¹⁷ Речь идет о письме М.М. Замятниной от 2/15 января 1902 г. и открытке от 4/18 <так!> янв. 1902 (РГБ. Ф. 109. Карт. 19. Ед. хр. 49. Л. 1—2).

¹⁸ Подразумевается форма престижнейшей английской школы в Итоне.

¹⁹ В упомянутом выше (прим. 17) письме Замятнина говорила: «Вы пишете, чтобы не изволила пропускать лекций; конечно, постараюсь не пропускать, Вячеслав, Bouvier (Лидия сейчас издается над Bouvier и говорит, что либо “он дурак, либо читает для дураков”, а теперь велит прибавить, что... но я этого уж не хочу писать), так Bouvier постепенно все через Sorel’я разбирает Molière. Такая обида, что у вас в библиот. нет Molière, надо бы его хорошенько изучить. Надо будет взять из библиотеки, ведь я абонирована, но жаль не иметь своего» (РГБ. Ф. 109. Карт. 19. Ед. хр. 49. Л. 1; фамилия Мольера при втором упоминании подчеркнута красным карандашом).

²⁰ Приятельницей (*фр.*).

²¹ См. ответ на это пожелание в п. 403.

²² Слова Гераклита Эфесского (ок. 530 г. до н.э. — 470 г. до н.э.).

²³ См. стихотворение А.С. Пушкина «Движение» (1821): «Движенья нет, сказал мудрец брадатый».

²⁴ Ощущении (*фр.*).

²⁵ Завсегдатаев (*фр.*).

²⁶ То есть (*лат.*).

²⁷ Несколько видоизмененная цитата из стихотворения В.С. Соловьева «Отрывок» (1878). В оригинале: «Зачем тебе любовь и ласки, / Коль свой огонь в груди горит».

397. Иванов — Зиновьевой-Аннибал 9/22 января 1902. Афины

39 д<ень>

22/9 I. Среда

Дорогая Лиля, сегодня пишу δελτάριον, а большое письмо (дневник) опущу лучше завтра, ибо надеюсь сегодня на письмо от тебя, а завтра должна быть почта. Мое большое письмо ты уже имела вчера¹. Посылаю письмецо Сереже. О себе сказать — что бы такое? Что насморк еще и кашель продолжают, но уже чув-

ствую себя здоровым; что сегодня заседание Института; что сейчас иду в библиотеку; что в голове и на сердце практически пусто, и потому все чрезвычайно скучно. Целую. В.

Открытка. Штемпели: АӨННАІ. 9 YAN. 1902 — Genève 26.1.02.

¹ Речь идет о п. 396.

398. Зиновьева-Аннибал — Иванову 7—9 / 20—22 января 1902. Женева

36-й д<ень> м<ужества>. продолжение. 9 ¼ веч<ера>. Сена. Дотя, получил ли Татата 4-й лист из письма, отосланный сегодня позднее его собратий!? Я сделала в нем приписку относительно хозяев и отложила, чтобы высохло, и забыла. Дотинька, целую Матита ненаглядного, обожаемого, красавца, солнышко. Сегодня вот что: Утро почти пропало из-за письма Леонардо и приготовления письма Фотини. До завтрака еще попела: голос *сегодня чист*. Потом Маруся в город — я наверх и в «Виллу». Улаживается. Кончу завтра. Но что вышло, не знаю. О, если бы чтение Марусе могло что-нибудь выяснить, но боюсь, что или будет слишком дружеское одобрение, или угорелое осуждение, так как с первой минуты она решила быть против ввода новых героев. Дотик, после 4-х, когда с вернувшейся Марусей мы попили чай, отправились к дедушке. Старик встретил нас странными стонами и жалобами и, как всегда, понемногу развеселился, так что стал полон жизни и интереса, так что я решила послать Марусю одну на урок Остроги, а сама осталась с ним еще часок. Когда я пришла домой, то уже урок кончался, и Острога сидел во фраке и белом галстуке, такой смешной и торжественный. Когда он прощался, то и передо мною извинился, а раньше без конца извинялся перед Марусей за свой костюм: он едет на обед и потом на бал! Очень он милый парень. А старик-то мой! Ведь я постоянно меняю костюмы к нему ходить, он каждый раз осмотрит своими приметливыми глазами и частенько замечание делает. Сегодня была в черном альпега <?> с золотистым галстуком: «Это что — греческий шелк?» — спрашивает про платье. Дотинька, ты свой английский сюртучек дай перевернуть, если брюки хорошо вышли. А старик меня донизу, до самой двери провожает, и так и ви-

сит на слове, чтобы я каждый день приходила. Бедняга! не могу... должна стараться. Никуда не стану ездить по возможности, а на часок прогуливаться к нему. Маруся сидит за письменным столом и что-то пишет. Целую, Дотя, иду спать. Лиля.

3 ч. дня 37-го мужества. Сена. На минуту: день забот и страха. Но все *Божией милостью хорошо*. Утром у Кости 39,1. Рвота, потряс<ающий> озноб. Сердце у меня комком. Позвала Добровольскую². К 12-ти было 37. Касторка, липовый цвет, еще маленькие drogues³, и всё должно обойтись. У детей экзамен как раз. Жалко. Мальчик в постели ягненочек и прелестен. Весь день для труда пропал. Теперь мчусь к дедушке на ½ часа и потом к зубн<ому> доктору на rendez-vous⁴: побаливает верхний мерзавец. Целую деточку родную.

Твоя Лиля.

7 веч. Сена. Дудинька, сегодня бегала почти рысью к дедушке, чтобы отнести ему книжку из библиотеки Mme Roumestan. Мы абонировались, и берет ему Маруся, я раньше давала «Le crime de Sylvestre Bonnard»⁵, ему очень понравился. Посидела я у него всего 15 мин<ут>, успела развеселить и побежала, чтобы поймать трам. В Женеве было у меня печальное свидание — с дантистом. Помучал. Но боль не оставляет большого впечатления, если ее принимать маленькими порциями. Он промбирует <так!> мне передние зубы, значит необходимо потерпеть! Маруся, добрая, приехала к нему с лекции за мною, а оттуда побежали к часовщику-домохозяину и окончательно решили взять Оле те дивные часы⁶. Красивы, действительно, исключительно! И я сегодня ночью по какому-то наитию сочинила стишок, который велела выгравировать. Суди, Дотя, не уподобляюсь ли я императору Клавдию?⁷ Или кому это, глупость которого в St Germain вылита <?> на меди.

Batte molte ore

Per felice cuore

Olga da Lydia⁸.

Вот беда, если где ошибка или тебе не понравится!

Дотик, а каково <?> письмо Сережи. Каково тебе жить, когда вся Англия следит за каждым шагом твоим! И отчета требуют от меня в твоих шагах. Мне-то каково! Вот тёрны славы!⁹

12 дня 37-го мужества. Письм<енный> стол в светелке. После звонка к завтраку и перед поездом Маруси, долженствующим увезти это письмо. Еще день, потерянный для «Славы» моей: ро-

ман не тронут. Проспала: вчера нервы расходились и голова болит. С утра читала письма: Пэт<она>¹⁰, Бантинг и твое, Славенька. Золото, *ты тоскуешь!* *Телеграфируй* если находишь *малейшим образом* разумным проэкт моего приезда теперь. Тогда выезжаю моментально. Горит сердце эту мыслью. Дотя, а Сережа правда очень стал тупой в общем развитии научном. Англия тупит несомненно. Не знаю, беда ли это. Его general know ledge¹¹ утрачено мало. Относительно «Аполлона влюб<енного>»¹² я ничего не «чувствовала» *против женственности* муз, лишь против «Султанства» Аполлона с его *законными* 9-ю женами. Как стоит этот пункт? Дотя, а что сборник? Или мне не верить никогда слову твоему? О, Дотя, я люблю тебя и всегда с тобой. Посылаю письмо с экстренной почтой к 14-ому, тобой упомянутому. Завтра будет еще. Твоя Лиля.

¹ Имеется в виду п. 394, тот его фрагмент, который начинается словами «Вчера в сочельник крещенский...», и вплоть до конца письма.

² Врач, услугами которой Ивановы пользовались как в Женеве, так и в Петербурге. В записной книжке М.М. Замятниной 1909 г. сохранился ее петербургский адрес: «Добровольская М. Эд. Кавалергардская д. 18 кв. 6» (РГБ. Ф. 109. Карт. 43. Ед. хр. 7. Л. 134). 28 ноября 1902 г. Зиновьева-Аннибал сообщила А.В. Гольштейн: «...какой славный, светлый человек эта эскулапка! Я очень полюбила ее душу и ее басок» («Обнимаю вас и матерински благословляю...» С. 172).

³ Лекарства (*фр.*).

⁴ Свидание (*фр.*).

⁵ «Преступление Сильвестра Боннара», роман А. Франса (1881).

⁶ О предполагаемой покупке часов для О. Никитиной см. п. 386.

⁷ Тиберий Клавдий Нерон Германик (10 до н.э. — 54 н.э.), римский император с 41. Много занимался науками.

⁸ «Бей много часов для счастливого сердца. Ольге от Лидии» (*ит.*).

⁹ Речь идет о письме С.К. Шварсалона от 19/6 января 1902: «Мое путешествие было хорошее; конки с Gare de Lyon ездили, и я к Гольштейнам поехал на конке, а оттуда на извозчике. Переезд через море был довольно бурный, и у меня только три дня тому назад перестала болеть голова. <...> В школе у меня все хорошо. Mr Felkin, учитель, с которым вы переписались, *очень* интересуется, поедет ли Вячеслав в Крит, с экспедицией <так!> Dr. Evans и читал ли ты его лекцию; Mr. Felkin мне сказал, чтобы я написал *непрерывно* и ответил ему; ему очень интересно, он говорит. Mr. Paton говорит, что он уверен, что Вячеслав поедет в Крит в лабиринт; он сказал: “I know that I shall hear of your father in Crete”» (РГБ. Ф. 109. Карт. 38. Ед. хр. 54. Л. 1 об — 2 об; перевод английской фразы: «Я знаю, что услышу о твоём отце на Крите»).

¹⁰ Письмо от Дж. Пэттона от 19 января 1902 Зиновьева-Аннибал переслала Иванову (см. п. 406).

¹¹ Общих знаний (*англ.*).

¹² Имя «Аполлон» Зиновьева-Аннибал пишет «Апполон».

399. Зиновьева-Аннибал — Иванову
9—10 / 22—23 января 1902. Женева

9 ч<асов> веч<ера>. 38-й д<ень> м<ужества>. Среда. 9 Янв<аря>. Утром ошиблась днем, записала второпях 37-й. Дотя, татата, бывают дни суеты, когда вся душа горит жаждою любимого труда, но жизнь отталкивает от него и не дает ни часочка счастья с ним. Таковы эти 2 дня. И я совсем нервна, так что каждый нерв болит, хочется плакать, тело вздрагивает. Отвратительно. За обедом едва сидела. И знаешь ли, что совсем отвело эту болезнь: пение. Попробовала экзерсисы. Голос чист, легок. Дотя, грудные ноты вернулись полные, мягкие, и наверху беру *до*. Оля говорит, что сверху страшно красивы переходы в нижний регистр с верхнего. Пела «*Deh vieni amor mio*» из «*Barbierie*» Mozart'a¹. Ария тончайшая, разученная à fond² у Mme Viardot. Когда кончила петь, то снова ожила, и теперь пишу словечко.

Прежде всего, Дотя, твое утреннее письмо³: ты пишешь, что не видишь меня из-за детей. Это правда, Дотя, ты догадался, это оттого, что меня нет. Разве я живу в семье. В семье я добрая мать, по силам воспитательница, по умению руководительница домашних. Затем я озабочена интересами и радостями всех семейных и даже случайных и, слава Богу, редких гостей, даже и старика моего. Что остается, несущая жаром в свою работу, где наиболее еще принадлежу себе. Но *жить*, радоваться в себе, в себе волноваться, гореть, это ждет тебя, это могу лишь с тобою. Если бы было это, то была бы и тоска. Но день так полон «чужою» жизнью во мне, что я не успеваю остановиться, одуматься для тоски, и ночь захватывает меня честно уставшую, и я сплю без просыпа. Это путь куда-то. Путь *par excellence et en solitude parfaite*⁴. Ведь Маруся не нарушает этого одиночества. Это преданное существо своего ничего не вносит и ничего моего не усиляет словом нравственно императив<ным>, и родить со мною ничего не может, ни малейшего зверюшку даже. Только иногда посердит своим резким «обожением» *que je comba<t>s violemment*⁵ или бестактной похвалой. И всегда обвеивает своею любовью, так что когда ее долго нет, я начинаю как-то беспокоиться, скучать и пугаться за себя.

Теперь день: С утра Оля больна. Вечерком <?> маленькая диссентерия <так!>. Сегодня в постели, бедняжка, и ничего не ела. Видела страшные сны, плакала. Я посиживала с ней, развлекала и успокаивала. У Кристины сестрица 3-х лет с воспалением

легких в муках умирает. Милые родные удружили извещением. Утром я сама проспала, и потом всё время разошлось. После завтрака до 3 ½ собирала материалы для сцены в Склепе, не удавшейся еще, помнишь⁶. А то нечего читать Марусе. Но за сцену не принялась. Хочу, чтобы была очень хороша. В 3 ½ оделась и пошла к отцу, по дороге думая Лилию захватить из школы к старику. И вот сцена: идет из школы группа девочек. Впереди Hildá, девочка, всегда приходящая за Лилей, и плачет горько. Позади Лидия с радост<ным> лицом, и ее обнимают две другие девочки, которые раньше приходили за ней и перестали вследствие ее грубостей. «Pourquoi est ce que tu pleures?» — «Parce que Lydia me dit des méchantes choses!»⁷ — Спрашиваю других, что такое. «Elle veut que nous venons la chercher et pas Hildá!»⁸ Hildá хорошая, милая девочка, и бедная, но недавно сказала нам про Лидию, которую в школе наказали, что она «a fait la sotté»⁹. Быть может, в этом кроется причина мести Лидии. В этом ребенке всё скрыто, и ее глаза часто такие задумчивые, отражают тайную жизнь души. Меня ужасно взорвала эта сцена. Взяла ребенка и повела ее в школу и спросила о ее поведении учительницу. Ею недовольна, она «paressence et chicanneuse»¹⁰. Она жестока и скрытна, ленива, наговорщица, брутальна. Словом, все прелести в этой артистически прекрасной девочке с сияющими жизнерадостно глазами... Это меня расстроило. После дедушки обедали. Да, дедушка часто упоминает о твоём письме и всё жалуется, что никак не может писать, всё путает! Вечером Маруся на лекции, а я здесь. Костя был в школе, *про-
сился*.

39-й д<ень> м<ужества>. Четверг. Сена. 10 ч<асов>. Рано встала, хотя с поздним возвращением Маруси вчера легла поздно, но смертельно боялась потерять еще одно утро. Перед брэкфастом пела экзерсисы. После брэкф<аста> — «Deh vieni, non tardar, o gioia bella...»¹¹, а не «Amor mio», как писала по ошибке вчера. Костя влюбился в вещь, сам показал в себе музыкальность. А до брэкфаста оба: Костя и Лилия (вчера Лилия была весь вечер в углу наказана мною) стояли возле меня и пели во всё горло *note tenuta*¹² — очень верно и громко. Очень было мило. Дотя, сегодня четверг, младшие дома. Костя берет урок русский с Марусей в hall. Вера бедняга на экзамене французском. Она очень обиделась вчера на Марусю за то, что та неблагородно поступила (это мое мнение) — Вера просила ее передать тебе, что горяче желает

писать тебе, но не может собраться из-за экзаменов, а Маруся написала тебе: «Вера не пишет, потому что у нее экзамены, *хотя она к ним не зубрит*» — и вчера передала это за столом Вере, отчего та принялась плакать. Есть в Марусе жилка подразнить, но столько любви к детям, что они ее прямо как мать любят.

Ну, бросилась к Роману, Дотя. Благослови меня! Твоя Лиля.
8 веч. hall. Дотя, что тебе сказать. День прошел как бешеный: в склепе и — в помойной яме. Что делать, это правда. Между двумя пела петухом, несмотря на вред для голоса, и сквозь зубы изрыгала: «Кверх тормашками, тормашками кверху!» Видишь ли, до чего в склепе. Во время чая петух и кверх тормашками, а после чаю помойная яма. Да, за чаем на меня нашло блаженство, тебе знакомое, блаженство de l'accomplissement. C'est accompli, упрямый склеп, et je crois que c'est beau et que c'est vrai et profond¹³. Словом, петух судорогою царапал горло, и когда Вера подставила сахарного Олиного с ярмарки петуха (помнишь подарок ее мне), то всё вырвалось отцовским приветствием «Кукуреку» и сыновним ответом «Кикирики». А после того Маруся была таким ангелом, что пошла к дедушке, а я в сад по ее настоянию, и надо было промять мышцы, и я думала: гимнастику поделатать или холодную ванну взять, и увидела помойную яму, где кочерыжки и яичные скорлупы и бумага были слишком на виду. Взяла грабли и метлу и всё в течение ½ часу сгребала дальше, да так поработала, что всю пробрало. Пришла домой, переделалась и стала петь экзерсисы. Потом был Острога, опоздавший. Потом обед. Вера вся в экзаменах. Острога хочет в Понедельник остаться вечер помузицировать. Сейчас пойду голову мыть, потом чай, потом буду читать Марусе склеп¹⁴. Дотя, как ты, Татата. После болезни Костя точно преобразился. Стал такой сладкий мальчик. И лице стало иное. Такая уж святая полоса нашла, и в доме тишина и благообразие, и он светел и ластится, и целуется всё время. Вера зубрит, сегодня серьезный день. Завтра нем<ецкий> экзамен.

10 ч. веч. Ложусь спать. Марусенька прилегла после ванны на мою постель и вдруг застонала: припадок сердца. Ужасно тяжело видеть ее малейшим образом страдающую. Не знаю, почему, но вот ее страдания мне невыносимы. Слава Богу, скоро отошло. Она старалась скоро и рано взять ванну, чтобы слушать чтение. Но еще я не отделала главу и боюсь читать. Не знаю, как тебе посылать. Еще всё в лохмотьях и каракулях! Дотя, спокойной ночи. Твоя всецело Лиля.

P.S. Костин башмак, по его уверению, носком указывал на Gendarmerei¹⁵. Боюсь, что с ним случится то, что поет Лиля: «Naughty Hugh!»¹⁶

вроде этого:

Policemen shut him up for all the night
His father said: it serves him right!¹⁷

Целую Дотика.

Завтра высылаю пакетик зак<азным> письмом с подарочками Фотини и Ангелу: *скажи ей*. А то я не успела переписать письмо из-за sklepa, помойной ямы и петуха кверх тормашками.

Лидия.

Приложен отдельный лист:

Вот смешное письмецо, присланное нашею «большою» дочерью с подругой, чтобы я не тревожилась запозданием ее.

у меня урок французской
до четырех

Вера

Конверт с жевевским штемпелем — 22.1.02. Афинского штемпеля нет.

¹ «Приходи, моя любовь» из «<Севильского> цирюльника» (*ит.*). Однако Зиновьева-Аннибал путает композиторов, оперы и арии. Ария «Vieni amog mio» — из оперы Дж. Верди «Аида». Но как потом разъяснится (см. в данном письме далее), она имела в виду арию «Deh vieni, non tardar, o gioia bella» («Приходи, не откладывай, прекрасная радость»), из «Женитьбы Фигаро» Моцарта, которую она путает с оперой Россини «Севильский цирюльник». Ошибка частично объясняется тем, что обе оперы написаны на сюжеты пьес Бомарше.

² До глубины (*фр.*)

³ Речь идет о п. 393.

⁴ По преимуществу и в совершенном одиночестве (*фр.*)

⁵ С чем я неистово сражаюсь (*фр.*)

⁶ Речь здесь и далее идет о главе для романа «Пламенники».

⁷ «Почему ты плачешь?» — «Потому что Лидия говорит мне злые вещи!» (*фр.*)

⁸ Она хочет, чтобы мы приходили за ней, а не Хильда (*фр.*)

⁹ Сделала глупость (*фр.*)

¹⁰ Она ленива и вздорна (*фр.*). Зиновьева-Аннибал пишет неправильно. Должно быть: *pareseuse et chicanouse*.

¹¹ См. прим. 1 к данному письму.

¹² Долгие ноты (*ит.*)

¹³ Завершения. Он закончен... и я верю, что он хорош и что он верен и глупок (*фр.*)

¹⁴ О слушании этой главы Замятнина писала Иванову (РГБ. Ф. 109. Карт. 19. Ед. хр. 49. Л. 6 об.).

¹⁵ Жандармерию (*нем.*)

¹⁶ «Дурной Хью».

¹⁷ Полицейские заперли его на всю ночь / Его отец сказал: «Это пойдет ему на пользу!» (англ.)

400. Иванов — Зиновьевой-Аннибал
11/24 января 1902. Женева

День 41.

24/11 I.

Пятница вечером

Дорогая Лиля, написал тебе в дневничке так мало за эти два пустые дня, что пошлю большое письмо только в воскресенье (б<ыть> м<ожет> придется ответить и на твое письмо, еще не полученное), а теперь удовольствуйся карточкой. Сегодня сижу дома, читаю греков. Чувствую себя все не совсем ладно и потому отдыхаю от ежедневной беготни: какая-то легкая, но длительная инфлуэнца, что ли. Настроение же мое, как и я замечаю, всецело обуславливается ожиданием письма, разочарованием в этой надежде или радостью ее исполнения. Вечер пятницы обыкновенно приносит разочарование, но сегодня оно обострено тем, что пришла газета, одна глупая газета!.. Хотя и письмо — только минутное успокоение, раз уже душа в полосе болезненной подавленности и агонии. Просто нужно ждать конца этой полосы. Взойдет Илиос¹, пройдет простуда, и побежишь с яростным жаром куда-нибудь на Пникс², где Дерпфельд восклицает: «Вот те ступени, где теперь ходит петух» и т.д. Целую своего поющего петушка. В.

Открытка. Афинский штемпель — 16 января 1902, женеvский неразборчив. Слева от последней строки адреса и перпендикулярно ему имеется приписка, видимо, рукой Л.Д., представляющая собой написанные в столбик по-французски дни недели: «vendredi Dimanche Lundi». «Dimanche» зачеркнуто и подчеркнуто пунктиром.

¹ Солнце (греч.).

² Холм в западной части Афин, на котором собиралось народное собрание.

401. Иванов — Зиновьевой-Аннибал
10—12 / 23—25 января 1902. Афины

День 40

23/10 I

Лиля-Радость, утром — лекция Вильгельма, потом — недомогание дома. Кашель, ломота в голове, повышенная температура.

Тоска и страх чувствовать себя больным и хилым вдалеке, вдалеке от тебя. Сегодня 40 дней моей тоски.

День 41.

24/11 I

Я хотел сегодня зайти к Христоманосу, но мне сегодня лучше — все симптомы в пониженной степени — и я не думаю, чтобы во мне сидела какая-нибудь другая хворь, кроме инфлуэнцы и бронхита. Лечусь сидением (отчасти и лежанием) дома; выходил только в пинету утром, пока убиралась Фотини́. День посвящен греческому языку. Видишь ли как пишу все, все, что со мной, и все, что чувствую. И ты делай так же. И я знаю, что так лучше, что так мы оба всегда можем все измерить друг о друге более правильно, ничего не предполагая недосказанным и потому не приписывая своего к действительному.

Вот Фотини́ принесла снегиря (живого) с кофеем. Сейчас же портрет твой переселяется с полочки бюро на стол. Говорит Фотини́: «Не знает $\chi\upsilon\rho\acute{\iota}\alpha$ ¹, что мы больны; может, ей во сне снится...» Клефтра, клефтра — только не Лулука².

Приближается час прихода Ангела, и я облизываюсь... но знаю, что писем не будет!

— Как в насмешку, получаю одну газету!

День 42

Суббота, 25/12 I.

Радость Лиля! Хотел было я переписать по-другому предыдущие дни, но решил этого не делать, зная, что ты умница и знаешь меру вещей, а потому не будешь беспокоиться и преувеличивать. Сегодня 6 недель исполнилось meines Schmachdens³. Потому что обелять вещи не нужно, и сказать, что без тебя я веду полное, цельное, удовлетворенное существование, — нельзя. Но из этого ровно ничего дальше не следует, — кроме разве констатирования твоей абсолютной для моего дыхания необходимости. Как раз запрос твоего письма является кстати после этих рассуждений. Ответить я могу, конечно, только «нет», — и притом со всей энергией человека, который столько настрадался от разлучения, что невольно сердится при одном допущении, что он пожелает добровольно испытать это страдание сызнова. Благодарю, я не хочу опять проважать тебя домой «через 6—8 недель» (!). Предпочитаю глядеть на Саронический залив⁴ и ждать.

В 40^й день «мужества» я до того дошел, что стал писать тебе призывающее письмо, ссылаясь (софистически!) на то, что мне ты

будто бы более необходима теперь, чем семье, и пр<очее> (но уже, конечно, без мысли отпустить тебя опять). Даже строил комбинации, чтобы ты завезла Олю с собой в Неаполь (ибо с неподатливыми женихами невестам приходится быть как Магомету с горой⁵) и показала бы влюбленных друг другу при себе. Но все это, очевидно, неправильно. Семье ты *очень* нужна — и вовсе *не* Сереже, и не непременно в пасхальное время (после такого рождества, *праздничных* специально восторгов хоть отбавляй, и боюсь, что вся затея с приездом на Пасху излишняя и потому вредная, — *мне*-то это почти безразлично, п<отому> ч<то> у меня как раз *gigi*⁶), но нужна ты больше всего *Вере* и также Лидии и именно вне праздничной суматохи, как это хорошо чувствует глубокая девочка. Мальчики же у нас приверженцы философии гедонизма, им подавай наслаждений.

Итак, я нахожу, что совместное справление Пасхи абсолютно ненужно, но что оно дастся, кажется, само собой, поскольку твое пребывание в семье за все это время очень желательно. Вызывать же тебя без настоящей и безусловной необходимости мне не следует, и нет у меня на это права. Если же необходимость действительная будет представляться, я напишу откровенно и без упреков совести. Ты же смотришь на дело ложно, если центр тяжести полагаешь в Пасхе. Если и будешь справлять ее дома со всеми детьми, сделай всякую радость очень тихой, умеренной, *повседневной*. Повторение таких святок, как пережитые, может быть только вредно. Сережа, напр<имер>, из всего делает сейчас навыки роскоши. Я с большой заботой смотрю на эти столь частые переезды его из Англии домой и обратно. Подарки и, главное, большой размах семейного веселья ему очень опасны. Говорю все это, заметь, теперь только, когда считаюсь с *fait accompli*⁷ данного ему обещания и испрошенного у Пэтона разрешения. Менять что-нибудь было бы злою и вредною жестокостью. Итак, *es bleibe Alles beim Alten*⁸, но, если мне будешь ты нужна так, что совесть разрешит мне вызвать тебя, я вызову, даже, быть может, телеграфирую для скорости, так что ты в этом случае не бойся и не воображай опасности, мне грозящей, — вперед говорю. Впрочем, может быть, мне просто приятно оставить себе ресурс, чтобы чувствовать себя веселее, а в действительности тревожить вас я не стану. Простая психология: знать, что ты можешь приехать всегда. И я думаю, что имение внешней привязи, вроде до-

маш<ней> Пасхи, признавать не нужно. Чем дольше ты с детьми, тем лучше: вот и все.

Что касается сборника, лучше всего издать его в мертвый сезон. Чем меньше обратят на него сначала внимания, тем мне полезнее. *Obscurité*⁹ — необходимое условие чтобы учиться. Закончить же его хочу лирическим циклом из 4—5 пьес, из которых кончаю вторую¹⁰.

Дорогая девочка, впечатления дня таковы, как вчера в *δελτάριον* пророчил. И Илиос встал, и физически чувствовал себя почти здоровым, и на Пникс бежал с жаром, и если вместо петуха Дерпф<ельд> показывал на этот раз пасущихся коз — это мало изменяет дело. С Пникса мы бегали смотреть так наз<ываемый> Тезейон¹¹, оттуда на раскопки, произведенные Д<ерпфельдом> на клочках на деньги Miss Harrison и Hiller von Gaertringen'a¹² клочках земли (когда ожидания Д<ерпфельд>a оправдались, Греч<еское> Археол<огическое> общ<ество> купило эти участки, и он мог вернуть частные деньги). После лекции по обыкновению очень устал, старался подкрепиться пивом и, когда доплелся домой, опять чувствовал себя в инфлуэнце. Зато меня ждали *два* письма (одно содержало забытую частичку твоего другого и приписку Маруси)¹³. Ко впечатлениям письма. Радуюсь я, что ты энергично работаешь! Жаль, что хриплость портит голос хронически. Я надеюсь, ты не страдаешь бронхитом?? По вопросу о пении на вечерах, очень тому сочувствую под условием *строгого* к себе отношения и сдержанности в случае сознания невозможности корректного исполнения. Что наши дети в конце концов *дрянь*, меня не удивляет. Недаром Маруся радуется на них (вернее на результат своих тщаний и попечений о них), как на «розовеньких поросятков». Эта свиноманка — большой статистик и высчитывает, на сколько «тысяч и даже десятков тысяч» придется «таких как» — мы с тобой. Отчего это она умеет иногда сказать что-нибудь так глупо¹⁴? Про Гёте она тебе не поверила. *C'est le mot*¹⁵, п<отому> ч<то> она непременно должна *поверить*. О том, чтобы *проверить*, она думает столько же, сколько я о том, чтобы уподобиться Наполеону. Но если будет курс Bouvier или Asnier¹⁶ о Гёте, она, памятуя о разговоре, запишется. Ein unselbstständiger Kopf¹⁷. Теперь она делает мне дружеские упреки — не за то, что я не написал и не помянул о ней в [прошлом] письме, на которое вы отвечаете, но за то, что не написал и не помянул в *день Крещения*. Черт знает что такое! Пишет, как о данном, что я был у обедни. А я, кажется, и не был как раз. Когда я помру, этот об-

рядовой друг устроит превкусные поминки. Сокрушается: «ах, отчего я не табак!»¹⁸ Тогда бы, дескать, я лучше ее помнил. В утешение скажи ей от меня: «Вы лучше, чем табак, вы — Маруссия и не вспомнить вас нельзя». Грамотки ей сегодня не будет*, уже и Ангел вернул<ся>, и поручаю ему письмо, п<отому> ч<то> завтра, с Messengeris, почта уходит в 9 ч<асов>, а я верно останусь дома. Черепаха — хороший знак, Лиля, для поэта, но мы с тобой слишком культивируем ее, не только как лирики, но и как медлители. Однако по мне ползет паучок — grand espoir!¹⁹ —

Мой breakfast и five o'clock tea состоят из хорошего чая цейлонского с эллинской культурой²⁰, европейским молоком и корцирским маслом; а домашний завтрак — из яичницы с бэконом и кофе турецким. Я всегда очень, очень сыт. Повестки о корзине Дотика все нет. Съели корзинные баловства! Ничего не выдают. Записочка, конфискованная у Кости, меня тоже очень подкупает: бедный мальчик. Поцелуй его от меня. Письмо от Пэтона ты не приложила. Восковую ногу интерпретирую: «Удирай, пока ноги целы». Стыдно не найти — не говорю уже стих<отворение>, — и алфавитный указатель!

*Из Пиндемонти (фальшивое заглавие)*²¹

Не дорого ценю я громкие права,
От коих не одна кружится голова.
Я не ропщу о том, что отказали боги,
Мне в сладкой участи оспаривать налоги
Или мешать царям друг с другом воевать.
И мало горя мне, свободно ли печать
Морочит олухов, иль чуткая цензура
В журнальных замыслах стесняет балагура.
Все это, видите ль, слова, слова, слова!
Иные, лучшие мне дороги права,
Иная, лучшая потребна мне свобода...
Зависеть от властей, зависеть от народа —
Не все ли нам равно? Бог с ними! Никому
Отчета не давать; себе лишь [одному] самому
Служить и угождать; для власти, для ливреи

* М<аруся> хвастает, что была у тебя и читала «свою книгу». Дескать, вот я какая интеллигентная, мыслящая, имею книгу, которую читаю! Я читаю ее насквозь, и Марусю, и книгу ее. И знаю, что это все еще Brunetière la Lutte²⁵. После чего она должна сгореть со стыда! (Прим. Иванова.)

Не гнуть ни совести, ни помыслов, ни шеи.
 По прихоти своей скитаться здесь и там,
 Дивясь божественным природы красотам,
 И пред созданными искусств и вдохновенья
 Безмолвно утопать в восторгах умиления —
 Вот счастье, вот права!...

1835 г.

Дурак-Скабичевский²² считает это стихотворение «элегией»: очевидно, оно навеивает на него элегические думы русской гражданской скорби.

Целую горячо детку мою, розовласую, лилейнораменную²³ Лилу, как тоскую по ней. Но эта тоска да будет к жизни и ко благу. О<га>S<emprе>.

Как гадко и глупо ты не велела Сереже писать мне. Я его упрекаю²⁴.

Конверт с женеvским штемпелем — 1.П.02. Афинский штемпель вырезан вместе с маркой.

¹ Госпожа (*новогреч.*).

² Эту же непонятную фразу см. в п. 381.

³ Моей тоске (*нем.*).

⁴ Саронический залив омывает южный берег Аттики и северо-восточный берег Пелопоннеса. В нем расположены Саронические острова, ряд которых Иванов собирался посетить во время планировавшейся экскурсии.

⁵ Имеется в виду поговорка: «Если гора не идет к Магомету, то Магомет идет к горе».

⁶ Экскурсии (*ит.*).

⁷ Сверхившимся фактом (*фр.*).

⁸ Пусть все останется по-старому (*нем.*).

⁹ Здесь: незаметность (*фр.*).

¹⁰ «Кормчие звезды» заканчиваются разделом «Suspigia», состоящим из одноименного цикла (шесть стихотворений), а также отдельно стоящих стихотворений «Песнь разлуки» и «Гость».

¹¹ Тезейон — храм Гефеста и Афины близ Пникаса.

¹² Джейн Эллен Харрисон (Jane Ellen Harrison; 1850—1928), специалист по древнегреческой религии. Фридрих Хиллер фон Гертринген (Friedrich Hiller von Gaertingen; 1864—1947), известный эпитаграфист.

¹³ Речь идет о п. 392.

¹⁴ Иванов имеет в виду письмо Замятниной от 4—6/17—19 января, где она, между прочим, писала: «Рада я, что Лидия находит, что я хорошо откормила ребят, такие они стали розовенькие, словно поросятки укормленные, без помину о каком бы то ни было малокровии» (РГБ. Ф. 109. Карт. 19. Ед. хр. 49. Л. 4 об.); «Ведь право, Вячеслав, такие, к<а>к вы оба, на сколько тысяч или даже десятков тысяч придется. Понимаю, что Лидии до слез может быть от этого грустно. Вот и Острога и музыкант, и, может быть, очень неглупый парень, а слова настоящего не скажет, к<а>к Лидия говорит, значительного, высокого слова. Тоскливый народ» (Там же. Л. 3 об.).

¹⁵ Вот точное слово (*фр.*).

¹⁶ О В. Bouvier см. п. 383, прим. 16. Об Asniet никаких сведений добыть нам не удалось.

¹⁷ Несамостоятельное лицо (*нем.*).

¹⁸ Последняя строка стихотворения А.С. Пушкина «Красавице, которая нюхала табак». См. в цитированном выше письме Замятниной: «Вы, верно, из церкви уже вернулись теперь. Сегодня никто из нас не ездил в церковь. Вчера на водосвятии была Вера с Христиной, а у всеношной Оля. <...> И вчера и сегодня дни с вашими строчечками, но отчего, Вячеслав, вы к<а>к бы нарочно выкинули меня из памяти и накануне нового года и в самый день. Я вовсе не жду «строчечек» особо ко мне, к<а>к ждет этого для меня всегда Лидия, гулька моя, но словечка, брошенного мне, все-таки хочется, и ждешь его, особенно в такие счетные дни. Хотелось бы, чтобы это было по злости, а не из-за пустот <?> многих, и тогда это хотя жестоко и, верно, заслуженно, но не.....

О доля человека злая!

Ах!.. отчего я не... табак! (Пушкин)»

(РГБ. Ф. 109. Карт. 19. Ед. хр. 49. Л. 3 об — 4).

¹⁹ Большая надежда (*фр.*).

²⁰ Хлеб с кунжутом.

²¹ Имеется в виду то, что у итальянского поэта И. Пиндемонта нет подобного стихотворения, и Пушкин выдает оригинальное произведение за перевод.

²² Александр Михайлович Скабичевский (1838—1910), критик, публицист. В книге «Сочинения А.С. Пушкина» (подробное описание см.: «Diarium» (Интермедия (II), прим. 23), бывшей у Иванова, где была помещена его статья, стихотворение «Из Пиндемонта» было отнесено в раздел «Элегии». Мы, однако, не можем утверждать, что это решение принадлежит именно А.М. Скабичевскому.

²³ Гомеровский эпитет.

²⁴ О таком в точности письме мы не знаем. См., однако, в приписке Зиновьевой-Аннибал, обращенной к Иванову, на письме С.К. Шварсалона от 26 января (н. ст.): «Я велела Сереже посылать письма раньше мне, потому что он запаздывает таким образом всего на *одну* почту в Афины и даже бывало опаздывали также прямо из Лондона. Теперь я велела Сереже писать мне *лишь* картолины: ему *нет* времени. Поэтому присылай мне его письма длинные по получении. Это письмо я запоздала тебе переслать. Почта. 11 час.» (РГБ. Ф. 109. Карт. 38. Ед. хр. 54).

²⁵ В том же письме, начатом еще 4/17 января, Замятнина писала: «После обеда у Лили б<ольшой> читала свою книгу — а Лидия писала, в промежут<ке> воевала с Костей» (РГБ. Ф. 109. Карт. 19. Ед. хр. 49. Л. 3). Речь идет о работе Ф. Брюнетьера «La querelle des Anciens et de Modernes» («Спор старых и новых»), упоминаемой Зиновьевой-Аннибал в п. 380.

402. Зиновьева-Аннибал — Иванову 11/24 января 1902. Женева

Дотя, на почте после храброго визита к 9 ½ утра к дентисту. Пустяки, эти маленькие боли, даже острые, они удивительно зависят от воли к их восприятию. В тот вечер я была больна от той же боли, которую сегодня едва ощущала сквозь стоицизм фило-

софии. Надо же было перед визитом рассказать о замученной султаном невольнице и стыдно стало низости соврем<енного> человека, да и глава в склепе помогла, там Б<орски>й очень хорош как стоик. И пом<ойная> яма тоже хороша! физику укрепила! Посылаю тебе пакетик: брошку *кристалла* горн<ого> (объясни) и черного брил<лианта> горного булавку в галстух — хозяевам. И радужного кристалла сова <?> (электричеством) Леонардо. Тебе шеколад и поцелуи и любовь без дна.

Лидия.

Открытка. Женевский штемпель — 24.1.02, афинский отсутствует.

403. Зиновьева-Аннибал — Иванову 10—13 / 23—26 января 1902. Женева

40-й д<ень> м<ужества>. Пятница вечера 11 ч. Сейчас ложусь кверху тормашками спать, завтра к 9-ти у зубного вертелы <так!>. Печальная перспектива. Но еще печальнее проведенный вечер после усердного рабочего дня: чтение «Чертозы» Марусе и вид ее нахмуренного разочарованием, негодованием и алканием по Erhabenheit¹ лица. Ну, словом, что ожидала, то было². Спать иду, Дотя, и тебя целую в любви.

41-й д<ень> м<ужества>. Суб<бота> 2 ч<аса> дня. Сена.

Дотя, сегодня le grand jour de poste³. 1) от тебя⁴, 2) от Сережи, 3) от Алекс<андры> Вас<ильевны>. Получила в минуту, когда садилась в конку, спеша к 9-тичасовому свиданию с душкой дантистом. И со мною вскочила Оля — на базар. Мы сидели, как влюбленные, — так счастлива она была попасть со мною. Я читала ей часть твоего письма, и там, где о тебе, постаралась объяснить ей твою работу, т.е., вернее, сущность Диониса. «Бог восторга, Бог выхода из себя, состояния, когда человек становится легким, весь отдается, себя не чувствует, и не чувствует страха и боли, и может плакать и молиться, Бог смерти и Бог воскресения». Словом, истинный Бог, теперь нами в Откровенном нам через Иисуса Христа Единого Бог почитаемый как одно из его состояний (творческое), Греками же отделенное в отдельную божественную олицетворенную силу. Потом говорила о женщинах, убежавших из дому на тайный «зов». Оля сказала: «Это все то же,

что теперь видно в Италии в религ<иозных> процессиях, когда люди как безумные бросаются под иконы <?> и бросают вещи и цветы..» Таким образом она добежала со мною до доктора почти и повернула на базар назад. Я же в ожидании приема дочитала Дотино письмо. Зачем Дотя меня обвинил в употреблении «кстати» некстати? Ведь я тебя оставила avec la joie de vivre⁵? вот и вырвалось кстати при упоминании Серезиной joie de vivre 1 Января<а> и срока абонемента, да еще кстати и мой родник joie de vivre, превосмогающий разлуку и говорящий утешное «до свидания». Дотя, да в том письмеце точно ты повеселел немного? Но не верится мне, всё страшно за тебя. А с другой стороны думается: «Если тебе удастся перенести до весны эту разлуку без вреда для здоровья и без чрезмерной муки, то она тебе бесконечно полезна как освобождение от меня! Да, Дотя, это верно. Я знаю, что ты должен освободиться от меня. Je t'impose malgré moi!⁶ и боюсь, что часто не верно объективно, субъективно же для тебя, конечно, вредно влияние мое исключительное, которое ты должен избежать <?> Словом, боюсь, что не то выходит, что я хочу выразить тебе теперь, но, быть может, Дотя, ты поймешь. Мы же и не раз об этом уже говорили с тобою. Но, с другой стороны, я с ужасом вспоминаю те несколько безумных дней, проведенных мною в Gryon⁷ без детей и без тебя, когда я вопила бессмысленно целыми ночами, сама не понимаю, что это было, быть может, начало беременности, но вдруг у тебя что-либо хотя бы в 10-й доле этого? И мне холодно думать об этом. Словом, видишь, я всё обдумываю, но решать можешь лишь ты. Впрочем, ты уже решил до этого письма, не то поздно. Сергей уехал уже 2 недели тому назад завтра, его терм⁸ до Пасхи всего 11 неполных недель, значит, остается 9 недель до Воскресения Пасхального, затем 4 недели вакаций, и я свободна ехать к тебе на Май, Июнь и ½ Июля (если на острова меня возьмут), если нет, то с ½ Мая. Или, значит, 12 ½ недель до свидания со дня получения тобою этого письма, или 14 ½! Дотя, dentist мне совсем не делал больно. Пломбировав большое отверстие, и не было чувствительно. Как всё на свете относительно, видно из того, что эта пломбировка (когда машина по кости) была почти наслаждением после тех очень мучительных! Вчера Вера и я, мы одно время остались вдвоем дома — Маруся на лекции, Костя, Лиля в школе (Вера во время экзаменов не ходит les après midis⁹), девушки ушли в Арианá¹⁰, Miss Blackwell — congé¹¹). Итак, я писала «Чертозу», Вера читала, забрав-

шись высоко на Марусиной елке и на окне я любовалась на нее. Дотя, а Лиля дрянь! Цинична, подла и тихоня. Эстетическое впечатление, которое она производит, увлекло меня. Но увы, она еще мало привлекательна нравственно и, главное, кожа-то у нее претолстая. А насчет подарков Фотини: не давай их, если находишь ненужным, сохрани до поры до времени. Да, скомпрометировал ты себя перед потомством, которое будет разбирать нашу переписку! Какая-то Умоловщина¹² у тебя там!

42 д<ень> м<ужества>. 7 ½ утра. Сена. Воскр. Здравствуй, маленький Дотик! А я уж и ванну полухолодную взяла, и оделась, и на кушетку забралась, поев шеколаду. И 5° <при> температуре моей утренней комнаты, лежа вся горячая, даже спотев <так!> немного от реакции холодной воды. Вот это здорово! Дотя, сходи в ванну непременно: это мой завет, если только башка <?> простуда совсем прошла! И еще завет: жду *сюрпризом Дотину рожницу*. Дотя, будь пай, сделай обе вещи эти, если тебе еще сладко слушать меня, как когда ты был слабенький и баной мáтит. А из ванной комнаты на еще ночном небе я видела высокий просторный лоб Эдипа, темневший под налетом себристых <так!> как седины туч. Как прекрасно и верно, Дотинька. А вот теперь, придя <?> к себе, из нашего оконца вижу в предрассветной белизне сад, запорошенный густо инеем, и горы со свежевывапавшими снегами... Пересела к нашему письм<енному> столу, чтобы следить, как сквозь и между еловых кружевных вершин нашего сада золотится еще бледно восток и уже всё яснее и ярче, и чует сердце солнышко. Дотя, не глядишь ли и ты на него, выходящее из-за сине-лилового утреннего Гимета оглянуть ждущее, притихшее в безразличности лице <?>. Или не так у тебя?.. Вот вдруг стук в дверь: и на неизбежный «при»¹³ вбегает Вера в красном капоте и красных туфельках на босую ногу. Оказывается, Оля еще обливается в ванне, распределенной по ¼ часам, и Вера должна ждать. Она накинула мою рыжую пелерину и села, скорчившись, на мех у моего стула. Вот я надушила ее моим *Neliotoppe blanc*¹⁴ из насосика в бутылке. Она удивляется, что я пишу тебе такие мелочи и говорит: «Разве это интересно и разве Вяч<еслав> тебе так пишет!»*

Вот с лестницы вождедеющий голос Кости: «Мама, ты встала, можно прийти?» — и на разрешение он является, весь сияю-

* Далее полторы строки смазаны и практически не читаются.

щий от чести и от ванны. Всё одним взором в комнате мгновенно охватывает и мучительно побеждает судороги рук, ко всему одновременно стремящихся, и всё восклицает: «Как у тебя красиво! А это что... А, да, духи... а это... ах, кошечки, кот<орые> Оля подарила Вячеславу... а это...» и так далее. Угнала <?> мирно вниз поторопить Веру одеваться и Кристину стряпать. Хочу есть... Иду в виллу <так!>. Светло.. день, но над Salève всё солнце медлит появиться... Бегу с письмом в руках через нашу площадку к окну и вижу: вот калятся высшие вершины Jura розовым огнем. Бегу в Виллу. 8 ½ ч<асов>. Вот солнце встало: над ним светлый ясный лоб небес и дыбятся над ним медно-рыжие вихры облаков. Это — Куня-Мунь.

11 ч<асов>. Дотя, посадила героев в коляски уже на вилле, пошла вниз попеть. Убрали там только что елку. Костя уже успел из упавшей хвой сделать очень правильный и красивый вензель на полу со своими инициалами и <1 нрзб> из разноцв<етных> тряпок. Но вот и печальная сцена: из опустелой, еще не убранной hall Оля увезла тележку вверх по лестнице — на чердак. Пока она стояла за елкой, у окна, хотя и с траг<ическим> <?> дышлом, хотя и полная неподходящих ей предметов, т.е. книг со столов — всё же она была там, и о ней даже воск охотно пророчил. Но теперь она увезена, и ее не видно, и в столовой, сидя за какой-то штрафной переписки <так!> Костя без слов и таинственно плачет, закрыв всё лицо платком. Ушла вся грустная наверх и вижу в окно: на площадке сада лежит прекрасная елка. Время плывет мимо и всё проходит.

6 ч<асов> в<ечера>. Сена. О ужас, о отчаяние. Все коляски развалились, все коляски развалились. Посадила всех неверно, потому что Коловр<атов> оказался с Еленой и не с Опалиным, а между тем у Оп<али>на верховая лошадь, и придется разве что ли ногу сломать. А Mme Zibelin только что была и пила чай и ее два сына, помнишь, хороший мальчик Harry 14 лет и глупенький бедняжка и очень музыкальный Fred. Отняла много времени и сил у горла, которое отчаянно устаёт от разговоров. Опять j'ai le gosier d'artiste!¹⁵ Пригласила ее на завтра к обеду, чтобы помочь нам с Острогой музицировать. Острога ведь обещал провести у нас завтра вечер для музыки. А с Верой имела длинную беседу вчера об отце ее. Она завела по поводу «холодных людей». «Холодный ли папа?» — и я сказала: «Не знаю. Он со мною не был откровенен,

и я его не знаю». Потом, так как она была очень задумчива и, очевидно, много хотела знать, я ей сказала, как и Сереже раньше, по поводу его вопросов, что отец, вероятно, счастлив, ибо женат. «На ком?» — «На мол<одой> девушке?*

» — «Хорошая ли?» — «Не знаю. Вероятно!» — «Что папа делал?» — «Учил истории». — «Богата ли его жена?» — «Не знаю!» После этого она успокоилась, и вечер я провела с ней, разбирая ее письма в шкатулку <так!>, и она была вне себя от счастья и всё время целовала мои руки и губы, говоря, что я пахну, как дама.

10 час<ов> утра 43-его д<ня> м<ужества>. Сена. Маруся тебе пишет у письм<енного> стола. Только что недавно читала твое длинное письмо, отосланное с благословенною экстренною почтою¹⁶. Дотя пишет, чтобы я не чувствовала себя «в пути». Это невозможно, но это не то, что Дотя думает: *c'est une sensation très douce et pleine d'un présentiment mystique*¹⁷. И сладко, сладко чуют «за путем», и тихо принимать невзгоды и радости его. Вот, наприм<ер>, сегодня было после чтения письма неожиданное и потому очень «ex<с>iting»¹⁸ развлечение в «дороге». После breakfast'a почувствовала, что ноги озябли (а этого никогда не бывает) и, добыв Лилину скакалку, принялась (сняв верхнюю юбку) скакать в hall, конечно, Оля сейчас присоединилась, и скоро мы обе согрелись и я побежала наверх работать. А вчера весь день (воскресенье) Лиля была наказана, должна была списывать с книги. Бог с нею: это зверек, имеющий человеческого лишь одно — какой-то аромат артистичности. Но каналья! Но циник в глубине души. Два ее положительных порока — медлительность ленивая и stânerie¹⁹, последнее, впрочем, всегда побеждается грубым страхом перед палкой такой или иной. И при этом абсолютное наивнейшее «неведение» добра и зла. Поэтому ложь, хитрость чисто животная. Странное, нечеловеческое, красивое и безобразное существо, которое во всё время des repas²⁰ выглядывает из своего молчаливого угла следящими и удивленными глазами на меня до сте<с>нения меня. На днях из постели вечером она мне говорила своим противным кукольным, наивным голоском, противно, как всегда, затверженно на<з>ывая меня «Мамочка, ты завтра меня накажи так: урок задай». Ну что тут скажешь! Обругала ее и ушла прочь со страшным чувством недоумения. Посылаю пись-

* Знак поставлен Зиновьевой-Аннибал явно ошибочно.

мо учительницы просто для курьезу²¹: вот такая у нас большая школьница. Тайнственно <1 нрзб>. Но опять сердце мое отшатнулось. Странно, подло даже, что я сама такая гадкая, ты ведь знаешь, а любить хочу лишь нравственно-прекрасных. И, кажется, в состоянии возненавидеть собственного ребенка, если он окажется нравственно уродливым.

Дотя, твое письмо полно науки и археологии. А la bonheur!²² Это спасет тебя от тоски и как много может дать тебе, как осветить, переменить всего. Дотя, а хорошо ли, что ты не пошел к Вильгелму <!> на экстр<енную> лекцию. Вдруг он обидится? А кашель и насморк меня тревожат. А как же ты не оценил влюбленную пару и свирепую подглядывающую со стороны Веру? Выходит же чушь: ведь я во весь рот смеялась, когда снималась.

Дотинька, я не устаю никогда через силу, а встаю рано исключительно когда ложусь в 10 час. Всё ладно и здорово здесь, и стол необыкновенно здоровый и вкусный.

Твоя девочка, мое солнышко

Лидия.

¹ (По) возвышенности (нем.).

² Отзыв М.М. Зямятниной об услышанном см.: РГБ. Ф. 109. Карт. 19. Ед. хр. 49. Л. 6 об.

³ Большой почтовый день (фр.).

⁴ Имеется в виду п. 395.

⁵ С радостью жизни (фр.).

⁶ Я настаиваю помимо своей воли! (фр.).

⁷ Имеются в виду летние дни 1896 г., проведенные Зиновьевой-Аннибал в Швейцарии, когда Иванов и дети оставались в Париже (см. письма 161—203).

⁸ От *англ.* term, период обучения.

⁹ В послеобеденное время (фр.).

¹⁰ Женевский музей керамики.

¹¹ Отпущена (фр.).

¹² От фамилии одного из героев романа «Пламенники», поэта-«декадента» (см. п. 394 и 395).

¹³ От *фр.* ргіе, прошу.

¹⁴ Белым гелиотропом (название духов или одеколона) (фр.).

¹⁵ У меня было горло артиста (фр.).

¹⁶ Речь идет о п. 396.

¹⁷ Это очень сладкое ощущение и полное мистического предчувствия (фр.).

¹⁸ Волнующее, возбуждающее (англ.). Зиновьева-Аннибал пишет с ошибкой.

¹⁹ Дерзость (фр.).

²⁰ Еды (фр.). Слово стоит во множественном числе.

²¹ См. п. 404, комментарий.

²² В добрый час! (фр.)

404. Зиновьева-Аннибал — Иванову
14/27 января 1902. Женева

Villa Java. Châtelaine. 27 Янв. 1902

Любезный Дудкин,

Очень мне огорчительно было слышать, что вы в «прозаическом» настроении и что о Вашем сборнике ни слуха ни духа! Фамилия Ваша, прямо происходящая от дионисического инструмента, должна бы поднять в Вас поэтическую энергию. Идут слухи из Петерб<урга>, что типография «Нового Времени» разбивает Ваш набор после 19 месяцев ожидания. Будьте разумны, Дудкин, и не ставьте на пробу терпение друзей и типографщиков.

Л. Иванова.

Конверт со штемпелем: Genève. 27.1.02. Афинский штемпель не сохранился. Письмо написано на первой и последней страничках сложенного пополам листка; в середине находится написанное красными чернилами письмо учительницы:

Madame Ivanov
 Châteleine.

Madame

J'ai été très mécontente de Lydia ce matin, elle n'a pas voulu travailler pendant les leçons, aussi ais-je dû la garder entre 11 heures et midi pour la faire écrire.

Recevez, Madame, mes salutations empressées.

<Подпись>

Перевод:

Госпоже Ивановой, Шатлэн.

Мадам,

Я была весьма недовольна Лидией сегодня утром, она не хотела работать во время уроков, также я была должна оставить ее от 11 часов до полудня, чтобы заставить писать.

Примите, Мадам, мое глубокое уважение.

405. Иванов — Зиновьевой-Аннибал
13—15 / 26—28 января 1902. Афины

День 43.

Воскр. 26/13 I.
после ужина

Сиюю сегодня, Радость Лиля, тихо-тихо дома с книжками: вот мой день. — Вчера забыл приписать тебе о твоём письме к Леонарду, что ты молодец, способная девочка и превзошла все мои ожидания. А вот корректор твоих accents¹ и придыханий — шарлатан! — Жаль, не со мной стихотворения D.G. Rossetti². Пришли. — Вчера я второпях ошибся: не за крещенское, а за ново-

годнее *забвение* гневится дружественно расположенная особа, желающая стать табаком (— вероятно, для того, чтобы я бросил курить!)³. Не довольно, что ли, я ей писал всякой благожелательной чепухи новогодней, à plusieurs reprises!⁴ А в день нового года я старался по возможности забыть о нем. Это ей впору носиться со своими «счетными днями».

Как Жид иль Турок чтя обряды,
Она под праздник свой елей
Затеplit — и сама лампы
Своей пред Господом светлей —
От всенощной и до полудней...
Не лучше ль быть, сестра, пред Богом неоскудней⁵
В день будний? — ⁶

Поручаю Ангелу свои часы; в них сломалась пружина.

День 44

27/14 I.

Дорогая Любовь. Солнышко сегодня светит, а море синее. Весна как будто близка, Февраль считается здесь весною, а ты, если даст Бог исполниться нашим планам, приедешь только здешним «летом»! Нельзя и измерить еще, когда приедешь: так это далеко, далеко. Нехорошо так строить жизнь, но построение правильно, неизбежно разлучение, неестественное, [стоящее] оплачиваемое Бог знает какой ценой...

Сегодня Д<ерпфельд> объяснял остаток Ликурговой сцены в театре Диониса⁷ и все в форме самозащиты против Puchstein'a⁸, читая длинные выдержки его нападений и вдаваясь в большие подробности.

Леонарду передано твое славное письмецо (в кот<ором> ты однажды упоминаешь о себе в мужеском роде — βέβαιος⁹, как часто и в устном разговоре). Физиономия его была затем все время расцветшей и широко улыбающейся. Он очевидно доволен и горд, и заявил мне, что приготовит ответ!

В моих книгах должна быть грамматика новогреческого языка: пришли.

45 день

28/15 I, 9 ½ утра.

Бегу, Радость, на Акрополь. Целую Радость. До свидания¹⁰.

¹ Ударений (*фр.*).

² Данте Габриэль Россетти (Dante Gabriel Rossetti; 1828—1882), английский живописец, поэт. Иванов взял два стиха из «Willowwood» Россетти в качестве эпиграфа к стихотворению «Зеркало Эроса» (сб. «Кормчие звезды»).

³ Речь идет о М.М. Замятниной (см. п. 401).

⁴ Несколько раз (*фр.*).

⁵ Первоначально: «Не лучше ль быть нам неоскудней».

⁶ Видимо, экспромт самого Иванова.

⁷ Ликург — царь эдонов, воспротивившийся культу Диониса и загнавший бога в море. По одной версии, был ослеплен, по другой — сделан безумным.

⁸ См. п. 391, прим. 12. Возражения, которые Иванов прослушал, были потом изложены в пространной рецензии: *Dörpfeld W. Die griechische Bühne // Mitteilungen des kaiserlichen deutschen archaologischen Instituts, Athenische Abteilung. 1903. Bd. XXVIII. S. 383—436.*

⁹ Уверен (*греч.*).

¹⁰ Написано химическим карандашом.

406. Иванов — Зиновьевой-Аннибал 15—16/28—29 января 1902. Афины

День 45.

28/15 I.

Дорогая Радость! Как упоительно синело море, как плавали в лазури острова, как божественны были снеговые зубцы дальних гор! Паломничество на Акрополь утром иногда блаженство. И хорош утренний Парфенон и беломраморная пустыня — библейское «поле, усеянное костями»¹ — с оживляющей ее зеленью весны. Лекция Шрадера опять представила его в симпатичном освещении как человека, чувствующего артистическое. В Инст<итуте> я не был, но был на почте, где получил 200 фр<анков> и встретился с твоим приятелем, осведомившимся о твоём здоровье и сообщившим, что он будет счастлив через 4 дня, — я его, конечно, поздравил.

Дома Фотини, — совсем недобрая и притесняющая микроскопического пэди² (нового), кот<орый> помогает ей жить, — распиналась на тему, что других жильцов у нее в семье, кроме нас, не было и не будет, но чтобы мы, когда бы ни приехали в Афины, прямо с жел<езной> дороги направлялись к ним, как в собственный дом.

Поздно принес теперь Ангел оба письма твои вместе и картолину³ — экстренной почты, значит, не было, — и я охвачен приливом разнообразных впечатлений, в которых не знаю еще как разобраться: поздно, 11-ый час, а ответить хотелось бы на все.

Страдала ты, бедняжка, и страхом за Костю, и у зубного врача, и, вероятно, последнее зло еще не избыто!

Очаровательно пишет Пэтон⁴, и сам уже так очарователен, что не жаль мне даже, когда представляю себе его и его $\xi\rho\omega\varsigma$ ⁵ филолога, что разрознила ты нашу драгоценную коллекцию, которую я так дорожу, — конечно, уж не меньше, чем он полученным подарком. К экспедиции Эванса⁶, конечно, не примкну, но работы его штудировал и, Бог даст, увижу Крит с Дерпфельдом⁷. Значение раскопок громадно, многому они учат, и еще больше учат [т. ск.] перспективе в наших представлениях о греч<еской> древности; но истолковать их и осмыслить мы еще не можем, и б<ыть> м<ожет> никогда не будем мочь вполне, а потому это и не *renaissance*⁸. Очевидно, в Англии немного опьянены своими открытиями. Итальянцы конкурируют⁹. Из одного краткого и смутного сообщения узнаю, что открыт несомненный *театр*... Если это подтвердится, что должны мы думать о происхождении сцены?! Но как мил Пэтон, клянусь богом двойного топора!¹⁰

Его ученик, читающий Софоклова «Аякса», не умеет, однако, написать по-греч<ески> ни «Софокл», ни «Аякс»¹¹. Очень экстенсивно у них учатся по-гречески! Да это уж куда ни шло (хотя все же это чепуха: немного грамматики, потом Ксенофонт, потом вдруг Софокл!), если бы Сережа уже очень привык к курсорному чтению. Он говорит, что следил по греч<ескому> Евангелию, что читали в церкви, с легкостью, но — я скептик, — то, что он должен был понимать, он понимал мало... Нет, школа у них поверхностная, да это не беда, можно потом, что следует, углубить. Хуже, что он мало развит и в *general knowledge*¹² отстал.

Читал я и сегодня, и в последние дни Платонова «Горгия»: в нем Калликл очень обстоятельно излагает — философию Ницше¹³.

До свидания на сегодня, Радость. Недаром, значит, я на днях поцеловал своего *поющего петушка*.

В.

Стишки для часов О<ле> не безупречно-корректны, но чрезвычайно милы. — Милую Верушку целую. Поклонись Дм<итрию> Вас<ильвичу>, уверь его, что я не жду вовсе ответного письма и прошу его не беспокоиться.

* Я начал чтение с картолины и был очень испуган и бессвязностью твоих слов о какой-то «пом<ойной> яме» (ср<а>в<ни> «кит<айский> имп<ератор>») — «хорошая пом<ойная> яма!» — и «физике, кот<орую> она укрепляет» .. и все это после «женщины, замученной султаном» и после дентиста. (Прим. Иванова.)

Скажи, не испортил ли дантист твои передние зубы? Я боюсь.

День 46

29/16 I утр.

Радость, бегу, лечу. Сначала на почту
Целую как люблю

O.S.

¹ Отсылка к Иез. 37: 1.

² От *новогреч.* «παιδί(ον)» — ребенок.

³ Речь идет о п. 398, 399 и 402.

⁴ Имеется в виду письмо от 19 января 1902, пересланное Зиновьевой-Аннибал (см. п. 398). Отметим, что к словам этого письма: «...my poor invalid sister» <Моя бедная сестра-инвалид — *англ.*> Зиновьева-Аннибал карандашом вписала примечание: «Помнишь об этой сестре: дуручка, разума и привычек грудного ребенка, с которой П<этон> оставался встречать Нов<ый> Год или Рождество, вернее» (РГБ. Ф. 109. Карт. 32. Ед. хр. 76. Л. 6).

⁵ Эрос (*греч.*).

⁶ Артур Джон Эванс (Arthur John Evans; 1851—1941), английский археолог, первооткрыватель критской цивилизации.

⁷ На Крите Иванов так и не побывал.

⁸ Возрождение (*фр.*).

⁹ В специальной статье, посвященной раскопкам в Греции в 1900—1901 гг., непосредственно после рассказа об открытиях Эванса говорится о других раскопках на Крите, которые велись в то же самое время профессором Хальберром и г. Пернье из Итальянской Археологической миссии (см.: *Bosanquet R.C. Archaeology in Greece, 1900—1901 // Journal of Hellenic Studies. 1901. Vol. 21. P. 334—338*).

¹⁰ То есть Дионисом. Об этом подробно см.: *Иванов В.И.* Дионис и прадионисийство. Баку, 1923. Глава 7.

¹¹ См. в письме С.К. Шварсалона к родителям от 6/19 января 1902: «Третий урок греческий, который я, может быть, люблю больше всего, потому что он с Mr. Paton (5th Greek); кажется, предпоследний класс. Мы делаем уже очень трудную вещь — трагедию Софокла Аякс [Σοφοκλῆς Αἴαξ]. Страшно люблю Mr. Paton'а как учителя; он всегда может сделать урок веселым и смешным, но между тем очень строгий, и чувствуем, что многому можно с ним научиться» (РГБ. Ф. 109. Карт. 38. Ед. хр. 54. Л. 3 и об).

¹² (В) общих знаниях (*англ.*). В названном выше письме Пэттона говорится: «As to Sergius, I am pleased to say that as he gets higher in the school, I shall see more of his work. He is at work again upon German and higher up in Greek and Latin and Mathematics. There will be, no doubt, some gratifying intelligence to send you soon and I hope, on the strength of that success, to give him longer Easter holiday» (Л. 6 об). Перевод: «Что касается Сергея, я рад сказать, что по мере того, как он переходит в следующие классы, я буду видеть больше его работ. Он снова занимается немецким языком и улучшает уровень своего греческого, латыни и математики. Без сомнения, через некоторое время появятся свидетельства его развития, о которых можно будет вас известить, и, в силу этого, я надеюсь, предоставить ему более долгие Пасхальные каникулы».

¹³ Видимо, речь идет о четвертой части диалога Платона (Горгий, 483a—500a).

407. Зиновьева-Аннибал — Иванову
 14—18 / 27—31 января 1902. Женева

День 44-й. 8 веч<ера>. Hall. Дотя, с минуты на минуту ожидаю гостей. Острога, впрочем, чем-то нездоров и не мог быть на уроке. Но Mme Zibelin с Mlle Moeller (обе певицы) должны быть с нотами, и мы все трое будем производить музыкальный показ. Я, конечно, предупредила, что в течение 5 лет не экзерсировала¹ голос. Впрочем, не боюсь за него, т.к. он очень чист и уже грудные ноты сильно смягчены. Дети ложатся. Комнаты в идеальном порядке и такой светлой гармонии как-то. Я одета в черном платье, желтом галстучке, твоих опалах и твои часики на груди с Сашиним золотым яичком и опалами, и все на брошке из черных бриллиантов, находке в Arvey². Сегодня Маруся привезла, несмотря на бурю снежную, три прелестных полочки: 1) для Христа Торвальдсена³ 2) неаполитанца, 3) в наш рай наверху, и на нее я поставила по Олиной, правда геньяльной, идее — золотую табакерку. Дотя, когда я только успею, то сейчас всё устрою, и начну с Поэзии и Адама... Дети зовут молиться... Пришли гости.

45 д<ень> м<ужества>. 8 ½ утра. Окно на снега у письм<енного> стола. «Дол, кадильница туманов...»⁴ Солнце встало и мы его имеем, но над Женевой курятся серебряные пары, живые, прекрасные, лучезарные, а вокруг снега.

10 ч<асов> утра. Сена. Дотя, сегодня встала в 7 ¾, и так как ванна была еще по праву занята Miss Bl<ackwell>, то я сбежала в капоте вниз в Hall и пропела свои экзерсисы. Проводила детей в школу поцелуями и потом наверх. Лиля стояла в юбке, а Маруся пришивала ей к лифчику пуговицу, отсутствие которой Miss Bl<ackwell> по своей вечной небрежности не заметила. Через минуту она вышла из ванны (с опозданием 3-х минут), и очень сконфузилась, и начала упрекать Лидию за медлительность. Затем мы с Марусей пошли в ванну. Я взяла холодную (21°), а после меня Маруся. Теперь, позавтракав и попев «Саттен», которую хочу разучить по-франц<узски>, пришла наверх. Дотя, в нашей комнате подлинный <?> рай. Простенок между дверями placard⁵, где стоит небольшой стол с венец<ианским> зеркалом, двумя видами горными, раскрашенными, как твой (мы их купили по случаю, они больше *не в моде* (идиоты!), потому что хромофотографии выбили ручную маслом <?> раскраску фотографии. Они были завалившись в магазине). Благодаря зеркалу рококо, голу-

бым картинкам, портретам детей, вазочкой рококо <так!>, рамки рококо вокруг грациозной Богородицы David'a⁶ и нашему амфитеатру⁷, и веера <так!> японской соломы из-за угла картины, большому розовому календарю (как твой, только миндальн- <ого> цвета, и птицы — Мар<усин> мне подарок), двум terre cotte⁸ «Утро» и «Вечер», полочке с табакеркой, греческ<им> лампадам на столе — словом, благодаря всей той легкости грации и веселия наша комната потеряла свой педантический austérité⁹. Всё остальное в доме сделаем, Дотя, всю красоту. Но пока я так жадно работаю. Вот и сейчас мчусь от тебя к Великочелюстному. Что-то странное с ним выходит, ты удивишься. Целую. Твоя Лидия.

2 часа. Сена. Дотя, вчера был очень радостный вечер благодаря возможности петь и слушать очень артистическое исполнение Shuman'a <sic!>, Shub<ert> <sic!>: «Erlkönig» и еще каков-то <так!> Швейц<арского> композитора. Mme Zibelin имеет несколько тронутый, но сильный, довольно приятный, выработанный mezzo-soprano, elle dit bien et¹⁰ имеет жар, отсутствие которого так мертвит французскую школу. Ее подруга Mlle Moeller идеальная аккомпаньаторша и видно, что отличная музыкантша.

46-й д<ень> м<ужества>. 10 ½ веч<ера>. Спать вверх тормашками. День вверх тормашками! Нет, не могу. О, какая рубашка. Сегодня великий день: у меня ночные рубашки словно из белого шелка до полу, широкие, плавные. Я пляшу в ней по площадке, и все в восторге.

47 д<ень> м<ужества>. 10 ½ утра. Дотинька, здравствуй <так!>. Как тепло было спать в новой длинной рубашке и как тепло, накинув на нее халат, сбежать в ванну. Может, оттого решилась, впервые выкупавшись в 20°-сной воде, облиться кувшином Ронской¹¹ температуры. Хорошо было после. Дотя, сегодня принесло большое разочарование: очевидно, <в> Воскресенье не было почты, и твое обещанное после картолины длинное письмо не пришло¹². Это очень грустно было, Дотя, потому что я надеялась по твоему ответу судить лучше о твоём душевном состоянии. К тому еще вчерашняя картолина, как кошмар, висит над душой: 1) ты в тоске 2) ты болен и, в общем, я в отчаянии и страхе с сегодняшнего утра, когда надежда на письмо пропала.

11 ч<асов> веч<ера>.

В 10 ¼ ушел Острога и унес две песни Морéas, на которые я ему заказала романсы, причем он старательно снял мерку с мое-

го голоса, чтобы знать, куда сходить вниз и до каких пор взрываться вверх. Одна песнь:

Les feuilles pourront tomber,
La rivière pourra geler!
Je veux rire, je veux rire.

La dance pourra cesser,
La violon pourra casser!
Je veux rire, je veux rire.

Que le mal se fasse pire!
Je veux rire, je veux rire¹³.

И вторая: Девушка и fenouilles.

Les fenouilles m'ont dit: Il t'aime si
Follement qu'il est à ta merci;
Pour son revenir va t'apprêter.
Les fenouilles ne savent que flatter!
Dieu ait pitié de mon âme.
Les pâquerettes m'ont dit: Pourquoi
Avoir remis ta foi dans sa foi?
Son coeur est tanné comme un soudard.
— Pâquerettes, vous parlez trop tard!
Dieu ait pitié de mon âme.
Les sauges m'ont dit: Ne l'attends pas,
Il s'est endormi dans d'autres bras.
Oh sauges, tristes sauges, je veux
Vous tresser toutes dans mes cheveux...
Dieu ait pitié de mon âme¹⁴.

Списала тебе оба pour le plaisir d'écrire ces beaux vers¹⁵. Первая вещь est d'un tragique parfait! C'est le désespoir. Des — espoir!¹⁶ Земля отказалась, ритм жизни отказался... звук жизни умолк... que la mal se fasse pire — je veux rire, je veux rire!¹⁷. Не за что ухватиться, всё изменило, пришло отчаяние, пусть всё гибнет, остается смех... Это ужас, холод пронизывает. Случайно Маруся нашла впервые под водами <?> Египта своего Гермеса, и ручка Диониса, как ручка нашего Спасителя, протянута вверх. Я сказала Остроге: «Voilà

Dyonisos! Faites lui votre prière si vous voulez bien faire votre romance!»¹⁸ Он не поня<л> сначала. Я сказала: «C'est le dieu de la tragédie et de la musique, de l'inspiration!» — Alors il dit: «Oh dieu, aide-moi!» — Et je dis: «Mais, c'est sérieux, vous savez!»¹⁹ Он обещал романсы (быть может) к Понедельнику на наш soirée musical. Но что я скажу, Дотя: Не верю в его силу, боюсь, qu'il n'a point de génie!²⁰ Он притом странно, непонятно необразован. Не знал о существовании Морéас и на молитву Дионису делал широкие глаза и спрашивал: «Mais pourquoi?»²¹ Ну, посмотрим. Быть может, музыканты всегда имеют des mots plats²². Это мы, литераторы, разводим бобы. Дай-то Бог. Какое было бы счастье. Я еще сказала: «Si vous faites bien ces deux romances, j'ai un thème pour en faire un opéra! Mais c'est un secret <1 нрзб>. Et ce n'est pas à present que vous le savez!»²³ Конечно, я ему ничего не скажу, Дотя, ты же можешь быть уверен. О, как было бы хорошо иметь нам под рукой музыканта avec du génie. Но это не то, не то. После обеда я пела с ним «Stradella» — Rossini?²⁴, затем спросила, любит ли он Чайковского. — Нет. — «Ну, слушайте это!» Спела «Средь шумн<ого> бала»²⁵ — раз, попросил еще. Спела два. Сам играл третий, и в восторге, конечно. Не знал раньше. Затем пела «Ночь» Рубенштейна <так!»²⁶. Просил второй раз. Не знал для голоса. Хорошо. Пела «Del mio dolce ardor» Gluck!²⁷ И на этом благородном успокоении кончила. О голосе сказал только, смеясь: «Ну сила! — On peut frapper fort, pas de danger avec cette voix»²⁸. Но думаю, что понравился, потому что хочет для меня писать романсы. Tout gentil garçon²⁹. Прост, добродушен. Но.. но.. но..? enfin³⁰ увидим.

Дотя, иду спать, но перед сном скажу тебе: не могла тебе писать хорошо ни вчера, ни сегодня. В руке перо не движется! И отчего? теперь узнала. Я чувствую злое приближение тоски по тебе. La sensation de voyage commence à devenir pénible: l'impatience de l'arrivée se fait sentir. C'est mal. Je veux te voir. Je veux t'aimer. Je veux te consoler, te donner la force, la joie, le bonheur, la poésie, le rêve, óдерж, rapture <так!»³¹, транс! Дотя, что мне делать? Вот тебе смешное pour finir³²: вышла на днях маленькая схватка у меня с канальей ех-поденщицей, сегодня у отца (очень мало человека) был разговор с Луизой (собакой) о той поденщице (собаке). Впечатление, что брошена грязная тряпка и две собаки ее треплят <так!» с воем и лаем. Это впечатление грязных инсинуаций и злостной лжи; Луиза ненавидит эту нашу <?> ех-поденщицу, но

на взаимной ненависти к нашей бедной Оле (у Луизы ревность самая грязная) две собаки сошлись. Словом, были и грустны мои нефилософские омерзения по дороге домой под ударами свирепой бίζы³³, и философские утешения, которые я себе мысленно читала. Пришла домой. Урок музыки. Села в hall рядом с Марусей и внезапно поймала себя в любовной, размякшей contemplation³⁴ спины и профиля Остроги и в странной мысли при этом. Говорю Марусе: «Знаешь ли, что я вот 10 мин<ут> как влюбленным глазом гляжу на Острогу и думаю: как хорошо, что он не собака и можно отдохнуть!»

48-й д<ень> м<ужества>. 7 ½ утра. Постелька. Дотя, как и в тот музыкальный Понедельник — не спала всю ночь. Ужасно меня пение волнует. А утром проснулась рано и принялась думать об Англичанине³⁵. Не знаю сама, что из него выходит. Кошмар. Но хорошо ли. Монах, совсем сумасшедший. Сумасшествие обратное дионисическому. Не знаю, хорошо ли. Те два дня глупые были. Сама не понимаю, как прошли: растрепана. Это оттого, что третьего дня (рубашки!) я с утра до 9 ½ пробежала по 3-м банкам, нигде не могла купить 500 р. для посылки. Наконец, в «Crédit L<yonnaise>»³⁶ купила. Значит, ça у est³⁷. Потом была у дантиста. Адски мучал. В последний раз. Но действительно было серьезно! Теперь во вторник только зачистить. 10 ч. утра. Сена У Веры по окончании экзаменов 3 дня вакаций, и она сидит теперь за письменным столом у меня и читает по-англ<ийски>. Биза рвёт и мечет. Я только что, немножко попев, сбегала в погреб и принесла в подоле хороший запас дерева и брикет и растопила свою печку. Дрова трещат сухо и уютно. Маруся в городе на уроке английского языка, который она берет почему-то у какой-то учительницы потихоньку от всех здесь. Оля с раннего утра поехала за билетами для детей на какую-то феерию: «Petit roucet»³⁸, имевшую необычайный успех в Женеве. <В> Воскресенье в 2 часа последнее представление. Костя и Лиля в школах. Насчет старика, то его привести сюда *невозможно*, потому что Луиза не желает. Да в конце концов оно и лучше для нас. К нему-то хожу — прогулка — и сижу час, полтора. Когда же до смерти хочется писать — не иду. Он же приходил в 4 ½, помнишь, и сидел до 9 ½, и день был наполовину выеден. Дотя, не могу дождаться твоего письма. Мне тоскливо. Дотинька, будь здоровый мальчик, а я теперь кончаю: сегодня мысли плодотворно прыгают по всем этим трудным главам и надо

пользоваться. Целую Дотю. Вера тебя нежно целует. Костина хорошая полоса продолжается, и он сияет буквально. Лиля стала получше и опять ластится ко мне. Не поймешь ее.

Дотя, целую, обожаю. Завтра, даст Бог, получу письма.

Лидия

¹ Упражняла (от слова «экзерсис»). Отметим, что упоминаемая здесь Mlle Moeller в 1901 г. была учительницей К.К. Шварсалона по сольфеджио.

² Вероятно, речь идет о небольшом французском городке Vergens-Arvey в Савойе.

³ Копия скульптуры известного датского скульптора Б. Торвальдсена.

⁴ Неточная цитата из стихотворения Иванова «На крыльях зари». В оригинале: «Дол, курильница тумана, благодарный стелет дым» (I, 600).

⁵ *Здесь*: простенок (*фр.*).

⁶ Возможно, имеется в виду картина Ж.-Л. Давида «Св. Рок и Богоматерь» (1780, Марсельский музей).

⁷ Имеется в виду подаренная в 1895 г. Ивановым гравюра с изображением римского Колизея.

⁸ Терракотам (*фр.*).

⁹ Строгость, суровость (*фр.*).

¹⁰ Меццо-сопрано, она обладает хорошим выговором и... (*фр.*).

¹¹ Из реки Роны, на берегу которой стоит Женева.

¹² Имеются в виду п. 400 и 401.

¹³ Листья могут падать,

Река может покрываться льдом —

Я хочу смеяться, я хочу смеяться!

Танец может окончиться,

Скрипка может разбиться.

Я хочу смеяться, я хочу смеяться!

Пусть дурное становится еще худшим —

Я хочу смеяться, я хочу смеяться! (*фр.*)

Стихотворение Ж. Мореса из книги «Le pèlerin passionné» (цикл «Le Bocage»). Мы сверили его с текстом, опубликованным в кн.: *Moréas Jean. Poésies* (1886—1896). Paris: Bibliothèque artistique et littéraire, Société de la plume, 1898. P. 121—122.

¹⁴ Девушка и фенхель

Фенхель сказал мне: «Он так тебя любит,

Безумно, что сдался тебе на милость;

Иди нарядись к его возвращению».

Фенхель умеет только льстить.

Да помилует Господь мою душу!

Маргаритки сказали мне: «Почему

Снова тебе верить в его веру?

Его сердце загубело, как солдафон.

Маргаритки, вы говорите слишком поздно.

Да помилует Господь мою душу!

Цветы шалфея мне сказали: «Не жди его,

Он заснул в других объятиях».

О цветы шалфея, печальные цветы шалфея,

Я хочу вплести вас в свои волосы.

Да помилует Господь мою душу! (*фр.*)

Стихотворение Ж. Мореаса из того же сборника (цикл «Autant en emporte le vent»). Ibidem. P. 35—36.

¹⁵ Ради удовольствия переписать эти прекрасные стихи (фр.).

¹⁶ Исполнена совершенной трагичности. Это отчаяние. От — чайние! (фр.)

¹⁷ Пусть дурное становится еще худшим — Я хочу смеяться, я хочу смеяться! (фр.)

¹⁸ Вот Дионис! Помолитесь ему, если хотите хорошо исполнить ваш романс!

(фр.) Имя бога Зиновьева-Аннибал пишет неправильно, через i, а не через y.

¹⁹ «Это бог трагедии и музыки, вдохновения!» — Тогда он сказал: «О, бог! Помоги мне!» — А я сказала: «Но это серьезно, знаете».

²⁰ У него вовсе нет гения (фр.).

²¹ Но почему? (фр.)

²² Пошлые слова (фр.).

²³ Если вы хорошо исполните два этих романса, у меня есть тема для оперы. Но это <1 нрзб> секрет. И вы его не сейчас узнаете! (фр.)

²⁴ См. п. 392, прим. 49.

²⁵ Романс П.И. Чайковского на стихи А.К. Толстого.

²⁶ Романс А.Г. Рубинштейна на стихи Пушкина.

²⁷ «О <желаемый предмет> моей сладкой любви» — начальная ария в опере К.В. Глюка «Парис и Елена» («Paride ed Elena», 1770). Эту арию переложил для голоса и камерного оркестра П.И. Чайковский.

²⁸ Можно сильно бить по клавишам, с таким голосом нечего бояться (фр.).

²⁹ Милый мальчик (фр.).

³⁰ Наконец (фр.).

³¹ Ощущение путешествия начинается с того, что становится болезненным: нетерпение прибытия заставляет чувствовать. Это плохо. Я хочу тебя видеть. Я хочу тебя утешить, дать тебе силу, счастье, радость, поэзию, мечту, выход из себя <?> (фр.)

³² Для завершения (фр.).

³³ От фр. *bise*, северный ветер.

³⁴ Созерцание (фр.).

³⁵ Герой романа «Пламенники».

³⁶ «Лионский кредит», крупнейший французский банк, существующий по сей день.

³⁷ Так оно и есть (фр.).

³⁸ «Мальчик-с-пальчик» (фр.).

408. Зиновьева-Аннибал — Иванову 17—18 / 30—31 января 1902. Женева

10 ч<асов> веч<ера>. Сена. 47-й д<ень> м<ужества>. Дотинька,

День после отсылки письма был с моей стороны занят Великочелюстным. Это чистый кошмар. Нет, Дотя, не могу об этом Unmensch'e¹ писать, когда моя комната занята двумя молодыми девочками. У обеих веера новые, одна примеряет в черные волосы прелестную шпильку с бриллиантовым полумесяцем, дрожащим и лучащимся на пружинке трясучей, другая устраивает золотой по-

ясок с бриллиантовой пряжкой, а Маруся выбасивает советы, а Оля восклицает: «Кристина, Кристина, завтра-то в этот час где мы будем. О ужас!» — и они ужасаются и полны счастьем. Завтра едут на музыкальный вечер клуба велосипедистов, даваемый в зале Hôtel Belle Vue и кончающийся танцами и котилльоном <так!> в 5 утра. Туалеты очень милые, кавалер очень приличный господин (с невестой), готовый им представить других женихов... Гоню их спать. Сама иду вверх тамаштами, тамасатами вверх...² Дотя, нет утром письма. Дотя, спокойной ночи. Тататá.

48-й д<ень> м<ужества>. Суббота. Потелька <так!>. 7 ½ утра³. Дотинька, пытаюсь это письмо отослать с почтою Lloyd, получишь ли ты его в Среду 23-его Янв<аря>? Напиши. Я не знаю, не надо ли писать специально «via⁴ такая-то» — на адресе. А то ведь письма направляются, вероятно, без разбора для отправки все на Бриндизи. Как же они попадут на Marseille, и ты не написал мне точно, куда адресовать письма через Lloyd. Вероятно, тоже Бриндизи. Ведь Lloyd заходит туда. А о Марсели я здесь узнаю. Но понимаю, как Messageries могут приходиться в Понедельники? Разве они не в воскресенье выходят из Marseille? Я что-то стала плохо спать эти ночи. Всё после того откр<ытого> письма⁵. Хочу поприимать брому. Быть может, подействует.

¹ Недочеловеке (нем.).

² Искаженное «детским» языком «кверх тормашками».

³ Затрудняемся объяснить, каким образом в переписке есть два фрагмента (см. п. 403), датированные совершенно одинаково.

⁴ Через (фр.).

⁵ Имеется в виду п. 400.

409. Зиновьева-Аннибал — Иванову 19 января / 1 февраля (?) 1902. Женева

...против «longing»¹, которое стало мучительно испытывать к тебе за последнее время. Так и бросилась бы к тебе. Ведь на 5-й день могла бы быть с тобою. Вот в Воскресение выехать, а в Четверг уже с тобою. Мне теперь хорошо и тепло тебе писать благодаря моим новым рубашкам теплым, чудным. А в комнате 4°. Биза бешеная длится 3-й день. Бедная Вера. Вчера задумала себе здоровое и счастливое развлечение: на свои послеэкзаменационные каникулы вдвоем с Miss Blackwell поехать с утра в Jex², где у

подножия Юры³ устроены катанья на салазках с гор. Но ветер так рвет и мечет, что придется отложить поездку... Вот только что кликнула ее снизу, но пришлось на нее прикрикнуть и прогнать, не поговорив толком: явилась в рубашке, туфли на босую ногу и капот расстегнут! Я сегодня буду работать над «Шумом» то тут, то там, у меня именно к подобной работе «вдохновение». Вчера по Вериному приглашению (написанному на миниатюрной бумажке и конверте и посланному по почте) пришла средняя дочь Mrs. Strachan — Christie. Ей 15 лет, но она небольшого роста. Она не глупая, приятная, avec «des talents»⁴. Она написала «Tragedie»⁵, которую они и наши предполагают играть на Пасхе. По поводу этой «Трагедии», оказывается, Сережа написал целую диссертацию Christie на днях «о Трагедии вообще», и что отличительная черта трагедии: гибель «добрых» и торжество «Зла». По этой причине он убеждает автора назвать свое произведение «Драма» и просит также выписать ему его роль, чтобы он мог ее выучить заблаговременно⁶. Итак, Сергей записался так усердно Christie, что не успел, должно быть, прислать мне «нашу» обычную весточку со Среды. Ну вот, Дотя, вчера эта Christie пришла и играла с Верой в карты <?>, шахматы. Я ее пригласила пообедать с нами, и она уехала в 7 $\frac{3}{4}$, когда дети пошли спать. Вера была очень счастлива. Девочка, правда, простая и симпатичная... Вера только что была уже совсем одетая, и постель свою сделала, и теперь идет к брэкфасту, чтобы после <?> поучить историю, заданную на вакансии, и в сердце ее горит мечта «помужествовать»⁷ с бизой и в особенности на горах. Уже салазки не интересуют так, как прогулка в горы из Јех. Не знаем мы, как решить. Бегу в ванну. Скоро получу Дотино письмо от Вторника⁸.

9 час. Дотя, взяла ванну, облилась двумя кувшинами 4-хград<усной> воды и вся жаркая сию и пишу тебе, на постели приткнувшись. Дотя, значит, и во Вторник не было почты. Письма желанного нет. Вот уже неделя с тех пор, как имелось твое длинное письмо, и после него только грустная картолина⁹. Ну, что ж делать, надо доверять жизни и терпеть.

Ну вот изменения кинематографические. Биза рвет и мечет, но Вера в двух парах теплых панталон, в двух теплых юбках, джерси и кофте с Miss Bl<ackwell> помчались с пакетиком провизии под мышкой в Petit Sacconex¹⁰, чтобы оттуда взять конку в Јех. Если не будет салазок, Вера хочет гулять по горам и вся горит этой мечтой. Простудиться при теплой одежде она вряд ли может, а здоровья *душе* и телу ветер, и горы, и радость стихийная дадут.

Сегодня все завтракают <так!> (брэ́кфаст) в кухне: столовая омывается новою поденщицей. Голод у меня дюжий. Шеколад, уничтожаемый обильно с первого момента пробуждения, не помогает. Я затопила печку и теперь мчусь вниз поесть бэкона с яйцами. *Дотя, чем ты питаешься весь день.* Отвечай. Я уже давно спрашивала. Жду подробного ответа. 10 ½ утра. Дотя, только что брэкфаст такой уютный в теплой, большой чистой кухне. Потом пела: горло ужасно нежное опять. Опять *не говорю*, берегусь как певича. — Это весело. Страшно ведь: к понедельнику надо иметь репертуар разученных артистически вещей! Эти собрания тем и страшны, что нет публики! Каждая нота, каждая интонация на счету. Дотя, снег мчится. Пурга. Почта отходит.

Целую, ангел. Душа и жизнь.

Твоя Лидия.

Первый лист (видимо, двойной) письма не сохранился. Датируется на основании упоминания сильной бизы в Женеве и каникул В.К. Шварсалон. Тем же днем датирована приписка Л.Д. на письме М.М. Замятниной к Иванову: «Вероятно, эта особа хотела еще приписывать, но так как против моей воли она в пургу, вспомнив Оренбургские оргии, побежала с Лидией в школу, то я и посылаю ее письмо без ее ведома в наказание. Обыкновенно я не читаю ее писем.

Твоя Лидия.

Целую, обожаю. Здоров ли ты, Жизнь?» (РГБ. Ф. 109. Карт. 19. Ед. хр. 14. Л. 12).

¹ Тоски (*англ.*).

² Небольшой городок около Женевы у подножия Юры. Зиновьева-Аннибал явно пишет со слуха, так как при одинаковом произношении орфография другая — Гех.

³ Горная цепь возле Женевы, параллельная Salève.

⁴ С «талантами» (*фр.*).

⁵ «Трагедию» (*фр.*).

⁶ См. п. 430, прим. 7.

⁷ Из стихотворения Н.М. Языкова «Пловец» (1829): «Будет буря: мы поспорим / И помужествуем с ней».

⁸ Имеется в виду п. 405.

⁹ Речь идет о п. 396 и 400.

¹⁰ Petit Sacconex — район Женевы. Существует также Grand Sacconex.

410. Иванов — Зиновьевой-Аннибал 16—19 / 29 января — 1 февраля 1902. Афины

46 день.

29/16 I. 9 ч. веч.

Дорогая Радость! Утром Институт, размен денег, визит к Гонимосу-брадобрею, получение двух пакетиков: шоколадного¹ и горнохрустального, газет (с правилами о студентах² и пр.) и по-

вестки о прибытии корзины Д<отик>а, за которую завистливые graeculi <?>³ требуют 9,50 пошлины: если бы знал, что она содержит только черствый крендель, не стал бы завтра доставать ее. Гонимосы, кажется, были charmés⁴ твоими подарочками, — о том, что это λέτραι⁵, я объяснил и был хорошо понят, — очень благодарили. Фотини только что заявила, что завтра опять напишет тебе, но я посоветовал подождать твоего письма, долженствующего прийти с ближайшею почтой. В 5 часов был на заседании в Ecole Française⁶; но к сожалению, реферат Homolle'я⁷ был последний и потому опять урезан благодаря двум предыдущим, из которых первый был очень боек, а второй скучен. Вилла элегантна; и кажется, что виден кусочек Франции. Homolle заявил, что можно записываться на курсы Lechat⁸ об архаическом искусстве; я не думаю этим воспользоваться. Только что Фотини была так добра, что решила отдать Константинополь России. На свой народ она смотрит уныло; между прочим, замечает, что Греки прилежны, но только на науку — ἐπιότημη⁹, — на умственные занятия, а не на земледелие, например. А Ангел оказался любителем горных ascensions¹⁰, рассказывал, как недавно поднимался с товарищами на Гимет, смотреть восход солнца, и был в восторге от воспоминания открывшегося им вида. Мы с ним строили планы восхождения. Спасибо моей девочке за шоколад, сопровождаемый, по письму, такую любовью; спасибо большое.

Felice notte¹¹.

День 47

30/17.I.

Утром лекция Вильгельма, на которой я, между прочим, пообещал свои Einfälle¹² по вопросу о восстановлении древнейшей афинской псефизмы. Один был эффектен! За завтраком передал булавку признательному Леонарду и получил, как и все посетители, порцию гликизмы¹³ в виде угощения, по случаю именин Антония Лада¹⁴. В Институт не заходил, а почта была закрыта после завтрака. Дома — за чтением Орфиков, Гомера, Исократы, Виламовица. — Ты украшена белыми и алым цветком и моей ленточкой.

Медленно движется время
 (ох, как медленно!) —
 Веруй, надейся и жди
 (жду непрерывно!)¹⁵.

День 48 —

31/18 I

день корзины Дотика!!!...

Сегодня утром, Радость, мы с пэди¹⁶ сходили за ней на почту и получили ее в столь разверстом виде, что надежды у меня почти не было найти в ней что-нибудь. Когда же пришли домой, корзина оказалась истинным рогом изобилия и преподносила мне, к моему удивлению ее неистощимости, сюрприз за сюрпризом, один другого очаровательнее, так что я почувствовал себя совсем счастливым и не знал, что начать в радостном волнении. *Lodato sia il Signor*¹⁷, за то, что он создал женщину; ибо мужчина ничего не может придумать такого милого и сладкого, от чего идет на человека тепло и радость. Спасибо большое! Перечисляю найденное, — может быть, что и утащили:

I Гостинцы:

1) крендель, который ты охулила и от которого я не ждал проку вследствие долгого его путешествия: он оказался восхитительным, по моему и Фотини суждению, и вовсе не черствым, а только сплотневшим, что не уменьшает его достоинств. Слава и благодарность Оле

2) очаровательный Вяземский пряник

3) прекрасная рябина, которую страшно люблю

4) уйма шоколаду.

Гостинцами я поделился с Фотини щедро, дав ей половину кренделя и пряника, а также 3 плиты шоколаду.

II. Подарки и сюрпризы:

1) Абажур.

2) Три изящнейших мольберта, с эдельвейс <так!> и газелью; они несут в настоящую минуту — на полочке бюро: лодку и Юнгфрау, на столе (большой) — полученную сегодня же от вас маленькую фотографию семьи.

3) Мою радость — часовую подставочку, старинную нашу, за которую я должен браниться, что подвергла ее такому огромному риску. Счастье, что она не пропала в дороге, не выпала из раскрытой корзины! Правда, она меня ужасно радует и все как-то живит, и часы на ней теперь тикают как-то доверчивее и утешнее.

4) Заглядение — ножик деревянный.

5) Чудесную стальную спичечницу, которая будет всегда со мной.

6) Календарь, о котором часто думал.

7) Две фотографии и прелестно нарисованную акварелью (Miss Bl<ackwell>?) программу Entertainment¹⁸.

Боги, как я задарен! Вот уж задарен! Все у меня есть, и все милое.

Все чудесным образом дошедшее, дошло в отличном виде, кроме разве слегка попорченного крайнего кончика одного лепестка эдельвейс на чудесном *узорном* мольберте, да нескольких дырок на абажуре; последний слишком велик, его придется подрезать.

Фотини очень восхищена как кренделем и вяземским пряником (περ(φ)ημος¹⁹, говорит — значит fameux²⁰), так и моими вещами; нож разрезной ей нравится очень.

Мне и пошрины не жалко, — но, боюсь, что на это немало денег ушло! — что не следует и неблагородно даже делать.

Сегодня же получил на почте заказное письмо из Харькова: рождественский привет, написанный до получения моего²¹.

Очень боюсь все-таки, что потерялось что-нибудь из открытой корзины.

— А вот, pour combler mon bonheur²², и письмо!..²³

Не знаю, Радость, однако, отчего, но часто твое письмецо сладкое навевает на меня немножко грусти. Вот ты опять о «пути» заговорила, «*présentiment mystique*»²⁴ и т.д., и мне это никак не хочет понравиться. Как ты ни бодра, и ни весела, и ни делаешь счастливыми тебя окружающих, и в твоей радости есть что-то надорванное и надрывчатое, и я это чутко слышу, и оттого страдаю. Или это и есть именно *дионисическое*? Après tout, c'est le mot de l'énigme²⁵, и все остальное — рефлексы этого нерва. Диониса должно чтить триэтериями²⁶, но *постоянно* вмещать его человеку не дано, сосуд не выдержит.

Потому, наблюдай душевную гигиену: призывай Аполлона и строй в душе лирную гармонию. Ты понимаешь, что я говорю по-гречески, а не фразы, и знаешь серьезный смысл слов.

Не нравится мне и то, что ты пишешь о свободе от тебя, о пользе изолирования от твоего одностороннего влияния. Пользы этой нет, и разлука исключительно вредна.

Огорчает меня реакция твоего настроения по отношению к Лили. Ребенок этот загадочен. Думаю, что наказывать ее *вовсе* не следует. Радикальное, не правда ли, и неожиданное мнение; но думаю, что наказывать ее не нужно никогда, никак.

Из сказанного не выводи, что впечатление письма вообще темное; напротив, светлое, благодарное. А время и я уже все под-считываю; да как ни считай, все долго.

Если бы русской пасхи не было 27/14 Апр<еля>, я бы просил тебя приехать к этому дню, даже независимо от твоего участия в Inselgiro²⁷. Но русский праздник — force majeure²⁸.

День 49

1 Февр. / 19 Янв.

10 ч. утра.

Февраль! Февраль, Радость, имеет 28 дней, — благородный месяц! — Спешу на почту, в Институт, сегодня Дерпфельдова суббота: Асклепион²⁹. — Ольгу Федоровну благодарю за строки, кланяюсь.

Тебя целую и еще благодарю за радость и думу.

Ответ Дудкина, им продиктованный с большим чувством (уверяет по обыкновению, что это мгновенное оригинальное вдохновение, по-моему, это пушкинское: «Пока не требует поэта к священной жертве Аполлон», — только переложенное на дудкинскую [«свирель»] «флейту»):

Пока за Дудкиным не свистнет
 Для дифирамба Дионис, —
 Уныло нос его повиснет,
 Ах, грустно, длинный, он повис!
 Не врезают сопель и дудка,
 Он — филолог, археолог —
 И мир апостолов Рассудка
 Не смеет свирестнуть в гудок.
 Но лишь: «Где Дудкин? Дудкин, эй!»
 До слуха чуткого коснется,
 Весь Дудкин сразу встрепенется
 И задудит — как соловей...

Дудкин так раздуделся, что продолжал даже, что у него «с очей сошли науки бельма, ученой он бежит молвы, к ногам великого Вильгельма (Дерпфельда?) не клонит гордой головы»³⁰ и т.д., но это было уже что-то, хотя и очень благодарное, но * оргиастически-бессвязное.

* Слова «хотя и очень благодарное, но...» вписаны сверху химическим карандашом.

¹ У Иванова — «шоколатного».

² Речь идет о Временных правилах организации студенческих учреждений, утвержденными министром народного просвещения П.С. Ванновским 22 декабря 1901 г. и вызвавших в феврале 1902 г. серьезные студенческие волнения.

³ Греки (*лат.*).

⁴ Очарованы (*фр.*).

⁵ Камни (*греч.*).

⁶ Французская школа (*фр.*). Имеется в виду Французская школа в Афинах, основанная в 1846 г. и занимавшаяся археологической деятельностью.

⁷ Теофиль Омоль (Théophile Homolle; 1848—1925) — французский археолог, директор Французской школы в Афинах (1890—1903, 1912—1913), впоследствии — директор Лувра (1904—1911) и Национальной библиотеки (1913—1923); вел раскопки на о. Делос (1877—1880, 1885—1888) и в Дельфах (1892—1903).

⁸ Анри Леша (Henri Lechat; 1862—1925), французский археолог.

⁹ Науку (*греч.*).

¹⁰ Восхождений (*фр.*).

¹¹ Доброй ночи (*ит.*).

¹² Идеи (*нем.*).

¹³ Пирожного (*греч.*).

¹⁴ Видимо, имя знакомого торговца или владельца ресторана (см. также п. 416).

¹⁵ Шутливая переделка первых двух строк стихотворения И.С. Никитина без названия (дата написания неизвестна).

¹⁶ См. п. 406, прим. 2.

¹⁷ Хвала Господу (*ит.*).

¹⁸ Развлечения (*англ.*).

¹⁹ Знаменитый (*греч.*).

²⁰ Отличный (*фр.*).

²¹ Имеется в виду поздравление с Рождеством, присланное Д.М. и А.В. Ивановыми из Харькова, где они жили.

²² Чтобы переполнить меня счастьем (*фр.*).

²³ Речь идет о п. 403. В тот же день Иванов получил неизвестное нам письмо от В.К. Шварсалон, на которое отвечал следующим:

ВЕРУШКЕ ГРАМОТКА

31/18. I. <1902>

Спасибо, любимая девочка, за твою милую грамотку, которая пришла сегодня кстати со всеми полученными мною подарками! Представь себе, что я ошибся, приняв ее по *почерку* за письмецо Сережи, и только ошибки в орфографии тебя выдали во первых строках! Ты пишешь, как красива твоя комната со всеми подарками; и вот тебе должен сказать сегодня то же самое. Все у меня переменялось самым блестящим образом — мама знает, как и где что!

Оттого и на вопрос: «Какая у тебя погода!» — должен отвечать: «Самая солнечная, солнышко вашей любви греет». Но и у всех у нас здесь зима на славу — попросту весна. Я ведь был немного нездоров, теперь же здоров вполне и чувствую себя бодро и хорошо. Надеюсь, что твои экзамены сошли благополучно и отчасти даже успешно? Будь здоровой и очень веселой и счастливой девочкой. Целует тебя горячо любящий Вяч.

Костю целую и благодарю за пышный фантастический цветок.

(РГБ. Ф. 109. Карт. 10. Ед. хр. 40. Л. 13—14 об).

²⁴ Мистическом предчувствии (*фр.*).

²⁵ В конце концов, это загадочное слово (*фр.*).

²⁶ Дионисийский праздник в Древней Греции.

²⁷ Экскурсии по островам (*нем., ит.*).

²⁸ Высшая сила, непреодолимое обстоятельство (*фр.*).

²⁹ Святилище на острове Кос. Раскопки были начаты в 1902 г.

³⁰ Обыгрывается продолжение того же самого стихотворения А. С. Пушкина «Поэт» (1827).

411. Зиновьева-Аннибал — Иванову 20—21 января / 2—3 февраля 1902. Женева

49-й д<ень> м<ужества>. 7 ч<асов> утра. [Воскресенье]
[Понедельни<к>] Потелька.

Дотя, догадайся, какое пробуждение! В 6 $\frac{3}{4}$ входят в мою комнату две красавицы в бальных костюмах с прекрасными прическами, живыми розами на груди, веерами и котильонными подарочками.

Вот счастливое начало дня, особенно если взять за символ встающего Илиоса сияющие молодые лица девушек. Да, бал удался на славу. Вчера вечером было одевание. Кристина купила себе шелковый лиф зелено-голубой и сшили ей наскоро юбку светло-зеленую. Я дала золотой кушачок свой и золотую брошку. Оля одевала свое чудное платье, которое она шила в прошлом году: темно-синяя дивной материи юбка и болеро и красный красивого цвета шелковый лиф под ним с небольшим декольтэ. На шее жемчуга. И приколоты к лифу необыкновенной красоты часы с лилией по розовеющему декадентски эмалевому полю. У каждой на корсаже приколоты были пять прекрасных чайных роз. Олины чудные волосы Кристина великолепно причесала высокою фригийскою прическою (она совсем куафёр-специалист) и сама ездила с Олей перед балом к куаферу, т.к. себя не могла причесать с таким совершенством. В Олиных темных волосах сиял полумесяц алмазный. Прическа увеличила ее рост, а в платье ее фигура стала тонка и правильна. Она была просто красавица. Кристина, у которой очень миловидное лице и красивые глаза, имеет в туалете большую грацию горделивую и кажется очень изящной девушкой. Одевать их было истинным наслаждением, и со всею любовью и заботою мы отправили их вчера в 8 ч. 14 м. на поезде нашем, всунув им, не пообедавшим, в рот несколько кусочков сырой ветчины, а в руки несколько плиток шоколаду. И вот 10 $\frac{1}{2}$ часов прошло до их возвращения. Вечер был очень веселый:

начался концертом и ком<ическими> сценами. Затем в 11 ½ начался бал. Оркестр был итальянский. Девушки были одеты хорошо, потому чувствовали себя свободно, кавалеров имели много и обе наслаждались бесконечно. Теперь после подробного отчета празднества переоделись и побежали по хозяйственным делам бодро и весело. Мне жалко, что не удалось совершить невинное и полезное убийство: позвать бы Луизу и показать ей вернувшихся с бала красивых и счастливых девушек, она тотчас лопнула бы, и лишь запах тухлого яйца остался бы витать вокруг нее вместо души.

Дотя, вчера твои письма принесли вечером, чудо! Пришли оба: воскресное и со вторника¹. Дотя, прежде всего серьезное словечко о твоём решении вопроса приезда моего. Дотя, ты прав: тяжело было бы вновь расставаться. И лучше всего скажем так: я буду всегда ждать одного твоего словечка: приезжай. И через час после этого словечка *mes malles seront bouclées*². Я же и без того ждала его, твоего словечка, как и писала тебе раньше, и говорила, уезжая, и вся жизнь моя построена легко, как бы на лету, и вместе с тем я твердо стою на земле. Это соединение чувства легкости, «невесомости» (Умолв <?>) и твердой любовной верности бедной Матери-Земле и есть то, чем я жива, две гнутые линии, каждая *une faiblesse*³ в своём одиночестве, исключительности и *qui font une force*⁴ в соединении. А ты, Дотя, не понял меня и бранил за отношение к ним как к пути. Словом, никогда не было мне ближе, понятнее безвременности и драгоценности каждого летучего мига, безграничье, и вожделение жаркого объятия. Дотя, дальше ответ на письма: браню тебя шибко за грубое отношение к Марусе. Я случайно знала её идиотское выражение («тысячи и 10-ки тысяч»⁵), но она ведь писала целые серии идиотских писем, и чувства её глубокие, более глубокие, чем она умеет их облечь, чем мы умеем её понять, потому что мы всё-таки не довольны сами любим её, не так, как следует людям любить друг друга тою любовью, которая этим <?> снимает покровы со всех тайн души, со всех слоев её более внешних. Нет, Дотя, Марусю можно ругать, но мы часто очень к ней несправедливы. Она нас оценивает не глупыми выражениями, а всей своей жизнью, к нашим ногам положенной. Страшный дар, тяжело легший на нашу совесть, дар, толкающий к постоянному самоусовершенствованию, к постоянной пугливой самооценке.

11 ч. утра дня мужества 50-того. Гостиная у саламандры, переехавшей недавно из Hall. Почта скоро отходит. Столько было

событий, что я не спала 3 ночи (музыка дома, бал, театр), и сегодня безумно проспала до 8 $\frac{3}{4}$ и потом читала и перечитывала твое милое, ненаглядное, жизнь мне дающее письмецо. Отчего оно пришло в Понедельник? Разве была снова почта в Четверг? Видишь ли, надо знать, «via» для того, чтобы письма доходили с экстрен<ными>* почтами к тебе? Напиши, если сумеешь, какие via Дотя, как поздно. После писем была в ванне, потом опять читала, потом, дура, потеряв всякий *notion du temps*⁶ (против своей теории выше) стала петь экзерсисы. Это привычка раннего вставания и долгого утра. Дотя, впечатление твоего письма: дивная синева природы и души. Я тянусь в Грецию всем существом. Дотя, вчера я была в театре на большой *Féerie*: «*Petit Poucet*» с 3-мя детьми. И Лиля рыдала.

Должна бросить письмо.

Маруся требует

Целую, обнимаю,

Жизнь моя

Лидия.

Конверт с женеvским штемпелем — 4.II.02, с пометой *via Trieste* <через Триест>. Афинского штемпеля нет.

¹ Речь идет о п. 401 и 405.

² Мои чемоданы будут уложены (*фр.*).

³ Слабость (*фр.*).

⁴ Которые делаются силой (*фр.*).

⁵ См. п. 401, прим. 14.

⁶ Понятие времени (*фр.*).

412. Иванов — Зиновьевой-Аннибал 19—22 января / 1—4 февраля 1902. Женева

День 49

1 Февр. / 19 Янв.

Милая Радость! Когда Дудкин немного успокоился, мы пошли с ним на почту сначала, потом в Институт, где нашли объявление «великого Вильгельма»¹, что он простудился и охрип; отчего Дудкин пришел в непонятную радость, говоря: «Если такая труба, как Дерпфельд², охрипла, отчего не осипнуть моей дудке?» Ищет оправдаться в поэтической импотентности. Я предоставил

* В оригинале — экстерн.

его самому себе, увидев Kolbe. Он отсутствовал последнее время: ездил на Левкаду, где нашли, роя канал, надгробные — неважные — надписи. Я говорил с ним об инциденте с экстренной лекцией Вильгельма: пусть-ка ему расскажет. Kolbe сделал наконец признание, что знает меня с Берлина. Он был библиотекарем в нашем Институте, когда я подавал свою диссертацию. Он знает хорошо моих бывших товарищей — Мюнцера, Кригера, Heinze, Мейера (теперь берл<инского> приват-доцента)³ и т.д. и довольно говорил с ними обо мне; «*традиция* о вас, — говорил, — сохраняется, в Институте». Теперь Институт очень разросся, особенно благодаря деятельности Вилаговица.

Я был, как и Дудкин, очень рад, что лекции не будет, и пошел домой попить. За завтраком получил каллиграфическое письмо Леонарда, которое все же перепишу для тебя древними буквами⁴. Дома, событием дня был абажур, подыспиленный Фотини, чтобы не нужно было его подрезывать — предмет общего восхищения*.

Из календаря узнал о смерти своего берлинского знакомого, математика Петра Мих<айловича> Покровского⁵. Сказано, что умер он 45 лет, что меня удивило, но это он — киевский профессор. Оказывается, он стал очень известным ученым. Вспоминаются мне его дурачества и комические особенности (напр<имер>, невинные обиды), наши споры о Бисмарке и Немцах, немецкий пансион, где я его устроил, упомянутый Heinze, данный ему мною в учителя немецкого языка... Покровский был славный, симпатичный человек. Вижу его как живого, — его светлые глаза, манеры, — его папироски...

День 50.

2 Февр. / 20 Янв.

В Институте застаю семью Дерпфельдов, занятую устройством сцены возвышенной части библиотеки между колоннами. Д<ерпфельд> объясняет, что сегодня у них домашний спектакль; относительно простуды говорит, что теперь лучше. Занимаюсь до завтрака. Вижу объявление Британской Школы: open meeting⁶ во вторник, Evans — «Knossos»⁷. Конечно, побегу слушать о Крите; боюсь только, что не пойму оратора. Идя через пинету домой, вспоминаю, как шел так же 7 недель тому назад. «7 недель» —

* Нам с ней нравится цвет; она гов<орит>, что имеет платье того же цвета. (Прим. Иванова.) Примечание написано фиолетовым механическим карандашом.

сегодня воскресенье — говорит мне меньше, чем «2 Февраля». Февраль (от него осталось 26 дней всего), Март, потом месяц странствий, потом...

Сегодня Фотини носит твою брошку, которая ей очень нравится, и над твоим портретом — свежий душистый левкой. Хочет тебе писать, но я говорю: подождите письма.

День 51.

3 Февр. / 21 Янв.

Дорогая девочка, сегодня капризничаю — соскучился по тебе, сижу с календарем, отсчитываю дни и недели и делаю и испытываю прочие глупости. Утром в Институте; в 5 час<ов> также (лекция о театре). Через две недели предполагается экскурсия в Сикион. Шрадер болен, в постели; завтра на Акрополь не идти.

Население дома увеличилось пэди, о кот<ором> раз уже упоминал. Зовут его Коста (Константин). Фотини говорит, что он большой лгун и нехороший мальчик. Ему уже 12 лет, несмотря на его микроскопический вид. Она учит его, и я слышу, как он молится и она его поправляет. Теперь он одолевает длинное «Верую». Сирота он, без матери и без дома; сын крестной дочери Гонимоса или что-то подобное. Передо мной он зарекомендовал себя тем, что 20 лепт, данные ему мной за несение рога изобилия с почты, употребил на сахар... с коньяком. Фотини мне строго запрещала ему давать деньги, и теперь очень негодует на коньяк.

А Лулу ведет очень развратную жизнь.

А я — очень тоскливую.

Что ты не пишешь об ловокатских⁸ лукуми? Ты, кажется, их съела.

Что твои λάθη⁹ у dentиста, которые меня и мучат и беспокоят? Прости, что все еще не купил гимн.

4 Февр. / 22 Янв.

Целую Радость. Какое скучное письмо! Напиши Беляевым. Целую, иду на почту.
В.

Конверт со штемпелями: Афины. 22 <?>.YAN.1902 — Genève. 11.II.02.

¹ Из шуточного стихотворения Иванова (см. п. 410).

² Игра на том, что Дерпфельда звали Вильгельмом, т.е. его имя совпадало с фамилией А. Вильгельма.

³ Все четверо, как и Иванов, учились у О. Гиршфельда. Фридрих Мюнцер (1868—1942) защитился в 1891 г., Bogdan Krieger (1863—1931) — в 1888-м, Walter Henze (1869—1915; Иванов неправильно пишет его фамилию) — в 1892-м, Paul Martin Meyer (1866—1935) — в 1891 г.

⁴ Письмо Леонардо написано синими чернилами на сложенном вдвое листе в клетку и занимает первую из четырех страниц. Внутрь вложен дубликат письма, написанный Ивановым черными чернилами.

⁵ П.М. Покровский (1857—1901), приват-доцент Московского университета и профессор математики университета Св. Владимира. В Берлине работал в 1889—1890 гг.

⁶ Открытое собрание (англ.).

⁷ Эванс — «Кносс». Речь идет о докладе А. Эванса (о нем см. п. 406, прим. 6) о раскопках в древнем поселении Кносс на острове Крит, которые он вел с 1900 г. Центром этих раскопок был Кносский дворец. См.: *Bosanquet R.C., Tod M.N.* Op. cit. P. 381—384, где приведен рассказ А. Эванса, который подробно рассказывает о новых находках на Кноссе. Можно предположить, что это примерно соответствует докладу, слышанному Ивановым.

⁸ Определить значение этого слова нам не удалось.

⁹ Страдания (греч.).

413. Иванов — Зиновьевой-Аннибал 22—23 января / 4—5 февраля 1902. Афины

День 52.

4.II / 22.I

Дорогая Радость, обычное письмо думаю послать в Четверг, теперь же довольно картолины: твое письмо еще не пришло. Утром, опустив тебе письмо, посетил Институт и сделал *des emplettes*¹. В 5 ч<асов> был в Американской Школе, где происходил *meeting*² Британской школы. Ричардсон сказал мне, что электричества нет у соседей и он уже думал устроить к ним провод электрический, да практичнее оказалось просто предоставить им свою библиотеку с электричеством и волш<ебным> фонарем. Было тесно, народу много, Ричардсон и жена делали *honneurs*³. Evans был мне достаточно понятен; кстати пришлось, что он, заикаясь, повторяет часто одно слово раза два-три и говорит, хотя слабо, но медленно. Да и комната была небольшая. Дерпф<ельд> помогал при фонаре. Конечно, содержание — о лабиринте — было страшно интересно. Фотини наблюдала сверху съезд, экипажи и пр. Я должен был ориентировать ее любознательность, и она показала отличное знание мифа о Фезее и Минотавре⁴. Только что написал свои впечатления Сереже в длинном письме. Целую Радость.

В.

Ты имеешь новый душистый левкой!

Кто заботится о моем здорoвьe после тифа? — Добрый Шифф.

Марусе приветec.

Утром 53 дня: целую еще. Scirocco — ça épéuve⁵, плохо спал.

Открытка. Штемпели: ΑΘΗΝΑΙ. 23 YAN. 1901. — London. Fe. 9. 02 — Genève. 11. II. 02.

¹ Покупки (*фр.*).

² Собрание (*англ.*).

³ От *фр.* «faire les honneurs» — оказывать радушный прием.

⁴ Фесей (в русской транскрипции чаще Тесей или Тезей) — мифологический герой, одним из подвигов которого была победа над Минотавром — чудовищным человекобыком. По повелению критского царя Миноса он был помещен в лабиринт (о котором и рассказывал А. Эванс), куда ему отдавали на растерзание молодых афинян. Тесей проник в лабиринт, убил Минотавра и с помощью клубка ниток, данно-го ему дочерью Миноса Ариадной, сумел выбраться из лабиринта.

⁵ Сирокко — это нервирует (*ит., фр.*). Сирокко (*ит. schirocco*) — горячий южный ветер.

414. Иванов — Зиновьевой-Аннибал 21 января / 5 февраля 1902. Афины

День 53.

5. II / 23. I веч.

Опять пишу открытое письмо, Лиля: чем больше я дал бы себе места, тем больше услышала бы ты сетований; довольно поэтому с меня вот этого четырехугольничка. Ламентирую и унываю ближайшим образом из-за отсутствия письма и обманываемых со вторника до сегодняшнего четвергового* вечера надежд получить его. Южный ли ветер тому виной или что другое, знают кормчие звезды. О себе рассказать недолго. Утром опустил δελτάριου и письмо в Лондон. Справлялся о mandate de poste: из Берна ответа еще нет¹. Потом был в библиотеке, один. Заходил Дерпфельд; от него я узнал, что у Шрадера малярия. Дома была съезда². В 5 ч<асов> был в Институте на заседании. Дерпфельд сначала надоедал своей Левкадой, на которой ничего настоящего не находится, но все предполагается найти³. Жаль ему, вероятно, что не

* Неправда! Ошибка уныния! Сегодня среда только. Tant pis <Тем хуже (*фр.*).>! Отдаю картолину Ангелу: завтра Музей. (*Прим. Иванова.*)

он раскапывает лабиринт⁴. Потом Kolbe читал свой реферат о найденной при нем в Пергамоне длинной надписи, содержащей довольно любопытные правила городского полицейского управления⁵. Темная ночь, ветер. И в общем все «тёмно и тихо и худо»⁶. Целую как люблю. В.

Открытие. Штемпели: ΑΘΗΝΑΙ. 24 ΥΑΝ. 1902. — London. Fe. 9. 02 — Genève. 11. II. 02.

¹ См. п. 396 и др.

² От *um*. «siesta» — полуденный отдых.

³ Согласно «Mitteilungen des kaiserlich deutschen archaeologischen Instituts: Athenische Abteilung». 1902. Bd. XXVII. S. 447, 5 февраля Дерпфельд читал доклад «Der Kanal zwischen Ithaka-Leukas und der Tempel der Aphrodite Aineias». Дерпфельд в то время пришел к выводу, что гомеровская Итака не есть нынешний остров этого названия, а остров Левкада, где он с 1900 г. вел раскопки в поисках дворца Одиссея. Хотя Немецкий археологический институт отказался дать ему средства на такую работу, он добыл нужные деньги от меценатов, купил себе домик на Левкаде и проводил там как можно больше времени, продолжая работу. Плоды этих работ были наконец опубликованы в его книге: *Alt-Ithaka: Ein Beitrag zur Homer-Frage, Studien und Ausgrabungen aus der Insel Leukas-Ithaka München, 1927*. Многие ученые и тогда сомневались в его теории, и сегодня она никем не принята. Однако Дерпфельд не разубедился, продолжая раскопки до конца своих дней и даже завещая, чтобы его похоронили на Левкаде (что и было сделано). Подробнее о раскопках на Левкаде см.: *Goessler Peter. Wilhelm Dörpfeld: Ein Leben im Dienst der Antike. Stuttgart, 1951. S. 117—123*.

⁴ Иванов имеет в виду прослушанный накануне доклад А. Эванса.

⁵ Согласно «Mitteilungen des kaiserlich deutschen archaeologischen Instituts: Athenische Abteilung». 1902. Bd. XXVII. S. 447, 5 февраля Кольбе читал доклад «Die Astynomen-Inschrift von Pergamon».

⁶ Источник цитаты не обнаружен.

415. Зиновьева-Аннибал — Иванову 23—25 января / 5—7 февраля 1902. Женева

5 февр. 1902

10 ½ утра. 52-ого дня мужества. Сена.

Дотинька, только что читала и перечитываю дорогое письмецо с известием о корзине Дотика¹. Не думаю, что она доставила тебе больше радости*, чем мне рассказ твой об этой радости. Светло на душе. Значит, любовь, с которою все вещи были выбраны, и уложены, и отосланы, передалась тебе. Мне кажется, весь тот пакет, несуразный, как и каждая отдельная вещица в нем, так

* Подчеркнуто красным карандашом.

и остались в моей памяти, с такою ласкою и таким теплом из сердца самого я укладывала и отдавала его в окошечко на почте. Не беда пошлина. Конечно, другой раз не надо посылать. Другой раз сама привезу. Но не измерятся же этим<и> 9-ю драхмами радость давания и получения. Думаю, что развалили корзину господа таможенные смотрители, а в дороге она была цела: заколочена деревянной крышкой, завязана, запечатана.

О твоих упреках моему «дионисическому» пессимизму не пишу. Я уже объясняла тебе, Дотя, что иначе не могу и даже думаю, что мое отношение к книге самое *здоровое*, ясное, смелое, здесь не «надрыв», здесь смелое решение «поднять» жизнь, «принять» ее. Здесь черная «преисподняя», как глухо, безостановочно катящийся гул грома, и на его аккорд *мелодия жизни* плетет свои волнистые узоры, и слушаешь, и упиваешься звуками радости, ласки, мира, доброжелательства, любви.... Что-то такое, не знаю, что... Ты получишь это письмо 11-го или 12-го Февр<аля>, значит, *3 месяца* до свидания: *13-го Мая** и один месяц в 28 дней!.. Странно, написала 3 месяца с мечтою, что это уже немного и что, *конечно*, гораздо больше *позади* разлуки, месяца 4, 5. Сосчитала, и вышло — всего 2 позади будет 15-го Февраля. Невероятно! Кажутся вечностью. И даже не потому, чтобы я тосковала. Я не тоскую. Я бодрa и вечно, ежеминутно в деле. Но *так многое случилось*. Это путешествие, 5 дней на корабле — мир прошел мимо, гадкий, но довольно сложный мирок. Потом *la secousse*² возвращения в дом: дети, Маруся, вся его обстановка и строй, потом работа ежедневная. Новые люди, потом прожитый угар праздников, и всякая мелочь ведь так мучительно врезывается, навязывает свое напечатление на моей бестолковой душе. Вот, например, всё не успела рассказать: в Воскресенье была по просьбе Веры и по собственному внезапному вдохновению на большой феерии «Petit Poucet»³.

3-ое детей и Miss Bl<ackwell>. Я очень наслаждалась. Я ведь обожаю такое глупое. Это просто сказка de l'Ogre et du petit Poucet⁴, перемешано романтическое, что очень портит вещь <?>, и у Ogre английская гувернантка воспитывает 7 дочерей — Miss Pachule⁵. Она попала в плен во время путешествия с билетом из Cook's Tour Office⁶. Великан в одной сцене жрет за торжественной трапезой цельных людей с сапогами и касками. Это очень искусно представлено и так отвратительно. Но я ожидала большего, т.е.

больше поэзии и смеха. Зато наградили дети: *Лидия** показала себя опять эстетически прекрасной. Рыдала от песни детей в лесу о волках. И, просидев 4 часа в театре, с трудом оторвалась. Она была упоительна, такое наслаждение наблюдать, как чуткая душа воспринимает жадно, упивается воспринимаемым. Miss Bl<ackwell> спрашивает в антракте ее: «Do you enjoy it?»⁷, и ребенок отвечает, вся в слезах и с рыданиями в наивно<?>-громком голосе: «Yes, I enjoy it very much, only I don't want the wolf to eat the little girls!»⁸ Это тоже замечательно, так как Petit Poucet играла молоденькая *актриса* (знаменитость из Бельгии, очень талантливая и изящная), то Лидия упорно называла 7 братьев Poucet — девочками (верно, по голосу). Много раз во время представления она поворачивала большие боязливые глаза ко мне и со вздохом облегчения говорила: «Мамочка, хорошо, что мы так высоко. Я рада, что мы не там, внизу. Бедные те люди. Им очень страшно!» Да, она никогда не забудет этого!! Те дети тоже очень наслаждались их наслаждением обычным, из рамок не выходящим, и Вера столько же моим обществом, сколь театром. Это страшно прямо, до чего она любит меня. Боюсь ответственности и реакции. Недавно она полушутя, но в глубине серьезно сказала: «Ты меня любишь, но я тебя обожаю!»

53-й д<ень> м<ужества>. 6 ч<асов> веч<ера>. *Четверг*. Урок музыки. Дотинька, получил ли ты письмо мое с экстренной почтой⁹. Я по вдохновению написала *via Trie<s>te*¹⁰. Оно длинное и мне дорогое, и в нем вложено письмо Сережи. В нем я излагаю подробно наши затруднения с Костей. Каждый новый день доказывает необходимость перемены режима. Сегодня он должен был избыть наказание *школьное*, т.е. в *Четверг* (люб<ой> день) идти в школу на Boul<e>v<ard> H<e>l<e>tique от 9—11 утра для штрафного урока. Вел себя он по дороге скверно. И из школы ругал Miss Bl<ackwell> грубыми словами. Урок музыки не хотел готовить. За то он теперь заперт в гостиной, отодран мною довольно грубо за волосы и уши, лишен урока у Остроги, и всё это будет продолжаться несколько дней. — Но об этом —

54 д<ень> м<ужества>. 8 ¼ утра. Сегодня проспала, и в ожидании свободной ванны два слова, ненаглядный Дотя! Как Вера была счастлива твоим прелестным письмецом! и я читала ей твои хвалы «корзине Дотика». Она вся сияла. Она очень тебя любит.

* Подчеркнуто красным карандашом.

Дотя, у меня есть много, так бесконечно много тебе писать. Весь день ежечасно вспоминаю — ах вот, надо написать, вот надо еще это написать, а в конце концов руки опускаются! Ничего не выходит, и даже на твои письма я еще не ответила. Если бы всё писать, что сердце просит, я писала бы весь день, без преувеличения. Но представь себе, вот уже несколько дней, что я в раже творческом, и от этого страдают твои письма. Сколько мыслей, чувств, сказала бы их жадно уста в уста, а до бумаги не доношу, рассыпаются, сменяются. Я как-то вся горю и очень нервна. Вчера лягала Олю и щипала Марусю и Веру, потом пела, потом плакала, потом спала и проспала. Бегу в ванну.... 10 ½ утра. Сена Дотинька, выкупалась, поела, попела, почитала Verleine <sic!> и теперь пишу. Вокруг меня красота, тишина (вот Оля пришла, присела на кушетку с долгим тяжким рассказом о своей ужасной жизни с отцом и матерью. Несчастливая была та женщина, прямо мученица. А вспомнилось всё Оле потому, что завтра 5 лет, что она с нами за границей. Плакала, бедняжка, и пришлось поболтать с ней, несчастной девочкой). Дотинька, скоро придет Эрнесто! Уже деньги на путь сюда (40 фр<анков>) высланы. Что будет, не знаю. Как слышу ужасы с матерью, думаю: «Все-таки, Бог даст, Оля будет счастлива». Быть может, Итальянец не так brutalen и груб. Во всяком случае, мы ничего не можем знать, и надо положиться на Судьбу. Замуж же она хочет идти, и потом ей 23 ½ года! Хуже, чем кислая озлобленность Анюты, ничего быть не может! Дотя, разные вопросы: Что делать с Дашкевичем¹¹?* Я очень хотела бы исполнить просьбу Ал<ександры> Вас<ильевны>, и *знаю*, что меня никто не свяжет или, вернее, никто не навяжется. Посмотрю, и увижу, и избавлюсь, если надо. Я так ловко отказываюсь nettement¹² от всяких знакомств (Mme Zibelin старалась заманить меня), но мне свяшенно дорог каждый часок моего короткого рабочего дня. Вот только что сообщает Вера: пришла из школы девочка и говорит: «Lydia reste, elle est punie parcequ'elle faisait la sottе»¹³. — Дотя, я вполне разделяю твое мнение относительно нахальной Лили. Я наказываю ее не для исправления *нравственного*, а просто для дисциплинировки, для дрессировки, так сказ<ать>, зверька. Это необходимо просто внешним образом для существования семьи. В вопросе же Добра и Зла она еще не скоро разберется, ибо родилась Нитчианкой <так!>. При

* Подчеркнуто красным карандашом.

этом замечательно, что она со дня рождения своего ничем иным не занимается, как именно разбором этого вопроса, и начинает всегда теперь с Грехопадения Адама и Евы. Адам и Ева не дают ей спать, буквально. Слушай, вчера после урока музыки Острога стал играть Вере пьэску, кот<орую> она должна учить. (Сборник *Шумана*). Пьэса глубоко поэтическа<я>. Он увлекся и стал артистически преподносить одну пьэсу за другой. Интимный и прелестный концерт экспромтом. И вот одна из пьэс: «Fürchtenmachen»¹⁴: бас пугает, дискант молит. Очень мило. Лидия стояла с большими, боязливым<и> глазами, и говорит, когда пьэса кончилась: «Petit Poucet». Вот как она поняла музыку. И после этого что-то с ней приключилось. Пошла наверх и говорит Miss Bl<ackwell>: «We had a baby, you know?» — «Yes, I know!» — «It died!» — «Yes». — «It did not die because it was naughty!» — «Certainly not. It died because it had too much meat on its heart & it could not breathe!»¹⁵ И через полчасика она принесла мне это приложенное сердечко со словами: «Это Еленино сердце». Оказывается, она часто, часто вырезала во время уроков музыки такие сердечки и всегда называла их Елениным сердцем. Елену она не может забыть. Прихожу с ней молиться. Поздно. Она запоздала, и вот что застала. Miss Bl<ackwell> просит меня успокоить Лидию как-нибудь относительно вопроса грехопадения. «Why did it happen that everybody is bad after Adam & Eve?» I was telling her she would understand it when she was big, but she will not drop the subject¹⁶. Бедная Блэкуелша, конечно, еще сама не «big»¹⁷. А Лидия стоит на ногах в своей постельке в длинной рубашке и говорит громко и взволнованно: «Mother, when you were not & I were not & nobody were only those two peoples and they were bad, why are we all bad?»¹⁸ Откуда у нее это ясное сознание *тяжести греха*, невозможности *совершенства*. Странно. Я говорю ей: «Lydia, are you good or bad?» — «I am bad». — «Think, if you had a child could it be good if its mother was *not* good!» — «No». — «So, when Adam & Eve could not have good children not being good themselves! But Jesus came & said to his Father: punish me for the people, & forgive them. So since that time we can hope to be forgiven by our Father if we trie <так!> *all we can* to be as good *as we can*. Though we can never be *absolutely perfect* as is our Father God»¹⁹. Так я объяснила, и еще потом, когда подошла Вера, развила немножко подробнее по-русски, прибавив, что, неся все грех, мы несем все и страдание, и смерть. Иначе, не будучи вполне хорошие, мы забылись бы и отделились бы одному

Злу. — Костя у нас жестоко наказан. Вчера лег в постель один, и я ему сказала речь: «Я просто, и серьезно, и искренно говорю тебе всю правду: ты делаешь из дома ад, ты мучаешь Miss Bl<ackwell> так, что она откажется, а нам без нее нельзя. Маруся больна из-за тебя. В школе тебя скоро прогонят. *Так жить дальше нельзя.* Это факт. Итак, ты остаешься несколько дней взаперти, и даже в школу не пойдешь, чтобы ты одумался и понял, что ты должен 1) *слушаться*, 2) *не рассуждать*, 3) *не грубить*. Или же я отдам тебя в школу (есть такая здесь), где исправляют дурных детей. Это мое последнее слово». Он лежал и рыдал молча. Я ушла. Он попросил Марусю только благословить его. Сегодня он заперт. А о школе напиши тотчас свое мнение. Я начала разузнавать о них. Есть *знаменитая* в Neuchatel'e²⁰, где какой-то *истинный*?* педагог берет-ся за *индивидуальное* воспитание *трудных* детей. Узнаю подробнее и съезжу. Всё <w>*rong*²¹ в его воспитании, и надо признаться, что мы *не умеем*, но что делать? Всё показывает мне ясно, 1) что его развращает школа, а именно слабость дисциплины в женских руках и общество дряни — Keneth'a Strachan'a. 2) Miss Bl<ackwell> — дура, и, ну еще раз, дура. 3) что он просит кулака (по годам его уже исключительно в переносном смысле, хотя по натуре, пожалуй, любит и в буквальном). Кулак переносный, увы, тяжелее буквального, и придется действовать так: непослушание — наказание. Рассуждение против наказания — двойное наказание. Грубость — тройное наказание, и вечная, неустанная, систематическая, холодная дрессировка. — Всё остальное было испытано, т.е. ласка, убеждение, слезы над ним, и наказание *жестокое, болезненное* (тележка), но латентное и потому не действительное. Но, Дотя, представь себе дом в осадном положении! Я первая жить не могу. Всё это пишу тебе, чтобы не решать ничего коренного без тебя. Мое мнение: надо искать школы очень строгой и мудрой и отдать его *полупансионером*. Если же найдется школа *действительно* хорошая и *без дортуара*, то и пансионером. Англия и Туррег рано из-за языка, и еще потому, что надо поблизости и присмотреться лично. Ты напиши *en principe*²², доверяешь ли ты мне распорядиться им, как найду полезным. Status quo²³ *непереносим*. Затем другой вопрос. Тоже не хочу решать без тебя. Вопрос Strachan'ов. Вся семья *канальская*. Мальчик *грубый и грязный*. Факты такие: 1) гадкое впечатление мое личное. 2) До-

* Вопросительный знак Зиновьевой-Аннибал.

стоверные сведения от их прислуги, что он ругается *грязными* словами, 2) <так!> отвратительное, *уличное* поведение в школе, где он *в одном классе* (ему 14 лет) с *Костей!* Девочка Christie производит сначала милое впечатление, но очевидно *льстива*. Прислуга (достоверно) говорит, что груба и глупа. Она *едва* лишь по доброте директора принята в Верин класс (ей 15 ½ лет), к горю моему посажена рядом с Верой. И невежественна до *невероятия*. Младшая, 6 лет, бесенок балованный и глупый. Старшая хитрая, но, по всему вероятию, дрянь и тоже *невежественна абсолютно*. Мать — сам знаешь. Наша англичанка льстивая, глупая, ленивая, вульгарная женщина и абсолютно не умеет с детьми повернуться. Вредна для Кости, *вредна для Веры очень*. Она страшно дружна со Strachan-ами. Наши дети, конечно, рвутся к тем детям ради игры и общения. Веру я имею настолько во власти нравственной, что могу, думаю, повернуть ее, как хочу, и она вольно бросит дружбу. Я уже тихо работаю в этом отношении. Но Костя! Но *Серезжа!* Серезжа даже *épris*²⁴ Christie! И вот вопрос. Я писала, что те написали драму. Она натаскана из плохих романов. Вся сентиментально романтична, бессмысленна и глупо патетична, с отравками, обмороками и добрым концом. Безвкусная дрянь, конечно, очень безграмотно написанная старшею мискою²⁵. *Наши* должны на Пасхе ее играть у *Строоноов* <так!>. Это поведет к ежедневным визитам, к близости небывалой. Является вопрос. Не поступить ли так. *Брутально, тотчас, безапелляционно запретить всякие* сношения! Середины нет. Я не верила антипатиям Маруси, не видела проку в ее басистых, деспотичных и всё же половинных протестов <так!> и потому припустила детей тех поближе, поглядела, желая наилучшее <?>, и поняла всё. В душе я думаю — следует *прекратить*. Но тогда: *c'est radical*²⁶ и даже *scandaleux*²⁷, потому что придется дать понять Mrs. Strachan, что мы указываем дверь ее детям или почти что. Не думаю, чтобы можно было продолжать даже игры в саду или полях при таких отношениях, после отказа в театре. Ну вот, решай.

Да, англичанка, видишь ли, соскучилась! Я до сих пор не писала. Теперь *c'est un fait accompli*²⁸. Я не могла держать ее настолько. Мамаша *вообще* не желает, чтобы она оставалась (ты ведь помнишь: «My mother wanted me to *do nothing* in your home»²⁹), но сама миска очень желала бы вернуться?? Только она хочет holiday в 6 weeks³⁰. отошлю ее перед Пасхой. Она *очень вредна* Серезже и живая связь между детьми и Strachan-ами. Серезжа не бывает

«дома», когда она здесь. О Англия, Англия! не была ли ты роковая для этого страшного мальчика. Третий вопрос, который, впрочем, решить могу лишь я: отказать ли миске под *предлогом*, что мне неприятно иметь ее против желания маменьки, о котором к тому же мне постоянно сообщают. Миска *никуда* не годится. Дотя, ты всем этим не волнуйся, это nothing³¹. 1-й вопрос. Убеждаясь, что Костя *indisciplinable*³², я вместе с тем убеждаюсь честно в том, что *il n'est point mauvais, mais point du tout*³³. Он очень *нервен* и *очень сложен*. Он ни на иоту не схожен <так!> с отцем, который был *throughout*³⁴ пай дитей и *обожаем* начальством. Острога вчера (я спрашивала его о школах) показал свое глубокое отношение к людям, он сказал про Костю: «*Il est très nerveux*»³⁵, а это нелегко заметить в этом толстом грубоватом мальчишке.

2-й вопрос совсем чепуха, выеденно<го> яйца не стоит вся эта английская мразь. 3-й вопрос та же мразь, и пока Оля у нас ненужная, а заменить сумеем. Либо еще из Англии попытаться, либо русскую еще девушку. А Кристину к детям.

Вот Вера — та девочка чүдная и страшная. Вчера я рассказывала о любви св. Франциска к Иисусу Христу, и его Радости, и его Гимне, это всё по поводу Лилиных разговоров и твоего «*Laudato si il Signor*»³⁶, а ночью Вера стучится к Марусе: «Маруся, ветер воет!» — «Ну так что же, ты знаешь его, ты была в горах!» — «А я сказала: “Ах, опять ветер!” — теперь я должна молиться».

Я же, правда, всегда пыталась *не* экзальтировать ее, а напротив, и о Францизке <так!> рассказывала для успокоения, потому что разговоры Лили о Елене очень ее взволновали.

5 ч. дня. Сена. Весь день еще не присела за роман. Письмо Сережи, твое, и пенье. Дом тоскливый, потому что Костя сидит взаперти, но еще он не сломился и не в должном настроении. Продержу долго. Я сама очень энергично и хорошо настроена, потому что, кажется, работа спорится. Дотя, ты много радости доставишь Оле, посылая ей иногда картолины: она их с интересом собирает в альбом. Иду в «Шум». 7 ½ *веч.* Еще Сена. Дотя, целую, обожаю. Страстно желаю быть с тобою, страстно скучаю по тебе, вот тебе, Дотя. Опыт: придет ли письмо во *Вторник*. Твоя Лидия.

Конверт с адресом, написанный рукой М.М. Замятниной. Женевский штемпель — 7.II.02. Афинский штемпель отсутствует.

¹ Имеется в виду п. 410.

² Потрясение (*фр.*).

³ «Мальчик-с-пальчик» (фр.).

⁴ О людоеде и Мальчике-с-пальчике (фр.).

⁵ Мисс Пачуля (англ.).

⁶ Агентство путешествий Кука (англ.).

⁷ Тебе нравится? (букв.: Ты наслаждаешься этим?) (англ.)

⁸ Да, мне очень нравится, только я не хочу, чтобы волк ел маленьких девочек! (англ.)

⁹ Имеется в виду п. 411.

¹⁰ Через Триест (ит.).

¹¹ Петр Дашкевич (29 июня 1860, Зуман на Волыни — ?; его фамилию Ивановы пишут по-разному: Дашкович и Дашкевич) был студентом киевской Духовной академии, после побега из сибирской ссылки окончил в Женеве медицинский факультет университета. См. о нем: Гольштейн Александра. Из воспоминаний // Новый журнал. 1987. Кн. 168-169. С. 298-302.

¹² Прямо, откровенно (фр.).

¹³ Лидия остается, она наказана, потому что сделала глупость (фр.).

¹⁴ «Ужастик» (букв.: Причиняющий страх) (нем.).

¹⁵ «У нас был младенец, вы знаете?» — «Да, я знаю!» — «Он умер!» — «Да». — «Он умер не потому, что был дурной!» — «Конечно нет. Он умер, потому что у него на сердце было слишком много мяса и он не мог дышать!» (англ.)

¹⁶ «Почему случилось, что после Адама и Евы все дурны?» Я говорила ей, что она поймет, когда будет большой, но она не перестала спрашивать (англ.).

¹⁷ Большая (англ.).

¹⁸ «Мама, когда тебя не было, и меня не было, и никого, были только эти двое людей, и они были плохими, — почему мы плохие?» (англ. с ошибками)

¹⁹ «Лидия, ты хорошая или плохая?» — «Я плохая» — «Подумай, если бы у тебя был ребенок, мог бы он быть хорошим, если его мать не хорошая?» — «Нет». — «Так вот, у Адама и Евы не могло быть хороших детей, потому что они сами не были хорошими. Но появился Иисус и сказал своему Отцу: накажи меня за всех людей и прости их. И вот с этого времени мы можем надеяться быть прощенными Отцом, если мы попытаемся *изо всех сил* быть такими хорошими, как можем. Хотя мы никогда не сможем быть *полностью совершенными*, как наш Господь-Отец» (англ.).

²⁰ Город в Швейцарии.

²¹ Неверно (англ.).

²² В принципе (фр.).

²³ Нынешнее состояние вещей (лат.).

²⁴ Влюблен (фр.).

²⁵ От англ. miss.

²⁶ Это радикально (фр.).

²⁷ Скандально (фр.).

²⁸ Свершившийся факт (фр.).

²⁹ Моя мать хотела, чтобы я *ничего не делала* у вас в доме (англ.).

³⁰ Вакации в 6 недель (англ., рус.).

³¹ Ничего (англ.).

³² Недисциплинирован (фр.).

³³ Он нисколько не *дурен*, ну ни капли (фр.).

³⁴ Во всех отношениях (англ.).

³⁵ Он *очень* нервен (фр.).

³⁶ «Хвала Господу» (см. п. 410). Зиновьева-Аннибал пишет с ошибкой.

416. Иванов — Зиновьевой-Аннибал
24—26 января / 6—8 февраля 1902. Афины

54 день

6.II / 24.I. 10 ч. веч.

Есть оно наконец, Лидия, есть иррациональное письмо, невесть откуда и как пришедшее вечером в Четверг¹! И весь я в вихре данных им впечатлений, разных, как танец в хитоне до босых пят, — и сеанс в зубоврачебной Folterkammer², как музыкальный вечер — и тихая радость на отсутствие в Остроге видимых признаков собачьей природы... Очень заинтересовало меня, что Сережа написал своей приятельнице о «трагедии»; мне бы *чрезвычайно* хотелось достать этот *любопытнейший* документ его *мысли и душевного склада* в настоящем возрасте!* Как жаль мне, Радость, что и ты, как я, страдаешь от капризов почтового Гермеса³; я очень бестолков на расчеты, и притом не имею довольно материала для конструкций, — буду поэтому держаться отныне старых классических дней корреспонденции. Однако поздно писать; до свиданья, до завтра Лиля! Дух вихря в тебе — так резюмирую впечатление письма; и кто с тобой, и кто, хотя бы только *в письме*, с тобой, тот чувствует себя в вихре. Таково настроение тебя окружающих — это я вижу из каждой строчки каждого письма, — но ты действуешь и на расстоянии. Что касается моего дня, то утром лекция у Вильгельма с обычным участием в чтении и разборе камней, которые я чрезвычайно полюбил (греческие надписи, повторяю, совсем не то что римские), а остальное время — культ «Пенатов святых»⁴; прекрасный закат, уже поздний, пышно золотивший Гимет и долину дионисического (факт!) Илисса⁵. Еще целую мою Лидию. —

Какие чудные, но и трудные музыкальные задачи задала ты Остроге! Если он не дурак, то может у тебя добро научиться.

День 55.

7.II / 25.I 6 ¾ веч.

Вот я пришел домой из Института, где был после завтрака у Лада⁶ до ½ 6, и уже имел свой 5 o'clock tea с хлебом, маслом и чудесным вашим кренделем. А теперь сижу за своим бюро, уставленным милыми подарочками, и в душе — *convoitise*⁷ — получить сегодня еще письмецо! Впечатления библиотеки. Просматрива-

* Только попросить письма у девочки нельзя: юность очень *susceptible*¹³! Лучше всего Сереже написать *тебе* свои мысли о трагедии. (Прим. Иванова.)

ние последних книжек *Revue de l'histoire des religions*⁸, и радость, что в Париже история религий процветает, вокруг такого центра как *le Musée Guimet*⁹, и мысль о том, что в Париже и Лондоне мне можно иметь ресурсы. Хорошо также, что есть Usener в Бонне; жаль только, что его «*Götternamen*»¹⁰ захвачены этим Raubritter¹¹, Dr. v. Prott, который держит у себя, да и только, мифологические и по истории религии книги, — а требовать их у него я как иностранец и гость Института, не решаюсь. Он написал в <18>99 году хороший этюд об элевсинских божествах, но это не мешает ему быть не-джентльмэном. Kolbe по своему почину сообщил мне, что экстренные упражнения у Вильгельма посещаются теперь чело-веками пятью, и прибавил, что [так как] раз они уже происходят, то, по его мнению, нечего мне на основании того разговора с Вильгельмом страшиться приходить к нему, — с чем я согласился. И он указал мне надпись, которая будет разбираться в следующий вторник, говоря, что сам он не хочет готовить ее. Мы посмотрели ее и нашли, что нового о ней, кажется, не придумаешь. Потом была у меня вторая беседа с тем же Kolbe, поднятая мной по поводу некоторых специальных пунктов его реферата. *C'est un gentil garçon*¹², еще с привкусом студенчества в своей эрудиции.

В постели.

Письма не было; перечитываю опять и опять вчерашнее.

Пиши чаще пером; я люблю почерк.

8. II. / 26. I

56 день = 8 полных недель.

Целую далекую Радость. Бегу. В.*

¹ Речь идет о п. 407.

² Камере пыток (нем.).

³ В греческой мифологии Гермес был вестником богов и даже изображался в крылатых сандалиях.

⁴ Вероятно, отсылка к концовке стихотворения А. С. Пушкина «Труд» (1830):

Или жаль мне труда, молчаливого спутника ночи,

Друга Авроры златой, друга пенатов святых?

⁵ Река в Аттике, берущая начало на Гимете.

⁶ Лада (греч., имя собственное). Вероятно, тот же человек, который упоминается выше как Антоний Лад.

⁷ Притязание (фр.).

* От «В постели» до «Бегу. В.» написано химическим карандашом.

⁸ Французский журнал по истории религий, основанный в 1880 г.

⁹ Emile Guimet (1836—1918) в 1889 г. основал в Париже музей, посвященный религиям Древнего Египта, Древней Греции и Азии. Существует до сих пор, хотя больше всего ориентирован на Азию. Труды музея находились в поле зрения Иванова и позже: находясь в Женеве, он регулярно их заказывал в местной библиотеке.

¹⁰ Имеется в виду профессор античности Герман Узенер (Hermann Usener; 1834—1905) и его книга «Имена богов», т.е. «Götternamen: Versuch einer Lehre von der religiösen Begriffsbildung» (Bonn, 1896).

¹¹ Рыцарем-разбойником (нем.).

¹² Это очень милый мальчик (фр.).

¹³ Чувствительна (фр.).

417. Иванов — Зиновьевой-Аннибал. 26 января / 8 февраля 1902. Афины

День 56.

8.II / 26.I

Радость! Бьет полночь. Начинается 57ой день, 9ая неделя мужества. Поздно... («Пристань далека»...¹) Однако пишу. Дождался, в 11 часов только, — *двух*, не одного письма², и хочется послать свое большое с завтрашнею Messengeris: Ангел отнесет к 9 час<ам> на почту. При чтении я отметил пункты для ответа и замечаний и наскоро набросаю их. День же мой, по отправлении письма тебе, сложился из 1) чтения Usener'a в Институте, 2) лекции Дерпфельда на южном склоне Акрополя о Пеласгиконе и театре Ирода Аттика³, 3) чтения одной оды Пиндара с комментарием Вилламовица. Теперь о письме. И во-первых, отчего ты не пишешь Фотини и Ангелу? Они все ждут, и мне неловко. — Экстренным почтам больше не верю. Они очевидно *на бумаге!* Кажется, желание поспеть к ним вносит беспорядок в переписку, быть может, даже опоздания, во всяком случае, суматоху. Вернемся к классическим дням! — О гимне «Встань, Румын, идут враги» (?!!) — я уже раскаивался <?>. Дело в том, что все не вижу музыкального магазина. Был, помнится, на Стадии, и нет его. Схожу на ὄδος 'Ερμού⁴. — Что ты имеешь музыкальное общение и случай петь, и петь строго, я чрезвычайно рад. Здесь бы сидела — не имела бы этого. Но что с твоим горлом? Я очень беспокоюсь. Эта слабость его, б<ыть> м<ожет>, указывает на что-нибудь серьезное в организме. Я бы хотел, чтобы ты поговорила с доктором. Прошу не отнестись к этому желанию моему легкомысленно. Знай, повторяю, что я очень беспокоюсь. — Холод в нашей комнате — рас-

холаживает мою к ней любовь. 2 ½ ° — это неслыханно. Жить в ней нельзя. Прошу тебя топить, топить и топить. Ты кончишь — не дай Бог — простудой. И это меня мучит и тревожит. — Раз уже речь о мучениях и тревогах, естественно вздохнуть и о Косте. Ты рисуешь мрачную картину. Я все же не советую менять status quo со школой ex abrupto⁵. Эта школа Жуковских ничего не обещает. Совсем ничего, кроме возможности горшей порчи и развращения. Скорее, думается, следовало бы попытаться счастья с University College⁶ и Mrs. Tupper. Ближайшим же образом следует по возможности меньше опекать его, по возможности меньше давать ему предписаний и ставить требований, сделай опыт прививки принципа самодеятельности и самоответственности. Нужно уменьшить число шансов непослушания, уменьшив соответственно число приказаний и абсолютных требований (часть требований можно сделать факультативными, в форме советов и убеждений, не обязывающих прямо к исполнению), но необходимо последовательно и неуклонно наказывать за непослушание констатированное, хотя бы и в мелочах, а также неуклонно преследовать всякую резкость, хотя бы и в мелочах. Наказание за грубость должно быть, помимо дисциплинарного, и нравственное: мальчик должен понимать, что кого он обидит, тот вправе на него лично *обидеться*. Нужно, чтобы он чувствовал, что его грубость от него *отчуждает*. Вопрос о Косте неисчерпаем, и глубоко нужно в этом вопросе зачерпывать; но обрати все же опять внимание и на эти, уже давно нами усвоенные соображения. — Лидия мне нравится своей впечатлительностью, фантазией. Как хорошо она побывала в театре! — Упреки относительно Маруси незаслуженны. Все мои грамотки и полуграмотки дышат любовью к ней. Но что я написал, то написал. Она вот какая (сумею ли ясно сказать?): она чует верно, верно различает, но не довольно самостоятельно, чтобы уметь измерять. [Поэтому] Она не охватывает всей величины и всего значения вещей, не обзрывает toute leur portée⁷. Для пафоса того [междометия] «oh!» которому Умоллов научился у Александры Васильевны, — у нее не хватает ни дыхания, ни духа. Робкая, колеблющаяся, зависимая в своих оценках, она, из чувства самосохранения, предпочитает во всем *абсолютную* мерку поменьше, пониже; но так как это делается из осторожности и подслепова-тости, а сердце у нее золотое, то она вознаграждает свою «трезвость» неумеренностью в оценке *субъективной*: именно она умеет до таких бесконечно малых величин уменьшать в своих глазах

значение собственной особы, что расстояние между трезво оцененным и своим смиренным я является для нее неисчислимо громадным. Вот психология ее 1000, переправленной в 10 000, переправленной в последнем письме в 1 с большим еще числом нулей. Для нее важно именно количественное определение, и именно потому, что оно ей не дается. Ей хочется иметь представление количественное, потому что она не умеет *исчерпать* предмета с его качественной стороны. Знает направление, но тропа скоро теряется у нее из глаз; тогда она гадает о *длине* дороги. Вот все, что я хотел тогда сказать. Если бы ты ей это написанное мной прочла (чего делать не следует!), — она ударила бы себя в грудь и сказала бы: «Ах, какая я глупая! я тогда сказала 1000, сразу нужно было дать 100000! и кроме того собственную дробь нужно еще разделить на 10, не то на 100, в наказание». И так бы и не поняла, что количественные мерки вообще абсурд, а качественные наивно сводить на добро и зло, прекрасное и безобразное, Ормузда и Аримана⁸... Ну, заболтался я однако! Хотя бы уже *ma fécondité*⁹ по поводу Маруси и всего Марусина и Марусизма вообще послужила свидетельством повышенных чувств моих к одной неисчерпаемой и неизглаголемой, что бы ни говорилось про нее, «Маруся изреченная есть ложь»¹⁰.

Между тем только что пробило час. Спешу спать, подоткнув письмо в дверную щель английского θάλασσοῦ'а¹¹.

Лидия, Радость, целую, целую — без надежды* на то, чего желаю, смотря на звезды, как смотрел когда-то на те же зимние, к весне повернувшиеся звезды в Риме, семь лет тому назад.

Orasempre.

PS. Оле поздравление с тем, что она была на балу такой красавицей!

Конверт со штемпелем: ΑΘΗΝΑΙ. 26 ΥΑΝ. 1902. Женевского штемпеля нет.

¹ «Поздно. Пристань далека» — второй стих третьей части стихотворения Иванова «В челне по морю» (1902?).

² Видимо, речь идет о п. 408 и 409.

³ Сведений о лекции обнаружить не удалось.

⁴ Улицу Эрмоу (*греч.*).

⁵ Внезапно (*лат.*).

⁶ Колледж в Англии, где учился Сергей.

⁷ Всей их важности (*фр.*).

* Ибо как напишу «Словечко»?! (*Прим. Иванова.*)

⁸ Ормузд и Ариман — боги персидского пантеона, где первый олицетворяет добро, второй — зло.

⁹ Мое <словесное> изобилие (фр.).

¹⁰ Обыгрывается цитата из стихотворения Ф.И. Тютчева «Silentium!» (<1829> нач. 1830-х гг.) «Мысль изреченная есть ложь».

¹¹ Комнаты (греч.).

418. Зиновьева-Аннибал — Иванову 26—27 января / 8—9 февраля 1902. Женева

8 февр. 1902

Суббота. 55-й д.м. 9 ½ утра. Сена.

Получила, прочитала твое письмецо, Дотя¹. Оно было интересно тем, что я узнала о Колбе и о Покровском. Я думала, что Колбе совсем молоденький. Мне кажется, тебе полезно попасть во всё это общество опять. Разве тебя это не толкает благотворно и не бодрит, тебя, Дотю, ученого дурака. А Дудкину скажи вот что: Любезный Дудкин!

Никто не требует от Вас дужения. Вас просят выдать *тотчас же надуженное*.

Ваш негодующий друг

Лидия.

А ты, дрянной Дотя, пришли [романс] гимн. Второе впечатление твоего письма грустное. Бедный мата, как ты томишься. Утешаю себя лишь тем, что будь я в твоём положении, я просто с ума бы сошла и руки опустились бы. Как вспомню Грион, так ужас берет. Здесь же я окружена детьми, живыми заботами и *живу* в *твоей* комнате среди *твоих* книг, стола, картин, бюро. Всё стоит, ожидая хозяина, с любовным терпеливым смирением, и всё так прекрасно.

На столик с венецианск<им> зеркалом я набросила прелестную японскую розово-голубо-мовную² с золотом ткань. Прикрепила хрусталем и аметистом. Но думаю снять скоро, чтобы не запылилась до тебя. У нас тоже весна, скоро прекратим все печки, кроме калорифер. Мою уже нельзя топить. Да, представь себе, Маруся, отчаянная пуристка языка, бесит меня глупыми поправками стиля разговорного. Между прочим, пристала с насмешкой к твоей фразе: «Фотини *носила* сегодня твою брошку», которую я ей передала, т.е. фразу — Марусе. «*Один* день нельзя носить, надо

сказать *одела*». Разве это не нелепо и не педантично? Напиши. Также я сказала как-то: «Просто руки упали у меня от отчаяния!» — Она пристала: «Хахаха, руки не падают, а опускаются!» Но разве можно так застудить всякое выражение? Что ты думаешь? Ну, бегу в «Шум». Посылаю *глупо забытое* в последнем спехе отсылки (перед самым часом последн<ей> вечерней почты я *зателась* «O doux printemps d'autrefois» Massené³) и бросилась отправлять письмо, как безумная — 1) письмо Сережино (очень скучное)⁴ и «сердце Еленушки», вырезанное Лилей. 2 ¼ дня. Сена (Дотя, *пиши часы* на своих письмах.) Дотя, не могу не оторваться от «Шума», который терпеливо переписываю, мюнициозно <?> исправляя, больше не трону, надеюсь, кроме по твоему велению. Не могу не оторваться при виде мокрого пятна посередине моей кушетке <так!>, озадачившего меня. Выяснила, что это *слезы Веры*, и пишу тебе. Она сегодня сдала последний экзамен — историю. Писала ответы на вопросы. Кажется, очень недурно. И так была счастлива. Хотела идти помогать Christie готовить уроки и пить с нею чай. Но я запретила. Строоны желают эксплуатировать Веру, между тем, мне это невыгодно. Без помощи Веры Christie *не может* идти с классом и, так<им> образом, ее выгонят. Вера *охотно* отказалась от плана и распределила весь день между чтением, музыкой и учением. Внезапно Маруся велела ей идти к дедушке с Miss Bl<ackwell> за скребком (дорожки чистить) в виде прогулки. Она тотчас пришла в каприз, примчалась наверх и принялась плакать на моей кушетке. Пришла Маруся, устыдила ее, объяснила ей, что прогулка ничего не расстроит, и Вера сбежала вниз, веселая, и играет теперь прелестно песнь Sizilianisch Schumann'a⁵. 7 ½ веч. Сена Дотя, сегодня весь день сидела. Довольна, но не вполне. Писала, но не столько, сколько хотелось, хотя всё углублялось и становилось выпуклым. Остановилась на выходке певучего художника против поездки Эритры в амазонке и с кошельком контессины <?> и.. взяла Толстого «Что такое искусство?»⁶. Просмотрела почти всю статью. Наболтано, налгано небдуманно и нечестно, но 2 великие истины сказаны: Искусство — заражение и 2) Искусство должно быть понятным: grand art⁷ — Всенародное искусство. Вот как кончила читать, так обедать, а после обеда спела два класс<ических> романса, Giardini⁸ и Mozart, и после плавной, спокойной музыкальности Массенэ <1 нрзб> les cris strident<s>⁹. О великий Толстой, ты прав, хотя и глуп.

А Костя наш все высиживает наказание. Сегодня опять не в школе, весь день в гостиной один, без сладкого и за русскими упражнениями. И очень стал тих, приятен всем существом, и объявил: «Какое счастье работать упражненья!» Он был прав, когда на вопрос Гренауэра, что он всего больше любит?, ответил: «Заниматься». И когда он внешним или внутренним нажимом победит лень, то учиться — его наслаждение, и сам он как ангел. Думаю еще завтра продержат его — воскресение. Это успокаивает его нервы, и он сам от себя отдыхает. Сейчас иду в темноте побродить в сад: кружится голова. У меня кокофэн и потому я дома.

Воскресенье. 56-й д.м. Сена. Вчера вечером Лиля принесла carnet: «Très mécontente de Lydia. Elle a été malhônnete <так!> avec sa maîtresse»¹⁰. Спрашиваю Лидию: оказывается, она побила в живот учительницу при всем классе! И уже со смехом сообщала об этом Miss Bl<ackwell>, хвастая, что ударила «smacked»¹¹ больно. Дорогой Дотя, что мне было делать? Еще такой случай, и ее выгонят: это будет и скандально, и неудобно. Она же, очевидно, понятия не имеет не только о «Добре и Зле», но и о «Возможном и Невозможном» в общежитии людей. Я задрала ей юбки и отшлепала ее рукой как смогла больнее. Мне очень жаль, что я не могу исполнить твоего совета, не наказывать ее. Но напиши мне, что было лучше делать? Я дала ей стакан молока и хлеба вместо обеда, шлепнула ее еще раз и прогнала спать, сказав, что если она еще будет драться в школе с учительницей, то ее запрут в Gendarmerie¹² и солдат ее будет стеречь. Всё это не для наказания, а для *внушения modus vivendi*¹³. 5 недель скверные carnets¹⁴ и личные на нее жалобы и, наконец, la fin couronne l'oeuvre¹⁵. Иду сейчас в школу объясняться.

9 ч. веч. Сена. Были к 12-ти в школе Мар<уся>, я и Лиля. Видели учительницу, и она говорит, что Лиля побила младшую учительницу, которая вообще ее балует, и, кроме того, очень шалит в классе. Лиля ждала в прихожей школы, и когда мы вышли, то я сказала ей, что учительница хотела ее запереть без обеда в темную комнату, но мы упросили, и она простила с тем, что Лиля будет помнить, что в школе надо быть *очень* вежливой. Девочка сначала очень испугалась, а потом совсем развеселилась. Думаю, что она поняла важность школы. Сегодня весь день мы с ней друзя. Сегодня также последний день Костиного искуса.

Перед завтраком я, Дотинька, попела экзерсисы и два романа. Потом писала и дочитывала Толстого. Мне очень пригодятся

все haarsträubende¹⁶ чуши и blasphèmes¹⁷. Так целиком в рот дурацкого Адовратского идут. Дотя, я скучаю по тебе. Ты недостаешь мне. Как могу я столько времени не говорить с тобой. Всё больше и больше чувствую себя половинной¹⁸. Я говорю так: ну ладно, выдержи эту разлуку, но затем баста. *Больше никогда вольно* не разлучаться, и молить Спасителя, чтобы дано было нам вместе умереть. Дотя, я так люблю тебя, я так люблю тебя. Ты мое солнышко, мое дыхание. Еще доскажу, что делала.

В 4 ½ пила чай, а после чаю Костя, и Кристина, и Лиля пошли к дедушке, чтобы пока дети с ним, Кристина могла погулять в винограднике. Я же пошла петь и всё повторяла «Othello» Rossini — «Assisa a piè d'un salice» и «Lascia ch'io pianga!» <из> «Rinaldo», Händel'я и Mozart'a¹⁹, и разыгрывала аккомпанем<ент>, и я стала чудно владеть очень чистым голосом, и гораздо легче играю аккомпанемент. Я ни одной ноты не пою без мысли о тебе, без блаженной надежды, что вот еще немного, и ты меня услышишь, и мне удастся дать тебе наслаждение тем, что ты так любишь — высокою, чистою музыкой. Я каждый день трачу много времени на разбор нот, чтобы привыкнуть играть себе. Целую Дотю, сейчас до 8-ми поиграла в палочку-воровочку с Верой. Это наша игра *вдвоем* с ней. Я одета в Лондонском голубом капоте. Очень красиво. Он вычищен и прелестен. Я сейчас отсылаю письмо в город с Кристиной, потому что сама читала в Женевской почтовой книге, что почта уходит 3 раза в неделю в Грецию. Когда получишь это письмо? Должен получить в *Четверг*. А завтра отошлю опять поздно вечером, и должен получить в Пятницу. Твоя Лиля.

Конверт с адресом, написанным рукой М.М. Замятниной. Штемпель: Genève. 9.II. 02. Афинского штемпеля нет.

¹ См. п. 412.

² Мовную — сиреневую (от *фр.* mauve).

³ «О, сладкая весна былых времен» Массне (*фр.*). Первоначально эта пьеса была предназначена для рояля (без голоса). Потом композитор добавил слова Louis Gallet (1835—1898). Фамилию композитора Зиновьева-Аннибал пишет неправильно, должно быть Massenet.

⁴ Это или открытка, отправленная (по штемпелю) 7 февраля и полученная в Женеве 8-го (РГБ. Ф. 109. Карт. 38. Ед. хр. 54), или письмо от 1 февраля (Там же).

⁵ Сицилианскую Шумана (*нем.*). Входит в «Альбом для молодых», оп. 68.

⁶ Трактат Л.Н. Толстого (1897—1898). Впервые полностью опубликован в 1898 г. В письме, начатом 25 января / 7 февраля (цитируемый текст написан 25 января / 8 февраля), М.М. Замятнина сообщала Иванову: «В чудном уюте. Чудная женщина сидит на кушетке своей, читает Толстого об искусстве и изливает самые отборные

ругательства на него, да и стоит он их. Сейчас, не зная уж, к<а>к еще его выругать, назвала его еще “недопеченным кирпичом”. Она и представляла, к<а>к он по-стариковски все это изрекает, каждую секунду слышатся взрывы смеха негодующего и брани затем, и цитировка какой-нибудь тупости ограниченной. А сейчас напала на место, где нашла, что он совершенно прав, именно, что поэзия и музы<ка> действительно не могут быть вместе соединены. Я со своей стороны и с этим не согласна, мне чудится единение» (РГБ. Ф. 109. Карт. 19. Ед. хр. 14. Л. 24).

⁷ Большое искусство (фр.).

⁸ Felice Giardini (1716—1796), итальянский композитор, скончавшийся в Москве.

⁹ <Нрзб> резкие крики (фр.).

¹⁰ Очень недовольна Лидией. Она непорядочно вела себя с учительницей (фр.).

¹¹ Ударила со шлепком (англ.).

¹² (В) жандармерию (фр.).

¹³ Образа жизни (лат.).

¹⁴ Тетрадки (фр.). Вероятно, имеется в виду какой-то вид школьного дневника.

¹⁵ Конец венчает дело (фр.).

¹⁶ Возмутительные (нем.).

¹⁷ Кошунства (фр.).

¹⁸ Видимо, отсылка к известному мифу о том, что современные люди — лишь половинки прежних, стремящиеся обрести былое единство (Платон, Пир, 189d—193e).

¹⁹ «Assisa a piè d'un salice» («Сидя у ивы»), ария из оперы «Othello» Дж. Россини (1816; не смешивать со знаменитой оперой Дж. Верди того же названия). Впрочем, см. п. 419, сноски 30. «Lascia ch'io pianga» («Дай мне плакать»), ария из оперы Генделя «Rinaldo» (1711).

419. Зиновьева-Аннибал — Иванову 28 января / 10 февраля 1902. Женева

10 Февр<аля> / 28 Янв<аря> 02. 2 часа. Сена.
57-й д<ень> м<ужества>.

Дотя, забыла тебе рассказать. Третьего дня, как сговорившись, Оля приносит мне ландыш великолепный с корнем, благоухающий и расцветший, и ставит в вазу из-под Чертозы (синяя с зеленой змеей), а Маруся через час — букет левкоих <так!>, которые я обожаю. Я поставила их в вазу из-под пикулей, *упоительной* формы: высокую с расширением внизу иверху. Цветы на «длинных стеблях» белые и розовые. Обе вазы на столике «гососо» (с венец<ианским> зеркалом, синими картинками гор и водопада и вазочки с амуром и сиренюю). Столик драпирован японской тряпкой Алекс<андры> Вас<ильевны>. Красота и радость!

Вчера как отослала тебе письмо, пошла прощаться и молиться с детьми. Костя молился по своему почину о помощи для пове-

дения: «Помоги мне хорошо себя вести и быть утешением, а не горестью Марусе, маме и Вячеславу...», потом плакал, когда я целовала его, впервые прося прощения, и пожелал очень извиниться перед Miss Bl<ackwell>, что и было исполнено. Он очень старается сегодня. Весь изменился. Дай-то Бог! Сегодня с утра почитала Боделэра «Petits Poèmes»¹. Очень забавно после Толстого, потом писала и пела. После 11 ½ пришла из школы Вера и, как всегда, прямо наверх. Я с ней говорила по душе: оказывается, она *мало* желает играть театр с Строонами. Ее мечта вполне сходится с моею и очень жарка: быть с Сережей en famille², чтобы поднять старую милую цепь игр, и бесед, и настроений. Это совершенно решает меня поступить радикально, и жду лишь твоего письма, чтобы известить о запрете Сережу. Да, Дотя, я и не думала устраивать «праздники» на Пасху, и если хотела быть дома, то только ради говения детей и встречи религиозной великого дня. Вероятно, буду говеть вместе с ними, или как ты посоветуешь?... Вот только что добрый голосок Кости из сада кличет меня: «Прощай, мама! Я иду в школу!» А Маруся только что уехала на лекцию. Salève так прекрасен. Просыпаюсь я в 7 ½ и думаю: «Ужасный климат! Всё то же: серое небо, не то дождь, не то нет, ветер и серость, серость». Но солнце, встав, осветило синие небеса, и всё блистает, и снега серебрятся, а Salève в синем облаке, как Гимет, только без пурпура. Весна чувствуется в мягкости воздуха и в запахе молоденькой земли. Я лежу или «возлежу» в своей <1 нрзб> и окно мое широко распахнуто. Сегодня будет урок музыки, и потом Острога обещал остаться, чтобы faire de la musique³. Поэтому теперь спешу к своей работе. Буду писать во время урока. Да, для забавы написала на визитных карточках в лиловых конвертах торжественное приглашение Оле и Кристине. Текст: «Л.Д. И<ванова> очень надеется, что Кристина Семеновна или Ольга Фед<орова> (каждой отдельно) не откажет ей своим присутствием украсить музык<альный> вечер 10-го Февр<аля> в вилле Жавá Шателэн». Это для того, чтобы девушки приоделись и чувствовали себя бодрее. Попросим Miss Blackw<ell> поиграть вальс, а Острога будет танцевать с Кристиной. Посмотрим, принесет ли он свои романсы. Иду... целую свою жизнь.

5 ¾. Hall

Вот и урок музыки, мой Дотя, и первый раз без свечей. Hall весь освещается золотистым светом вечера. Только что сверху я глядела по очереди то на золотящуюся в лиловом тумане Юру, то

на тлеющий Mont Blanc и его цепь и пурпуровый Салев. Прекрасно здесь. В особенности я полюбила Salève, прежде мною тупо ненавидимый. Полюбила его по дороге к бабушке. Сегодня, как давеча кончила свою беседу с тобой, моя Радость, то пописала немного, потом пожалела Олю, штопавшую чулки на площадке на диванчике против зеркала, и призвала ее к себе, чтобы немножко с ней побеседовать. Она вспоминала первые времена у меня, и я рассказала подробнее о Конст<антине> Сем<еновиче>⁴, т.к. оказывается, что она почти ничего не знала о моем деле. Оля всегда обожает поболтать со мною. Но, кроме того, я отделала хороший кусочек «Шума» и довольна собою. К чаю приехали Маруся и Вера. Во время чаю Вера вздумала пойти гулять, и тотчас они снарядились: она, Лиля, Miss Bl<ackwell> в Petit Sacconex. К 6-ти они будут дома. Вот только что Оля тихонько вошла в комнату, чтобы поправить саламандру, и принесла мне мой дорогой браслет. Маруся привезла их обоих сегодня из магазина, но мой был грязен, и Оля вычистила золото. Я в голубом очаровательном капоте. Он мне очень идет. Темнеет, пурпур гор тяжелеет, чернеет, небо светящееся зеленое между двумя грядами желто-розовых облаков... Сейчас буду писать маме... Вот еще оторвалась от тяжелого письма моей бедной старушке, чтобы сказать тебе, что Костя имел урок в 40 мин. и *хорошо* работал. Был тих и кроток. Теперь он пошел наверх готовить школьные уроки. Вера села и играет экзерсисы. Она прелестна со своими красивыми густыми волосами, разметавшимися по коричневому ее школьному платью. Она выглядит совсем гимназисточкой. Экзерсисы она плохо приготовила, потому что увлеклась прелестной песенкой Моцарта и ее очень мило теперь разыгрывает. А Лиля под газовым рожком посередине залы сидит у своего столика и рисует и пыхтит на всю комнату, и что-то взволнованно себе шепчет — — Иду к тяжкому письму.

Дотя, пообедали, выпил<и> кофе.

Будем петь. Надо опускать письма. Целую нежно. Дотя, я хочу ехать на польский бал? Что ты думаешь. Я сошла с ума. Но мне хочется? Дотя, *когда придет твое письмо?*

Твоя девочка.

¹ «Маленькие стихотворения» (фр.). Имеется в виду цикл миниатюр Ш. Бодлера «Petits poèmes en prose» («Стихотворения в прозе»).

² Одной семьей (фр.).

³ Музицировать (фр.).

⁴ Шварсалоне.

420. Иванов — Зиновьевой-Аннибал
27—29 января / 9—11 февраля 1902. Афины

День 57

9.II / 27.I

Воскр.

Дорогая Радость! Проспал сегодня поздно, после вчерашней ночной почты! Лил обильный дождь. После дождя стал легкий дух. Теплынь. И солнце проглянуло, и опять дождь пошел, и опять солнце. Весна! По хмурому морю [поплыли] серебряные полосы. Вид на ближние горы прозрачен, дальние в снегу. День кончился золотым закатом. Я был до завтрака в Институте. Придя домой, прилег поспать; но в голову стали лезть рифмы о Пуссене и Лоррене², которые сообщаю накликавшей их Марусе: как видишь, мои мысли постоянно следуют за Неизреченной, а ты говоришь — я все мало ее люблю. Только, что я люблю, то люблю и постичь до конца; то и треплю зубами злобно-ворчащего анализа... Так и не заснул и стал заниматься. — С утра сегодня думаю о Косте. Мне очень больно, что тебе и Марусе с ним худо. Прежде всего, и его нужно постичь до конца. От детерминизма не уйдешь; и хотя филологи, как Виламовиц, Маас³ и др., и сердятся на детерминизм, а Греки все же, именно потому что были глубоки, были детерминисты, каждый по-своему. И Платон тоже прав, говоря о конях, не удержанных возницею⁴. Сцилла и Харибда бедного мальчика были: уродиться в отца или в мать. И кажется, он избег первого зла (кроме разве некоторой физической и сенсуальной грубости родителя). Но от матери он получил плохое наследье. Мне кажется, он воспроизводит, в смысле наследственности, — кого бы ты думала? — дедушку своего, Дмитрия Васильевича, реалиста и механика, насильника и обиженного. Я вижу в нем *болезнь воли*, психологическую *слабость ее*. Ему «больно повиноваться», т.е. «больно» переломить себя. Он и дерзок, п<отому> ч<то> ему больно. Воля не в порядке и у Сережи, и у Веры. Но Сережа гармоничен, потому что кроток (покорен) и *согласен* по существу; он не страдает от волевых аффектов. Вера и Костя — жертвы волевой безудержности. Но у Веры, при ее душевной глубине и при той спиритуалистической закваске, которую она через тебя взяла от Софии Александровны, — отсюда трагика, борьба Ормузда и Аримана, распутье между святостью (очень суровой) и бунтом, — и все смягчается и умиряется Харитой любви, текущей из исполненного, любвеобильного сердца. У Кости же —

одни волевые импульсы (при отсутствии идеализма), которых он не может ни насытить, ни обуздать. Как вращать, как укреплять его волю? Ближайшим образом, сделай попытки проведения в какой-нибудь точно определенной сфере сначала — ему же нужно воспитывать в себе и добросовестность — принципов self-control'я⁵ и самонаблюдения и самоотчета (с самонаказанием включительно). В другую школу отдавать не советую. Вспомни, что он уже имел учителей (мужчин) и пр. у Dr. Ralph. Там будет ему 1) грязь, 2) страдания.

Невежливо откладывать визит знакомой <1 или 2 нрзб>. Напиши Марье Тихоновне⁶.

День 58.

10.II / 28.I

Понед. ок. 8 ч. веч.

Розокудрая Радость! Пришел из Института, с лекции Дерпфельда, о разных частях театра и технических названиях, о Фимеле⁷ и пр. Утром также был в Институте, где Kolbe говорил мне разные свои соображения. Теплый, солнечный и вместе туманный день. Ничего характерного. Разве опять наблюдения за Итальянкой, прогуливавшейся по обычаю перед закатом со своей собачонкой и своим маленьким невольником по [утренней] нижней [рампе] террасе, и смутное психопатическое ощущение, мною подчас испытываемое при этом зрелище (обыкновенно, впрочем, она прогуливается сам друг с собачонкой)... Видишь ли? психопаты — все мы. И ты также, когда хочешь с убийственной целью приманить Луизу полюбоваться на красивых и радостных девушек. У меня еще острее жажда крови, совсем что-то в роде раскольниковщины. Живет Итальянка так противно, противно уединенно в домишке с запетыми ставнями, который она сторожит от злодеев. У нее собачонка и пэди, часто сбегаящий. Ее насекомобразное существование все тут перед глазами в этой запертой со всех сторон скорлупке. Изредка она бойко играет и звонко поет — и резать ее соблазнительно! Вот уединение доводит до каких психических состояний. Во всех нас элементы вырождения и атавизма: Орфики верили в первородный грех: люди родились из пепла Титанов, сожженных молнией Зевса за растерзанье Диониса⁸. Они молились и совершали искупительные жертвы за грехи προϋόνων ἄθεμιτότων («беззаконных предков»). Мы теперь так умны стали, что не верим в «проклятия старинных преступлений»⁹. Судьба и Грех для нас старинные пугала.

Придется закончить письмо на этой мрачной теме. Прочти для более приятного заключения мою Грамотку. Целую как желаю. OS. Письмо поручу Ангелу, чтобы быть свободн<ым>. Шрадер завтра не читает.

Перелистай Тютчева: не украл ли я у него 7 и 8 стихи Грамотки? Т.е. у него что-то подобное. А может быть это только дух его¹⁰.

Опять насчет Маруси. Поговори ты с ней по душе, не лучше ли ей нас покинуть с осени. Возможно, что она прямо *губит* себя, *убивает* медленно. Я не знаю, как действуют на ее сердце эти постоянные напряжения, волнения, огорчения. Ты, впрочем, сама видишь — б<ыть> м<ожет>, больше, чем она скажет¹¹.

Конверт со штемпелями: ΑΘΗΝΑΙ. 24 ΥΑΝ. 1902 — Genève. 15.II.02.

¹ См. п. 417.

² Никола Пуссен (Nicolas Poussin, 1594—1665), Клод Лоррен (Claude Lorrain, 1600—1682) — французские художники классицистического направления, друзья и соседи в 1660-х гг. Речь идет о стихотворении Иванова «Два художника», посвященном Замятниной и вошедшем в «Кормчие звезды» (I, 632—633). В письме, датом 25 января / 7 февраля 1902 г. (цитируемый фрагмент написан 27 января / 8 февраля), М.М. Замятнина писала Иванову: «Таракан на последних занятиях практических характеризовал Poussin и Claude Lorin <так!> — к<a>к героических пейзажистов и вообще их к<a>к первых пейзажистов, а последнего, т.е. Cl. R. <так!>, к<a>к «пленириста» до «плениристов»» (РГБ. Ф. 109. Карг. 19. Ед. хр. 14. Л. 24 об), а в начале 2/15 февраля (цитируемый фрагмент написан 3/16 февраля) откликнулась на присланные стихи: «Относительно стихов о Пуссене и Кл. Лоррене уж думаю, что через них чудно глядят и тот и другой» (Там же. Л. 32).

³ Иванов имеет в виду известного немецкого филолога-классика Ernst Maass (1856—1929), автора книги «Orpheus: Untersuchungen zur griechischen, römischen und altchristlichen Jenseitsdichtung und Religion» (1895).

⁴ Имеется в виду диалог «Федр», где Платон уподобляет человеческую душу колеснице, запряженной парой коней, и управляющему ею возничему.

⁵ Самоконтроля (англ., рус.).

⁶ Тетка Иванова.

⁷ Алтарь Диониса в центре орхестры древнегреческого театра.

⁸ Подробнее см. главу «Дионис орфический» книги Иванова «Дионис и традиционистство».

⁹ Из поэмы Иванова «Сфинкс». В оригинале: «душа заражена / Проклятием старинных преступлений» (I, 658).

¹⁰ Поскольку приложенная к письму «грамотка» не сохранилась, понять, о чем идет речь, вряд ли возможно.

¹¹ Отвечая на эти строки, М.М. Замятнина писала 3/16 февраля (письмо было начато 2/15 февраля): «А о том, чтобы покинуть Вас, пора бы, думаю, что бы то ни было, оставить разговор об отъезде моем, ведь это все равно к<a>к если бы вы все говорили: “А что лучше, жить или не жить?” Бросьте этот вопрос, наконец, Вячеслав, ведь ту же муку не перемалывают по несколько раз. Лидия это гораздо лучше понимает» (РГБ. Ф. 109. Карг. 19. Ед. хр. 14. Л. 32 и об).

421. Иванов — Зиновьевой-Аннибал
 29 января / 11 февраля 1902. Афины

59 день

11. II / 29. I

вторник
9 ½ ч. веч.

Милая Радость! Пробежал только что полученное письмо. Напишу немного. Лучше завтра буду писать снова: в четверг есть почта. Теперь устал, а беспокойное содержание твоего письма требует спокойного и вдумчивого внимания. Заочно судить обо всем трудно. Все так непрозрачно. Вредное влияние детей Strachan ты, вероятно, преувеличиваешь. Дети наши — люди и, значит, осуждены на общество мерзавцев. Они сами должны иметь инстинкт выбора и отвращения. Повредит ли сильно общение на почве такого строго ограниченного и всецело занимающего дела, как театр? Принципиально сочувствовать родительским veto нельзя: их благонамеренность не уменьшает их брутальности. Дети ведь уже так настроились играть. О Miss Bl^{ackwell} не могу судить. Конечно, ты можешь воспользоваться случаем, чтобы избавиться от нее, раз это желательно. В противном случае, не вздумай давать ей денег на сентиментальную поездку и возвращение*. 6 недель мне кажется долгой вакацией. Требуется ли она жалованья за это время? Не в деньгах, конечно, главный толк, а во всей совокупности дела. — Впрочем, я едва пробежал письмо и еще ничего не знаю. Относительно Кости я бы стоял за status quo до последней возможности. Очень вредны вообще экстренно-воспитательные и душеспасительно-штрафные эксперименты с усовершенствованной «педагогией». Костю Острога называет нервным, я его назвал еще сильнее (и, я думаю, еще вернее) психопатом или невропатом, субъектом большой воли. Думаю, что перемены ему вредны. Но и дурное общество, конечно, вредно. Я бы стоял за опыт с английской школой, а теперь бы по возможности оставил все по-старому. Уменьшил бы только опеку и запрещения, вернее, замаскировал бы многие применения опеки и как-нибудь ухитрился бы сделать его самого соучастником его же воспитания. — Лиля импонирует, как хочешь, моему эстетическому чувству; и в нашей маленькой нищешанке чувствуется душевная глубина. — Ты меня решительно беспокоишь своим на-

* Как глупо таять, делать преждевременные подарки нелепые и оставаться с носом. (Прим. Иванова.)

строением, я боюсь, что разлука вредна твоим нервам. Почерк у тебя местами больной. Ты не спишь, прыгаешь, переутомляешь мозг работой, смеешься, плачешь и т.д. Когда я получу от тебя письмо лирное, ясное?.. И в конце концов, как это ни нескромно, признаюсь все же, что имею чувство, будто меня недостает у вас там. Все вы слишком возбудимы и возбуждены. Ты скажешь: я бешусь. Но и бешенство не то, что это ваше возбуждение, — бешенство именно вовсе не это постоянное напряжение нервов и воли, а нечто тому противоположное. Но думаю, что мое бешенство принадлежит прошлому. — План, *s'il vous plaît!*: отвези Костю в Англию, поживи там недолго и приезжай потом ко мне*. Сережа избегнет вредных ему пасхальных вакаций с домашним катаньем сыра в масле (?)**, приятельницами, трагедиями и прочей чепухой. Конечно, это только «Einfall»² минуты, как говорим мы, грешные филологи, когда у нас чешется язык на сообщение какой-нибудь через голову шмыгнувшей ученой нелепости. — С Дашковичем нужно познакомиться, так как об этом просит Александра Васильевна. Конечно, если это тебе кажется *вместимым*. Ибо только могущий вместить, да вмещает³. — Общее впечатление письма: письмо из дома психопатов. —

В сущности, оно меня глубоко взволновало. Именно, мне хотелось бы быть прежде всего с тобой: так бы бросил все и поехал успокоить тебя, посмотреть, что с тобой и всеми вами...

Страстно желал твоей фотографии и то, что получил, не знаю, как принять за тебя. И что-то твое хорошо так мерещится в темных тенях, и так мучительно неясно, и так мучительно соответствует моему тоскливому беспокойству за тебя, пугливой тоске по тебе. Я же тебя сегодня во сне видел в мучительной агонии: именно, мне снилось, что ты видишь в другой комнате мой двойник, и стараешься скрыть это от меня, и вместе уверена, что я умру. Болезненные отголоски тяжко пережитого!⁴

Сегодня я выходил только в Музей на «экстренную» лекцию Вильгельма. Кроме меня, были два Англичанина и та хорошо знающая по-гречески Англичанка, изучающая вазы. До лекции я разговаривал с молодым Англичанином из Оксфорда, — впрочем он назвал себя Шотландцем, — славный такой, что-то напоми-

* Жаль его послать из дома прочь, маленький он, и страдал у Ralph'ов. (Прим. Иванова.)

** Знак Иванова.

нающее лоллипопса⁵; потом пришел Вильгельм и стал жаловаться на свое неумение говорить по-английски и пр. Я все же заметил ему, что боялся его беспокоить в этот час, при его занятиях, но слыша, что упражнения происходят регулярно, решился присоединиться; он отвечал любезно. —

Отчего же ты не пишешь или, вернее, не перепишешь письма Фотины и Ангелу? Сегодня я очень поздравлял обоих. С утра Фотина сообщила мне, что Ангел вернулся только в 5 ч<асов> утра с выборов, выбранный единогласно в председатели корпорации владельцев торговых и промышленных заведений (вероятно, маленьких только) Афин и Пирея. Подумай, Ангел *единственный* председатель на все Афины и Пирей в корпорации, «предводитель» *des petits bourgeois*⁶. И он уже ряд лет представляет, ежегодно вновь избираемый. Вчера была борьба, он говорил речи. Сегодня подстрижен и горд.

Фотина, после моего Музея, показывала мне книжки, чтобы я выбрал себе для чтения. И вот я уже на 3^м действии трагедии Алфиери «Саул» — в новогреческом переводе⁷. Давно собирался прочесть ее, правда не по-гречески! Фотина — истая гречанка: любит Одиссея. Ничего, что он ψεύτης⁸. Ведь и жена его — лгунья, п<отому> ч<то> обманывала женихов. — За Корицу они платят в Арсакион⁹ 120 др<ахм> в месяц круглый год! И непременно хотят, чтобы она там жила, п<отому> ч<то> иначе будут любовные шашни, *des oeillades*¹⁰ по дороге в школу и из школы и т.д.

— Целую милого друга, страстно желаемую Радость, от всего взволнованного, пугливого сердца.

Твой OS.

Если ты чувствуешь, что тебе худо без меня, что я тебе нужен, *приезжай* сразу, не заботясь об остальном; ибо *это* важнейшее! Или вели мне приехать, и я все брошу. Твой В.

Письмо NB негармоничное и неотстоявшееся; всякая муть наверху.

Марусина корреспонденция начинает — скажи ей — сочиться все скуднее и скуднее... А здешняя-то Маруся — «лется щедро, плещет вольно»¹¹.

¹ Пожалуйста (*фр.*). Здесь Иванов воскрешает этимологический смысл выражения: «если Вам будет угодно».

² Идея (нем.).

³ Мф. 19: 12.

⁴ Иванов, видимо, имеет в виду свое тяжелое состояние во время тифа.

⁵ Леденец (англ.).

⁶ Мелких буржуа (фр.).

⁷ Витторио Алфиери (Vittorio Alfieri; 1749—1803), итальянский поэт.

⁸ Лгун (греч.).

⁹ См. п. 364, прим. 4.

¹⁰ Глазки (фр.).

¹¹ Источник цитаты не обнаружен.

422. Иванов — Зиновьевой-Аннибал 30 января / 12 февраля 1902. Афины

60^я день.

12. II / 30. I

Среда 9 веч.

Лидия — Радость!

Относительно Miss Bl<ackwell> думаю, что нужно поступить строго по договору, без всяких уступок и отклонений. Она же всегда может уехать, сама платя за дорогу. Если же она едет только на «вакацию», от тебя зависит, разрешить это или нет; и в это я не вмешиваюсь. Но платить за это удовольствие должна она сама, и от жалования должна на это время отказаться. Таково мое *мнение*, но я далек от того, чтобы навязывать его тебе как *règle de conduite*¹.

Если ты очень стоишь на перемене школы для Кости, производи разыскания; и я нахожу, что было бы лучше, прежде чем решаться, сообщить мне результат розысков и вместе посоветоваться.

Я думаю все же, что *не* в воспитании «something is wrong»² и что несовершенство школы, английской воспитательницы и товарищей — дело второстепенное. Боюсь, что он всегда будет, как я выразился о том, в кого он, по моему мнению, уродился, «насильник и обиженный»: вроде библейского Измаила, про которого сказано было: «он будет [в братьях] среди братьев своих как дикий осел: руки его на всех, и руки всех на него»³. Обижать ему суждено, но не побеждать; напротив, быть побежденным и терпеть возмездие: побеждает воля, а не вожделие. Он ничего — постоянно, целесообразно, сознательно — не волит, и всего вожделеет. Но он не «сложен». Как он способен к огорченной злопамятности! Совсем как «дедушка». Не хорошо ему озлобиться с

детства; тепло семьи и родного дома ему нужнее, чем Сереже. Все три младших нуждаются, каждый по-своему, в постоянном нравственном отоплении, в целительном солнце любви и ласки.

Из всех моих рассуждений, я сам знаю, можно извлечь очень мало практического толка, или даже совсем никакого. Я не знаю, что тебе посоветовать, — особенно издали, — во всех твоих затруднениях. Напр<имер> о детях Strachan. Только brutальных разрывов избегай, без повода и предлога. Это очень жестоко и [относительно] по отношению к детям — ставит их в ложное, невыносимое положение, и притом вредно им, ибо притупляет, растаптывает их инстинкт и навык бережной деликатности к людям. —

Вот едет ваша радость, склеенный макаронщик! И прием готовится ему очевидно столь мягкий, что опасности расклеиться нет. Кислотами анализа поливать не будут, или кипятком строгого правдивого допроса. Хорошо выстоит, красиво. Посмотрит богатую родню, вникнет в сумасшедше-сентиментальное Treiben⁴ дома... И охота этим девкам продаваться в неволю! Позвала бы его О<ля> несколько ночей подряд в свою светелку спать и сказала «a rivederci»⁵... Ах, ничего-то отсюда не выйдет, кроме чепухи!. Оля встретит его с кокетливым опусканьем глаз и стыдливым румянцем. Он преподнесет какой-нибудь нежный подарок. Они сделают вместе какой-нибудь сентиментальный променад... Он будет проповедать о трудолюбии и добродетельных намерениях. Ты скажешь: «Дети, благословляю вас», и обещаешь какую-нибудь (скромную) суммочку денег, чтобы машинка двигалась. Но даже и без того он останется «много доволен» прогонными⁶ и приемом родственным. После такого начала ему можно всего надеяться <так!>, с твердым упованием глядеть на будущее. —

Ах, уж эти мне русские девушки! Ты совершенно éprise de cette⁷ Кристина. A la bonne heure!⁸ Только ты уже очень поспешила в своих умилениях. Но пощади, ради всего на свете, с еще новой, еще новой, еще новой «русской девушкой»! Я лягу на пороге, и через меня ей придется переступить в дом! Еще новая русская девушка! Это у тебя болезнь, родственная лесбической... Говоря серьезно, *Англичанка* нам необходима. Так не бросают свои насаждения, как ты хочешь сделать.

Довольно мне однако болтать без толку. Ибо знаю, знаю, что нет толку практического в моих разглагольствованиях. Les absents

ont tort⁹. Если хочешь что-нибудь видеть и как-нибудь воздействовать, не сиди за морями, не уходи от жизни.

Дорогая любовь! Я очень радуюсь за полученные, хотя и плохие фотографии. Они стоят передо мной. Ты хорошо видна и красива. Пришли еще другие. — Я не хочу напоминать тебе об одной вещи, которую ты должна помнить и исполнить сама.

Сегодня выходил из дома утром ненадолго в пинету и поплудни — во Французскую школу. Был реферат Vollgrafa¹⁰ (о Полибии и Т<ите> Ливии): raison d'être¹¹ этого реферата не вижу, нового усмотреть в нем не мог. Потом очень интересная [реф<ерат>] conférence¹² Homolle'я: о дельфийском ото¹³, раскопанном Французами. Этот круглый храм должен считаться теперь древнейшим образцом коринфского стиля и важен во многих и других отношениях. Было много народу, дам и пр. Также консул и консулица, очень участливо осведомлявшиеся о моем здоровье и тебе. Консулица именно спрашивала, в Женеве ли ты, и как ты там, и дети, и т.д. Немцы всего Института были, — и Вильгельм, и Англичане — «знакомые все лица»¹⁴. Выйдя из Ecole Fr<ançaise>, увидел в первый раз молодой месяц — *лева*. Естественно!

Вот уже 3 дня подряд вручаю Ангелу письмо за письмом к тебе. —

Целую, как тебя желаю.

Orasempre.

13 Мая как срок мне не нравится, я бы предпочел 26 Апреля. Ну, да что толковать о том, что все равно далеко и «в лоне богов»¹⁵, т.е. от нас не зависит.

Письмо негармоничное

Не знаю, почему ты боишься, что Англия была «роковая» для Сережи. Благодаря присутств<ию> Англичанки он и дома — не дома, говоришь ты также. Я думаю, это все неверно. Между прочим замечу, что, кто теперь менее всего дома, — это Русские в России. Россия переживает такую переходную пору, что мы, вернувшись, и не узнаем отечества. Что дети не в русских школах, счастье: такая там теперь ломка. Новая Россия требует новых

* Кроме разве нелепой выходки о Моммзене, который де всегда (?) <—знак Иванова> выдавал себя другом обиженных и притесненных, а Греков не пожалел в их борьбе с Римом. (Прим. Иванова.)

людей. А новые Русские — Русские, пришедшие *назад* с Запада. Впрочем, я разумею <?> только таланты.

Наивно говоришь ты, что не экзальтируешь, а стараешься успокоивать. А успокоивать самыми потрясающими беседами, — и результат: все экзальтированы. Ты же не можешь, говоря о религии, светиться как тихая лампада, как Ольга Беляевская.

Марусе я имею только сказать, что кто со мной не желает общаться, с тем не желаю общаться и я¹⁶.

Сердечко, вырезанное Лилей, ты забыла приложить. Странная девочка! Поцелуй ее за меня.

¹ Правило поведения (*фр.*).

² «Что-то не так» (*англ.*). Иванов цитирует Зиновьеву-Аннибал (п. 390).

³ Цитата из Библии (Быт.16.12): «Он будет между людьми, как дикий осёл; руки его на всех, и руки всех на него; жить будет он пред лицом всех братьев своих».

⁴ Деятельность, действие (*нем.*).

⁵ «До свидания» (*ит.*).

⁶ В современной терминологии — командировочными.

⁷ Во власти этой... (*фр.*)

⁸ В добрый час! (*фр.*)

⁹ Отсутствующие неправы (*фр.*).

¹⁰ Речь идет о голландском ученом Carl Wilhelm Vollgraff (1876—1967), который с 1901—1904 гг. был иностранным членом французской школы в Афинах. (Иванов пишет его фамилию с одним f.) Судя по опубликованному варианту доклада, ученый сравнивал два описания этольской войны (у Тита Ливия и Полибия), показывая, что первый искажает историю, чтобы показать римлян в более выгодном свете. См.: *Vollgraff Wilhelm. Notes sur la fin et les consequences de la guerre étolienne. I. La bonne foi de Tite-Live // Revue de philologie de littérature et d'histoire anciennes. T. XXVII, (1903). P. 236—240.*

¹¹ Смысла (*фр.*).

¹² Доклад (*фр.*). Французский ученый (директор французской школы в Афинах) Notolle занимался раскопками в Дельфах 10 лет, окончив работу в 1901 г. О его деятельности см.: *Bosanquet R.C., Tod M.N. Op. cit. P. 347.*

¹³ Галерея (*греч.*).

¹⁴ А.С. Грибоедов, «Горе от ума», действие 4, явление 14.

¹⁵ Выражение, многократно встречающееся во многих античных текстах. Возможно, здесь имеется в виду «Одиссея» (песнь первая), или Марк Аврелий (Размышления, VII, 51).

¹⁶ М.М. Замятнина откликнулась на этот упрек 5/18 февраля: «Вячеславинька, Вы не хотите общаться со мной, коли я с Вами не общаюсь; сердитесь на меня, на мои обрывочные и безынтересные строчки и, конечно, заслуженно. Но т.к. я-то хочу общаться, то постараюсь исправиться, только это и могу сказать, постараюсь подлиннее писать» (РГБ. Ф. 109. Карт. 19. Ед. хр. 14. Л. 34).

423. Зиновьева-Аннибал — Иванову
29 января — 1 февраля / 11—14 февраля 1902. Женева

29 Янв. / 11 Февр. 02

58-й д<ень> м<ужества>. 9 ½ утра. Сена. Опять холодно. Весна отошла немного. Salève до потлевы <так!> почти покрылся снегом. Получила твою картолину от Четверга¹. Дотя, почему не пришло письмо? И когда оно пришло, вот вопрос? Дело в том, что у нас спор. Маруся говорит, что в пятницу надо отсылать до 8-ми утра, а в Понедельник — в 11 ½ утра. Я же этому не могу верить, потому что почт<овый> поезд в Бриндизи не может отходить в разные часы по разным дням, и пароход из Бриндизи знаю, что отходит одинаково. Кроме того, как писала тебе, на почте узнала, что поезд для Бриндизи отходит в 6 утра, и надо отсылать письма накануне *вечером*, т.е. в Пятницу и в Понедельник — до 8-ми *вечера*. Жду теперь твоего письма завтра для разрешения вопроса. Дотя, я хочу жаловаться на Марусю. Она иногда невыносима своим характером. Вот слушай. Вчера за обедом говорили о польском бале (в пользу благотворительную). Это большой вечер нарядный, дающийся ежегодно. Дамы могут приезжать лишь по билетам *пригласительным* от членов. Острога говорил, что может достать билеты. И мне очень захотелось съездить на бал, слушать музыку и танцевать. Я была в очень веселом настроении, т.е. ты знаешь — это не то что веселое, а какое-то странное, где какие-то жизненные ключи вдруг бьют, и является какое-то почти трагическое по своей полноте и «вершинности» чувство избытку и необходимости принять полноту. Ничего не могу объяснить. Но ты поймешь всё, Дотя. В этом роде было на Акрополе: «чувство Жизни» *par excellence*², и все сомнения, и весь «Страх», под который так легко и послушно пляшет сердце,глохнут. Они там, в глубине, но еще глубже их жар жадной жизни. Всё это весь вечер вырывалось пением. Верно, вследствие этого подъема мне и захотелось на бал, и я спокойно рассудила: я сложена прекрасно, я моложава и даже по годам не слишком стара для танцев, так как если бы была в «свете», то выезжала бы повсю. У меня есть чудное платье. Меня никто не знает. И бал ни к чему не обязывает, потому что с мужчинами можно говорить о пирамиде Хеопса, и о Вагнере, и о парижской выставке и Редоне, но только не о вилле Java, и всё будет *discret*³. Словом, я вчера не в угаре решила, а в полном разуме, и боялась лишь одного — чтобы утром не

нашла обычная лень к выезду. Маруся больше скалила зубы *в пользу* моей идеи, и *сама захотела* ехать, так что очень *неделикатно* потребовала от Острога еще билет, хотя он и намекал, что не знает, удобно ли ему доставать их. Я спрашивала ее потом серьезно о моем намерении, и она тоже радовалась и уверяла меня, что я вполне молода и красива и вполне могу танцевать. Тут же я уразумела вальс *à trois temps*⁴. Мне Христина показала пà, и оказался он очень простым. Так что вернулась я наверх в страшном вихре дурачеств и смеха, и всё вертелась, уверяя, что какая-то сила не пускает меня в мою дверь, пока Ольга не повернула меня в обратную сторону, и мы обе не вкружились в светелку с хохотом и восторгом. Утром первым делом вновь обдумала план. И вновь мне показался он таким простым и естественным. Приехать на общественный, *очень приличный* вечер, и потанцевать, и уехать. Но до окончательного решения думала еще раз расспросить Острогу, не обязывает ли эта вылазка меня к каким-нибудь знакомствам. Ну вот, принесла Оля платье концертное, и я примеряла его в идее в нем сняться. Оно не сходится, конечно. Но для фотографии можно устроить, и очень красиво, декольте, потому что плечи и шея стали красивее, чем прежде. На днях съезжу, в первый день, когда буду себя чувствовать *bien disposé*⁵. А на бал решила надеть просто белое альпага и брошку бриллиантовую с плакучею жемчужиной, и в голову бриллиантовые *égrettes*⁶ свои. Приходит Маруся наверх: начинаются басистые насмешки. На платье концертное даже не посмотрела, и про намерение на бал ехать говорит: «Это просто глупо». — «Почему?» — «Так сидела, сидела, здорово живешь, на бал!» — «Почему же глупо?» — «Да так смешно!» — «Если бы была в России...» — «Не танцевала бы, конечно». — «Нет, танцевала бы, в особенности если бы была “в свете”». — «Слава Богу, что не в “свете”». — «Да почему же вчера было другое? Почему ты всё без логики, без рассуждения, стихийно, вчера подбивала, сегодня издеваешься». — «Я всегда стихийно!» — «А я никогда *не пьянею!*» Так мы поссорились. Еще вчера вечером лежит, пока я раздевалась, *в изнеможении* на моей постели и сонно, кисло рассуждает: «Я думаю, Острога женится на одной из барышень Last!» — А это подозрительная англичанка, которая имеет двух *demoiselles à marier*⁷. Я говорю: «Боюсь, хорошо ли ему будет. Он полу-русский, полу-поляк (хотя польски не говорит), нервный, музыкант, *очень добрый* и симпатичный, как ребенок сам, тонкий человек, хорошо ли ему будет

жениться на англичанке!» — Она басливо смеется: «Удивляюсь, какое тебе дело до него!» — «А тебе только дело заставлять его больной рукой играть тебе и доставать тебе билеты на бал!» — «Мне надо *долго долго* чтобы человек... чтобы мне человек... нравился». — «А чтобы эксплуатировать, не надо долго? Ты холодная. Тебе не жалко Остроги, ты не интересуешься Mme Zibelin, у которой трагическая судьба с мужем, и сын идиот, и ни гроша денег, и она музыкантша. А мне все дороги, все люди. Я всех беру в сердце а priori, и потом разбираю их, и с грустью выталкиваю недостойных, но всегда верю, всегда волнуюсь, всегда горю и люблю!» — «Это очень скверно, (зевая) я лучше *долго долго* рассматриваю, кто мне подходит...» Всё это скучно <?>, Дотя; Она так ужасающе холодна. Отвращение и ужас берет. От холода она никогда не могла ничего посоветовать Оле и глубоко индифферентна <так!> ко всем, ко всем. Она лижет Юлашку⁸ (ничтожество круглое) и нас, потому что *telle est sa fantaisie*⁹! Но Леванды¹⁰! О, Леванды! О, с каким холодным, глубоко ненавистническим презрением она способна относиться к человеку. Какие намеки я всегда слышу на Степ<ана> Ник<олаевича> и Острогу. Я сама боюсь, что Острога не имеет *du génie musical*¹¹, но он такой трогательный, такой ребенок и так любит музыку, и так беден и труженик до *abruthsument*¹², как у него вчера вырвалось слово ужасное. И он человек с болящим сердцем, которое можно ранить, и она проходит, как деревянная, мимо людей, а судит их <?> и «долго, долго», дура, присматривается, по дороге получая свои выгоды. Нет, ее *не следует* любить. К тому же она бывает нахальна.

1 ½ дня. Сена. Вот чушь-то, Дотя! Оля привесила на placard¹³ обе турецкие желтые, огромные афиши и сверх них под моей фамилией трехцветный длинный бант с букета концертного моего. Комната получила такой идиотический вид, а placard похож на киоск с афишами! Я страшно хохотала! Оля это сделала, чтобы я не огорчалась тем, что вчера против твоего наказа увлеклась петь часть «Сарпен», мне менее знакомую, и потому неудачно. Особенно из-за слов французских! Я всё грустила и говорила: «Теперь моя репутация пропала, и Феликс <?> не устроит мне * петь в концерте!» — вот Оля и говорит: «Глядите и не огорчайтесь за репутацию!» Маруся идиотично мосадна¹⁴. Она пришла наверх и пробасила: «Что за безобразие!»

* Исправлено из: меня.

День 59-й. Среда. 10 веч<ера>. Постелька. Дотя, целую.

День 60-й м<ужества>. Четверг. 10 ½ утра. Дотя, вот ужасно-то, вчера ничего не успела сказать, а вчера был день «света и коловращения людей»¹⁵. Кстати, Дотя, вот причина моего стремления на бал: захотела видеть свет и...

Затем еще сообщу экстра: сегодня напал за ночь такой глубокий снег, что деревья низко погнулись, вся земля бела и с веток падают тяжелые мягкие комки, а с неба пушистые и разлапистые клочья. Все бледно матовою теплою бледностью снежного дня. А Эрнесто мерзавец уже и 40 фр<анков> получил, и все молчит молчком, хотя сам писал, что после 7-ого Февр<аля> свободен выехать.

Ну, Дотя, теперь назад ко вчерашнему дню: Утром получила твое письмо¹⁶.

Дотя, ты напрасно решил посылать только два раза в неделю. Зачем не давать мне ту глубокую, теплую радость лишнего письма. Часто они <прихо>дили три и даже 4 раза в неделю. А тебе вот *не* приходят: я подгоняла к каждой экстренной* почте, и всё напрасно! Какие идиоты Греки. Это письмецо не было очень приятно. А в предыдущем открытом радовало известие о реферате Evans. В этом радовало сближение с Колбе. Всё же голос свой слышишь! И то, что Париж тебе так подходит. Сереже напишу о трагедии. Ты напиши о Дашкевиче. Теперь, быть может, его можно допустить на музыкальные вечера раз в две недели. Мое общество артистов увеличится, кажется, еще двумя певицами. Но еще наверное ничего не знаю. Увижу их в Четверг на будущей неделе на концерте музыкального кружка Mme Zibelin, где будет петь и одна из этих певиц, и даже петь романсы *Остроги*. Очень интересуюсь. Я письмо Лионардо совершенно поняла и очень его благодарю. Какая скотина Протт. Боюсь, ты стал *поздно* ложиться! вернее, *засыпать*?? И программа твоих герас¹⁷, т.е. тепи, меня не удовлетворяет. Дождусь ли я румынской дуды?!! Ну, теперь суета коловращения. Вчера утром после ванны и брэкфаста — пела, потом в очень high spirits¹⁸ сделала то, на что подъема не хватало за всю зиму: сходила к Mme Жук<овской>. Надела лиф суконный, гладкий, помнишь, в Agenzano¹⁹ Анюта устраивала! Он впопору. Приехала до завтрака, завтракала и еще сидела до 3-х. Поговорила обо всем, что нужно было, и старушку позаняла. От Ади

* В тексте: экстерной.

узнала много теплого и хорошего о Mme Zibelin и интересного о Mrs. Last (очень образованной и спиритуальной) и ее двух взрослых дочерях (старшая певица). Узнала также хорошее о старике Тудихуме и его пансионе. После Жук<ов>ских (да и об Остроге узнала, что он очень тонкий, добрый и несчастный человек, и не женится, как Адя сказала с сожалением) — пошла в университет на свидание с Марусей. Вместе с ней хотели идти говорить с Mme Cuchet: Костя весь в нулях и наказаниях, и сегодня (Четверг) опять на штрафной работе. Но решили не идти, потому что раньше хотели повидать Тудихум. Поехали к Mme Zibelin навещать ее (Она была больна). Пили чай очень приятно с ней и Mlle Mölleg и получили от нее программу литературно-музыкально-драматически-танцевального вечера, совершенно по обществу Ольги и Кристины, союза Platriers-Peintres²⁰. Mme Zibelin была сама туда приглашена. Она по убеждениям, думаю, социалистка. Вечер приличный, и сегодня Оля после обеда идет с ней на репетицию хоров, чтобы познакомиться с какими-то дамами. Эти дамы сведут девушек на вечер. Ведь после того бала наша глупая Кристина словно переродилась: такая веселая, счастливая и ласковая, а в день после бала, как пришла домой в 6 $\frac{3}{4}$, так принялась за работу, и впервые запела на кухне и ни за что не ложилась спать до вечера. Она положительно хорошая девушка. Mme Zibelin показывала нам прелестные акварели свои. Он нее мы поехали или, вернее, пошли под мокрым снегом к Тудихум. Пансион шик. Слишком шик и совершенно не подходит Косте, потому что он мал. Думаю, для больших и хорошо там. Старик сам очаровательный и, говоря о Жуковских, упомянул о книге Крапоткина: «Voilà un homme! Mais quelle endurance! Quelle force! Quelle endurance! Quelle foie! (Вера). Quel peuple que la vôtre! Si ce peuple avait un autre gouvernement il avait beaucoup à dire à vous tous!»²¹ Но эта прогулка окончилась лишь большой и бесплодной усталостью. А Костя развращается с каждым днем и школой и Miss Bl<ackwell>, которая глупа и груба. В предупреждение неприятностей со стороны Mme Cuchet также лучше всего его взять прочь, и, думаю, самое простое и рациональное — Ecole Primaire²². Схожу туда узнать об условиях приема. Там строго, и мушины, и курс определенный.

6 $\frac{1}{2}$ час<ов>. Сейчас Острога уходит. Вера кончает свою прелестную Cicienne²³. А я хочу сказать: l'affaire du bal est terminée²⁴. Острога пришлет нам два билета. Представь теперь, что бесхарактерная Маруся теперь хочет ехать со мной и смотреть на мои под-

виги. Боюсь только, что туалет мой никуда не будет годиться: тогда я уеду тотчас. Он слишком скромн и наивен, главное. Купила золото-желтого бархата, чтобы отделать воротник с вырезом спереди. В голову воткну брилльянты, сделаю высокую прическу и надену жемчуга матери и брилльянт<овую> (маленькую) брошкy. Острога имел очень больной вид вчера. Как грустно, что его здоровье слабое и он работает безысходно!

На бал я поеду после концерта: Marie Brema²⁵, знаешь, вагнерьянка, кажется, венского двора. Пошлю программу в след<ующий> раз. Острога смеется: «Vous verrez toute Genève à ce concert!» Je crois que ce n'est pas extraordinairement beau à voir!²⁶ — это уже мое мнение личное.

61-й д<ень> м<ужества>. 11 ч<асов> утра. Пятница. Сена. Сегодня только пела, потому что проспала до 8 ½ и с ванной, брэкфастом и «Samson»²⁷ запоздала. Я так, на будущие времена, просматриваю эту арию, а к понедельника <так!> через 10 дней готовлю «Carmen» 3 арии, чтобы с шиком и наизусть. Ведь когда я спела хабанеру, Острога весь повернулся на стуле и воскликнул: «Ah, mais vous chantez ça avec du chic, Madame!»²⁸ И вот тогда я, идиотка, увлекалась петь «Près des ramparts de Séville»²⁹, что я плохо знала. После того я всю ночь плохо спала, потому что всё чувствовала стыд за бесхарактерность. Теперь будет иначе, я тебе обещаю, Дотя. Я к каждой audition³⁰ буду мудра <?> и ограниченный репертуар готовить, и всё наизусть. Я терпеливо разбираю на рояле каждый день, и надеюсь к нашему возвращению самой прилично аккомпанировать себе всё, что не из ряда трудно. 3 ч. Сена. Дотя, Я сегодня с ума сошла по музыке. Часами сидела за роялем и, как бывало в Париже, изучая счетом, мурлыканьем и т.п. Всё учила «Carmen» и арию «Assisa a piè d'un salice»³¹. Как она пленительна, мягка, бесконечно грациозна, полная мелодичной Хариты. Хочу ее петь наизусть тоже. Всё хочу петь наизусть. Только так и стоит петь. Ах да, передо мною в стакане хорошенькой формы, с землей, три подснежника с корнями и листиками. Оля мне их купила. Я ведь их обожаю. Я окружена цветами. Моя комната — рай! Сегодня я много плакала вместе с Верой, и так говорила с ней, что она никогда не забудет этого. Всё по поводу тяжелой истории вчера: Дети все трое и Кристина ходили с Miss Bl<ackwell> на поле с горками кататься по снегу, который сыплет и сыплет без остановки. И вот случилось, что Вера, придя в гнев, сделала грубые упреки Miss Bl<ackwell> и обругала ее этим

ужасным словом, которому Костя научился у Keneth'a Strachan'a «Beast»³². Она назвала Miss Bl<ackwell> — selfish beast³³! Эта девочка себя не помнит, и самое скверное, что весь вечер вчера она оставалась в убеждении, что она хотя и несколько виновата, но и та несет часть вины. Словом, *не поняла*, *не оценила* нечеловеческого безобразия своего поведения. Кроме того, она кричала: «I ask you what o'clock it is & you *must* answer!»³⁴ Удивительно, что Маруся абсолютно не умела ничего разобрать и была на стороне Веры. Я же разделила l'incident³⁵ так: 1) *Справедлив* ли был упрек Веры 2) Имела ли она *право упрекнуть*? 3) Могла ли она *ругаться*?

И на все 3 вопроса по совести ответила себе *нет*. Даже и вины *не было* со стороны Miss Bl<ackwell>. *Она ушла вперед, покинув* позади Веру с *Костей* и Кристиной. Костя вывел Веру из себя наглостью поведения и непослушанием, и в ярости она набросилась на Miss Bl<ackwell> за то, что она ушла вперед. Маруся теперь восстановлена против англичанки и потому очень мирно отнеслась к Вере. Я же вчера отказалась что-либо говорить по этому поводу. А сегодня в 11 ½ после школы я Веру так пробрала, что она содрогнулась до глубины существа и, знаю, никогда не забудет и иначе отнесется к бедной этой девушке и к несчастному, бесхарактерному мальчику, к которому до сих пор относилась лишь по столько по сколько <так!> он ей досаждал или увеселял ее, не думая о задаче старшей сестры помогать ему ковать себя. Я здесь вообще думала о *всем ужасном, что было* в душе этой девочки в наше отсутствие, затронула глубокие струны добра и зла, и говорила с такою силою и так глубоко, что если бы я умерла, она была бы после этого разговора иная, чем до него. Но вот чем я хвальнось в этом: Вера ушла от меня вся преображенная, светлая и полная желаний Zum höchsten Dasein immerfort zu streben³⁶ и без оглядки на Немезиду³⁷, но чужая ее по следам своим.... Вот она только что вернулась уже вторично из школы и прибежала ко мне наверх, а теперь уже убежала вниз в hall, где играет Miss Bl<ackwell> на рояле, чтобы попытаться выпросить себе ее прощение. Не знаю, как будет, но та *очень* обиделась. Кстати, о ней. С ней дела так: Она *сама* призналась, что на будущую зиму не может остаться у нас: ей зима очень тосклива, потому что она «не понимает нашего разговора, а сама любит беседовать!» Но главное, думаю, ей вообще тяжело и скучно непривычное трудное дело и не по силам борьба с Костей. Я *была очень счастлива*, потому что сама *не должна* отказывать, и сказала ей (ведь она давно просилась на

Пасху домой), что она может ехать, *когда* хочет, и *дорогу* я заплачу. Она вся ожила, она боялась 1) Mrs. Bunting, 2) дорожных расходов. А мне лучше чем скорее. Она очень вредна детям *неумелостью*.

Вчера весь after-noon³⁸ читала Séailles о Леонардо³⁹! какое счастье, что *Он был*.

14 Февр. Пятн.

7 ч<асов> веч<ера>. Hall. Дописываю перед отсылкой письма. Маруся устраивает пакетик с Cambridge Exam<ens> тебе⁴⁰. Miss Blackwell поет notes tenues⁴¹ по моему указанию и очень благодарна. Я тоже рада практике и надеюсь, что сумею давать Вере уроки, как теперь даю себе. О Косте думала также по вопросу <?> в Ecole Primaire. Vullièty и другие *очень* хвалят учителя — замечат<ельного> педагога в école primaire Servette⁴² — Ecole нашей commune⁴³. Надо непременно и скорее его прочь. Если не ответишь, в принципе согласный на мои предыдущие письма, я всё покину, не дожидаясь ответа на это письмо. За école primaire — ее *нормальность*, ведь это даровая прогимназия, вход в collège. А Маруся загадка, и имя ей легион: в ней и любовь, душу за друга полагающая, и сухость преступного индифферентизма <так!>.

Славенька, до свидания. Лиля сейчас идет спать. Вера и Костя учат уроки. Оля сохнет и имеет вид мертвой: Эрнесто каналья написал уже по получению денег, что ждет паспорта и, может быть, на днях получит, тогда еще письмо напишет. Девушка прямо aux supplîces⁴⁴. Сердце болит видеть ее. Целую Дотю сваю <так!>.

Лидия.

¹ Имеется в виду п. 414.

² В высшей степени (*фр.*).

³ Скромно (*фр.*).

⁴ На три счета (*фр.*).

⁵ Расположенной к этому (*фр.*).

⁶ Правильно: aigrette (*фр.*) — эгретка, украшение женской прически в виде пера или нитей.

⁷ Двух барышень на выданье (*фр.*).

⁸ Ю.М. Замятнина, сестра М.М. Замятниной. Отметим, что далее Л.Д. пишет о ней с глубокой симпатией.

⁹ Такова ее фантазия (*фр.*).

¹⁰ Родственники или знакомые семейства Замятнинных, собрать достоверные данные о которых нам не удалось.

¹¹ Музыкального гения (фр.).

¹² Верно: *abrutissement*, переутомления (фр.).

¹³ *Здесь*: простенок (фр.).

¹⁴ От фр. *taussade* — угрюмый, унылый.

¹⁵ Выражение, многократно повторяющееся в «Мертвых душах» Н.В. Гоголя.

¹⁶ Речь идет о п. 416.

¹⁷ Трапез (фр.).

¹⁸ Приподнятом настроении (англ.).

¹⁹ Местопребывание семейства Ивановых в 1897—1898 гг. (городок недалеко от Генуи).

²⁰ Рабочие, художественно обжигающие гипс (фр.).

²¹ «Вот это человек! Но какая стойкость! Какая сила! Какая стойкость! Какая вера! Какие люди у вас! Если бы у этих людей было другое правительство, он мог бы так много сказать вам всем!» (фр.) Отметим, что Зиновьева-Аннибал путает слова «foi» (вера) и «foie» (печень), почему и добавляет в скобках перевод на русский.

²² Начальная школа (фр.).

²³ Сицилийскую песню (фр.). См. п. 418, прим. 5.

²⁴ Дело с балом покончено (фр.).

²⁵ Мария Брема (1856—1925), известная певица, меццо-сопрано, часто пела в операх Вагнера (была первой англичанкой, принимавшей участие в Байрейтских фестивалях). См.: «Завтра в субботу в Виктория Холл состоится прекрасный концерт, даваемый в бенефис оркестра Театра, с участием г-жи Марии Брема. Великая артистка исполнит “Невесту литаврщика” Сен-Санса, драматическую поэму, в которой она сможет заставить оценить ее замечательные драматические качества; затем она споет, также с оркестром, “Двойник” Шуберта, а затем, в сопровождении фортепиано, ряд песен» (*Journal de Genève*. 1902. 15 février).

²⁶ «Вы увидите на этом концерте *всю Женеву!*» — Думаю, что ничего особо прекрасного я там не увижу! (фр.)

²⁷ Имеются в виду какие-то фрагменты из оперы К. Сен-Санса «Самсон и Далила» (1877).

²⁸ Ах, вы поете это с шиком, мадам! (фр.)

²⁹ Л.Д. неверно пишет название. Следует читать: «Près des remparts de Séville» («У стен Севильи», фр.) — начальные слова сегидильи из оперы Ж. Бизе «Кармен».

³⁰ Проба, прослушивание (фр.).

³¹ См. п. 418, прим. 19.

³² Животное (англ.).

³³ Эгоистичное животное! (англ.)

³⁴ Я спрашиваю вас, сколько времени, и вы должны отвечать! (англ.)

³⁵ Инцидент (фр.).

³⁶ См. п. 3, прим. 4.

³⁷ В греческой мифологии — богиня, олицетворяющая судьбу.

³⁸ Послеобеденное время (англ.).

³⁹ Речь идет о книге известного французского философа и историка искусства Gabriel Séailles (1852—1923): *Léonard de Vinci, l'artiste et le savant: 1452—1519: Essai de biographie psychologique* / par Gabriel Séailles. P., 1892. В библиотеке Иванова числится книга: Gabriel Séailles — Leonardo de Vinci. См.: *Обатнин Г.В.* Материалы к описанию библиотеки Вяч. Иванова // Вячеслав Иванов: Между Святым Писанием и поэзией / Europa Orientalis. Vol. XXI. 2002: 2. С. 290. Публикатор определил ее как изданную впервые в 1903 г. книгу «Léonard de Vinci. Biographie critique», однако во-

все не исключено, что имеется в виду указанная нами (еще два ее издания вышли в 1906 и 1912 гг.).

⁴⁰ См. в письме С.К. Шварсалона от 11 февраля 1902: «Пожалуйста, дорогая Мамочка, перешли Вячеславу мои бумаги экзамена Junior Cambridge: они в ящике в столе в моей комнате <...> он их просит меня во вчерашнем письме» (РГБ. Ф. 109. Карт. 39. Ед. хр. 3. Л. 36 и об.).

⁴¹ Долгие ноты (*фр.*).

⁴² Мигель Сервет (1511—1553), испанский врач и богослов, ведший острую полемику с Ж. Кальвином. Был арестован кальвинистами в Женеве, обвинен в ереси и сожжен.

⁴³ Школа нашей коммуны (*фр., рус.*).

⁴⁴ В мучениях (*фр.*).

424. Иванов — Зиновьевой-Аннибал 2/15 февраля 1902. Афины

День 63

15/2. II Субб. 9 ч. в.

Друг Лиля! Утром — почта, справка о *mandat* — пришел! — Институт; пополудни — лекция Дерпфельда об Асклепийэоне, отос Эвмена и обоих храмах Диониса перед театром¹. В конце лекции он опять заявил, что состоится в Понедельник поездка в Сикион², если погода не испортится (сегодня жарко, как летом). Однако я сомневаюсь, стоит ли примкнуть к экскурсии. Я заморюсь отчаянно. Поезд отправляется в половине седьмого. В 10 ч <асов> завтрак в Коринфе, потом продолжение железнодорожного пути. Потом переезд верхом. Осмотр развалин будет продолжаться всего 1 ½ часа. В 3 ч <аса> мы уже опять в Коринфе — обед. В 7 ч <асов> в Афинах. Расходы значительные (я думаю: драхм 27—30). Интерес сосредоточивается на руинах театра, раскопанного Американской школой. Прямо меня это вовсе не касается. И я думаю, что не поеду. Уже не знаю, от болезни это случилось или нет, только я не только не «богатырь», как пророчила мне Ал<ександра> Вас<ильевна>, (какой стиль: «только не только», чисто Лев Толстой, о котором, увы, я прочел сегодня в *Σχρίτ*³, что смерть его ожидается с минуты на минуту!⁴), — но устаю очень легко, рабочей силы имею досадно мало, должен много спать. Встретил я сегодня Христомана: он с интересом спрашивал меня о моем здоровье, и о тебе, и долго ли еще пробуду здесь. После лекции я очень устал и дома стал читать статьи Суворина о Вогюэ, на которые указала мне Маруся⁵. Жаль, если она не прочла тебе их. Вогюэ находит, что Горький (*Maxime l'Amère*⁶) — романтик, что и мы с тобой отмети-

ли. Что «грядущий сверхчеловек» есть «возвращающийся романтик» — также верно. По Вогюэ «если есть исторический и философский полюс, к которому естественно притягивается ум русского народа, то это — буддизм». «Конечно, речь идет не о религии, носящей это название, но об интеллектуальном и нравственном складе, откуда проникала эта религия со всеми ее последствиями». «Буддизм» — [конечно] не точно; но в мысли верное зерно. «Нигилизм все более и более упраздняет самый принцип жизни». *C'est ça*⁷. И опять-таки не только русский нигилизм, но шире: русский дух. «Он отвергает с отвращением все проявления жизни и все ниже опускается по бесконечной спирали нирваны». Но здесь именно мы касаемся тонкой, почти неуловимой и вместе с тем непроницаемой черты, отделяющей буддизм от христианства. Существо русского духа — безусловное, бескомпромиссное отрицание жизни, [ради] во имя пресуществления и преображения жизни. Вся душа России в этой закваске царствия Божия. Но так как идеальное преображение жизни есть метафизическая, а не реальная величина, то, помимо философических *subtilités*⁸, остается в итоге: отрицание самого принципа жизни (именно жизни как она есть). — Суворин правильно замечает, что у нас больше всего стыдятся смеха и веселости. Вот почему и Гоголь должен был уверять в своих «невидимых слезах». «Таким образом, нам и смеяться нельзя по-европейски... Как только явится что-нибудь смешное, сейчас — “балаган”. Аристократы, черт возьми, с народом не мешаемся. Что народу смешно, то нам должно быть грустно». — Потом он хорошо говорит, что мы судорожны, как наша весна. Сегодня все думается о Толстом. Он должен быть счастлив, если сознает, что умирает. Вокруг умершего наверно будет смута. Вот и Толстой с Ибсеном погасли; за кем черед стать властителем дум?..

Целую Радость.

Как приобретение дня отмечаю, в поучение романистке и наблюдательнице человеческого рода, вычитанное мною признание Писемского: «Более 800 вывел я в своих романах и комедиях на свет божий, и почти все — мерзавцы».

¹ Сводчатая галерея (*греч.*). Имеется в виду портик Эвмена — крытая колоннада II в. до н. э., построенная царем Пергама Эвменом II и служившая укрытием от непогоды для зрителей театра Диониса.

² См. п. 391, прим. 10, и п. 412.

³ Афинская газета.

⁴ См. об этом п. 427, прим. 12, а также п. 438, прим. 2.

⁵ В письме, начатом 25 января / 7 февраля, Замятина (цитируемый текст относится к 27 января / 9 февраля) писала: «Посылаю Вам завтра кипу задержанных мною газет, только сегодня просмотренных. В газетах от 7 и 8 Января есть “письма” Суворина об отзыве Вогюэ о Горьком и Чехове. Прочла сегодня Лидии» (РГБ. Ф. 109. Карт. 19. Ед. хр. 14. Л. 24 об.). Речь идет о публикации: *Суворин А.С.* Маленькие письма // Новое время. 1902. 7—8 (20—21) января. Эжен-Мельхиор де Вогюэ (1848—1910) — дипломат (служил в России), литературный критик, много писавший о русской литературе.

⁶ О статье Вогюэ Суворин в первом «маленьком письме» говорил: «Одна из них <...> — о г. Максиме Горьком, которого он называет иногда в переводе на французский язык, *Maxim l'Amere* <sic!>». Далее Иванов или буквально цитирует Суворина, или передает его высказывания близко к тексту.

⁷ Это так (*фр.*).

⁸ Тонкостей (*фр.*).

425. Зиновьева-Аннибал — Иванову 2—3/15—16 февраля 1902. Женева

Суббота. 15 Февр. / 2 “ “ 02
62-й день > м<ужества>. 1 ч. дня. Сена.

Le jour du bal!¹ С утра был пир твоих двух писем², которые дважды перечитывала! Бедный Дотя, ты, верно, очень нуждаешься поболтать, мое солнышко, если пишешь за час ночи и так просто un babillage spirituel!³ Дотинька, а я сегодня ночью сосчитала дни: их 88, а прошло всего 62! Это мучительно! потому что прошедшие кажутся *столь* длинными, что не верится, чтобы будущих было больше.....

63-й д.м. 11 утра. Воскресенье. Бал был. Вечер бала описан Марусею. Было красиво и радостно, и я танцевала два танца с Острогой, но больше никого не знали ни мы совсем, ни он достаточно близко, так что в 1 ½ мы ушли, и он также собирался. Пришли домой пешком, тепло закутанные по морозу и снегу, словно русскому. Идти было чудно при полном месяце и большой радости красивой одежды и собственной эластичности, так сказать. Дома чудно спала, не разделав прелестной прически, потому что сегодня вечером хочу идти с Mme Zibelin и девушками на вечер сначала литературный, потом танцевальный: это тот, о котором я тебе писала. Мне хочется самой посмотреть, как это устраивается, эти «всесловные» праздники. Конечно, танцовать не буду, т.е. думаю, что не буду, а только посмотрю. Будет и коме-

дия в одном акте. Вчера говорила с Острогой о стихах (на романс). Он объявил, что пишет теперь совсем другой романс на другие стихи. «Хорошие стихи?» — «Нет!» — «Отчего пишете?» — «Плохие легче! А ваши очень трудны. Я напишу на них! Но когда? совершенно не знаю. Надо ждать часа. Я вот только что недавно написал на одно стихотворение, данное мне *10 лет* тому назад. Не мог. Потом догадался пропустить 1-ую строфу и вышло!» — «Кто задал?» — «Александра Васильевна. Это (забыла имя) собиратель бретонских легенд написал, тогда Алекс<андра> Вас<ильевна> с ним возилась очень. (Феликс очень любит Ал<ександру> Вас<ильевну>). В четверг будут исполнять этот мой романс на концерте Mme Zibelin». — «Я очень интересуюсь его услышать». И он мне сказал: «Да, ваши стихи прекрасны, но трудны, и я *их напишу*». Ну вот, Дотя, будет ждать *20 лет*, по десяти на каждое стихотворение. Вот мы с Алекс<андрой> Вас<ильевной> какие задачи задаем! Шик! Сегодня утром встала в 8 ½. Еще до брэкфаста попела экзерсисы. Кстати: не тревожься, дитя, о моем горле. По мере того, как я осторожно и разумно упражняю его, оно *крепнет*. Я и сама думала идти к Виссу⁴ или иному, и не оттого, что его слабость пугала меня *вообще*, а потому что она мешала работе. Но теперь было бы несправедливо жаловаться на него. Я пою много, и свободно говорю, и голос в пеньи с каждым днем прибывает. За брэкфастом получила твое письмо, но отвечу на него через минутку, теперь о Вере. С того моего разговора девочка преобразилась и, вообрази, — *Костя преобразился*. Это покорный, тихий, веселый мальчик! Вчера, когда мы часа 2 одевались и причесывались, Вера внизу с двумя детьми устроили игру в Petit Poucet⁵. Они были совершенно одни, и их веселый, но умеренный смех дружно доносился до нас. Потом по первому слову они все стали раздеваться, и когда я была готова, уже двое младших тихо лежали в постели. Я была очень счастлива своей предприимчивостью, потому что детям навсегда останется в памяти, что они видели меня еще молодой и красивой. Вера сказала: «Какая ты красавица! Когда ты вот так улыбаешься, ты завлечешь* все сердца!» И как она гордилась, что я взяла ее веер. Она еще раньше ведь спрашивала: «Что бы я могла тебе дать *моего* на бал!» И когда я предложила взять веер: «Да, я думала, но боялась, что ты будешь беспокоить-

* Сперва написано «увлечешь», потом исправлено на «завлечешь», и сверху приписано «не помню предлога».

ся из-за того, чтобы его не потерять» (Ведь веером она *очень* дорожит, потому что он из Sta Margherita⁶. Словом, вчера было событие, поднявшее меня в их мнении и внесшее поэзию в наши отношения. Сегодня после брэкфаста я повторяла тихо ритм «Près des bastions...»⁷. Вера тут же, уча сама уроки, диктовала Лиле, терпеливо и умело принуждала ту писать красиво и правильно выдуманную ею фразу: «Ma femme a <пропуск в тексте> sa Sabine»⁸. В то же время она спрашивала Костю: «По небу полуночи ангел летел»⁹ — это стихотворение штрафное. Всё это она делала тихо и расторопно. От Кости я потребовала стихотворение в совершенном знании, и он учил его avec acharnement¹⁰ и *переучил* до того, что стал совсем запинаться. Тогда он ударился в горькие слезы там внизу (я уже была здесь и писала тебе). Оказалось (Маруся только что встала и сошла вниз), что он со страху плачет, а выучить не может. Я его позвала, утешила и сказала: «Ты учил долго и серьезно, я видела. Теперь пойди в сад. Книжку оставь у меня, и после завтрака повторишь еще раз стихи и будешь знать». Теперь они все катаются с горки в саду, на салазках, в ящике, на досках. Морозец, много скользкого снегу. Девочки в панталонах братьев под юбками. Костя в джерси Сережином. Но вот сцена: Оля с Костей поспорили об очереди. (Всё под моим окном, возле которого теперь у стола сидит Маруся.) Оля едет на доске уже на полгоре, Костя лежит плашмя* на салазках и вопит во всё горло очень жалобно, желая накатить на Олю. Вера très placidement¹¹ стоит позади него и держит его ногу, чем препятствует столкновению поездов. Лидия рядом с интересом и восхищением наблюдает сцену!

Ну, Дотя, теперь письмо: Прежде всего, вероятно, ты уже давно изменил свое первое впечатление о «нервозности» и даже «психопатичности» моего послания о Косте и Strachan'ax¹² и поэтому, конечно, это мое объяснение *твоего* письма придет совсем запоздало.

Я думаю, что к моему очень серьезному, деловому (на мой лад ра<с>члененному по параграфам) письму (о котором, отсылая его, думала: какое скучное, важное, непозитическое послание) ты прибавил свою нервную тревогу и бедную тоску, мой дорогой, любимый матит, и *вместе* вышла психопатия, т.е. из неприятных и беспокойных подвигов Кости, и Miss Bl<ackwell>, и Strachan'ов

* В тексте: площмя.

----- и твоих нервов! Мои же нервы, Дотя, в большом порядке! Дети и великая ответственность не дают мне распусться, и я чувствую глубокое внутреннее равновесие, которое не покидает меня ни в минуты подъема в «дух вихря», ни в минуты тоски или испуга. Всегда я властна над собой, всегда есть глубокий слой Тишины во мне.

Еще есть сомнение (разрешит которое, быть <может>, завтрашняя почта): Какое письмо мое ты получил? Ведь ты бы должен получить *два*: одно через Триэст, другое обычною почтою, и оба со *Вторниковым* пароходом 28 Янв<аря>. Очень боюсь, что письмо через Триэст пропало, и тогда тебе не всё ясно было, и эту нелепость ты принял за *мою* нелепость! Потрудись перечитать письмо. Ты пишешь: «Письмо негармоничное и неотстоявшееся!»¹³ На первое я ответила, на второе скажу: я сообщала впечатления, первые общие предположения и т.п. Если бы я знала, что ты хочешь *отстоявшиеся* письма, я не писала бы кинематографически <так!>! И вообще *не каждый* день.

Что касается... 4 ½ пополудни. Сена...

твоих мнений о внешнем status quo с Костей, я и сама к тому пришла. Так же как и ко внутренним стремлениям к углублению его воспитания в смысле самодеятельности воли и также к *уменьшению возможному* требований при твердом настоянии на раз заявленном. Всё это твоими почти словами еще до них я проповедовала глупой Miss Bl<ackwell>, и Марусе, и Вере, и Оле. О школе я горячилась только ради сведений, но, получив их, тотчас стала думать пока, до Пасхи minimum, оставить, т.к. можно попасть хуже. Что касается твоей характеристики Кости и, кстати, дедушки его, то она так хороша и метка (надеюсь, и молю Бога, чтобы для Кости не окончательно и бесповоротно), что у меня даже новый герой, т.е. геройский (род<ительный> пад<еж>) папенька родился из нее во время драмы. (Вообще чудные штучки придумала, ведь всё почитываю Лионардо.) Теперь и лучше, слава Богу, с Костей, и я надеюсь с Божьей помощью, учуять верный тон und den Knaben packen¹⁴. Он *очень* добросердечный и порядочный мальчик. Для Туррег *он мал*. Она жесткая. Он будет несчастен. И уезжать мне теперь, вижу, не следует: всё напряжено — Оля, Вера и новое чутье по отношению к Косте. До пасхи всё налажу, даст Бог. Но это, конечно, не значит, что есть какая-нибудь *безусловная* необходимость оставаться мне здесь, и призывная телеграмма Дотика всегда жданный гость. Все соображения

о Строонах и я имела, и сама поняла, что без *полного* согласия детей отказывать в игре не следует. Но Вера не хочет играть. Напишу Сереже простой запрос. Размышления о встрече в жизни со *всякими* людьми, и «мерзавцами», в обилии и у меня были, а именно третьего дня в ванне. Что касается приезда Сережи домой: он *очень* нужен, и именно надолго. Я хочу иметь его близко к себе (без Miss Bl<ackwell>, в которой сидит вся *плоская* Англия) и поднять в нем мысль и сердце, очеловечить, орусить. Мальчик не будет «кататься в масле», мальчик будет читать и думать и чувствовать по-русски*, после драмы (в самом *начале здешней* Пасхи) все англичане будут отстраненными, что без Miss Bl<ackwell> легко. Об последней ты уже всё знаешь. В будущем думаю всегда иметь 2-х *русских* простых девушек (чужой человек — яд в семье), а для английск<ого> языка можно иметь всегда англичанку на часы *гуляния* 2 раза в неделю. Вот «кстати!» — письмо хозяевам пришлю *непрерывно* со след<ующей> почтой. Напишу тетушке, а деньги те давно высланы. Надо писать Frau Löwenheim.

Ну, дальше: еще о том, что ты мне нужен, как пишешь. Мне ты нужен, Дотинька, это конечно. *Скучен* одинокий путь, тосклив и *неполон*. Но что касается твоей *помощи* в семье, то *личная* она *не* нужна. Твои письма вполне довлеют.

— 5 ½ час<ов>. Марусин<а> комн<ата>. Вновь Христина подправила мою прическу, в которой я благополучно проспала: мы ведь так делаем. Девушки едут в оперу, а мы с Mme Zibelin на тот вечер, и туда после оперы приедут девушки, а мы тогда, вероятно, домой. Мы будем опять наряжаться в бальный костюм, как только *отдохнем от балов!* чтобы сниматься во всей красоте. Завтра вечером будет лекция о Нитше и социализме — я пойду. Дотя, огорчило меня твое письмо: мало веры у тебя в меня и, дико сказать, мало знания меня. Неужели ты не чувствуешь всю глубину духовной силы во мне, несомненной, всегда присущей, и в «вихре», и в тоске. Эта сила назревала давно, и два толчка, два ужаса дали ей последнюю выковку: смерть Елены и твоя болезнь. Я прожила века, и заживу, и живу, еще готовая ко всему, что Воля Высшая положит, и Жизни говорю: *да* в вихре восторга и с Утренней Звездой в ее Тишине. И странное мне чувство дает эта сила жизни прошлой и предстоящей — чувство *полноты* такой полной, что, кажется, нет вопроса, нет рыдания, который не был бы моим во-

* В тексте: по русским.

просом, моим плачем и не нашел бы отзвука в моей душе. О, в такой полноте смешно подозревать слабость неврастении. Я с Богом, и из Добра и из Зла чую Его, и мне хорошо и тихо. Будь же спокоен и богат, мой друг любимый.

Твоя Лиля.

Конверт с адресом, написанным рукой М.М. Замятниной. Штемпель: Genève. 14.II.02. Финского штемпеля нет.

¹ День бала! (*фр.*) Ср. объявление в «Journal de Genève» от 15 февраля: «Hôtel de la Métropole. Bal de bienfaisance de la Société polonaise de secours mutuels» («Гостиница Метрополь. Благотворительный бал польского общества взаимопомощи»).

² Речь, вероятно, идет о п. 420 и 421.

³ Духовная болтовня (*фр.*).

⁴ Речь идет о женевском враче Adrien Wyss (1856 — 1938).

⁵ Мальчик-с-пальчик (*фр.*).

⁶ Небольшой итальянский городок в Лигурии, где родилась В.К. Шварсалон.

⁷ «Около бастионов...» (*фр.*). Ария из оперы Ж. Бизе «Кармен».

⁸ «Моя жена ... Сабину» (*фр.*).

⁹ Стихотворение М.Ю. Лермонтова (1831).

¹⁰ С ожесточением (*фр.*).

¹¹ Весьма невозмутимо (*фр.*).

¹² См. п. 421.

¹³ Речь идет о приписке к п. 421.

¹⁴ И овладеть мальчиком (*нем.*).

426. Зиновьева-Аннибал — Иванову 4/17 февраля 1902. Женева

64-й д<ень> м<ужества>. Понедельник. 11 ч<асов> утра. Сена. Дотя, сегодня получила письмо от Четверга¹, но о нем после. Теперь отчет вечера вчерашнего и утра сегодня. Вчера опустили тебе письмо, надеясь на какую-то фантастическую в швейцарских книгах почтовых помеченную почту, отходящую из Женевы для Греции в Понедельник 6 ч<асов> утра. Кстати, ты в письмах двух последних не упоминаешь о том, *какие* письма дошли до тебя в прошлый Вторник 28-ого. Дошло ли отосланное через *Lloyd via Trieste*? или дошло это, на то ты отвечаешь, которое я отослала в Пятницу *вечером* <так!>. Мне очень важно знать, доходят ли письма, отсылаемые мною *вечернею* почтою на 5-й день в Афины. 12 ч<асов> дня. Сена Ну, дальше. Вчера до романа не добралась: всё писала тебе длинное письмо². Вечером девушки поехали в «Сагмен». И как они только справились: к воскресному обеду мороженое даже приготовили после чудесной баранины

с *чесноком!* И нас причесали и себя. Через ½ часа выехали мы. Зашли к Mme Zibelin и вместе с нею пошли на тот вечер «Art Social» «Soirée des Patrières Peintres»³. С нами еще шла молодая девушка — учительница *enfantine*⁴, с 8—6 занята! и берет 4 часа уроки у Mme Zibelin, *mezzo soprano*, будет петь Острогу в Четверг. Вошли в большой зал de la Brasserie des Casernes⁵. Простая, но симпатичная обстановка, стены покрыты картинами *al fresco*⁶ гор. С 9—11 ½ длилась литературная часть. Повар-автор нескольких *chansonettes*⁷ преподносил их. Пела очень милая девушка, ее брат и еще один человек, все просто, то с аккомпанементом, то без. Были декламаторы стихов и французских и итальянских (очень последние «красны», просили *sangue*⁸). Был рабочий, говоривший речь о солидарности и пользе образования для умелой борьбы. Кончилось всё комедией в один акт: ужин с двумя кокотками, *évêque*⁹, судья, депутат, генерал, капиталист.. входит крестьянин и просит место у стола: *неурожай*, и он без хлеба. Его гонят — он сердится. Епископ его умиряет обещанием Царствия Небесного и молитвой о дожде. Он уходит. Опять пьют и хохочат <так!>. Вновь является тот же человек — пролетарием и неверующим. Та же сцена, но на месте епископа — депутат. Те же обещания: «*Vous mangerez demain! Je m'occupe de vous!*»¹⁰ — и уход. — Опять пьют и хохот. Гроза, молния, потом зарево, закрытые двери раскрываются и является тот же человек с *топором* в руках. — Революция. После спектакля Mme Zibelin уехала, познакомив нас с организаторами бала, очень приятного господина <так!> с женой и двумя дочерьми. Они познакомили еще с кое-кем.. Подоспели девушки наши. Начались танцы. Кристина, так как она танцует чудно, имела кавалеров всю ночь, так что не сидела и 2-х минут подряд. Оля танцевала меньше, но пленила очень симпатичного молодого человека, образованного (игравшего судию), и он весь вечер то беседовал, то танцевал с нею. Я любезничала с дамами и с господином, мне представленным и под конец даже несколько раз танцевала, очень уж приставали ко мне кавалеры, особенно один старичок рабочий просто без отступа умолял с ним танцевать и потом всё речи умильные говорил. Завтра в 7 надо ему на работу, но ему «*так весело танцевать et c'est si bien de se dégonfler <?> et c'est si bien de se soutenir mutuellement*»¹¹, это последнее уже в смысле взаимопомощи, а не бальных объятий. Дважды он прощался со мною и никак не мог расстаться. Когда двое мужчин, не решившихся пригласить дам, танцевали вместе, мы с дамой-

устроительницей пробралась в толпу танцующих и разделила двух танцоров, каждая взяла себе одного. Они были в восторге. Люди все оказались очаровательными, простота, задушевность, entraîné¹² танцы, сменяющиеся случайными песнями, подхватываемыми частью публики (и я сильно поддерживала хор) и одобряемые и биссируемые <так!> другой частью, пристойность при всей laisser-aller¹³ поразительная, искренняя, теплая радость — всё это согрело душу, и мы с Марусей досидели до конца бала — 3 часа утра. Маруся много говорила с Олиным кавалером, необычайно симпатичным, с первого взгляда притягивающим, робким и добрым человеком. Он рассказывал, как еще в прошлом году рабочие союзы не существовали в Женеве, но приехал Felix Faure¹⁴ и огневными речами спаял интересы и различия мыслей воедино, и с тех пор образовалось дружное, живучее ядро соци<а>листов разных оттенков и «республиканцев». Общее впечатление мое от первой части вечера: боль как живучая язва за людей, за громадное большинство людей, поглощенных *одним* вопросом, вопросом питания тела, тела — жилища духа столь прекрасного и столь горящего как дух Человека! Дух — узник в самой грубой, самой оскорбительной форме, и тюремщик — голод и самая страшная забота. И все эти простые, светящиеся кроткою радостью лица рабочих, и худое лице идеалистки и труженицы великой Mme Zibelin, и та милая учительница — всё это во едину <так!> сливается для борьбы с действительным, уродливым и немилосердным драконом Hunger и Sorge¹⁵. Словом, *l'Art, la Beauté étaient tuées pour la propagande laide, nue plus laide encore parce que sa nudité était vêtue de rimes et de musique et ces rimes duraient 2 heures et demi! Mais de cette Laideur naissait la Tragique et une nouvelle Beauté qui surgissait des profondeurs, des gouffres, où gît l'Ame angoissée, terrassée*¹⁶.

Братья, братья! И чем всё может кончиться <так!> ничем, никогда.. Надежды нет *зараженному* человечеству на Царствие Небесное на Земле, и напрасно, бедные, они еще раз повторяют трагическое преступление Евреев и казнят еще раз Спасителя за то, что он не *их* Мессия и Рим непобедим! Да, я рада, что была там вчера, и тяжела душа глубокими впечатлениями.

— Да, еще одно важное дело удалось оборудовать. Теперь *всё* сделано мною, что я могу, для возможно наилучшего, *наиразумнейшего* окончания дела Олиного брака. Я получила обещание от устроителя вечера, влиятельного лица, очень, думаю, почтенно-

го (знакового Ади тоже) представить Эрнесто в рабочий союз Итальянцев. Быть может, он решится остаться здесь.

Но кончу о вечере. Вышли целым маленьким обществом и шли часть пути вместе. Потом мы отделились и по чудной морозной ночи по хрусткому снегу дошли до милого дома в деревне en plein air¹⁷. Было 4 часа. Сели вокруг стола и поужинали холодной бараниной, марсалой, пирогом и чаем. Утром Кристина уже в 6 ½ будила детей, стряпала брэкфаст и с Марусей к 10 поехали к зубному врачу. Приготовила потом завтрак, всех накормила и легла теперь спать, а Оля, поспавшая до 9 ¼ утра, за нее теперь убирается, и мы только что с ней решили пользоваться морозом и еще раз сделать к обеду мороженое, сегодня кофейное. Я встала в 8 ½ утра, взяла ванну и здорова.

Очень душа освежилась этим оживлением, неизвестно как на меня накотившим. Сегодня вечером еще иду на лекцию Жора <так!>¹⁸ о Нитше и Соцьялизме в Виктория Hall¹⁹. Говорят, будет так полно, что надо с 7-ми часов забираться. Но это мой последний экстаз до Четверга. Буду отдыхать всюю. Я очень бодро себя чувствую и чудно сплю. Сегодня Вера принесла результаты экзаменов: она 17-ая из 38-ми. Она имеет 6 (полных) за арифметику, 5.70 за нем<ецкий>, 5.50 за географ<ию>, 4.70 за composition и orthographe²⁰ и за противное шитье 4.75 и за dessin²¹ 3,25, за каллиграф<ию> 5. Написано: Vera est assez bien douée pour prendre place parmi les tout premiers rangs (это их на скамейки по чину сажают) mais elle est lente et néglige beaucoup la bienfature de ses travaux: voilà pourquoi elle a des chiffres inférieurs et n'occupe que la 17-e place. Je compte sur des meilleurs résultats à la fin de l'année²².

Я сегодня написала учительнице письмо, в котором присоединилась к ее пожеланию и выразила уверенность в том, что Вера всё свое <старание> приложит для его исполнения. и прибавила, что благодаря злополучной неспособности к шитью и, увы, рисованию, она, по моему мнению, испортила средний бал <так!> и что, вероятно, вследствие этой же неспособности она плохо рисует карты (вечная трагедия), хотя и употребляет на них un temps inouï²³! Всё это написано с хитростью и под предлогом excuse²⁴ за опоздание в школу вследствие объявившейся с ранне-го утра, но позднее, после обливания, успокоившейся боли в горле. Вера была до слез огорчена замечанием учительницы по поводу экзаменов. Я ее утешила тем, что она постарается вообще быть еще гораздо внимательнее и также попытается сделать

всевозможное <так!> для улучшения шитья и рисования! И развлекла ее передачей в ей понятных и приятных красках вчерашнего бала с его комическим старичком... Вот уже 3 ½, потому что скрипят ее милые шаги по лестнице: она вернулась из школы и бежит тихонько (Маруся спит) переодеть платье. Сегодня урок музыки, верно, побежит повторить свою *Sicilienne*²⁵. Костя продолжает смиренное поведение. Вот где оказалось *provocation*²⁶ ему к грубости и упрямству еще больше, чем в неумелости и грубоватости *Miss Bl<ackwell>* — в Вере и ее нетерпении с ним, резкости и *недоброжелательстве*, сотворенных *Miss Bl<ackwell>*. С того нашего с нею разговора всё изменилось, и между ними тишина и гармония сравнительная, конечно. Словом, она «*Grande soeur*»²⁷ и сама как-то изменилась, стала ровнее и светлее. Лидией тоже я довольна. Она очень послушна и всегда весела.

Ну, к письму теперь. Отвечать на него в его совокупности не берусь, лучше: очень уж чуждым духом повеяло от него. Стали даже всплывать образы вроде Гольштейнов, обеспокоенных моим душевным здоровьем под твоим мне неподходящим влиянием, советующих переход к интимному и оседлому, или даже тетенька Блок, которая находила меня очень экзальтированной девушкой!

Но не в том дело. Это может быть ошибочное впечатление, и вчера я старалась всеми силами заглушить его. Перейду к частностям. 1) Я говорю, что в обращении с Костей есть *something <w>rong*²⁸ — ты же этого не находишь и, перенеся центр тяжести в «сущность» вещей (где он, конечно, и кроется, не спорю), делаешь смелые, даже дерзновенные характеристики, взятые из библии, где Костя выходит «ослом диким, вредящим братьям» и судьба его «обижать (о горе мне, его родившей), но не побеждать... и терпеть возмездие... и “вождедель” всю жизнь...»²⁹ (о горе ему, бедному, бедному.. вот, верно, причина судорожной жалости, которую я инстинктивно, бывало, испытывала...) «Злопамятен» он? Это *неправда*. Это я исключаю из смелой полётистой характеристики! Остроумно так сравнение с дедушкой! Я ведь вчера это сказала. Я, ты знаешь, Дотя, очень люблю слушать твои гиппотезы <так!> и «огневейные» построения о людях и их судьбах: они всегда недалеко от правды и всегда талантливы! Но я проще настроена теперь в том отношении к делам житейским, и за надежду тоже крепко держусь, что не вменится мне в преступ-

ление мой брак и дети избегнут гибели. Я «проще» стала и думаю, что «огонь всё очищает», быть может, и мой огонь очистит и мои и чужие грехи и в детях и во мне... Из цепи последующих писем ты понял, что я кладу большую надежду на изменение в обращении с Костей и думаю, что окончательный отъезд Miss Blackwell (с которой я в наилучших отношениях и которая ведь очень хорошая девушка при некоторой глупости и пошлости) будет ему облегчением. Дети так чувствуют, я знаю, потому что у Кости это однажды нечаянно вырвалось. 2) Эрнесто. Он не «наша» радость, *cela s'est certain*^{30!} Но дело кончить надо. Отговорить Ольгу от брака невозможно, и я не решилась бы. Ехать туда ей нельзя. Из всех *зол* — это наименьшее. Так я всегда говорю и говорила. И Оле всегда даже твои письма читала и с ними свое согласие выражала. Вообще скучно об этом долго говорить, потому что и без того не успею опять написать греческое письмо. Да, да, абсолютно с тобою согласна, Дотя, успокойся, не волнуйся так много по этому поводу. 3) Русская девушка, переступающая через тебя, распростертая на пороге! К чему такой несколько трагикомический... образ. Лучше уж возьму швейцарскую кухарку. Обещаю. — 4) Необходимость англичанки? Я долго, терпеливо присматривалась к «англичанке» и повторяю: из подобного человека обыкновенно каплет по немного <так!> в детей яд, очень несерьезный, мизерабельный яд, но неприятен, ведь я всё воспитание, в сущности, клоню к тому, чтобы дети себе и другим были как можно приятнее, т.е. чтобы всё хорошее, неизбежно заложенное рождением в них, вышло наружу *скорее и шире*. Так «англичанка» скорее задерживает, как скверна<я> повивальная бабка, выход рождающегося неизбежно ребенка. Но ядишко так слаб, и при *очень* невероятной случайности можно даже напасть на абсолютно безвредную особу — что я охотно начну поиск за нею, если ты посоветуешь. 5) Да, я не лампада и не Ольга Александровна^{31!} Жаль, что это тебя мучает. Я пишу роман «Пламенники». Быть может, когда-нибудь изменюсь и напишу другой — «Лампады», и героиней буду я — Ольга Александровна. 6) Сереже Англия была «роковая». Я это выражение употребила не в смысле изломанном, а прямом — «судьбинная». Да, она направляла его раз и навсегда, и для того, чтобы он был красивее и приятнее, надо побольше чистой России, ее глубины и смелости. Я говорю о русском духе в нашей семье, о вере, о себе... Посторонние очень вредят именно Сереже.

Довольно. Ответила на всё. Вот. Острога уж с полчаса у нас. Бегу на урок.

6 ч. Hall.

Костя сейчас кончает *solfège* и будет играть на рояле. Он великолепно поет. Острога требует определенных метких движений руки, отбивающей такт, и с непостижимой для Кости быстротой и безошибочностью раздаются <?> ноты. О, Дотя, передай хозяевам нежный поклон: я напишу непременно в следующий раз. Сама знаю, что очень нехорошо делаю, но ты ведь знаешь, как это случается. Письмо надо переделать, это займет не менее 1 ½ часа! Я *не имела* 1 ½ часа, клянусь Дионисом.

Дотя, целую, будь радостен, будь спокоен, главное — не *экзалтируйся* <так!>: это очень вредно для желудка, *roug la digestion*³². Будь трезв, тих и помни Утреннюю Звезду и можно *лампаду*.

Целую. *Acceptez, Monsieur, les sentiments de ma parfaite admiration et humble soumission.* Lydia Ivanov³³.

Конверт с жевевским штемпелем: 17.II.02. Афинский штемпель отсутствует.

¹ Имеется в виду п. 422, написанное в среду вечером, но отправленное в четверг.

² Речь идет о п. 425.

³ «Социального искусства» — «Вечер рабочих, художественно обжигающих гипс» (фр.). Поскольку в газете «Journal de Genève» никаких упоминаний об этом вечере найти не удалось (а газета регулярно отмечала даже не слишком значительные события), видимо, он носил закрытый характер.

⁴ Детская (фр.).

⁵ Пивная у Казарм (фр.).

⁶ Фресками (ит.).

⁷ Песенок (фр.).

⁸ Крови (фр.).

⁹ Епископ (фр.).

¹⁰ Вы будете есть завтра! Я вами займусь (фр.).

¹¹ И так хорошо изливать душу, и так хорошо взаимно поддерживать друг друга (фр.).

¹² Воодушевление (фр.).

¹³ Непринужденности (фр.).

¹⁴ Судя по всему, Л.Д. делает ошибку. Президент Франции Феликс Фор скончался в 1899 г., и здесь речь должна, по всей видимости, идти о Себастьене Форе (подробнее см. п. 443, прим. 16, а также далее в письмах).

¹⁵ Голод и забота (нем.).

¹⁶ *Искусство, Красота* были убиты безобразной пропагандой, еще более безобразно обнаженной, потому что ее обнаженность была украшена рифмами и музыкой, и эти рифмы длились два с половиной часа! Но из этого безобразия рождалось Трагическое и новая Красота, которая возникала из глубин, из пропастей, где покоится встревоженная, сраженная Душа (фр.).

¹⁷ По свежему воздуху (*фр.*).

¹⁸ Имеется в виду Жан Жорес (Jaurès, 1859—1914), известный французский политический деятель, социалист.

¹⁹ Нынешний адрес: 14, rue Général Dufour.

²⁰ Сочинение и орфографию (*фр.*).

²¹ Рисование (*фр.*).

²² Вера довольно одарена, чтобы занять место в первых рядах <...>, но она медлительна и очень пренебрегает тщательностью отделки своих работ, вот почему у нее низкие отметки и она находится только на 17-м месте. Я надеюсь на лучшие результаты в конце года (*фр.*).

²³ Невероятное время (*фр.*).

²⁴ Извинения (*фр.*).

²⁵ Сицилийскую песню (*фр.*). См. п. 418, прим. 5, и п. 423, прим. 22.

²⁶ Вызов (*фр.*).

²⁷ Старшая сестра (*фр.*).

²⁸ Что-то не так (*англ. с ошибкой*).

²⁹ См. п. 422.

³⁰ Это уж наверняка (*фр.*).

³¹ Беляевская. См. п. 422.

³² Для пищеварения (*фр.*).

³³ «Примите, сударь, чувства моего совершенного восхищения и смиренной покорности. Лидия Иванова».

427. Иванов — Зиновьевой-Аннибал 3—5/16—18 февраля 1902. Афины

День 64.

16/II Воскр. 8 ½ веч.

Решительно, я не еду завтра в Сикион. «<нрзб>»¹.

Сегодня началась 10ая неделя одиночества. Я высчитал, что до 13 Мая н<ового> ст<иля> ровно 150 дней разлуки. И сегодня только 64-й день. — 77 дней тифа стали для меня также единицей времени и дают некоторую мерку томительной продолжительности. Считая 13 Мая за срок разлуки, нахожу, что ее длительность равняется двум моим тифам.

На днях писал, что буду прилежен. И все не исполняю обещания. Полоса оскудения научного рвеня. Сегодня настроение было, хотя и не производительное, но поэтическое, и уединение не тяготило; зато праздновал целый день. «Праздномыслить было мне отрада»². Целый день дома; утром только выходил в πεύκας³. Разбирал, поправлял старые стихи, обдумывал новые и имел frisson⁴ отвращения при виде филологических книжек. Rêveur, éneργé⁵ (в заключении)... Diem perdidit⁶. Никуда не годный человек.

— Искал вчера на ђб. °Ермоѹ музык<альный> магазин: нет!
Не знаю, что́ делать? —

День 65.

Понед. 17/4 II.

Милая Радость! Хотелось бы рассказать тебе что-нибудь хорошее и содержательное о себе или из себя — и, увы, нищ и наг⁷. Утром, зайдя в Институт отдать книжку и узнать, не будет ли лекции, направился оттуда, куда ты велела — в Λουτρό⁸ и [имел] взял ванну. Voilà l'événement du jour⁹. Настроение опять — к работе охочее, свежее. Археологам сикионским не завидую: широко¹⁰; ветренно, мглисто, сухо; моря почти не видно. В газетах портреты Толстого с надписью: «Находящийся при смерти великий философ». Но известий о кончине нет¹¹. —

Дорогую девочку и радость целую.

День 66.

Вторн. 18/5 II утром

Сейчас я иду на Акрополь (Шрадер), оттуда после в Институт, из Института на лекцию Вильгельма. Вчера, когда лег спать, имел такие sensations¹²: оскомины от археологии (в собств<енном> смысле — т.е. руины и пр.), насыщенность путевыми восприятиями, нежелание что-нибудь видеть в Греции*, жажда сесть на пароход и приехать к тебе. Все это были непрочные sensations; потому что жажда видеть страну скоро стала протестовать и упорствовать... Целую Радость. OS.

¹ Написанное на первый взгляд по-гречески слово носитель языка не смог опознать как реально существующее.

² Цитируется стихотворение А.С. Пушкина «В начале жизни школу помню я...» (1830).

³ Сосны (*древнегреч./новогреч.*).

⁴ Дрожь (*фр.*).

⁵ Задумчивый, расслабленный (*фр.*).

⁶ (Я) потерял день (*лат.*).

⁷ Отсылка к Откр. 3: 17.

⁸ Баню (*греч.*).

⁹ Вот событие дня (*фр.*).

¹⁰ Широко (*scigosso*) — итальянское название сильного южного или юго-западного ветра, приходящего из Сахары. Современный вариант — «сирокко».

¹¹ В газете «Скрип» за это число был помещен графический портрет Толстого с подписью: «Умиравший великий философ». Незадолго до этого, 27 января в той же газете было помещено сообщение о том, что состояние здоровья Толстого ухудши-

* Я могу видеть настоящим образом только с тобой. (*Прим. Иванова.*)

лось и английский доктор Бертенсон был вызван телеграммой к больному. В ней также говорилось: «Русская цензура давно запретила распространение новостей о чем-либо, касающемся Толстого». Подробнее см. п. 438, прим. 2.

¹² Ощущения (*фр.*).

428. Иванов — Зиновьевой-Аннибал 6/19 февраля 1902, Афины

День 67

Среда 19/6. II.

3 ч. дня

Дорогая Радость, утром сегодня я старался достать тебе *гимн*. (Легче бы было сочинить тебе гимн, и приятнее.) В музыкальном магазине сказали, что он не издан, но, б<ыть> м<ожет>, им удастся достать его в рукописи — б<ыть> м<ожет>, только в переложении для фортепиано (т.е. без нот для пения) — и это будет стоить 5 др<ахм> (обычная цена за списывание нот, не зависящая от длины пьесы); но что раньше спросил бы я рукопись в Μουσική Ἐταιρεία и в Ἀρχαιολογική Ἐταιρεία¹. То и другое я сделал, и ни в том, ни в другом обществе искомого χειρόγραφον² не оказалось. Думаю заказать в магазине рукопись, но сомневаюсь, останешься ли ты довольна одной музыкой (без пения). Напиши на всякий случай немедленно, что думаешь. —

Мое открытое письмецо³ нуждается в обосновании. Я защищаю Марусю против тебя; mais il sied à ma subtilité savante de ne pas oublier le «Distinguo»⁴. Мы видим, как всегда, результат взаимодействия разных мотивов. Во-первых, horror laetitiae, timor gaudii, pavor hilaritatis⁵ — исконная черта русской интеллигентности («gaudeamus igitur»⁶ у нас вызывает слезы). Далее, плесень [родных] промозглых петербургских трясин, безучастная и брезгливая по отношению к роду человеческому [моссадность de ces] de ces maussades bourgeois Péterbourgeois⁷ (последнее слово в переводе значит bourgeois Петра Великого, — его создание, прививка культуры европейской, птенцы болот Петровых!). Далее, sprödes Wesen⁸ ее самой, ее недоброжелательно оглядывающаяся замкнутость, недоверчивая застенчивость (глядящая и из глаз Юлаши⁹), ее устремленность на то, что в данную минуту ближайшее, ее шершавые и холодные обрывы, маскирующие укромный тайник, где бьет живой ключ. Не холодный, однако, человек тот, который, будучи разборчивым, придиричивым, недоверчивым к людям, любит беззаветно и полно немногих, готов на деятельную помощь каждому и исполнен благоволения в целом своей духовной жиз-

ни (*paх in hominibus bonae voluntatis*¹⁰). К этим трем, если хочешь, *несимпатичным* элементам («интеллигентя» боязнь и стыд веселости, петербургская брезгливость, личная человекобоязнь и меланхолическая укрытность) привходит четвертый, *вздорный**: ревность за меня к страждущему Феликсу (*Felix infelix*¹¹). Далее, привходит и смутное чувство, что ты поступаешь как-то «глупо», неладно, нестройно, нечинно... И это последнее почуяла она, по моему, как всегда, верно.

Я был бы первый, кто порадовался бы от всей души на веселую фантазию, и тому, что ты пишешь о настроении, конечно, сочувствую. *Mais à condition d'être circonspecte!*¹² А для этого нужно было ответить себе на вопросы: 1) не буду ли я своим присутствием, пожертвованием, именем что-то заявлять, помимо своих намерений — политически демонстрировать? — На этот вопрос ты [себе не] не имела уверенного ответа. 2) Не будет ли этот выезд иметь последствий в смысле определенной известности, знакомств и пр.? — И на это ты не могла ответить уверенно. 3) *Ne serai-je pas ridicule?.. Eh bien, je suis presque sûr que tu as été ridicule*¹³. В твои годы и пр. нельзя же, как девчонке, доставать билет, чтобы только где-нибудь, ни с того ни с сего, поплясать в конкуренции с девчонками, прорепетировав вальс с искушенной уже в нем Кристиной (мне все-таки, как хочешь, стыдно, как и Марусе, перед Кр<истиной> и Ольгой!). Плясать в твои годы, конечно, *можно*, но только при целом ряде *условий*. Нужно же быть светской дамой — вести соответствующий образ жизни, быть известной обществу или очень солидно введенной, знать и с кем ты, и зачем (помимо вальса в три пà), наконец быть вполне *comme il faut*¹⁴ в своем внешнем явлении — а ты не позаботилась даже перешить свое единственное вечернее платье**, пришла Бог знает в чем (хотя и с обильными бриллиантами) (наверно именно *пришла*, не приехала и т.д. и т.д.).

Довольно! Напился чаю, и буду собираться на заседание Института.

7 ½ веч<ера>

Вернулся из Института. Было интересно. Протт сообщал новонайденные стихотворные надгробные надписи. Шрадер резю-

* *Cum grano salis*³⁰. Наклон и потенция есть. Мысленные «если бы», при которых были бы «то»... (Прим. Иванова.)

** Я так было радовался, что ты его наденешь! (Прим. Иванова.)

мировал все свои догадки и открытия, касающиеся τὸν ἀρχαῖον ναὸν¹⁵. Famos!¹⁶ Рядом со мной сидела das Kloebl'sche Braut-paar¹⁷. — Сикионцам¹⁸ я решительно не завидую. Они скакали, при неприятном широко, в местности неживописной, чтобы убедиться, что существовал проскений с колоннами и очень мало выдающимися параскениями¹⁹. Но Kolbe находит, конечно, все интересным, что исходит от Дерпфельда. —

Мораль того, что написал выше: хвала Господу за сестру нашу Легкомысленность, она же утешна, и целительна, и человеколюбива, и смиренна. И какое счастье, что она в тебе есть. И да будет! Оттого-то ты и называешься Радость и Жизнь. И за это тебя еще крепче целую в розоволосый загривочек.

Что намеревался вчера ночью исполнить вскоре не на бумаге, а в действительности. Ибо имел, отчасти несомненно верное, ощущение крайней нужды личного присутствия в семье и неправильности столь уже долгого и еще столь долгого от нее отделения. Так что искушение могущественное — употребить часть полученных сегодня золотых на милый Куков²⁰ билетец, возвращающий к Пенатам святым²¹. И я бы не колебался немедленно последовать тайному зову, находя, что поучился я здесь все же хорошо, и хорошо могу продолжать дома, если бы gigi не были так бесконечно дороги. Правда, и их ценность чрезвычайно уменьшается утомлением, спехом, невралгиями, нервными напряжениями, усталостью и тошнотой от общества постоянного, тиранического, невозможностью остановиться, взглядеться, сосредоточиться, погрузиться в созерцание, невозможностью быть с тобой, т.е. с Музой водительной и истолковательной, надоедностью обязательно носимых все-часно на носу археологических очков, — всей этой примесью немецкой аптеки в кубке античного Лизя²².

Но не увидеть Грецию больно. И тем не менее я серьезно замышляю побег²³. Прошу тебя с своей стороны взвесить, не лучше ли так, и мне телеграфировать, если лучше. В самом деле, есть большие преимущества в таком образе действий. Я пригожусь в семье (боюсь, что ты думаешь диаметрально противоположное), да и тебя от нее не оторву снова. Мы разорвем истому этой ужасной разлуки. И я примусь немедленно за свои работы, которые только оттесняются на задний план поездками по Греции. Необходимости в них мне нет; я не археолог; и будущее богато и приводит на старые и на новые места.

Теперь о властителе наших дум — ты думаешь, Толстом? дальнейших вестей о нем нет, но дай Бог чтобы это были выдум-

ки людей, ждущих смуты вокруг его гроба... Нет, я не о Толстом, а о Косте. (Скажи ему, пожалуйста, если вздумаешь, что я подумываю уже приехать из Греции из-за его прекрасной особы и подумываю также взять его из школы и учить его самому дома.) Упорствую, что нежелательна перемена школы. Должен исправиться и без этого. А если думаешь, что дело не пойдет, пошли его в Англию. Мужская школа, английская дисциплина в сочетании с свободой, Пэтон, общество Сережи, Минос-правитель и Минотавр-чудовище²⁴, соединенные в лице г-жи Tupper, — все блага воспитания к его услугам. В сущности, ему и пора уже начинать College. Нет, это лучше Нёшателей и пр. (Хотя не вижу, чем не угодил Тудикум²⁵: маленький пансион позволяет больший контроль *хорошему* воспитателю.) Ecole primaire²⁶ не знаю чем может прельщать. Общество мальчишек, драки, казенные взыскания, грубоватые учителя... Я за Англию! Если я приеду, можно подождать с Англией.

Жду с нетерпением дальнейших писем. Целую, как тебя желаю. В.

Спасибо за закладочку дорогую. И за Лилей вырезанное сердце. Непонятный символ, к нам относящийся²⁷, отсылаю назад для истолкования.

Жду с волнением отчета о свете и коловращении. Последний понимай буквально: à trois temps²⁸.

Пожалуйста, напиши Марии Тихоновне, иначе ты поступишь неловко относительно меня.

¹ Музыкальном обществе... Археологическом обществе (*греч.*).

² Манускрипта (*греч.*).

³ Открытка не сохранилась.

⁴ Но моей научной тонкости уместно не забывать «Различаю» (*фр., лат.*).

⁵ Приводящая в ужас боязнь радости, боязнь <получения> удовольствий, паническая боязнь смеха (*лат.*).

⁶ «Будем же радоваться» (*лат.*). Студенческий гимн, в котором, между прочим, воспеваются радости жизни.

⁷ Этих угрюмых Петербургских буржуа (*фр.*).

⁸ Сдержанный характер (*нем.*).

⁹ Речь идет о Ю.М. Замятниной.

¹⁰ Мир в людях доброй воли (*лат.*).

¹¹ Несчастный Феликс! (*лат.*) Игра слов: по-латыни «felix» — счастливый.

¹² Но при условии быть осмотрительной! (*фр.*)

¹³ Не буду ли я смешной? Действительно, я почти уверен, что ты была смешна (*фр.*).

¹⁴ Как положено, прилично (*фр.*). В XIX в. употреблялось без перевода как общепонятное. Ср. у Пушкина: «*du comme il faut*. Шишков, прости — / Не знаю, как перевести» («Евгений Онегин»).

¹⁵ Древнего храма (*греч.*).

¹⁶ Замечательно! (*нем.*)

¹⁷ Жених и невеста Клобл (*нем.*). Речь идет о хозяевах квартиры, где Ивановы жили во время тяжелой болезни В.И. летом и осенью 1901 г. См. в письме Зиновьевой-Аннибал к М.М. Замятниной от 5/18 октября 1901: «Вячеслав говорит, что фамилия наших хозяев Kloebe есть множественное число от русского Клоп. Der Klop — die Kloebe» (РГБ. Ф. 109. Карт. 23. Ед. хр. 10. Л. 21 об).

¹⁸ Имеются в виду участники археологической экскурсии в Сикион, от которой Иванов отказался (см. п. 424 и 427).

¹⁹ «Т<еатр> Диониса служил образцом для всех греч<еских> т<еатров>. Он состоял из оркестры (*orchestra*), круглой площадки, на к<ото>рой выступали актеры, танцоры и хор, зрительного зала и здания сцены. Оркестра располагалась в центре т<еатра>, а в сер<едине> оркестры был установлен алтарь Диониса (*thymele*). <...> На противоположной к зрительному залу стороне оркестры располагалась сцена (*skene*), сценич<еская> постройка с комнатами для переодевания актеров и хранения реквизита. Крылья сцены составляли параскении (*paraskenia*), между к<ото>рыми перед сценой выступали актеры. Выступали они на площадке, к<ото>рая первоначально находилась на уровне земли и только в эпоху эллинизма приподнимается над землей и получает назв<ание> “проскений” (*proskenion*)» (Словарь античности. М., 1989. С. 565).

²⁰ От названия знаменитого туристического бюро Кука.

²¹ Отсылка к последней строке стихотворения А.С. Пушкина «Труд»: «Друга Авроры златой, друга Пенатов святых». Пенаты — домашние боги.

²² Лизей — одно из имен Диониса.

²³ Ср. у А. С. Пушкина: «Давно, усталый раб, замыслил я побег» («Пора, мой друг, пора! покоя сердце просит...» (1834)).

²⁴ О царе Миносе и Минотавре см. п. 413, прим. 4.

²⁵ Учитель, в школу которого предполагали отдать Костю Шварсалона (см. п. 390, 423).

²⁶ Начальная школа (*фр.*).

²⁷ О вырезанном Л.В. Ивановой из бумаги сердце покойной сестры Елены см. п. 415. О каком «непонятном символе» идет речь, нам неизвестно.

²⁸ На три счета (*фр.*).

²⁹ С долей сомнения (*букв.: с крупницей соли*) (*лат.*).

429. Иванов—Зиновьевой-Аннибал 7—8/20—21 февраля 1902. Афины

День 68.

Четверг 20/7 II 8 ½ веч.

Друг и Радость! Письмецо¹, только что пришедшее (парфюмированное какими-то духами, как и приличествует отчету о бале),

едва успел пробежать и, полный стыда, раскаяния, восхищения, спешу объявить себя дураком, а тебя единственной и исключительной умницей. Вижу, что ты умеешь играть и на Аполлоновой лире, как сам Дионис, но не раскаиваюсь, что вызвал тебя на это, — так вдохновительна, так уверяет твоя властно-движущая игра. Сожалею только, что я такой пугливый в своей любви, что и в самом деле кажусь тебя не знающим. — В моем письме² ты не поняла, что пометки «негармоническое, неотстоявшееся письмо» относились к моему письму как оговорка и род заголовка или предупреждающегося эпиграфа. Какое счастье, что я получаю теперь письма и в четверг: и здесь ты wieder einmal³ умница! — Жду (на этот раз пишу en toutes lettres⁴) *портрета* в концертном туалете!—

День 69.

Пятница 21/8 9 ч. веч.

Дорогая Лиля, нового письма еще нет. В добавление ко вчерашним строчкам, скажу еще, что я же и психопат⁵. Нервозный, преувеличивающий и никуда не годящийся человек. Дела мои: вчера лекции Вильгельма и Robert⁶; сегодня утром (недолго) Институт — и Орфики. Поручаю письмо Ангелу. Целую, как влюблен! Очень холодно, т.е. очень — очень сравнительно. Борей⁷ и Луна над долиной. На этот раз вся causerie inutile⁸ в Марусиной грамотке. В воскр<есенье> есть Messageris: буду писать. OS.

Почему Miss VI<ackwell> «яд в семье» и т.д. «Русская девушка» меня решительно пугает. Я бы хотел опять англичан<ку>. Напиши.

Конверт со штемпелями: АОННАІ. 8 ФЕВР. 1902 — Genève. 26.II.02.

¹ Имеется в виду п. 425.

² Речь идет о п. 421.

³ Еще раз (нем.).

⁴ Напрямик (фр.).

⁵ См. п. 420.

⁶ Carl Robert (1850—1922), специалист по Гомеру.

⁷ Северный ветер.

⁸ Бесполезная болтовня (фр.).

430. Зиновьева-Аннибал — Иванову 5—8/18—21 февраля 1902. Женева

65-й д<ень> м<ужества>. Вторник. Дотя, день, т<ак> сказать, без числа¹, посвященный отдыху души и тела. Ведь все кутежи

закончились вчера лекцией Jorés <так!> о Нитше². Нет, ничего не скажу, потому что 10 ч. и я иду спать... Завтра. Целую. 66-й д.м. 12 ч. столовая перед II-м звонком. Дотя, утром встала рано, т.е. в 7 ¼ была уже в ванне. После брэкфаста засела за рояль. Петь не пела, или *почти* не пела, но с 8.40 утра и до 11 ½ не отошла от рояля. Я делаю это сознательно, не из неумения распределять времена. Я хочу с grandes roussées³ одолеть грамоту, т.е. чтение нот. И сделала уже огромные успехи. У меня две цели: 1) сделать себе путь для изучения романсов и арий: никогда нельзя *знать* их до конца, пока рояль и голос не слились в одно. 2) для того, чтобы *впервые* давать тебе музыку. Да, хочу и добьюсь играть легко с листа. ———

12 ¾. Сена Дотя, Вера сейчас едет в школу. Miss Bl<ackwell> поет свои notes tenues⁴, но вот скоро Костя придет к ней делать solfège: его школа начинается позднее. За Лилей пришла девочка Hildá. Снег на дворе тает быстро; простояла зима 3 дня. Утром письма твоего от Субботы не было. Жду завтра от Воскресенья. Оля с базара привезла свежих цветов. Неаполитанец отломился от пьедестала вследствие удара метлою и потерял блюдо с макаронами и одним пальцем, но сам спасся, повиснув на гвозде. Принесенный наверх ко мне он был мною склеен, но упал и потерял голову и левую руку. Голова приняла очень жалкое выражение. Но когда она вновь оказалась на плечах, то с той же сгânerie⁵ задралась вверх en contemplation⁶ макарон, падающих в раскрытый рот. От Сережи получила упоительное письмо⁷. Я не знаю, что он написал тебе, потому что, как ты велел мне, так я и сделала: спросила его о мнении его по поводу трагедии, и упомянула, что ты велел ему написать *мне* это мнение.

По поводу бедного, милого Пэттона я пишу Сереже, — чтобы он ни о чем пока не думал умственным для своей трагедии, а писал бы, как его душе радостнее. Не велела ничьих советов слушаться, почему и своего мнения не высказываю. Сказала, что каждый писатель имеет в душе мир и пишет его, как он через его душу преломляется, и чем дума кристальнее, тем геньальнее и ближе к правде писатель. И еще побеседовала по душе, но всё клонила к свободе. Написала в общем длинное письмо. Ну...

67-й д<ень> м<ужества>. 11 ½ дня. Сена. Дотинька, письма от тебя нет! Вот горе-то. Верно, ты опоздал к субботней почте, а в воскресенье не было почты. Господи, как время тянется. Каждый день проходит для труда гнусно скоро, но ряды дней нани-

зываются нестерпимо медленно. Прямо невероятно. Невероятно, что еще до свидания нашего от сегодняшнего дня всё еще больше времени осталось, чем прошло от разлуки. Если бы не последний месяц, весь в поездках для тебя, то я тотчас бы бросила всё и была у тебя. Но терплю пока ради детей. Важно-то важно мое присутствие. Но, клянусь тебе правдою, еще важнее твоя тоска, и мн<ого> раз повторяю: если ты плох без меня, если тебе во всех отношениях трудно выносимо — зови меня. Уж вот еще мысль: не сократить ли пребывание в Греции? Дорожишь ли ты именно Июнем, Июлем. Лекций нет, жара невыносима. Не лучше ли вернуться после *Inselreise*⁸. Ведь для одной работы библиотечной Париж не хуже. Но, конечно, мне очень нежелательно для блага детей уезжать на Пасхе, когда будет Сережа, и я хочу сплотить их всех вместе, помочь устроить свою собственную трагедию и восстановить старые игры, по которым глубоко тоскует Вера, противящаяся чуждому элементу в семье. Но всё это может ждать лета, если я нужна тебе. И кроме того, признаться ли тебе в своих глупых мучениях? Не допускаю их, но они дразнят меня. Было же мне из Берлина тогда в 1896 столь мною глупо неожиданное письмо⁹? Жизнь так широка, так шире наших соображений, намерений, морали и сил, что я думаю: почему еще раз не случится подобное. И вот нет письма. И хорошо ли, что мы врзъ? Хорошо ли, если войдет новое и тяжелое в наши отношения? Напиши искренно, что думаешь. 3 ч<аса>. Четверг. Сена Утро провела у рояля. После завтрака поспала, т.е. подремала и повалялась. Я устала, потому что какая-то полоса нашла, что всё выезжать приходится. Вчера 2-ая лекция о Нитше и Социализме, вернее, вчера: Нитше и Христианство. Сегодня концерт *Mme Zibelin*¹⁰, завтра в пятницу последняя лекция о Нитше. В Субботу иду на репетицию симф<онического> концерта. В Воскр<есенье> концерт с органом Марии Брема¹¹ в церкви и, кроме того (но это можно и в следующее воскресенье), раз мы всё слушаем о социализмах, то пойду утром воскресным в *Victoria Hall*, где всегда битком набито народу, слушать проповедника христианского социализма. Это интересно. Первая лекция *Jogés* так отвратительно репортирована¹², что ты не составишь себе понятие о могучем ораторе, обладающем даром сосредоточивания в высшей степени, она касалась исключительно философии Нитше, которую он всю вывел из надрыва над банкротством тройным Европы: трех категорий человеческого ума: 1) *Unité*, *Souverainité*¹³? (кажется,

так назвал он) 3) *finalité*¹⁴, т.е. целесообразность. Из этого банкротства вышел Нитше с трагическим криком: так как нет возможности быть идеалистом, *déchainons la vie*¹⁵ и будем упиваться ее силой и красотой вне добра и зла. Кстати, Jorés и Эшила характеризовал как *spectateur de la vie déchainée*¹⁶, вне добра и зла, стихийного художника. *Правда ли это?* Я считаю *наоборот*. Прометей¹⁷ — мученик чуть ли не Опалиновской¹⁸ жалости к людям. Орест¹⁹ подсудимый, ищущий оправдания своей *совести* в нескольких судах.... Вчера я сама для тебя записала лекцию²⁰. Уж поймешь ли ясно, не знаю. Кажется, я записала *всю суть*. Но так как она заключала в себе критику Нитше, то было, словно к вихрю ночному примешался треск железных листов, которыми в театре делают гром.

Jorés много стучал кулаком по столу, был талантлив и горяч, впрочем. В первый же раз, где он мастерски преподнес ядро учения Нитше и нарисовал трагический образ львиного духа в больном и нервном человеческом теле — я имела странное наслаждение, опьянившее меня до того, что уже дома я, выкидывая безумную глупостью <так!> одну за другой, испытала полное чувство излишка выпитого вина: даже язык двигался тяжело и голова кружилась, в сердце огнем горел восторг и счастье глубины и трагизма мира и силы Гения. Славенька, я ведь никогда не слышала оратора (это не лектор, а *народный* оратор). В огромной зале — театре, что на площади, собрались тысячи. Он вышел и заговорил сначала очень медленно, слово за словом; звук голоса неприятен, но что-то в ритмичных паузах, в странной силе Слова, расчлененно, строго несущегося, полного странного значения, тяжелого невысказанным, намёком... Не знаю что, но я еще не понимал<a> речи, а всё существо мое дрогнуло, как от музыки, от первых ударов симфонии... что-то понесло меня и несло дальше с речью по мере того, как она ускоряла темп. Ноги у меня почему-то разболелись (только *не вены!*) от сильного страдания, но я не чувствовала почти, так странно пьянила та музыка. И в начале мне казалось: не надо смысла, довольно Слова и Паузы. Но речь становилась плавнее, врвалась потоком в душу, слова сливались в гармонию, и эта гармония была Гениальна, была Нитше. О, как он произносил это странное и сладкое слово *Nietche*, напирая мягко и сильно на *ie* и почти не произнося *e* в конце. Что-то пронзает сердце каждый раз при этом слове. Славенька, если бы не было Гениев, как стали бы мы жить?

Однако — ужас, опять письмо Фотини не написано и роман давно не тронут, хотя целый поток свежей жизни в моей душе обновляет и его с начала до конца. Но нет. И Фотини.. о... о... о.. тяжко. И маме надо, и Мар<ии> Тихоновне, доктору...

68-й д<ень> м<ужества>. 11 ½ утра. Сеча. Только что была Вера из школы на утренний поклон. Пела, закончила греческое письмо. Могла бы лучше написать, но пришлось бы без конца рыться в отчаянной Рамалловской книжке²¹, в Черном²², в Евангелии, и я не решилась: так много дела и устала. Совсем развратный образ жизни ведем... Вчера опять в 1 час ночи вернулись. Сегодня Нитше и т.д. .. Очень хочу отдохнуть. Но ничего этого нельзя пропустить! Такая полоса напала. Устала душа. Много впечатлений, и я так сильно их принимаю. Ну, о вчерашнем концерте: 2 сильных впечатления: 1) 4 романса Остроги — *очень хороши*, поскольку <так!> чувствую.

Неожиданны, свои, берут сердце и глубоко затрагивают. В особенности тронула меня до ужаса легенда Бретонская (Алекс<андра> Вас<ильевна>, помнишь, дала 10 лет том<у> назад²³). «*Quelqu'un s'est glissé sous ma porte... Elle est morte... morte...*»²⁴ Глубоко. Он видел смерть.. он рыдал перед ее лицом. Я счастлива была, что могла искренно и горяче сказать ему: «*J'ai eu un profonde joie à vous entendre*»²⁵. Он был доволен, и сам предложил сегодня же (урок перенесен был из-за концерта на сегодня — пятницу) принести часть романсов. Они не напечатаны — денег нет. Все в разброде. Трудно их получить. Я и то очень тронута его добротой, что обещался принести. 2-ое впечатление — Он вел себя всё время как жених одной барышни Miss Last, которая кокетка, некрасива, но имеет прелесть грубоватую поблескиваний глаз и зубов, сама маленькая до мизерности. Она, впрочем, сама невеста какого-то англичанина. Эти барышни оказываются вульгарными до последней крайности и с виду и манерой: хохот в платок и раскачивания с громким хлопанием по коленям. Бедный Феликс у них свой, и я не могу понять его отношения к ним. Думаю просто, что *плохо ему одному*. А тебе?

6 ч<асов>. Урок музыки. Ужасно, в первый раз приходится отсылать письмо, не отвечая на твое! Не знаю, как дожидаться утра завтра, чтобы понять причину моего сиротства.

..Сейчас идем на лекцию. Надо всегда приходиться за час²⁶. Читаю там Baudelaire: «...Pays singulier, supérieure aux autres, comme *l'Art l'est à la Nature*, où celle-ci est réformée par le rêve, où

elle est corrigée, embellie, refondue»²⁷. Согласен? А я с ума сошла: сегодня ночью видела во сне такое неожиданное несколько комическое определение: «Les arts sont des soupirails vers le monde intelligible...»²⁸ — это я всё провозглашала? Согласен? И проснувшись, еще в полусне опять грезила этой непонятной фразой и что надо ее тебе послать.

Твоя Лидия.

Конверт с адресом, написанным рукой М.М. Замятниной и женевским штемпелем 21.П.02. Афинский штемпель отсутствует.

¹ Отсылка к «Запискам сумасшедшего» Н.В. Гоголя.

² Различное написание фамилии немецкого философа мы не унифицируем.

³ Большим напором (*фр.*).

⁴ Долгие ноты (*фр.*).

⁵ Лихостью (*фр.*).

⁶ В созерцании (*фр.*).

⁷ Вероятно, имеется в виду письмо С.К. Шварсалона от 3/16 февраля 1902 со следующими рассуждениями: «Я думаю, что в трагедии выходит, что нехорошие как-нибудь, или силою, или несправедливостью, побеждают и что хорошие обижены несправедливо и через свою же доброту часто; но то же, что часто через зависть или ненависть, несправедливость производит трагедию без того, чтобы ясно отличалась одна сторона хорошая, другая худая. Конечно, трагедия, я думаю, должна всегда быть такая, чтобы каждое действие могло бы быть как в самой простой жизни. Я Mr. Papon'у рассказывал мою новую трагедию (только историю; я вам не хочу ее рассказать раньше, чем окончил совершенно); и он мне посоветовал, чтобы я показал, что никто в трагедии не был совершенно "black" <черным — *англ.*>, но чтобы я показал как-нибудь, почему даже самый злой сделался злым, потому что он не мог родиться злым. Christie со мной была совершенно согласна, что их драма <так!> — не трагедия, и просила меня написать, думаю ли я, что стоит ее играть, потому что нужно костюмы сшить. Пожалуйста, скажите ей, что я не успел написать, потому что она меня просила написать как можно скорее» (РГБ. Ф. 109. Карт. 38. Ед. хр. 54. Л. 16 об — 17 об).

⁸ Поездки по островам (*нем.*).

⁹ Имеется в виду письмо Иванова от 1/13 июня 1895 г. (п. 83) с признанием в том, что во время поездки в Россию он был близок с первой женой.

¹⁰ См. в хронике: «Нам пишут: Множество народу на концерте, данном Обществом "Музыкальный час" (директор г-жа Зибелин-Вильмерлинг) 20 февраля в казино Сен-Пьер при участии "Лирической группы", певицы г-жи Шиффмахер и нескольких учеников г-жи Зибелин-Вильмерлинг» (*Journal de Genève*. 1902. 13 mars). Еще один фрагмент этой хроники приведен Зиновьевой-Аннибал в п. 453.

¹¹ См. п. 423, прим. 24. Видимо, именно к этому концерту относилось объявление: «Нас просят сообщить, что, несмотря на слухи, г-жа Брема в ближайшее время даст концерт в Маллен» (*Journal de Genève*. 1902. 18 février).

¹² Очевидно, посланный отчет о лекции Ж. Жореса среди писем не сохранился. Первая его лекция состоялась 17 февраля. Приведем (в сокращении) неподписанный отчет о ней в «*Journal de Genève*» от 20 февраля: «Лекции в l'Aula <университетская аудитория> иногда приводят к нам знаменитостей, для которых l'Aula недостаточно, и мы привыкаем видеть их по этому случаю в Виктория Холл. После

г. Брюнетьера таким лектором стал г. Жорес, который в понедельник вечером на первом из своих докладов собрал громадную аудиторию, которая была бы еще более значительной, если бы вместимость зала, уменьшенная запрещением стоять в проходах, позволила попасть внутрь множество людей, вынужденных уйти несолоно хлебавши. Если бы Ницше вернулся на землю и увидел эту толпу, где перемешались все классы, все профессии и все мнения, собравшиеся, чтобы заняться его системой, он бы вновь, несмотря на жестокие разочарования, обрел веру в свою доктрину сверхчеловека <...> У Ницше были, согласно понедельничному оратору, два главных принципа развития: глубина эллинской культуры, которая позволяла ему поставить искусство на передний план и считать мораль вторичным элементом, и безграничная вера в результаты его личных абстракций. После Франко-прусской войны он внушил себе, что должно начаться царство эстетической культуры и что душа Гёте распространилась на всех немцев; но его родина, как и другие нации, была повергнута в посредственность современной демократии. Как следствие этого разочарованный философ ощутил двойную потребность: потребность в одиночестве, в уходе в себя, и потребность в откровенности, потребность в том, чтобы бестрепетно дойти до конца логической цепочки своих выводов. Таким образом он пришел к выводу, что человек в наши дни находится в состоянии нигилизма. Вера в цель, определенную судьбой, рухнула; в действительности, если бы эта цель существовала с незапамятных времен, она была бы уже достигнута, тогда как все ее ищут до сих пор. <...> В завершение, зарейнский философ из глубины своего одиночества и искренности обвиняет сегодняшнюю мысль в лукавстве, плутовстве с самой собой. Ницше, по крайней мере, сумел освободиться от тирании заимствованных идей. Он ограничивает бесконечность. Вселенная, утверждает он, не безгранична в пространстве. Но здесь мы с изумлением обнаруживаем в нем стойкость метафизического инстинкта: 9-я симфония Бетховена погрузила его в мистическую мечту, он поверил, что поднимается в безграничные пространства. <...> Перестав быть рабом, он говорит жизни: "Я гляжу тебе в глаза, и сила моего сердца всегда будет выше силы стихий". Именно здесь, говорит г. Жорес, мы сталкиваемся с первой в полной степени мужественной попыткой, предпринятой для того, чтобы поставить человеческий разум перед критическими результатами, достигнутыми со времен Канта. Перед лицом моральной проблемы Ницше не позволил себе ни от чего уклониться, ничего предать забвению. Этого великого хулителя христианства можно сравнить лишь с великим мучающимся христианином, каким был Паскаль. Люди, которые, подобно Ницше, проводят всю свою жизнь перед проблемой человека и которые погружены в свои занятия, делают дело, от которого все выигрывают: благодаря им мы, которых поглощают дневные заботы и тысячи задач, у которых нет времени вдумчиво поразмышлять об этих вещах, получаем по крайней мере ощущение проблемы судьбы".

¹³ Единство, Самостоятельность (*фр.*).

¹⁴ Конечная цель, целесообразность (*фр.*).

¹⁵ Освободим жизнь из цепей (*фр.*).

¹⁶ Созерцатель освобожденной от цепей жизни (*фр.*).

¹⁷ Герой трагедии Эсхила (впрочем, авторство его оспаривается) «Прикованный Прометей».

¹⁸ От фамилии героя романа Зиновьевой-Аннибал «Пламенники» Опалина.

¹⁹ Герой трилогии Эсхила (переведенной Ивановым на русский язык) «Орестея».

²⁰ См. ниже конспект Зиновьевой-Аннибал. 5/18 февраля М.М. Замятнина писала Иванову: «Лидия приведена была этой лекцией в сильно подъемное настроение. Что за женщина эта Лидия, с каждым днем видишь все большую и большую ее глуби-

ну и какую-то проникновенность, и такую внутреннюю гармонию при кажущейся, иной раз, внешней сумашедлости <так!>, если так можно было бы выразиться» (РГБ. Ф. 109. Карт. 19. Ед. хр. 14. Л. 34).

²¹ О какой книге идет речь, установить не удалось.

²² Имеется в виду широко распространенный учебник Э.В. Черного «Греческая грамматика гимназического курса» (первое издание — М., 1879) или же «Русско-греческий словарь гимназического курса» (первое издание — М., 1877).

²³ Подробнее об этом см. п. 425.

²⁴ «Кто-то проскользнул под моей дверью... Она мертва... мертва...» (фр.)

²⁵ Я испытывала глубокую радость слышать вас (фр.).

²⁶ 7/19 февраля Иванову писала М.М. Замятина с пометой: «Victoria Hall. Лекция Жореса 7 ч. вечера»: «Рядом сидит Лидия и читает Baudelaire. Зала почти переполнена, мы забрались, к<a>к видите, еще до 7 ч., а лекция в 8 ч. назначена. Сидим на эстраде, сзади кафедры, т.к. уже лучшие места все-таки были заняты. Перед нами несколько внизу море голов, сзади и наверху все тоже переполнено. Сегодня он читает о социализме в отнош<ении> к Ничше, и публики еще больше, чем б<ыло> в прошлый раз. Вход бесплатный, но порядок замечательный. Очевидно, уже скоро у дверей появится надпись “complet” <Мест нет — фр.>» (РГБ. Ф. 109. Карт. 19. Ед. хр. 14. Л. 35).

²⁷ «Удивительная страна, превосходящая другие страны в той же мере, как Искусство превосходит Природу; страна, где природа преобразена мечтой, где она исправлена, украшена, переплавлена» (фр.). Из стихотворения в прозе Ш. Бодлера «Приглашение в путешествие» (Бодлэр Шарль. Стихотворения в прозе / Пер. Эллис. М., 1910. С. 65).

²⁸ «Искусства — это отдушины в сверхчувственный мир» (фр.). \.

Нитше I.

Mr Jorés pretend être idéaliste!?!¹

Nieche <так!> сам помогает идеализму, приводя все явления к одной исходной силе — Wille zur Macht². И материя тем же принципом движется, потому что она центр сил, борющихся с другими центрами сил. Так же и всякая жизнь: une capitali<sa>tion de<s> forces — Qu'est-ce autre chose qu'un monisme de vouloir de soumettre à un principe le monde. 1-re categorie de l'intellect. Bien qu'il³ защищается от Шопенгауэра, как он может, говоря, что каждый центр силы отделен, индивидуален. Но он признает *неволью* возможность мечты идеалистов привести к *единству* мира. La pensée est la force suprême du monde, étant la plus forte⁴ выразитель Wille zur Macht — отсюда значит, он признает Souveraineté⁵. 2-ая категория. (Дураки хлопают.) Когда Ницше объявил, что ценности не верны, <он> не сказал, что ценностей нет. Словом, *перев*оценка, а не *Abschaffung der Werthe*!!!!⁶

Uebermensch⁷ — *цель*. Значит, Нитше признает Идеал и Finalité du Monde⁸. (3-я категория.)

Нитше не есть *индивидуалист*! Он осуждает индивидуализм Renaissance, говорит, что он *gaspille trop vite les énergies de l'humanité*⁹ и Англичане, тот Спенсер и т.д. — «лавочка». Всюду нападает на индивид<уальность>, говоря, что и социализм *est une ruée* <?> *vers l'individuasme pour tous*. Il ne veut point s'occuper de l'individualisme ou autre chose. Il est un révolutionnaire aristocrate. Il ne croit pas que c'est possible d'empêcher la victoire du socialisme tout en désirant que le mouvement fut aussi умеренно que possible. Donc il n'est rétrograde ou obstacle mais en supposant réalise l'égalité il prévoit *médiocrité, platitude amoindrissement*, pas d'énergies magnifiques — guerres etc.

Et alors il dit: Non, il ne faut ni céder ni s'y oppose<r>, car c'est insensé d'aller contre le flot der Wille zur Macht. Qu'il domine pendant un siècle et deux. Le jour viendra quand quelques âmes audacieuses au dessus de la platitude qui feront éclaté l'étang stagnant par une nouvelle, jeun<e> aristocratie pleine de vie nouvelle bien autre à la nous. — — — Il s'agit de savoir, dit Mr Jorés, si le mouvement des masses est vraiment недостойно. Нитше méconnaît les causes économiques¹⁰ изменяющие отношения исторические. Мы же должны понять, что вся история и есть союз идеализма и экономизма. Она не есть une lutte *abstraite* entre aristocratie et démocratie!¹¹ Идеализм и экономизм — одно. И в Греции в революцию аристократия была побеждена причинами экономическими, а не идеей демократии и т.д. и т.д. сплошь до революции, и Jean Jacques¹² и т.д. ... всё экономия политическая и т.д. (Словом, мы понимаем, куда ветер дул.) (Подлецы, лгуны... идеалисты экономики: не хочу экономики) (Откуда Христос?) Эту истину метлой — со двора...¹³ Во всяком случае: A bas les hypocrites!¹⁴ При чем идеализм? — — — — —

Нет, ни Христианство, ни революция не есть abaissement¹⁵, говорит Mr Jorés, они повышение энергий, *aggrandissement de l'histoire, ennoblissement*¹⁶. — Нитше упрекает христианство в ruine de Rome aristocratique¹⁷, но она, *la Rome*, сама погибла, потому что не сумела дать массам счастье и справедливость и не нуждалась даже для гибели в Христианстве. Достаточно *было кинжала Брута*! La doute d'elle-même a tué Rome¹⁸. (Дураки хлопают.) Хлопают, когда *оратор*, входя в азарт, начинает *орать*.

Нитше II.

Нитше упрекает Христианство (как Дотя меня) нервность в человечестве <так!>, — но он забывает, что невроз *est la maladie*

imperial<е>¹⁹. Нерон, Гелиогабал, Лидия и т.д. Оратор (от орать) доказывает с восторгом, что imperialism²⁰ был <?> невроз, а христианство спасло усилия *humanité antique de se diviniser elle-même* (*La divinisation de l'homme étant le but éternel de l'humanité*) comme dans la période héroïque, et elle voulait se diviniser en pleine lumière de la Grèce et de Rome historique. Et vers cette hausse <?> les Grecs et les Romains marchent par deux voux <sic!> Pensée et Orgueil — Pensée Heraclite: le monde en plein de dieux et il divinise par cela la pensée, la philosophie et Platon même et Plutarque: tout l'effort de la pensée Grecque de faire du monde et de Pensée divine *un*. Mais l'identification de divin et de l'homme²¹ привело к колдовству и спускалось практически к *магии*. Это потому что наука была так плоха, что как дырявая сеть пропускала superstitions²². Они *имели* Красоту (Елена), но она разрушалась sorcellerie. Поэтому *la pensée grecque était menacée de sombrer*, donc l'effort de divinisation de l'homme jusque l'échec. Наприм<ер>, Orgueil. Ils divinisaient les héros — la force et imaginaient la foule aussi par l'ivresse de la force ambitieuse de montrer elle aussi vers les étoiles avec les héros. Mais la folie en résultait. Voilà que vinrent les barbares²³ и доказали, что герои смертны. 1) *Мысль* погибла 2) *Гордость* погибла и явилось христианство, соединившее мысль и порыв гордости во едину, и спасло идею обоготворения человечества!

И тем христианство внесло новые *энергии* и *усилило* человеческий дух. —²⁴

¹ Господин Жорес притворяется, что он идеалист?! (фр.)

² Воля к власти (нем.). Название книги Ф. Ницше.

³ Капитализация сил. — Что совсем иное, чем *монизм* желания подчинить принцип мира. Первая категория интеллекта. Хотя он... (фр.).

⁴ Мысль — высшая сила мира, являющаяся самой сильной <выразительницей> (фр.).

⁵ Самостоятельность (фр.).

⁶ Отмена ценностей (нем.). Отсылка к подзаголовку книги Ницше «Воля к власти»: «Опыт переоценки всех ценностей» («Versuch einer Umwertung aller Werte»).

⁷ Сверхчеловек (нем.).

⁸ Целенаправленность мира (фр.).

⁹ Слишком быстро растрчивает энергии человечества (фр.).

¹⁰ Стремительное движение к индивидуализму для всех. Он совершенно не хочет заниматься индивидуализмом или чем-то иным. Он аристократический революционер. Он не думает, что можно предотвратить победу социализма, желая, чтобы движение было так умеренно, как только возможно. Итак, он ретроград и не помеха, но предполагая <что> осуществится равенство, он предвидит *посредственность, пошлость, умаление*, никаких чудесных энергий — войн и т.д.

И в то же время он говорит: «Нет, нельзя ни останавливаться, ни противодействовать ему, потому что бессмысленно идти против напора Воли к Власти. Пусть

он доминирует на протяжении одного-двух веков. Придет день, когда <появится> несколько отважных душ, находящихся выше пошлости, которые возмутят застоявшийся пруд этой новой, молодой аристократией, полной новой жизни, вовсе чуждой нам». — «Речь идет о том, — говорит г. Жорес, — действительно ли движение масс недостаточно. Ницше не знал экономических причин» (*фр., нем., рус.*).

¹¹ *Абстрактная борьба между аристократией и демократией! (фр.)*

¹² Имеется в виду Жан-Жак Руссо.

¹³ Последняя фраза — из романа «Пламенники». Ср.: «Один герой Лидии, поэт — Умолв, выражается по этому поводу со свойственным ему пафосом нахальства,

...Не все ль равно?

Ведь уж сказано давно:
Кончить с Истиной пора!
Истину долгой!
Истину метлой —

Со двора!» (Переписка с Гольштейн. С. 358—359; «Обнимаю вас и матерински благословляю...» С. 175).

¹⁴ Долой лицемеров! (*фр.*)

¹⁵ Понижение (*фр.*).

¹⁶ Увеличение истории, облагораживание (*фр.*).

¹⁷ (В) падении аристократического Рима (*фр.*).

¹⁸ Само сомнение убило Рим (*фр. искаж.*).

¹⁹ Болезнь империи (*фр.*).

²⁰ Имперскость (*фр.*).

²¹ (Усилия) античного человечества обожествить себя само (ведь *обожествление* человека есть вечная цель человечества), как в героический период, и оно хотело обожествиться в полном свете исторической Греции и Рима. И к этой цели Греки и Римляне шли двумя путями: Мысль и Гордость. — Мысль Гераклита: мир полон богов, и тем самым он обожествляет мысль, философию и самого Платона; и Плутарх: все усилия греческой мысли состояли в том, чтобы сделать мир и Мысль божественным *одно*. Но отождествление божественного и человека (*фр.*).

²² Предрассудки (*фр.*).

²³ Колдовством. Поэтому *греческая мысль подвергалась опасности погибнуть*, то есть <прилагать> усилия обожествить человека вплоть до поражения. Например, Гордость. Они обожествляли героев — силу и представляли себе, что толпа опьянением собственной честолюбивой силы сама поднимется к звездам вместе с героями. Но в результате безумие. Вот тогда и пришли варвары (*фр., рус.*).

²⁴ На этом текст кончается.

431. Иванов — Зиновьевой-Аннибал 9/22 февраля 1902. Афины

День 70.

22/9 II

Субб. 8 ч. веч.

10 полных недель.

Любимая Радость, сегодня с утра получил твое письмо¹. Très caustique, cette lettre!² Не беда! Мои «огневейные» налеты и твои

змеиные сарказмы [дух Корягина басит мне в ухо: «отшипсы»³]*, мне, кажется, порасчистили атмосферу. Мои нервы очень успокоились, и твоим полемика не повредила. Притом я очень люблю тебя такой: знающей, уверенной, мужественной, Амазонкой жизни. Я очень люблю твои high spirits⁴. И еще я люблю, чтобы ты называла меня при случае дураком; тогда внутренний голос говорит во мне: *c'est une femme supérieure!*⁵ Это факт, который могли бы засвидетельствовать многие влюбленные мужья, и даже многие не влюбленные. Тут тайна женского *ascendant*⁶. — Но «характеристики», для меня по крайней мере, необходимы. Они одни, по-моему, и приближают нас к познанию вещей. Без них одинаково невозможны ни наука, ни искусство. Лучше сказать: к ним сводятся и наука и искусство. Когда ряд эмпирических «наблюдений» связывается в одно органическое «единство» жизненным началом одной [руководящей] идеи, формулу этой связи я называю характеристикой. Чем глубже характеристика, тем гипотетичнее, потому что тем дальше уходит от явления в непроницаемую сущность его. Поэтому если я [по]пытаюсь характеризовать, то делаю это не для пророчества о «судьбах людей», а для уразумения явлений жизни. В педагогике характеристика то же, что в медицине диагноз. Правда, эта медицина душ находится в столь кухонно-аптечной стадии, что не знает часто, что делать с диагнозом. Проще ограничиться эмпирией, вроде: «Вера медленна», «Костя не любит слушаться», — но бороться с симптомами болезни вместо ее причины, как сознали, по крайней мере, в настоящей медицине, бесполезно. Итак, установить, что непослушание происходит из атрофии воли, а не избытка ее, может быть практически важно. Но, конечно, выходя из пределов *эмпирии*, мы нередко попадаем пальцем — в *эмпирию*, особенно когда летаем на огневейных крыльях.

Твое описание социалистического вечера и рассказ о твоих *sensations*⁷ [по его поводу] очень интересны; и я уверен, что такой — столь характеристический для эпохи и Италии — вечер посетили раз (вероятно в адриатическом *Bude-art* <?>⁸) Опалин и Елена⁹, заведенные туда, конечно, Коловратовым, причем *Елена танцевала*. Они слышали много стихов о *sangue*¹⁰, что-нибудь новое Ады Негри¹¹, видели именно эту аллегорическую комедию (не старинная ли она вещь? — *l'évêque*¹² как-то анахроничен),

* Квадратные скобки принадлежат Иванову.

присутствовали при очень обостренной querelle¹³ между социалистами и анархистами и были весьма удивлены неожиданно идиллическим концом асамблеи <так!>. — Читаете ли вы повесть Боборыкина в «Вестн<ике> Европы»¹⁴? Что это такое, по-твоему? —

Применение новых связей с миром женевских рабочих (как громко!) к разрешению вопроса о семейном счастье зяблого макаронщика — удивительно умно, хотя и не обещает практического успеха. Что делать в Женеве сапожнику? И семья для него главное... А впрочем...

Мой день. — Холод. Жестокий Борей. Утром в Институте, где и остался, с перерывом для завтрака, до 5 ¼, вследствие почти 3-часовой интересной лекции Дерпфельда: снаружи она не могла состояться из-за ветра, и был важный материал для [теоретического] кабинетного рассмотрения. ORASEMPRE.

Перечитываю письмо твое. «Néglige la *bienfature* de ses travaux»¹⁵ — о, швейцарский язык! Не понимаю: результат экз<амена> удовлетворител<ен> или нет. По-нашему: заслуживает она быть переведенной или нет. Впрочем, это экзам<ены> непереводаемые! Но все же где граница удовлетворительности? Тенденция моего письмаца Вере: лучше всего побеждать ее Аримана ее же материнским, попечительным, воспитательным инстинктом, который ее же воспитывает и приманивает diesselts von Gut und Böse¹⁶. Воспитывая, воспитываемся.

По поводу «humble soumission»¹⁷ и прочих уступок (как о русск<их> девушках — знай, что я ничего не навязываю). Та фраза о «пороге» — шутка.

Костя *злопамятен*. Доказательство — воспоминание о школе Ralph'a. Но он не [видел] испытал зла, и оттого ты не знаешь этой его черты, которую вернее назвать: *длительною озорченностью*. Это как у дедушки. И это отнюдь не противоречит доброте сердца, но может загубить его, ожесточить.

Люблю, обожаю, верю, радуюсь на твою сущность и твое явление безгранично. Целую тебя как тебя хочу. Orasempre. Твой В.

«Лампады» — как заглавие романа, нехорошо. Лучше: «Лампадки». Plus intime¹⁸. Твой Вячеслав.

¹ Имеется в виду п. 426.

² Очень язвительное, это письмо (*фр.*).

³ Вероятно, речь идет о каком-либо персонаже «Пламенников».

⁴ Приподнятое настроение (англ.).

⁵ Это высшая женщина! (фр.).

⁶ Влияния (фр.).

⁷ Впечатлениях (фр.).

⁸ О чем идет речь, понять не удалось.

⁹ Герои «Пламенников». Далее Иванов дает Зиновьевой-Аннибал указания о возможности развития сюжета романа.

¹⁰ Крови (ит.).

¹¹ Ада Негри (Ada Negri; 1870—1945), итальянская поэтесса, близкая к рабочему движению.

¹² Епископ (фр.).

¹³ Распре (фр.).

¹⁴ Речь идет о повести П.Д. Боборыкина «Исповедники» (Вестник Европы. 1902. № 1—4). См. о ней также п. 437, 466, 435.

¹⁵ Пренебрегает качеством *отделки* ее работ (фр.).

¹⁶ По сю сторону добра и зла (нем.). Иванов обыгрывает название книги Ф. Ницше «По ту сторону добра и зла». Приведем также его письмо к В.К. Шварсалон от этого числа:

ВЕРУШКЕ ГРАМОТКА

22/9 II <1902>

Милая Вера,

Пишу тебе два словечка об экзаменах. Я очень доволен тем, что учительница тобой *так* недовольна. Она требует от тебя того, что ты *можешь* дать и не даешь. Было бы хуже, если бы она была довольна и этим, и ты бы хотела, но не могла сделать большего. Знаю, что шитье и рисование тебе вредят; но все же не в них главное. Главное в том, чтобы ты, постоянно следя за собой сама, научилась постоянно поддерживать в себе *ровное, бодрое, деятельное* настроение. Сделай это — и я пророчу тебе наилучший успех. Тогда не будет в тебе этой противной медленности, которую тебе справедливо ставят в упрек как причину недостаточных успехов. Тогда не будет у тебя и минут небрежности.

Такое же постоянное настроение требуется от тебя и для того, чтобы помочь, как ты должна, маме и Марусе в воспитании твоего брата. Будь и с ним ровной, бодрой, деятельной, веселой. Будь с ним уступчива в том, что касается тебя, но тверда в том, что служит на добро ему; однако не распоряжайся, не говори: «Я этого хочу», а склони его к тому, чтобы он захотел сам того, что хорошо и правильно. У всех у нас очень много дела; и у тебя также, моя девочка. Костя и Лиля также и твое дело! Целую тебя горячо. Поцелуй их.

Твой Вячеслав.

(РГБ. Ф. 109. Карт. 10. Ед. хр. 40. Л. 15—16 об.).

¹⁷ «Смиренной покорности» (фр.). См. формулу в конце п. 426.

¹⁸ Более интимно (фр.).

432. Зиновьева-Аннибал — Иванову 9—10/22—23 февраля 1902. Женева

69 д<ень> м<ужества>. 7 ч. веч. Сена. Утром получила письмо от Вторника¹. Значит, субботнее пропало! В первый раз! Как

грустно. Не знаю, что ты сказал по поводу моей беседы с Верой? Не знаю, получил ли письмо *via Trieste*². И не уверена, получаешь ли ты на 5-й день письма, опускаемые мною *вечером* в Понедельник и в Пятницу? И вообще, сколько могло быть интересного и мне дорогого! И в цепи дней пустота в один день — Пятница. Твое письмо сегодня не очень радостное. Хотя твоё утомление филологией преходящее и *dans l'ordre des choses*³. Под тобою рельсы скрипят и трясутся — стрелка пытается передвинуться, но ты не дашь ей, и всё поскрипит несколько времени, и поезд покатится дальше. Плодом временных *perturbations*⁴ будут несколько поэтических новорожденных... Кстати, о новорожденных: что-то твоя Фотини не родит? Как понять все ее враки и ужимки? Нерасхлебываемая чепуха. Вчера вечером после отсылки письма были на лекции Jorés. Посылаю ее тебе: очень банальна, эмфатична и азбучна и неубедительна. Плохо, скучно, и всё-то он на одном месте вертелся. А как сумел Нитше передать на 1-й лекции. Он умеет сосредоточить, а там каждое слово звучит могуче. Вчера же *tristia tristia*⁵! Ну вот, после лекции вернулись к треске. Ах, как были голодны и сколько съели! Сегодня утром я изволила отвалиться в постели до 10 ½! Даже кофе пила в постели до ванны. И молча изучала ритмы своих *morceaux*⁶. В 11 ¼ проехали к Mme Zibelin по маленькому делишку (романсы Остроги добыть), а она меня очень попросила прийти завтра к ней на музыкальное собрание и спеть что-нибудь. После нее мы пошли в Женеву на репетицию симф<онического> концерта⁷. Большое имели наслаждение, хотя, увы, не было Бетховена, вообще классического, если не считать Вагнера «Lo<h>engrin»⁸. Но смешно, что я спутала программу и приняла Вагнера за S<c>hillings⁹ — мол<одой> немецкой школы, и говорю Марусе. Вот D'Indy¹⁰ подражал Вагнеру, а этот имеет вкус подражать Бетховену, только львиной силы нет. — Это был «Lo<h>engrin». Был прекрасный женский голос. Меня очень прельщает выйти из своей *классической* узкости и отнестись внимательно к новым явлениям творчества и в музыке. А были всё новые. Вообще я очень *в музыке*. Ведь это ужасно, как

70-й д<ень> м<ужества>.* Откр<ытое> письмо из Женевы.

* Точки Зиновьевой-Аннибал.

71-й д<ень> м<ужества>. Не могла писать: письмо слишком расстроило, т.е. картолина от Среды¹¹. Четверговое обещанное¹² не пришло, слава Богу. Я поздравляю тебя со днем твоего рождения от всей души, всею любовью. Пусть этот глупый маленький разлад в письмах не расстраивает тебя, мой обожаемый, любимый, родной. Я из него только яснее и окончательно убеждаюсь в одном: разлука невозможна нам. Безумие ее устраивать себе. Надо так жизнь строить, чтобы ее не было, пока нам дано рука об руки <так!> идти наш путь. Да, я неверно поняла, что, быть может, тебе надо избавиться от моего влияния, да оно не *навязывалось*, — мы сливались, и плохо врозь.

Дотенька, вот единственное пожелание: скорее, скорее свидеться <так!> и любить, любить. — Посылаю тебе Наполеона¹³.

Милый, я ничего не могу писать. Дети пишут с любовью. Костя бегал выбирать картолину тебе. Он очень стал лучше. Странно, всё дело, очевидно, было в Вере и Miss Bl<ackwell>. Первая после моей с ней беседы так изменилась, что сегодня Miss Bl<ackwell> говорила: Я удивляюсь, и даже Strachan'ы ее удивительной силе воли в борьбе с собою. "Admirable will & self control"¹⁴». Вторая после наказания Кости и моей проповеди ей, а главное с тех пор, как мы с ней решили ее отъезд так мирно и любовно, стала иною: спокойною, веселою и ласковою.

Беда с невестами¹⁵. Я же имею многое рассказать интересно о нашей жизни. Но — — в следующий раз. Сегодня я, правда, больна нервами. Ты, Дотинька, это знаешь. Боль невыносимая от всякого внешнего прикосновения, и перо не идет! 2 причины: твоя картолина, такая болезненно чуждая по чувствам и по грубому невероятно выражению и горькой несправедливости. 2-ая причина: романс Остроги. Не понимаю уже, так ли он хорош, вернее, *raffaitement beau*¹⁶, или он тронул *страшные* звуки в моей душе. *Океан* и *Смерть*. Это тот же *холод*, как «Голос моря»¹⁷. Я больна, но *счастлива*, и сегодня у меня вырвался этот дифирамб, хотя, конечно, это не дифирамб, а мысли, но они горят в сердце¹⁸.

Целую своего дорогого матита, бедного моего и еще молю бога <так!> о свидании, о свидании и о любви долгой, горящей, мирной.

Твоя Лидия.

Конверт с адресом, написанным рукой Зиновьевой-Аннибал и женеvским штемпелем: 24.II.02. Афинский штемпель отсутствует.

¹ Имеется в виду п. 427.

² Речь идет о п. 411.

³ В порядке вещей (*фр.*).

⁴ Потрясений (*фр.*).

⁵ Печаль печаль (*лат.*).

⁶ Пьес <музыкальных> (*фр.*).

⁷ На 23 февраля был объявлен абонементный концерт, в программе которого значились «Симфония на тему песни французского горца» В. Д'Энди (для фортепиано с оркестром, солист Э. Экерг), «Симфонический пролог к "Царю Эдипу"» М. Шиллинга, фрагменты вагнеровского «Лоэнгрина», а также пение Нины Фалиеро-Далькроз (*Journal de Genève*. 1902. 23 février).

⁸ Опера Р. Вагнера (1848).

⁹ Max von Schillings (1868—1933), немецкий композитор и дирижер. Писал оперы и находился под сильным влиянием Вагнера.

¹⁰ Венсан Д'Инди (1851—1931), французский композитор.

¹¹ Открытка неизвестна.

¹² Видимо, п. 428.

¹³ Вероятно, речь идет о небольшой скульптуре (бюст?) Наполеона (см. п. 440), посланной Иванову ко дню рождения. С нею связано появление дифирамба «Наполеон» (см. п. 448, прим. 12).

¹⁴ Паразитильная воля и самоконтроль (*англ.*).

¹⁵ Имеется в виду О.Ф. Никитина и ее переживания в связи с непонятным поведением жениха.

¹⁶ Совершенно прекрасен (*фр.*).

¹⁷ Стихотворение из «Кормчих звезд» (I, 597—598).

¹⁸ Возможно, имеется в виду небольшой французский текст, который Иванов (в русском переводе) поставил эпиграфом к дифирамбу «Имени Твоему» (см. об этом ниже, п. 448).

<Отчет о лекции Ж. Жореса>

Niche est un psychologue <sic!> exqui mais il n'avait pas le sens historique. La révolution qui a proclamé le droit de l'homme a été par lui proclamé comm<e> une faiblesse. Non, c'était une force réelle qui se préparait depuis des siècle économique <?> et intellectuelle. Les artisans et bourgeoisie loin des yeux des seigneurs (nobles <1 нрзб>) ont élargient leur force et devint la créancière des rois. Et le jour que la bourgeoisie prend conscience de sa force elle s'affirme en prenant le ведение дел et cela n'est pas la faiblesse. Et de la philosophie et il n'y a amertume de faiblesse, mais une allégresse forte, provenant de la conscience de soi-même (Voltaire — разума <?>, audace, tranquillité, souverain). Diderot fait du métier populaire une sorte de instinctive принадлежность à la haute scienc<e> (Encyclopédies).

La victoire de ces idées n'ont pas apporté un monde d'uniformité et de monotonie. Niche à tous <?>. Il lui semble que pour que la vie soit variée il lui faut des privilèges. Mais l'histoire a démontré qu'en abolissant des diversités vielles la vie a suscité des nouvelles et plus riches diversités. D'innombrables énergies se sont soulevées industries, forme de vie, techniques, form<es> du pensée. Niche dit que l'homme comprend mieux la vie de passé quand il porte une large plénitude de vie présente. Et bien, cela prouve que notre époque est pleine d'énergies correspondantes и их énergies du passé. Niche dit: Wagner et Hugo étaient des charlatans et des virtuoses (Вот правда-то!). Oui et qui characterise le grand art de notre siècle c'est que il a marié les rytmes <sic!> beaux aux grandes idées vastes émotions

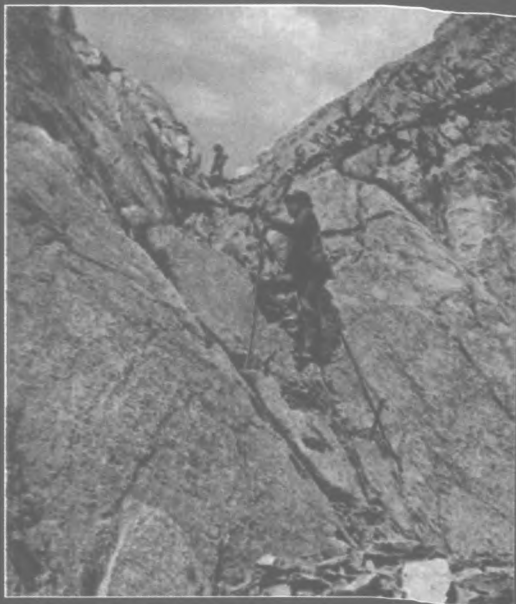
Вячеслав Иванов и Л. Д. Зиновьева-Аннибал.
Шамони, 1897 (ГЛМ)

Villa Java

Шамони и Монблан

Швейцарский вид.
Фотография из архива Вяч. Иванова (РГБ)

Г. Режанн. Начало XX в.

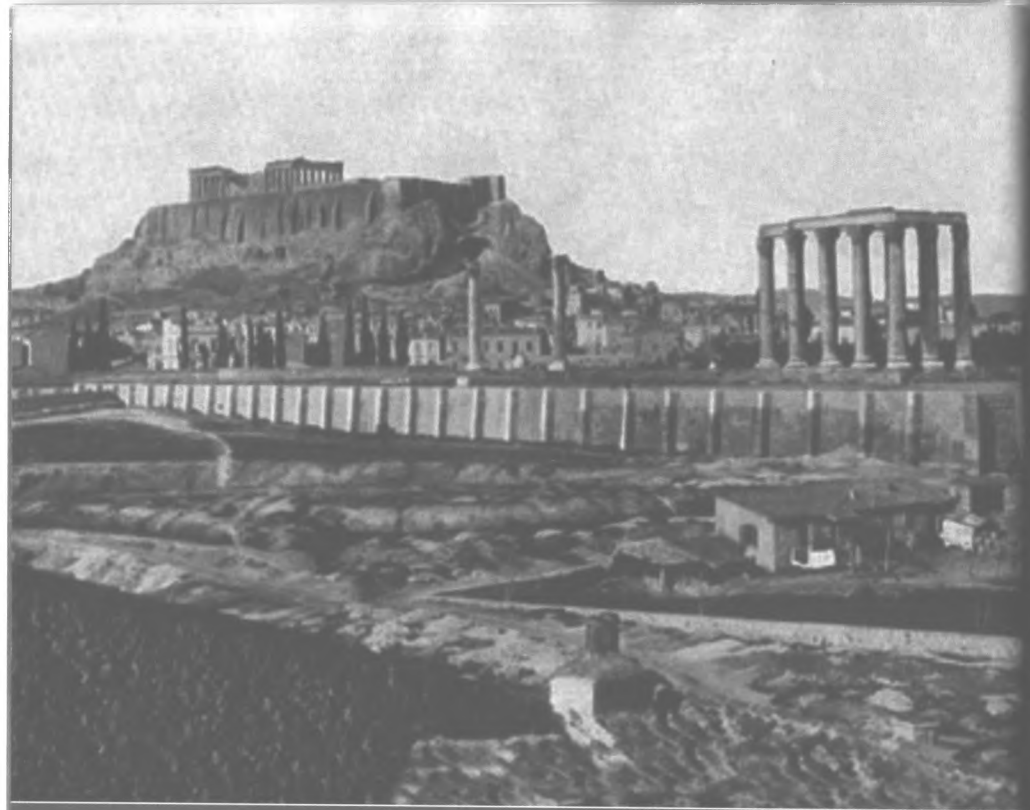
Пикник в швейцарских горах.
Фотография из архива Вяч. Иванова (РГБ)

Окрестности Женевы зимой.
Фотография из архива Вяч. Иванова (РГБ)

Женевский трамвай.
Фотография из архива Вяч. Иванова (РГБ)

ΜΕΣΗΜΒΡΙΝΗ ΑΝΟΡΤΙΣ ΑΚΡΟΠΟΛΕΩΣ — Vue de l'Acropole, prise de Sud.

Α. Βρασιλίου 'Les Jambes'

Афины. Акрополь

А. Эванс. Начало XX в.

А. Вильгельм. Начало XX в.

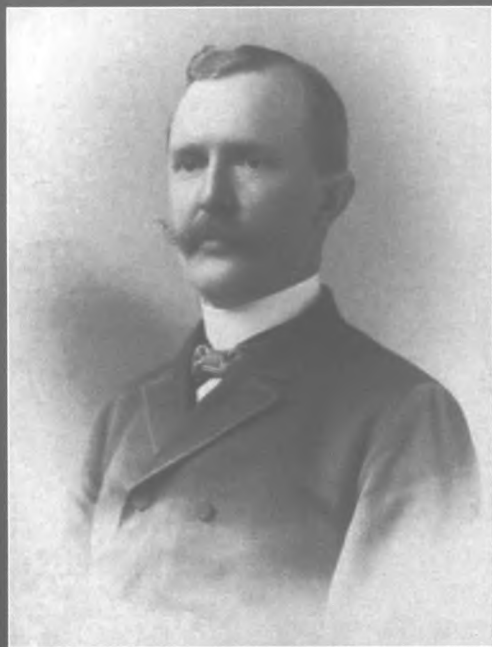
Афины. Пропилеи Акрополя

Афины. Театр Диониса

В. Шрадер. 1920-е гг.

В. Дерфельд. 1890-е гг.

В. Дерпфельд на экскурсии. 1910-е гг.

Т. Омоль (в центре) и французские археологи.
Дельфы, 1893

Дата	Имя	Жилье
10.10	Mr. J. I. Kallis 29.	11 000 Kostasias
1.10.19	Edward Belam Terry,	Grand Hotel -
10.10	Sugg. Panayiotopoulos	10 000 Anapodiaris
	Poland & Kent	25 000 Epitaphios
	St. Theophanes Katakides	15 000 Spandiarion
28.10	St. Grogger (Gros)	4 000 Σειρα -
"	St. Prokato Pachel	4 000 Σειρα -
	Ευα. Τερεντιος	Οδ. Μαργωνιγγυ 33.
11.11	O. Rostach	Hotel Minerva
	St. Gerhard Schulte	Hotel Minerva
	Wanclaud & Vanos	Hotel Minerva
	and St. Paterburg	000 Σειρα 25 (G. Kothe)
20.11	Stena Tzouka	Hotel St. Anglstone

11.11	Mr. B. Cron
1.12	P. H. Samund
4.	D. D. Borden
4.	Prof. Dr. Sabat
4.	Prof. Dr. J. Forke
4.	Prof. Dr. J. Forke
	Dr. J. Forke

Дата	Имя	Жилье
10/6	Imridi Jyge	Sarakoff 31
24/12	St. J. & S. Pambly	Hotel d' Athenes K. H. Kora
25/10	Julius Kotte	Hotel Minerva
	Wanclaud Vanos	οδου Αφιας Γωνιας, αρωλες ογδ 000 Σεραφειτου; - Κρισηνισσος; ομ φρ. Αφιας Γωνιας, 30, 000 Σταθια
	Charles Seltin Wake	8 ^ο Rue L. Ghimeloch
	Killa K. Loximer	Maison Malin
	B. C. Albert	000 Σεραφειτου αρ. 30.
	Saure Perel	Grand Hotel
	Caroline S. Ransoin	Grand Hotel
	Jonas John	Hotel Minerva
	Elvira J. J.	" "
	Karl Wolf	000 Σειρα 22 (L. Kora)
	George Hoffmann	000 Ουγγρου 27
	Ernst Gant	Ministry Bldg, London
	H. Bodinette anon	Αθη 110 Anglstone
	J. G. Gant	000 Σειρα 30A
	John Fretwell	Hotel d' Athenes
	H. Oppermann	Hotel d' Anglstone

enfermés dans la beauté des formes pures etc. Voilà les bienfaits de la démocratie!* Aujourd'hui l'abîme se creuse large entre des existances déshérités<es> et trop heureuses non par leur mérite mais par la richesse. Il n'y a point de proportion entre la richesse de l'individu intérieur et extérieur. Ну, словом, капиталы <?>, наводящие сон на бескапитальных людей... crises, chômages... сначала production подняло общее благосостояние, но почему-то от диспропорции внутренней наступает бедность и останавливается жизнь самой продукции и отсюда общий кризис, и не внешний, а внутренний: détresse, malaise. La société contemporaine ne réponds pas même aux prétentions de la science <?> que fait passer peu à peu le domaine de la nature brutal, naturel en l'adaptant au besoins de l'homme. Car dans l'ordre social la science <?> ne peut pas régler les proportions des besoins humains, c'est la loi de l'offre et de demande qui règle la production, pas la science. La crise avertit la disproportion. La société est plongée dans l'inconscience. Et l'instinct reveille de nos jours de conquérir la conscience.

Le passage de l'inconscient au conscient<t> — c'est le socialisme — (*Хлопают страшно*).

La société subsiste encore calme <?> grâce à la classe ouvrier comme producteurs et *consommateurs*. Les ouvriers sont puissants et ce n'est pas par *l'envie, jalousie* que fera la révolution. — Nieche se <1 нрзб>.

C'est la force et non la faiblesse que réorganisera la société.... (*хлопают страшно*).

Les ouvriers ont acquis une habitude de travail régulier musculaire et cérébrale, tandis que la bourgeoisie a perdu cet habitude. Les premiers sont devenu *forts*, riches, les derniers *faibles* et pauvres. Et les ouvrier<s> veulent comme jadis la bourgeoisie схватить в руки управление. — (*Хлопают*.)

Les ouvriers ont acquis une sensation de solidarité et systematisation universalise la corporation... et de technique elle devient *sociale*. Elle ne sera vaine et dangereuse, ni cérébrale — elle serait nouvelle et vitale. (*Хлопают*.) —

Итак, Nieche n'a pas à craindre que l'ordre socialiste après le désordre capitaliste naîtra <?> une vie <?> désolé, ni qu'elle supprim<e> les énergies individuelles. Au contraire. Ces hommes monteront plus haut et iront plus loin.. De l'époque où il n'y avait pas de sécurité individuelle et on disait que la sécurité physique affaiblira l'individu, mais l'audace de l'entreprise grandit après la sécurité, de même lorsque tous associés sont de nouvelles formes justes — énergie conquérante.

Перевод:

Нише утонченный психолог, но у него не было исторического чувства. Революция, которая провозглашала права человека им была провозглашена слабостью. Нет, это была реальная сила, которая готовилась после веков экономического <?> и интеллектуального. Ремесленники и буржуазия вдали от глаз сеньеров (благородных <1 нрзб>) увеличили свою силу и стали заимодавцами королей. И в день, когда буржуазия осознает свою силу, она крепко берет в свои руки ведение дел, и это не слабость. А философия — в ней не горечь слабости, а мощное веселье, исходящее из сознания самого себя (Вольтер — разума <?>, отваги, спокойствия, верховенства). Дидро сделал из народного ремесла род сознания инстинктивной принадлежности к высокой науке (Энциклопедии).

Победа этих идей не принесла миру единообразия и монотонии. Нише всем <?>. Ему кажется, что для того, чтобы жизнь была разнообразной, нужны привилегии. Но история продемонстрировала, что, уничтожая старые различия, жизнь по-

* Точки Зиновьевой-Аннибал.

рождает новые и более богатые различия. Из бесчисленных энергий уже возникли промышленность, формы жизни, техника, формы мысли. Ницше говорит, что человек лучше понимает жизнь прошлого, когда он несет в себе большую полноту жизни теперешней. Ну вот, это доказывает, что наша эпоха полна соответствующих энергий и их энергий прошлого. Ницше говорит: Вагнер и Гюго были шарлатанами и виртуозами (Вот правда-то!). Да, и большое искусство наших дней характеризует то, что оно сочетало прекрасные ритмы с большими идеями, разнообразными эмоциями, заключенными в красоте чистых форм и т.д. Вот благоденствия демократии!.....* Сегодня разверзается гигантская бездна между существованиями обездоленными и чересчур счастливыми не по их заслугам, но по богатству. Нет никакого соответствия между внешним и внутренним богатством индивидуума. Ну, словом, капиталы <?>, наводящие сон на бескапитальных людей... кризисы, безработица... сначала производство подняло общее благосостояние, но почему-то от диспропорции внутренней наступает бедность и останавливается жизнь самой продукции и отсюда общий кризис, и не внешний, а внутренний: бедствие, несчастье. Современное общество не отвечает даже на притязания науки <?>, которая мало-помалу оказывается способной преодолевать область жестокой природы, естественной, приспосабливая ее к потребностям человека. Ибо в социальном устройстве наука <?> не может регулировать пропорции человеческих потребностей, это закон спроса и предложения, а не науки. Кризис предупреждает диспропорцию. Общество погружено в бессознательность. И инстинкт пробуждает в наших днях завоевание сознания.

Переход от бессознательного к сознательному — это социализм. (*Хлопают страшно.*)

Общество еще спокойно <?> существует благодаря рабочему классу как производителю и *потребителю*. Рабочие могучи, и не *зависть, ревность* совершат революцию. Ницше <1 нрзб>

Сила, а не слабость переустроят общество... (*Хлопают страшно.*)

Рабочие обрели привычку к регулярному физическому и умственному труду, тогда как буржуазия эту привычку утратила. Первые стали *сильными*, богатыми, а последние — *слабыми* и бедными. И рабочие хотят, как когда-то буржуазия, схватить в руки управление. — (*Хлопают.*)

Рабочие обрели чувство солидарности, и систематизация универсализирует общность их классовых интересов... а техника, она становится *социальной*. Она не будет напрасной и опасной, не будет умственной, — она будет новой и жизненной. (*Хлопают.*)

Итак, Ницше нечего бояться, что социалистический порядок после капиталистического беспорядка породит <?> унылую жизнь <?>, нечего бояться подавления индивидуальных энергий. Напротив. Эти люди поднимутся выше и пойдут дальше. От эпохи, в которой не было индивидуальной безопасности и говорилось, что физическая безопасность ослабит человека, но дерзание предприятия возросло после безопасности, и все объединенные им люди являют собою новые справедливые формы — победоносную энергию.

Приведем также (в сокращении) отчет об этой лекции из «Journal de Genève» от 22 февраля: «Каково верховенство мысли у Ницше, — воскликнул в начале докладчик, — какова суверенная воля в этой претензии подчинить себе мир! <...> в противном случае мысль возвращается в открытую дверь и беспощадно высмеянный

* Точки Зиновьевой-Аннибал.

идеализм также возвращается? Но вместе с тем установление категории рационального единства он восстанавливает и категорию целесообразности. <...> Он рассчитывает на свою философию, чтобы создать сверхчеловека, человека, поднятого над человеческой слабостью и посредственностью. Именно в этом смысле он говорит, что человек — всего лишь мост, чтобы прийти к другому типу высшего человека. <...> И вот, — продолжает г. Жорес, — я могу продолжать свой путь, сохраняя уверенность, что за мной не осталось руин идеализма, и я прямо перехожу к социальным применениям, которые Ницше сделал из своей философии. Некоторые «легкомысленные размышлятели», если можно так выразиться, утверждали, что Ницше был индивидуалистом. Это не так: он презирает все индивидуализмы, и сам не более индивидуалист, чем социалист. Правда состоит в том, что он не обращает внимания на конфликты нашей эпохи. Он смотрит поверх индивидуализма и социализма и занят спасением будущих поколений от последствий грубого утилитаризма, который он видит в современной мысли. Его подлинный характер — характер аристократического революционера. Он не верит, что было бы полезно сражаться с демократией и социализмом. Он не считает возможным остановить движение и даже верит в ряд социальных революций, которыми человечество достигнет своей конечной цели, которой, согласно его мнению, является социализм. Ему показалось, что к завершению всей этой эволюции воцарится всеобщая посредственность, всеобщее уравнивание и умаление. И однако давлению народных масс нельзя противиться, оно фатально. В конце своего доклада, особенно воодушевленный и возбужденный, оратор спрашивает: правда ли, что великие движения человеческих масс, определяемые людскими страстями, интересами и мечтаниями, на деле являются всего лишь движениями посредственности, вырождения, и что в конце концов человечество может быть спасено лишь отвагой нескольких одиноких умов. Ницше не знал экономических причин истории. Однако идеализм, в котором мы нуждаемся, обязывает нас интерпретировать всю человеческую историю согласно интеллектуальным и экономическим законам. Оратор указывает, что крушение греческой цивилизации и Римской империи произошло из-за изменения экономических условий. Ницше упрекает, и он прав, христианство в том, что оно представляет собой собрание всех неврозов, что закончилось торжеством прекрасного морального и физического здоровья античного мира. Однако он забыл неврозы Нерона, Гелиогабала. <...> Дело в том, что старая римская аристократия пала, когда перестала быть полезной. Она была поражена в сердце: христианская религия не убила ее, а заняла ее место. <...> Эти смиренные христиане показали единство божественного и человеческого и превзошли в этом все усилия аристократий древнего мира, развращенных и отыскивавших божественное в чарующих магических практиках, в тысячах предрассудков, а не во внутренних душевных усилиях. Оратор также утверждал, что демократия, социализм и французская революция не были для человечества отступлением, а, напротив, совокупностью чрезвычайно ценных новых завоеваний. Это будет предметом его третьей и последней лекции, которая состоится сегодня, в четверг».

433. Зиновьева-Аннибал — Иванову 10/23 февраля 1902. Женева

Дорогой Славинька, пишем в табачной лавочке по возвращению из прелестной поездки в Annemasse¹. Все целуем горяче. Лидия, Вера, Костя, Маруся.

Открытка с видом Eglise de Coligny. Штемпель: Genève. 23.II.02. Афинский штемпель отсутствует.

¹ Городок в Верхней Савоие.

434. Иванов — Зиновьевой-Аннибал
10—12/23—25 февраля 1902. Афины

День 71

Воскр. 23/10 II
9 ч. веч.

Золотая Радость! Иду почитать в постель. Опять зима: жаровня, возня холодного ветра снаружи, уютность ласково освещенной, устланной, полной дорогими предметами комнатки. На душе ясно и любовно. С нежностью думаю о тебе, но не тоскую. Полон любовью к тебе и восхищением пред тобой: ты так своеобразно прекрасна; так гениально ты воспринимаешь жизнь. Тем, что можно назвать твоей нравственностью и религией, ты обязана этой гениальности восприятия. —

Сегодня утром я занимался в Институте. Дома у меня Орфики. Но и многое другое хорошо. —

Felice notte¹.

День 72

Понед. 24/11 II. 12 ½ дня.

Дома, в ожидании завтрака, за орфическими гимнами. В Институт пойду к 5 ч <асам>, на лекцию Дерпфельда. Стихии успокоились, потеплело, море у Саламина голубое. Был четверть часа в «певках»². Подле нашего домика, вернее подле соседского, берут камень для постройки дома (далеко, близ *καφενεῖον*³), и тропинка обратилась в дорогу для телег. Но шума нет. — Елена *должна танцевать* у тех анархистов⁴. Здесь *поэзия*. Здесь милость, и снисхождение, и улыбка красоты. И трагика безучастия красоты. И все, что ты думала, она должна думать. И она скажет — как ты мне — Опалину: «Да, я рада, что была там вчера, и тяжела душа глубокими впечатлениями». И еще она раз говорит (из твоего письма): «И странное мне чувство дает эта сила жизни прошлой и предстоящей: чувство *полноты* такой полной, что, кажется, нет вопроса, нет рыдания, который не был бы моим вопросом, моим плачем и не нашел бы отзвука в моей душе». Быть может, и дальнейшее: «Я с Богом и из добра и из зла чую Его, и мне хорошо и тихо». — Елена *так* пластически-прекрасна, что и в аоде⁵, и в слушателях возбуждает тот ненасытный *эпический* эрос, который

не устает ставить излюбленного героя все в новые и новые [ситуации] положения, чтобы вдосталь налюбоваться на него, — но вдосталь не может. —

Пришли мне еще шоколаду малым пакетиком. —

8 ½ веч<ера>

Вернулся с лекции Д<ерпфельда> только к 8 час<ам>. Она была заключительной из его [институтских] библиотечных. В субботу предстоит еще осмотр театра Диониса, в понедельник — посещение Пирея, и потом Дерпфельд уезжает на Левкаду. Окончание этого цикла навело меня на мысль о «начале конца» нашей разлуки. Но потом зато как-то еще длиннее представилась вся непережитая, бóльшая половина ее, и я возвращался домой со склонностью к грионскому унынию. Так противоречивы и переменчивы настроения неудовлетворенной *души*, der entbehrenden Seele⁶.

Между прочим Д<ерпфельд> сказал, что пред[по]ложил (в «Космополисе»⁷) строить новые театры, по образцу античных, так, чтобы места зрителей окружали значительную часть сцены и последняя уподоблялась бы таким образом древней орхестре. Он думает, что эффект изображаемого на сцене этим значительно усилится. Теперь сцена, говорит он, подобна картине, а в древности действие совершалось пластически, телесно в самой среде зрителей. Кроме того, такое устройство увеличило бы число мест чуть не втрое (?)^{*} и позволило бы соответственно понизить цены входных билетов. Все это навело меня на мечты о том будущем, которое все мы, сознательно и бессознательно, (особенно бессознательно) предуготовляли или творили. Это будущее будет религиознее современности. Оно будет знать трагедию. Современный театр отойдет в область архаизмов. Опять раздадутся трагические хоры. В области кулинарной это будущее будет характеризоваться художественным пристрастием к чесноку...⁸

Последнее огневейное прозрение совершилось во мне за ужином, к которому Фотини приготовила зайца в луке, и, кажется, под впечатлением известия о вашем недавнем жареном...

Этим и закончу на сегодня. Целую свою Радость и ее пятнышко на мизинце.

В.

* Вопросительный знак в скобках принадлежит Иванову.

Хотя масленица только через неделю, но карнавал уже шевелится. — Твой портрет [всегда] украшен обычно. —
Кланяюсь О.Ф.⁹ Крендель все ведется.

День 73.

Вторник, 9 утра

Целую. Иду на Акрополь.

В.

¹ Спокойной ночи (*ит.*).

² Сосны (*греч.*).

³ Кафе (*греч.*).

⁴ См. п. 431.

⁵ Иванов вполне ясно написал «аоде», что, кажется, не имеет смысла. Видимо, это описка и следует читать «в азде», т.е. в греческом певце и заклинателе гомеровских времен.

⁶ Отрекающейся души (*нем.*).

⁷ Имеется в виду статья: *Dörfeld Wilhelm. Das altgriechische und das moderne Theater // Cosmopolis. 1897. December. P. 887—906.*

⁸ О чесноке, связанных с ним событиях и роли его в жизни Иванова и Зиновьевой-Аннибал см. ниже, п. 453, 459.

⁹ Никитиной.

435. Иванов — Зиновьевой-Аннибал 12/25 февраля 1902. Афины

День 73

Вторник 25/12 II

Радость милая, только что получил письмецо вдохновенное¹ (но и насмешившее же меня философией о «широте жизни» и пр., подтверждаемой некоторым неприятным напоминанием... глупая, глупая девочка!), и Марусины скупые «строчечки» (вроде приветного крика знакомой тени, увлекаемой в пространство безостановочным вихрем жизни, à la Francesca da Rimini²), и очаровательное письмецо с цветочками нашими <?> от О. Ф.³, и трогательно-прелестное письмецо Сережи (рисующее и его, и его воспитателя)⁴, и — знак вашей участливой нежности — вместе с газетами и «Вестник Европы»⁵, конечно, весьма меня обрадовавший! Не пишу всего многого, многого, что хочется, а пишу малое, мало, потому что устал и поздно уже, а в Четверг еще почта: был сегодня с утра на Акрополе, но напрасно — Шрадер опять слег от малярии, — потом Институт, ресторан, опять Институт, наконец лекция Вильгельма. Целую, как люблю.

В.

Отдаю письмецо Ангелу. Они получили твое, благодарят, читают за ужином.

Не понимаю, отчего мои пунктуально посылаемые письма не пришли.

Открытка. Штемпели: ΑΘΗΝΑΙ. 13 ΦΕΒΡ. 1902 — Genève. 2.III.02.

¹ Речь идет о п. 430.

² Имеется в виду сцена из «Божественной комедии» («Ад», песнь V), где Данте встречается и ведет разговор с тенями двух возлюбленных, Франчески и Паоло, кружащимися в бешеном вихре.

³ Никитиной.

⁴ Имеется в виду письмо, цитированное в прим. 7 к п. 430.

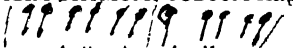
⁵ Журнал, который Иванов внимательно читал (и сам в нем печатался). О его чтении см. далее.

436. Зиновьева-Аннибал — Иванову 12—14/25—27 февраля 1902. Женева

72-й д<ень> м<ужества>. 25 Февр<аля>. Вторник. Hall. 5 ½ веч. Наверху поломойка мыла нашу комнату, потому еще сыро. Вера за роялем учит урок. Только что кончила solfège с Miss Bl<ackwell> и гадала на слух intervals очень хорошо. Вчера Острога ее сильно хвалил. Вот уже 11 месяцев, что она с ним занимается. Он мне сказал про нее: «Elle a beaucoup de persévérance et une bonne volonté»¹. Костею он все эти уроки тоже более доволен, даже вчера был очень доволен, потому, верно, что он хорошо держал ритм и отбивал: я сама присмотрела за приготовлением урока. Теперь Маруся сейчас вернется с тараканьей лекции. Miss Bl<ackwell>, очень веселая, сияющая, только что вернулась с урока франц<узского> языка (2 раза в неделю) у Mme Zibelin, и накрывает спешно на стол, показав уже мне полученный утром ею портрет жениха. Сейчас будет второй завтрак. Наверху Лидия и Костя возьмется с самодвигающейся платформой, которая была сломана, и я только что починила им. Оля шьет Вере школьное платье синее с черным отливом и вся сияет, рядом с нею письмо, возвещающее скорый приезд Эрнесто. А уже она совсем решила бросить его, написать ему отказ от своего слова и вернуться в Россию. И так я ее бодро настроила, что она была полна мужества, особенно благодаря хитрости моей выдумки помочь ей в пенье — ее вечная мечта. Я ей показываю ноты, и она мечтает в Петербурге посту-

пить в хор. Недавно читала, что набирают голоса. Словом, лишь бы была бодрость и жизненная энергия, а там всё сметется. Ну вот, Маруся вернулась и сидит, а вот и второй звонок и надо идти. 8 ч<асов>. Hall. Сейчас уже дети будут в постели. Я еще проглядела все романсы Остроги, которые он мне принес вчера. «L'heure du berger» Verlaine:

La lune est rouge aux brumeux horizon;
 Dans un brouillard qui danse la prairie
 S'endort fumeuse, et la grenouille crie
 Par les joncs verts où circule un frisson
 Les fleurs des eaux referment leurs corolles;
 Des peupliers profilent aux lointains,
 Droits et serrés, leur spectres incertains;
 Vers les buissons errant les lucioles;
 Les chats-huants s'éveillent, et sans bruit
 Rament l'air noir avec leurs ailes lourdes,
 Et le zénith s'emplit de lueurs sourdes.
 Blanche, Vénus emerge, et c'est la Nuit².

Списала тебе всё стихотворение с двойною целью. 1) Чтобы ты имел удовольствие от de cet artisme exquis et de cette simplicité³ кажущейся. 2) чтобы ты представлял себе, как странно и вместе как чарующе может действовать хорошая, тактичная и savante⁴ музыка чисто описательная. Такова музыка Остроги на это стихотворение. Чистая поэзия. Так я чувствую. Je ne suis pas connoisseur⁵. Но мне доставляет его музыка une joie vraie⁶. Другой есть романс «Ворон к ворону летит!»⁷ — мне кажется, он — exquis⁸ в своем роде песенки с неожиданными смелыми интервалами и быстрым, простым ритмом, совсем народным à quatre temps⁹ и всё по две осьмых и т.д. Потом моя любимая бретонская, и еще 4-й «Aux étoiles, aux choeur d'étoiles...» называется «Le secret», стих<отворение> Narancour¹⁰. Пока еще мне музыка этой вещи меньше всего нравится. Но должна сказать, что мне кажется этот человек с большим индивидуальным и глубоким талантом, и если прибавить, что он начал заниматься музыкой, когда женился, а до тех пор был à contre coeur¹¹ инженером, то можно поверить в его будущность. К сожалению, он нищий, и у него две дочери и «il s'abrutit»¹² над уроками с Козликами и Вера-

ми всяких сортов. А романы, могущие составить целый сборник, валяются, плохо им же написанные. Надо 500 фр<анков>, чтобы их издать, но денег нет. Весь же успех их зависит от того, чтобы *их пели*, т.е. взялась бы петь певица с именем на концерте приличном, но для этого надо прежде всего, чтобы они были напечатаны, тогда их можно рассылать разным знаменитостям. Здесь Marie Brema пела une vraie saleté¹³, повторяющую чижьи мелодии профессора Eckert'a¹⁴ — немчика, ловкача и проныры. Ну вот, теперь расскажу дальше от того места, где остановилась. В Субботу на симфонической репетиции сидели на самой первой скамейке. Вдруг сзади приходят Mrs. Last с двумя дочерьми, и через несколько времени неожиданно — Острога. Сел между двумя барышнями, и мы слышали всю их болтовню. Они гораздо милее, чем мне показалось в тот вечер, так просты и веселы и так его ласкают, что приятно за него. У него была тяжелая жизнь и есть глубокая музыка в душе, его нервы больны и ему хорош этот лепет балованных девчонок, грацьозных и жизнерадостных. Жениться же он не женится, потому что та, которая с ним всего ближе, — невеста, и Адя говорит, что он очень серьезный человек и с огромной волей. Конечно, было <бы> бессмысленно жениться на такой чуждой ему девушке из очень авантюрной семьи после его артистической и тонкой жены. После концерта мы с Марусей долго покупали себе духи по вкусу, потом с Charmilles пешком пошли к дедушке. Вечером легли спать рано. А в Воскресенье всё утро я отдыхала, но, увы, была расстроена твоим письмом¹⁵. После завтрака мы все, кроме Miss Bl<ackwell>, поехали в Annemasse. Наш вождь и зачинщик экспедиции был Костя, которому*

73-й д<ень> м<ужества>. 10 ч<асов> веч<ера>, на постеле отдыхая. Дотя, jour de<s> miracles¹⁶! Утром triste abattement¹⁷, потому что не было в 8 ½ письма. Но неожиданно в 11 принесла 2¹⁸. От Четверга и от Субботы. И вместо брани получил<а> похвалу и ожила. Хотела много писать. Но занялась романом, Боделэром (удивительные выписки), пот<ом> письмо Марии Тихон<овне>, потом отец с Марусей. Там застал нас Степ<ан> Никол<аевич>, пришел с нами к обеду и вот сию минуту уехал. Как надо уметь тронуть человека по верной струне. Он был так упоительно интересен. Я получила от него то, что до сих пор никак не могу до-

* На этом фрагмент письма обрывается.

биться от Феликса. Ванну соленую для мозга. И что ни тронешь: Россия, колониальная политика, Реклю¹⁹, протестантизм как особая выковка человека, музыка, поэзия и, наконец, математика в применении к астрономии, божественная математика, дающее <так!> сознание своей силы — всё, всё свежо, умно, неожиданно освещалось, и ум работал, и получила радость. «Oui, l'homme est malin!»²⁰ — говорит Степа. И увы, увы, параболы n'est pas une certitude, c'est à dire, les comètes les suivent étant à l'horizon visible pour nous, mais on ne peut garantir qu'un accident de voyage (influence d'un astre inconnu) ne change sa direction! Donc la fuite dans l'Infini dans le grand Néan<t>? sans retour sur soi-même, ohne ewige Wiederkunft — ne peut être prouvée. L'Infini n'est pas prouvé!! J'en suis triste, bien triste, bien sérieusement triste, mais... je me console... si on n'a pas tout... on a beaucoup tout de même et l'homme est bien <?> malin, tu sais, tout de même». Bonne nuit, mon ami adoré.

Lydia²¹.

26 февр. 02.

74-й д<ень> м<ужества>. 11 утра. Возле клетки с канарейками в амбразуре окна столовой. Bonjour mon bien aimé²²! Только что пела дивную, спокойную олимпийскую музыку Haydn'ского Орфея²³. Арию, изученную с Mme Viardot. Льет ливня дождь, и жду минуты, чтобы вместе с Верой сбежать к бабушке, где и пообедаем. Он ведь немного болен: раздражен нерв ноги и не может встать с постели.

Вернусь к прошлому воскресенью. Итак, наш вождь и зачинщик Костя, которому эту экскурсию рекомендовала учительница в школе, обещал привести нас на «белые поля подснежников». Увы, цветов мы не нашли, но насладились дивным весенним днем, и легким туманом, и горными дорогами, и видом снегов и гнушейся ленты Арвы, и старым замком duc de Savoie²⁴, осаждавшего Женеву. Escalade²⁵. Пили кофе с булочками в поэтическом кафе с простой терраской и видом на горы и реку. Было очень тихо, мирно, и тепло на душе, и радостно. В горах играли в снежки. Приехали домой к обеду. Собрали девушки в одну минуту обед из вкусных остатков, а после обеда пришлось, полежав с полчасика, идти на концерт домашний к Mme Zibelin.

Были все ее ученицы и ученики, и все пели, были Степа и Феликс, была жара, было уютно, но душно, меня она представила в виде угощения: я пела Кармен, «Твои глаза» и «То было ра-

н<нею> весной»²⁶. Но голос не дал всего эффекту — мала комната, и когда я пришла прохладиться на кухню и уверяла, смеясь, что здесь мне петь было бы свободнее, словно в *casino de St. Pierre* (где был в Четв<ерг> концерт), то Феликс повторил свою вечную фразу: «Ah quoi! il vous faut la Réformation, à vous²⁷!» Грустно то вышло, что прилично удрать нельзя было раньше 12-ти, и я устала от духоты, хотя горная прогулка не утомила, а благодаря какой-то гармоничности настроения и физического напряжения она только наполнила легкие кислородом и освежила. Все наши «распутства» блистательно окончились скучнейшим вечером в Понедельник. Оказалось, что между Острогой и Mlle Moeller неприязнь, вернее, Mlle Moeller ревнует Mme Zibelin к Остроге. Кроме того, обе эти дамы до того устали, что луч<ше бы> сделали сидеть дома, потому что Mme Zibelin потеряла всякий такт и весь вечер s'accaparait d'Ostroga²⁸, чтобы переговаривать с ним о своих планах концертов, хоров, выпрашивать сочинение аккомпанементов, советов и т.д., так что он постоянно убежал в столовую поболтать с Олей, а я злилась на весь Treiben²⁹ и наигрывала романсы, а Маруся писала тебе, а Mlle Moeller спала в кресле. Словом, их очень мило иметь врозь и очень скверно вместе. Как бы то ни было, с этим вечером внезапно упал весь entrain³⁰ наш. Кончился сей бурный период нашей жизни долгою, неразумною, полуночною беседою с Марусей в светелке. После этой уютной беседы мы разошлись с проэктами добродетельной жизни. И во Вторник утром сделали для начала длинную прогулку пешком в Lancy³¹, зайдя по дороге к Аде. То был assaut³² на Дашковича. Его не застали. Зато имели soup d'oeil³³ в грязь толстовцев. Пришли в красивую снаружи виллу — обиталище Бирюкова³⁴: там бары, не умеющие за собой прибрать, завели такую вонь и мусор, что ступить нельзя. Бирюков выскочил, минуты две прямо жал мне руку (Марусе же забыл и подать) и повел к Дашковичу в другой дом. Мы ведь не знакомы с Бирюков<ым>, да и не познакомились. Потом он свел нас в другую дачу, где чувствуется слишком обильно присутствие свиней. Сам он в sabots³⁵ и детской блузе à trois plis <?>³⁶. Я оставила ему записочку и именем Алекс<андры> Вас<ильевны> звала его к себе, назначив три дня, к обеду, т.е. около 5 час. по выбору его. Enfin c'est tout ce que je peux faire³⁷, и если не удастся, так и напишу Ал<ексandre> Вас<ильевне>. Видишь, говорят, что его почти невозможно ни достать, ни приручить. Но все в один голос говорят, что это человек замечательно интерес-

ный, как, напри^мер, только что говорил Острога, ибо теперь *б час<ов>* и Hall, и я была с 2—5 ½ у старика, который в постели, поссорился с Луизой, тоскует, полон проэктов самых радикальных и при каждом моем движении к выходу складывает руки и молит остаться с умильным и жалким лицом. Сегодня перед уроком, Дотя, решила^{сь} на одну вещь. Я уже говорила Остроге, что есть одно стихотворение, производящее схожее на меня впечатление, как его бретонская легенда. Сегодня я дала ему прочитать «Голос Моря», ничего не объясняя об авторе. Он через несколько минут внимания сказал: «Я хочу списать его непременно», — и, увидев мое смущение некоторое, тотчас поспешил спросить: «Или нельзя?» Я сказала, что узнаю и тогда сообщу ему. Еще через мгновение он добавил очень серьезно: «Впрочем, это не на романс наводит, на него надо симфонию писать! *La pensée y est si condensé et profonde*^{38!}» Дотя, мне эти слова доставили радость за обоих И. Греков^{39!} Что один сделал, то другой почуял, понял. Он музыкант, Дотя. *Cela c'est sûr*⁴⁰. И так, кое-как добралась до конца рассказа о том, как протекали эти дни, но, увы, не так, как хотела бы, потому что когда хочешь подробно, душевно описать жизнь хотя бы самую ежедневную, то видишь, что всё сложно до непонятности, что *tout est surchargé*⁴¹, что всё, что можешь сказать, не исчерпывает полноты самого привлекательного даже ее проявления. Одно мимоходное хотя бы столкновение с другою, чуждою и всегда столь единою твоей душе душою уже неисчерпаемо, да и всё, всё... лучше не говорить... всё так неполно, всё можно только переживать вместе. Дотя, спасибо, что похвалил: я так люблю, когда хвалят, так огорчаюсь, когда бранят, а ведь принялась продолжать письмо, не обозначив: 75-й д.м. Пятница 7 ½ веч. Сена Была у бабушки: мы влюблены, мы целуем друг друга ручки, умильно улыбаемся, поем на все голоса: «Не отходи от меня, друг мой, останься со мной!»⁴² Со стариком что-то творится. *Il en a assez de Madame*^{43!} И даже хочет ее наследства лишить и переехать в город. Словом, трагикомедия. Но старик так мил. Была долгая беседа о тебе, очень с интересом и с искренним старанием что-нибудь о тебе осмыслить.

Утром я натерла пол гостиной коричневой краской вроде того цвета, как перекладыны в hall. Это для нее было необходимо, так безобразен белый пол с ковром. Очень выглядит уютно. Всё, конечно, приходится делать против Маруси, которая ужасно облепилась и одурела в хоз<яйственном> отношении. О поле спраши-

вала разрешение хозяина. Нан красить не буду, ему нужно свет, но надо будет изменить способ держать его чистым, а то он обыкновенно хлев. Есть такое масло блестящее и слегка золотистое. Попробую раньше столовую. Дотя, добудь мне непременно Гимн, хотя бы для рояли, и скорее, и нельзя ли узнать *слова отдельно*... Ангел не узнает ли от любого румына. А Острога поможет соединить слова с музыкой. 8 час<ов> сейчас. Целую, обожаю. Твоя Лидия.

Конверт со штемпелем: Genève. 28.II.02. Афинский штемпель отсутствует.

¹ У нее много настойчивости и добрая воля (*фр.*).

² «Пора любви» Верлена.

Луна ала на темных небесах;
 Качается туман; луг холодеет
 И спит в дыму; в зеленых тростниках
 Лягушка квакает; прохлада реет.
 Закрылись чаши лилий водяных;
 Ряд тополей в немой дали туманен,
 Прямых и стройных, — призраков ночных;
 Блеск светляков над ивняками странен.
 Проснулись совы; то вперед, то прочь,
 На тяжких крыльях, лёт бесшумный, мерный
 Свршаются; у зенита свет неверный,
 И, белая, Венера всходит: Ночь!

(Пер. В.Я. Брюсова под загл. «Благословенный час»).

³ (От) этого очаровательного артистизма и этой простоты (*фр.*).

⁴ Ученая (*фр.*).

⁵ Я не знаток (*фр.*).

⁶ Настоящую радость (*фр.*).

⁷ Стихи А.С. Пушкина (1828), перевод шотландской народной песни, записанной Вальтером Скоттом.

⁸ Очарователен (*фр.*).

⁹ На четыре счета (*фр.*).

¹⁰ «В звездах, в хоре звезд...»... «Секрет»... Аранкур (*фр.*). Эдмон де Аранкур (1856—1941) — французский поэт (его фамилия пишется «Narancourt»).

¹¹ Против воли (*фр.*).

¹² Он изматывается (*фр.*).

¹³ Настоящую сальность (*фр.*).

¹⁴ Эмиль Экерт, пианист, ученик В. Реберга, профессор Женевской консерватории в 1897—1902 гг. См. в отчете газеты «Journal de Genève»: «Dans la série finale du *Zeisig*, le délicieux lied de M. Emile Eckert, professeur et compositeur de notre ville, a eu les honneurs du bis. Mme Brema a détaillée avec infiniment d'esprit ce piquant dialogue d'oiseaux, dont l'accompagnement froufroutant et rapide a été finement joué par M. Willy Rehberg» («В заключительной серии “Чижика”, прелестная песня г. Эмиля Экерта, профессора и композитора из нашего города, заслужила бисирования. Г-жа Брема во всех подробностях представила с бесконечным мастерством этот пикантный диалог птиц, чирикающий и быстрый аккомпанемент к которому был тонко исполнен г. Вилли Ребергом», — *фр.*).

¹⁵ Имеется в виду п. 428.

¹⁶ День чудес (*фр.*).

¹⁷ Печальный упадок сил (*фр.*).

¹⁸ Судя по всему, п. 429 и 431.

¹⁹ Жан Жак Элизе Реклю (1830—1905), французский географ, мыслитель, сторонник анархических идей. Как следует из дальнейших писем, Ф. Острога был женат на его дочери.

²⁰ Да, человек зол (*фр.*).

²¹ «...не внушают, так сказать, уверенности, кометы следуют по ним, находясь на видимом для нас горизонте, но нельзя гарантировать, что какая-либо случайность в движении (влияние неизвестной звезды) не изменит их направление! И движение в Бесконечном, в великом Ничто? Без возвращения к себе, без вечного возвращения — не может быть доказано. Бесконечное не доказано! Я печалюсь, очень печалюсь, очень серьезно печалюсь, но... я утешаюсь... если совсем нет... все-таки чего-то много, и человек очень зол, ты знаешь, все-таки». Спокойной ночи, обожаемый друг. Лидия (*фр.*).

²² Добрый день, любимый! (*фр.*)

²³ Имеется в виду ария Орфея из оперы Гайдна «Орфей и Эвридика» (*L'anima del filosofo ossia Orfeo ed Euridice* (Дух философа, или Орфей и Эвридика), 1791 г.). Партия Орфея предназначена для женского голоса (меццо-сопрано).

²⁴ Герцога Савойского (*фр.*). Речь идет о Карле-Эммануэле I (1562—1630), попытавшемся взять Женеву штурмом в ночь с 11 на 12 декабря 1602 г. Замок, о котором идет речь, — *Château d' Etrembières*.

²⁵ *Буквально*: приступ (*фр.*). Этим именем до сих пор называется праздник в Женеве 12 декабря, отмечающий победу горожан над войсками Карла-Эммануэля I (см. пред. прим.).

²⁶ «Твои глаза...» — «То было раннею весной...» — романс П.И. Чайковского на стихи А.К. Толстого.

²⁷ «Ах! Вам нужен <зал> Реформации!» (*фр.*) Речь идет о том, что Зиновьева-Аннибал предполагает подходящим для себя зал *Casino de St. Pierre*, где проходили различные камерные концерты, например тот, в котором исполнялись песни Остроги. А Острога предлагает ей «*Salle de la Réformation*» — большой зал, где бывали симфонические концерты. Например, «*Journal de Genève*» 11 марта писала: «Можно еще раз констатировать, что зал Реформации лучший из тех, что у нас есть для симфонической музыки».

²⁸ Захватывала Острогу (*фр.*).

²⁹ Действия (*нем.*).

³⁰ Бодрость, задор (*фр.*).

³¹ Небольшой городок (еще в 1960 г. там было всего 5000 жителей; в настоящий момент — 27 000) недалеко от Женевы, центр одноименной коммуны.

³² Атака (*фр.*).

³³ Мимолетный взгляд (*фр.*).

³⁴ Павел Иванович Бирюков (1860—1931), известный толстовец, автор четырехтомной «Биографии Л.Н. Толстого» (1906—1908). С 1898 по 1907 г. жил за границей, преимущественно в Женеве. Его *villa russe* в местечке Оне была широко известна (в том числе тем, что там бывал Ленин).

³⁵ Сабо, деревянные французские башмаки (*фр.*).

³⁶ В три складки (*фр.*).

³⁷ В конце концов, это все, что я могу сделать (*фр.*).

³⁸ Мысль здесь так сгущена и глубока! (*фр.*)

³⁹ Имеется в виду буква Y, называемая по-французски I greque. Но конкретное наполнение намека неясно. Видимо, оно связано с неизвестными нам стихами Иванова, посвященными М.М. Замятиной, которая писала ему 13/26 февраля: «Да, радость и радостный смех доступны и радостны мне ныне, Вячеслав, и к<a>к не быть радостной и не смеяться радостно, когда получишь “приветей” и стихотворную “грамотку”. Вся проникаешься радостью от “тленной привязанности И. Грека”, и до счастливого ли ей в музыке X’а тут!» (РГБ. Ф. 109. Карт. 19. Ед. хр. 14. Л. 42 об).

⁴⁰ В этом можно быть уверенным (*фр.*).

⁴¹ Все перегружено (*фр.*).

⁴² Первые две строки стихотворения А.А. Фета без заглавия (1842), положенного на музыку А.Е. Варламовым и П.И. Чайковским.

⁴³ С него теперь довольно Мадам! (*фр.*) Под «мадам», безусловно, понимается Луиза, экономка Д.В. Зиновьева.

437. Иванов — Зиновьевой-Аннибал 13/26 февраля 1902. Афины

День 74.

Среда 26/13 II 10 ½ веч.

Возлюбленная Радость, сейчас только покинул меня очаровательный юноша, сосед, с которым мы беседовали о науках, дуэлях и т.д. и переводили монолог из Мольерова «Скупого»¹. Сегодня мне пришла фантазия учиться по-новогречески как следует, и план призвать «агорью»², одобренный Фотини, немедленно же осуществился. Одобренный, да... но cum grano salis³. Все же Фотини позавидовала, чуть-чуть, и сделала парад собственных познаний, как в возвышенной, так и в низменной речи. Я говорю, что уже тем, что имею, обязан ей. Она и муж уверяют, что я говорю и произношу хорошо, но Ангел допускает, что упражнение необходимо. Нелишним считаю (особенно ввиду твоих философем о «широте жизни» и пр.⁴) рассказать, что мужественно противостоял искушениям Фотини, усиленно заманивавшей меня перспективой уроков у барышни-учительницы, дочки той красноречивой старухи⁵. Я отвечивал, что с мушиной буду чувствовать себя свободнее и приятнее. Тогда и она вдруг решила: «Да и χυρία Λυδία⁶ рассердится, если будет барышня». Я постарался уверить ее, что «совсем нет», и что «не такая ты глупая»... Она же сказала, что знает, какая ты умная... (?)^{*} А бедняжка агорья и рад заработать. Говорит, что надеется от меня многому научиться. Я же нарочно предложил ему приносить для разбора тексты, ко-

* Знак Иванова.

торые он должен готовить для своей гимназии, — Мольера, Горация... Уроки мне будут полезны чрезвычайно.

Утро ознаменовалось двумя письмами: из Харькова и — прилагаемое — от Гревса...⁷ Я не могу не любить его: так написано в звездах!!.. И письмо его мне доставило большую радость!

В Институте не был. Утром сдавал белье, читал письма, менял деньги, покупал провизию, стриг бороду и волосы. Около 5 ч<асов> пошел на заседание Французской школы и, к великой своей досаде, повернул домой с Froschmaul'я⁸ (дорога в Школу ведет чрез пинету). Дорога была так грязна, что войти в залу в столь отчаянно перепачканных сапогах мне показалось невозможным по непристойности.

Сегодня целый день идет дождь при теплой погоде (утром даже парило). В 3 часа была гроза. — Впрочем, заседание было малоинтересно по программе. —

Вчерашнее письмо⁹ опять уверило меня в твоей чрезвычайной, почти чрезмерной эстетической впечатлительности и порадовало тем, что тебе открылась красота одного искусства, которое ты до тех пор отрицала, — искусства ораторского. В этом приобретении, вынесенное тобою из лекций о Ницше. Содержание меня (— по крайней мере при первом ознакомлении с ним —) конечно, не удовлетворило. Оратор — блестящий софист; но не знаешь еще, что внутри этих софизмов: пустота или (скорее) доктринерская, даже партийная тенденция. Во всяком случае, это — «распинатель», пригвождающий живую идею к схоластическим категориям каких-то *Souveraineté, Unité, Finalité*...¹⁰ Что касается «философии Ницше», она, из всех толков вокруг нее, поднимается как прекрасное классическое здание, которого оправдание и цель в том, что оно есть и стоит в своей красоте. Жаль только, что это не одно цельное здание, а по крайней мере два, соединенных негармонически... Решительно, Ницше противоречит себе во всем; этого противоречия не было бы, если бы он, вместо своих афоризмов и евангелия Заратустры, написал бы диалоги, по образцу Платоновых¹¹. «Übermensch»¹² — романтизм. Теория тиранической олигархии так [только] «средиземна» («Mediterranisierung der Kultur»¹³), как только можно. Это мечта, подслушанная у древних, не знавших страны и нации в новом смысле этих слов, а знавших только свой город, πόλις, и его республиканскую демократию, аристократию, тиранию. Альфа и Омега в истолковании Ницше, это — определение, данное Соло-

вьевым: «Ницше — филолог»¹⁴. Если прибавить: «и музыкант», кажется, это исчерпывает его стихию. Притом он был гениален: привилегия гения — старое и чужое явить новым и через то сделать своим. Оттого и ты трепещешь при его имени: «Так гений радостно трепещет, свое величье познает, когда пред ним горит и блещет иного гения полет»¹⁵. Я хочу сказать: гений в тебе, — который и есть; а не то, что ты равна Ницше. (Авось, хоть такое ограничение — ограничит мое собственное сходство с очень ограниченным Полем Костровиным Боборыкинской повести — весьма скучной (относительно, впрочем) и имеющей как будто привкус бездарности¹⁶.) Но чем толковать о Ницше, которого так же невозможно исчерпать словами, как музыкальное или архитектурное произведение, вот лучше из Сведенборга.

«Im Himmel nähern sich die Engel beständig der Frühlingszeit ihrer Jugend, so dass die ältesten Engel die jüngsten zu sein scheinen»¹⁷.

Восхитительно по красоте, глубине, *правде!*

«Je mehr Engel, desto mehr freier Raum»¹⁸.

Ср<a>в<ни> мои «Пламенники»¹⁹.

«Was von Ihm ist, ist Er»²⁰.

Альфа и Омега мистики.

«Swedenborg lehrt, dass das Geschlecht etwas Allgemeingültiges und Uneingeschränktes ist; dass das männliche Element in dem Manne jedes Organ und jede Handlung und Gedanken bestimmt und ebenso das weibliche Element im Weibe. Deshalb ist auch, sowohl in der realen wie in der geistigen Welt, die Ehe nicht eine momentane, sondern eine unaufhörliche und gänzliche Vereinigung; und Keuschheit ist nicht eine räumlich begrenzte sondern eine allgemein gültige Tugend; Unkeuschheit offenbart sich nicht nur bei der Zeugung, sondern auch beim Handeltreiben, Pflanzen, Sprechen oder Philosophieren, und er berichtet uns, dass obschon die Jungfrauen, die er im Himmel sah, schön waren, die Frauen doch noch unvergleichlich schöner gewesen seien und beständig an Schönheit zugenommen hätten [Вот все, что в этом письме я имею для сердечно приветствуемой Маруси!] * Swedenborg aber gibt, gemäss seiner ganzen Art und Weise, dieser Theorie eine temporäre Form. Er betont zu sehr den Umstand der Ehe, und obgleich er sieht, dass falsche Ehen auf Erden vorkommen, träumt er von einer weiseren Wahl im Himmel. Aber die Neigungen und Freundschaften aller im Zustande der Entwicklung befindlichen Seelen sind vorüber-

* Квадратные скобки — знак Иванова.

gehende. «Liebst du mich?» bedeutet: Siehst du mit mir gemeinsam dieselbe Wahrheit? Wenn das der Fall ist, dann sind wir glücklich, weil unser Glück das gleiche ist. Aber plötzlich erkennt Einer von uns eine neue Wahrheit: sofort sind wir getrennt, und keine Spannkraft in der Natur kann uns zusammen halten» (Emerson, Repräsentanten des Menschengeschlechts)²¹. Сюда примыкает учение твоей Елены²² о совместном умирании и воскрешении. Твой Вяч<еслав>. OS²³.

Конверт со штемпелями: ΑΘΗΝΑΙ. 14 ΦΕΒΡ. 1902 — Genève. 5.III.02.

¹ То есть из комедии Мольера «Скупой» (1668). Перевод делался, естественно, с французского языка.

² Юноша (*греч.*).

³ С долей сомнения (*букв.: с крупницей соли*) (*лат.*).

⁴ См. п. 430.

⁵ См. п. 384.

⁶ Госпожа Лидия (*греч.*).

⁷ Письмо из Харькова — от первой жены Иванова Дарьи Михайловны. Письмо Гревса от 1/14 февраля см.: История и поэзия. С. 238—243. Иванов отвечал на него 13/26 и 15/28 февраля (Там же. С. 243—244). Речь в обмене письмами шла, помимо разнообразных научных вопросов, о возможности приезда Гревса в Грецию с экскурсией от Тенишевского училища (не состоялась).

⁸ См. п. 363, прим. 11.

⁹ П. 430.

¹⁰ Самостоятельности, Единства, Конечной цели (*фр.*). См. в том же п. 430.

¹¹ Об этом Иванов впоследствии писал в эссе «Ницше и Дионис» (I, 717); многие другие мысли этого письма также находят отражение в названной статье.

¹² «Сверхчеловек» (*нем.*).

¹³ Медитерранизация культуры (*нем.*). Иванов ссылается на изречение Ницше (высказанное им на французском языке): «Il faut méditerraniser la musique». В комментарии К.А. Свасьяна предложен вариант перевода: «Надо осредиземноморить музыку» (*Ницше Ф.* Соч.: В 2 т. М., 1990. Т. 2. С. 530, 792).

¹⁴ Ср. также в эссе Иванова «Ницше и Дионис»: «Ницше был филолог, как определяет его Владимир Соловьев» (I, 717). На деле Соловьев писал: «Сам Ницше, думая быть действительным сверхчеловеком, был только *сверхфилологом*» (*Соловьев В.С.* Собр. соч.: В 10 т. СПб., б.г. Т. X. С. 29).

¹⁵ Цитата из стихотворения Н.М. Языкова «Гений» (1825).

¹⁶ Речь идет о повести П.Д. Боборыкина «Исповедники» (см. п. 431, прим. 14).

¹⁷ «В небе ангелы постоянно приближаются к весне своей молодости, так что самые старые ангелы кажутся самыми молодыми» (*нем.*). Эммануил Сведенборг (1688—1772) — шведский ученый и мистик.

¹⁸ Чем больше ангелов, тем больше свободного пространства (*нем.*).

¹⁹ Имеется в виду стихотворение Иванова из книги «Кормчие звезды» (I, 548—550).

²⁰ «То, что из Него — это Он» (*нем.*).

²¹ «Эта книга является очень тонким платоническим развитием учения о браке; учением о том, что брак представляет собою явление универсальное, а не частное или местное; что мужские свойства в мужчине окрашивают всякий орган, акт и мысль;

женственность же окрашивает их в женщине. Поэтому в реальном, т.е. духовном мире брачный союз происходит не отдельными моментами, а беспрестанно и всецело; и нецеломудрие является не местной, а универсальной добродетелью; в то время как целомудрие настолько же проявляется в торговле, земледелии, в говорении или философствовании, сколько в половой жизни; и что, хотя девственницы, которых он видел в небесах, и являлись олицетворением красоты, жены были несравненно прекраснее, и красота их беспрестанно росла и росла. [Вот все, что в этом письме я имею для сердечно приветствуемой Маруси!] Но, по свойственной ему манере, Сведенборг приколол свою теорию к временной форме. Он преувеличивает значение такого обстоятельства, как брак; и, хотя на земле он находит фальшивые, ненадлежащие браки, он воображает, что на небе при их заключении происходит более разумный выбор. Но у душ, находящихся в состоянии прогрессивного развития, всякая любовь и дружба носят характер моментальный, преходящий. Любишь ли ты меня? — означает: видишь ли ты ту же самую истину, что и я? Если ты видишь, мы оба счастливы одним и тем же счастьем; но сейчас один из нас приходит к восприятию новой истины; и мы уже в разводе, и никакая сила в природе не в состоянии свести нас вместе и приковать друг к другу» (Эмерсон, Представители человечества) (*нем.*). Перевод цитируется по изд.: Эмерсон Р.У. Сведенборг или мистик // Представители человечества. СПб.: Редакция «Нового журнала иностранной литературы», 1903. С. 49.

²² Героиня романа «Пламенники».

²³ То есть Ogasempe.

438. Иванов — Зиновьевой-Аннибал 14—15/27—28 февраля 1902. Афины

День 75.

Четверг, 27/14 II.

Радость-Лиля, 75 дней означают половину предполагаемой продолжительности нашей разлуки, — о чем я только что сообщил Фотини, с которой вел продолжительную дружественную беседу по окончании своего урока. Пришла ваша милая картолина из табачной лавочки, скрепленная красноречивыми подписями¹. Мой учитель-агорья, с которым мы опять трудились над Мольером, — он не понимает очень многих французских выражений, и ему приходится их, как [придется] бы то ни было, объяснять — сообщил мне, что в вечерней газете есть известие о смерти Толстого, но этот факт будто бы 3 уже дня скрывается — русскими — властями; а в утренней газете говорилось только, что в Петербурге студенты, при *слухе* о смерти Т<олстого>, ворвались в «собор Свят<ого> Синода»². Кириакос Россидис (имя агорьи) рассказывает, будто монахи стреляли в студентов и убили трех. Впрочем, все эти сообщения имеют для вас разве только интерес [возможного] варианта к повествованию швейцарских газет. Мой

Кириачок кончает в Эголе³ гимназию и будет учиться в Университете правам, чтобы оказаться потом адвокатом на своей и Афродиты родине — Кипре⁴. Фотини уверяет, что я произношу лучше Киприота, но она не очень сочувствует моим урокам у агорьи, которого здесь никто очень-то не любит (хотя и хвалят), п<отому> ч<то> он чужой, не родственник — о, странная обособленность и животная замкнутость людей! Мне же его произношение вовсе не важно, потому что не произношению я учусь и не его перенимаю, ухо мое всегда открыто и независимо, а учусь фразеологии и свободной речи. Юноша мне дорог тем, что юноша, и учащийся юноша, моего поля ягода, малознающий и, кажется, еще малоразвитой, — не по своей вине, — но интересующийся Божьим миром, стремящийся к свету, — эрос у меня к мыслящим юношам! Я еще не довольно расследовал его, но он уже сообщил, что юридический факультет (не понимаю, к чему приведет знание греческих законов на англо-турецком Кипре⁵?) избирает как более легкий, на родине же юристов мало, и хочет на досуге заниматься сам по себе «филологией»: [еще] не знаю, в каком смысле «филологией», — думаю, в смысле «литературы», писать что-то хочет? Однако я наполняю целые страницы своим [новым] эросом, и ты мне опять напишешь о широте жизни, уже с другой точки зрения... Сегодня утро было посвящено лекции Вильгельма. Завтракал дома. В 4 ч<аса> пошел в Институт и вернулся в 6. Карнавальные сцены на улицах: верблюды, настоящие и искусственные, окруженные масками; мачты с канатами, вокруг которых [пляшут и] танцуют маски. Есть здесь как будто отзвук античных Дионисий месяца Антестериона (Февраля). Женская [атласная] красная маска с черной козлиной бородой на красном атласном домино производит, как хочешь, при музыке и ритмическом движении танца, вакхическое впечатление. Что в маске, между проч<им>, настраивает зрителя дионисически — это ее серьезность (воздействие неподвижности лица) в движении и весельи и взгляд прямо в душу (следствие утраты индивидуальных черт), говорящий «ведь и ты то же, что я, в своей маске, и ты носишь свою индивидуальную маску только для того, чтобы на нашем общем маскараде было пестро и странно». Недаром дети боятся масок и вместе любят их: в них что-то страшное и торжественное — среди всего веселья и смеха; здесь, друг в друга переряженные, друг друга, играючи, обманывают — Жизнь и Смерть. Ибо мы с тобой правильно сознали, что надевший маску умер, и

уже не он, а демон. Маскарад — демоническое *Да* Смерти в Жизни, и Жизни в Смерти. В маске что-то антихристианское, не по истории и атавизму чувства только, [которое не забыло языческого происхожд<ения>] но и по внутренней сущности ее и скрытой символике. И опять старинное противоречие: гармония дионисического орфизма и христианства с одной стороны, историческая вражда между христианством и дионисической стихией — с другой... *Мудрый Эдип, разреши!*⁶ —

Дикая, но кажется верная, зрелая <?> мысль: «Ниобея» должна иметь продолжение, послесловие — *δρῶσα σατυρικὸν*⁷, как и античные трагедии, глубокий эпилог и финал — в *éruption, déchirement*⁸ низшей хаотической стихии дионисизма -- маски, и прыжки сатиров, и смех с его диссонансами...⁹

День 76.

28/15 II.

10 ½ веч.

Вот уже и последний день Февраля, Радость милая!.. Поздно — жду, не принесет ли Ангел письма; но не идет что-то. Ложусь сейчас спать. М<ожет> б<ыть>, опять у него заседание на всю ночь. Утром был в Институте, потом дома, — опять Орфики, вечером урок новогреческий. Смерть Толстого оказалась выдумкой, как я и предполагал. Студенты будто бы однако не верят, что он жив, стреляли в митрополита; в собор не ворвались — помешало войско. Я думаю, все это неточно. Радость свою целую, как желаю и как люблю. *Orasempre.*

¹ П. 433.

² В этот день афинская газета «Эмпрос» опубликовала заметку «Беспорядки в России: Слух о смерти Толстого», где сообщалось, что 13 февраля при слухе о смерти Толстого спархияльный собор в Петербурге был захвачен студентами; одновременно в Одессе и Киеве студенты распространяли листовки, призывающие к свержению тирании. В результате были произведены аресты. Аналогичные заметки, но без упоминания Толстого, были напечатаны в газетах «Неон Асти» и «Акрополис». В более поздних номерах афинских газет также содержалась различная противоречивая информация о состоянии здоровья Л.Н. Толстого и различных слухах вокруг него. Так, 1 февраля та же газета «Эмпрос» сообщила о том, что русским газетам запрещено писать о болезни Толстого, однако 8 января газета «Скрип» подробно сообщила о том, что писатель выздоравливает (даже с указанием частоты пульса). 21 февраля газета «Элеутерос Типос» поместила статью о том, что сведения о здоровье Толстого и связанных с этим событиях противоречивы, что его смерть скрывается во избежание волнений. На следующий день в «Скрип» была статья о том, что греческие издания неоднократно сообщали о смерти Толстого, тогда как на самом деле он выздоравливает. Но еще через две недели в той же газете появилось сообщение, что лечащий врач предрек смерть писателя в ближайшие десять дней. Приведем также

заметку из читавшейся Ивановым газеты «Journal de Genève», где 23 февраля писалось: «*Берлинер Тагеблатт* получил телеграмму из Санкт-Петербурга, что вечером 20 февраля там распространился слух, что скончался граф Толстой, но официально о его смерти не сообщается, поскольку Священный Синод еще не пришел к решению, должно ли быть отменено постановление об отлучении его от церкви. Тем временем этот слух вызвал доверие у многих и спровоцировал студенческие волнения. Несколько сотен студентов заняли Казанский собор, требуя отслужить заупокойный молебен по графу Толстому. Слышны были крики: “Да здравствует Толстой! Он вечно жив! Долой собак! Да здравствует Россия!” Полиция рассеяла демонстрантов и многих арестовала. Как следствие этой демонстрации было запрещено празднование годовщины основания университета, которое должно было проходить сегодня 22 февраля».

³ Район Афин.

⁴ Кипр считался островом богини Афродиты, родившейся из морских волн недалеко от него. Кипр отличался особым почитанием богини.

⁵ Согласно англо-турецкой конвенции 1878 г. Кипр был оккупирован Англией (в обмен Турция получала ежегодную плату и помощь Англии в Западной Армении). На острове существовала собственная конституция.

⁶ Из стихотворения А.С. Пушкина «Кто на снегах возрастил Феокритовы нежные розы?» (1829). У Пушкина: «...хитрый Эдип, разреши!»

⁷ Сатирова драма (*греч.*).

⁸ Взрыв, высвобождение из цепей (*фр.*).

⁹ Иванов имеет в виду свою работу над трагедией «Ниобея», которую он начал в 1900 г. (см.: Интермедия (II)), но так и не закончил.

439. Зиновьева-Аннибал — Иванову 16 февраля / 1 марта 1902. Женева

Тесо

Телеграмма. Помета: 1 марта 1902. Перевод: «С тобой» (*ит.*).

440. Иванов — Зиновьевой-Аннибал 16 февраля / 1 марта 1902. Афины

День 77.

1 Марта / 16 Февр.

8 ¼ веч.

Вчера, милая Радость, я все же получил письмо¹, но очень поздно: Ангел забыл отдать его своевременно. Был очень обрадован и благодарен дорогим за привет ко дню рождения. Сегодня первая половина дня была посвящена — ревности! Вот подарок твой к моему празднику: поистине сюрприз. Ревность эта была словно смутная зубная боль, говорящая: «Все же ты не можешь меня игнорировать, хоть я и не беспокою тебя чересчур; не

можешь и отрицать меня как собственную блажь, потому что я только скромно напоминаю нечто объективно существующее». И я досадовал, как досадают на зубную боль, на самую возможность столь абсурдного психологического феномена в столь возвышенной сфере, как наши отношения. И если подобное возможно, — значит, возвышенность эта нами преувеличена, наша исключительность — иллюзия: так умозаключала моя зубная боль. Между тем совокупность признаков устанавливала факт твоей чрезвычайной внутренней занятости некоторым лицом, издавна тебя притягивавшим. Оттого — бал. Оттого — увлечение музыкой и стремление отрешиться от классической односторонности своих музыкальных вкусов, отдать справедливость и «новому творчеству». Оттого — формулировка *des sensations exquisés et élévées*² на французском языке. Оттого — неладь с Марусей, смутно обеспокоенной. Оттого — ревность к этой Last³. Оттого — трепетный интерес к некоторым новейшим композициям. Оттого — чрезмерное действие последних, делающее тебя «больной», но вместе «счастливой». Оттого — это сосредоточение [всех] помыслов на одном предмете, это чрезмерное участие, эти страхи *за*, — эти поездки с целью скорейшего получения нот (с [прибавкой «по неважному делу»] оговоркой в письме: «по маленькому делишку») и т.д. и т.д. И пока эти мысли проходили в голове, а я провожал их выражениями крайнего презрения к их компрометирующей меня в собственных глазах пошлости, — я делал вот что: покупал книги у Бэка (на 38 золотых франков!* — ах, иногда нужны гекатомбы⁴! — две старых книжки, две только из прежде намеченных, и две новых Jahn—Michaelis «Акрополь» (текст Павзания и свод всех материалов с планами и рисунками, по новейшим открытиям — вещь, необходимая в Афинах⁵) и Harrison «Mythology and Monuments of Athens»⁶, — ты знаешь! — вещь очень полезная и богатая научным материалом); [отправляя] был затем в музыкальном магазине заказать тебе рукопись гимна — завтра узнаю ответ; был в Институте; завтракал; курил в саду Заппиона⁷; [осматривал] слушал Дерпфельда в театре Диониса; возвращался, немного унылый, при великолепной летней погоде домой; смотрел из окна червонное золото заката, разлитое по долине, и думал, что мне исполнилось 36 лет, что жизнь тяжко-золотая и что тени ее длинные и темные... Тогда пришел мой кипрский юноша и мы стали

* Зато сэкономил на Сикионе. (Прим. Иванова.)

заниматься у открытого окна. Открылась дверь, и Фотини внесла посылку. Очаровательная вещь, спасибо за подарок и навеянную им на душу радость. От него повеяло любовью. Но я был осторожен. Наполеон свидетельствует о любви — к Наполеону, рассудил я. Стихи мои, списанные с любовью, милым почерком, — в сущности говорили все же только о любви — к моим стихам. Но была третья особенность подарка, которая тоже что-то свидетельствовала, — и я не нашел, что возразить ей и как ее опровергнуть. Это было благоухание вервены, сильное, опьяняющее, — и оно сказало мне много, много и зубную боль как рукой сняло. Этот запах — удивительно! — дал мне даже твое присутствие. Ты со мной, и я счастлив! —

А за ужином у меня был гость; я угощал его хлебом, вином (οἶνος Ἰουδαϊκός⁸, вчера купил себе — в первый раз!) и шоколадом. Это был Костя. Сегодня он много перепортил крови Фотини (этой неплодотворной смоковнице, недостойной носить генитальное имя и разделять ложе своего грациозного супруга) — и причинил великий переполох. Он сбежал на целый день, не донеся домой ни припасов, ни Фетиньевой обуви. Я был встречен дома изливаниями гнева и беспокойства. Руки Фотини были как лед. Она объявила с сокрушением, что нам нечего есть. Но пэди нашелся и был справедливо побит. Фотини пошла к мужу. Я сказал, что против воли принужден праздновать день своего рождения пиром в ресторане и созерцанием сегодняшней вечерней карнавальской процессии, — но, проведив немного с горы Фотини, решил вернуться из неудобной темноты в свою комнату, в общество своих милых, говорящих мне ласковые слова *symboles aux regards familiers*⁹, к милым книжкам и моему гостю дорогому — Наполеону (отличная головка! — где ты находишь время и талант на сюрпризы), — и поел сырого *bason*¹⁰, от которого отказался *mon convive*¹¹, а Родофея сварила мне кофе. Откуда-то доносится какой-то шум и музыка.

Мой юноша (ты должна о нем слушать столько же, сколько я об Остроге) — умный и стремящийся к свету, как я уже сказал, юноша. Он говорит, спрашивает, принимает сказанное умно. Мы говорили сегодня о двойственности новогреческой речи, и я спросил его мнение. Он говорит: народная речь — настоящая, и ее нужно было культивировать и сделать всеэллинской литературной речью после освобождения Греции; между тем сделали ложную попытку приблизить язык к древнему; теперь Греция ждет свое-

го великого писателя, который бы дал ей ее язык, — как Дант создал итальянский язык из простонародной латинской речи. Я сказал: есть у меня знакомый, известный ученый-византист... он подсказал Крумбахер¹²; он его знает, как и Психари¹³, как борцов за народную греческую речь. На днях, я упомянул роман Мережковского «Смерть богов»¹⁴: он уже слышал, что Мережковский «плачет» (κλαίει) о язычестве. «И он прав!» — прибавил мой юноша. Вот он какой бедовый!

10 часов. Отлично виден на звездном небе чудесный фейерверк из Заппиона. Вот как меня здесь празднуют! Жаль, что ты не видишь, любительница фейерверков. При этом великолепное эхо¹⁵.

Вчера дети очень обласкали меня. Поцелуй Костю, Верушку целую на «кунчик». Вера всегда маленькая женщина. Какое счастье, что ты прислала мне свой запах. Целую. Orasempre.

¹ Речь идет о п. 432.

² Чудесных и возвышенных ощущений (фр.).

³ Девушка, за которой ухаживал Ф. Острога (см. п. 430).

⁴ Торжественные жертвоприношения из ста быков в Древней Греции. Иванов имеет в виду трату значительной суммы денег.

⁵ *Jahn Otto, Michaelis Adolf. Arx Athenarum a Pausania descripta / In usum scholarum editerunt Otto Jahn et Adolphus Michaelis. Editio tertia actis arcis et fasciculo tabularum aucta Bonnæ, 1901.* В упоминавшемся в п. 438 письме к Иванову И. М. Гревс писал: «...прошу вас сообщить мне список книг, которые вы считаете особенно важными для подготовки к путешествию в Грецию с целью научно-образовательной. <...> Если у вас есть теперь лишние деньги, и вы можете купить мне несколько подобных книг <...> и прислать, я буду страшно благодарен и немедленно вышлю стоимость...» (История и поэзия. С. 239). В ответе Иванов, между прочим, называл и данную книгу: «...в 1901 г. вышло переработанное издание <...> с планами и рисунками: но это только свод текстов и материалов в освещении новейших археологических открытий» (Там же. С. 243). Отметим, что название этой книги, равно как и упоминаемой вслед за этим книги Дж. Э. Харрисон, внесено в записную книжку Иванова (РГБ. Ф. 109. Карт. 1. Ед. хр. 18. Л. 57 об).

⁶ Имеется в виду книга: *Harrison Jane Ellen. Mythology and Monuments of Ancient Athens. London and New York, 1890.* В том же письме к Гревсу Иванов так характеризовал ее: «...отчасти, конечно, и эта книжка устарела. Она компилятивна, немного односторонняя, но научна; страдает длиннотами» (Там же. С. 244).

⁷ Заппион (в древнегреческом произношении — Заппейон) — парк в Афинах, расположенный между Национальным садом и храмом Зевса Олимпийского. В парке находится здание Дворца Заппейон (Заппион), построенное по проекту архитектора Теофила Хансена в 1874—1888 гг.

⁸ Вином с Итаки (греч.).

⁹ Отсылка к сонету Ш. Бодлера «Соответствия», который Иванов анализировал в статье «Две стихии в современном символизме»:

La Nature est un temple où de vivants piliers
Laisser parfois sortir de confuses paroles;
L'homme y passe à travers des forêts de symboles
Qui l'observent avec des regards familiers.

В переводе В.В. Левика интересующие нас строки читаются: «Как в чаше символов, мы бродим в этом храме, / И взглядом родственным глядит на смертных он».

¹⁰ Бекона (англ.).

¹¹ Мой сотрапезник (фр.). Имеется в виду Костя, мальчик-грек, живущий у Гонимосов.

¹² Карл Крумбахер (Karl Krumbacher; 1856—1909), немецкий филолог, византист. Переписку Иванова с Крумбахером см.: *Wachtel Michael. Die Korrespondenz zwischen Vjačeslav Ivanov und Karl Krumbacher // Zeitschrift für Slawistik. Berlin, 1992. № III. P. 330—342.*

¹³ Жан Психари (Jean Psichari, Ioannis Psicharis; 1854—1929), греческий филолог, лидер движения за утверждение народного языка.

¹⁴ Роман Д.С. Мережковского «Смерть богов (Юлиан Отступник)» (первоначальное название «Отверженный») печатался в 1895 г. в журнале «Северный вестник», отдельно издан в 1896 г.

¹⁵ Речь идет о празднике в честь начала карнавала. По сообщению газеты «Скрип» за этот день, различные группы участников должны были сойтись в Заппионе (Заппейоне; см. прим. 17), где при исполнении музыки должен был состояться фейерверк.

441. Зиновьева-Аннибал — Иванову 16—17 февраля / 1—2 марта 1902. Женева

76-й д<ень> м<ужества>. Письмен<ный> стол в светелке. 7 ½ утра. 1 Марта, 16 Февр. Дотик родился! Поздравляю Дотика, он умно сделал, что родился. Паматит. Сегодня встала рано, потому что легла в 9 час<ов>. Проводила детей в школу, вернулась наверх и жду, пока Miss Bl<ackwell> подымет и обольет Лилю, тогда я иду вниз брать ванну и обливаться, а пока ванна моя настекает, я мою Лидии лицо, что она очень любит. В 8.10 ванна должна быть свободна для Miss Blackwell, а между 7.50 и 8.10 она должна обязательно одеть Лидию и отправить ее вниз, где принимает ее к брэкфасту Кристина. В 8.30 Miss Bl<ackwell> должна освободить ванну, а в 8.45 должна быть одета сама и вести Лидию в школу. По возвращении она получает брэкфаст. Таким образом, если я просплю 7.45 для своей ванны, мне остается 8 ½. Видишь ли, все эти минуты установлены после многих размышлений и опытов мною, и теперь всё идет как по маслу, и все благодарны.

1 ½ ночи. На постеле одетая. Еще привет, Татавец, весь день тесо¹. Пила с любовью за обедом. С 8-ми до 12 слушали

Мессию Генделя². Прекрасно. Всё в музыке. Сейчас ложусь, еще целую.

77-й д<ень> м<ужества>. Воскресенье. 2 Марта. Сена. Славенька, получила вчера твои оба письма, 1-ое от того Воскресенья, 2-ое от Вторника³. Сегодня получила 3-е (картолину) от Среды⁴. Мечтаю получить завтра обещанное от Четверга⁵. О беда, беда! Столько есть, что рассказать, и ничего не выходит. Письма твои были полны ласок, похвал, которые хотя и очень незаслуженны, но очень приятны, и бодрости. Только рядом с бодростью вдруг опять горе, тоска! Дотя, теперь решительно недолго. 4 недели... и начнутся путешествия твои, которые как тяжелы не <так!> придутся, но имеют несомненное качество de tue-temps⁶. Затем остается дальше решать, смотря по состоянию работы твоей и жары на нашей горе, о том, что умнее: мне приезжать к тебе или тебе ко мне. Боюсь, что в конце Мая уже невозможны будут большие экскурсии по Греции без риску солн<ечных> ударов и т.п. Но этот вопрос должен быть решен спокойно по твоему желанию и по твоим потребностям. Я же и тому и другому рада, ибо говорю, как ты: будущее столь чревато <?>, что, быть может, и еще попаду в мою дорогую любимую Грецию. По правде сказать, жара пугает, а раз буду у подножия Гимета, то для того, чтобы многое увидеть и всё начать с его ascention⁷. О Дотя, соберись на него. Это очень важно. Это зависит от настроения, все эти усталости и вялости. Ведь вот, не могли мы годами собраться в театр, вечер нам казался невозможным вне дома. А теперь я выезжаю, как только надо, и хотя устаю (как, наприм<ер>, сегодня) сильно, но и отдыхаю, а нравственное удовлетворение большое. Да, я была в Океане музыки вчера. К половине 2-ого отдела <так!> я почувствовала сильное утомление и даже замечтала о побеге (как сделала добрая половина залы). Но тотчас после того всё изменилось, музыка затянула. Не то, чтобы какая-либо мелодия врезалась в память или восторг, равный симфоническим экстазам Бетховена, охватил меня, а просто океан звуков нашел, как прилив, и затопил душу, и всюду стала одна стихия, и хотелось еще и еще, и не ждалось конца. Домой, конечно, пешком! Но это приятно ночью. Да, вчера в честь твоего дня рождения внезапный гром и молния! Один удар. Первая гроза. Я пришла в большую радость, перекрестилась и вся покраснела, не знаю, что меня взволновало. Дети и девушки тоже перекрестились и все были счастливы. Счастливы! да, даже бедная и совершенно героичная Олечка. Моя бедная <?>

деточка! Прилагаю письмо⁸. Всё решено им, и Оля во всей силе и буквально приняла мои слова: «Оля, одно только не думай: не воображай себе, что *это несчастье, нет*, это *не* несчастье. Иные бывают истинные несчастья. Это неприятность, это горе даже. Но горе, которое так часто случается и так естественно. Расстроившаяся первая любовь! Разве можно прожить без этого. Разве уж это так важно! Ты молода, красива, полна сил и мысли. Иди, живи вновь, люби вновь, будь вся горячая, добрая, честная и, быть может, найдешь счастье и, во всяком случае, немало радости. Вся жизнь, вся впереди!» И вот сегодня был первый урок постановки голоса. Очень мне было это интересно. А она вся в волнении и радости. Она обожает музыку. В тяжелые периоды жизни, когда то, чем всё сердце наполнилось, вдруг оказалось прахом, музыка наполняет пустоту и помогает перенести потерю. Так было со мной. Я думаю вскоре (т.е. вопрос месяцев) отправить ее в Россию. Она мечтает, кроме иного серьезного дела (вероятно, портняжного), устроиться петь в хорах. Кажется, это можно за маленькое вознаграждение в маленьких театрах. Я хочу написать брату, чтобы узнать, насколько он близок с Направником⁹ и не может ли он попросить, чтобы Олю приняли в оперный хор. Тогда ее карьера была бы сделана. Но, конечно, это всё не серьезно пока, и я стараюсь держать ее очень трезво, но издали поманивать, больше для отвлечения боли, вроде горчичника. Бедняжка, ужасно жутко мне чувствовать эту живую, больную горем душу так всецело в моих руках и, мне кажется, я могу ее во все стороны, как воск, modeller¹⁰, конечно, лишь в стороны *добра*, потому что она по сущности своей прекрасная душа. Вот по поводу души и добра. Вчера история. Вызов до завтрака Маруси в школу для переговоров о Лидии. Оказывается: третьего дня после школы за упрямство Лидии дан с собой домой рисунок ее, в школе недорисованный. Шла Лидия вдвоем с маленько<й> (лет 7-и) Hildá (всегда водит ее). Домой тогда пришла как ни в чем не бывало и еще (как выяснилось вчера) солгала по приходе, то учительница ее задержала в школе (с полчаса в углу в наказание) из-за дождя. Ну дальше: итак, вчера же оказалось, что штрафной рисунок, данный Лидии и не дошедший до меня (на нем была написана жалоба) был разорван и прах его развеян в роще Paracelsia, или на лугу, или затерт в колею (три дивверсии <так!>). Кто разорвал? В школе просят добиться правды, чтобы знать, доверять ли Hildá вообще. Так же Лидия с видом самой истины рассказывает Марусе со всеми подробностями....

Письмо уйдет так. *Дашкович* здесь!! Девушки идут на концерт и бал. Оля написала отказ Эрнесто «*сшибающий*» по глубине и красоте <?>.

Целую, до завтра. Лидия.

Конверт с адресом, написанным рукой М.М. Замятниной. Женевский штемпель 2.III.02. Афинский штемпель отсутствует.

¹ С тобой. Ср. п. 439.

² «The Messiah» — оратория Георга Фридриха Генделя, написанная в 1741 г. на английский текст Charles'a Jennens'a. Специальная статья об истории этой оратории была опубликована в «Journal de Genève» 27 февраля. В том же номере газеты говорилось, что дирижером будет Otto Barblan (1860—1943), органист, профессор Женевской консерватории. 1 марта в той же газете появилось объявление о том, что концерт состоится в 8 часов вечера в Victoria Hall.

³ П. 434 и 437.

⁴ П. 435. Л.Д. ошибается в перечислении писем в их отнесении к дням недели.

⁵ Имеется в виду п. 438.

⁶ Убивания времени (*фр.*).

⁷ Покорения (*фр.*). Зиновьева-Аннибал пишет с ошибкой, следует — ascension.

⁸ Письмо Э. Басси от 26 февраля см.: РГБ. Ф. 109. Карт. 12. Ед. хр. 9.

⁹ Эдуард Францевич Направник (1839—1916), известный дирижер и композитор.

¹⁰ Лепить (*фр.*).

442. Иванов — Зиновьевой-Аннибал 17—18 февраля / 2—3 марта 1902. Афины

День 78.

Воскр. 2.III / 17.II

9 ½ в.

Любимая Радость, вчера я размышлял в постели о том, что [когда] в день рождения дорогие вспоминаются особенно, — когда вернулись супруги Гónимы и принесли мне твою телеграмму милую¹, осветившую и согревшую меня до полноты счастья: итак, твои духи не обманули меня — ты была *со мной!* — Сегодня праздную. Почему-то так вышло. Был у обедни. Заходил в музык<альный> магазин, где судьба моего заказа еще не решилась. Позавтракал у Леонардо, который сообщил мне, что исполнилось 14-летие его пребывания в Афинах и вместе служения в «Гермесе»². Вздремнув дома, к 3 часам был на Синтагме³, чтобы видеть карнавал, о котором здесь много говорят. Площадь и соседние улицы были полны, публика занимала и построенные нарочно трибуны, и окна домов, и балконы отелей — но видеть было нечего. Едва дождались двух плохих колесниц.

Были, конечно, конфетти, «пьероты» (как их здесь зовут), маски — но все скудно. Потеряв терпение, я вернулся домой и в голову пошли дифирамбы⁴! Праздновал весенние Дионисии!.. Так, Радость, исполнилось вчера 77 дней — продолжительность моей болезни и для меня некоторого рода мера времени... С удовольствием вспоминаю вчерашний фейерверк. Фейерверки принадлежат к радужным [снам-] воспоминаниям или сновидениям моего детства, и ты их так любишь, мне помнятся твои восторги в Анцио: я тоже теперь, как в детстве, стал страстно любить эти огненные грезы. Как высоко взлетали вчера ракеты, какие пальмы выросли где-то в небе, какие яблоки Гесперид⁵ сыпались и слепили, и каким грандиозным многоогненным финалом все завершилось!

День 79. *7 1/2 веч<ера>* *3.III / 18.II*

Милая Радость, только с полчаса тому назад вернулся из Пирея. Я не думал, что там так интересно и красиво. Познакомился еще с момента отправления из Афин с соотечественницей, графиней Капнист⁶; много беседовал с ней, ехал для компании в 1-м классе, говорил по-английски (тоже для компании), таскал ее накидку и наконец пил с ней tête-à-tête оршад⁷ по возвращении на ὄδοσ Σταδίου⁸! В Пирее Дерпф<ельд> катал нас на лодках! Сейчас буду ужинать. Потом урок Россидиса. Потому не распространяюсь сегодня. Напиши *семейн<ые> праздники*. Гимн тебе списан, и магазин пошлет его сегодня. Ноты для пения есть, но нет слов. Сама выдумай, как уже начала: «Встань, Румын, идут враги!», или лучше; серьезно, дионисическое... Целую и благодарю Радость и Жизнь и Друга-Лилю. В.

Конверт со штемпелями: ΑΘΗΝΑΙ. 19 ΦΕΒΡ. 1902 — Genève. 8.III.02.

¹ П. 439.

² Ресторан, где Ивановы часто питались. См. подробнее в «Интермедии (III)».

³ Площадь в центре Афин.

⁴ В «Кормчих звездах» есть раздел «Evia», состоящий по преимуществу из стихотворений, написанных в форме русских аналогов античного дифирамба. Обсуждение двух из этих дифирамбов см. ниже, п. 446 и 448.

⁵ В разных вариантах мифа — дочери Атланта или богини Никты. Охраняли сад богов с золотыми яблоками, подаренными Геей Гере к ее свадьбе с Зевсом.

⁶ См. ниже, п. 459 и 463.

⁷ Один на один апельсиновый напиток (*фр.*). Точное написание второго слова — оранжад (от *фр.* orangeade).

⁸ Улицу Стадиона (*греч.*).

443. Зиновьева-Аннибал — Иванову
18 февраля / 3 марта 1902. Женева

Понед. 3 Марта. 02.

Годовой день нашего отъезда из Женевы. — 10 ½ утра. Сена Маруся читает газету у откр<ытого> окна. Весна. Почки зеленеют. Оля оправляет мою постель. Мила, бодрa, естественна. Только что отослала письмо Эрнесто. Я считаю его таким прекрасным, si beau¹, и таким русским, что спишу его тебе². Вчера я начала постановку голоса ее. Мне страшно интересны эти уроки. *Кажется*, я могу быть хорошей учительницей, специально по постановке голоса. Умею объяснить и всё услышать. Дотя, я лучше начну с прерванного. Всё сказать, всё, чем богата душевная моя жизнь, отчаяваюсь <так!>. Надо жить вместе. Итак. Еще в школе Лидия сказала Марусе: «Я дала Hilda рисунок и просила ее прочитать, что там написано. А она смяла, потом разорвала, потом положила в канавку, где течет вода и едут колеса, потом сказала: “Non, ici la maîtresse pourra voir”³, и бросила в лес, и мне сказала: “Faut pas dire à ta maman. Elle va se fâcher!”⁴ Я сказала: “C’est bien, je ne va pas dire”⁵. Итак, вот рассказ и еще прибавка: «Я не лгу, Марусенька, я правду говорю. Вы можете мне верить» — и большие умные светлые глаза глядят. Учительница просила дома еще разобрать. Билась я долго, перекрещивая вопросы. Лидия твердо стоит на своем рассказе и мотивирует поступок Hilda жалостью к ней. Светлы большие глаза, светлы, и тверды, и непроницаемы. Приходит за нею в час Hilda Иду к той, говорю отдельно. «Ecouite Hilda, je te promet de ne rien tu faire, de ne rien dire à la Maîtresse, de t’aimer beaucoup si tu me dis la vérité. Je sais que tu a plaint Lydia et ne voulais pas la faire gronder. Tu as bon coeur, mais il faut que avons la vérité!»⁶ Ничего. Глядит хорошенькое, маленькое личико с темными красивыми глазками un peu humides de larmes⁷ и говорит тихий голосок: «Lydia a déchiré le papier et l’a jeté au champs et elle m’a dit: “faut pas dire à ma maman”, et moi j’en dit: “oui, je dirai!” et elle m’a dit: “alors toi méchante. Moi dirai à ma maman toi ne voudra plus me chercher!”»⁸ (Вечная угроза этой маленькой распорядительницы). Сделал<а> очную ставку. Темные глазки маленькой, белолицей Hilda прямо глядят на Лидию, прямо и настойчиво и твердо повторяет тихий голосок те же слова. Велю Лидии глядеть в лице Hilda, и та повторяет свое, но глаза бегают. Я говорю: «Зачем ты сказала, что Hilda не будет

больше приходиться за тобой?» Долгое молчание, работа мысли облачками проходит по лбу большому с тонкой кожей. А глаза светлые, большие глядят чуждо и непроницаемо. Наконец: «Я не сказала так!» Я говорю: «Кому я могу верить? *L'une de vous ment, l'autre dit vrai. Je ne peut savoir qui ment. Vous ne voulez pas me le dire. C'est Dieu seul qui le sait et votre conscience. C'est triste. C'est bien triste. Jamais je ne pourrai savoir!*»⁹. Лидия вздрагивает судорожно. Пятит губы, слезы выступает <так!>, начинает плакать. «Отчего плачешь?» Hilda смотрит на нее с мучительным, волнующ<им> меня вниманием, как бы поглощает странным взглядом темных детских глазок, вся нагнулась к ней. «Отчего плачешь?» «Боюсь, ты меня накажешь!» Я повторяю торжественное обещание не наказывать, не выдавать в школе. Простить. Полюбить вдвойне за правду. Обращаюсь к Hilda. Трогаю ее грудь и говорю: «*Ici, ta conscience ne te fait pas souffrir? Ecoute. Si tu l'a fait, dis le moi. Je te supplie. Si tu mens, je ne le saurais jamais, mais Dieu le sait et ta conscience, ici. Et c'est un grand pêché. Tu ne l'oubliera jamais. Tu en sera malheureuse!*»¹⁰ Слезы внезапные, обильные, и едва слышный лепет: «*Je l'ai déchiré un tout petit peu, j'ai commence à le déchirer*». «*Et toi, Lydia, tu lui a aidé?*» — «*Oui*». — «*Alors, vous avez déchiré le papier toutes les deux*»¹¹. Подтверждают обе! Я говорю Hilda: «*Pour cette fois je t'ai promis de ne pas te faire punir. Et bien, tu ne sera pas puni. Mais dis moi, ma petite, est-ce que ici rien ne t'a fait mal pendant que tu mentait?*»¹². Тихо «*Oui*». «*Et bien, sâche qu'une autre fois tu dois toujours dire la vérité. Tu peux me croire si on te bat, si on te puni, si on te fais souffrir, pourtant tu sera moins malheureuse que si tu mentait et ton coeur ici te faisait mal*»¹³. Ну, словом, в этом роде. Светла их обеих в школу, так как Hilda страшно боялась и всё плакала. Учительнице сказала: «*Vous me permettez de ne pas vous dire le secret que j'ai promis avec enfants, quant à Hildá c'est une enfant honête <sic!> et elle dit la vérité. Vous pouvez croire à sa parole...*»¹⁴ — словом, в этом роде.

7 ½ веч. Зала университета. Ожидание лекции Münz'a¹⁵. Их будет три. Очень я разочаровалась всё-таки в публичных лекциях, и, боюсь, ничего не будет нового, боюсь, не будет того слова освещающего <так!>, иногда вдохновляющего, из-за которого стоит приходиться и слушать, несмотря на большую усталость. Да, я очень устала. Так выходит всё, что не взяты за работу, давно не было тихого дня с пером в руке. И когда еще будет! Посуди: еще 2 лекции Münz'a, затем <?> лекции Sébastian Faur'a¹⁶, который,

говорят, великий оратор. 1 лекция *Dieu*, 2-ая *L'Homme*, 3-я *La Femme*, 4-я *l'Enfant*¹⁷. Госп<оди>, <?> какая скука писать. Но, думаю, на первую пойду, забавно послушать, как это болтун будет перед толпой дураков в час времени уничтожать Бога. Вот еще отчего устала: сегодня с 11 ½ Адя была. Вместе с 2—4 сидели с ней у дедушки и кричали. Старик тревожит меня: нерв ноги болен. Сегодня боль перешла на вторую ногу. Но о докторе, сколько ни кричали ему, не хочет слушать. Лежит в постели, потемнел весь. Завтра или послезавтра заставлю его согласиться, если не будет улучшения. Вчера провела *очень приятный* вечер с Дашковичем. Человек глубокий, много про себя думавший, много про себя страдавший. И давно не говорила так интересно, так от всей души с таким учтивым, культурным, внимательным и свое имеющим собеседником. Я и пела ему немножко попросту. Он обладает вполне светскими формами <?>, носит корректную одежду, полон такта и простоты, гармоничен. Словом, Ал<ександра> Ва<с<ильевна>, право. И он имел, очевидно, теплое и симпатичное впечатление нашего дома. Ты будешь им *очень* доволен. Дотя, довольно. Письма сегодня не было от Четверга¹⁸. Целую, обожаю, мое солнышко. Лидия.

¹ Таким прекрасным (*фр.*).

² Переписанное письмо О. Никитиной приложено к данному.

Caro Ernesto, io ho ricevuta il tuo bigliettino. Primo cosa io voglio dire come sono non bimba, basta iscrivere me sempre bimba bimba, io sono la donna con forte carrattera, E<rnesto>, ora senti! il questo denaro quale io aveva spedisce per te, sono miei, non é la padrona, proprii la miei fatiche per quale bisogno travagliare 45 giorni. Io non ho pui nessuno solda per dare ancora a tua famiglia per la tuo malato babbo e per tutto la tua famiglia. O no, questo troppo. Tu siete dishonesto, per te non bastanza 40 lire e tu preso al questo lire cosi facile? E non pensa a sua Olga come per lei deficile guadagnare e domanda ancora col corraggio, padrona! Cosa tu penso a mia padrona, lei siete molto gentile basta lei come permesso tu entrare a casa di lei. E ora tu avete capito io credo quale tu fate <?> al mio cuore grande e profondo piaga... e tutto cioe me fate aprire il tuo cuore freddo egoistico, tu non manio <?> tu amo, il donaro tu ama il tuo babbo e tuoi sorelli e fratelli e vivi con fortuna con tuo famiglia allora, io sono per te non costa niente, forse io e costa per te quando io ho il donaro, allora tu voglio prendere me comà un moglie solo per questo e Amore Santo e chiare tu non hai verso di me. Allora senti. Io ti prego prendere il denero questi quale tu perduto per cercare il suo passiporto, e altri denaro io ti prego ritornare a me e ancora io ti prego ritornare il mio croce col catenella spedire a posta e ultima la mia preghiera e questa, non bisogna iscrivere me nessuna parola basta, andato via tutto. Io so il tuo chiaro cuore bastanza per me il questo chiarrezza. Quando tu ritorni tutto cioe cosa io prego allora posso contare come tu siete non proprio napollitano.

Olga.

Ho mai vista come un giovino homo preso il denaro a sua povera fidanzata o pure meglio dire tu voglio suggerere la mia sangua.

Перевод:

Дорогой Эрнесто,

Я получила твою открытку. Первое, что я хочу сказать, — я не дитя, хватит писать мне всегда: «Дитя, дитя!», я — женщина с твердым характером, Э<рнесто>, слушай! Деньги, которые я послала для тебя, — мои, не моей хозяйки; мне надо было проработать 45 дней за них. У меня нет больше денег, чтобы дать еще твоей семье, твоему больному папе, или всей твоей семье. О нет, это слишком. Ты нечестен, тебе не хватает 40 лир и ты берешь эти лиры так просто? И ты не думаешь о том, как трудно твоей Ольге заработать эти деньги, и ты еще смело просишь у хозяйки! Так ты думаешь о моей хозяйке, она очень любезна, до того, что позволяет тебе войти в свой дом. И сейчас ты понял, мне кажется, что ты делаешь сильно и глубоко ранишь мое сердце... и все это показывает твоё холодное эгоистическое сердце, ты любишь не меня, ты любишь деньги, ты любишь твоего папу и твоих сестер и братьев, — так живи счастливо со своей семьей теперь, я же ничего не стою для тебя. Может быть, я чего-то для тебя стою, когда у меня есть деньги, — тогда ты хочешь взять меня в жены только поэтому. Ясно, что у тебя нет ко мне Святой Любви. Теперь слушай. Я прошу тебя взять те деньги, которые ты потратил на паспорт, и вернуть мне остальные. Я также прошу тебя вернуть мне по почте мой крест с цепочкой, и последняя моя просьба — не надо писать мне больше ни слова, хватит, пошел вон. Знаю, что твоё сердце вполне ясно для меня. Когда ты вернешь мне все, что я прошу, тогда я смогу считать, что ты не совсем неаполитанец.

Ольга.

Никогда не видела, чтобы молодой человек брал деньги у своей бедной невесты или, лучше сказать, ты хочешь сосать мою кровь.

³ Нет, здесь учительница может увидеть (*фр.*)

⁴ Не надо говорить твоей маме. Она будет сердиться (*фр.*)

⁵ Хорошо, я не скажу (*фр.*)

⁶ Послушай, Хильда, я тебе обещаю ничего тебе не делать, ничего не говорить Учительнице, очень тебя любить, если ты мне скажешь правду. Я знаю, что ты пожалела Лидию и я не хочу ругать ее. У тебя доброе сердце, но нужно, чтобы мы знали правду! (*фр.*)

⁷ Немного увлажненными слезами (*фр.*)

⁸ Лидия разорвала бумагу и бросила ее в поле и сказала мне: «Не надо говорить моей маме», а я ей сказала: «Да, я скажу», а она мне сказала: «Тогда ты злая. Я скажу маме, чтобы ты больше не заходила за мной!» (*фр.*)

⁹ Одна из вас лжет, другая говорит правду. Я не могу знать, кто врет. Вы не хотите мне сказать. Один Господь Бог знает это, и ваше сознание. Это печально. Это очень печально. Никогда я не смогу узнать! (*фр.*)

¹⁰ Вот здесь, твоё сознание не заставляет тебя страдать? Слушай. Если ты это сделала, скажи мне. Я тебя умоляю. Если ты лжешь, я никогда этого не узнаю, но будут знать Бог и твоё сознание, вот здесь. И это большой грех. Ты никогда его не забудешь. От этого ты будешь несчастна! (*фр.*)

¹¹ «Я ее разорвала совсем немного, я начала ее рвать». — «А ты, Лидия, ты ей помогла?» — «Да». — «Значит, вы обе разорвали бумагу?» (*фр.*)

¹² Хильде: «На этот раз я тебе пообещала, что тебя не будут наказывать. И хорошо, тебя не накажут. Но скажи мне, малышка, у тебя вот здесь ничего не болело, когда ты лгала мне?» (*фр.*)

¹³ «Да». — «Ну хорошо, знай, что в другой раз ты всегда должна говорить правду. Ты можешь мне верить, если тебя побьют, если тебя накажут, если тебя заставят

страдать, ты будешь не такой несчастной, как когда ты лгала мне и твое сердце вот здесь болело!» (фр.)

¹⁴ «Вы мне разрешите не раскрывать вам секрета, что я обещала детям, а Хильда — честное дитя и она сказала правду. Вы можете верить ее словам...» (фр.)

¹⁵ Eugène Müntz (1845—1902) — историк искусства, член Французского института, читал три лекции в Женевском университете: «L'Action sociale de l'art» («Общественная деятельность искусства», 3 марта), «L'art et le protestantisme dans le passé» («Искусство и протестантизм в прошлом», 4 марта), «L'art et le protestantisme dans la société moderne» («Искусство и протестантизм в современном обществе», 6 марта). Представляя эти лекции, газета «Journal de Genève» писала: «Нам в особенности будет интересно услышать суждение историка творчества Рафаэля и Леонардо да Винчи о *протестантском искусстве* и в особенности о будущем этого искусства» (3 марта 1902).

¹⁶ Себастьян (Зиновьева-Аннибал неточно пишет его имя) Фор (1858—1942), французский педагог, теоретик анархизма.

¹⁷ Бог... Человек... Женщина... Ребенок (фр.).

¹⁸ Речь идет о п. 438.

444. Иванов — Зиновьевой-Аннибал 20 февраля / 5 марта 1902. Женева

День 81.

Среда

В последнюю минуту на почте. Сегодня напишу много, дорогая Радость. Вчерашний день: лекция на Акрополе (Шрадер); лекция эпиграфическая; Россидис; твое письмо и картолины Сережи; память матери. Бегу устраивать книги к Беку: отдать в упаковку книги Стребулаева и взять свои.

До свидания. Целую. В.

Открытка. Штемпели: ΑΘΗΝΑΙ. 20 ΦΕΒΡ. 1902 — Genève. 9.III.02.

445. Иванов — Зиновьевой-Аннибал 20 февраля / 5 марта 1902. Афины

День 81.

Среда. 5.III / 20.II

Радость! Был на заседании (предпоследнем) Института. Реферировали Вильгельм и Дерпфельд (два лица, а не одно — В. Д. — раздвоенное, — хотя его хватило бы и на двух!) — оба, конечно, интересно, — второй о Трое, именно той из многих найденных Трой, которая соответствует Гомеру². Дерпф<ельд> уезжает на Левкаду, но меньше чем через 2 недели будет опять здесь.

Что можно совершить в десяток дней? очевидно, героям все возможно. Все действие Илиады обнимает лишь несколько дней. Правда, до этого Греки стояли под Троей *десять* [дней] лет. Если бы в их лагере был столь конгениальный мне Острога, он бы написал за это время целый романс... Кстати, об Остроге. [При данном положении дел] При твоём *убеждении* в его *оригинальном* таланте, едва ли не обязанность нравственная ложится на тебя (*die wohlhabende und mitstrebende*³) помочь ему, *так* или *иначе*, в издании его композиций. Пишу это, потому что ты как будто молчаливо спрашиваешь моего об этом мнения. Но раз есть как бы нравственный *долг*, излишне выражение мнений. Я же ничего *советовать* здесь не могу, не зная ни его лично, ни его композиций (которые, впрочем, если бы и знал, не решился бы судить), ни интимной, деликатной стороны дела. Во всяком случае, нужно прежде всего установить, желает ли он действительно издания и также желает ли посторонней поддержки. О моем стихотворении: почему же не дала текст, если раз показала⁴? Я бы скорее имел *scrupule*⁵ показать. Но несколько не пеняю; напротив, очень рад и польщен. И притом — *скромно* прибавлю — совершенно согласен с «Феликсом» (*F. M.* я читаю: Félix Marie, — красив этот обычай католиков, хотя, по-католически, как-то галантно-изыскан, — посвящать мальчиков Марии, [давая им] прибавляя к их именам ее имя): «Голос Моря» — тема симфонии. Судебное дело о *pointe d'aïl*⁶ очень забавно <?>. — «*Столько*» об Остроге! — Ты с ним носишься, а я с Россидисом. Вчера усиленно отговаривал его (и Фотини помогала) от манящей его адвокатуры. Ну, какой он кляузник и пронира! Довольно взглянуть на него: наивный идеалист. Наивен и во всех своих планах. Для адвокатуры он обладает, по его уверению, красноречием. А сам говорит глухо и невнятно. Очевидно, риторический пыл и стилистический конек южанина он принимает за красноречие. К наукам у него нет, по его словам, способности. Адвокатурой он в несколько лет наживется, так чтобы бросить немилый заработок и, вернувшись в Афины, предаться — литературе. *Hier liegt der Hund begraben*⁷. Перед нами — поэт! Я ему проповедовал: к адвокатуре он неспособен и будет чувствительно голодать; так как место гимназического учителя на Кипре, по его словам, обеспечено, то ему нужно готовиться в учителя; литература хорошее дело, но нужно прежде всего серьезно поучиться [и «обеспечить себя»] и достать положение прочное. И медицина, и математика ему трудны. А на

Кипре из 12 гимназических кафедр только 3 заняты Киприотами. Кроме того, есть надежда на стипендию для изучения педагогики (вместе с философией, психологией) сначала в Афинах, потом, он говорит, — в Швейцарии или Германии. Мне мерещится план достать его в Женеву (на место Франсиска⁸⁾), чтобы он там учился в университете и у нас жил для языка. Кончает гимназию он в Июле, и с Сентября поступает в университет.

Сегодня у него жар, и он не мог заниматься. Я угощал его хинином и пр., но он попросил только несколько папиросок на ночь. Здесь распространена корь, а в других частях Греции сильна и опасна оспа. — Книги в Яффу отправлены, теперь только написать письмо⁹. — Сегодня сделался счастливым обладателем Jane Harrison (только не en personne, ma foi!!¹⁰) и других прекрасных книг! — Размышлял о смехе. Со свойственной мне в доисторических изысканиях кровожадностью, я чую в его происхождении кровь: именно потеху боя. Ученые ломали себе голову, почему падение человека — смешно. Это — атавизм радования на падение в бою. Зелинский — с необычайной, мне кажется, меткостью взгляда — заметил в своей книге о греческой комедии, что ее жизненный нерв * — борьба, драка¹¹. Я думаю, что комедия первоначально — потешный бой, что, как трагедия возникала из преследования и убийства человеческой жертвы, так комедия — из боя (на смерть) обреченных между собой. Вообще у меня очень далекие мысли: письмо все стерпит, и непечатная бумага не краснеет. Поражает меня содержание Илиады: это — трагедия, в эпической форме! Трагедия — до трагедии!! — И вот я говорю себе: нет, трагедия — до Илиады! Трагедия древнее Гомера!! Трагический пафос, чувство и радость трагического, трагическое мирозерцание были достоянием Греков до Гомера!! Voilà des «coups d'oeil vertigineux»¹².... Радость, целую тебя, как люблю и желаю. Твой Orasempre

Написал бы здесь новый дифирамб, но он еще не на бумаге. Когда же [напишу] сообщу тебе [мой] наконец заключительный цикл «К<ормчих> Звезд», который уже кончаю!....¹³

В дифир<амбе> о Наполеоне, после слов: «И краем бездн ведомый шел тропой верной», должно вставить: «Стопою легкой || шел по змеям || Эринний спящих»¹⁴.

Твой Вяч.

* Первоначально: ее нерв и содержание.

Милая остроумная девушка, Miss Tupper! Сережа выдержал, но *худовато*.. Я не обольщаюсь, как Paton, относительно его знаний.

Кстати (— — почему *кстати?*), что же ты не ответила мне о талисмане: цел ли он и в чести ли? — И когда же ты наконец устроишь древности <?>?¹⁵

¹ Уже не в первый раз используемая Ивановым игра на совпадении имен и фамилий: Вильгельм Дерпфельд и Адольф Вильгельм.

² В «Mitteilungen des kaiserlich deutschen archaeologischen Instituts: Athenische Abteilung» (Bd. XXVI, 1901. S. 428) числятся два доклада, прочитанных 5 марта 1902: A. Wilhelm: «Inschriften aus Athen», W. Dörpfeld: «Troja in der Wirklichkeit und bei Homer», т.е. «Надписи из Афин» и «Троя в действительности и у Гомера».

³ Состоятельную и стремящуюся в том же направлении (нем.).

⁴ Речь идет о том, что Зиновьева-Аннибал после некоторых сомнений показала (но не дала списать) Ф. Остроге стихотворение Иванова «Голос моря» (см. п. 436).

⁵ Колебания, сомнения (фр.).

⁶ Зубчик чеснока (фр.).

⁷ Вот где собака зарыта (нем.).

⁸ Неизвестное лицо.

⁹ О чем идет речь, нам неизвестно. Возможно, это как-то связано с упоминанием книг в предыдущем письме.

¹⁰ Ее самой, клянусь честью!! (фр.) Речь идет о книге Джейн Харрисон «Мифология и памятники древних Афин», упомянутой в п. 440.

¹¹ Речь идет о диссертационной работе Ф.Ф. Зелинского «Die Gliederung der altattischen Komödie». Leipzig, 1885. Фаддей Францевич Зелинский (1859—1944), историк культуры, филолог-классик, переводчик (работал в Петербурге и Варшаве). См. подробнее: Тахо-Годи Елена. «Две судьбы недаром свяжут видимая нить»: Письма Ф. Зелинского к Вяч. Иванову // Archivio Italo-Russo II / A cura di D. Rizzi e A. Shishkin; Русско-итальянский архив II / Составители Д. Рицци и А. Шишкин. Salerno, 2002. С. 181—276; Она же. Пять писем Ф.Ф. Зелинского к Вяч. Иванову // Вячеслав Иванов: Творчество и судьба. М., 2002. С. 227—243 (а также другие материалы, собранные в этой книге).

¹² Вот они, «взгляды, от которых кружится голова» (фр.).

¹³ См. об этом п. 385 и п. 401, прим. 10.

¹⁴ Имеется в виду дифирамб «Наполеон» (СС I, 891). В печатном тексте вместо «Стопою легкой» читается «Тропою легкой». См. о нем также далее (п. 448, особенно прим. 12).

¹⁵ Если слово прочитано нами верно, то речь идет о небольшой коллекции греческих древностей, привезенной Зиновьевой-Аннибал с собою в Женеву.

446. Иванов — Зиновьевой-Аннибал 21—22 февраля / 6—7 марта 1902. Афины

День 82

6.III / 21.II

9 веч.

Дорогая Радость, пробежал только что письмо твое милое¹.
Что же это такое? Эрнесто отказался *приехать?* или *совсем от-*

казался? Нет, п<отому> ч<то> Оля пишет отказ. Я думаю, он будет тянуть и попросит прощения или приедет. Финала все нет; а было бы легче кончить! Ты забыла приложить письмо Эрнесто². — Письмо твое дышит любовью, я счастлив тобой. В Грецию тебе приехать следует; кто знает, когда еще соберемся. Бог даст, бодро посмотрим все, что нужно, и вынесем много добра. Да притом и Гревс с его юношами... (Уверен, впрочем, что пристанет и девица или две³). Я нетерпелив узнать, что ты напишешь о новой песни вечной (как Гомер) Гревсиады...⁴ Сегодня, Радость, утром — Вильгельм, в 5 ч<асов> Россидис. Нюанс настроения — дифирамбный...

День 83.

7.III / 22.II

9 веч.

Лиля возлюбленная, письмеца ожидаемого не было! Был утром в Институте, недолго. В 6 ч<асов> был урок Россидиса. Беседовали о Викторе Гюго, потом переводили «Скупца»⁵. Долгая беседа с Фотини вечером также равнялась уроку. Прилагаю вчерашнее стихотворение, сегодня исправленное⁶. Очень неуверен за него. Напиши, так же ли оно умно сделало, что родилось, как я сам, которого за это похвалили; я же, право, не знаю⁷. Это не тот «дифирамб, что еще не на бумаге»⁸, и вовсе не из «заклчительного цикла»⁹, который так важно заставляет себя [дождаться] ждаты. — Твоим сетованиям, что «l'Infini n'est pas prouvé»¹⁰, — есть у меня большое утешение. Не так важно, прервется ли или нет астральной случайностью бег по параболе, как то, что парабола — природа некоторых небесных тел, что они созданы с нею, для нее, что она — их воля. Бесконечность столько же их постулат, как и постулат человеческого духа. Если она не ощущается им, это — мировая трагика!¹¹ — Отчего ты не воспользовалась лучше случаем понаблюдать толстовцев, не понабралась материалу от Бирюкова? — У Толстого, пишут, рак. Опять врут? Но это пугает. Пугает мысль об Иване Ильиче¹². — До воскресной Messengeris, Лиля! Я рад, что ты бодрa, предприимчива, оживлена, подвижна; я буду стараться тебе подражать. Целую. Твой Вячеслав.

Не испортить наши белые полы¹³. Мне нравится hall как есть! Марусю очень поблагодари за ее дорогое и интересное письмо. Писать поздно <?> не могу. Целую ее и детей. Привет О.Ф.

Конверт с неразборчивым афинским штемпелем. Женевский — 10.III.02.

¹ П. 441.

² И в дальнейших письмах этой копии не обнаруживается.

³ И. М. Гревс собирался на экскурсию в Грецию с учениками Тенишевского училища, где было совместное обучение.

⁴ Речь идет о письме И. М. Гревса от 1/14 февраля (см. п. 437). Зиновьева-Аннибал пишет о нем в п. 447.

⁵ Комедия Мольера, упомянутая выше под названием «Скупой» (1668).

⁶ Упомянутое стихотворение среди писем не сохранилось. Однако 27 февраля / 12 марта 1902 г. (письмо начато 26 февраля / 11 марта) Иванову писала М. М. Замятнина: «Только что прочла ваш чудный стих “возрождение мира” и вся им захвачена, вся дрожу, я еще не могу его объяснить, т. е. определить точными словами его философию, по своей непроходной глупости, но “бессознательно” сознаю, чувствую, чую и полна им. И выражено-то к<а>к, ведь слова не выкинешь. Пан возродился в гармонии мира. И “гора звучит созвучно небесам, и в очи смотрит милостное солнце”. И до чего хорош слог ваш, русский, “тут русский дух, тут Русью пахнет”. Пан возрожденный русским духом. Очевидно, это должно быть “омегой” вашего сборника. “Звезды гаснут. Край небес светлеет”. “В очи смотрит милостное солнце...” — Дионис — Христос» (РГБ. Ф. 109. Карт. 19. Ед. хр. 14. Л. 51 об.). Таким образом, становится ясно, что речь идет о стихотворении «Гость» (I, 705—706), завершающем «Кормчие звезды». См. также п. 453 и 457.

⁷ Иванов имеет в виду, что стихотворение было написано вскоре после его дня рождения (16 февраля / 1 марта). Ср. в п. 441: «Дотик родился! Поздравляю Дотика, он умно сделал, что родился».

⁸ Цитата из п. 445.

⁹ Цитата из того же письма. Речь идет о заключительном цикле к книге «Кормчие звезды».

¹⁰ Бесконечность не доказана (*фр.*). См. п. 436.

¹¹ Иванов реагирует на беседу Зиновьевой-Аннибал с С. Н. Жуковским, пересказанную ей в п. 436.

¹² Герой повести Л. Н. Толстого «Смерть Ивана Ильича» (1886), умирающий от рака.

¹³ Ср. извещение Зиновьевой-Аннибал о том, что она перекрасила пол в гостиной (п. 436).

447. Зиновьева-Аннибал — Иванову 19—21 февраля / 4—7 марта 1902. Женева

79-й д<ень> м<ужества>. 12 ч<асов> ночи. На постели одетая. С лекции du plus fichu charlatan¹, какого я когда-либо видела. Еще в каблуке корнуольского железом обитого сапога зуд, но искренний сердечный<й> зуд пробить эту гадкую улыбающуюся фальшиво на извивистом теле голову, чтобы гадкие розоватые мозги текли по грязной мостовой. Каналья, Ракалья, Гадина. Подлец. И толпа жадных до истины и abrutis travailleurs², подхватывающая с умиляющим сердце до трагического отчаяния слепым энтузиазмом известие о том, что Бог величайший и первейший

мерзавец, а они истлеют в могиле без следа. Трагедия, достойная лицемерия математика Мишки³. Иду спать.

Цел<ую>.

80-й д<ень> м<ужества>. Среда 5 Марта. 1 ½ дня. Сена. Славенька, получила оба письма: от Пятницы и от Четверга с письмом Гревса, но без письма из Харькова, которое меня очень интересует⁴. Письмо Гревса очень порадовало меня. Как тепло читать всё это, он с таким глубоким уважением и любовью говорит о тебе. И каким он симпатичным и достойным сам выступает. Что касается его проекта приехать в Афины, как ты отнесся к нему? т.е. к своему оставанию в Греции. Вероятно, это решает вопрос, и я приеду к Маю в Афины. Неправда ли? Только жаркое время им будет для путешествий! Ну вот, Дотинька, какую ты мне обиду написал: значит, я настолько же геньальна по сравнению с Нитше, поскольку ты глуп по сравнению с Костровиным⁵. Merci, Monsieur. Bien obligée⁶. Дотя, ты пишешь бодрые, хорошие письма. Я очень радуюсь твоим урокам, только я очень соскучилась по тебе. Я боюсь об этом думать, у меня тогда кружится голова и я отталкиваю мысль как слишком тяжелую и пока безнадежную. Дотя, какой ужас вчерашний вечер! Какой мрачный кошмар! Этот мерзавец, льстивый демагог, с легким сердцем приподносящий <так!> как свое вечные вопросы человечества (как свобода воли, бесконечная делимость и т.д.) и грубыми диалектическими примерами строя силлогизмы, выводит из них ложь. Словом, писать <так!> не могу всего глубокого презрения, негодования, отчаяния, охватившего меня при виде этой огромной толпы, наводнившей Виктория-hall и как буря ревевшей свои восторги «червю». Ну Бог с ним, ты сам увидишь, из compte rendu⁷ моего.

81 д<ень> м<ужества>. Четверг. 6 ч<асов> урок музыки. Костя учится при всегдашних добродушных encouragements⁸ Остроги. Он очаровательный учитель, cela c'est certain⁹. О, если бы у меня в детстве был такой добрый и интеллигентный учитель, я лучше бы могла играть теперь и не чувствовала себя столь несчастной перед роялем. Дотя, сокровище, я уже совсем отчаялась сказать тебе, te dire¹⁰ мою жизнь. Нелзя: она слишком сложна, вернее, слишком богата. Наприм<ер>, только что между чаем и уроком (т.к. у меня кокофун¹¹, то у дедушки или ailleurs¹² не была) мы с Марусей были в саду долго, и бродили, и сидели. Весна! жизнь, вечная, щедрая жизнь просыпается, почки напухают

<так!> и краснеют, из земли между размякшими листьями прошлой осени всюду прямые и свежие пробиваются стебли, островки примвэр¹³ желтеют в зеленых гнездышках своей темной лис-твы, кое-где, как снежок <?>, манит головка подснежника, воздух ласкает, что-то во всей природе, в голубизне просыпаю-щихся небес и золоте вечерних лучей, и в ветерке, и в сердце всё пело. Жизнь, Жизнь и Жизнь. О, я пьяна жизнью вместе с пья-ной весной и ничего не могу сказать, кроме того, что говорит Боделер: «Il faut être ivre toujours. “C’est pou<г> fuir le Temps”, il dit. C’est pour l’ivresse même de vivre jusqu’à en mourir, dis-je¹⁴. — Дальше, passons ouîré sans avoir rien expliqué. Expliquer un coeur qui vit! Est-ce possible. Donc¹⁵: вчера вечером ходили на Concert popu-laire¹⁶ (первый опыт дешевых концертов в Женеве). Симфонии Haydn (обожаю их) и Mozart’a (дух Пушкина мне говорил в чист-той, геньяльной музыке), Gluck из «Iphigenie Taurida», Weber, Mozart из «Flûte enchanté<e>»¹⁷. Вот программа этого concert exquis de fraîcheur et du génialité¹⁸. Всю душу обновила, как при-ливом омыло. Были Miss Bl<ackwell>, Маруся, Оля, я. В 11 дома, и легли спать раньше 11 ½. А вот сегодня: теперь уже 9 час<ов>, я внизу на диване в столовой в ожидании Маруси для чаю, и толь-ко что вновь пережила непередаваемое по своей сладкой красоте и интимности. Между постелями Кости и Веры подряд стали на колени Лидия, позади Костя и дальше Вера. Лесенка по росту и уму. Была очередь Лидии молиться, и Вера учила ее. Это я реши-ла, ее надо принять в общую молитву: она сиротливо и глупо бор-мотала свои молитвы одна. Итак, Вера ее учила своей молитвой. Она стояла на коленях с распущенными волосами и серьезным чудным лицом, так тихо вдохновенным, так просто и умно, и дет-ски чисто объясняла ей смысл слов. И после слов: «Помоги нам быть утешением, а не горестью Марусе, Маме, Вячеславу и всем вокруг (значит, приятным всем людям)» пропела чудное глубокое и голосом и чувством «Да будет воля твоя...». Побеждая, из стра-ха ко мне, странное <?> маленькое существо повторяла <так!> слова, хотя на повторение «воли» было запротестовало <так!>. C’était une vraie beauté, une sainte beauté, une de ces beauté<s> si roignantes qu’elles créent la foi¹⁹. Надо слышать, как она, малень-кая женщина, не гнушающаяся делать долгие прогулки с большой куклою в руках, кротко и серьезно учит брата добру. За обедом из личной обиды (он <и>спортит своим<и> непослушными руками

ее цветы) она сделала un cas de le sermonner²⁰, и так в душу ему с лаской и поцелуем, и он, тронутый, кротко слушал.

Твое письмо очень подкрепило ее. Дотя, много много есть рассказать, но вот не сказала дня:

82-й д.м. 7 ½ веч. Сена.

Должна кончать. Не писала днем. Была в ударе на роман. Переписываю, оживляя, спасая «Шум». Хорошо будет. Дотя, целую. О, сколько есть сказать, и нельзя. Я хорошая учительница пения. У Оли в 4 урока удвоился голос. Целую, обожаю. Вся тобою и для тебя

Лидия

Лекция I

Двое идут ночью под небосводом

Младший спрашивает.

Вопрос: кто мы, откуда, куда и почему над нами прекрасный небосвод?

Ответ старшего, положим, милостью Бога: Ces merveilles sont l'oeuvre de l'Être Suprême. Il sera notre juge. Награда и Châtiment, et pour cela il nous a révélé ses lois — c'est la Providence. — Et voiez que survient un 3-ème interlocuteur qui n'est pas prêtre, mais investigateur des problèmes. Il est matérialiste et il nous apprend qu'il n'y a pas de Dieu, qu'il n'y a qu'un sorte de mécanique céleste. Et la discussion commence.

1) Dieu n'est pas nécessaire. — Créateur.

2) “ est absurde. — Créateur et révélateur.

3) “ criminelle. — Providence.

1) Lorsque les lois naturelles ont été découverte<s> on espérait frapper à mort la théologie — ils en furent. Au contraire penseur<s> <?> théologiens les tourneront à leur profit: les lois ne se sont pas fait toutes seules... и т.д. Toute l'argumentation repose sur une analogie entre les lois naturelles et les lois humaines, car ces derniers impliquent l'intervention d'un législateur antérieur, mais pas les autres. C'est du sophisme. Il n'y a aucune similitude entre ces deux espèces de lois.

a) D'abord les lois naturelles sont extérieur<s> à l'humanité (не правда! астрономия). b) Puis, les lois naturels sont immuables, permanents, притяжение и т.д., les lois humaines au contraire — civilisations и т.д. c) inviolabilité: aucune infraction <sic!>, pas de miracle, rien que les vieilles femmes qui le<s> croient possibles — les

lois humaines toujours violés. d) les lois nat<urelles>: se bornent à enrégister les fait<s>, sans leur rien ordonner. Tandis que les hommes discernent par eux un amour permis et un amour interdit. — Donc il n'est pas indispensable d'une législation antérieure. — Dieu. Et bien vous demanderez: le monde né n'est pas fait tout seul?

Imaginez vous un tableau noir <?> sur lequel je trace un ligne qui a un commencement et une fin. B. mais l'imaginez vous plus grande, encore et encore, et enfin vous comprendrez que l'espace est incommensurable, or où il y a espace il y a matière, donc la matière est infinie, sans bornes, incommensurable. La même chose la matière à travers le temps est éternelle, parce que vous ne pouvez nulle part dire: les temps commencent là.....*

Он говорит, что можно делить бесконечно. А атомы? Или молекулы? Et bien la matière étant infirme la question des commencements est nécessaire. Au contraire qui dit création dit commencement. Mais je résonne que même en supposant Dieu il n'est pas nécessaire de supposer un commencement parceque si le croyant croit en un Dieu *toutpuissant* il était libre de la créer en toute éternité c'est à dire jamais.

Et bien le mouvement? d'où le premier mouvement: c'est Dieu, dit le croyant. Les spiritualistes<s> disent que la matière étant *inerte* il lui faut un premier moteur. Mais y a t il un seul phénomène qui permet du <sic!> constater l'inertie?

Лекция л. II

<...>et impossible de prouver qu'il y a eu un temps quand la matière n'était pas mouvementée. Même la mort est mouvement. Donc l'immanence du mouvement est prouvée. — Et bien d'où donc l'Ordre? l'Ordre implique un intelligence antérieure — Dieu. Mais qu'est ce l'Ordre? c'est la succession du phénomènes que nous sommes habitués de наблюдать. Mais si on transporte un enfant <?> habitué à 12 heures de lumière et 12 heures de nuit au Nord il criera au désordre. Donc l'ordre n'est pas immuable, donc le facteur de l'ordre n'est pas Dieu — c'est nous.

2) Dieu est absurde. Pour éviter des discussion<s> inutiles expliquons nous sur ce que c'est de *créer*. Une montre, une maison n'est pas créée. Ils sont confectonnés ou fabriqués. Créer c'est faire quelque chose avec rien du tout. C'est prendre ce qui insaisissable. Et bien quel est le cerveau scientifique qui donnera valeur à l'idée de créer. Donc créer

* Точки Зиновьевой-Аннибал.

est une *impossibilité, une absurdité*. Et puis encore si la matière est *en* Dieu il n'est pas un esprit il est la matière et elle était Dieu. Donc il n'y a en que autocréation, extériorisation de la matière. Et si la matière étant hors de Dieu, et en même temps incréés, comme je l'ai prouvée ces deux coexistences sont *absurdes*. Mais où l'absurdité éclate c'est au point de la révélation. Qui dit Dieu dit création et dirigeance, donc un lieu existe entre la créature et le Créateur. Mais alors il y a législation. Et s'il y a relation il y a législateur il y a punition et récompense. Intimidation et flatterie. Donc qui dit législation dit Sanction. Mais pourquoi s'il y a jugement la législation ne nous est pas connue, parce que si nous ne connaissons la loi nous ne sommes pas coupables en la violent. Et c'est pourquoi toutes les religions donnent des législations? Mais que nous disent les livres saints? Sont ils exactes? S'ils ne sont pas exactes où que ce soit — ils ne sont pas divins. Ils disent que le monde est créé en 6 jours? Saisissons l'absurdité des 6 jours ou des 6 époques. Mais qu'a fait Dieu avant de créer le monde. Etant actif par essence, il l'a été éternellement, donc d'où son oisiveté. Потом потоп, Иона, Rhinocère, Красное море и всё абсурд.

3) <1 нрзб> Dieu est criminelle. Dieu Providenc<e>. Mais on a le droit de supposer qu'un Gouvernement idéal doit être irréprochable et juste. Mais le mal existe physique et moral. D'où sort ces maux. De Dieu lui-même, car c'est de lui que découle tout. Следует дурачки наивная гипотеза о возможности Бога suppresser le mal — alors il est faible et bon ou bien méchant et puissante. И т.к. все мы помешали бы преступлению, то мы все лучше Бога. (Дикий звериный восторг.) Donc Dieu est le seul criminel! Et le plus féroce de tous les êtres de la terre. —Mais vous me direz: Et la liberté humaine? Dieu nous a donné la liberté pour que nous puissions nous déterminer librement pour le bien ou le mal? Mais à quoi sert la liberté humaine contre les phénomènes naturels? D'où vient donc le mal physique? Donc c'est lui qui en est responsable. Revenons au mal moral. Il s'agit de voir s'il est <possible> de donner une pareille des attributs divin<s> la liberté. Mais cette liberté contenait le mal potentiel? Et si Dieu n'était que le bien d'où avons nous pris le mal. Donc.... Criminelle.

Тέλος.

P.S. О том, что жизнь — всё для матерьялиста и потому энергия и самоусовершенствования<ние> и ничего для верующего, ибо она un passage и au delà родина, поэтому pour que le paradis descende sur terre il faut ne plus regarder le paradis du ciel, et pour se défendre des tyrans terrestres il faut se défendre du tyran céleste²¹.

Пишу дома

Вышел пастор христ<ианского> социализма, он говорит каждое воскресенье в Викт<ория> Hall, и сказал, что он уже сговорился с Faure оппонировать в другой день, потому что сегодня поздно, а о дне он известит.

Затем вышел какой-то якобы профессор, не помню имени (в унив<ерситете> не читает), и стал защищать Бога, очень плоско, не умно, пространно. Толпа то смеялась, то пела, то слушала. В общем, индеферентность <так!> заслуженная. После него вышел странный бледный господин с безумными глазами, который между дикими взрывами тысячеголового хохота выпаливал отдельные фразы: Il y a un Dieu parce que le peuple Juif.. Dieu a prophésé que le peuple Juif se dispersera.. Les banques Juifs...²² но здесь топот и неистовая assez²³ выгнали его. Он бросился к Faug'у, который через минуту занял кафедру и попросил 3 мин., чтобы выслушать некую très importance d'après ce que dit mr. N.²⁴ Смеясь, зала согласилась. Бледный оратор начал вновь: Dieu existe... je crois en Dieu... parceque le peuple Juif... dispersé, banques...²⁵ Но дикий стук и hurlements²⁶ и свистки вроде сирен выгнали его окончательно. С блестящими <?> бешенства он ушел. Выступил старик с большой бородой и стал говорить неслышным абсолютно голосом. «Plus haut... plus haut»²⁷ — голоса нет. Прогнали. Старик бросился к Faug'у. Улыбающаяся змея объявила, что его оппонент просит его прочитывать то, что он имеет сказать, с его листков, но что он, хотя и очень желал бы, не берется сделать это, так как «je dois ménager ma voix et mes forces pour autre<s> choses»²⁸. Восторженные аплодисменты. Старик опять бросился к кафедре, опять выгнан, в судороге убежал с эстрады. Выступил безумец или паяц, который стал с пляской св. Витта в лице махать смешно руками, и зала долго грохотала хохотом, пока, вволю насмеявшись, не выгнала паяца топотом. Тогда вышел господин в пальто и сказал, быстро шагая взад и вперед по эстраде: «Il est temps de dormir, je ne veux pas dire tout ce qu'il faudrait que je vous dis. On vous a entretien de pure enfantillage ce soir (негодование) en vous disant que c'était la science»²⁹. Затем он доказал, что были ошибки научные. «Et puis Mr Faure vous a crié dans les harangues (что ли) de belles phrases ici pendant un heure les questions sur lesquelles l'humanité a médité pendant des milliers d'années. Allez, méditez dans votre coeur, ce n'est pas en criant des belles phrases que vous comprendriez Dieu. Je suis un

homme de science, physiologue, mathématique, mais je n'ai pas peur de dire que je crois en Dieu, bien que Mr Faure d'un coeur léger s'est décidé à vous ôter le plus grand bien et support de votre vie. Méditez. Et maintenant bonne. Allez vous coucher»³⁰. И он ушел, весь негодуя, с эстрады и из зала. Еще долго длилось волнение, бессмысленные выступл<ения> ораторов и наконец оправдания bouche Faure'a³¹. Толпа требовала ясного ответа на все возражения, да, толпа хотела честности и правды. Забыла сказать, что г. профессор упрекнул Faure'a в том, что он уже читал эту же лекцию в Lyon и не ответил до сих пор своему главному оппоненту лионскому, написавшему брошюру. Толпа hurlait qu'il devait s'expliquer³², и он, конечно, выворачивался. Еще не сказала, что он бывший иезуит³³ и это ясно <?> объяснило диалектику. О проклятая, триклятая логика. Дьявол тебе отец, но перед тупыми или облапошенными братьями — темными людьми, *лишь* ты сильна. И еще бесстыжество и глупость иезуита дошла до того, что он не постыдился крикнуть: если есть Бог, отчего он не накажет меня за брань с ним?³⁴

Конверт с женеvским штемпелем: 7.III.02. Афинский штемпель отсутствует.

¹ Самого ужасающего шарлатана (*фр.*).

² Отупевших рабочих (*фр.*).

³ О чем идет речь, нам неизвестно.

⁴ Речь идет о п. 437 и 438, а также приложенном к первому из них письму И.М. Гревса. Второе письмо, о котором идет речь, — из Харькова, где жила Д.М. Иванова с матерью и дочерью.

⁵ См. п. 437.

⁶ Спасибо, милостивый государь. Премного вам обязана (*фр.*).

⊗ Отчета (*фр.*).

⁸ Ободрениях (*фр.*).

⁹ Это наверняка (*фр.*).

¹⁰ Тебе сказать (*фр.*).

¹¹ Видимо, на «детском» языке обозначает менструацию.

¹² Где-либо еще (*фр.*).

¹³ От *фр.* primevère, примула.

¹⁴ «Всегда нужно быть пьяным. “Это для того, чтобы убежать от Времени”», говорит он. — Это для самого опьянения нужно жить до самой смерти, говорю я (*фр.*). Отсылка к стихотворению в прозе Ш. Бодлера «Enivrez-vous». Если первая фраза — практически точная цитата, то вторая — приблизительный пересказ.

¹⁵ Пойдем дальше, ничего не объясняя. Объяснить живое сердце! Возможно ли это? Ну и... (*фр.*)

¹⁶ Концерт для народа (*фр.*).

¹⁷ Глюк из «Ифигении в Тавриде», Вебер, Моцарт из «Волшебной флейты» (*фр.* и *рус.*). «Ифигения в Тавриде» — опера К.-В. Глюка (1779), «Волшебная флейта» — опера Моцарта (1791).

¹⁸ Концерта, чудесного по свежести и гениальности (*фр.*). Отчет о концерте (дирижер В. Реберг) см.: *Journal de Genève*. 1902. 11 mars.

¹⁹ Это была настоящая красота, святая красота, одна из тех острых красот, которые рождают веру (*фр.*).

²⁰ Повод для проповеди ему (*фр.*).

²¹ Двое идут ночью под небосводом.

Младший спрашивает.

Вопрос: кто мы, откуда, куда и почему над нами прекрасный небосвод?

Ответ старшего, положим, милостью Бога: Эти чудеса — дело рук Верховного Существа. Он будет нашим судьей. Награда и Наказание, и для того он дал нам в откровении свои законы — это Провидение. — И видите, что появляется третий собеседник, который не священник, а исследователь проблем. Он материалист, и он учит нас, что Бога нет, что это всего лишь небесная механика. И начинается дискуссия.

1) Бог не является необходимым. — Создатель.

2) “ абсурден. — Создатель и податель откровения.

3) “ преступник. — Провидение.

1) С тех пор, как были открыты законы природы, можно было надеяться, что они насмерть поразят богословие — они в ярости. Напротив, богословские мыслители обернули их в свою пользу: законы сами по себе не созданы... и т.д. Вся аргументация покоится на аналогии между законами природы и человеческими законами, ибо последние имеют в виду вмешательство предшествующего законодательства, но не другие. Это род софизма. Нет никакого сходства между этими двумя образцами законов.

а) Прежде всего, законы природы являются внешними по отношению к человеку (неправда! астрономия!) б) Затем, законы природы неподвижны, постоянны — притяжение и т.д., законы человеческие — наоборот: цивилизации и т.д. в) нарушимость: никаких нарушений, нет чудес, ничего подобного тому, что старухи полагают возможным, — человеческие законы всегда нарушаются. г) Законы природы ограничиваются регистрацией фактов, ничего им не повелевая, тогда как люди между собой различают любовь разрешенную и неразрешенную. — Итак, он не является независимым от прежнего законодательства. — Бог. Хорошо, а вы спросите: порожденный мир не создан совсем один?

Представьте себе школьную доску, на которой я провожу линию, у которой есть начало и конец. Но представьте ее себе бóльшей, еще и еще, и наконец вы поймете, что пространство беспредельно, однако там, где есть пространство, есть и материя, и, стало быть, материя бесконечна, беспредельна, безначальна. То же самое — материя вечна во времени, потому что вы никогда не можете сказать: времена начались вот здесь.....*

Он говорит, что можно делить *бесконечно*. А атомы? Или молекулы? Хорошо, существующая материя отменяет вопрос о том, что начальные точки необходимы. Напротив, кто говорит «сотворенное» — говорит о начале. Но я отвечаю, что, даже предполагая <существование> Бога, вовсе не является необходимым предполагать начало, потому что, если верующий верует во *всемогущего* Бога, он предполагает, что тот был свободен создать мир в любой момент вечности, то есть — *никогда!*

Ну а движение? откуда первое движение: это Бог, говорит верующий. Спиритуалисты говорят, что если материя была недвижна, ей был необходим первотолчок. Но есть ли хоть единый феномен, позволяющий констатировать недвижность?

* Точки Зиновьевой-Аннибал.

<...> и невозможно доказать, что существовало время, когда материя была недвижна. Даже смерть — это движение. Таким образом, имманентность движения доказана. — Хорошо, а откуда Порядок? Порядок предполагает предшествующий разум — Бога. Но что такое порядок? это последовательность феноменов, которую мы привыкли наблюдать. Но если перенести ребенка <?>, привыкшего к тому, что после 12 часов света следуют 12 часов ночи, на Север, он возопит о беспорядке. Значит, порядок не является неизменным <?>, значит, создатель порядка не Господь Бог, а мы.

2) Бог абсурден. Чтобы избежать бесполезных дискуссий, объяснимся, что значит «создать». Часы, дом не создают. Их производят или строят. «Создать» значит сделать что-либо из ничего. Взять неуловимое. И что это за научный мозг, который будет придавать ценность идее творения. Значит, творить — это *невозможность, абсурдность*. И потом еще: если материя существует в Боге, он не разум, а материя, и она была Богом. Значит, есть только самосоздание, экстериоризация материи. И если материя вне Бога и в то же время не сотворена, как я доказал, такое сосуществование *абсурдно*. Но очевидной становится абсурдность там, где мы доходим до откровения. Кто говорит «Бог», тем самым говорит «творение» и «управление», стало быть, существует место между творением и Творцом. Но тогда еще есть законодательство. И если есть отношение, есть и законодатель, есть наказание и возмещение. Запугивание и лесть. Значит, тот, кто говорит «законодательство», говорит «Санкция». Но почему, если есть суд, законодательство нам неизвестно, потому что если мы не знаем закона, мы не виновны в насилии. И почему все религии дают свое законодательство? Но что говорят нам священные книги? Точны ли они? Если они неточны хотя бы в мелочи — они не божественны. Они говорят, что мир был сотворен в 6 дней? Поймите абсурдность 6 дней или 6 эпох. Но что сделал Господь перед сотворением мира? Будучи деятельным по своей сущности, он был таковым вечно, и, значит, отсюда его праздность. Потом потоп, Иона, Носорог, Красное море — и все абсурд.

3) <1 нрзб> Бог преступен. Бог — Провидение. Но у нас есть право предполагать, что идеальное правительство должно быть безупречным и справедливым. Но существует зло, физическое и моральное. Из чего проистекает зло? Из самого Бога, ибо из него проистекает все. Следует дурацки наивная гипотеза о возможности Бога подавить зло — тогда он слаб и хорош или же злобен и могуществен. И т.к. все мы помешали бы преступлению, то мы все лучше Бога. (*Дикий звериный восторг*.) Значит, Бог — единственный преступник! И самый кровожадный из всех земных существ. — ...Но вы мне скажете: А человеческая свобода? Бог дал нам свободу, чтобы мы могли свободно определиться, расположены мы к добру или злу? Но что может человеческая свобода против природы? Откуда физическое страдание? Значит, это его вина. Вернемся, к страданиям нравственным. Надо посмотреть, не придают ли его свободе божественные атрибуты... Но эта свобода несет в себе потенциальное зло? И если Бог — это только добро, откуда же к нам пришло зло? Значит... *Преступен*.

Конец.

P.S. О том, что жизнь — всё для материалиста и потому энергия и самоусовершенствование <ние> и *ничего* для верующего, ибо она переход и по ту сторону родина, поэтому чтобы настал рай на земле нужно больше не искатьрая на небесах и чтобы защититься от земных тиранов, надо защититься от тирана небесного (*фр., рус., греч.*).

²² Бог есть, потому что еврейский народ... Бог пророчил, что еврейский народ рассеется по лицу земли... Еврейские банки... (*фр.*)

²³ Довольно! (*фр.*)

²⁴ Чрезвычайную важность, как говорит г-н N. (*фр.*).

²⁵ Бог существует... я верю в Бога... потому что еврейский народ... рассеянный, банки... (фр.)

²⁶ Улюлюканье (фр.).

²⁷ Громче, громче (фр.).

²⁸ Я должен беречь голос и силы для другого (фр.).

²⁹ Время спать, я не могу сказать всего, что нужно, чтобы я вам сказал. Сегодняшним вечером было совершенно детское выступление... в котором вас уверяли, что это наука (фр.).

³⁰ Г-н Фор битый час выкрикивал вам здесь в торжественной речи (что ли) прекрасные фразы о тех вопросах, над которыми человечество размышляет тысячи лет. Право, поразмыслите в ваших сердцах; Бога понимаешь, не выкрикивая прекрасные фразы. Я человек науки, физиолог, математик, но не боюсь сказать, что верю в Бога, хотя г-н Фор с легким сердцем решил отнять у вас самое высокое добро и поддержку всей вашей жизни. Подумайте. И теперь хорошо. Идите спать (фр.).

³¹ Видимо, должно читаться «de la bouche de Faugère», из уст Фора.

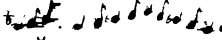
³² Кричала, что он должен объясниться (фр.).

³³ С. Фор действительно в молодости воспитывался в религиозном духе, хотя нам неизвестно, был ли он на самом деле иезуитом.

³⁴ Приведем (с сокращениями) отчет о полемике после первой лекции С. Фора (Journal de Genève. 1902. 7 mars): «Г. Себастьян Фор, апостол анархизма, открыл во вторник вечером в Виктория Холле серию своих докладов, возмущаемых женевацами большими красными афишами на протяжении вот уже нескольких дней. Несмотря на плату по пятьдесят сантимов с человека, докладчику удалось заполнить зал в той же степени, что и на больших бесплатных лекциях последнего времени. <...> [Е]го выступление основывалось на обычных материалистических доводах. <...> Он уступил трибуну г. профессору Varde, который просто заявил от имени группы верующих, что они решили предложить докладчику принять участие в вечере противоположной направленности, где будут представлены различные позиции верующих людей. Г. Фор принял это предложение, и тем самым все сколько-либо компетентные оппоненты его были устранены из порядка дня за исключением гг. профессоров Berthoud и Flournoy. Первый, предвидя, что не сможет принять участие в вечере, возмущенном г. Бардом, решил немедленно обратиться к некоторым пунктам теорий докладчика. <...> Г. Флорнуа констатировал, что г. Фор так и не ответил на аргументы, приведенные г. пастором Fulliquet в прошлом году в Лионе. С этого момента трибуна последовательно предоставлялась тому типу «оппонентов», который не спорит, а использует выступления подобного рода лишь для того, чтобы представить собственное сочинение, трудолюбиво исполненное задолго до того, как доклад был объявлен. Собрание без председателя должно было смириться с тем, чтобы выслушивать каждого из них до конца, что составило одно из очевидных неудобств анархического идеала. Так как типов таких ораторов было больше, чем обычно, публика нервничала, свистела, отправляя докладчиков на место, и аплодировала только в том случае, если они сами покидали трибуну. Тишина установилась только после того, как докладчик пожелал ответить двум своим серьезным оппонентам». Отчет о второй лекции (которую Зиновьева-Аннибал не слушала) опубликован там же, в номере от 9 марта. В том же номере помещено подробное изложение заметки профессора Флурнуа из газеты «Suisse», в которой повторено обвинение, что Фор так и не смог ответить на опубликованные в Лионе отдельной брошюрой возражения пастора Фюйке. Об отмене планировавшегося вечера возражений Фору см. в «Journal de Genève» от 18 марта.

448. Зиновьева-Аннибал — Иванову
 22—23 февраля / 8—9 марта 1902. Афины

Суббота 8 марта. 83-й д<ень> м<ужества>. В ванном капоте за своим письм<енным> столом.

О, отчаяние, отвращение! гимн не тот: что-то гнусно банальное, guerrière* et stupide! и т.д — вот заключительный дионисический припев, несущийся ускоренным ритмом. Дотя, ради Бога, достань мне верный гимн. Сходи к миленькой барышне студентке на όδος Σχουφά² или еще проще — поручи своему юноше, чтобы он разыскал мотив румынский, петый *румынскими студентами* в Афинах, и напой приблизительно конечный ритм. Да, с этого юноши надо было начать! Это он играет на флейте? Ради Бога, добудь мне эту песнь, которую Бетховен взял бы для симфонии, которая после него всего больше приближает меня к Дионису. Дотя, добудь.

Дотя, как не стыдно тебе за зубную боль³! Seriously, Дотя, я ждала совсем другого. Я ждала, что узнав о том, что музыка Остроги может серьезно действовать на людей и что для того, чтобы сделать первый шаг, *быть может*, по дороге к известности, *быть может*, больше, надеюсь, к лучшему достатку для себя и своих девочек, во всяком случае, ему недостает 500 фр<анков>, ты скажешь: «Предложи ему тотчас эти деньги: это прежде всего наш долг и наша радость, если он примет». Потому я ничего не писала тебе о том, что сама давно решила: я *знала*, что ты это мне скажешь тоже сам, и неужели не сбылось?

Воскр<есенье>. 11 ½ утра. Сена. Дотинька, получила с утра твою картолину — ученого дурака. Дорвался таки до 2-х лекций в день и вечером еще до учителя⁴. А здесь наша ученая дура⁵, высуня язык, бегаёт по лекциям и практическим (!!) занятиям. В одно ухо впускает, из другого выпускает! Недавно ночью явился передо мною и стал как пень вопрос: а к чему она всё это учит? А ты, Дотя, к чему? Ну ладно, валяй, валяй. А сборник, смотри, крепко запри в чемодан, а то сам наконец поймет свою обиду и позор и сбежит в «Новое Время»⁶. Да не теряй золотые часы своего расщета <так!> на дифирамбы, лучше, о гораздо лучше покупай всяких ученых немцев и корпи над ними да жди ученого друга, который привезет целую стайку ученых шенков. Вдвоём

* В тексте: guerrière.

займетесь указанием сим юнцам в <так!> истинной цели жизни: ученой дурости. Кстати, о дифирамбах, Дотя, один (на французский текст) мне не нравится: как можно бы сделать иначе, мне кажется⁷. Проще всего скажу: Вз<г>ляды — не *coups d'oeil*⁸. В данном случае беда с русск<им> яз<ыком> «Язык наш груб, русский язык груб!»⁹ Было *la sensation qui est perdue dès le debut par la lourdeur du mot regards*¹⁰ — взгляды, и дальше «канув» тяжело, не дионисично (замечание Маруси). Да, это не те *зарницы*, какие ощущала моя душа, почему-то сызначала одев свои впечатления в французские выражения. Дальше как в «вихре» души, так и в лозе нет чего-то непосредственного, *rackendes*¹¹. И почему, не знаю, но почти банальным веет от образа души и лозы с ее ужасом над пропастью. Что-то общее, быть может, с человеком в пустыне над колодез, едущим <так!> ягоды (восточная легенда). 2-ая строфа мне не нравится перемещением эпитета «*belle*» от «*folie*»¹² к «жизни». У меня твердо стоял образ прекрасного безумия к, быть может: уродливой жизни; нет, наверное, и именно уродливой, в том и безумие, и вся суть, в субъективности в безумии, а не в объективности в жизни. И почему оно «святое»? Святое святое ничего общего с дионисизмом не имеет. Святость — рефлекс. Дионисизм — импульс. Меж роз и бездн — банально, уже мои «*bords fleuris*»¹³ пугали меня банальностью, но они имеют преимущество легкой намеренности, а розы и бездны тяжело шлепнуты. «Вихрь» пляски не нравится. Вихрь воеет и гудит. «По стремям улыбчивым», кажется, хорошо. Эпод мне нравится своею простотою и бездонною смиренностью, но я почти желала бы более активного восторга любви. Впрочем, нет, нет, твой эпод именно твой, прекрасен как твой, но он не мой. Мой прекрасен тоже! Но и твой. Я обожаю твой. Из всего дифирамба он выделяется глубокой красотой. О великое Смирение! так оно велико, что как всё *слишком великое* становится *la pure essence dionisique*¹⁴! Ну, что касается 2-ого дифирамба¹⁵, он безусловно прекрасен, «пурпурно» прекрасен, ка<к> образ той пурпурной повязи <так!>, как слепота к крови, к Кере, к бездне и к «*цветам умильным*»! О восторг: эти цветы. Как хороша чаша (и в ней не нектар: в ней что? смола и молоко и мед?), как хороша флейта. И игра львиная, и, о, в игре потушенный светоч и трагедия скалы. Такой силы, такой краткости, ясности, простоты, такой трагедии бездонной и такой убежденности Божественности человека я не видала нигде, и никто не пел Наполеону такого гимна. Или я безумна. Но ко

мне идет Дионис от твоего дифирамба. И как велико было сделать его Богом Наполеона, товарищем, бессознательно играющим с ним. О, довольно. Иду завтракать. Спешу на концерт в церкви Marie Brema¹⁶ со всеми детьми.

5 ½ веч. Сепя. Дотя, моя комната всегда украшена цветами в изобилии. Это забота 1) доброй, деликатной Олечки, которая никогда не вернется с базара, чтобы не поделиться или купленным или подаренным букетом, и 2) детей, которые заставил<и> весь письм<енный> стол крошечными плосечками и раковинами, полными прелестных примроз¹⁷ желтых и сиреневых, подснежников, плющевых листочков, каких-то веточек с цветом красивым, как длинные сережки и т.д. А на кушетке я нашла ветвь сосны с четырьмя смолистыми шишками и билетик: «От Кости для мамы». Вакхический дар. Этот ребенок меня порадовал сегодня в концерте: пела Brema, на органе исполняли Баха, D'Indy, Saen Sans¹⁸. Брема пела Баха, Бетховена и какие-то старинные песни. Костя сидел на скамейке впереди меня и на каждом красивом месте часто, часто его личико оборачивалось ко мне с такой прелестной улыбкой удовольствия и этой гримаской приподымаемой вверх верхней губы. И Вера сидела возле меня. Между нами Лиля. Всё время я деткам всем объясняла музыку, и Вера очень сознательно наслаждалась, и оба они отгадывали ритмы à combien de temps¹⁹. Было очень полезно им. Только Лиля немножко разочаровала меня в своей безусловной музыкальности. Она скучала в концерте. Верно, уже слишком серьезна и музыка не ее исключительная стихия. Между тем меня поразил анекдот, который всё не успевала еще сообщить: дважды случилось мне разучивать аккомпанемент «Erlkönig»²⁰ и дважды без слов влетала Лидия в залу и принималась метаться по ней, топя ногами в ритм музыки и до полного изнеможения вся в возбуждении неопишемом. Косте она объясняла, что это она бежит от страшного человека, который великан и убивает всех детей. Всё ее фантазия, потому что я ничего никогда не объясняю ей в пении. Да, относительно моих упреков вчера приношу извинения. Ты ведь еще не ответил на то мое письмо, где я объясняю положение Остроги. Кстати, Дотинька, он еще мне принес 3 романса. У меня их теперь всего 7. Из этих трех новых мне очень нравится один комический на Верлэн: «A poog young shepherd»²¹. И un très placide et poétique: «Nocturne»²², тоже Верлэн. 3-й не очень нравится, уж очень тоскливый: «Le miroir»²³.

Из 4-х первых я не люблю «Le secret»²⁴ — подражание Schumann'у. Остальные оригинальны и, я уверена — талантливы. И странный он человек. Так он не разговорчив, больше любит поболтать, чем поговорить. Если бы не его остроумие, verni²⁵ какой-то и в особенности чарующая доброта во всем внешнем и внутреннем явлении, простодушие какое-то, при большой замкнутости души и личной жизни, если бы не это всё, хочу сказать, он был бы скучен, как истый музыкант, умеющий говорить лишь звуками. Но он такой человек, которого, кажется, знал всегда, всегда он жил где-то близко, звался по имени, был чем-то вроде брата, своего какого-то милого сердцу и достойного всякой заботы человека.. Потемки <?> Его трудно называть по отчеству. Это так смешно. Почему так кажется с первой минуты, как увидишь его, что всегда, всегда знал его.

Его все любят, и это понятно, он так прост и у него прямой и ясный взгляд. Дотя, много, много сюрпризов ожидает тебя, думаю, с почтою в пятницу, потому что во вторник будет уже поздно для твоих именин. Нетерпеливое мое сердце решило, что из двух зол меньшее: отпраздновать твой праздник 3-мя днями раньше, чем днем позднее.

Впрочем, Веру я уговорила приготовить и отослать тебе письмо ко вторнику, чтобы остался дорогой привет еще впереди. Также Костя пошлет свою работку вполне по своему почину и совершенно им одним (у него очень ловкие руки) сделанную, пошлем ко Вторник<у>, хотя она уже готова. Что было вчера? Да, горе с ошибкой румынского гимна! очень меня это расстроило. Затем я пела утром и учила Олю. Смешно: Mme Zibelin взялась дать ей несколько уроков для подготовки ее к пению в хорах, и вот на второй урок в себя не может прийти от удивления: «Comme vous êtes intelligente, mais c'est étonnant quel changement dans votre voix!»²⁶ и т.д. А она ставит голос прямо haarsträubend²⁷, и Оля у нее подвывала с закрытым ртом и сжатыми губами в первый раз, и она ее учила забирать дыхание во всю мочь, «comme ai vous pleuriez»²⁸. Я же по методу Mme Viardot вытянула уже на арии <?> ее голос, а та наивно изумляется! Вчера был<a> у отца: он был болен. Вечером пела. Днем намазала маслом пол в столовой. Легла рано. Сегодня должна была идти на рабочий вечер с председательством Faug<e> — литературно-танцевальный, но устала, нет энергии. Оля и Кристина пойдут. Целую, обожаю. Свет мой. Лидия

Получил<a> картолину от среды²⁹.

¹ Воинственное и глупое (*фр.*).

² Улицу Скуфа (*греч.*).

³ Подразумевается ревность (см. п. 440).

⁴ Письмо 444.

⁵ Речь идет о М.М. Замятниной.

⁶ Имеется в виду типография «Нового времени», где набиралась книга «Кормчие звезды».

⁷ Речь идет о дифирамбе «Имени твоему», открывающему в «Кормчих звездах» отдел «Evia». Эпиграфом к нему стоит фрагмент из романа «Пламенники» (автор обозначен тремя звездочками: «Зрящие мгновения в глубины роковые; — выступь пляски улыбчивой, — легкая, на краю зеленом; безумье прекрасное жизни: вот, Господь мой и Бог мой, душа моя, — пламенник, огнем снедаемый во славу Твою!» В архиве Иванова сохранился листок, по всей видимости приложенный к какому-то из предыдущих писем (к какому точно — мы не знаем), где зафиксирован ранний вариант этого дифирамба (РГБ. Ф. 109. Карт. 2. Ед. хр. 25). Первоначально он назывался просто «Διθύραμβος», потом (возможно, уже по возвращении Иванова в Женеву) оно было зачеркнуто и карандашом вписано окончательное название: «Имени Твоему». После этого следовал французский текст эпиграфа: «Le Dyonisisme — c'est des coups d'oeil vertigéneux dans la Fatalité inconnu et implacable.

Le Dyonisisme — c'est la danse aux pas légers riante et joyeuse, sur les bords fleuris des Abîmes.

Le Dyonisisme — c'est la belle folie de vivre.

Voilà mon âme, ô mon Seigneur et mon Dieu, un flambeau qui se consume en Ton honneur!»

После этого следует русский перевод (совпадающий с окончательным текстом) и текст самого дифирамба:

Взгляды,
 Чтó, кáнув,
 Назад не вернутся
 Поведать дно*
 Вихрю души,
 Она ж схватилась,
 Прильнула
 К лозе висячей,
 Чтó шепчется с Ужасом**.
 Это — ты!

*

Антистрофа

Жизни
 Прекрасной
 Святое безумье,
 Меж роз и бездн***

* Первоначально читалось: «Сказать, чтó увидели, про дно»; окончательный вариант строки записан карандашом.

** Первоначально читалось: «Чтó с Ужасом шепчется».

*** Карандашом исправлено на: «Меж бездн и роз». Окончательный вариант строки: «Меж бездн и бездн» (I, 681).

Реющий сон*
 Над мраком облак
 Расцветший**
 Вихрь пляски звонкой***
 По стремям улыбчивым, —
 Это — ты!

*

Эпод

Вот душа моя,
 Дионис!
 Тебе горит
 Мой пламенный!
 Ты веешь —
 И он сгорает...

После этого следовала приписка, впоследствии зачеркнутая: «Твой франц. дифирамб [следовало] я должен был непременно подарить русской литературе... т.е. [самому себе] присвоить его себе! [Давай] Наказание за твою галло- (или полоно..?) манию! Довольна ли ты переводом? Боюсь, что нет!».

О тех же дифирамбах Иванову 23/8марта писала и М.М. Замятнина: «Дифирамб Дионису у Лидии лучше, чем у Вас, но зато какой слитный и вразумительный дифирамб Наполеону написали Вы. Для меня он хорош тем, что вразумителен, т.е. ясен, уж о его силе я не говорю» (РГБ. Ф. 109. Карт. 19. Ед. хр. 14. Л. 46).

⁸ Словари дают единственный перевод — «взгляды».

⁹ Жалобы на грубость русского языка были в русской литературе неоднократно. Возможно, здесь имеется в виду пассаж из письма К.Н. Батюшкова к Н.И. Гнедичу от 27 ноября — 5 декабря 1811 г.: «Отгадайте, на что я начинаю сердиться? На что? На русский язык и на наших писателей, которые с ним немилосердно поступают. И язык-то по себе плоховат, грубенец, пахнет татарщиной. Что за Ы? Что за Щ? Что за Ш, ший, щий, при, тры? — О варвары! — А писатели? — Но Бог с ними! Извини, что я сержусь на русский народ и его наречие. Я сию минуту читал Ариоста, дышал чистым воздухом Флоренции, наслаждался музыкальными звуками авзонийского языка и говорил с тенями Данта, Тасса и сладостного Петрарка...» (*Батюшков К.Н. Сочинения: В 3 т. СПб., 1886. Т. 3. С. 164.*)

¹⁰ *Ощущение*, которое утрачено с самого начала от тяжести соответствующих слов (фр.).

¹¹ Захватывающего (нем.).

¹² «Прекрасной» от «безумья» (фр.).

¹³ Цветущие берега (фр.).

¹⁴ Чистой дионисической сущностью (фр.).

¹⁵ Далее обсуждается текст дифирамба «Наполеон» (I, 690—691). Он написан на обороте того же листа, что и «Имени Твоему», с краткой вводящей фразой: «А вот Дифирамб, навеянный твоим Наполеоном». Название еще отсутствует, однако текст

* Карандашом исправлено на: «Реющий рай».

** Было исправлено на «Цветущий», впоследствии исправление отменено.

*** Карандашом исправлено на: «Зыбь пляски звонкой». Окончательный вариант: «Бег пляски звонкой»

практически не отличается от опубликованного, если не считать карандашной поправки, совпадающей с предложенной в п. 445, примечания к строке 4: «Мойры присутствуют при рождении человека», в ст. 26—27 вместо «тропою» было «стопою»; в ст. 38 вместо «звездовидец» было «провидец»; наконец, перед третьим с конца стихом была зачеркнутая строка: «Из бездн и мглы».

¹⁶ См. п. 423, прим. 24. Из-за болезни певицы концерт переносился несколько раз. См. объявление об этом в «Journal de Genève» 28 февраля. 9 марта та же газета писала: «Г-жа Брема окончательно назначила свой концерт на завтра, воскресенье 9 марта <так!>. Не стоит напоминать о том интересе, который представит выступление великой в обалости исполнения священной музыки певицы; объявленная программа весьма замечательна. Нас просят сообщить публике, что из выручки от концерта 200 франков будут переданы на филантропические цели».

¹⁷ От *фр.* primegose — садовая мальва или розовая штокроза.

¹⁸ Зиновьева-Аннибал пишет с ошибкой, должно быть: Camille Saint-Saëns (1835—1921). Концерт М. Брема состоялся 9 марта в церкви Мадлен в 2 ½ часа дня.

¹⁹ На сколько счетов (*фр.*).

²⁰ «Лесной царь» — романс Шуберта на стихи Гёте.

²¹ «Бедный молодой пастух» (*англ.*). Стихотворение П. Верлена, названное по-английски в оригинале.

²² И один очень спокойный и поэтичный: «Ноктюрн» (*фр.*).

²³ «Зеркало» (*фр.*).

²⁴ «Секрет» (*фр.*).

²⁵ Лоск (*фр.*). Правильно пишется: vernis.

²⁶ Как вы умны, но это прямо удивительно, как переменялся ваш голос! (*фр.*)

²⁷ Так, что волосы дыбом становятся (*нем.*).

²⁸ Как будто вы плачете (*фр.*).

²⁹ П. 444.

449. Зиновьева-Аннибал — Иванову 24 февраля / 10 марта 1902. Женева

85-й д<ень> м<ужества>. Понедельник. 10 Марта <19>02. Сена. 10 утра. Попела. Дала урок. Пришла писать роман. Но раньше пишу тебе, чтобы сказать тебе свое поздравление с твоим праздником. Дитя мое, ты получишь это письмо и сопутствующие его сюрпризы за три дня до своего праздника. Но думаю: это веселее, нежели встретить праздник без всего и только с надеждами. Я знаю, что тебе будет радость от моей и от Марусиной посылочки и с ними ты не будешь один. Кроме любовной мысли и покупки своего подарочка, она положила огромный труд на него. Ты не можешь себе и представить, с каким терпением и по сколько она возится, прямо часы за часами. До меня она работала целые ночи, теперь же я, слава Богу, ее отучила. Дотя, сегодня будет у меня grande soirée¹, т.е. если придут все приглашенные. Острога просил

разрешение еще в Четверг провести вечер у нас после урока сегодня. Я же всегда зову его, когда он только может. И так как Дашкович проявил большую любовь к музыке, то я из чистого человеколюбия (так как больше всего люблю Острогу одного с нами. Он тогда всего естественнее, и вечер очень уютен, и мы поем, что вздумаем) позвала его, но нельзя было не упомянуть и о Кузьме, который живет с ним и которого он очень любит и просил очень деликатно позволения как-нибудь привести. Кузьма же совершенно, как и Дашкович, *einsamer Mensch*² в своем роде и с людьми сходитя только когда может им послужить чем-либо, поэтому не жду ничего от него, кроме приобретения для души, общением с чистым и глубоко добрым существом! Ведь, увы, воробьиное гнездо разрушено! Жена с сыном, рожденным тогда вместо <1 нрзб> и со вторым ребенком, еще не рожденным, — ушла окончательно, и Кузьма остался один, как был, со своими курами и свиньями и полным неумением что-либо практически творить. Погода у нас стояла чудная несколько дней. Теперь вновь пасмурно и дождь. Да, Дотя, какой ты, правда, нехороший. Отчего же ты велел Сереже писать тебе *отдельно* длинные письма, а сам не трудишься отвечать ему и его повергаешь в серьезное беспокойство. Он жалуется в открытом письме на сильное беспокойство за тебя, потому что 2 ½ недели не имеет ни слова³! **Ты должен писать ему раз в неделю аккуратно.** И неужели трудно? Это известная нравственная распущенность, уверяю тебя. Дотенька, и если нет времени, пошли картолину: ведь он их собирает.

6 ½ Hall. Урок муз<ыки>. А в столовой Дашк<ович> и Кузьма. Кузьма постарел совсем, славный, тихий и, о, сколь глубоко трогательный чистый человек. Оба возмущены шарлатанством Фауг⁴. Получила твое дорогое письмецо, мой любимый, от Четверга⁴, только что второпях читала. Благословенна наша любовь. Мы знаем друг друга. Ну а археологией я не занимаюсь пока: вся в «moderne»⁵, сам знаешь. Столько о «древностях». О, ужасный Россидис. Неужели надо перестать говорить об Остроге? чтобы избежать рассказов о Россидисе. Шучу. Но я успела лишь увидеть, что письмо «ученого дурака», и в конце яркая радость охватила при известии о конце конца «Корм<чих> Звезд». Ну, мое золото, бегу к гостям. Ты мой свет золотой, не думай, что я не с тобой в наш anniversaire⁶.

10 час<ов>, все пьют чай. Пели до полной радости. Как чудно я пела «Средь шумного бала». Острога обожает эту вещь, впер-

вые слышанную от меня, и велит всегда дважды петь. Целую нежно всем*. Лидия.

К письму приложена открытка: фотография: Seb. Faure, с подписью: Avec les Opprimés, contre les Oppresseurs, toujours! <С угнетенными, против Угнетателей, всегда! — фр.>

¹ Большой вечер (фр.).

² Одинокий человек (нем.). О нем см. упоминание Л.В. Ивановой: «Был бородатый Кузьма, который любил ходить в театр на нумерованные места галерки, предварительно наевшись чесноку: "Я всегда нахожу себе сидячее место"» (Иванова Л.В. Воспоминания: Книга об отце. [Paris, 1990]. С. 17).

³ См. в письме С.К. Шварсалона (открытка) матери от 6 марта 1902: «Дорогая Мамочка, как здоровье Вячеслава и как все с ним? Я страшно беспокоюсь: вот уже 2 ½ недели, как я ничего нее получал от него» (РГБ. Ф. 109. Карт. 39. Ед. хр. 3. Л. 49 об).

⁴ Речь идет о п. 446.

⁵ Современном (фр.).

⁶ Годовщину (фр.).

450. Иванов — Зиновьевой-Аннибал 26—27 февраля / 11—12 марта 1902. Афины

День 87. Вторн. 11. III / 26. II. 9 веч.

Дорогая Радость. Письмеца нет. Сегодня живется посветлее, чем в дни 85 и 86. Зубы еще чувствительны. Вчера хотел выспаться целительно — и проспал до 9 ½, что означало, что попасть к Шрадеру на Акрополь нечего и думать. Жаль, потому что каждая лекция дает новое. С другой стороны, было ветрено, а я на Акрополе простудлив и мог повредить зубам. Фотини занемогла с воскресной прогулки на карнавал. После постного (из гастрономии, так как дома я ем скоромное) завтрака и краткого визита в Институт был на лекции Вильгельма, который угостил меня хорошим камнем; из чего видно, что лермонтовский стих: «И кто-то камень положил в его протянутую руку»¹ — не всегда может применяться для изображения человеческого жестокосердия. Потом был у меня Россидис. Вообще же мне — скучно! Читал на этих днях о кинантропии и лихантропии² (мания превращения в собаку и волка) у древних, в мифе и действительности. Между прочим, заметь: «A similar form of insanity is very common in Japan at the present day. The patient fancies either that he is a fox or that he has a

* Далее несколько слов смазано.

fox in his inside»³. У Абессинцев <так!> объектом болезненного представления часто бывает гиена: «Ein abessinisches Mädchen wurde plötzlich von dem Wahnsinn befallen, ein Wolf zu sein. Sie rannte davon, so dass niemand sie einholen konnte, bis sie endlich einen Knochen fand; sie verzehrte ihn mit der wilden Gier eines hungrigen Wolfes, — bis sie plötzlich wieder zur Vernunft kam»⁴. Видишь, как верно нарисована Эритра⁵. Возможно, что она кончила сумасшествием (эффектны были бы, хотя и опасны по романтизму положения, комбинации ее сумасшествия с безумием Опалина, его покушением на картину)⁶. Из всех искусств, искусство актера должно наиболее предрасполагать к безумию. [Оно] Сумасшествие предвещалось у Ницше его самоотраженным философическим актерством или, что то же самое, его игрою в маскарад. Ибо он, кроме филолога и музыканта, еще и актер: только соединение этих *трех* элементов его определяет. Он — первый в истории мысли пример игры ее в маскарад с собой самою. Мысль умеет быть лирической и петь — у Шиллера, плясать Eiertanz⁷ — у софистов и т.д., но еще не рядилась в маски, раздвояясь, разделяясь и прячась от самой себя, и себя же, играючи, обманывая. Этот исключительный психологический случай — несомненно, болезненный — саморазделения, вызываемого сознательно для игры, зрелища, танца, маскарада [внутри себя самого] в себе и с собой, — был случай Ницше. Это не мое наблюдение, а его собственное много раз высказанное признание. — Пока пишу это, горло стискивает нервными тисками, как во времена моих послетифных невралгий, которые опять повторились.

Целую Радость как люблю.

Ogasepre

День 88.

12. III / 27. II

7 час. веч.

Сегодня наша семилетняя годовщина, Любовь и Радость! А вспомнила ли ты день? В Риме были мы и год тому назад⁸! А теперь я один... Но жду с терпеньем и надеждой. Получил сегодня твое письмо⁹: и ты соскучилась! Но впечатление письма — впечатление большой душевной полноты. Такому богатству социальные ниспровергатели должны были бы больше завидовать, чем материальному достатку; но они не сознают себя пролетариями духа. Путанная лекция этого Фора (у вас в Женеве точно канун революции!), которой подробную запись ты прислала, была

диссонансом письма. Все же хорошо, что ты ее и слушала и мне сообщила. Реформа религиозного сознания необходима. Религиозный вопрос теперь в центре теоретических вопросов. Говорю не о догмате и конфессии, а о «духовной основе», религиозной стихии жизни. Нужен мыслитель, который бы открыл глаза невидящих на вопросы веры, и слуху неслышащих сделал бы внятными ответы Духа. Толстой обманул ищущих, религию и самого себя. Люди требуют, справедливо, как *le grand Art*, так и *la grande Philosophie*¹⁰. Ницше и здесь сделал *einen grossen Wurf*¹¹. До сих пор богословствует схоластика и философствует схоластика; а демократия, побеждающая, действительная демократия не признает схоластики, *und der Lebende hat Recht*¹². Но (— отчаюсь и я, как ты в последних письмах,) — все равно себя не напишешь в письме, не выскажешь... Сегодня я был в Институте, а на французское заседание пойти при сильной трамонтане¹³ поленился, так как прямо меня программа не затронула. Был у меня в это время Россидис, с которым мы читали стихи, песни Клефтов¹⁴ и беседовали о правах России на Константинополь. — Я был очень рад письмецу Анюты¹⁵, п<отому> ч<то> как раз в последнее время часто думал о ней (как и о Софии Александровне¹⁶), сам дивясь на свою привязчивость и на способность тяжело ощущать разлуку даже со столь далекими (по чувству) близкими как Анюта. В письме Сережи* мне понравилась его некоторая обидчивость на английский лад, но, впрочем, это рефлекс обидчивости Mrs. Tupper¹⁷. Записку последней еще не решился *déchiffrer*¹⁸. Маруся же относится к своему корреспонденту (т.е. мне) решительно *stiefmütterlich*¹⁹ Да и ты написала мало, сравнительно с длиной отчета о Воре <?> Форе... И — признаюсь вопреки твоей несомненной досаде — всем бы этим я воспользовался для романа! Напр<имер> комичны — отчасти, пожалуй, трагикомически — появление и исчезновение ряда защитников, и триумф «демагога», и ликование толпы так живописны! — *Je m’amuse*²⁰: читаю Аристофана в мастерском, живом переводе Дройзена²¹, чтобы иметь быстрый и легкий обзор целого. Имею сегодня из Харькова письмо — именное поздравление. Предыдущего не переслал: оно было, как и это, мало интересно. За деньги благодарили.

* Я ему написал на днях, что его в College балуют, что он идет слишком быстро, чтобы хорошо усваивать знания (Доказательство — Cambridge Exam.) и напрасно бранит Mr. King’a. (Прим. Иванова.)

Саша, по моей просьбе, лепит мне что-то из воска. Также М<а-
рия> Тимофеевна²².

Несут обед.

Продолжение, в обществе Снегиря.

Как хотелось бы быть с тобой! Нехорошо мне одному.

Сегодня выпью глоток вина с Итаки за нашу любовь. Посы-
лаю две маргаритки, сорванные на склоне Акрополя 19-го февра-
ля в честь матери и твою.

Целую, ласкаю нежно.

Твой В.

Orasempre.

Конверт со штемпелями: ΑΘΗΝΑΙ. 27 ΦΕΒΡ. 1902 — Genève. 16.III.02.

¹ Из стихотворения М. Ю. Лермонтова «Нищий» (1830).

² Эти слова Иванов пишет с фитой вместо т.

³ Подобная форма душевной болезни очень распространена в Японии. Паци-
ент воображает либо то, что он лиса, либо то, что лиса живет внутри него (*англ.*). См.:
Roscher W. H. Die Hundekrankheit der Pandareostöchter und andere mythische Krankheiten,
// Rheinisches Museum für Philologie (1898). Fasc. 53. S. 198.

⁴ Охваченная приступом сумасшествия абиссинская девушка думала, что она
волк. Она убежала прочь, и никто не мог ее поймать, пока она не нашла кость. Она
съела ее с жадностью голодного волка, и после этого к ней внезапно вернулся разум
(*нем.*) (*Ibid.* S. 199).

⁵ Персонаж из романа «Пламенники».

⁶ Речь идет о ситуации из «Пламенников».

⁷ *Буквально*: танец с яйцами (*нем.*). Подразумевается очень сложный и требую-
щий большой точности движений при исполнении танец.

⁸ О римском свидании 1896 г. см. переписку того времени. О недолгом пребы-
вании в Риме весной 1901 г. — в письмах Зиновьевой-Аннибал к М.М. Зяматниной
(Интермедия 3).

⁹ П. 447.

¹⁰ (Как) великого Искусства, так и великой Философии (*фр.*).

¹¹ *Здесь*: большой скачок (*нем.*).

¹² И живущий прав (*нем.*). Из стихотворения Шиллера «К друзьям» («An die
Freunde»).

¹³ Северный ветер в Средиземноморье.

¹⁴ От *греч.* «κλέφται» — разбойники, скрывавшиеся в горах и нападавшие и гра-
бившие турок; народ воспел их в своих песнях, как героев, борцов за освобождение
родины (*новогреч.*); см.: Брокгауз—Ефрон. Т. 29. С. 371.

¹⁵ Письмо А.Н. Шустовой нам неизвестно.

¹⁶ Мать Зиновьевой-Аннибал С.А. Зиновьева.

¹⁷ Единственное, что мы можем привести из сохранившихся писем С.К. Швар-
салона, — это пассаж из письма от 24.2 / 9.3: «У меня в школе все хорошо; я сегодня

видел мой герпорт у Mr. Paton'a; он "perfect". Я его получу завтра, принесу домой во вторник и пошлю Маме, как можно скорей» (РГБ. Ф. 109. Карт. 38. Ед. хр. 54).

¹⁸ Расшифровать (*фр.*). Возможно, здесь имеется в виду письмо от А. Таппер к Л.Д. Зиновьевой-Аннибал от 3 марта 1902 (РГБ. Ф. 109. Карт. 35. Ед. хр. 19. Л. 15а—15б).

¹⁹ Недоброжелательно (*нем.*).

²⁰ Я развлекаюсь (*фр.*).

²¹ Des Aristophanes Werke, übersetzt von Johann Gustav Droysen (Berlin, 1838). Johann Gustav Droysen (1808—1884) — историк, античник, переводчик. Профессор в Берлине с 1859 г.

²² Имеются в виду дочь Иванова от первого брака и его тетушка.

451. Иванов — Зиновьевой-Аннибал 28 февраля / 13 марта 1902. Афины

День 89.

Четв. 13.III / 28.II

11 ч. веч., в постеле

Дорогая Радость, любимое Счастье! Сегодня утром была твоя телеграмма к нашему празднику¹, и солнце мне очень ярко светило, и я очень высоко держал голову. (Против всякого рода «зубной боли»² также такие телеграммы — самое радикальное средство...) В таком виде я пришел и в Музей к Вильгельму, и прошел с победоносною праздничною медленностью — en flâneur³ — по Стадию⁴, и завтракал в ресторане, не дома, с какими-то торжественными — я чувствовал это сам — горделиво-праздничными аллюрами⁵... Придя домой, я услышал, что Фотини патетически восклицает: «Сохрани меня Бог впредь взять чужого человека в дом». Я осведомился, не обо мне ли речь, но оказалось, что девушка, проведшая здесь всего один день в прислугах, была уличена будто бы в попытке кражи — и прогнана. Отсюда великое волнение умов у моих [женских] сожительниц. С Россидисом мы читали приведенные в газете отрывки знаменитой «Молитвы на Акрополе» Ренана⁶, которой я, к сожалению, раньше не читал, хотя всегда интересовался ей. Было бы полезно практически рассмотреть это сантиментальное лганье, потому что оно некоторым образом резюмирует распространное теперь дилетантски-фальшивое облизывание на язычество в укол христианству. Речь же об этом в газете потому, что здесь, в Французском [Ecole] Институте, была выставлена (но прозвана мною) большая картина: «Ренан на Акрополе»⁷. Мой юноша — ординарный, плосковатый, а главное, не приученный и не желающий серьезно работать юно-

ша — очень доволен «Молитвой». Молится старый греховодник Деве-Афине, но, несмотря на аллюры язычника, из каждой строки высовывается католический семинарист. Впрочем семинарист виден в каждой строке и других его сочинений (факт, который наверно был бы сочтен за мой субъективный вздор изумленной Марусей). Твое письмо дорожное прочел уже в постели. По поводу Остроги, надеюсь, что уже давно получено мое письмо, где буквально написано то, чего ты от меня ожидала. Твои критики — хвалу и брань — «приемлю» in *Vausch und Bogen*⁸, что для меня, конечно, выгодно, т.к. хвалы столь перевешивают. Счастлив впечатлением «Наполеона»⁹. На мои «ученые» занятия смотрю, как хочешь, иронически, но на Марусины я не знаю как и порадоваться. Какое счастье этот курс практич<еских> занятий у *Vuilléty* — живой, разнообразный, содержательный, строгий, но вовсе не книжный, как нельзя больше [нужный Марусе] отвечающий культурным запросам и умственным склонностям Маруси и притом чрезвычайно удобный ей, благотворно освежающий ее! Ей необходимо держаться за такого — скажу, доброго товарища и будителя умственной жизни, как этот *Vuilléty*! Нужно ей и на след<ующий> семестр слушать его курсы. До свидания, Радость. Будь счастлива.

Целую. *Ora sempre*.

Какое счастье: какой добрый знак! Вдруг вижу еще новый последний лист твоего письма, еще не прочитанный, который я искал раньше, но не найдя, решил, что письмо обрывается. Сюрприз, словно новое письмо! — И хороший листок!

Твой В.

Конверт со штемпелями: АΘΗΝΑΙ. 28 ΦΕΒΡ. 1902 — Genève. 19.III.02.

¹ Телеграмма неизвестна.

² О «зубной боли» как эвфемизме ревности см. п. 440, 448.

³ Как празднующийся (*фр.*).

⁴ Стадий — мера длины в Древней Греции, вслед за этим — место для соревнований в беге на стadia. Здесь, видимо, имеется в виду, что к первой олимпиаде нового времени в Афинах (1896) был выстроен Мраморный стадион на месте древнего стadia.

⁵ От *фр. allure* (здесь — вид).

⁶ Жозеф Эрнест Ренан (*Josef Ernest Renan*; 1823—1892), французский писатель, иностранный член-корреспондент Петербургской АН (1860). «Молитва на Акрополе» («*Prière sur l'Acropole*») — первоначально глава из книги «*Souvenirs d'enfance et de jeunesse*» (1883), изданная отдельно в 1899 г. Опубликованного в греческой газете или журнале фрагмента этого произведения отыскать не удалось.

⁷ Картина воспроизведена в кн.: *Allinson Francis Greenleaf and Allinson Anne C.E. Greek Lands and Letters*. Boston, 1909, между страницами 74 и 75. Там указано, что она «с французской картины». Нам не удалось узнать ни современного местонахождения картины, ни имени художника.

⁸ Целиком (нем.).

⁹ Оценку дифирамба «Наполеон», сделанную Зиновьевой-Аннибал, см. в п. 448.

452. Иванов — Зиновьевой-Аннибал

1/14 марта 1902. Афины

День 90!

14/1 Марта

9 1/2 веч.

Лиля, — Борей и снег! «Н ῥωσσία»¹, — говорят Греки. Снег вечером слегка запорошил землю у дома. Я сегодня дома целый день; только в пинету заглянул утром. Ясный, но очень свежий день. Цветут пышные маки. Темно синее небо над скалой и монастырем. Парнас весь в снегу. — Россидис завтра справится о твоей мелодии, которую он списал и напел, в большом музыкальном магазине на улице Эола. Здесь есть еще «румынский марш», но это ведь очевидно не то. М<ожет> б<ыть>, это вовсе не румынская, а греческая песня, — и тем труднее так отыскать ее. Будем впрочем надеяться. — Письма и обещанного — сегодня нет! Может быть, ветер тому виной. — Сегодня мне уютно, поэтому ч<то> — как и приличествует зимой, — я могу дома пососать свою лапу — занятие поэтов, по признанию Пушкина². Россидис говорит, что друг его поехал в Женеву учиться правам. Хочется ему тоже в область французского языка. Я говорю: приезжайте в Женеву — там будут у вас друзья — ваш приятель и наша семья. Только я поохладел к юноше, вообще впрочем совсем не дурному. Ему хочется учиться музыке (мандолинист!), языкам и, по возможности, не учиться наукам, но пообразоваться для своего писательства. Дельного из него, кажется, ничего не выйдет, как и очень талантливого. —

Пришли ты мне, пожалуйста, *опять* прошу, Note Books³ — очень нужны — и других прелестей лондонских, и Сереже закази для меня! Note Books («Reporter's N. B.») синенькие — «price

* Фотини, немного завистливая, осведомившись, все ли благополучно, стала сейчас же сообщать Родофее, что телеграмма европейская стоит двенадцать франков золотом. (Прим. Иванова.)

6 d⁴)» — толстые, форматом немного поменьше этого листа: у нас, наверное, есть. —

А когда же будет портрет декольте?

Спасибо, Радость, за то, что учишься у фортепиано с мыслью обо мне. Целую, как люблю и мечтаю

Твой В.

Конверт со штемпелями: ΑΘΗΝΑΙ. 2 <?> ΜΑΡΤ. 1902 — Genève. 19.III.02.

¹ Россия (*греч.*).

² Иванов ошибся: это фраза, поставленная эпитафией к стихотворению М.Ю. Лермонтова «Журналист, читатель и писатель» (1840). Во французском оригинале: «Les poètes ressemblent aux ours, qui se nourrissent en suçant leur patte. *Inédit*», т.е.: «Поэты похожи на медведей, которые кормятся тем, что сосут свою лапу». Как указано в примечаниях Э.Э. Найдича, этот эпитаф — «прозаический перевод двустигий из "Sprüche in Reimen" ("Изречений в стихах") Гёте» (*Лермонтов М.Ю.* Полное собрание стихотворений: В 2 т. Л., 1989. Т. 2. С. 613).

³ Блокноты (*англ.*).

⁴ То есть 6 пенсов (*англ. устар.*). В данном случае сокращение происходит от латинского «denarius» (название римской монеты). Позже система обозначений переменилась, и d⁴ стало обозначать шиллинг.

453. Зиновьева-Аннибал — Иванову 25 февраля — 1 марта / 11—14 марта 1902. Женева

Вторник 11 Марта. 8 веч<ера>. Сена. Маруся у стола. Вера, дрянь, закопалась за уроками и потому будет трагедия: я отказалась молиться с ними, так как Лидия уже в постели. Лидия продолжает быть отвратительной кривлякой и подлой. Ах, когда она вырастет наконец и примет человеческий вид! Сегодня я позволила Hilda попить чай с детьми в 4 часа и поиграть с Лидией в саду, так кончилось таким кривлянием отчаянным нашей девочки, что Марусе пришлось ее за дерзость и ломания запереть в комнату на ¼ часика, и тогда только она пришла в вид человеческий. Она вся в меня, и оттого я ненавижу ее. Я почти уверена, что я была гнусная ломака. Ведь ты никогда не кидался, как слюнявая собаченка, лизать всех встречаемых и не кривлялся в каких-то припадках сладострастия. Ах, как противна она! А может быть очень эстетичной девочкой. Вообще она тайна, которая будет раскрываться понемногу, но дружбы с нами вряд ли будет иметь, как остальные дети. Она вся в себе замкнута: это уж в тебя, и не *нуждается ни в ком!* Это уж ни в тебя, ни в меня. А впрочем, ничего о ней не знаю.

Дотя, как ты мне надоел Россидисом. 2 стран<ицы> и 4 строчки¹.

Ну, начинаю. «Феликс» был вчера очарователен. За обедом я посадила рядом с ним Miss Blackwell, его место там всегда возле Маруси против меня. У Miss Blackwell была голубая кофточка, которую Феликс нашел éblouissante², отчего, чтобы быть достойной <так!> соседки, он занялся усиленно кручением своих длинных (длиннее твоих), но, Маруся говорит, тонких усов и всё охорашивался, поглядывая на нее. Когда же явилась треска, он принялся громко восклицать: «Oh! Ah! quel aromat! Oh!»³, и подскакивал, и веял руками перед носом, Маруся говорит — длинным, но когда явился чеснок с салатом letuc⁴, то он загудел от удовольствия и всё дурачился, поймал кусок чесноку на вилку и стал восклицать, умильно глядя на него нежно влюбленными глазами, Маруся говорит — выпученными. (Его наружность вот какова: Вера говорит — Орел, Маруся — кузнечик). Он восклицал: «Вот он, вот он, а.. а.. а вот он, милый!» А Оля говорит очень серьезно, даже строго: «Это совсем не он». Смущение Феликса: «Как не он.. кто же это?» — «Не знаю. Только не он». — «Вот оно всегда так! Toujours mystère⁵! Но кто же ты, кто же ты?» Умильно чесноку: «Где же он?» — «Сегодня не будет его. Другой раз!». Феликс огорченно негодует. Мы разговариваем о Monté⁶ или чем-то другим, вдруг стоны гудят. Все глядят, опя<ть> Феликс с чесноком. Он теперь раскусил «милый белый кусочек!» и стонет: «Это был он! это был он!» и т.д. А после обеда мы пели. Я страшно трусила петь его вещи. Это очень страшно — петь самому автору. После пения вообще снова хохот, потому что Острога вновь испугался голубой блузы Miss Blackwell и, схватив камертон, принялся перед зеркалом в Hall завивать усы. Не кончался смех до 10 часов 10 минут, когда всех гостей проводили к конке. И завтра на уроке музыки мы решили поставить перед Острогой Кристинины завивательные щипцы (купленные для бала), лампочку и складное трехликое зеркало, и, принеся ему обычный его чай (во время урока), Маруся наивно зажжет спирт и скажет: «Готово для завивки усов!» Ты видишь, какой он дитя, а уходя, он просил позволения летом приходить играть в разбойников и cache-cache⁷. Он с Олей стукнулся лбами прошлым летом, влетев под стол из сада и не зная, что она уже там спряталась! А вот тебе его родословная: Отец Литвин Молчковский после 63 года⁸ бежал через границу. Мать, княгиня Оболенская, бежала от мужа с ним и

с одной дочерью Оболенского. На юге Франции тот принял вымышленное имя Острога. Они, конечно, не венчанные, и Феликс и сестра его — дети свободной любви. Девочки Феликса 2 у его сестры во Франции. Дети его покойн<ой> жены (вдовы) у Реклю⁹. 4 страницы и 8 строчек исписаны.

Довольно.

Среда 12 Марта. Число моего колечка. 11 час<ов>. Hall. Дотя, к утру нашего anniversaire¹⁰ я получила чудное стихотворение от одного мальчика-памáтита¹¹. Если бы это стихотворение принадлежало Дотику и подходило по стилю, я поместила бы его в сборник «Кормчие Звезды», после «Ночи в Пустыне». По идее, мне чудится, оно непосредственно касается «сияли древле звезды те же»¹². Верно ли я чувю? Отзвук небес и пробуждение к <?> сознанию и всеобъятию супруги там при вести о Рождении, здесь при Смерти, Погребении и Воскресении Преображенной вселенной. Дионис в Солнце и Христос под Древом кипарисным. И тоска по разлуке в ожидании искупителя!

Как хорош язык, чисто и богато народный, и просто, и красота образов такая, что от нее одной можно плакать. Я читала Оле, и она сказала: «Это, должно быть, святой!» — и была поражена красотой и ясностью и сказала: «А много есть у В.И. — очень красиво звучит, но нельзя понять ясно значения».

9 час<ов> веч<ера>. Сена. Дотя, вот так день неожиданностей. День визитов: была у Mrs. Last, та самая, к дочерям которой я «ревную» Острогу. Нас с ее старшей дочерью Евой познакомили у Mme Zibelin еще на том вечере. Она очень культурная, «умственная» особа, и симпатична, и как англичанка уже по существу не опасна в смысле навязчивости. А дочери ее кажутся мне приятными, во всяком случае, старшая, очень серьезная девушка. Младшая немножко сумасшедшая, но весела и остроумна и обвороживает. Впрочем, сегодня я видела лишь мать, а о них говорю по прежним впечатлениям, когда еще не знакома лично была. После того пошла к Mrs. Strachan, чтобы по просьбе Веры и Miss Blackwell попытаться отложить представление на лето. Вере всего неделя вакаций, и она хочет иметь больше Сережу. Но Mrs. Str<achan> я не застала. Мальчик Strachan был так груб на репетиции у них, что Вера пришла совсем смущенная. Он называл ее «beastly ass»¹³ и кричал ей: «Hold your rotten jaw» (челюсть)¹⁴. Я считаю нужным сделать ему строгое замечание. Не знаю, что из этого выйдет! От Mme Str<achan> прошла к Mme Zibelin, чтобы

переговорить об Олиных уроках пения, и там пила чай и много говорила у <так!> Faugé. Mme Zib<elin> друг Elisée Reclu и его дочери — покойной жены Остроги, и потому анархистка. Par grincire¹⁵ она должна обожать Faugé'a, но я довольно удачно подставила основательные ножки этому красавчику, и она сильно осадилась. Она мне сказала, что в 5 час. в Женеве читает лекцию господин, бывший 20 лет пастором и отложившийся от церкви ради свободной веры. Очень глубокий и честный человек, и хотя плохой оратор, но не читающий для массы, а для более культурных людей¹⁶. Я решила идти, и даже ее соблазнила, несмотря на то, что был ее jour fixe¹⁷. И она пошла со мной. Интересный conférence¹⁸ человека глубоко религиозного, человека тонкого и деликатно скрупулёзного к своей душе, красивого человека, одним словом. Говорил о религии — по существу сознание de quelque chose de reçu et de la férière^{19*}.

Потом говори<л> об евангелистах, их характере, и о Христе как о «Сыне Человеческом», в себе несущем идею человека как религиозного существа, purement religieux²⁰, как призвание, как смысл жизни. Он говорил о Канте совершенно так, как я только что перед этим говорила о нем Mme Zibelin, т.е. что после него странно говорить с наглой уверенностью Faugé'a о мире как объекте. Тепер<ь> Маруся на глупой лекции Villietty <sic!> о фресках думы женеvской²¹, Оля на уроке. Я долго болтала с Miss Black<well>, развивая в ней критику и свободу взглядов на воспитание и пр. Мы обе стояли всё время в кухне и наконец сели на кухонный стол. Она очень любит со мной поболтать, и я часто теперь делаю это, чтобы больше сдружиться с ней. Она славная девушка, но, как осторожно сказала Mrs. Last, «she is <a> typic<al> English girl»²². Дотя, последние слова сегодня тебе: люблю, как любила 7 лет тому назад, но теперь *знаю*, как люблю, тогда не могла еще измерить.

88-й д<ень> м<ужества>. Четверг. ¼ 8 утра. Здравствуй, Дотя — Татата! Бегала вниз в ванну, но еще из-за четверга Костя и Лиля запоздали, и я имею время послать тебе первый утренний привет. Солнышко глядит в открытое окно, и оно то же, что у маво даогово Доти. Целую. Бегу в ванну. Костя тихонько внизу лестницы зовет.

* Несколько строк оставлено незаполненными.

89-й д<ень> м<ужества>. 14 Марта. 02. Пятница. Сена. 11 ½ утра. Дорогой Дотя, все длятся дни наши. В прошлом году мы* были в Риме! Дотя, целую тебя нежно всего, моего всегда неизмеримого, всегда неизмеримого. Ах, Дотя, вот первый звонок, никогда этого не было: — всё утро пропало на.... романтические беседы 1) о Марусиной матери (страшно интересно)²³ 2) о самой Петиаде и других *мозинданностях*!²⁴ 3) О Эрнестиаде, 4) о Константиниаде, вот загадка (конечно, не простой Шварсалониаде)²⁵. Чистая <?> беда, ибо результат сего — *matinée gâchée*²⁶. Утешаюсь тем, что это *первая*. 1 ч<ас> дня. *Idem*²⁷. Дотя, вот вчерашний день: утром пение и, главное, игра. Всё учу аккомпанемент «Erlkönig»; хочу знать его à perfection²⁸. Разучивала еще Schubert'a «Das Meer»**²⁹. Очень красиво. Напиши, что еще для тебя приготовить Schubert'a или Schuman<n>'а. После завтрака писала письмо Сереже и потом роман. Работала так усердно, что не оторвалась даже для словечка тебе, тататá... А писала: «Чиччо и ежа, Чиччо и черепаху». Ах, как Чиччо хорош, я влюблена. В 5.20 приехал неизбежный Острога. (Маруся только <что> прибежала всю дорогу наверх, только чтобы поцеловать меня перед отъездом на лекцию.) Маруся предложила ему шипцы и зеркало, но он был довольно холоден к ее шутке. И передал мне несколько листов музыкальной рукописи. Оказалось, это «Une jeune fille parle!»³⁰. Он долго дума<л> о ней и написал в два дня. Он сам тотчас сыграл ее и пропел мелодию. Вещь написана voll Stimmung³¹ и нюансов. Очень мне напоминает по духу Schubert'a, но притом *его*, т.е. Остроги. Весь дух его музыки совершенно оригинален и très prononcé³², т<ак> что его можно всегда узнать. Особенно хорош припев: «Dieu ai ri-ti-é de mon âme!»³³ Он был очень нервен и взволнован вчера, не мог долго начать урока. Всё говорил. Он только что показывал романс своему учителю гармонии и Lacroize³⁴ (кажетс<я>), и тот был очень им доволен. Болтал он без конца, о том, как он писал, о том, как вышла каждая нота в гармонии и т.д., и еще говорил, что, сам не зная, он как-то делает странные неправильности в своих сочетаниях музыкальных и что компетентные люди от<к>рывали у него не раз греческую гамму вместо европейской. Я ему сказала, что ты пишешь вещь с хором

* В тексте — они.

** Пропуск в тексте.

и Алекс<андра> Вас<ильевна> посоветовала Legrand²⁵ написать тебе музыку, — я же мечтала, что Фел<икс> В<алерианович> напишет. На это он сказал, что для этого еще должен учиться. Что писать на древнегреческий хор страшно трудно, хотя и заманчиво. Вообще его отношение очень осторожное и как бы святое к греческой трагедии мне понравилось. Кроме того, он говорил о своей тупости практической и том, что по je ne sais quoi³⁶ не печатал, когда мог бы, в журнале, что не показывал вовремя кому надо. Словом, очень сходен с тобою. Он еще был взволнован, потому что хотел мне показать отзыв о нем из «Journ<al> de Genève», где заведует музык<альным> отделом директор консерватории, и Стёпа уже утром его поздравил: «С чем?» — спрашивает Острога. «С ординарной профессурой» — «Что такое?» — «В “J<ournal> de Gen<ève>” о тебе хлалобная <так!> критика!» — Вот наш Феликс и взволновался, да то <так!> того, что руки как лед, и стал болтлив, как совсем не в его обычае, потому что он страшно сдержан лично *personellement*³⁷ при всей шутивости. А здесь даже курить попросил, и всё двигался по hall и говорил. Я первая слышала помимо <?> профессора его романс, и он мне сказал: «Je suis très heureux que la romance vous a plue!»³⁸ Я сказала: «Ah oui elle m’a plue et je croix que je l’aimera encore plus quand je saurais la chanter!»³⁹ Он мне оставил рукопись до понедельника, хотя она в brouillon⁴⁰ и без дубликата. Он говорит: «Надо, чтобы она *отстоялась* (его слова *по-русски*), тогда я кое-что переделаю в аккомпанементе». Очень уж красив аккомпанемент. Так музыкально, и сердце стесняется.

Да, кстати, Дотя. Он не крещен вовсе, и М. относится к его настоящей фамилии⁴¹, и по-польски он не знает, и с Поляками не знаком почти, и вообще он не человек жизни и не человек теории. Оттого с ним говорить ни о чем нельзя «интересно», а можно только сердечно или шутиливо. Это человек «импульсов, а не рефлексов», и прост как дитя, и достаточно «дитя», чтобы быть артистом. Enfin⁴² — я думаю, не привезти ли мне его в Грецию: ему будет полезно, и здесь по нашему возвращению мне его будет заменять поэт-идеалист — Россидис. Кстати, Дотя, я всем сердцем сочувствую Россидису, но, дитя, предупреждаю тебя не увлечься через край, как я чуть не увлеклась проэктом с Франциска <так!>. Слишком дорог балланс <так!> правильный семейной нашей жизни, чтобы рисковать такими неожиданными ново-

введениями. Я теперь всё поняла хорошо и ясно о том, что нам надо. Вера женщиной становится. Она будет спать с Лидией в большой комнате и иметь свой стол и уют и вместе присмотр за Лидией некоторый. Костя с Сережей. *Две прислуги* (непрерменно *простые прислуги*) будут иметь свои мансарды и больше места в доме ни матерьяльно ни нравственно нет. Когда долго не был в семье, то, я сама знаю, не так ясно судишь о ее нуждах. Словом, ничего не решай до меня, вот что я прошу.

Теперь еще дело: прошу твоего решения: надо ли предлагать открывающуюся ваканцию *Анюте*⁴³. Спрашиваю исключительно потому, что ты еще летом говорил, что такова наша обязанность перед нею. Сама же, ты знаешь, смертельно боюсь Анюты, из-за которой так много страдала и влияние которой вряд ли хорошее на детей. Но замуж здесь, может быть, выйдет, или познакомится с толстовцами. Напиши тотчас. Дело спешное. Вчера вечером после обеда мы с Марусей и Олей ходили в *Petit Sacconex*. Возвращались при луне (с прав<ой> стор<оны>) и звездах вдвоем с Марусей (Оля уехала оттуда к *Mme Zibelin* петь в хор) и говорили о любви и дружбе. Причем я предлагала разрешение антогонизму <так!> якобы идеальной дружбы однополой и любви двуполой в дружбе двуполой, т.е. новая женщина должна дать не только любовь мужчине, но *дружбу* в том идеальном смысле, в каком понимал ее Платон и Греки, и благодаря взаимного *дополнения* <так!> женщины и мужчины не надо будет дополнять дружбу между мужчинами античным содомитством и сафизмом между женщинами. Т.е. я говорила, что дружба — это нравственное влечение полов, страсть — физическое. Любовь — соединное. И дружба между однополыми существами невозможна. Женщины могут только *любить* друг друга, особой нравственной жалостью, заботливостью, чем-то таким, но не дополняя, следовательно, не эгоистически и непоколебимо. Женщины идут рядом, женщина и мужчина как в любви, так и в дружбе идут один в другом, ибо колесики зацепляются. Ну, баста — ничего не поймешь. Уходит день. Целую тататү.

7 ½ веч<ера>. Спешу, Дотя, почта отходит. Была у расклеенного дедушки. Прибежал ко мне и Костя. Он свою работку делал совсем один и по своему выбору и почину. Я пригласила Юл. Мих. поправиться к Марусе: она нехороша: так худа, что не может бандаж носить для почки оторвавшейся и нуждается в воз-

духе и покое⁴⁴. Она мне кажется очень хорошею девушкой, с большим характером и потому себя тяжело ищущей.

Целую, обожаю.

Лидия.

Маруся бежит на почту. Оказывается, есть 10 мин<ут>. Вот выписки газеты «Suisse»: «Dans le quatre pièces chantée par et ... Mr Ostroga s'est révélé compositeur délicat. Il n'y a pas d'exagération à dire qu'il nous a fait penser à Schumann par la mélancolie et la profondeur de ses chants et surtout par l'union très intime de sa musique avec le poème».

Journ<al> De Gen<ève> (главное) «..... ces remarquables compositions ont révélé au public un talent d'une réelle originalité et d'une grande profondeur»⁴⁵.

Целую Дотю.

¹ Скорее всего, речь идет о п. 445.

² Ослепительной (*фр.*).

³ Ох! Ах! Какой аромат! Ох! (*фр.*)

⁴ Латук (*фр.*).

⁵ Всегда тайна! (*фр.*)

⁶ Вероятно, Л.Д. должна была написать *montée*, т.е. подъем, восхождение (*фр.*).

⁷ Прятки (*фр.*).

⁸ Имеется в виду польское восстание 1863 г., жестоко подавленное. Известные нам сведения о родителях Ф. Остроги приведены во вступительной статье.

⁹ См. п. 436, прим. 19.

¹⁰ Годовщина (*фр.*).

¹¹ На «детском языке» — мальчика-пай-мальчика. Приложенное к письму стихотворение не сохранилось, хотя несомненно, что имеется в виду «Гость» (подробнее см. п. 446, прим. 6).

¹² Строка из стихотворения «Ночь в Пустыне» («Кормчие звезды»).

¹³ Ужасная ослица! (*англ.*)

¹⁴ Заткнись! (*англ.*)

¹⁵ По принципу (*фр.*).

¹⁶ В газете «Journal de Genève» 12 марта 1902 была объявлена лекция: «8 h.s. Aula de l'Université. Cours publics et gratuits. Première conférence de M. Paul-Hyacinthe Loyson: «La conscience de l'humanité», т.е. «8 часов вечера. Аудитория "Аула" в Университете. Публичный и бесплатный курс. Первая лекция г. Поля-Гиацинта Луазона "Сознание человечества"». Называемый здесь Paul Hyacinthe Loyson (1873—1921) был драматургом и не подходит к описанию, данному Зиновьевой-Аннибал. Однако очевидно, что имеется в виду его отец Charles Hyacinthe Loyson или «Père Hyacinthe» (1827—1912), который был известным католическим священником, полемизировавшим с Ватиканом. Он покинул церковь в 1871 г., в 1872 г. женился на богатой аме-

риканке, потом основал свою собственную «галльскую» церковь. Он часто бывал (не исключено, что и постоянно жил) в Женеве в 1902 г., нередко упоминался в газетах. Например, 12 марта в «Journal de Genève» был большой отчет о его лекции «в прошлое воскресенье», т.е. 9 марта.

¹⁷ Журфикс, день, когда устраивается прием (фр.).

¹⁸ Доклад (фр.).

¹⁹ Чего-то полученного и еще — праздника (фр.).

²⁰ Чисто религиозного (фр.).

²¹ Речь идет о лекции, объявленной в «Journal de Genève» того же 12 марта: «Г. Профессор А. Вюйети в 8 ½ ч. сделает в большом зале Атеней сообщение, сопровождаемое демонстрацией диапозитивов, о фресках, открытых в Мэрии».

²² Она типичная английская девушка (англ.).

²³ Павла Афанасьевна Замятнина (ум. 1914). Сведениями о ее ранней жизни мы не обладаем.

²⁴ О чем идет речь, установить не удалось.

²⁵ Шварсалониада — от фамилии К.С. Шварсалона. Но каким образом он участвует в обстоятельствах жизни М.М. Замятниной, непонятно.

²⁶ Пропавшее утро (фр.).

²⁷ Там же (лат.).

²⁸ В совершенстве (фр.).

²⁹ «Море» (нем.). Речь идет о песне «Am Meer» на стихи Г. Гейне (1828), начинающейся: «Das Meer erglänzte weit hinaus...»

³⁰ «Девушка говорит» (фр.). Имеется в виду стихотворение Ж. Мореаса, процитированное Зиновьевой-Аннибал в п. 407.

³¹ С полнотой чувств (нем.).

³² Очень резко определен (фр.).

³³ «Да помилует Господь мою душу!» (фр.)

³⁴ Нам не удалось обнаружить человека с такой фамилией, подходящего по контексту. Не исключено, что имеется в виду европейски известный композитор и педагог, в то время профессор Женевской консерватории Эмиль Жак-Далькроз (Emile Jaques-Dalcroze; 1865—1950), основатель особой школы ритмического движения.

³⁵ О ком идет речь, непонятно. Сколько-нибудь известного композитора с такой фамилией, жившего в начале века, обнаружить не удалось.

³⁶ Непонятно почему (фр.).

³⁷ Лично (фр.).

³⁸ Я очень счастлива, что романс вам понравился! (фр.)

³⁹ Ах, он мне очень понравился, и я думаю, что полюблю его еще больше, когда научусь его петь! (фр.)

⁴⁰ Черновике (фр.).

⁴¹ Имеется в виду рассуждение Иванова в п. 445 о том, что F.M. Ostroga должно расшифровываться как Felix Marie, тогда как на самом деле M. здесь — первая буква настоящей фамилии его отца — Мрочковский.

⁴² Наконец (фр.).

⁴³ А.Н. Шустовой. О сложностях в отношениях свидетельствует письмо В.А. Гольштейна к Зиновьевой-Аннибал от 26 января 1898 г.: «Дорогой друг, Лидия Дмитриевна.

Здоровье Анюты хорошо. Никакой болезни у нее нет. Она просто человек нервный, и эта нервность скорее достоинство, чем недостаток. Поживает она у нас тихо и спокойно; спит весьма недурно.

Вы желаете знать мое мнение о Ваших намерениях по части Анюты. Скажу Вам с полной искренностью и с полным убеждением (и таково также мнение А.В.), что я их не только нахожу неосновательными, но прямо осуждаю. Анюта редко хороший человек, Вы с ней много и долго прожили и пережили, причем она доказала и свою горячую преданность Вам, и свою способность быть полезной, необходимой, незаменимой. Расставаясь с ней, хотя бы на время, порывая интимную нить, связывающую Вас с ней, Вы не только поступили бы безнравно, но Вы лишили бы себя опоры, которая — кто знает? — может понадобиться. За такой поступок неосторожный и несправедливый, чтоб не сказать более, Вас может наказать судьба: il y a un justice immanente!

С Анюткой трудно ужиться! С каким же человеком, имеющим душевную физиономию и горячее сердце, не трудно порой ужиться? <...> (РГБ. Ф. 109. Карт. 16. Ед. хр. 42. Л. 3 и об).

⁴⁴ См. в письме Ю.М. Замятниной к сестре, помеченном: «Четв. 6/21 1902»: «Сегодня же я отправилась к Науку. Он сказал, что несмотря ни на что, мне очень хорошо поехать; но предварительно осведомившись подробно об условиях жизни. Затем сказал он, что мне надо жиреть, никаких особенных лекарств, а для бандажа я худа. Все же остальное у меня происходит из отчаянной нервности, которая нажилась неприятностями и гнетущими меня мыслями. От всего этого он меня уговаривает отдалиться и успокоиться» (РГБ. Ф. 109. Карт. 27. Ед. хр. 70. Л. 21 и об.).

⁴⁵ «Швейцария»: «В четырех пьесах, спетых и, г. Острога проявил себя тонким композитором. Не будет преувеличением сказать, что меланхолической и глубиной своих песен, а особенно очень тесным союзом его музыки и стихотворения, он заставил нас подумать о Шумане». «Журналь де Женев» (главное): «..... эти замечательные композиции открыли публике талант настоящей оригинальности и большой глубины» (*фр.*). Вторая цитата — точное воспроизведение строк из хроникальной заметки «Musique» (Journal de Genève. 1902. 13 mars). Первая цитата не была обнаружена в комплектах женеvских газет за этот день.

454. Иванов — Зиновьевой-Аннибал 3—4 / 16—17 марта 1902. Афины

День 92.

16/3 III.

9 веч.

Вчерашнее письмо¹ к счастью не отослано, милая Радость: мне стыдно, что я написал столько глупостей! Да поглотит их Лета. Но я был, право, совсем пьян. Пьян от счастья, что ты такая красавица, и — *entre nous*!² — влюблен, «как в первый день...» — и соответственно горд, глуп, болтлив, нелеп! Эффект в нашей пустыньке ты произвела чрезвычайный. Многих наслышался комплиментов твоим *плечам*! *ᾠραίων ὀμῶν*!³ Ваши послылки были мне радостью несказанной, а в доме — событием. Все изучали фотографии и выслушивали мои обстоятельные комментарии, которые шли вглубь вещей, даже до происхождения наших медведя и волка. Необыкновенный успех имел Костя с метлой.

Очаровательная фотография! Кто прислал — Маруся? — загля-
денье ножичек-закладку, маленький перл? О, очаровательный
альбомчик! Сегодня он у меня полон. О, любовный замысел, лю-
бовный тихий труд, понимающая, в душу говорящая ласка сердеч-
ного друга! Вчера был холод. Я сидел дома, с жаровней и кифа-
рой. С утра голова кружилась от прозрачных звонов и лилейных
<?> стонов нашей «упадочной» (как говорят в «Нов<ом> Време-
ни») Музы. И вот настал «der goldene Mittag»⁴. Фотини вошла, —
но мне казалось, что это не Фотини, а верблюд, нагруженный да-
рами Востока. Мне хотелось сесть на верблюда и поехать по го-
роду — показывать и хвастать... Гашиш!.. Я до того был глуп, что
выхвалял тебя Россидису и как писательницу, и такое говорил про
твое творчество, что юноша, соотечественники которого покрыва-
ют по-турецки лицо, — только рот разинул. Еще бы! Сначала он
обомлел при виде «ντεχολτέ»⁵, а тут же сейчас — «Denksopha»⁶
(выражение немецкого Аристофана о Wanzencaparé⁷ Сократа)...
О, милый альбомчик! чего в тебе только нет! — волки и медведи,
колотцы, драгоценные ковры, амфоры, античные позы, качели,
Denksophas, мрачные волны, гульки⁸, Маруси, гулькомаруси,
вдохновенные стили у поэтических уст («ἐμλνευσμένη!» — гово-
рит юноша — «вдохновлена!»), «смешные» столики, капуанские
Венеры, родинки на мизинце, турецко-лесбические диваны,
мальчики с метлой, Красные Шапочки (без шапки), перипатети-
ческие скамейки, меланхолия в осеннем саду, меланхолия у ко-
лодца, опять звери (триадами: волк, медведь и пантерка), Смут-
ные Чувства.... Гашиш! гашиш! Закрываю альбом — и испытываю
полное действие гашиша: женские плечи, головки, твой рай, про-
рок!⁹ — Вижу, что рано порадовался, что вчерашнее письмо по-
глощено Летой: и сегодня довольно хватило дури, на кучу новых
случайностей. Так, значит, тому и быть!

День 93. Мои именины. Дорогое Счастье! Целый день у меня
светло на душе. Урок был дома и в *певках*; пополудни в Институте.
Ты испортила меня твоим malocchio¹⁰ на научный пыл, и в
ушах у меня все парнасские гармонии. Радость, Россидис тебе
отослал сегодня через магазин (другой) «Румынскую патриотичес-
кую песню»: если это не та мелодия, я буду в отчаянии. Он не
уверен, но кажется и ему и купцу, что мелодия соответствует то-
бой приблизительно записанной мелодии. У Фотини теперь но-
вая забота: менять на мольберте твой портрет. Каждый день своя
очередь каждому из трех. Первенство имеет портрет en face; ты
очень красива. Сегодня профиль пер<е>до мной, очарователь-

ный, с чудесным лбом (хотя Фотини и находит, что нужно было бы немножко спустить волосы — я не согласен). Я очень доволен портретами... Россидисом я все-таки очень доволен: премилый и преумный юноша. До свидания. Целую страстно, и благодарен, как не умею сказать.

Твой Orasempre.

Вчера утром — в Институте. Пополудни узнал от Ф<отини>, что Россидис должен бежать из-за долга Родофее (за квартиру — за 2 месяца — 30 драм). Я призвал его и заплатил за 1 ½ месяца (до конца Марта). Сказал, что буду платить 15 др<ахм> в мес<яц>, как говорил Фотини, за 6 неделён<ых> уроков, он говорит, что ему ничего не нужно. Но по секрету от Ф<отини> и проч., я прибавил ему: 20 в месяц, 30 всего. Он был очень счастлив и благодарен. При этом он очень тактичен и деликатен. В.

Семейный календарь праздников, s'il vous plaît!!!¹. Когда праздники Маруси?

Радость, люблю тебя. В.

¹ Упомянутое письмо действительно не сохранилось.

² Между нами! (фр.)

³ Прекрасное тело! (греч.)

⁴ «Золотой полдень» (нем.).

⁵ Декольте (греч.).

⁶ Диван для размышлений (нем.). Выражение неоднократно появляется в переводе. См. *Des Aristophanes Werke. Übersetzt von Joh. Gust. Droysen. Teil 1, Leipzig 1881 (dritte Auflage)*. S. 197 (начальные строки второго акта) и 201.

⁷ (О) клопином диване (нем.). Этого слова нет в переводе, который читал Иванов, но оно подразумевается, ибо есть и диван и Wanzen вместе (опять с. 197 и 201).

⁸ Так М.М. Замятнина нередко называла в письмах Зиновьеву-Аннибал.

⁹ Перечисляя фотографии предметов общего поклонения, которые теперь у него имеются, Иванов в конечном счете сравнивает свое нынешнее положение с мусульманским раем.

¹⁰ Сглазом (ит.).

¹¹ Пожалуйста!! (фр.)

455. Зиновьева-Аннибал — Иванову 3—4/16—17 марта 1902. Женева

91-й д<ень> м<ужества>.

16 Марта. Страшно потешный день.

17 Марта. 92-й д<ень> м<ужества>. Вот так денек вчера. (10 час. утра. Сена). Дотя, вчера с утра панихида, а вечером ария

Далилы¹, которую я сравниваю с духами «Corilopsis»², духи, которые я теперь мешаю с моей вервен <так!>³ (я ими душилась в Nervi у мамы, и потом, кажется, месяца три вся я ими пахла). (Кстати, нравится ли тебе смесь: один запах ты знаешь с Флоренции, другой с Рима). Запах корилописис абсолютно сходится, по моему, с запахом ванильной орхидеи. «Кстати», романс Остроги «Le fenouilles m'ont dit...» напоминает «Trèfle Incarnat»⁴ — духи, которыми пахнет эта бумага. Нравится тебе запах? Итак, à l'ordre <?> du jour⁵. Вчера утром — картолина твоя Марусе. Письмецо мне⁶. Бедный Тататá! Зубки! И ты не решился их вырвать? Дай Бог, чтобы теперь прошли, а то и портреты, 6 лет ожидаемые, не принесут радости. Я же с нетерпением ждала днем часа, когда могла с уверенностью сказать: «Дотя получил портреты и альбом и он теперь совсем, совсем не один». Скоро теперь начинаются твои gigs. А к нам скоро приедет Сережа. Сегодня Пэтон мне писал и сообщил, что Сережа получит просимое удлинение вакации, т.к. заслужил honours⁷. Я не знаю, насколько он хорошо прошел. Пэтон поздравляет. Но я тоже думаю, что они там его преувеличивают. Просто не понимаю, почему они так льстят ему. Или уже так низок average⁸ английских детей. Но почему же? Ну, дальше: были мы все вместе в церкви, и Олечка служила панихиду после обедне <так!> по матери (годовой день). Да, до церкви была маленькая драма: утром Костя и Лидия хохотали и болтали так громко, что разбудили нас с Марусей, и я на них накричала и запретила Косте идти в церковь. Но в момент, когда остальные пошли (я с Мар<усей> поехала на ½ часа позднее), поднялся такой горький плач у Кости, что я простила его и не раскаялась: он вел себя примерно в церкви, где стоял и молился так горяче и чисто в течение 2 часов и не соглашался сесть. И потом гулял примерно с Лидией и Miss Bl<ackwell> в Petit Lancy⁹ через реку. И вечером сидел, когда мы пели «Не искушай»¹⁰, возле рояля и строил те же восторженные рожи, что во время концерта Бремá. Да, он имеет большую любовь к музыке. А вечером, прощаясь, он спрашивал, прижимаясь ко мне: «Я был хороший сегодня?» Ну, дальше: после панихиды я хотела идти завтракать к Жуковским, а оттуда к Казчевской <?> (я много раз виделась с нею, хотя у нее еще не была, и вот почему: она сама не настаивала на моем визите и просила меня прийти не днем, а вечером. Но она живет в Champel¹¹, и мне пришлось бы одной тащиться пешком домой ночью. И кроме того все вечера я так уставала, что только решалась выходить на концерты или лекции. Вдруг оказывается — она на месяц уха-

ла к дочери, которая во Флоренции учится пению и там знакома с *Mme Schwar salon*, — *певицей, готовящейся к дебюту!* Вот так известие! *Changement de rôles!*¹²). Когда я собралась от церкви к Жук<овским>, Вера очень запросилась со мною, и я взяла ее. Мы купили цветов и ветчины. Вера дала цветок старушке (которая в душе неодобрительно, потом* посмеиваясь, сказала мне: «Ну что твой муж, сбежал совсем от тебя!»), я дала окорок Аде, которая была очень им довольна (ведь мы пришли двое незваных). Там все нас встретили с трогательным радушием. Я хотела повеселить старуху и принесла с собою «*Carpen*», чтобы вспомнить с нею, как 6 лет тому назад она приплясывала ее. Она и вчера, когда я спела «*Dalila*»¹³, вдруг вскочила со стула и протянула верно несколько высоких нот. Я пела после ухода Остроги, нарочно, потому что не хотела его эксплуатировать как аккомпаниатора. Я ему сказала, когда он пришел мне навстречу в переднюю, что принесла его романс, в случае <если> он хочет, чтобы я его спела Жук<овск>им. Но он быстро сказал: «Нет, я не показываю брulloнов»¹⁴. Это между нами только», — так что я и не хотела приставать с остальной музыкой. Завтрак прошел очень мило. Вера была прелестна. И старушка нашла ее красоточкой. Она держала себя очаровательно, стесняясь в меру, сидела прямо и была такая рослая, что выше моего плеча. Совсем большая дочь. Я наслаждалась ею всё время. Да, наш пакт дружбы вчера заключился с Феликсом тем, что он дал мне полное доказательство *de son amitié*¹⁵: он умильно стал просить Адю: «*Une petite pointe dans le salade pour Madame!*»¹⁶. Веришь ли, только эгоистическое чувство прочно и горяче, а альтруизм рождает *seulement du tiède et du passager* <?>¹⁷. А в этом прощении чесноковом была невидная <так!> задняя мысль попользоваться им самому. Вот в этом я и вижу залог прочности нашей дружбы. А дружба наша заключена с того дня, когда он согласился принять мое издательство анонимное на его *recueil*¹⁸. Вот, Дотя, как я устроила это дело: однажды, когда он пришел на урок и дети не вернулись с прогулки, я же сама прибежала второпях от отца, то как была, так и напала на него в столовой, сказав, что у меня есть 600 фр<анков>, отложенных на одну *publication*¹⁹, которую я недавно решила не делать, и, так<им> обр<азом>, эти деньги теперь свободны. Они могут уйти в общие хозяйские, но могут и не уйти, и мне никакого неудоб-

* В оригинале: тотом.

ства не будет, а радость живая и большая, если он согласится издать на них свои музык<альные> вещи, которые мне серьезно нравятся. Спеха с отдачей долга нет *решительно никакого*. Но в том, что когда-нибудь он будет в состоянии его отдать, я уверена, потому что он вполне заслуживает этого, в это я верю. Он был так огорошен, краснел, бледнел, и долго всё говорил... 8 час<ов> веч<ера>.

О ужас, ничего не успела дописать. Была с Верой вчера у Алекс. Степ. Он был так счастлив. Мы так тебя все обожаем здесь, пили здоровье сегодня твое радостно. Дотя, я твоя, всецело. Твоя Лидия.

Целую, обожаю.

Острога болен, не был на уроке.

Еще целую. Твоя.

Дотя, еще целую.

Зубки, будьте пай.

Твоя Лиля.

¹ Ария из оперы К. Сен-Санса «Самсон и Далила» (1877).

² Название духов, от названия цветущего кустарника, произрастающего в странах Юго-Восточной Азии, Индии и Китае. Ср.: «Она <...> обрызгала себя корилопсисом, — и запах пряный, сладкий, блудливый охватил ее вкрадчивым соблазном» (*Сологуб Федор*. Мелкий бес. СПб., 2004. С. 143).

³ Имеются в виду духи с запахом вервены (вид туи западной). Л.Д. употребляет кальку с французского *verveine*, где последнее е — немое.

⁴ Красный клевер (*фр.*).

⁵ К порядку <?> дня (*фр.*).

⁶ Речь идет о п. 450. Упомянутые далее «зубки» — видимо, не раз употреблявшийся в письмах эвфемизм ревности.

⁷ Высокие баллы (*англ.*). Речь идет о письме Дж. Пэттона к Зиновьевой-Аннибал от 14 марта, где он писал: «Sergius keeps well and vigorous. He is pushing ahead hard with his Greek and looks as if he were going to do well in it. Sophocles is rather hard for him but he can do well enough to get a lot of enjoyment out of it. <...> I haven't written to congratulate you on Sergius's Honours in the Cambridge Examinations. This assures for him the extension of his holiday» (РГБ. Ф. 109. Карт. 32. Ед. хр. 76. Л. 7 об). Перевод: «Сергей работает хорошо и энергично. Он продвигается вперед в греческом и, похоже, собирается хорошо успевать в нем. Софокл труден для него, но он может понимать достаточно хорошо, чтобы получать от этого наслаждение. <...> Я не писал, чтобы поздравить вас с наградой Сергея за Кембриджские Экзамены. Это гарантирует ему продление каникул».

⁸ Средний уровень (*англ.*).

⁹ Городок недалеко от Женевы.

¹⁰ Романс М.И. Глинки на стихи Е.А. Баратынского.

¹¹ Район Женевы.

¹² Перемена ролей! (*фр.*) О второй жене К.С. Шварсалона нам ничего не известно.

¹³ Упоминавшаяся выше ария Далилы из оперы К. Сен-Санса.

¹⁴ От *фр.* bouillon, черновик.

¹⁵ Своей дружбы (*фр.*).

¹⁶ Чуть-чуть в салат для мадам! (*фр.*) Имеется в виду чеснок.

¹⁷ Только вялость и мимолетность <?> (*фр.*).

¹⁸ Сборник (*фр.*).

¹⁹ Публикацию (*фр.*).

456. Иванов — Зиновьевой-Аннибал 5/18 марта 1902. Афины

День 94.

18/5 III.

10 ч. веч.

Oh! ah! quel aramat!

*F. M. Ostroga*¹.

Милая Радость, только что окончил чтение богатой корреспонденции, полученной часа полтора тому назад² и принесшей мне столько ласки и столько разнообразных впечатлений; еще взволнован, еще не огляделся; пишу несколько строк и поручу их Ангелу.

Мой день. Утром лекции Шрадера не было — он уже кончил свой курс, да вдобавок опять, бедняга, болен. Несмотря на легкий дождь, Дерпфельд, приехавший с Левкады вчера вечером и пользующийся тремя-четырьмя днями до своего возвращения на Левкаду для двух лекций и реферата на завтрашнем заседании, — собрал нас у Дипилона на «античном кладбище»³: практич<ески> занятия у Вильгельма пришлось пожертвовать. Потом брал свой греч<еский> урок: интересно беседовал с моим, право же премилым и совсем не глупым, юношей. Между прочим, он сообщил, что был выгнан из кипрской гимназии ее властями, держащимися правительственной (английской) партии, за политическую агитацию в деревнях, где он выступал оратором, в пользу идеи соединения с Грецией. «Ординарным» я назвал его недавно совсем несправедливо; только он вовсе не «ученый дурак» (что меня иногда раздражает в людях — т.е. раздражает отсутствие ученой дурости, а не дурость), зато [очень] вообще довольно развитой и [мыслящий] тонкий мальчик, который тянется к искусству и мысли. Это несомненно. Ему очень хотелось бы в Женеву, чтобы научиться по-франц<узски> и, б<ыть> м<ожет>, изучать философию и психологию: он мечтает об этом, разглядывая мой чудесный альбомчик... Между прочим, он сказал про Сережу, что

он наверно *очень* умный и талантливый (πνευματικός, εὐφυής)... Ай, ай! полторы страницы из обещанных «нескольких строк» ушли на Кириачка! Правда, недостаточная месть за многостраничного Феликса... Однако я (хоть и обеспокоен твоим проектом привезти его в Грецию.....) — больше чем просто *рад* его успеху у женеvских критиков! Его похвалили сдержанно, но *очень* веско. О, если бы он оказался в самом деле большой талант!.. Желая этого впрочем совершенно бескорыстно, п<отому> ч<то>, кажется, вижу, что он не симфонист и едва ли склонен вообще к большому стилю; он вероятно больше всего лирик, как Шопен, и боюсь, кроме того, что он слишком *поэт*-лирик, чтобы отдаться чистой музыке, как Шопэн <так!>, чтобы не нуждаться в лирическом тексте (а в моей «Книге Лирики» таковых не имеется), — словом, чтобы переступить границы Lied'a⁴. Да и желать этого не нужно, п<отому> ч<то> и в этих границах довольно места, чтобы сделать *великое*. — Ты спрашиваешь, что тебе разучить для меня. «Auf dem Wasser zu singen»⁵ Шуберта.

За Анюту подаю голос без всякого колебания и не в силу долга, а в силу привязанности. Это последнее значит больше, чем все другое. Бояться ее нечего, ее мы ведь не знаем иначе как im Werden⁶, теперь уже она опять другая и она — понимающая, гибкая.

Радость, прерываю себя — поздно, на этот раз довольно. Целую как люблю. Сегодня твой портрет en trois quarts⁷ — наименее удачный. Но люблю все три, которые Вера велит поцеловать. Целую и благодарю ее самое. От Кости еще пока ничего нет! Твой Вяч.

Пока что, — передай мою горячую благодарность и привет Оле. Цветик — из сада?

Конверт со штемпелями: ΑΘΗΝΑΙ. 5 ΜΑΡΤ. 1902 — Genève. 22.III.02.

¹ О! о! какой аромат! *Ф. М. Острога (фр.)*. Цитата из п. 453.

² Речь наверняка идет о п. 453. Какие другие письма Иванов получил в тот день, не вполне понятно.

³ Дипилон — двойные ворота; в Афинах находились при выходе на кладбище.

⁴ Песни (*нем.*).

⁵ «Пение на водах» (*нем.*). Песня написана в 1823 г. на слова Фридриха Леопольда Штольберга (Friedrich Leopold Graf zu Stolberg).

⁶ В становлении (*нем.*).

⁷ В три четверти (*фр.*).

457. Иванов — Зиновьевой-Аннибал
6/19 марта 1902. Афины

День 95

19/6 Марта

Милая Радость! Россидис только что таинственно написал на бумажке Δράγα — имя сербской королевы¹; и потихоньку прибавил в пояснении: κυρία Φωτεινή². И когда я не мог не расхотаться, но заметил: ἵσως σοβαρὸν πρᾶγμα!³ — он начертил: κωμικο-τραγικόν⁴. Итак, вопрос и злоба дня: Фотини-Драга. Вчера вечером она, тайно от мужа, бегала к бабке, и та заявила ей, что ребенка вовсе не будет. Вернувшись, она слегла, и сегодня очень больна, в постели, а Ангел уныл и печален. Кроме какой-то хвори (лихорадки и пр.) у нее еще страх и мнительность. Бабка велела показаться врачу — а докторов она боится. Сегодня я вызвался ей справиться о гинекологе и посетил с этою целью Христоманка, принявшего меня любезно и много о тебе спрашивавшего, — и аптеку Криноса. Не знаю уж, побудит ли это моих супругов прибегнуть к медицине или все будет по-старому — болести, вздохи, стоны, страхи. В теории признают оба супруга необходимость посоветоваться со специалистом... На заседании Дерпфельд сообщил, что они наткнулись на здания с остатками доисторической и микенской поры⁵. Поэтому он сияет — по праву! — и говорит, что с надеждой смотрит на продолжение раскопок. В эпоху Одиссея, значит, на Левкаде что-то действительно было, но был ли это именно город и дворец Одиссея?.. Светлою радостью дня была Костина посылочка⁶. Я в море благоуханий. И она благоухает, да и письма!.. В моем «стихе»⁷ как ты, так и М<аруся(?)> [односторонне] обратили внимание на одну только — именно космическую, универсальную — форму символа; я же хотел вместе выразить и внутренний, мистический опыт отдельной души, в ней сокровенно совершающееся таинство. Оттого повествование ведется от лица отдельного, передающего им пережитое, индивидуума. Ведь и в Евангелии царствие Божие представляется то явным и вселенским, то внутренним и личным. Радость, я думаю, что стих должен принадлежать «Кормчим Звездам». — Отчего ты ничего не пишешь о «Петиаде» (так интересно!) и об абсолютно для меня таинственной «Константииаде»⁸. Поздравляю с осуществлением твоего артистического замысла в музыке Остроги, но — в самом деле, ты <I нрзб> слишком увлекаешься, — мне неуютно!..

А тут еще всякие теории разнополюх дружб и сцепляющихся колес и не вестъ что...

Твой В.

Конверт со штемпелями: ΑΘΗΝΑΙ. 5 ΜΑΡΤ. 1902 — Genève. 22.ΙΙΙ.02.

¹ Драга (1867—1903) — королева Сербии, жена короля Александра. Убита заговорщиками вместе с мужем, королем Александром I Обреновичем, 28 мая 1903.

² Госпожа Фотини (*греч.*).

³ Возможно, серьезно! (*греч.*)

⁴ Трагикомический (*греч.*).

⁵ См. п. 414, прим. 3. Название доклада Дерпфельда 19 марта 1902 г.: «Neue Ausgrabungen auf Leukas» («Новые раскопки на Левкаде») (Mitteilungen des kaiserlich deutschen archaeologischen Instituts: Athenische Abteilung. Bd. XXVI. 1901(так!). S. 428).

⁶ Сохранилось письмо К.К. Шварсалона, написанное на открытке с изображением букета подснежников:

1/14 Март Пятница 1902

Дорогой Вячеслав

целую тебя крепко и поздравляю с праздником твоего Ангела и желаю тебе хорошо его провести; и поселяю твои любимой духи

Костя

(РГБ. Ф. 109. Карт. 38. Ед. хр. 26. Л. 7).

На это письмо Иванов отвечал приложенным к данному письму посланием к К.К. Шварсалону с благодарностью за присылку подарка — вышитых подушечек с пахучими травами:

19/6 Марта

Милый Костя,

Благодарю тебя горячо! Сегодня я получил твою карточку и подарок. Комната моя теперь полна чудесным запахом. Когда я сегодня вошел домой с улицы, я даже удивился! Благодарю тебя очень за работу. Подушечка очень красива и вышита, кажется, хорошо. Твой букет незабудок стоит перед портретом мамы. Твое ласковое красивое письмо и дорогой подарочек показывают, что ты славный, милый, добрый мальчик: то же ли самое думают о тебе теперь и дома?.. а в школе?.. Верушка, правда, о тебе хорошо пишет. Ну, дай Бог, чтобы дела твои шли хорошо, чтобы все было тобой довольны и счастливы — и ты сам! Будь здоров и весел, дорогой друг-Козлик! Целую тебя, как люблю.

Твой Вячеслав

Ты очень хорошо выбрал мне подарок, потому что я очень люблю душистые подушечки, а твоя еще такая красивая и милая: она мне доставляет большую радость!

⁷ Речь идет о том же стихотворении «Гость», которое обсуждается выше (см. п. 446 и 453).

⁸ См. п. 453.

458. Зиновьева-Аннибал — Иванову 5—7/18—20 марта 1902. Женева

8 час<ов> утра. 93-й д<ень> м<ужества>. Сена.

В ожидании освобожденной ванны. На столике с венецианск<им> зеркалом, покрытом голубомовной¹ скатертью с тканьем

золотом (подар<ок> Ал<ександры> Вас<ильевны>) бьют лучи утреннего солнца, играют на двух браслетах: золотом и черных алмазов, на аметистовой и опаловой брошке. Эти bijoux² всегда с вечера снимаются на него, чтобы веселить глаза утром. Погода стоит солнечная, но холодная. Вчера около 6-ти мы с Марусей гуляли долго по саду. Какая красота: примрозы! Их нет в России. Бледно-золотистыми полянками словно залиты луга и всюду они мерцают, даже под низкими, темными, тяжелыми ветвями ели посереде лужайки.

Дотинька, какое скучное письмо ушло к тебе вчера. Не пойму, как это случилось, что ничего не успела сделать вчера, между тем была дома (только у отца) и даже не было Остроги. Боюсь — он болен, так как третьего дня ему неможилось. Дотя, вот я докончу только о славном дне воскресения, когда мне Вера доставила столько радости.

10 час<ов>, idem. Ванна взята. Письмо Дотика от Четверга почему-то пришло только сегодня, а не вчера³. *Получаешь ли ты почту в Четверг?* Я не могу разобрать. Письмецо твое хорошее, но и худое. Да, ты прав: разлука наша тяжела, больше скажу: не должно ее быть. Это нехорошо. Слишком тоскливо и ненормально. Конечно, этот раз она, как будто, была неизбежна. Но дай Бог, чтобы подобное «неизбежное зло»⁴ не повторялось! Признаться сказать, так тоскливо мне стало *разлучаться*, что сердце болит при мысли, что *не ты приедешь сюда*, а я должна буду покидать дом, где всё так ждет нас обоих вместе в тиши и уюте. Верно, это некоторый Geist der Schwere⁵. Но если бы ты знал, как здесь всё хорошо и греет сердце, и нет вещи, которая не говорила бы мне ежечасно: я жду его, я жду его, т.е. Дотю. Даже полы все тебя ждут. В гостиной темно-коричневый, в столовой масляный и сверху воском тертый, в Hall по твоему слову белый слепительно и навосченный <так!>, как плюш. И солнце доброе, не ранящее, вокруг большого, светлого, обильного окнами дома. И дорогие картины, и рояль, и музыка, и мягкая чудесная постель под прекрасным теплым ковром на стенах, и наши меха, и наша Сена, и уголок Empire⁶, и зубы снежных гор, тлеющих вечером розовым огнем, и птицы, поющие весну на светл<ых> <?> деревьях. И возможность неподвижности во всем этом внутреннем богатстве. А дети, полнящие чашу до избытку сверх меры своими молодыми и уже роскошно развертывающимися жизнями! Да, Geist der Schwere⁷!

94-й д<ень> м<ужества>. 11 веч<ера>. Постелька. Сейчас ложусь спать. Девушки в концерте духовой музыки и балете⁸. У нас только что ушел Дашкович, которого я звала для Оли, но и к обеду. Смотрели римские фотографии, картины на стенах: он не знаток, но, как и во всем, толковый, глубокий человек. Говорили о табаке и с мед<ицинской> точки зрения разбирали твою теорию (для моей главы)⁹. Какая тонкость и душевность в этом прекрасном человеке, во всем таком искреннем и умно-мерном. Да, это приобретение для души-то уж во всяком случае. И интересен он, и радостно на него глядеть и о нем думать.

9 ½ утра. Сена. 95-й д<ень> м<ужества>. Дотинька; вчера долго не была в силах заснуть, но объяснить тебе себя не сумею, да и не к чему: ты поймешь. Знаешь счастье, восторг любви к чужой душе, к чужим глазам, к чужому движению, которое твоя душа, твои глаза, твое движение? Счастье видеть другое существо, и высшее блаженство верить в его чистоту, и знать, что «это ты еси!»¹⁰ — как и птичка моя в клетке, как и камушек кругленький, черный с белым в Arenzano¹¹. И нет *меня*, и я есть в нем, в другом, и я люблю, и, главное, радуюсь, радуюсь и хочу целовать, обнимать.. жаль, что не принято целовать мужчин, а то я расцеловала бы Дашковича вчера, и в особенности его тихие вдумчивые глаза и смешные брови кверху и на половине пропадающие, и весь-то он такой трогательный, нескладный, немножко широкий, и простой, и добрый, и некрасивый, тихий, тихий, и он — я, и он *хорош*. Какая роскошь, какой избыток счастья, незаслуженного, что он *хорош* и он — я. Какая всё это чушь кажущаяся, но я *знаю*, что мы были одно: я, *Дашкович*, *птица* и *камушек*, да и тот *паучек* с четырьмя рубиновыми глазами¹², весь не больше булавочной головы. И мы все были *Богом*, а не так, пантеистическим лопухом. Потому что я *хочу* Бога, и *Он есть*, и больше скажу: я *хочу* Христа — Спасителя моего, которого люблю, и *Он есть*, и *себя* хочу, и не *потеряю себя* никогда. Вот и всё, и всё от вчерашнего вечерка с добрым и глубоко страдавшим человеком. *Тихие* люди меня глубоко волнуют, и мне Бог послал целых троих: Кристина *тихий* человек, и Острога *тихий* человек, и часто я сижу и гляжу, как они движутся, и думаю: какое счастье для меня, что вот они движутся, что у них глаза, и глаза светятся, и как страшно, что они, бедные, могут страдать, но вот: они смеются, и я смеюсь, и так люблю их, так люблю, и

меня нет даже вне этой любви, и для того я только *есть отдельное, чтобы любить их*.

12 час. Дети за фиалками пахучими в Paracelsia. Завтрак отложен на ½ часа. Нет, не могу удержаться, чтобы не передать тебе впечатления окна. Только что стояла у распахнутого моего окна рядом с Марусей: Красота захватывающая. Весь полукруг гор приблизился. Снега на ближайших вершинах сверкают, на дальних серебристо млеют, массивы легкие, голубоватые. Из дали выступают в голубом тумане неясно осязаемые какие-то зубчатые стены, их силуэты волнует <так!>, говорят что-то неясное и манящее. Долина купается в солнечном свете. Силуэты деревьев, еще без листвы, изящны необычайно, и уже что-то чувствуется в них — новая жизнь. Кое-где домики утешительной горной архитектуры радуют линиями глаз. Сосны стоят сине-зеленые, высокие, и теплый южный ветер проходит сильными широкими волнами по их хвое и прочь <так!> несется, металлический и полный. Птицы поют и мечутся по-весеннему. Радость! Радость! Красота!

¹ Голубо-сиреневый (от *фр.* mauve).

² Драгоценности (*фр.*).

³ Речь идет о п. 451.

⁴ Отсылка к названию рассказа Зиновьевой-Аннибал (см. п. 236, прим. 10).

⁵ Дух тяжести (*нем.*). Аллюзия на главу «О духе тяжести» из книги Ф. Ницше «Так говорил Заратустра» (см. п. 385, прим. 18).

⁶ Речь идет о стиле ампир.

⁷ См. выше, прим. 4.

⁸ В «Journal de Genève» 19 марта 1902 есть объявление о концерте Ландвера (т.е. войск самообороны) в 8.30 в Доме выборов. В более раннем объявлении (12 марта) сообщается не только о выдающихся достоинствах военной музыки, но и о том, что в концерте будут принимать участие артисты театра и детский балет. 26 марта в отклике на концерт газета писала: «Два концерта закончились фрагментами пятого праздника нарциссов в Монтре, музыка Ж. Делэ. Для исполнения этого произведения наш военный духовой оркестр должен был соединить 200 человек: детей для танцев, хор, оркестр и музыку духового оркестра. Результат был великолепен».

⁹ О чем идет речь, мы не знаем.

¹⁰ См. статью Иванова «Ты еси», эпиграфом к которой стоит «Надпись на дельфийском храме»: «Еі» (т.е. «ты еси»). В примечаниях к мелопее «Человек» Иванов говорил: «Значение этих двух букв на дверях Аполлона храма в Дельфах в течение долгих веков представлялось загадочным. Плутарх посвящает им отдельное исследование. Любопытно, что самое простое и вместе самое духовное толкование (ЕІ — ЕСИ) не казалось толкователям достаточно содержательным» (III, 742—743).

¹¹ Ивановы жили в итальянском городе Аренцано в 1897—1898 гг.

¹² См. рассказ Зиновьевой-Аннибал «Красный паучок» (Зиновьева-Аннибал Лидия. Тридцать три уroda. М., 1999. С. 148—170).

459. Иванов — Зиновьевой-Аннибал
7—8 / 20—21 марта 1902. Афины

День 96.

20/7 Марта

Четв. 9 ч. веч.

Радость-Лидия! Днесветлая луна озаряет мою долину. Получил письмецо. От Маруси 4 странички, от тебя — одна, да и то еще с пробелом, да еще почти все по-французски, да еще наполовину о женеvской архитектуре!! И с чего это ты так вдруг влюбилa этот город, который я давно, но тщетно рекомендовал твоему благосклонному вниманию? И язык, который ты не переносила в моей беседе? Лаконизм странички оставляет даже сомнение, кто кому подарил браслет — ты Марусе, или она тебе. Кажется, последнее... Вот впечатления дня. Утром лекция Вильгельма (с рядом новых лиц); он дал мне читать два камня, так что читал я один. Потом, после завтрака, грелся в саду Заппиона². Потом шатался за Дерпфельдом по окрестностям пресловутой 'Αγορά³. Сделал мимоходом даже открытие (шучу!): нашел святилище Сераписа στοῦ 'Αδριανού⁴ между фонтанов, на основании надписи, мною замеченной; но Дерпфельд не поверил, говоря, что надписи попадают часто в чужие места; между тем аналогия виллы Адриана⁵, где святилище Сераписа было, помнится, соединено с Wasseranlagen⁶, в подражание египетскому Канопу⁷, — говорит в мою пользу. Но он не вник, как следует, да и мне незачем в это вникать.

Опять беседовал с своей знакомой по путешествию в Пирей, графиней Капнист⁸, наполовину гречанкой, наполовину москвичкой, — и был приглашен прийти к ней и ее матери, — так что неожиданный визит обязателен. Зайдя на Стадии выпить пива, видел журнал «Le Théâtre», из которого получил представление о «Noces de Corinthe» и наружности А. Франса⁹, а также узнал о новой пьесе — трагедии — Бьернсона, где демоническая Lydia лечит музыкой и убивает взглядом!¹⁰ Не мешает тебе прочесть (м<ожет> б<ыть> есть у Reclam¹¹?), — ради современности и изображения художников, музыкантов. Дома — Россидис! Он сообщил, что «Парнасом»¹² назначена премия в 200 др<ахм> за одноактную комедию патриотическую или оду в 60 стихов тахітμ (о Македонии — начиная с Алекс<андра> Мак<едонско-го>!). Ему очень хочется написать то или другое. Для вдохновения взял у меня Пиндара! Ну, разве не милый юноша? Я ему дал идею для оды: древние Греки не признавали Македонян Грека-

ми, а варварами; итак, справедливо, чтобы Греки предоставили претензии на Македонию варварам-славянам. Не подходит ему, жаль, хорошая идея! Сегодня (со вчераш<него> вечера) я ношусь с некоторым литератур<ным> замыслом¹³, но ты убийственно иронически относишься к моим «замыслам» — и мужества нет сказать. Да и нечего собственно сказать-то: так расплывчато что-то мерещится, а из головы не выходит. Это как с «Ассаоном» недавно... До свидания, любимая Радость, до завтра!

PS. Ангел вчера и сегодня — «темный Ангел»: ужасно мрачен. Драма у них семейная, что ли? Он так хотел ребенка, и теперь злобится на жену? — Теперь будет застой [в лекциях] в моей академической жизни. Дерпф<ельд> уезжает опять на Левкаду на 2 недели, после чего покажет Элевзин¹⁴. Вильгельм уезжает в Спарту. Шрадер кончил. Некоторые присоединяются к Вильгельму, некоторые едут в Малую Азию. Последнее меня немного соблазнило; но я не знаю хорошо, кто и как едет, и неохота приставать к чужой компании, — да и дорого, пожалуй, обойдется. — Сегодня предо мной твой *томный* портрет. Как хотелось бы, чтобы ты была сама здесь, вместо твоих прекрасных портретов. И замысел мой мы бы сразу обработали вместе.

День 97, Пятница, в ожидании ужина

Сегодня у меня отчаянный насморк, вчера начавшийся. Сажу дома; но это не из-за насморка. Je gumine le sujet d'hier¹⁵; не знаю, серьезно это или нет. — Марусенька наша хороша — не прав ли я в моем стишке об ее воскрес<ном> праздновании? — в субботу вечером возжигает лампы и, конечно, сообщает об этом нарочито; а в воскресенье, в 3 часа, принимается за — порнографию! «Сейчас начну читать запрещенную вами книгу — не сердитесь, В<ячеслав>! — Huysmans'a¹⁶, причем по поводу ее держала с Л<индией> пари, что меня ничем не — — —» (не дописано; «удивишь после — — —» предполагаю я, тоже с умолчанием¹⁷). A la bonne heure, ma chèrè¹⁸: только мне-то зачем знать, когда она ходит в — — —?

8 ¾ веч.

Получил письмецо¹⁹. Жизнь остроумнее самого гениального юмориста: «М^{не} Schw<arsalon> во Флоренции, певица, готовящаяся к дебюту» — что-то прямо невероятное в этом отношении!.. А, впрочем, м<ожет> б<ыть> она, тоже, очень несчастлива, бед-

ная «Mme Schw<arsalon> вторая», как говорят в театрах... В pendant²⁰ к изречению твоей старушки о твоём сбежавшем муже сообщу свою встречу с Итальянкой (наводившей меня на [криминальные] уголовные замыслы): Καλή ὄσπερα ῥε²¹. — Come sta sua moglie? Quando verrà. — Εὐχαριστῶ. In due mesi. — In due mesi? è molto bella sua moglie! — Grazie. — Molto! — Lei è molto gentile. — Ma dico la verità, che è molto bella! — Grazie tante, e buona sera!²² — Что тебе говорил «Ф. В. О.»²³ — как выражается упрямая в своей косности, как пристяжная лошадь, Маруся — что говорил, когда волновался по поводу твоего предложения — ты так и не дописала. Известен только результат: «пакт дружбы». Отчего такое слово, навевающее представление о подписи кровью? Ревность мою возбуждает la pointe d'aïl²⁴ как символ Пакта. Чеснок принадлежит к *нашим* атрибутам! И притом опасная аналогия: кто-то начал с оливкового масла — et ça eut une grande portée...²⁵ А что за «упадочный» эстетизм у вас там, на экзотической вилле! Даже «les Fenouilles»²⁶ не имеют своего запаха и вида, и Марусе представляются «шершавыми махровыми хризантемами», для тебя же пахнут какими-то духами «Trèfle incarnat»... Но ведь это уничтожающая критика для автора «Fenouilles».

Целую. Люблю. Твой Вяч.

Р. S. Сережа пишет, что «наслаждался» в match²⁷, что скучает за «Discours de la méthode» Декарта²⁸, что переводит немецкие «исторьетки разных маленьких (?)»* писателей начиная с 12-го столетия», что ему нужны греч<еские> марки для одного товарища и для размена, потому что он, Сережа, «не хочет пропустить своего chance (?)»* и накопиться** (?!!)»; наконец, что может выехать 27 Марта! — Сегодня ты en face красавица!

В.

¹ Письмо нам неизвестно.

² См. п. 440, прим. 7.

³ Агора, рыночная площадь, служившая также местом общенародных собраний.

⁴ В аркадах Адриана (греч.). Серапис — бог эллинистического мира, культ которого был создан на рубеже III—II в. до н.э. Мог отождествляться с Аидом, Посейдоном, даже с Зевсом. Аркады Адриана — часть большого комплекса археологических памятников в центре Афин.

⁵ Большие развалины в Тиволи (недалеко от Рима), где сохранились элементы египетской, греческой и римской архитектуры.

* Знаки принадлежат Иванову.

** Над «на» подписано «за? —»

⁶ Устройством для воды (*нем.*).

⁷ Каноп (или Каноб) — город недалеко от Александрии, соединенный с нею каналом, служил местом отдыха и развлечения.

⁸ См. п. 442 и 463. К сожалению, собрать сколько-нибудь достоверных данных о гр. И.П. Капнист нам не удалось.

⁹ Имеется в виду драматическая поэма Анатоля Франса (Жак Анатоль Франсуа Тибо; 1844—1924) «Коринфская свадьба» («Les Noces Corinthiennes») (1896). Речь идет о статье: *Ginisty Paul*. «Les Noces corinthiennes» à l'Odéon // *Le Théâtre*. 1902. Mars. P. 7—8. Фотография А. Франса, о которой пишет Иванов, помещена на с. 7.

¹⁰ Речь идет о пьесе Бьернстерне Мартинуса Бьернсона (1832—1910) «Laboremus». См.: *Bonnefon Charles*. *Le Théâtre à Berlin: «Laboremus» // Le Théâtre*. 1902. Mars. P. 22—24.

¹¹ Лейпцигское издательство, известное своими дешевыми книгами.

¹² «Парнас» — греческое литературное общество «Парнасос», основанное Спиросом Лампросом в 1865 г. Его девизом было: «Нравственный и социальный прогресс». Общество издавало книги, а в 1875—1895 и с 1911 г. — одноименный журнал, организовывало выставки и т.п. Объявление «Парнаса» о конкурсе было напечатано в этот день по крайней мере в трех афинских газетах — «Акрополис», «То Асти» и «Каирос», однако в нем идет речь лишь об одноактной комедии в прозе или стихах, приз действительно составляет 200 драхм, но патриотический сюжет никак не упоминается. Однако в тот же самый день было и другое объявление: газета «Эмпрос» сообщила, что литературное общество «Эллинизм» объявляет конкурс на стихотворение о Греции (Македонии) размером от 30 до 60 стихов. Лучшее стихотворение будет опубликовано в день независимости Греции и, возможно, положено на музыку. О денежном призе в объявлении не упоминается. Таким образом, то ли Россидис, то ли Иванов смешали два различных конкурса.

¹³ О каком замысле идет речь, установить не удалось.

¹⁴ Город со знаменитым святилищем, где проходили т.н. элевзинские (элевсинские) мистерии. Находится в 22 километрах от Афин и связан с ними т.н. священной дорогой. О поездке Иванова туда см. п. 477.

¹⁵ Я обдумываю вчерашний сюжет (*фр.*).

¹⁶ Жорис-Карл Гюисманс (1848—1907) — французский писатель.

¹⁷ Цитируемое письмо М.М. Замятниной среди ее писем того времени (РГБ. Ф. 109. Карг. 19. Ед. хр. 17) не сохранилось. Однако из последующих писем становится ясно, что роман Ж.-К. Гюисманса, о котором идет речь, — «Là-bas» (в русских переводах «Там, внизу» или «Бездна», 1891).

¹⁸ В добрый час, моя дорогая (*фр.*).

¹⁹ Имеется в виду п. 455.

²⁰ Параллель (*фр.*).

²¹ Добрый вечер! (*греч.*) Имеется в виду женщина, описанная в п. 420.

²² — Как поживает Ваша жена? Когда приедет? — Спасибо. Через два месяца. — Через два месяца? Она очень красива, ваша жена. — Спасибо. — Очень! — Вы очень добры. — Но я говорю правду, что она очень красива! — Премного благодарен, и добрый вечер! (*ит., греч.*).

²³ Феликс Валерианович Острога.

²⁴ Зубчик чеснока (*фр.*).

²⁵ И это имело большое значение (*фр.*).

²⁶ «Фенхель» (*фр.*). Иванов возвращается к этой теме в п. 464.

²⁷ Матч (имеется в виду футбольный) (*англ.*).

²⁸ «Рассуждение о методе» (фр.). Речь идет о знаменитом сочинении Рене Декарта (1596—1650), созданном в 1637 г. Письма с этими рассуждениями среди сохранившихся писем С.К. Шварсалона обнаружить не удалось.

460. Зиновьева-Аннибал — Иванову 8/21 марта 1902. Женева

96-й. Вечер на концерте. Дотя, опять не успела. Будет дивный концерт. Очень хорошо всё. *Хочу свидания в Патрасе*¹, а не на горе. Твоя Лидия.²

Пан пляшет! 4-ая соната

Дотя, запаздывают артисты.

Maiteau — скрипач всемирной известности³. Какой город Женева: я начинаю влюбляться в него. Какая была вчера красота. Мы видели такой дубовый лес с палыми коричневыми тонами над зеленой рекой и проблесками белых снегов. Мы с детьми играли в контрабандистов. Было страшно весело. Надо было лезть через mauvais pas⁴.

Кончилась 2-ая соната.

Ah, la volupté de vivre dans les ondes de Beethoven⁵! Жизнь счастье, et on se laisse aller⁶ в этих звуках. А завтра — на 4-ю симфонию!⁷

Завтра вечером на лекцию того милого, свободного и глубоко религиозного человека⁸. Ты видишь — всё полно: яблоку упасть некуда. И всем я наслаждаюсь *бескорыстно*: понимаешь ли это. Не сумею объяснить. Может быть, просто оттого, что пишу несносный «Шум» и отошла от «романа», и живы <так!> впервые после долгих лет для жизни, а не для творчества. Когда приеду в Патрас, то тебя научу тому же. Да. — *3-я соната*..... Кончилось. Дотя, я научу тебя жить для себя. Ты молод. Мы будем глядеть, и слушать, и любить для себя... Ты увидишь. Ты забыл, что ты молод. А теперь слушай: Острога принял после долгих дней колебаний. Но я ведь ему сказала тогда: Если я не ошиблась в Вас (а мне кажется, я знаю Вас уже годами и понимаю Вас), то Вы vous ne me ferez-pas le mal de refuser⁹. И он принял. Дотя, его романс уже напечатан Jaques La Croges¹⁰, известным композитором, в «Revue Musical»¹¹, и остальные скоро будут изданы dans un recueil¹². И подумай, Дотя, раньше чем сборник и раньше чем ты мне напечатать «*посвящения*», скрытые в Сборнике¹³ и открытое (в «Нио-

беи» <так!>¹⁴), появится романс, посвященный мне: последний «Les Fenoilles»... 4-ая соната.

Целую. Твоя¹⁵.

Письмо написано карандашом непосредственно во время концерта с многочисленными вставками рукой М.М. Замятниной.

¹ Город в Западной Греции.

² Приписка М.М. Замятниной: «Теперь я слушаю музыку, против обыкновения, без мысли, не строю картин, звуки несутся и захватывают мою душу и несут ее неведомо куда. Сейчас роэль рокочет, настройка <?>».

8 ч. Веч.

Сейчас начнется presto сонаты “La mineur” Сзади нас сидят Жуковские и Острога».

Отметим, что концерт состоялся в 8 часов вечера в Salle de la Réformation.

³ Анри Марто (1874—1934) — французский скрипач и композитор. Профессор Женевской консерватории с 1900 г. С 1908 г. преподавал в Берлине. В марте 1902 г. Марто давал в Женеве ряд концертов, на которых исполнял все сонаты Бетховена в том порядке, в котором они были написаны, с пианистом Эдуардом Ризлером (Eduard Risler, 1873—1929). Данный концерт был вторым в серии.

⁴ Труднопроходимое место (*фр.*). Вслед за этим следует приписка Замятниной: «Сию секунду раздадутся звуки чудные, и действительно, мир какого-то идеала сейчас пронесся особенно».

Хороша 2 часть “Andanto scherzo <sic!>” (Верно — andante scherzoso. — *Коммент.*). Теперь, bon <?>, en fa majeur будет здесь scherzo чудное».

⁵ Ах, вождение жить в волнах Бетховена! (*фр.*)

⁶ Расслабляешься (*фр.*).

⁷ Возможно, исполнение 4-й симфонии Бетховена было частью концерта М. Брема, бенефиса оркестра Женевского театра.

⁸ Возможно, Л.Д. имеет в виду проходившие в марте 1902 г. в Женеве лекции Hyacinthe Louyon «Истинный Господь». Подробнее см. п. 453, прим. 16.

⁹ Вы не причините мне зла отказом (*фр.*).

¹⁰ Судя по всему, речь идет о швейцарском композиторе (в это время), впоследствии основателе школы ритмической гимнастики Emile Jaques-Dalcroze. Острога был редактором книжки Далькроза «Введение в гармонию» (Introduction à l'étude de l'harmonie, professée par E. J.-Dalcroze au Conservatoire de Genève, rédigée par F.M. Ostroga. Genève, s.a.). См. также п. 453, прим. 34.

¹¹ «Музыкальное обозрение» (*фр.*). Известен французский журнал, посвященный истории музыки, издававшийся в Париже Ж. Комбарсье в 1901—1912 гг., однако в нем публикации нот Ф. Острога не было. О чем идет речь, установить не удалось.

¹² В сборнике (*фр.*).

¹³ Имеются в виду посвящения Зиновьевой-Аннибал (и, видимо, эпитафии из ее произведений) в книге «Кормчие звезды». Полное выявление этого круга произведений — дело будущего. Пока мы можем наверняка указать «В Колизее», «Голоса», «Пламенники», «Любовь», «Имени твоему».

¹⁴ Трагедия «Ниобя» закончена Ивановым не была.

¹⁵ Приписка М.М. Замятниной (видимо, сделанная ранее): «Сейчас пишу вот под эти звуки. Пан пляшет, потом sonate en ut mineur I-ая часть. Пан пляшет, Лидия говорит, и правда». Соната ut mineur — Соната op. 30, Nr. 2.

461. Зиновьева-Аннибал — Иванову
9—10/22—23 марта 1902. Женева

97-й д<ень> м<ужества>. Целую Дотю. День труда.

98-й д<ень> м<ужества>. Воскресение. Сена. 1 час.

Вчера день 4-й симфонии и лекции и покупок, и утром — о, румынского Диониса и письма Доти¹. Последствия: 1) письма: восторг твоему восторгу, но и страх ехать «на гору». С одной стороны, *должна* быть красивой! С другой — стыдно, что ты всем показывал декольте и говорил так глупо про писательство. Вот, Дотя, до чего ты дошел! до экспансивности! И знаешь ли, я страшно этому рада. Я думаю, что это одиночество насильно тебя бросит к людям, которых ты до сих пор любил скорее или альтруистически или теор<ет>ически, нет, нет, прости, это не то, не могу сказать, ты умеешь любить и прощать как никто, но всё-таки *без радости* для себя, без простой *радости* и *выхождения из себя*. Мне чудится, в твоих отношениях к людям наступает какой-то внутренний сильный поворот и «простее» станешь ты *de fond en comble*². И здесь хочу приготовить тебе иную жизнь, чем вел до этого года.

Будут люди, и это хорошо. Это здорово, и тепло, и просто весело и радостно. Ну дальше: впечатления письма, что Дотя любит меня, и это мое блаженство незаслуженное, но и мой ужас: должна еще и еще и еще быть молодой. О, душа горит, но что делать, когда тело откажется от всякой красоты. Насмешка физической нашей природы. Только для тебя бы побольше, побольше красоты.

Затем Румынский Дионис. Все в восторге. Это *народная* и потому глубокая и истинная мелодия и ритм. Кончилось всё тем, что я вертелась, сбросив туфли, с летающими волосами в Hall как одержимая при восторженных кликах детей и Miss Bl<ackwell> и наконец бросилась головой вперед, изображая разъяренную корову, на нее, и она бегала от меня по всему дому, и был общий хохот и исступление. Это ничего, она меня знает и всё-таки очень боится, и мы всё-таки большие друзья, хотя тут же кстати скажу о яде: напри<м>, 1) Вере она говорила тайно: «Никогда я в жизни не видела девочек ваших лет, имеющих так мало удовольствий! Я постоянно ходила на parties³!», или 2) Сереже еще на Рождество сообщила, что она хочет уезжать на holiday⁴ к Пасхе, но don't tell mother⁵. 3) проехала при детях *бесплатно* от Charmilles

сюда по ошибке кондуктора, и т.д. Скучно писать *les exploits*⁶ неразвитой и безыдеальной *English girl*⁷. 3) покупки нечего описывать. Скажу только: купила <на> платье зефир⁸ для Греции. Буду шить себе скоро. 4) лекция. Лектор — христианский *анархист*⁹. Очень симпатично. И говорит постоянно о совести и религиозной основе в человеке «*comme une chose biologique, comme étant là avant la réflexion, quelque chose même inconsciente, mais toujours réelle. Chaque homme est necessairement idéaliste. Il naît avec ça*¹⁰». Я говорила всё это в *Montréal* <?>, но боялась, что наивна и неглубока. И он говорил: «Слушайте себя, то реальное, что в Вас, и если вы кликнете: "кто ты, Господи!" — оно ответит вам: "я непознаваемое, не спрашивая, слушай меня и верь"». 4) симфония прекрасна: из страдания радость, и всё титанично. Феликс уехал вчера вечером в *Orléans*¹¹, и на океане *все* дети его соединятся и проведут неделю вместе. Бедный, ему это нужно было. Он бледен и худ подозрительно. Он увез *Lied*¹², но привез остальные романы, кроме несчастного «*Miroir*»¹³ — элегантно и музыкальной пьэски. Дай-то Бог, чтобы твои слова о нем, вернее понимание за него: сделать великим в лирич<еской> песне сбылось. Ведь он *всего* 2 года тому назад кончил консерваторию. Сегодня утром еще письмо твое, мой сладкий. Итак, Татата: свидание в *Патрасе*. Нельзя ли? Я возьму корабль в *Патрас*, и это сэкономит поездку туда нарочно для экскурсии и будет гораздо свободнее и веселее. Меня Фотини и Кирыяк пугают.

3 час. Сена. Дотинька: дети старшие с Олей и Кристиной уехали на дневное представление «*Lo<h>engrin'a*»¹⁴. Я им хорошо рассказала сюжет, и вывела мораль, что если не «доверять» святому, то святое покидает нас. Косте ничего не сказали про оперу и уверили его, что он едет к зубному доктору. Так и повезли его огорченным дураком. Дотенька, после завтрака: чудесный пирог с ливером (и жаворонков¹⁵ Кристина спекла детям) — я играла заказанный «*Auf dem Wasser zu singen*» *cela me rend folle! Que c'est beau*¹⁶! Как прекрасен (не хочу писать аккомпанемент) прекрасна фортепьянная часть в наслаждении разуму для тебя.

Да, вот еще о вчерашнем лекторе: Это анархист, но как<-то> иначе, чем Толстой. Он исходит из твердой до безумия веры в Бога в человеке, *qui vainquera dans l'évolution des siècles*¹⁷, и из индивидуального совершенства («будьте совершенны, как Отец ваш небесный»¹⁸) произойдет преобразование вселенной. А дьявол *s'est «les Erreurs de l'humanité — mensonges involontières et toutes les*

autorités: clergé, présidents, juges, si bons qu'ils fussent individuellement sont de Satan, car ils se sont voués au l'erreur et plutôt au Mensonge, car c'est par des sophismes qu'ils se rectifient. Et toute l'humanité porte le joug de Satan dans le Grand Mensonge Conventionnel»¹⁹. Он обожает Библию в ее *Пророках* и Богоносцев. Он говорит, что углубившийся в себя человек *найдет* в себе *das Seiende*²⁰ (и до него бывшую, в нем лишь проявившуюся) силу, она Божественна и одна во всем движущемся мире обмана *des Scheines* (Kant)²¹ реальна и *недвижна*. На этой *скале* стройте дом лучезарных Символов, и он будет незыблем. О личном бессмертии: Если вы хотите его — получите. В каком виде — не знаю. Одно знаю: нет иного способа для его достижения, как слова: «*que Ta volonté soit faite*»²², ибо спасающий душу — потеряет ее (я обращаю это Толстому) и губящий ее — спасет²³.

Дотя, 8 ½ веч. Степа обедал и смотрел велосипед Miss Blackw<ell>. Я его покупаю. Он чудесной фабрики, но стар, тяжеловат на подъем носить, но не на ходу, а ей надо его *носить* по лестницам. Она продает, чтобы не везти. Мне же выгодно — 125 фр<анков>, и Степа, *qui est connoisseur*²⁴, говорит, что стоит. Он дамский, но мушина может ездить.

Целую как люблю бесконечно. Лидия.

¹ Речь идет о п. 454 и присланном тогда же «румынском гимне», который Зиновьева-Аннибал долго просила.

² Снизу доверху (*фр.*).

³ Вечера, вечеринки (*англ.*).

⁴ Каникулы (*англ.*). Зиновьева-Аннибал пишет с ошибкой, следует: holiday.

⁵ Не говори маме (*англ.*).

⁶ Подвиги (*фр.*).

⁷ Английской девушки (*англ.*).

⁸ Сорт хлопчатобумажной материи.

⁹ Судя по всему, речь должна идти о лекциях Ш.-И. Луазона, однако он читал по воскресеньям и в переполненной аудитории, что не очень сходится с описанием Зиновьевой-Аннибал. Сведений о других лекциях в эти дни нам обнаружить не удалось.

¹⁰ «Как о биологическом явлении, как о том, что уже есть, до всякого размышления, что-то даже бессознательное, но всегда реальное. Каждый человек необходимо идеалист. Он рождается с этим» (*фр.*).

¹¹ Орлеан, город во Франции.

¹² Песня (*нем.*).

¹³ «Зеркала» (*фр.*).

¹⁴ Опера Р. Вагнера «Lohengrin». 22 марта в «Journal de Genève» сообщалось, что «Лоэнгрин» пойдет вместо ранее объявленного «Вольного стрелка».

¹⁵ Особое печенье в виде птиц.

¹⁶ «Пение на водах», это доводит меня до безумия! Как это *прекрасно!* (нем., фр.).
О «Пении на водах» см. п. 456, прим. 6.

¹⁷ Который победит в эволюции веков (фр.).

¹⁸ Неточная цитата: Мф. 5: 48.

¹⁹ Это «Ошибки человечества — произвольная ложь и все институты: священники, президенты, судьи, такие хорошие, что они были бы от Сатаны, потому что они поклоняются ошибке и даже больше — Лжи, потому что своими софизмами они их очищают. И все человечество носит ярмо Сатаны в Великой Условленной Лжи» (фр.).

²⁰ Сушее (нем.).

²¹ Иллюзия (нем.).

²² «Да будет воля Твоя» (фр.). Слова из молитвы «Отче наш».

²³ Неточная цитата: Мк. 8: 36.

²⁴ Который знаток (фр.).

462. Зиновьева-Аннибал — Иванову 11/24 марта 1902. Женева

99-й д<ень> м<ужества>. Татинька, не знаю, как тебя обласкать. Что бы ни делала, что бы <ни> чувствовала, всегда чрез тебя как-то, в тебе как-то. Вчера вечером отослала тебе письмецо. Был Стёпа Жук<овский>. Я очень полюбила его. Он славный, *умный*, самостоятельный человек. Вчера nous avons parlé musique¹! и я очень много получила. Я накинулась на Вагнера. Он его защищал, признавая в нем trucs², т.е. musique de tr<uc>³, как он говорит про его vasagme⁴, но что касается «le moderne»⁵ и «хроматизма»⁶ (мое слово), то он говорит, что не В<агнер> инициатор, а Бетховен <так!> уже с 9-й симфонии пошел на путь «болезненной», «нервный» <так!>, анти-«музыкальный», и «la négation de la musique»⁷ (мое слово) от Бетховена, и Вагнер продолжатель.

7 ½ веч. Дотинька, мое золото. Была у отца. Он мрачен и нездоров. Немножко засиделась, а после обеда присела по усиленной просьбе Кости за рояль, чтобы напеть знаменитый патриотический восторг Румын. Костя с ума от него сходит. Он очень музыкален. Вообще, когда бы ни играла я, он тащит стул и возле меня и лице всё тает от восторга. На клавишах в дисканте⁸ лежит его книжечка из школьной библиотеки: он поглядывает в нее и всё улыбается. Дотинька, еще сюрприз: тебе будет куплен велосипед. Оказывается, Стёпа продает свой (ему надоело ездить), он 3-хгодовой, хорошей фабрики. Мне пришлось сегодня в ум купить его для тебя. И вот летом мы будем с тобою ездить во всю красоту. И ты, Дотинька, не протестуй. Сам знаешь, что ты глуп, а я

«всё знаю». Ты увидишь, как мы заживем, если Бог даст. Я сегодня написала длинное письмо Алекс<андре> Вас<ильевне>⁹. Это было после завтрака. А утро *всё* ушло на музыку. Я с ума схожу по двум вещам Шуберта: «Auf dem Wasser zu singen» и «Doppelgänger»¹⁰. Какой ужас этот последний! Это Степа мне указал на него. Действительно, как он говорит: «Мурашки по спине от ужаса». И легко. Кроме того, изучаю «Erlkönig»¹¹. *Добьюсь** его играть тебе à merveille¹². Роман в запущении пока что. Ах да, вот что, Дотя. Степа смешной анекдот сказа<л>, а Вера дополнила. Степа говорит, что в одном концерте пели «Auf dem Wasser», он спрашивает шепотом у Феликса: «Что это!» — а тот: «Zum Wasser, zum Singen...» и добавляет: «sauf les¹³ падежи». А Степа что есть мочи прыснул со смеху. Вот Вера ничего не разобрала и говорит: «Что Фел<икс> Вал<ерианович> сказал? — soufflé¹⁴ “подержи!”, чтобы вы не смеялись!» Мы страшно хохотали. Дотя, надо отправлять письмо. Бьет 8. Целую, обожаю. Жду свидания. Не пишется. Твоя всецело

Лидия.

Тетушке отвечу¹⁵. *Очень* счастлива ее письмом. *Очень* счастлива тобою и всем, что тебе близко.

Конверт с адресом, написанным рукой М.М. Замятниной. Женевский штемпель — 24.III.02. Афинский штемпель отсутствует.

¹ Мы говорили о музыке (фр.).

² Ловкость, трюки (фр.).

³ Ловкая музыка (фр.).

⁴ Оглушительный звук (фр.).

⁵ Современности (фр.).

⁶ Полутоновая система интервалов (употребление альтерированных звуков), повышение или понижение на полутон диатонической ступени лада.

⁷ Отрицание музыки (фр.).

⁸ Регистр самых высоких нот у фортепиано.

⁹ В архиве А.В. Гольштейн в Колумбийском университете (Нью-Йорк) такое письмо не обнаружено.

¹⁰ «Песни на воде» и «Двойник» (нем.). Романсы Ф. Шуберта на стихи Ф.Л. Штольберга и Г. Гейне.

¹¹ «Лесной царь» (нем.).

¹² Чудесно (фр.).

¹³ Кроме (фр.). «Les» — артикль множественного числа.

¹⁴ Суфле (фр.).

¹⁵ Имеется в виду Мария Тихоновна, тетушка Иванова (см. п. 428, 430, 467).

* Подчеркнуто 3 раза.

463. Иванов — Зиновьевой-Аннибал
10—11 / 23—24 марта 1902. Афины

День 99.

23/10 III

9 веч.

Радость, неправы мы были, думая, что нуждаемся во временной разлуке. Разлука как таковая мне только напрасно отягчила сердце, ничего не дала и много отняла. Скоро ли кончится эта полужизнь? — Когда ты будешь читать эти строки, Сережа, вероятно, будет уже дома, ты будешь обрадована и поглощена им. Дай Бог, чтобы ожидаемая радость осуществилась в полноте. — Я был сегодня в церкви; потом мечтал в саду Заппиона¹; позавтракав, вернулся домой, для сестры. Вял я последние дни. — Вчера прочитал замечательную вещь: «Семь Принцесс» — драму Мориса Мэтерлинка², — по-гречески! — в revue «Διόνυσος»³! Журнал, издаваемый <?> для здешних упадочников и состоящий преимущественно из переводов, доставил мне мой юноша, — «Турецкий сын», как называет его Фотини за отсутствие ненависти к Туркам. Я теперь имею понятие о народном языке, обращаемом в литературный поэтами стихов и прозы, и предо мной как бы перспектива еще нового языка. Греческий язык именно не язык, а целое созвездие многих языков, как в древности, так и поныне. —

Тебе разлука все же сослужила, думается, службу. Ты пришла в непосредственное соприкосновение как с детьми, так и вообще с людьми; я же всегда, вольно или невольно, заслоняю, посредствую, становлюсь так или иначе на пути, часто препятствую. За тебя-то я отчасти и рад, что ты не со мной так долго-долго...

День 100.

Понедельник 9 веч.

Sitze und grüble daheim⁴. Несносная полоса. Часы большие вчера остановились, и эта тишина в комнате увеличивает душевную пустынную. Работа валится из рук, и мысли рассыпаются в голове, не достигая пластичности. Фотини так и не встает с постели, стонет, лихорадит. Сегодня нужно было сбрызнуть с рук визит, который следовало сделать уже раньше, но я был простужен. Ина Петровна Капнист — очень милая и, главное, добрая особа. Занимается археологией и пр., писала о Крите, пишет теперь для «Русс<кой> Мысли» essay⁵ об истории Эпира^{6*}. Сестра ее — этой

* А в эпоху войн писала о филэллинской¹⁴ тенденции в «Новостях»¹⁵, «Моск<овских> Вед<омостях>» и везде, где терпели филэллинизм. (Прим. Иванова.)

я не видел — занимается здешними тюрьмами, старается их очеловечивать. Обе сестры были сестрами милосердия во время Гре<ских> войн⁷ и Критского восстания⁸, что встретило большую вражду в здешних рус<ских> чиновниках и <1 нрзб>. Поселились теперь с матерью⁹ просто в Афинах. Их семья родом с Занте¹⁰, но языку здесь пришлось учиться сначала. Занимают они дом, который, м<ожет> б<ыть>, ты помнишь, угловой, с круглым краем и лоджией, там, где от Олимпиейона¹¹ поворачиваешь к Акрополю. Вид у них на колонны Зевса¹² — словом, пейзаж в идеальном стиле. Я нарочно пришел в 3 ч<аса>, зная, что в 4 назначено француз<узское> заседание, чтобы кончить визит скорее. Мы вышли вместе в 3 ½, и я проводил свою новую знакомую до французской виллы. Россидису я приготовил перевод «Коринфской Невесты»¹³. Язык «Диониса» он не одобряет как «радикальный» и не чисто народный. Радикалы по-здешнему «ризоспасты» и «корневтыгиватели» — похожи ли на таких Дашкевич с Кузьмой?

Целую свою девочку, как люблю и обожаю.

Твой В.

¹ См. п. 440, прим. 7.

² Творчеством М. Метерлинка (пьеса «Семь принцесс» написана в 1891 г.) в это время Иванов интересовался. В письме от Элизы Лёвенгейм (Elise Löwenheim) от 5 января 1902 г. Иванов прочитал ее обзор новинок берлинского театра, где новая пьеса Метерлинка «Монна Ванна» названа «великим событием» сезона (см.: РГБ. Ф. 109. Карт. 29. Ед. хр. 14).

³ (В) журнале (фр.) «Дионис» (греч.).

⁴ Сижу и размышляю дома (нем.).

⁵ Статью (англ., фр.).

⁶ Такая статья в журнале «Русская мысль» не была напечатана.

⁷ В современных изложениях истории Греции упоминается только греко-турецкая война 1897 года, связанная с восстанием на Крите (см. след. прим.).

⁸ Имеется в виду антиосманское восстание на острове Крит 1896—1897 гг. под лозунгом воссоединения с Грецией, потерпевшее в конечном итоге поражение.

⁹ О матери И.П. Капнист, как и о ней самой, информации собрать не удалось.

¹⁰ Занте (Закинфос) — остров в Ионическом море.

¹¹ Недостроенное гигантское сооружение (храм Зевса Олимпийского). Согласно Павсанию, храм Зевса Олимпийского был основан Девкалионом, одним из мифических праотцев греческого народа. Около 515 года до н.э. Писистрат из династии тиранов древних Афин задумал заменить старое святилище новым, значительно более торжественным. Но тирания пала, и строительство было возобновлено лишь при сирийском царе Антиохе Эпифане под руководством римского архитектора Декима Коссутия. После смерти Антиоха в 163 году до н.э. работы опять остановились, и храм долго оставался без перекрытия и фронтонов. Строительство было наконец завершено при римском императоре Адриане в 131 г. н.э.

¹² Имеются в виду колонны Олимпейона.

¹³ Стихотворение Гёте (1797), чрезвычайно важное для творческого сознания Иванова. Подробнее см.: *Wachtel Michael. Russian Symbolism and Literary Tradition: Goethe, Novalis, and the Poetics of Vyacheslav Ivanov.* [Madison, 1994]. P. 43—61; *Вактель Майкл.* К теме: «Вячеслав Иванов и Гёте» // Вячеслав Иванов: Материалы и исследования. М., 1996. С. 186—191.

¹⁴ Филэллинизм — *бука.* «любовь к Греции», движение в защиту независимости Греции от Османской империи.

¹⁵ Полное название — «Новости и биржевая газета». Розыски этих публикаций И.П. Капнист требуют специальных кропотливых изысканий, в настоящее время невозможных.

464. Иванов — Зиновьевой-Аннибал 13/26 марта 1902. Афины

День 102.

Среда. 26/13. III.

10 ч. веч.

Возлюбленная Радость! Сегодня я провинился — кажется, в первый раз? Не послал обычного в среду письма. (Ведь я посылаю письма три дня подряд: во вторник, среду и четверг). Зато это письмо должно пойти завтра утром. Вчера я сидел дома и любовался на ливень, застилавший долину, при взрывах бурного ветра; а вечером получил твое письмо¹ — *aux parfums troublants*² — с его чудесными, описательными и философическими, *belles pages*³. И это было поздно, и писать было не о чем — разве о лунном сиянии накануне, ясно казавшем Акрополь и неясно Эгину, и моих *contemplations*⁴ при открытом окне, и об эффекте лампы в углу комнаты и голубого сияния в окне, защищенном от лампы темно-красной гардиной, — *contemplations*, прерванных появлением возвращающегося домой моего юноши, с которым мы обменялись пожеланиями вдохновений и признанием особенной красоты аттической природы, более благородной и юной, по его словам, чем природа его прекрасного Кипра... Итак, я отложил вчера письмо на сегодняшнее утро, а сегодня проснулся к 11 часам — следствие, конечно, бессонницы в течение ночи, — бессонницы, обычно нагоняющей с разными мечтаниями и заботы, и планы будущего, и на этот раз сказавшей мне: во-первых, что тебе не нужно приезжать сюда, если нет охоты к путешествию, ибо цель поездки — Греция и погружение во впечатления невиданного и непережитого, а не ускорение свидания со мной; во-вторых, что твой приезд в Грецию мог бы заключиться поездкой (*via* Константинополь, конечно) в Россию для свидания твоего с Софьей Александровной (б<ыть> м<ожет>, Алымовой) и для моего личного

присутствия при окончании печатания сборника, — *если бы* только времени мы не имели так в обрез⁵. Вот на какие мысли навела меня бессонница. Прибавлю еще, к первому пункту: твой приезд меня прельщает возможностью пожить с тобой *друг для друга, наедине*, и приехать к вам прямо мне так же *мало* хочется, как тебя это *сильно* (но почему?) соблазняет; тем не менее, повторяю, центр тяжести в путешествии *für sich*⁶, и если твоя душа не ищет того, что оно может дать, я согласен с своей стороны и на отсрочку свидания, готов скрепиться еще, в особенности если это допускает удобную комбинацию с вопросом о посещении Софьи Александровны. Посещение это — тут уже второй пункт — должно было бы, кажется, состояться летом, либо осенью, и, б<ыть> м<ожет>, ты предпочтешь, вместо Греции, съездить в Петербург? Далее, что намеревается сделать Маруся? Оставит она нас или нет? И если нет, не нужно ли ей быть в России⁷? И не направиться ли всей, в паспорте записанной, ватагой зараз в Россию на лето? Но нужно ли? Но издержки?! Я теряюсь, ничего не знаю, ничего не хочу и не могу придумывать, и в заключение прошу только: телеграфировать мне, если решишь *не* приезжать сюда*. Это быстрое извещение мне необходимо для душевного равновесия.... Через две недели ровно начинается пелопонесская поездка.

Сегодня Леонардо сам составлял мое меню. Оно заключало, à la chinoise⁸, — немного каламарий⁹, немного осьминожек, кусочек поджаренной икры, соус из икры, артишок... (цена: 1 др<ахма> 20). Из Института, в 3 ч<аса>, собирался было в Музей, но имел довольно ума, чтобы пойти в Королевский Сад¹⁰. Там я нашел роскошь южной весны; небо голубело, солнце играло с богатствами юга, прохладный вешний ветерок нежил, воздух экзотически благоухал. Я чрезвычайно внутренне занят, до *упоения*. Но и не внутренне только: так хочется то-то и то-то прочесть и окончить в эти две недели, что... Наперед знаю по опыту, ничего не успею! О, если бы ты была со мной! Я голоден по тебе, как зверь. — Урок состоялся обычно. Россидис получил от брата обещание денежной поддержки, но объявил мне, что решил (*en privé*¹¹) ехать учиться в Женеву! Язык ему до зареза понадобился, надеется, м<ожет> б<ыть>, на уроки у нас, но вообще — мечтает... Женева его интересует местоположением! Я согласен, что

* Сбоку на полях, напротив фразы «телеграфировать мне, если решишь не приезжать сюда» Ивановым поставлен подчеркнутый дважды знак *NB!*

иностранный университет предпочтительнее, так как права дает одинаковые как иностранный, так и афинский (тоже, впрочем, для него иностранный) университет. При этом он думает изучать *право*. Не напишет ли мне Маруся сведения о том, хороши ли в Женеве юридический факультет и что-нибудь еще, что может ему пригодиться? Может быть это поручение ей сподручнее, чем поручение написать свое мнение [о философ<ии>] о морали «Сфинкса»¹². Мне же ей отвечать на то: «Какая разница между религиозностью и религиозным чувством?» — нечего. Я не словарь синонимов¹³. Впрочем, Россидис сначала будет советоваться с Киприотами, каким изучением посвятить свои драгоценные для отечества мозги. Я ему кое-как прочел проповедь о [необходимости] сущности *научного* образования и [сущности] необходимости его для будущего писателя. Он понял; он все понимает, умный мальчик. — Лиля, поздравляю тебя со славой через Феликса; но ужасно ему завидую и злуюсь, злуюсь — о, слабость, о порочность человеческой души! — на него, и на Rescueil¹⁴, и даже на мои некогда столь любимые finocchi... Правда, fenouilles на итальянском finocchi? Этого еще не доставало! Я уже писал, что чеснок для меня отравлен, теперь — fenouilles!¹⁵ И почему бы не взять других овощей? — — Целую, целую, целую. Вячеслав.

Спасибо за отрывок Женевской газеты. Ах, придет ли Гревс?.. Не правда ли, этот листок vaguement¹⁶ его напоминает.

При мне рассказ Величко о Владимире Сергеевиче и его ботинках: он весь выступает¹⁷!

Мы часто встречаемся заочно в одинаковых sensations¹⁸. Такое умиление, как у тебя с Дашкевичем, я подмечал в себе в последнее время.

Разве письма ты читаешь невнимательно? Конечно, в Четверг приходит почта! Довольно я этим восхищался.

Серезу целую горячо.

Кстати, во время giro письма адресовать на Институт, который их пересылает. Но об этом еще напишу в свое время.

¹ Вероятно, речь идет о п. 455 или 458.

² С волнующим запахом духов (*фр.*).

³ Прекрасными страницами (*фр.*).

⁴ Размышлениях (*фр.*).

⁵ План осуществлен не был: к матери Зиновьева-Аннибал съездила только в январе 1903 г.; издание «Кормчих звезд» осуществлялось без непосредственного наблюдения автора.

⁶ Как таковым (*нем.*).

⁷ На эти фразы Замятнина отвечала 22 марта / 4 апреля (письмо было начато 19 марта / 1 апреля 1902): «И что за нелепость Вам могла в голову прийти о необходимости мне поездки в Россию, вот уж ни чуточки пока не стремлюсь, даже и на побывку. Вот через годик-другой если вместе поедем куда-нибудь на лето на Волгу или лучше еще на Оку в сосновый лес» (РГБ. Ф. 109. Карт. 19. Ед. хр. 14. Л. 66). Впрочем, на довольно долгий срок она ездила в Россию в начале 1903 г. (см. переписку этого времени).

⁸ По-китайски (*фр.*).

⁹ То есть кальмаров.

¹⁰ Королевский сад в Афинах (ныне Национальный сад) был разбит для короля Оттона и королевы Амалии в 1830—1860-х гг. Считается одним из красивейших мест города.

¹¹ В принципе (*фр.*).

¹² 9/24 марта (письмо начато 8/23 марта) Замятнина писала Иванову: «Сегодня была днем одна дома, сидела за “Сфинксом”. Я все еще не ответила Вам на Ваш вопрос, и сегодня еще не отвечаю опять, скоро напишу свои глупые мысли. Теперь же должна написать, что думаю о вашем предисловии к сборнику. Я от него прямо в глубоком отчаянии. Не писала я это до сих пор, потому что не решалась, но теперь думаю, что непростительно не написать, что думаешь. Слог предисл<овия> положительно тяжелых Гревсовских периодов: “столь рано шедший”, после “Матери стихотворца” невольно поражает шаршавостью <так!> по малой мере. И затем весь последующий период чудный и по мысли и по словам, ее выражающим, но по расстановке слов, мне думается, в будущем неизбежно послужит материалом для учителей — любителей давать ученикам невероятно трудные примеры для разбора. Так уж Вы загнули в нем. Еще мне не нравится слово “собрание”, к<a>к-то странно оно звучит здесь» (РГБ. Ф. 109. Карт. 19. Ед. хр. 14. Л. 46 об — 47). Однако письмо, в котором, видимо, содержался разбор «Сфинкса», не сохранилось. Относительно Россидиса она писала 22 марта / 4 апреля: «К<a>к начнутся лекции, постараюсь Вам узнать о здешнем юридическом факультете для Россидиса» (Там же. Л. 65 об — 66). Его поездка в Женеву, насколько мы знаем, не состоялась.

¹³ В письме от 5/19 марта Замятнина писала: «Да, вот еще что — объясните мне, пожалуйста, разницу между “le sentiment religieux” и “la religiosité <так!>”. Греки изображали одно скорее, чем другое. Мне кажется, что религиозное чувство — глубже, больше внутренне, а религиозность — внешнее <так!> выражение; но хорошенько я все-таки не понимаю» (РГБ. Ф. 109. Карт. 19. Ед. хр. 14. Л. 54).

¹⁴ Сборник (*фр.*). Имеется в виду сборник музыкальных сочинений Ф. Остроги, который Зиновьева-Аннибал предложила ему профинансировать.

¹⁵ Finocchio, fenouil — фенхель, растение с укропным запахом и с сочным корневищем (*ит., фр.*). Впервые упоминается Ивановым в п. 459.

¹⁶ Слегка (*фр.*). Фрагмент женевской газеты, присланной Л.Д., до нас не дошел (если не имеются в виду ее выписки об Остроге).

¹⁷ Имеется в виду следующий рассказ Василия Львовича Величко (1860—1904) в книге «Владимир Соловьев: Жизнь и творения» (СПб., 1902): «В этот день он встал рано и пошел покупать себе ботинки в гостином дворе. Выбирал, выбирал по мерке — и никак не мог найти подходящих. Наконец ему показалось, что приказчик тяготится этой возней; тогда он взял первую попавшуюся пару и надел ее, так как собирался с визитом в какой-то великосветский дом, — а старые ботинки завернул в бумагу и взял под мышку. Ради экономии <...> и чтобы разносить ботинки, он по-

шел пешком на Васильевский остров <...> Дорогою к нему приставали нищие, которым он отдал все деньги, кошелек, пустой бумажник, носовой платок и старые ботинки. <...> Пришлось бедному философу возвратиться домой пешком уже поневоле, и притом в узких ботинках, ставших истинным орудием пытки. <...>

— Я ведь ничего не ел с утра.

— Так поедемте обедать <...>

— Голубчик, оно хорошо бы, да старых ботинок нет, а эти, проклятые, жмут!..

Впрочем, это ничего: на этот раз я, кажется, их перехитрю!

Владимир Сергеевич вскакивает с дивана и перочинным ножиком разрезает новые ботинки на тех местах, где они были особенно нестерпимы. Затем он едет обедать и пленяет всех истинно детскою веселостью» (Книга о Владимире Соловьеве. М., 1991. С. 43).

¹⁸ Чувствах (фр.).

465. Иванов — Зиновьевой-Аннибал 14/27 марта 1902. Афины

День 103.

Четверг, 27/14 III.

9 веч.

Любимая Лидия! Сейчас получил твое письмо светлое¹, и вижу, что любишь!.. Радостно видеть, что тебя кто узнаёт — любит: это по поводу письма моей тетки, которое очень тепло для ее холодной сдержанности и кончается искренними словами: «много полюбившей вас...»² Как я счастлив, что румынская песенка оказалась искомой! Какие прекрасные слова приводишь ты из *conférence*³ того «анархиста христианского»! Что за славная душа, которая так [чутко и] живо, и просто, и [искренно] свободно сознает, так непосредственно видит мистическую тайну... Милая Лиля! Фотини крушит <?> меня! Боюсь, что она не встанет больше, что у нее чахотка! Она, на мой взгляд, как-то вся изменилась. Жалуеться только на лихорадку и слабость, да на ноги; но худо глядит, говорит слабо, жалко, часто жалко развеселится, возбужденно, немного фантастически болтает, напр<имер>, что так боится, когда шумит дождь, что поедет, как степлеет, на острова, хорошо бы — за границу: далеко ли Женева от Греции? и т.д. — и все это изменившимся, слабеньким голосом; сегодня встала было на полчаса и замучилась... но уверяет, что совершенно здорова и собирается на днях к доктору (гинекологу)... Сегодня я был только ненадолго в Институте да у Леонардо, долго спал и не имел вчерашнего умственного возбуждения... Я замечал не раз, что мы встречаемся мыслями. Вот еще пример. Я радуюсь, что наша разлука сблизила *тебя* с людьми, ты радуешься тому же за *меня*.

Странно и мило. Я *тáк* тебя люблю! И мне нравится, что тебе так хочется быть красивой и что ты боишься не оправдать портретов, которые передо мной. Кстати, *l'appétit vient en mangeant*⁴ — и мне (как я уже давно порываюсь тебе написать) так хотелось бы еще новых портретов, из другого atelier⁵, где бы ты была опять [*désoletée*] «*втехолтэ*»⁶! Нам здесь, на востоке, так по вкусу этот европейский обычай! Кроме того, твои плечи, помимо их признанной красоты, так *говорят*, что решительно увеличивают сходство портрета, и кажется, ты можешь быть похожей на самое себя на фотографической пластинке, только будучи «*втехолтэ*». (Надеюсь, что видишь ясно весь комизм варварской неуклюжести «европейского» термина в здешней транскрипции и произношении?) — Но боюсь настаивать на причудливом, согласен, желании — довольно, что хватило храбрости его высказать!.. Против Патраса принципиально ничего не имею, только пришлось бы с остров<ов> приехать мне сначала все же в Афины и потом только поехать к тебе в Патрас. Но правда, что тебе ждать здесь меня невесело. Между прочим, мечтаю о Занте⁷ — от Патраса совсем близко. Моя новая знакомая⁸ (правда, семья их оттуда родом, и она пристрастна) меня как-то заразила желанием увидеть знаменитый *fior di Levante*⁹, где — она говорит — земля какая-то, ей кажется, горячая, необыкновенная по своей производительной силе — сильней, чем на Корфу¹⁰, — материал тебе для Эритры, которую можно даже переселить на *Záκινθος*¹¹.

Из письма Сережи вижу, что ты толкаешь его на дуэль с Kenneth'ом! Что за язык! *Tuck*¹² «в том же самом латыне, как и я»... «Мальчики позволены сдерживать для себя деньги... Это тоже учит их экономии». Сереже безотлагательно нужно спасти русский язык!

Сережа пишет: «Я плакал во сне». (Извест<ное> стихотв<орение> Гейне и романс¹³!) Ради бога, не нужно аскетизма, не нужно *scrupules de conscience*¹⁴ и т.д. Отчего не тратить немного на марки? Но все же отрадно видеть, что он идеалист, что и он «*est né avec ça*»¹⁵, по выражению твоего анархиста.

Конверт со штемпелями: ΑΘΗΝΑΙ. 14 ΜΑΡΤ. 1902 — Genève. 1.IV.02.

¹ Речь идет о п. 461.

² Письмо нам неизвестно.

³ Лекции (*φρ.*).

⁴ Аппетит приходит во время еды (*φρ.*).

⁵ Ателье (*φρ.*).

⁶ «Декольте» (*греч.*).

⁷ См. п. 463, прим. 10.

⁸ Речь идет об И.П. Капнист (см. п. 463).

⁹ Цветок Леванта (*ит.*).

¹⁰ Самый северный из Ионических островов, отличается плодородием своих почв.

¹¹ Закинфос (*греч.*). Другое название острова Занта.

¹² Письмо от С.К. Шварсалона неизвестно, и употребленное им прозвище нам расшифровать не удалось.

¹³ Имеется в виду стихотворение из «Книги песен» Г. Гейне «Ich hab' im Traum geweinet / Mir träumte, du lägest im Grab» (в переводе А.А. Фета: «Я плакал во сне. Мне снилось, Что друг мой во гробе лежит...»). Оно также известно по песне Шумана в цикле «Dichterliebe» («Любовь поэта»).

¹⁴ Угрызений совести (*фр.*)

¹⁵ Рожден с этим (*фр.*).

466. Зиновьева-Аннибал — Иванову 12—15 / 25—28 марта 1902. Женева

100-й д<ень> м<ужества>. 11 ½ веч<ера>. Моя Дотя, что я скажу тебе: вернулась с 3-его, увы, последнего концерта Бетховена. О блаженный город — Женева. Сегодня в середине Крейцеровой соната. Какой восторг. Какая буря дионисического безумия dans toute la belle folie de vivre toujours <?> la tristesse infaissable et douce, oh douce <?>¹. И весь final здоровый <1 нрзб> народная мелодия в геньальной обработке. После нее трудно было *принять*, до боли трудно, 3-ю сонату, тем более, что в ней была еще раз красота². А какое освежение, какое здоровое для души возвращение пешком домой! Олечке я также взяла билет, и она с наслаждением прослушала с нами все три концерта. Дотя, спокойной ночи. Сижу на постели уже в халате и волосы по плечам. Сейчас буду заплетать, а Маруся вслух читать Пьер Бобо³.

101-й д<ень> м<ужества>. Дотинька, 4 часа. Зовет звонок к чаю. Т.к. у дедушки ела треску, то очень хочу пить и бегу. Костя только что вернулся с школьной lanterne magique⁴, куда свел и Miss Bl<ackwell>. Хочу кстати о нем сообщить анекдот, но раньше еще спросить: отчего не отвечаешь на письмо Вере? если будешь письмо с будущей почтой...

102-й д<ень> м<ужества>. Четверг. 3 часа. Сена. Сегодня вечером выезжает Сережа. Буду бояться, верить и надеяться. Погода скверная. Дождь. Ветер. Дотя, что это? куда время идет? Куда дни полетели? Отчего ни письма твои, ни роман. Вот отчего. Сби-

лась я со всеми концертами и лекциями, и даже рада, что теперь кончился сезон. Только завтра Karfreitag⁵ ская музыка в St Pierre⁵. Идем. Да, после концертов всё-таки очень уставала. Стала позднее вставать по утрам. За работу принималась после ванны и брэкфаста в 10-м часу, и всё утро вот. <...>* много дней уходят на музыку. Играю старательно и не по разу: 1) Erlkönig. 2) Auf dem Wasser... 3) Der Doppelgänger, 4) Das Meer erglänzte weit... 5) Es war ein König in... 6) Wer sich der Einsamkeit ergibt...⁶ (*Рекомендуй еще.*) Затем русские. Затем Олин урок: 1) notes tenues. 2) quelques exercices, 3) une romanc<e> classique «Caro mio ben» qui je fais étudier *rigoreusement*⁷. Сила голоса двойная. Тембр симпатичный. Ноты знает и вполне поняла la mesure⁸. Эта работа в течение первого месяца берет немного лишнего времени, но затем будет занимать не более получаса в день. А сколько наслаждения и какая ей полнота. Она же искренно и умно любит музыку, если сонаты со скрипкой Бетховена ей доставляли бесконечное наслаждение. Дотя, каким ты себя еще раз добрым показал по отношению к Аниуте⁹. Добрее меня. Дотя, как тебе не стыдно писать глупости по поводу Остроги. Я не хочу и возражать на них. А чеснок совсем другой тон имеет, чем ты воображаешь, как и вообще все наши отношения. А насчет Trèfle Incarnat¹⁰, то это моя глупость — это сравнение. Но если хочешь, то, быть может, действительно fe-pouilles мало пахнул свежестью и анисом. Есть что-то почти слишком мучительное, слишком тоскливое и трагическое в этой музыке: ядущая <?> тоскливость в разговоре и трагизм в широком refrain «Dieu ait pitié de mon âme»¹¹. Он увез романс с собою. — Да, так я говорила: ты добр. И опять меня охватило то же чувство, что дважды до нашего соединения. В первый раз — когда ты уговаривал, идя по какой-то улице Рима, Соню, столь бесстыже-презрительно третируемую Гревсом, — ехать в Неаполь. И второй раз, когда ты ходил за цикорией. Теперь слушай анекдот о Косте. Ведь в Воскресенье его так уморительно надули с театром. Повели мимо зубного доктора дальше, сказав, что девушки на вечер купят себе билеты, затем, что по Воскресеньям билеты продаются с главного хода. Затем — что полицейский позволил зайти наверх, чтобы поглядеть, на что театр похож днем, но что надо скоро, скоро спуститься опять. Наконец в полном недоумении и блаженном неверии он остался весь красный и криворотый на представление.

* Утрачен двойной лист.

Дома продолжение: он думал, что я сама не знала, что они в театре, и делал такие пырсающие и мистифицирующие рожи, что я предположила, что он *очень* страдал у зубного доктора, тогда он убежал, потому что должен был закрыть лицо от смеха, расплывшегося по нему. Я его догнала и вдруг в кармане увидела билеты и стала кричать: «Это что! это что!» — и схватила зонтик, и за ним, и все они бросились с визгом наверх, а я сзади, и Костя забился весь под Олину кровать, а ноги на улице, и думает, как годовалый, что его не видно! Но этим не всему конец. После разъяснения всего дела я его призвала и сказала краткую речь: Он в школе не очень хорошо себя вел (учитель единственный какой-то дурень, по-моему, и постоянно сцепляется с Костей, небось с Острогой он шелковый), ну, так что хотя он не заслужил театра, но взят был по доброте и в долг, и теперь обязан платить, иначе будет рассмотрен как рецидивист. — Ну отлично. Только на другой день утром Костя долго и очень горько про себя плачет. Вечером перед сном Маруся его спрашивает, о чем лились горькие слезы: «Зачем меня взяли *в долг* в театр. Я, может быть, и не захотел бы в долг. *Я не могу стараться!*» Маруся пыталась убедить его в противном и вернуть бодрость. Я нахожу, что это показывает в нем честность, и мне приятно. А «Lo<h>engrin» имел огромный успех. Так что Костя весь сиял весь день и говорил, что он гораздо лучше, чем «Petit Poucet»¹². Дотинька, еще имею сказать, что вспомнила 3-е événement¹³ того злосчастного дня, когда так неожиданно мне понравилась архитектура Женевских домов¹⁴. Это не был просто *визит* к Зиновьевым¹⁵, а то, *что* сказал мне Зиновьев (кроме бесконечных *комплиментов* моей наружности: он ужасно сладострастный человек, противный), он сказал, что по твоему черепу, его расширенности над висками, определяет тебя как человека «законченного и любящего законченность» — его собственные выражения. За них он приобрел мое уважение и потому я осмотрела его «живописные» работы и сделала еще открытие: что он художественно владеет углем или тушью, знаешь серые картины, что его краски *честные* и что его портреты имеют *характер* и очень индивидуальны. —

4 часа. Меня прервала Маруся. Звала вниз советоваться. Жаль, Дотя, ты так и не увидишь Сережиной комнатки наверху, и до чего она была уютна, потому что мы переводим его сегодня вниз на место Веры. Вот план*.

* См. ил. на с. 398.

Комната большая, уютная. Очень мужественная благодаря темно-рыжему *sommier*¹⁶ и библиотеке на камине почти до потолка. Чудесные полки.

Сереже лучше. Он никогда не сидел в своей одинокой мансарде: холодной зимой, душноватой летом. А Кристина получила «вечный» уголок свой, и рада, бедняжка. У нас важные события скоро будут¹⁷: оба министра 1) внутренних и 2) военных дел подали королеве прошение о перемене должностей. Т.е. просил министр военных дел (детских дел) — Оля, о принятии вновь (по отъезду *Miss Bl<ackwell>*) министерства внутренних дел, а министр внутр<енних> дел (Кристина), конечно, охотно согласился. Но спать с девочками теперь не к чему: Вере в Августе 13 лет! Весь день вчера и сегодня идет переборка в шкапах: дети работают весело над своим переселением. А вчера еще и в саду-то как трудились. Массу листьев сгребли дети и Оля, сад полон пахучих фиалок, а я-то, я-то вчера брала первый урок на велосипеде. Пошли на дорогу в *Petit Sacconex* и немножко я уже утвердилась, но еще не уловила вполне такт балансировки. *Miss Bl<ackwell>* — профессор. Маруся — адъюнкт.

103-й д<ень> м<ужества>. 7 ½ ч<асов> утра. *Sena* Теперь началась вакационная неделя, и потому с ванной вышел некоторый беспорядок, который я только что устранила новой временной организацией ваннных часов.

Насчет часов Маруся всегда слаба, и то чудо, что я добилась приучить ее рано ложиться и соответственно вставать, и теперь у нее совсем другой вид, чем когда я приехала, и в доме больше порядка. Она прекрасно организует обстановку жизни домашней, но совершенно не умеет справиться со временем. Итак, я жду свою ванну. Только что вышла из нее *Miss Bl<ackwell>* и теперь идет обтирание тройки и их умывание. Солнышко встало, осветило ползущие над землей серебристые туманы, промелькнувшие к дальней снежной цепи ватистые тучки и сине-лиловый массив Салева, где по склонам блестят озаренные *chalets*¹⁸, и солнышко соответствует веселым голосам внизу и Марусиному хлопотливому баску: она вскочила, как только услышала мои шаги по лестнице с ½ часа тому назад, и теперь хлопочет с поденщицей, натирающей к Сережиному приезду полы.. и садовника и сад осветило солнышко, и Олю, которая у двери в *hall* чистит Костины панталоны и беседует с ним, спрашивая не засыпать часть роз золою, но оставить это дело ей. А внизу в кухне Кристина, уже давно

облившись ронской водою в ванне, варит, спеша, porri<d>ge¹⁹ к детскому брэкфасту, а быть может, сегодня и гречневую размазную. У нас ведь гречневая крупа и гречневые пироги, и сегодня будет печься таковой и с хлебом-солью и полотенцем понесется девушками на новоселье к Кузьме. Ведь Кузьма когда его покинула жена, почувствовал себя слишком просторно в своей квартире, нанимаемой у Бирюкова, и теперь, на этих днях, вместе с Дашковичем перевозил свои клетушки со свиньями и курами на *собственный* огород, и там же воздвигали два друга шалаш из досок самому Кузьме между грядками. А девушки назвались на новоселье. Потом будет пир у нас. Вот где «нищие духом»²⁰ и «Einsame Menschen»²¹. Ни к кому не пристали. И когда в тот раз Дашкович привел ко мне Кузьму, не сказав ему, *к кому* ведет, а Кузьме надо было копать капусту, и он *было отказался*, то Дашкович двинул его *одним* словом: «А, может, тебя там *нужно*, коли зовут!» — «А *нужно* меня, так иду!» — «*Нужно*» — в смысле помощи *от него*.

А вчера у детей какое новоселье! 10 час<ов>. Сена Нет, раньше еще анекдот: в ванной комнате, оказывается, Костя в халатике и ночн<ой> рубашке забрался в свой платяной шкаф и оттуда играл с Лилей. Пришла Miss Bl<ackwell> и полушутя заперла его на ключ, тогда он принялся сильно стучать. Явилась Маруся и сказала: «Ты шалил. Тебя заперли поделом. Теперь будь тих, и тебя выпустят». Он затих. Miss Bl<ackwell> открыла шкаф, и вдруг все ахнули, потому что оттуда, как молния, вылетела голая фигура и *одним прыжком* оказалась в ванне и, сложив руки по швам, ожидала облития холодного. — Итак, всех переселение. Вера ночевала пока у Маруси, т.к. она бездомна до отъезда Miss Bl<ackwell>, а Костя водружен уже в своем углу и всё ждет Сережу. Вечером Вера пришла в гости к Косте, а Маруся принесла гостинцев ему «на новоселье». Вера зажгла огонь, и они кончали какую-то его выдумываемую сказку рассказывать, называемую ею «исторический роман». Потом помолились мы: Костя в постеле своей, а Вера в халатике рядом на полу, потом дети трогательно и торжественно прощались и долго душили друг друга в объятиях, оба и довольные, и немного грустные. Потом пошла Вера к Марусе. Скоро, скоро, чрез неделю водворим и ее. Сережины картины великолепны. Я ему повесила Персея флорентийского²². Это хороший герой и хороший подвиг. Куплю сегодня рамку и вставлю свой портрет <1 нрзб> всем троим. Дотя, вчера Вера получила твою картолину. Третьего дня я — два твоих письма²³. Беда с

Фотини! Ах да, ведь духи эти, которыми пахнут письма мои, — *trèfle incarnat* (алый клевер) не очень бранятся по идее с *fenoilles*, тоже чистый запах. Еще хотела сказать, Татата. Вот отчего я живу сама в себя, а не в творчество; я поняла: это оттого, что я пишу тебе. В эти письма уходит всё, и ничего не остается. Но я рада. Я словно возродилась. А вчера я успела и поработать, увы, всё еще над шумом. Да, Расскажи, кстати, про Капнист! Я слышала, но всё забыла. Всё скажи и про положение (*profession*), и про наружность, и года, и всё.

8 часов веч<ера>. Сена. Вот тебе день: Утром писала, дала урок Оле. Сама не пела. После завтрака писала. Дети всё утро работали в саду, потому после завтрака (теперь днем я делаю обед — это детям удобнее: вставать придется после Пасхи в 6 и ложиться раньше 8-ми, да и день длиннее для прогулок) я их усадила. Вера учила Лидию читать. Костя сам читал свою книгу. Потом они все с *Miss Blackwell* пошли в лес за цветами для Сереже (о, как заливается в саду, через мое открытое окно слышу, — птичка вроде соловья). Теперь дети сидят в саду на высокой площадке вокруг стола и все трое готовят букеты в вазы для Сереже <так!>. Будет вся комната в пахучих фиалках и примрозах и еще цветущих и благоухающих розовых ветках, вроде плодовых цветов. Сережа весь день у Гольштейнов. Сегодня именно от него письмо от Среды: «Приеду, если на то Божья воля, в пятницу утром в Париж, выехав завтра с *Victoria*²⁴, а в Субботу домой...» Девушки понесли хлеб-соль, полотенце и пирог к Кузьме и Дашк<овичу>. Но вот по дороге у <1 нрзб> при выходе столкнулись с Дашкевичем. Тот зашел сюда, чтобы проститься перед трехнедельным переездом в Лозанну с друзьями какими-то. А Кузьмин дом, оказывается, не построен из-за дождей, так что переехали на новоселье лишь куры и свиньи. Вопрос обсуждали мы с Дашковичем, кто же съест по праву гречневый пирог. Оказывается, по его же словам, уже однажды Кузьма поступил нечестно со своими свиньями и курами: обходил всех друзей по Женеве с большим мешком для сбора старого хлеба и принеши домой, нашел хлеб столь вкусным, что сам съел его! Дашк<ович> говорит: куры и свинья должны подать на Кузьму в суд. Да, сегодня после чаю я опять училась на бисикле²⁵. Довольно трудно, но, конечно, выучусь. Дотинька, нежно целую тебя, мое сокровище. Это письмо уйдет из Женевы за 2 часа до, даст Бог, приезда Сережи. В четверг ты получишь Воскресное письмо и всё узнаешь.

Твоя Лидия.

¹ Во всем прекрасном безумии жить, всегда <?> печаль, неисполнимая и сладкая, о, сладкая <?>.

² Речь идет о третьем и последнем концерте Э. Ризлера и П. Марто, на котором исполнялись бетховенские соната № 3 (ор. 30), Крейцера соната (ор. 47) и соната ор. 96 (*Journal de Genève*. 1902. 25 mars).

³ Прозвище П.Д. Боборыкина, данное ему В.П. Бурениным, использовалось в том числе и Ф.М. Достоевским (см.: *Достоевский Ф.М.* Полн. собр. соч.: В 30 т. Л., 1980. Т. 21. С. 248, 404). М.М. Замятина, очевидно, читала его повесть «Исповедники» (см. п. 431, прим. 14, и п. 437).

⁴ Волшебного фонаря (*фр.*).

⁵ Karfreitag (*нем.*). — Страстная пятница. St. Pierre — собор в Женеве, начатый в XII в., потом известен как церковь Кальвина.

⁶ «Es war ein König» — песня Шуберта «Der König in Thule» (1816) на слова Гёте (из «Фауста»); «Wer sich der Einsamkeit ergibt» — песня Шумана (из цикла «Песни из Вильгельма Мейстера») на слова Гёте.

⁷ 1) долгие ноты; 2) несколько упражнений; 3) классический романс «Мой дорогой, добрый», который я заставляю выучить *точно* (*фр., ит.*). Упоминаемый романс — очень известная песня, приписываемая либо Tommaso Giordani (1733?—1806), либо Giuseppe Giordani (1753?—1798).

⁸ Мери (*фр.*).

⁹ См. п. 456.

¹⁰ «Красный клевер» (*фр.*). Название духов, о которых корреспонденты пишут в п. 455 и 459.

¹¹ «Да помилует Господь мою душу» (*фр.*). Речь идет о романсе Ф. Остроги на стихи Ж. Мореаса (см. п. 407, 453).

¹² «Мальчик-с-пальчик» (*фр.*). Описание этой феерии см. в п. 415.

¹³ Событие (*фр.*).

¹⁴ Письмо с описанием этих событий не сохранилось.

¹⁵ О ком идет речь, установить не удалось.

¹⁶ Пружинной кровати (*фр.*).

¹⁷ Речь идет о долго продолжавшейся детской игре в воображаемое государство.

¹⁸ Шале, небольшие сельские домики (*фр.*).

¹⁹ Овсянку (*англ.*).

²⁰ Из молитвы «Отче наш»: «Блаженны нищие духом, ибо их есть Царствие Небесное».

²¹ «Одинокие люди» (*нем.*).

²² Вероятнее всего, речь идет о репродукции с одной из нескольких картин художника Piero di Cosimo (1462? — 1521?), посвященных подвигу Персея, находящихся в галерее Уффици во Флоренции.

²³ Видимо, пп. 457 и 459.

²⁴ Вокзал в Лондоне.

²⁵ От *фр.* «bicyclette» — велосипед.

Копия с ответа Ольги

Об хоре театр<альном> сказано для Эрнесто. Она не обольщается сама.

Caro Ernesto, basta sempre medesimo istoria, io stanco sentire. Io voglio cambiare la mia vita. E se tu decidera partire adesso il momento dopo quando arrivare questa lettera, allora io non voglio fare male. Se tu non deciso allora io parto nuovamente in Russia, e io voglio strappare la mia catterna del amore con te. Io credo credo <sic!> tutto cioe fa molto male per la tuo cuore, ma per me niente, perchè tu stesso mi hai gia abituato.

Se tu decidi partire in Svizzera sta bene. Se no, allora io ti prego ritornare la miei denaro; io voglio partire dopo cinque settimane in Russia col la mia padrona, e ora io lo studio la musica per il coro in Russia. Io voglio entrare al coro di teatro. Tu sai tutto cioè la tuo colpa (поздравления очень спокойные отца с его именинами и поклон всем).

Olga

Перевод:

Дорогой Эрнесто, хватит: всегда одна и та же история, мне надоело слушать. Я хочу изменить свою жизнь. И если ты решишь приехать сразу после того, как придет это письмо, тогда не хочу испортить дела. Если же ты не решишься, тогда я уеду вновь в Россию, я хочу порвать цепь любви с тобой. Я верю, верю, что от всего этого будет больно твоему сердцу, но для меня это ничего, потому что ты меня уже причал к этому.

Если ты решишь поехать в Швейцарию — хорошо. Если нет, тогда я прошу тебя вернуть мои деньги; я хочу уехать через пять недель в Россию со своей хозяйкой, и сейчас я учу музыку для хора в России. Хочу стать хористкой в театре. Ты знаешь, что все — твоя вина.

467. Иванов — Зиновьевой-Аннибал 15/28 марта 1902. Афины

День 104.

28/15 III.

9 ½ веч.

Опять получил очень любовное письмецо, дорогая Радость, но короткое!! И я так тебя люблю, так жду свидания, так жду.... Так как ты собираешься писать М<арии> Тих<оновне>², то напоминаю, что 1-го Апреля ее именины; м<ожет> б<ыть>, и я соберусь послать ей приветец... Ради самого Триптолема — архонта велосипедистов³, не покупай мне велосипед! О, умоляю!... О, ужас, о, голова моя! о, мои ноги! о, моя дряхлость!.. Я так же способен научиться ездить на бисикле, как Стрепсиад (Аристофана) софистике⁴: я вышел из лет, и лучше посвящу остатки молодости, чтобы поспевать за твоим колесом — клянусь Гермесом! — пешком... О, если ты не хочешь видеть еще в сто раз более жалкую и моссадную⁵ фигуру, чем какую я представлял собой, сидя на каирском осле или преследуемый оводами на лошади Керниса⁶, — не покупай! Не делай рокового шага! Остановись на краю пропасти!.. Обдумайся <так!>, заклинаю!.. *Не погуби меня!* — Степ<ан> Ник<олаевич> неожиданно оказался, вот уже в нескольких письмах твоих, — bel esprit⁷. Ты, кажется, организуешь эстетический салон. Первое знакомство с греч<еским> яз<ыком> дает тебе уже такой élan⁸, что ты образуешь слова, как «хрома-

тизм»⁹. Скоро Боборыкин приедет в Женеву — будто бы навестить своего друга Замятнину, — чтобы описать тебя и послушать твоего жаргона¹⁰. Серьезно, он много теряет, не зная тебя. Что *la négation de la musique*¹¹ от Бетховена, — верно, и у меня сказано в афоризме о 9-ой симфонии¹². Но эта *négation* от избытка, а у Вагнера от основной противоестественности и двуличной лживости его натуры; у Вагнера столько же отрицает себя музыка, сколько и поэзия, сколько и религия. «Выдумщик» он и притворщик. Это чувствуется, но улики едва ли есть. Заслуги же в эволюции искусства — огромные. Кстати, раз мы в твоём эстетическом салоне, — читала ли ты новую нахальную выходку Толстого в виде сжатой характеристики поэтов и других, как Ницше? Что последний «груб и безнравствен», сказать легче, чем что он «нравствен и тонок». Упрек за то, что забывают, говоря о поэтах, Тютчева, показывает, что великий самодур земли Русской¹³ не обижен от Бога даром чуткости. Но какая бесшабашность заносчивости в таких утверждениях, как: Фет — сомнительный поэт, Ал<ексей> Толстой — прозаический стихотворец, Некрасов — вовсе лишен поэтического дара и т.д.¹⁴ Самонадеянность и произвольность суждений в духе Александры Васильевны¹⁵. Пушкин никогда не [был произволен] позволял себе произвола и своенравия, — хотя и не все угадывал, как бы мы ожидали: кажется, например, что ценимый им Гоголь все же не был им оценен в меру его еще скрытой силы.

Так болтаю я — и вдруг одна мысль всплывает в сознании и леденит меня ужасом... Мне грозят купить велосипед!... *Nachbarin, euer Fläschchen*¹⁶... С *Nachbarin*¹⁷ я сегодня не то что ссорился, а серьезно читал ей нотации — по поводу Кости, которого она сегодня побила, вероятно, в болезненной раздражительности, несколько раз и без толку. Главным обвинением на него бывает его тенденция замедлить по дороге между домом и цирюльней Ангела (Мурильо вдохновился бы и написал бы «Цирюльня Ангелов»¹⁸), — чтобы поиграть втихомолку. Я проповедовал ей, что это естественно, что мне жаль смотреть на него, забитого, с виду бледного, постоянно дома на хозяйственной работе, или с Леонидом, или так, но в суровом обществе Фотины; что на взятого в дом ребенка нужно смотреть как на своего, а не как на машину; что она обязана давать ему довольно пищи, воспитательную заботу и определенное время игры, чтобы он гулял и пускал змей, как дру-

гие дети; что бить его гадко без толку... * Больна она; но и Ангел с ним груб, оба — бессердечные эгоисты. Учат он его иногда по вечерам терпеливо грамоте; молиться его учат. Вообще, я думаю, здесь такое обращение с этими махонькими невольниками заурядно. Ф<отини> немного вставала, но устала и улеглась опять. — До завтрака я был в Институте; а за завтраком Леонардо сообщил мне, что в будущем году Ладас открывает большой ресторан на Синтагме, а этот передаст в заведование на правах хозяина племяннику (безденежному) — нашему Леонарду. Это было поверено мне в ответ на мой совет — учиться по-французски. Л<еонардо> говорит, что не может учиться, и, кажется, — прав, и даже оттого красивее в своем роде, хотя — дрянь, ленивая душа, а скоро будет и буржуазная. Россидис сегодня держал экзамен, скверно, п<отому> ч<то> совсем не учился. Видишь, какое «сближение с людьми»... *La négation de la musique!* У Бетховена это что у Бога, и он себя отрицает, снисходя до воплощения. В моем новом замысле — *l'entière affirmation de la musique, tout au contraire!*¹⁹

Фотини спрашивает у тебя рецепт против перхоти в волосах! Она у меня спросила, — здесь, как в деревне, нужно бы уметь лечить соседей — я сказал, что ты знаешь и что, кажется, нужно мыть голову содой. —

К Шуберту: «*Die junge Nonne*»²⁰ (?)** у тебя будет, вероятно, драматично выходить — та пьеса, которая кончается «*Ave, ave, Maria*»²¹. «*Aufenthalt*»²² — я люблю. — Мне интересно, понятно ли, однако, тебе, что в пьесе «Средь шумного бала»²³ речь идет о *маске*?

¹ Речь идет о п. 462.

² Тетушке Иванова.

³ Триптолем — сын элевсинского царя Келея и Метанеры, которые дали приют богине Деметре, а она, в свою очередь, заповедала ему научить людей земледелию. Архонтом велосипедистов Иванов шуточно именует его, поскольку он изображался на колеснице, запряженной змеями.

⁴ Речь идет о герое комедии Аристофана «Облака».

⁵ От *фр. maussade*, угрюмый, злой.

⁶ Имеются в виду испытания, перенесенные Ивановым в путешествии на Святую Землю в мае 1901 г.

* Бедная, робкая, безропотная мать Панагиотиса смело высказалась в том же духе. (*Прим. Иванова.*)

** Знак *Иванова*.

⁷ Человеком блестящего ума (*фр.*).

⁸ Порыв, стремление (*фр.*).

⁹ Иванов иронизирует над словами Зиновьевой-Аннибал: «Я накинулась на Вагнера. Он его защищал, признавая в нем *truc*, т.е. *musique de $\text{tr}\langle\text{uc}\rangle$* , как он говорит про его *vasatte*, но что касается “*le moderne*” и “хроматизма” (мое слово), то он говорит, что не В<агнер> инициатор...» и т.д.

¹⁰ Судя по всему, здесь имеются в виду не реальные факты, а общее впечатление от повести Боборыкина «Исповедники», читавшейся в это время как Ивановым, так и обитателями виллы «Жава». Писатель был известен тем, что натуралистически воспроизводил в своих произведениях реальные характеры и речь.

¹¹ Отрицание музыки (*фр.*).

¹² Собственно «афоризма» Иванова о 9-й симфонии Бетховена мы не знаем, однако можно предположить, что он был в какой-то степени подобен следующей фразе из статьи «Копье Афины»: «Отсюда — внутреннее противоречие и как бы-трагическая антиномия Девятой Симфонии Бетховена, — этой двойной измены творца ее и двойной жертвы: ибо она — измена самой музыке как сфере частной и обособленной и принесение ее неизречаемых таинств в жертву Слову как общевразумительному символу вселенского единомыслия, — измена личности и отречение от ее высочайших притязаний во имя любви и правды вселенской» (I, 730).

¹³ Перефразированное известное определение Л.Н. Толстого: «великий писатель земли русской».

¹⁴ См.: «На моей памяти, за 50 лет, совершилось это поразительное понижение вкуса и здравого смысла читающей публики. Проследить можно это понижение по всем отраслям литературы, но укажу только на некоторые, более заметные и мне знакомые примеры. В русской поэзии, например, после Пушкина, Лермонтова (Тютчев обыкновенно забывается), поэтическая слава переходит сначала к весьма сомнительным поэтам Майкову, Полонскому, Фету, потом к совершенно лишенному поэтического дара Некрасову, потом к искусственному и прозаическому стихотворцу Алексею Толстому, потом к однообразному и слабому Надсону, потом к совершенно бездарному Апухтину, а потом уже всё мешается, и являются стихотворцы, им же имя легион, которые даже не знают, что такое поэзия и что значит то, что они пишут и зачем они пишут. <...>

В наше время невежество образованной толпы дошло уже до того, что все настоящие великие мыслители, поэты, прозаики, как древности, так и XIX века, считаются отсталыми, не удовлетворяющими уже высоким и утонченным требованиям новых людей. На всё это смотрят или с презрением, или с снисходительной улыбкой. Последним словом философии в наше время признается безнравственная, грубая, напыщенная, бессвязная болтовня Ницше...» (*Толстой Л.Н.* Полное собрание сочинений: В 90 т. М., 1952. Т. 34. С. 274—275; из «Предисловия к роману В. Фон-Поленца “Крестьянин”»). Русский перевод немецкого романа (с предисловием Толстого) вышел в начале 1902 г. Трудно поверить, что Иванов держал в руках сам роман, скорее всего, он прочитал перепечатку предисловия или той части его, на которую он явно ссылается.

¹⁵ А.В. Гольштейн.

¹⁶ «Соседка, ваша бутылочка...» (*нем.*). Цитата из первой части «Фауста» (строка 3834). Слова Гретхен перед тем, как упасть в обморок.

¹⁷ Соседкой (*нем.*).

¹⁸ Иванов намекает на картину испанского живописца Б.Э. Мурильо (1617—1682) «Кухня ангелов» (1646).

¹⁹ Полное приятие музыки, совсем напротив! (*фр.*)

²⁰ «Молодая монахиня» (*нем.*). Песня 1825 г. на стихи Якоба Николауса (1797—1855).

²¹ Речь идет об «Ellens Gesang III» (т.е. третьей песне Эллен), написанной в 1825 г. на стихи Адама Шторка, в свою очередь переведшего стихи Вальтера Скотта.

²² «Приют» (*нем.*). Песня 1828 г. на стихи Людвиг Релльштаба (1799—1860).

²³ «Средь шумного бала» — романс П.И. Чайковского на стихи А.К. Толстого. Имеются в виду строки: «Тебя я увидел, но тайна / Твои покрывала черты».

468. Иванов — Зиновьевой-Аннибал 16—17 / 29—30 марта 1902. Афины

День 105.

29/16 III.

9 ½ веч.

Дорогая Радость! Сегодня — я рассорился с Фотини, и, отправляясь на Пелопоннес, покидаю «гору» совсем! Вот событие. Утром Фотини возобновила вчерашний разговор о Косте, опять жалуюсь на его запоздания, а я опять высказал ей свои взгляды (см. день 104), и так твердо, что она стала сердиться; я прибавил к сообщенному мной и еще кое-что, попавшее в большое место: «Как вы его кормите, — я сказал, — и не знаю, но сна он не имеет вдосталь — будят его для работы раньше 6 часов, а укладывается он разве к 10 только *; и имени ему у вас другого нет как “животное”, а вчера вы целый день его били**». Она же заявляла, что он дурной по своей природе и что немало есть детей, которых никогда не выпускают гулять. «Что же, вы его хотите как в тюрьме держать?» — «Ему и нужна тюрьма». — «Так вы мучаете ребенка, и в Европе за него заступилось бы общество защиты детей». — «Я могу делать в своем доме, что хочу». — «Нет». Тогда, распаясь, она провозгласила: «Он будет сидеть дома, и играть ему не будет позволено». — «А я не хочу видеть, как вы мучите ребенка, и через две недели уеду». Теперь она на меня злобится не меньше, чем на блаженной памяти [«вромокалогира»] βρωμοκαλόγηρος'а («грязно-инока»)¹. Поступив столь

* Учить его уже довольно времени как перестали, вероятно, из-за болезни Ф<отини>: все делает Родофея, а он за то нянькой при Леониде. (*Прим. Иванова.*)

** Неприятно было вчера слышать, как Ф<отини>, то и дело, подзывала его к постели — Ελαδβ — и он должен был подходить, чтобы отойти затем назад в слезах. В отношении к дочери я прежде подозревал тайные причины, особенные, исключительные обстоятельства; но теперь вижу, что здесь просто дьявольская черствость сердца — увы, здесь, кажется, органическая. (*Прим. Иванова.*)

решительно, я почувствовал удовлетворение — тем, что случай помог мне вырваться из дружеских объятий Ангела и Фотини. Мне хотелось убежать по ряду соображений. Поездки Института продолжаются больше месяца с перерывом в 4 дня, [и мне вовсе неохота было] и к ним, я надеюсь, примкнет поездка к тебе в Патрас и оттуда с тобой во много интересных мест. Все это время мы платили бы им деньги за то, что они жили бы в нашей комнате и спали бы на нашей постели (мне этого именно не хотелось) — только pour leurs beaux yeux² и для скучного удобства возврата в готовый и насиженный угол. Но это удобство стало проблематическим благодаря нездоровью Фотини (которая, впрочем, сегодня — в первый раз — на ногах): я думаю, что им больше хотелось бы иметь меня в мое *отсутствие*, нежели нашего двойного присутствия, требующего и больших услуг, лежащих теперь всецело на соседку Родофею. Ибо как иначе понять такой недавний разговор мой с Ангелом? «Я боюсь, что при болезни вашей жены стесняю вас и требую услуг, которые вам теперь неудобны». «Vous avez raison³, но ведь вы скоро уезжаете?» «Еще через 2 недели только». «Nous nous arrangerons»⁴. «Поймите, что [я хочу] моя жена приезжает непосредственно после моих поездок, и я должен теперь же знать, будем ли мы вас стеснять или нет, и если да, то воспользоваться временем до поездок, чтобы [найти] приготовить себе с женой комнату». «Мы увидим. Мы устроимся. Да ведь моя жена скоро поправится». После этого разговора мне и захотелось уйти, тем более что «гора» в летнюю жару и при необходимости вести подвижный образ жизни — неудобна, и я не думаю, чтобы ты стала сожалеть о ней. Комнату я решил теперь, конечно, не искать; найти ее по нашему возвращении сюда ничего не стоит на короткое время; вещи же на время моего отсутствия берется хранить в собственной квартире, надежно — как он говорит, Ладас. Можно бы спросить консьержку Института, или еще кого, или в магазине экспедитора — да первая мысль была сегодня в ресторане о Ладе, и я думаю, что ему можно доверить мой — впрочем, вовсе не драгоценный — багаж. Я мечтаю, что это бобыльство придаст нам даже больше легкости и свободы в туристских предприятиях, если таковым суждено, как хотелось бы моему сердцу, осуществиться. С 2 до 4 ч<асов> я был сегодня в Музее.

День 106.

Воскр. 30/17.III
10 ч. веч.

Радость! — Боюсь, что приготовил тебе к именинам неприятный сюрприз, снявшись с якоря, и что ты будешь чувствовать себя неуютно без горного прибежища и тосковать по нем... Не думаю, чтобы очень, но все-таки... Не беспокойся: мы возьмем теперь первую попавшуюся комнату, не ставя никаких притязаний (как солнечная сторона и т.п.). Родофея потихоньку говорит, что мальчику перепадало немало ударов и что Ф<отини>, которая лжет, по ее (справедливым) словам, на каждом углу, сама запрещает одной соседке бить ребенка, грозясь даже ее «преследовать». Между прочим, Родофея случайно упомянула, что Косте [всего <?>] 7 лет. «Откуда вы знаете?» «От его дяди». Ф<отини> всегда уверяла, что было невероятно и вызывало мое удивление, что ему 12 лет. Это маленький (м<ожет> б<ыть> девятилетний?), тщедушный, тонконогий, выглядывающий черными глазенками зверенок, которого наслаждение прыгать, как сумасшедший, когда — редко это я видел — он вырвется на волю. — День я провел хороший: был с чертежами Мита... на Акрополе с 1 ч<аса> до 5 ч<асов> и заметил многое непримеченное. Акрополь посетил при мне гигант, показывающийся на Стадии и возбуждающий большой интерес: Англичанин (говорят), с красивыми крупными чертами лица, обрамлен<ного> длинными темными волосами. Не он скорее казался гигантом среди развалин, а окружающая его толпа толпой Kgrüppe⁵ (из коих и состоит, вообще говоря, род человеческий под всеми широтами!). Спрашивали меня иностранцы, как называется холм («Акрополь». — «А!») и где «храм Минервы». Нельзя сказать, чтобы греческая древность была родная современному человеку! Я почти предпочитаю наших матросов, считающих (не без внутренних основ<ани>й) Парфенон старинным царским дворцом. Акрополь и склоны покрыты сплошь маргаритками и крупными, и правильными, как розетки, мелкими.

Как-то там у вас теперь, по приезде Сережи? Мечтаю...

¹ См. п. 371—372.

² За их красивые глаза (фр.).

³ Вы правы (фр.).

⁴ Мы устроимся (фр.).

⁵ Калек (нем.).

469. Зиновьева-Аннибал — Иванову
16—17 / 29—30 марта 1902. Женева

104-й д<ень> м<ужества>. Суббота. 29-ого Марта. 10 ½ веч<ера>. Постель. Сейчас засну. Дотя, утром, еще до приезда Сережи прочла твоё грустное письмецо¹. Бедный дит <так!>! Это оттого, что все ученые дураки разъехались! Скоро Доть поедет путешествовать с немцами, и это его развлечет. Скоро, скоро конец разлуки. Плохо разлучаться: сама знаю. А Сережа вырос, но дитя по-прежнему. Наивен до смешного. Блаженствовал весь день. Опишу завтра. Сегодня только скажу, что за брэкфастом после ванны всплакнул. Именно умолял меня вызвать тебя обратно в Мае, чтобы ты не заболел лихорадкой.

105-й д<ень> м<ужества>. Дотинька, не было ожидаемого письмеца от Среды. Вот вчерашний день: благодаря Марусиной неспособности сосчитать *время*, я была введена в заблуждение относительно поезда Сережи, и он еще раз приехал не встреченный и очень огорченный. Борюсь я дома очень с полным неуважением *к слову*, с самоуверенностью и упрямством домашних. Первые минуты встречи были несколько омрачены, но, конечно, всё тотчас забылось. После брэкфаста мы вдвоем с Сережей по очереди учились на бисиклете². Сад был прекрасен: желто-золотой ковер примроз и лиловые и белые острова пахучих фиалок, и солнце, и тепло, и блаженная рожа Сергея, и радость остальных детей вокруг него. После обеда (в 12 ½ дня) пели хором румынскую песню. Дети в восторге. Потом они играли в мяч и работали над очисткой сада, а мы с Марусей были в Женеве: покупали подарочки Miss Vl<ackwell> и канарейкам *дворец*. О, такой дворец, что от него вся комната сияет, двойной chalet, большой, большой! И метлу, и <1 нрзб.>, мне chevron³, очень прелестные, и два коврика ноги вытирать!! Дети же были у дедушки. Вечером ванны соленые троим младшим, потом ужин и младшие спать, а мы с Сережей в гостиную, и он сообщал план своей трагедии. Очень сложно, романтично и полно преступлений и разнообразных *характеров*, но творчество так бессознательно и план так не выработан, что нельзя понять, насколько *характеры* ясны автору et le hantent⁴, а мне кажется, *это* главное в творчестве трагическом. Затем Сережа лег в новой комнате под Персеем, «Вауерн»⁵ и мною (La Croix⁶), он влюблен в мой портрет. Сегодня — церковь.

Я чудно себя чувствовала в молитве и любви к моему Богу. Хочу заняться литургией с детьми. Сережа стал *не* любить англ<иканскую> церковь с *проповедями*, а про русскую службу *Пэтон* (странное дело!) говорил, что и «машина могла бы исполнить русскую службу!» Это точно произвело впечатление на Сережу, и я хочу показать ему глубину многовековой службы нашей. По дороге Сережа с детьми всё время беседовал с азартом, не меньшим, чем по дороге в Позилиппо, о Каковцах, Умикенцах <?>, Микеложе, Филепкенцах, Гангцах и т.д. *poitât* (лекарство от всех болезней) *обязательно* должно быть продаваемо каковцам, Гангскому флоту и т.д.⁷ А у дедушки, сегодня, Сережа глубоко пожалел, что его солдатики (Берлинские) в Лондоне. Но за ужином сегодня был целый скандал оттого, что к концу *герас*⁸ девушки расшалились, и Сережа стал так из себя выходить из-за приличий, что расплакался. После завтрака сегодня тройка старших пошла в *Parc des Sports* смотреть *match* в *football*. Я лично долго сидела около рояля и разучивала «*Ungeduld*» и «*Ach um deine feuchten Schwingen...*»⁹ для тебя, моя Радость, мой Свет! Когда же я обойму тебя, когда же ты услышишь мой голос *впервые* для *тебя одного* звучащий, без иной цели, кроме радости тебе. *Только твое любимое буду петь*. Дотя, я очень мучалась как раз ночь перед приездом Сережи мыслью о *malaria*. Внезапно она нашла на меня, и с такою силою, что *не хочу, чтобы ты летом* был в Греции.

Почта уходит.

Целую, обожаю.

Конверт с адресом, написанным рукой М.М. Замятниной. Штемпели: Genève. 30.III.02 — ΑΘΗΝΑΙ. 21 ΜΑΡ. 1902.

¹ Речь идет о п. 463.

² От *фр.* *bicyclette*, велосипед.

³ Вне контекста слово может означать и нашивку, и тесьму, и род ткани (особая саржа) (*фр.*).

⁴ И его неотступно преследуют (*фр.*).

⁵ Персей — см. выше, п. 466, прим. 21. «*Bayern*» («Бавария») — вероятно, фотография так называвшегося корабля, на котором семья плыла в 1899 г. из Неаполя в Англию.

⁶ Город. Имеется в виду фотография Зиновьевой-Аннибал, сделанная там.

⁷ Речь идет о персонажах и атрибутах той же детской игры.

⁸ Еды (*фр.*).

⁹ «Нетерпение», «Ах, твоим влажным крыльям <завидую>» (*нем.*) — песни Шуберта из цикла «Прекрасная мельничиха» (1823) на стихи Вильгельма Мюллера (1794—1827) и на стихи Гёте из «Западно-Восточного Дивана» (Вторая песня

Зулейки). Второе название Зиновьева-Аннибал цитирует неточно, в оригинале: «Ach, um deine feuchten Schwingen...» Может быть, излишне будет указать, что, согласно новейшим разысканиям, стихи были написаны не самим Гёте, а его возлюбленной того времени Марианной фон Виллемер (1784—1860), а им лишь включены в сборник.

470. Зиновьева-Аннибал — Иванову
18/31 марта 1902. Женева

31 Марта 02.

106-й д<ень> м<ужества>. Понедельник. 12 дня. Сена. Дотя, нет письмаца ни от Среды, ни от Четверга. Скучно после того тоскливого, от вторника¹. Рука устала от рояля и не владеет пером. Утром была свалка между Верой и Костей, довольно безобразная, и поскольку <так!> Костя был виноват в ее возникновении: дразнил Веру, постолько <так!> Вера была безобразна в ее продолжении. Скверные были дети. Всё утро сегодня они наказаны: учат и пишут стихи. Это полезно Сереже, немного слишком шалившему, и он очень impressionné². И всё утро читает усердно по-французски. И я всё утро чудно играла «Erlkönig» и прочие красоты. Потом дала Оле урок. 2 часа Сена. Сейчас все едем в цирк! Ура! Но Сережа убежден, что мы едем всей гурьбой к дентисту! И говорит, что он и *один* ненавидит, а тем более всем вместе отвратительно. Действительно, картина: 3-ое детей (Лидию не беру: на нее вредно действует, слишком большие впечатления), Miss Bl<ackwell>, Кристина и я. Маруся презирает таковое, а Олю не беру, т.к. вечером у нее урок пения к Mme Zibelin.

7 ½ веч. Дотя, сижу на мгновение в столовой. Вернулась поздно из цирка. Было очень хорошо. Ведь ты знаешь, как я люблю клоунов и лошадей. Были очаровательные лошади. Но в Наполе все было гораздо лучше. Вернулись пешком. Дети страшно счастливы. Заходила в булочную, и каждый ребенок съел по булочке. Дома ужинали весело. Говорили о войне Бозрезкой <так!>³. Бездонная гнусность убеждений *cette sâle bourgeoisie* <sic!> grégarphaélite⁴ изумительна и *очень* печальна. Даже прельщаюсь написать Пэтону⁵. Бедного Сережу мучительно рвут. Что будет из него, не знаю. Насколько тверд его характер. И не знаю, полезно ли с таких ранних лет так мучительно, неесте-

ственно менять нравственную milieu⁶. Тяжко это, и сбивает меня с правильной оценки ребенка. Тяжело ведь в его годы сопротивляться «воспитателям» и «среде» компактной массы, и очень «культурной», черт ее дери! Что ты скажешь? Он сегодня говорит: «В Лондоне мне кажется другой мир, и когда я там, то будто *давно-давно* не был дома. А здесь обратное!» Дотя, не брани его. Не знаю, хорошо ли его воспитание, и будь здесь приличные школы, не лучше ли было бы его иметь дома. Очень поздно. Коротко будет письмо! Дотя, люблю тебя всеми силами души. И для меня этой «полужизни» довольно. Cela me paraît hideur⁷. Дай Бог скорее быть вместе. Но я боюсь давать мыслям ход в этом направлении. Они жгут до боли, и слишком тяжело настоящее, хотя как будто и живу всюю! Но как-то иногда, словно сбоку двойником на себя же гляжу и удивляюсь! Целую. Жду письма. Ангел мой, я прошу тебя любить меня и ради любви обдумать глубоко и честно мой ужас и свою *ответственность** за путешествие летом по Греции и *для тебя и для меня. Малярия наш*** общий враг. А оспа?

Целую. Обнимаю. Вся твоя

Лидия.

¹ Речь идет о п. 463.

² Под впечатлением (*фр.*). Зиновьева-Аннибал пишет с ошибкой: *empressionné*.

³ Имеется в виду Англо-бурская война 1899—1902 гг. В России большая часть образованного общества была на стороне буров.

⁴ Этой грязной префазалитской буржуазии (*фр.*).

⁵ Очевидно, что такое письмо Зиновьева-Аннибал написала. Оно нам неизвестно, но сохранилось письмо Пэтона от 31 мая 1902, в котором он утверждал: «I am glad Sergius has been reading these classics of whom you speak and finding communion with the great church that expresses the deep religious consciousness of his people. I do not wish — nobody does — to make an Englishman of him, to *denationalize* him» (РГБ. Ф. 109. Карт. 32. Ед. хр. 74. Л. 9 об). Перевод: «Я рад, что Сергей читает тех классиков, о которых вы говорите, и находит общность с великой церковью, выражающей глубинное религиозное сознание его народа. Я не хочу — и никто не хочет — сделать из него англичанина, *денационализировать* его».

⁶ Среду (*фр.*).

⁷ Это показалось мне безобразием (*фр.*).

* Подчеркнуто 4 раза.

** Последнее слово подчеркнуто 3 раза.

471. Иванов — Зиновьевой-Аннибал
18—19 / 31 марта — 1 апреля 1902. Афины

День 107.

31/18 Марта

Радость и Жизнь! Поздравляю тебя. Поздравь и нашу девочку и поцелуй ее хорошо от меня! Я уже волнуюсь приближением поставленного нами срока. Как-то все будет? И будет ли от тебя на днях телеграмма, возвещающая, что ты отменяешь свой проезд на основании соображений, высказанных в моем четверговом письме^{2?} Получено ли оно? Ах, Боже мой, я чувствую, что начинаю волноваться... Сегодня именины Саши и моей покойной матери... Письмо, которое будет вами приноровлено к получению в четверг 10.IV/28.III, должно быть уже адресовано (на *мое* имя) в Institut archéologique Allemand 1, rue de Phidias (или Γερμανική Ἀρχαιολογική Σχολή, ὁδὸς Φειδίου, ἀρ. 1). Газет и проч. не присылайте больше, но газеты и «В<естник> Евр<опы>» сохраните для присылки потом. Для телегр<амм> довольно, я думаю: Ivanov Institut Allemand. Сегодня утром я справился на всякий случай о возможности помещения <?> вещей в Инстит<уте> и встретил величайшую готовность. Думаю, что лучше поместить их в Институте, кстати консьержка будет блюсти и за вещами, и за корреспонденцией. В библиотеке был только Шрадер; он остался очень доволен теми справедливыми комментариями, которые я мог ему сделать по поводу его короткого, но очень содержательного и совсем нового курса, благодаря его за этот последний. На субботу назначена поездка в Элевзин.

Ко дню твоих именин посылаю стихотворения, которые предполагаю сделать заключительным отделом сборника, под заглавием «Suspiria»³. К сожалению, одна пьеса («Психея») еще не написана; можно, конечно, обойтись без нее, но с поездками и ожиданием твоей критики и санкции спеху нет — надеюсь, напишется и она⁴. Мне хотелось бы сделать тебе более полный сюрприз, без недочетов; но недочет и теперь очень невелик (объем пьес ты видишь), да можно, повторяю, и без задуманного двойного видения Психеи, которое только меня интересует, но не необходимо связано с целым⁵. «Гость» предполагается у меня последним, заключительным стихотворением в «Suspiria», и Маруся угадала мою мысль, сказав, что этот «стих» должен быть «омегой» сборника⁶. Честь ей от меня за это и слава. Ты же, я думаю, согласишься, что после «Песен Разлуки» «Гость» не менее уместен, чем после «Ночи в Пустыне»⁷. Тем более что «Ночь в Пустыне»

Leitmotiv всех «Кормчих Звезд». Жду с нетерпением оценки, разрешения на вышеизложенный план или запрещения. Детальные указания также нужны. Очень хотелось бы угодить тебе, но боюсь за многое.

Только что был Россидис и развивал свои взгляды на вред национальной подражательности и на необходимость самобытности культурной, совсем à la Данилевский⁸. Вот — греческая, «шовинистская» молодежь! Только в России молодежь антинационалистична.

Тебе может пригодиться для справки о числах программа поездок: см. на об<ороте>.

Целую обеих Любимых Лидий. Поздравляю с ними прежде всего дорогого новоприбывшего, потом Марусю, Верушку, Козлика, Ольгу Федоровну. Вячеслав.

Новый стиль:

1. Четверг	10	Апр<еля>	— Коринф и Навплия
2 ———	11	“	Эпидав ⁹
3 ———	12	“	Тирифт ¹⁰
4 ———	13	“	Микены
5 ———	14	“	Аргос, Триполис
6 ———	15	“	Мегалополис, Каламата
7 ———	16	“	Мессена, Ифома
8 ———	17	“	Ликосура
9 ———	18	“	Фигалия ¹¹
10 ———	19	“	Самикон.
11, 12, 13 ———	20, 21, 22		Олимпия.
14 ———	23.	“	Патрас
15 ———	24.		Левкада, Ифака
16 ———	25.		Дельфы.
17 Суббота	26.		Афины.
1. ———	2	Мая	Эгина
2 ———	3	“	Пороси Сунион
3. ———	4	“	Эретрия, Рамнунт, Марафон
4 ———	5	“	Каристос, Тинос, Миконос
5 ———	6	“	Делос, Сира
6 ———	7	“	Парос, Наксос
7 ———	8	“	Фера (Санторин)

8 ———	9	“	— Кносс на Крите
9 ———	10	“	— Крит
10 ———	11	“	— Крит
11 ———	12	“	— Милос
12 ———	13	“	— Афины

День 108.

1 Apr. / 19 Марта
утро

Спешу на почту, ради писем в Россию, уходящих в 10 ч<асов> (Гревсу δεῦτάριον и в Харьков письмо поздрав<ительное>¹²). Сегодня Ф<отини>, слышал, опять побила, а я сказал Родофее, чтоб она слышала: «Я уеду совсем, а вы соседи должны не позволять чтобы били <?> ребенка, что́ запрещает закон». Я совсем не раскаиваюсь в своем решении уехать: мне эта женщина, ненавидящая ребенка, противна.

Целую Радость и Жизнь. Твой В.

Orasempre

¹ Поздравление с именинами двух Лидий, приходившимися на этот день.

² См. п. 465.

³ «Вздохи», «Стенания» (*лат.*). Последний цикл «Кормчих звезд». Автограф, посланный с этим письмом, ныне хранится отдельно (РГБ. Ф. 109. Карт. 2. Ед. хр. 34. Л. 7—12). В нем от стихотворения «Психея» (оно предполагалось пятым) было сохранено только заглавие и строка точек.

⁴ Стихотворение «Психея» в итоге было написано и стало третьим в цикле.

⁵ Иванов писал в примечании к этому стихотворению: «Образы Психеи, прикованной к безлистному дереву, и Психеи-мотылька, сжигаемого Эросом на пламени факела, в присутствии Немезиды и Надежды, причем все трое из сострадания отворачивают лица от зрелища казни, — внушены древними пластическими изображениями (см. Collignon, Psyché)» (I, 861).

⁶ Стихотворение «Гость» действительно стало последним в разделе (не в цикле!) «Suspiria». О мнении М.М. Замятниной относительно этого стихотворения см. п. 446, прим. 6.

⁷ В окончательном варианте «Кормчих звезд» стихотворение «Песнь Разлуки» открывает раздел «Suspiria», а стихотворение «Ночь в Пустыне» входит в первый раздел — «Порыв и грани».

⁸ Николай Яковлевич Данилевский (1822—1885), русский ученый и публицист, автор книги «Россия и Европа», в которой развивал идеи, вкратце пересказанные здесь Ивановым.

⁹ В программе экскурсий (см. п. 381, прим. 3) значится: Asklepieion bei Epidaurous.

¹⁰ В программе экскурсий более полно: «und Heraion».

¹¹ В программе экскурсий — «Tempel von Phigalia».

¹² Открытка И.М. Гревсу и письмо в Харьков — поздравление с именинами дочери — неизвестны.

472. Иванов — Зиновьевой-Аннибал
 20 марта / 2 апреля 1902. Женева

День 109. Среда 2 Апр./ 20 Марта

Лиленька-Радость, у вас сегодня праздник Марусина рождения; поздравляю всех и соприздную в языческой радости. Языческой — ибо правда, что Марусю не нужно любить. Любить христианнейшую Марусю значит, по Евангелию, уподобляться язычникам, любящим любящих их...¹ Ах, но Маруся раз навсегда один из мировых вопросов, неразрешимых и вечно волнующих загадок. Если бы я еще выдумал писать вторично «Сфинкса»², я бы уже изобразил в нем ее*. — Какое чудное письмо получил вчера — об ожидании Сережи и приготовлениях к его приезду!³ Я был совсем с вами чувством и воображением. Приезд С<ережи> связан отчасти для Кости с вопросом о тележке, трудным, как восточный вопрос⁴. Выказал <?> ли он довольно добродетели, чтобы выкупить ее? А тут еще *долг* за театр...⁵ Как быть без индальгенций.

Получено ли вчерашнее грузное письмо мое (со стихами) ко дню именин Лидии большой и Лидии маленькой?⁶

Целую тебя и всех милых.

В.

Открытка. Штемпели: ΑΘΗΝΑΙ. 20 ΜΑΡΤ. 1902 — Genève. 6.IV.02.

¹ «И если любите любящих вас, какая вам за то благодарность? ибо и грешники любящих их любят» (Лк. 6: 32).

² Поэма в терцинах из «Кормчих звезд» (I, 644—660).

³ П. 466.

⁴ О тележке, подаренной Косте на Рождество, но спрятанной до исправления его поведения, см. п. 386 и далее. Восточный вопрос — одна из важнейших и сложнейших проблем русской внешней, да и всей мировой политики конца XIX и начала XX в.

⁵ См. п. 466.

⁶ Имеется в виду п. 471 (см. прим. 3).

473. Иванов — Зиновьевой-Аннибал
 21 марта / 3 апреля 1902. Афины

День 110.

Четв. 3 Апр. / 21 Марта

Лиленька, вчера картолина и сегодня. Пишу на почте, имею 5 мин<ут>. Вчера утр<ом> был в Инст<итуте>. Вышедши, встре-

* Ей читать легче можно было бы, да и полезнее — мораль из него вывести. (Прим. Иванова, вписанное карандашом между строк.)

тил Вильг<ельма>, кот<орый> стал выражать сожаление, что их пароход опоздал на два <?> дня и упражн<ения> не состоялись. И в Четв<ерг> не могут состояться из-за освящения нового дома Франц<узской> Шк<олы> (Section Etrangère¹). А там уже и giri. Но спросил адрес, чтобы известить, если будет еще лекция. Я же кстати поблагодарил его за то, что вынес из его курса. По этому поводу он говорит: «Как вы хорошо читаете надписи — я говорил это и проф<ессору> Шенклю² (он был на упражн<ениях>); верно, вы много читали и глаз у вас хороший». Мне этот комплимент<ент> показался сомнительн<ым>, п<отому> ч<то> не вполне справедлив, особенно я же стыжусь своих глаз. Я возразил, что bin ganz Neuling³ в греч<еской> древности. «Man merkt das nicht»⁴. Думаю, что ему нужно визит сделать, п<отому> ч<то> он исключительно любезен и чтобы еще поблагодарить за действительно богатый курс. В 5 ч<асов> было засед<ание>. Герой прибыл «с корабля»: — как Чацкий, прямо на кафедру⁵ и заявил, что доисторич<еский> и микен<ский> город на Левкаде во всяком случае доказан. —

Целую как люблю. Целую Сережу и Веру. Вяч.

Открытка. Штемпели: ΑΘΝΝΑΙ. 21 ΜΑΡΤ. 1902 — Genova 6.4.02 — Genève. 7.IV.02.

¹ Иностранное отделение (*фр.*).

² Heimgich SchenkI (1859—1919), австрийский филолог-классик, с 1896 г. профессор в Граце.

³ Я совсем новичок (*нем.*).

⁴ «Это незаметно» (*нем.*)

⁵ Речь идет о В. Дерпфельде. Иванов перефразирует слова из «Евгения Онегина»: «...и попал, Как Чацкий, с корабля на бал» (гл. осьмая, стр. XIII).

474. Зиновьева-Аннибал — Иванову 19—22 марта / 1—4 апреля 1902. Женева

Дотя, Татата, вот 107-й д<ень> м<ужества>. 10 ¼ веч<ера>, постелька. Маруся лежит на моей постели без задних ног. Я это ненавижу. Обыкновенно вылягиваю <так!> ее читать мне или Буренина, или Бобó, или Гончарова («Обрыв»), пока я плету волосы, но сегодня все понукания и угрозы были тщетны. Дело в том, что детские передвижения утомили ее: они очень много «двигались» сегодня, потом пришел Кузьма. Человек он прелестный

<?>. В 10 протурили его, т.е. сказали: «Вот скоро последний поезд». Потом: «Вот поезд подходит». Он и ушел. А пока был, то давал полезные советы по саду, взял семена Афинских арбузов (помнишь?), обещал Козленка, игра<л> в футбол. Я же писала роман. И вообще с ним не стесняюсь. Кормлю, приласкаем его, и он, бедняжка, рад. Сияет. Но теперь хочу спать. День был полный, длинный: играла, писала, жила и дышала истинно летним теплом. Ляжки <?> свербят. О ужас, Маруся всхрипнула, хотя уверяет, когда была моментально согнана <?> с удобного положения, что сочиняла тебе письмо. *Заметь это и сообщи, каково письмо!* До завтра!

108-й д<ень> м<ужества>. Сена. 12 ч<асов> 25 мин<ут>. За 5 минут до 2-ого звонка к обеду. Дотя, утром еще в постели 1-ое письмо запоздавшее от Четверга, с его бессонницей и изумительными кошмаристыми построениями². Дотя, матери нет у меня больше. Есть призрак ее, таинственная развалина, мучительная и мрачная, того, что *было* она. *Последнее* человеческое было по милости <?> Господа взято нами в позапрошлую осень. И довольно. Надо уметь сказать: довольно. В этом ум и равновесие души здоровой. В этом и здоровая и умная самоохрана. *К матери больше я не поеду*. Будь спокоен в этом отношении: *я знаю*. Сборник! смешно говорить о том, как мало он нуждается *в тебе*. *Во мне* он нуждается. И я давно разумно сказала себе: Молчи, нетерпеливое сердце. Будет день, придет своей верной, неизбежной чередой, если на то Божья воля, когда ты соединишься вновь с *заболевшим* одиночеством другом, и тогда сборник будет тотчас напечатан! Я жду *себя*. Больше ничего.. Обед...

109-й д<ень> м<ужества>. Дотя, 3 часа дня. Сена. Вчера не окончила ответ на твое письмо: день был так полон. Но его опишу после. Раньше окончание: прежде разное: Тетушке я сама решила непременно ответить к 1-ому. Я была глубоко тронута ее письмом и никогда не ожидала его. Ее ласка мне бесконечно дорога. Затем о Фотини: кто тебе стряпает? Костя? Как хорошо, что ты за него заступился. Но как бесконечно тоскливо известие о ее болезни. Верно, та жизнерадостность была лишь признаком болезни. Помню, иной раз мне она казалась неестественной. Тяжко тебе тебе <так> присутствовать при ее *dépérissement*³. И ты так жарко относишься к людским мукам и радостям! Я рада, что ты скоро уезжаешь. Ну, о мытье волос: самое лучшее shampoo⁴, но раз

этого нет, то соды щепотка довольно большая на литр — и если не скуются, то глицерина влить ложки две чайных — и мылить в этом голову.

Дальше: итак, в Петербург для матери мне ехать, по-моему, незачем. Остается вопрос о Серезином языке и о необходимости родины и т.п. для детей. 1) язык в нашей семье богато процветает. Вчера и сегодня по 2 часа читала им «Недоросля», итак, и литература, и обиходный язык есть. Но — 2) в Россию надо всем, только не на 6 недель, и не в это лето, когда Бог дает впервые пожить полно своим домом, садом, плодами и уютом. А позже: через год или два уже всею семьей и заранее сговорившись с Пэтоном о пропуске двух термов. На лето и зиму в *Россию*, на волгу <так!> или Оку (где Маруся хорошо знает) или в Московскую губ. Но пока еще менять не надо ничего. И вообще много и глубоко надо об этом подумать. Отца *так* оставить нельзя. Надо *организовать* раньше его переселение в город или что-либо еще. Теперь вопрос Марусин. Она сама тебе ответила о своем решении остаться for better & for worse⁵ с нами. И в Россию хочет ехать с нами, а не одна на holiday⁶, как гувернантка. Ну, подкатили к Греции. Будь же спокоен, а не до болезненности нервен в этом вопросе, Дотя! В Грецию мне страстно хочется и вместе с тем не хочется. Но я хочу вопрос решать спокойно, и прежде всего ne pas presser d'aucune manière⁷. Вот одно ясно: если ты не приедешь сам сюда *тотчас** после *Inselreise*⁸, то ясно, что я еду к тебе, ибо не могу и на единый день без железной необходимости *продлить* разлуку. Этого и во сне я не видела. Значит, к чему же волноваться. Ни на один час не уменьшить данного нам судьбою срока совместной жизни. Вот и всё, что будем помнить. А остальное надо обсудить спокойно. 1) Гревс приедет либо нет. 2) Если и приедет, надо помнить, что он *мимо* Берлина проехал, не остановившись для свидания с тобою, и будучи в Париже заходил к тебе *1 раз*, а в Петербурге виделся *2 раза*, и то потому, что ты к нему ходил. Из этого вывожу: для него не стоит ничем жертвовать. Дальше: жертва ли оставаться нам обоим лето в Греции. *Июнь и июль очень жарки*, и гора наша будет недоступна. Вот на этот вопрос надо ответить, спокойно поразмыслив: 1) malaria. 2) оспа? (я боюсь оспы: я к ней *очень* склонна) 3) жара, при которой мы *не могли*

* Подчеркнуто 3 раза.

двигаться в прошлый Июнь и Июль. 4) вероятная необходимость менять квартиры из-за а) жары, б) болезни Фотини. А менять квартиру: отрава жизни.

110-й д<ень> м<ужества>. 7 ¼ утра. Письмен<ный> стол. Светелка. Одеты и из ванны. У открытого окна. Давно печи не топят. Давно все окна настежь. Первый соловей пел на заре. Птичий щебет полнит воздух. Тепло веет по лицу из окна вместе с силою весны. Небо мягко, светло облачное. Весенняя теплая восточная <?> сырость. У отца персики в полном цвету. У нас зачинаются. Нежно розовеют. Привет Доти! Иду к брэкфасту, где ждет Сережа. Остальные в школе. Вакациям конец. Даю Сереже сегодня «Обломова».

6 ½. Звонок 2-й к ужину. Но одно слово, и опять о приезде. Вечер. Тишина. Соловей. Налево вдали долина синее, как море, и над нею голубой пар, и дальше лиловы<й> мыс <?>. А перед глазами заслоняют зеленый горизонт гряды пурпурных высот с идеальными снегами тлеющими, зовущими мучительно к себе. И пурпуров Салев, который я полюбила оттого, что он говорит мне о Гимете. Тишина, и соловей, и наш персик зацвел густо-розовый. Иду вниз.

7.40. *Cena*

Дотя, безумная я. Вообразила, что сегодня Четверг. После ужина побежала в сад и принялись бегать «в охоту» Сережа, Костя и я (Вера кончала уроки). Сережа был вне себя от восторга и всё повторял: «Мама, отчего ты такая веселая? Мама, отчего ты такая веселая?» Игра была восхитительная. Прямо бешено весело. Большой футбольный мяч был пулею, и мы стреляли друг в друга. Днем же: всё утро писала роман. После завтрака училась на велосипеде (бедный Дотя. *C'est fait*⁹), потом играла на рояле «Erlkönig» (почти вполне знаю) и «Ah, um deine feuchten»¹⁰, и «Жизнь за Царя»¹¹. И урок Оле давала (Арию Вани «Ты не плачь»¹²), потом принялась писать письмо Mrs. Turret. Потом тебе описывать природу. Дура, совсем забыла, что сегодня пятница. Но знай же, Дотя. Полна жизнь здесь. Мой же день всегда слишком короток для всех бесчисленных дел всегда первой для меня важности, которые надо переделать. И поддерживает меня во всем и всегда одна мысль: всё для тебя, потому, верно, так обожаю переписывать «Шум», чтобы ты мог читать сам мне громко, и учить

музыку, чтобы тебе петь. Мое сокровище, и на сад, и на детей, и на дол гляжу глазами корыстными, всё думая о тебе, всё примеряя к тебе. Сережа — дитя. И я счастлива. Вчера играла до упоения на овраге в охоту, и обсуждали устройство политическое Марса, где в колониях эта охота производится. Но что плохо, так это две вещи: 1) одурение, т.е. английская спячка ума. Этому, вероятно, содействуют именно их проповеди и конференции. 2) обуржуазение. Но мальчик хороший. Дотинька, надо кончать. Почта уходит. Целую. Обожаю. Приеду радостно в Грецию, если найдешь лучше.

Твоя Лидия.

Конверт с адресом: Monsieur V. Ivanov. Institut Archéologique *Allemand* Rue *Phidéas*. Athenes. Grèce. Штемпель: Genève. 6.IV.02. Афинский штемпель не пропечатан.

¹ См. п. 479.

² Речь идет о п. 465.

³ Разрушении, угасании (*фр.*).

⁴ Шампунь (*англ.*).

⁵ См. п. 121, прим. 4.

⁶ Каникулы (*англ.*).

⁷ Чтобы на меня никак не давили (*фр.*).

⁸ Путешествие по островам (*нем.*).

⁹ Это уже сделано; это уже факт (*фр.*).

¹⁰ См. п. 469, прим. 9.

¹¹ Опера М.И. Глинки (1836).

¹² Ария из «Жизни за царя» (Ваня — партия для женского голоса)

475. Иванов — Зиновьевой-Аннибал
22—23 марта / 4—5 апреля 1902. Женева

День 111.

4. IV / 22. III

Сейчас получил письмецо твое¹, Радость, но не радостное, а смутное, и такое короткое... И как долго еще ждать следующее!.. И настроение накануне твоих именин не хочет быть светлым. Бременит разлука! И светлая перспектива путешествия приобретает только значение последнего — но последнего ли? — этапа этого неудобноосимого наложенного нами на себя — и, кажется, неразумно наложенного — испытания!.. Ты все сомневаешься, приезжать ли тебе. Телеграммы от тебя не было, которая была условлена в одном письме на случай твоего отрицательного решения; но дошло ли то письмо? Малярии же бояться нет не-

посредственной причины. Нельзя же всего остерегаться. А в малярийных местностях не будем задерживаться. Мне так хочется быть с тобой... Сомнения у тебя и относительно Сережи. В любимой тобой (несправедливо) «Полтаве» сказано: «Тяжкий млат, дробя стекло, кует булат»². Германия в детстве только способствовала росту твоей внутренней назависимости³. «Хоровое начало» — не добро для нашего интеллигента. Нужно научиться прямо смотреть в глаза der kompakten Majorität⁴. Русский юноша склонен ослепляться и увлекаться новыми для него идеями; здесь-то и полезны умственные опытность, привычка умственной независимости, [привычка] навык наблюдательного объективизма. Английское воспитание, при русской закваске и на основном фоне русских чувств, может дать Сереже только умственную точку опоры при его обращении к русской жизни и во всяком случае сделает ему последнюю только более дорогой, желанной, идеальной, а не эмпирически только понятной. Напр<имер>, слова Пэтона о русском богослужении (вполне естественные для протестанта, правда заурядного, и еще более естественные для Толстовца) Сереже не могут быть вредными при твоём противовесе такой глубины и красоты. Для русского же мальчика интеллигентн<ой> среды нет ни Пэтона, с жаром защищающего свою протестантскую точку зрения, ни твоего противовеса, а есть только заглушающий религиозность и православное чувство в зародыше индифферентизм неверующей или мертвенно-обрядовой среды, сменяющийся потом фанатизмом среды [радикально] революционно-отрицающей. И протестантизм, и шовинизм Англии более укрепляют в Сереже национальное и религиозное начала, чем это сделала бы русская обстановка, враждебная и религии, и патриотизму. У русского мыслящего мальчика глаза обращены на Запад; вот почему Сережа должен по необходимости смотреть на Восток. Одно ему необходимо — язык, язык русский... Зачем однако я столько болтаю? — все это ты давно знаешь сама, и разлагольствования тебе справедливо претят. Стыжусь и умолкаю.

Спасибо, Радость, за музыку. Разучи еще «Розамунду» Шуберта (также нужно знать и «Mädchens Klage»⁵) и Шумана «Es war als ob der Himmel die Erde still geküsst»⁶. Приехала ли Юлия Мих<айловна>? Обласкай ее! Боборыкин ведь почти хорошо нарисовал разрыв Костровина с женой⁸? А вот «Трука»⁹ читаешь ли ты?

Есть чудесные страницы! — Ко всем своим соображениям* <...> и тризной <?>. Ça me paraît avoir une grande portée...¹⁰ Что сказать про себя? Вчера получил любезное извещение от Вильгельма, что сегодня будет заключительная лекция, — и на ней утром присутствовал. Собираюсь зайти к нему. Целую Радость. Люблю, я так тебя люблю!

O.S.

День 112. 23 Марта

В день именин приписываю, что с тобой любовью и с вами душой. Радость, люблю.

¹ П. 470.

² Цитата из первой песни поэмы А.С. Пушкина «Полтава» (1828).

³ В детстве Зиновьева-Аннибал была отправлена для исправления характера в Германию, в закрытую школу для девочек. Ее описание см. в автобиографическом тексте, приведенном во вступлении и — в беллетризованном виде — в рассказе «Красный паучок». Письма к матери этого времени — РГБ. Ф. 109. Карт. 23. Ед. хр. 23.

⁴ Сплоченному большинству (*нем.*). Ссылка на драму Ибсена «Враг народа» (1882), переименованную в известной постановке Станиславского в «Доктора Штокмана». Термин «сплоченное большинство» многократно повторяется в драме, например в четвертом действии: «Опаснейший враг истины и свободы — сплоченное большинство».

⁵ «Жалоба девушки» (*нем.*). Песня Шуберта на слова Ф. Шиллера (в оригинале «Des Mädchens Klage»), трижды положенная Шубертом на музыку. «Rosamunde» — условное название песни Шуберта 1823 года «Der Vollmond strahlt...» («Полная луна сияет...») на стихи Wilhelmina Christiane von Chezy (1783—1856).

⁶ «Это было как будто небо тихо поцеловало землю» (*нем.*). Песня Шумана на слова Йозефа фон Эйхендорфа. Название передано Ивановым с незначительной неточностью.

⁷ 26/11 марта М.М. Замятина писала Иванову: «Не помню я, писала ли я уже Вам, что моя Юленька скверно себя чувствует. У нее Наук нашел почки не на месте, отсюда ее нервность и недомогания. Запретил ей всяческие занятия. Я ее выпишываю к себе, т.к. она всем существом рвется сюда, и она, верно, придет через несколько недель, а то дома, боюсь, она совсем расклеится» (РГБ. Ф. 109. Карт. 19. Ед. хр. 14. Л. 51; см. также п. 453). Ю.М. Замятина приехала в Женеву 25 марта / 7 апреля. Описание ее приезда см. в п. 478 и 480.

⁸ Речь идет все о той же повести П.Д. Боборыкина «Исповедники», которая не раз упоминалась ранее (см. п. 431, 437, 466).

⁹ Имеется в виду роман, печатавшийся в тех же номерах журнала «Вестник Европы», что и повесть Боборыкина: Жизнь Томаса Трука / Felix Holländer, Der Weg der Thomas Truck / С нем. П<оликсе>ны С<оловье>вой // Вестник Европы. 1902. № 1—5.

¹⁰ Мне показалось, что это имеет большое значение (*фр.*).

* Далее оторвана половина страницы и текст утрачен.

476. Иванов — Зиновьевой-Аннибал
 24 марта / 6 апреля 1902. Афины

6 Апр. / 24 Марта.

Радость любимая! Был у обедни.

Сижу в садике нашего ресторана и не терпится облегчить душу, написав тебе, что меня заботит и волнует. Послал только что хронически замолкшему Гревсу вторичный запрос, приедет он или нет сюда, на сколько времени¹. Жарко уже сегодня, а в 5 часов утра жужжала надо мной занзара². Это заставляет меня предвкушать еще трудность путешествия для тебя (я-то не буду так страдать, п<отому> <что> теперь исстрадался от другой причины). Вместе напал на меня, как это бывает, когда не спишь, страх, что ведь и ты, в свою очередь, можешь схватить здесь тиф. В путешествии жажда будет мучить нас, и я заранее обещаю преследовать <?> тебя запрещениями пить; но разве все же остережешься, когда следует? Это не Geist der Schwere³; по крайней мере, для меня, во всяком случае, нет. Мне хочется пережить с тобой ряд sensations du bien et du sublime⁴, которые будут, будут! — в Олимпии и в Дельфах, и там, и там, и там... Но, кажется, у тебя нет в *настоящее* время жажды видеть все это, видеть *так*, как это обещает перспектива ближайшего будущего. Поэтому вопрос о твоей поездке должен быть, повторяю, решен, *только* твоим желанием или нежеланием предпринять путешествие; интерес путешествия für sich⁵ есть решающий момент, хочу я сказать. Что же касается ускорения свидания и моего (не знаю, нашего ли) желания иметь его наедине, это соображение должно быть отделено от вопроса поездки в *Грецию*. Если тебе тяжело приехать или ты считаешь это неблагоприятным из-за действительно серьезной взаимной нашей ответственности о здоровье друг друга, — то и не приезжай. Я же или приеду немедленно после gigi (если Гревс не будет <1 нрзб>) или, нечего уже делать, дождусь Гревса (т.е. буду терпеть еще месяц) и тогда — самое позднее — к 1 июля нов<ого> ст<илия> мы встретимся где-нибудь (предполагаю, в Турине или Милане, или в Швейцарии, лучше в Милане), чтобы до конца июля побыть вместе в *Альпах*, как мне давно мечтается. Целую как люблю. Пишу на Γερμανική Ἀρχαιολογική Σχολή, ὁδὸς Φειδίου, ἀρ. 1. Получены ли письма, стихи?

В.

Открытка. Штемпели: ΑΘΗΝΑΙ. 24 ΜΑΡΤ. 1902 — Genève. 17.IV.02.

¹ См.: История и поэзия. С. 245.

² От *ит. zanzara*, комар.

³ См. п. 384, прим. 18.

⁴ Ощущений хорошего и возвышенного (*фр.*).

⁵ Как такового (*нем.*).

477. Иванов — Зиновьевой-Аннибал 25 марта / 7 апреля 1902. Афины

День 114.

7 Апр. / 25 Марта

Дорогая Радость! Свет и коловращение людей! И какое-то всеобщее празднование! Εὐαγγελισμός — Благовещение — день греческого восстания¹, национальный праздник, справляемый здесь с таким жаром, что завидуешь патриотизму этого народца, мятущегося в жалком и почти отчаянном состоянии своего государства, всеми открыто признаваемом и оплакиваемом! Виданное ли дело, чтобы в день национ<ального> праздника люди не ограничивались знаменами, песнями, маршировками мальчиков и юношей, *retraite aux flambeaux*² и проч., но и дома справляли этот праздник угощениями и визитами и при встрече поздравляли друг друга с пожеланиями «долгих лет»? Меня угощала Фотини сладостями и коньяком, ибо и мы празднуем, — и притом не только национ<альный> праздник, но и праздник примирения и восстановления тесных уз дружбы! Я тебе описал только первое действие сложной драмы. Вкратце скажу, что ближайшею перипетией было выздоровление *Фотини*, телесное и душевное. Последнее выразилось в радикальной перемене образа мыслей о мальчишке, ныне постоянно смеющемся, вероятно, от избытка благополучия, — перемене, засвидетельствованной ею в продолжительных словопрениях и бледных <?> жалобах, укоряющих меня за несправедливость моих о ней суждений [о ней беседах] и т.д. Тогда я выразил радость при виде грешницы кающейся, но *обиду* на то, что Ангел *на меня обиделся*, и упорство в намерении уехать прочь уже в силу этого последнего обстоятельства. Ангел же дулся из-за вышедших потом наружу бабьих сплетней Фотини и Родофеи, принимавшей в драме деятельное участие. О настоящей причине разногласий он имеет самое превратное понятие, но страшно оскорбился моим *будто бы* демонстративно-показным насмешливым недоверием к его уверению, что *доктор был* у его больной жены (а он действи-

тельно был) и пр. Результат очень сенсационных и волновавших соседство перипетий — Россидис навлек на себя гнев Фотини за солидарность со мной (Россидис, который *μυστικός*³ чертил мне на грифельной доске, чтобы не быть услышанным: «Единственная причина гнева этой дамы как на вас, так и на меня в том, что мы имеем этические принципы, а она имеет — много седых волос и еще больше морщин»), — результат был вчерашняя вечерняя беседа с Ангелом, объявившим, что все дело сводится к недоразумению и что я поступаю, правда, по-христиански, обличая их, но все же задел его вмешательством в его частные дела (я же провозглашаю это своим *правом* и *обязанностью*); он рассматривал мой альбомчик и твои портреты (предпочитает *au trois quarts*⁴, находит их похожими, но портрет *en face* все же считает польстившим тебе) и произносил длинные политические диатрибы на тему: кто ответствен за войну, каковая тема занимает здешний парламент каждую ночь (*sic*, не день, а ночь). Дальнейшим результатом долгой беседы, закончившейся *стаканом виски*, было установление практических последствий моего примирения: именно, я оставляю вещи, как есть, в своей комнате и не плачу за нее все время *моих* и возможных *наших* путешествий, а дни, проведенные в промежутке дома, оплачиваю 2 драхмами (или, смотря по обстоятельствам, побольше) в день, т.е. пользуюсь преимуществами, которые бы имел, съехав с квартиры и оставив вещи в Институте. Так я предложил, Ангел согласен и доволен. Ох, какая длинная летопись! Столько о гневе Ахиллеса, Пелеева сына, — нет, вернее, двух Ахиллесов⁵. Я все-таки доволен остаться в насиженном и уютном месте, не иметь труда перевозки и не лишать себя отдыха от путешествий дома, а не в гостинице. Ф<отини> теперь выздоровела, подвижна и бодра. Неприятного чувства нет, что спят в твоей постели, когда за нее не платишь и она, следовательно, чужая (психологический момент), и лучше ли идти спать в чужую постель, чем пустить чужих в свою (философический момент)? — а против трудности восхождений в жару есть утешение — *le petit cabaret que je fréquente*⁶ по дороге. Впрочем, устроимся как ты захочешь, если приедешь: съехать никогда не трудно, и пути открыты; никто не оспаривает моей свободы распоряж<ения> собой, как угодно, в любой момент. Итак, еще раз, столько о гневе — и столько о празднованиях. Впрочем к последним можно отчасти причислить и сегодняшнюю поездку — Элевзин — куда приехала завтракать с му-

жем *festlich*⁷ и Mme Дерпфельд, — но здесь мы касаемся уже света и коловращения. Оные начались вчера же с визита к Вильгельму в *casa Merlin*⁸, ибо у него я познакомился с проф<ессором> Шенклем (австрийцем же) и братом Вильгельма. Этот — т.е. мой Вильгельм — между прочим сообщил мне, что приехал в Афины Лепер, теперь секретарь нашего константинопольского Института⁹, и живет на ὁδὸς Σχοῦφᾶ¹⁰, там, где мы едва не поселились; с ним в очень хороших отношениях Вильгельм, и я был в Риме знаком. Поэтому я решил зайти к нему. Встретил его на лестнице; он уходил, но непременно захотел вернуться и привести меня к своей жене. Эта последняя стала уверять сначала, что не может припомнить меня, а потом, что я помолодел — вероятно, от счастья. Я ответил, что за 9 лет всего было. Мне было все это очень забавно: именно, забавно, что люди в Петербурге столь ориентированы в моих личных делах. Боязнь проронить слово о Д<арье> Мих<айловне>, словечко о «счастьи» и «молодости», долженствовавших быть несомненно полными, упоминание Лепера о моих коротких пребываниях в Петербурге, о моем переводе из Пиндара — показывали, что [припомнить меня совсем] я достаточно памятен. Они гостеприимно удерживали меня, но я предложил выйти с ними и проводить их немного по улице. Мои путешествия с Дерпф<ельдом> образуют естественный предел нашего знакомства. С ними четверо детей, русская прислуга, бабушка детей — но живут они, кажется, без мебели. Мне было искренне комично видеть, что они боятся и не знают, как и что им сказать и как обернуться со мной. «Ростовцев женился»¹¹, — сообщили мне. *A la bonne heure!*¹² И да процветают грибки-поганки чухонской трясины: петербургская сплетня и петербургская промозглая добродетель! А сегодня-то какое коловращение. Каких только у меня нет теперь знакомых: и бельгийцы, и голландцы, и англичане, и американцы, и австрийцы, и русские, а пруссаки и баварцы!.. Завтракал я за отдельным столиком с Шотландцем из Оксфорда. Я стал общителен и разговорчив: во всю поездку, кроме времени лекции, о чем-то с кем-то говорю и о Малой Азии, и о тифе, и о надписях, и о нынешней Греции, и о Крумбахере (с мюнхенским приват-доцентом), и о греко-римском праве и т.д. и т.д., впрочем, все больше *en*¹³ «ученый дурак». Погода была очень туманная. Элевсин имеет особенную прелесть: чудесная равнина, а кругом горы с характерными зубринами; море—озеро, голубело и искрилось, а за Салами-

ном — другое море, опять ограниченное горами. Мисты¹⁴ могли иметь «настроение». Хочется попасть в Д<....>. L'appetit vient en mangeant¹⁵. Радость целую как обожаю. В.

Одновременно должна прийти моя картолина от 113 дня (воскресенье)¹⁶. *Твой Вяч<еслав>*.

Конверт со штемпелями: ΑΘΗΝΑΙ. 26 ΜΑΡΤ. 1902 — Genève. 12.IV.02.

¹ Речь идет о восстании 1821—1829 гг. против турецкого владычества, закончившемся победой греков.

² Факельным шествием (*фр.*).

³ Тайно (*греч.*).

⁴ <Портрет> в три четверти (*фр.*).

⁵ Отсылка к началу «Илиады» в переводе Н.И. Гнедича: «Гнев, богиня, воспой Ахиллеса, Пелеева сына».

⁶ Маленький кабачок, который я часто посещаю (*фр.*).

⁷ Празднично (*нем.*).

⁸ Дом Мерлина (*ит.*). Судя по всему, речь идет о доме, который принадлежал известному в Афинах художнику и фотографу С. Merlin. В 1894 г. при рытье котлована для фундамента этого большого дома на углу улиц Академия и Кефиссия были обнаружены остатки античного кладбища с интересными рельефами и надписями. Подробнее см.: Goodell T.D. and Heermance T.W. Grave-Monuments from Athens // The American Journal of Archaeology and of the History of Fine Arts. 1896. Vol. 10. № 4. P. 469—479. Однако в то же время существовал «maison Merlin», в котором жили (часто подолгу) исследователи, приезжавшие в Афины. О чем идет речь конкретно, сказать затруднительно.

⁹ Роберт Христофорович Лепер (1865—1918), русский археолог. В 1901—1908 гг. был ученым секретарем Русского Археологического института в Константинополе. С Ивановым он познакомился в 1893 г. Подробнее см.: История и поэзия. С. 246.

¹⁰ Улица Скоуфас (*греч.*).

¹¹ М.И. Ростовцев женился на Софье Михайловне Кульчицкой (1880—1962).

¹² В добрый час! (*фр.*)

¹³ Как (*фр.*).

¹⁴ Посвященные в тайны мистерий. Элевсинские мистерии были самыми прославленными в Греции.

¹⁵ Аппетит приходит во время еды (*фр.*).

¹⁶ Имеется в виду п. 476, которое, как свидетельствуют штемпели, пришло значительно позже данного.

478. Зиновьева-Аннибал — Иванову 25 марта / 7 апреля 1902. Женева

113 д<ень> м<ужества>. Понедельник. 2 часа дня. Сена. Дотя, ты и понять не можешь, *какая красота* в нашем доме. Как прекрасен весь его аккорд и мила, жива, осмысленна каждая отдельная

нотка, его составляющая. Как цветы мои, и цветы общие, и цветы Марусины, и цветы детские, и цветы у девушек. Иной раз войдешь с сада в дом, и он весь, большой, благоухает. А картины! Сегодня я только что принесла тебе и поставила перед твоим столом рабочее кресло. Чудесное! Оно было у Miss Bl<ackwell>, старинного фасона с прямой спинкой, обитое красно-малиновым тесненным <так!> бархатом. Наша комната — это без сомнения лучшая комната в мире. Ну а вот и мир, т.е. жизнь-то «широкая». Юлия-то Михайловна. У Маруси ночью кровь шла носом и горлом (это при сердце ее отводит кровь и полезно, спасительно при *сильных волнениях*, но какова потеря). Днем немножко повторилось. Каково ей знать, что прежде, нежели приехать сюда, сестра остановилась в Базеле, куда приехал на *два* дня тот любимый ею страстно человек. Роман этот тянулся весь конец лета и измучил Марусю, которой честная девушка всё открыла. Но Маруся не знала, как ей быть: запрещать совместные поездки по Швейцарии (тогда уедут тайно) или допустить и взять на свою ответственность отважно поведение сестры 19-ти лет. Я вчуже сама не своя всё это время. Места не нахожу. Ничего нельзя знать. Он обещал беречь ее, но как положиться на обещание мужчины, проводящего дни и ночи вдвоем с обожаемой девушкой. И что между ними — тайна. Но одно ясно: она не хочет пуще смерти замужества. Вот девушки будущего! Она говорила: «Я люблю, я счастлива так, что сказать не умею, но мы разные и соединиться навек не можем». И при этом такая свобода отношений! Знаю по себе, что не устояла бы против счастья отдать себя любимому человеку. И чего жалеть *себя*? Но *другую* мне жалко. За другую мне жутко. И не нахожу места. Так неожиданно, так ужасно жизненно. За Марусей смотрю. Во мне она имеет спасительную поддержку. Она знает, что я тебе сказала, и рада. Напиши мне *всё*, что думаешь. Я этого человека знаю, ты о нем слышал, но имени не скажу до личного свидания с тобою! Ему лет 35. Он здоровый, широкий мужчина, простоват на вид, образован, конечно, но не производит впечатления выше очень посредственного уровня понятий. Словом — он икс! и скорее страшит, нежели утешает, когда знаешь, что он ее герой. Она приезжает сегодня в 7 вечера. Я рада, что Маруся сегодня занялась устройством Вервиной комнаты. Это ее сильно развлекает. Она прелестно устроила девочку нашу на месте Miss Bl<ackwell>. О, какое счастье, что ее нет, какая свобода, чистота,

легкость, порядок! Ее хлев весь разобран и вместо него (я тоже мыла, и терла, и маслом восчила <так!> стол письменный, дивного дуба, но *весь* сплошь залитый и забрызганный чернилами и красками), образовалась прелестная светлая комната с Вериными полочками, шкатулкой, библиотечкой, мадоннами, моим портретом, образом, безделушками и постелью ее и Лилиной. Да-с, скоро, скоро настанет день и ночь, когда мы будем знать ее в руках мушины, à sa merci², быть может, нам страшного, неведомого и даже непонятного. А что сделать? Я думаю, к своему изумлению, что Юлия меня волнует не меньше, чем волновала бы Вера. Это прямая, честная девушка, без *малейшего* кокетства, полная лучших aspirations³, странная и своя. Посмотрим, как сложатся <так!> наши отношения. Я хочу быть очень умной с ней, но сердце мое открыто любви. Да, вчера провожали торжественно, *весело* и очень любовно Miss Blackwell. Вот блаженные проводы! Одна радость, на фоне искреннего внешнего благожелания и уважения. Но как прелестна эта разлука. Сегодня и вчера дни событий. *Я умею сегодня* ездить на велосипеде. Дотя, не бойся, нудить тебя я не буду, но, быть может, ты сам захочешь. Сначала кажется, что *нельзя* выучиться, что все другие ездят лишь чудом. И вдруг колесо покатится твердо и верно под тобой, словно *оно*, а *не ты*, научилось, и так случилось сегодня со мною. Сережа торжествует. Мы учились с ним на дороге у виллы, и смешнее всего, что какой-то очень красивый господин глядел на нас, и вдруг предложил свои услуги, и довольно далеко провел мой велосипед. После этого я вдруг и пошла сама. Сейчас еду к бабушке. Да, Острога сегодня возвратился утром, а в 5.30 будет у нас на уроке. К сожалению, я его почти или вовсе не увижу: мне необходимо быть у бабушки, а потом встречать Юл<ию> Мих<айловну>. А я сегодня впервые после 2-х недель Шуберта и Бетховена взяла его романсы, и пропела их, и проиграла, что смогла, из аккомпанементов. Не теряет его музыка и после этих страшных maestri⁴: нет, он, право, молодец.

Сказала ли я тебе, что 3 экзамена мы отослали уже в Пятницу, в день их прихода. А три последних отошлем завтра. Сегодня Сережа повторял латынь и греческий (2-й греч<еский> экз<амен>) и сделал один. Сегодня у нас перемена министерства совершилась. И я так счастлива. Христина у детей и в моей комнате управляется. Она тихая и очень опрятная, чего нельзя сказать

о грубоватой и беспорядочной, хотя и горячо любимой Оле. Но все так довольны.

7 час.

Едем сейчас на встречу. Была у бабушки. Видела на минуту (опоздала к уроку) Острогу. Он, слава Богу, *очень* поправился: цвет лица здоровый. С дюн катался кубарем на океане в течение восьми дней с 4-мя дочерьми. Вот веселый конец письма. Господь с тобою, <1 нрзб>.

Твоя Лидия.

<Арифметические подсчеты>

Конверт с женевским штемпелем: 7.IV.02. Афинский штемпель отсутствует.

¹ О ком идет речь, нам неизвестно. Ср. письмо Ю.М. Замятниной к сестре от 2 января 1903: «Дорогая моя, если только ты решишься прийти <так!> мне на помощь, попробуй помочь мне жить, и научить, и посоветовать, то прежде чем уехать, походи к нему и скажи, что ты едешь ко мне. Скажи, что я просила тебя сказать ему об этом и спроси, s'il n'a rien a me passer. Dis lui que je t'appelle car je me sens à bout des forces pour lutter avec la vie. Dis lui que je *veux* que tu me fasses oublier tout mon passé. En somme dis lui la vérité. Прости меня прежде всего, дорогая, за все. Как ты мне нужна, писать не умею и не хочу. Не говори, умоляю тебя твоей любовью ко мне, что я тебе пишу. Ради всего святого, прошу тебя, чтобы твои не знали, что ты пойдешь и что я пишу тебе. Юля» (РГБ. Ф. 109. Карт. 27. Ед. хр. 70. Л. 37—37а). Перевод французского текста: «не хочет ли он чего-либо мне передать. Скажи ему, что я зову тебя, потому что у меня больше нет сил бороться с жизнью. Скажи ему, что я хочу, чтобы ты заставила меня забыть все мое прошлое. В общем, скажи ему правду».

² В его власти (*фр.*).

³ Устремлений (*фр.*).

⁴ Мастеров, маэстро (*ит.*).

479. Иванов — Зиновьевой-Аннибал 26—27 марта / 8—9 апреля 1902. Афины

День 115.

8. IV / 26. III

Вторник

Радость и Жизнь! Получил письмецо¹ — а следующе<о> уже не буду иметь в Четверг, а когда и где неизвестно! Послезавтра, в 6 ½ ч <асов> (о, жестокость!) уходит наш поезд с Пелопонесского вокзала. Милая Радость, кажется, что тебе не хочется ехать в Грецию. Не делай против себя! Правда, что есть столько сомнительного в этой поездке. Я ведь и Гревсу приписал: «Боюсь, что обстоятельства так сложатся, что мне трудно будет остаться в Греции так долго»². Он и без меня устроится, — здесь кстати Лепер —

Портрет Вячеслава Иванова.
Худ. В. Холдсворт. 1905

PARIS — Place de la Sorbonne

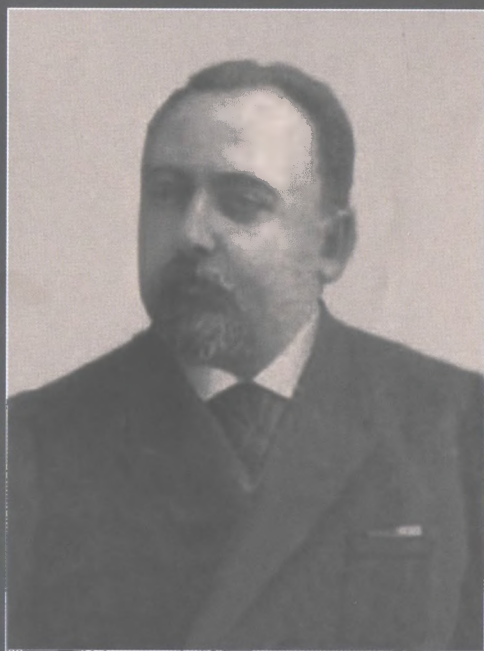
Париж. Площадь Сорбонны

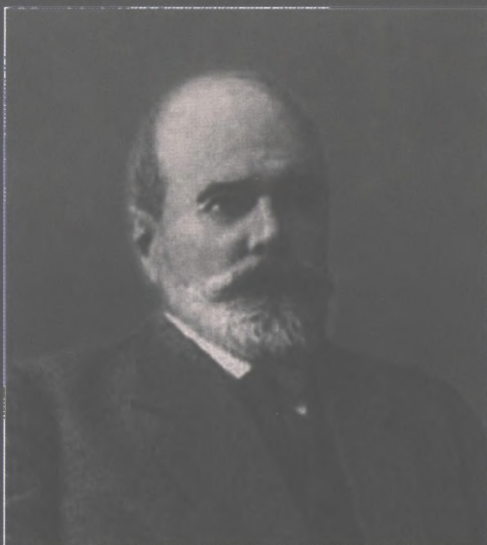
Париж. Церковь St Etienne du Mont

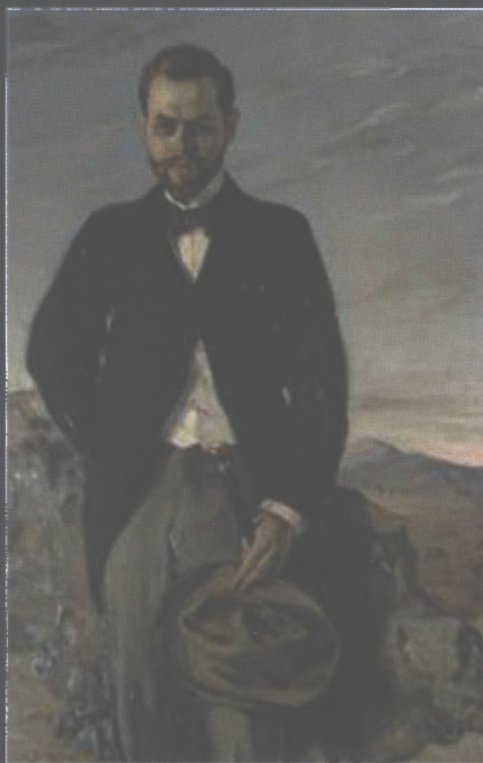
М.М. Ковалевский.
Начало XX в.

Ю.С. Гамбаров. Начало XX в.

Е.В. де Роберти.
Начало XX в.

И.И. Шукин. Начало XX в.

PARIS — Église St-Julien-le-Pauvre
Pillée et incendiée par les Normands, fut reconstruite au XIIe siècle

Париж. Церковь St-Julien-le-Pauvre

1055

Panorama de PARIS. — Vue sur la Seine et Passy prise en aval de la Tour Eiffel

Париж. Вид на Сену и Пасси с Эйфелевой башни

Париж. Елисейские поля и Елисейский дворец

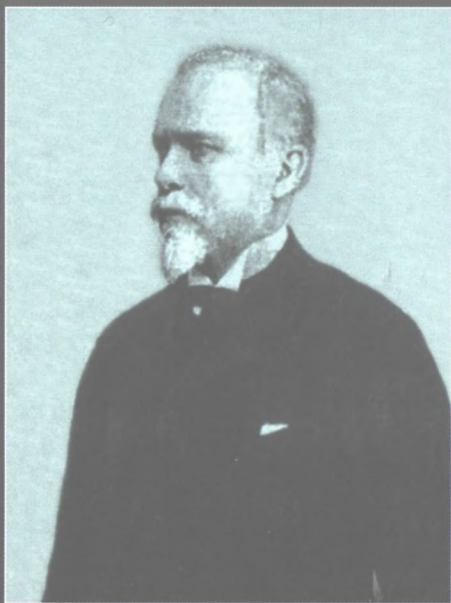

Париж. Площадь Сен-Мишель

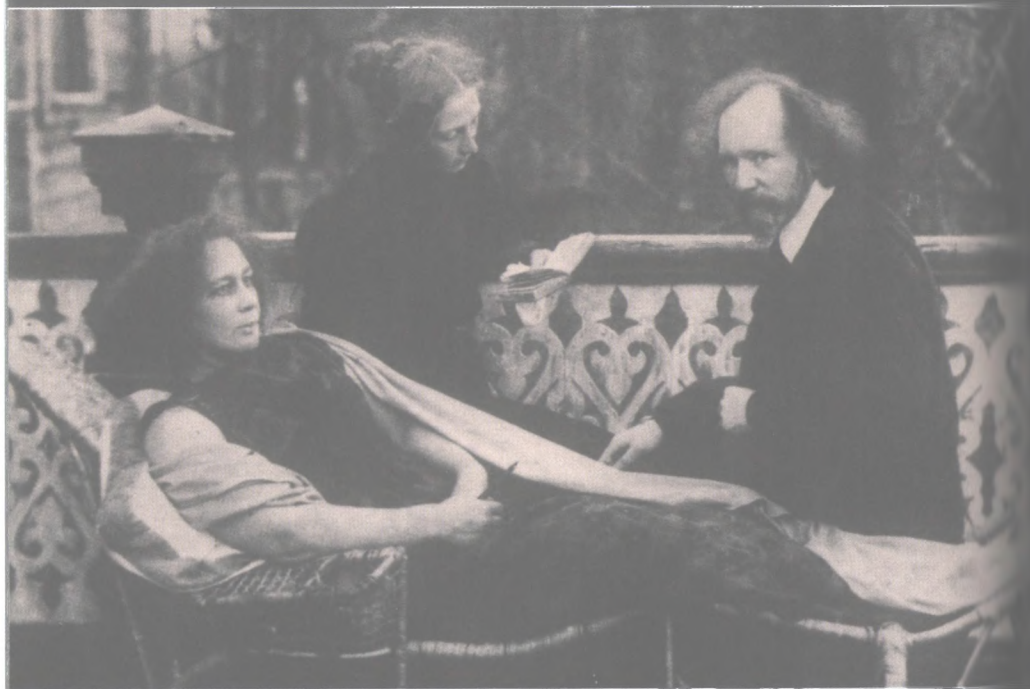
Н.А. Котляревский.
Начало XX в.

В.Я. Брюсов. 1904

А.Ф. Онегин. Начало XX в.

Л.Д. Зиновьева-Аннибал, В.К. Шварсалон и Вячеслав Иванов. Загорье, 1907

Вячеслав Иванов и Л.Д. Зиновьева-Аннибал. Загорье, 1907

— В.К. Шварсалон, Вячеслав Иванов
и Л.Д. Зиновьева-Аннибал.
Загорье, 1907

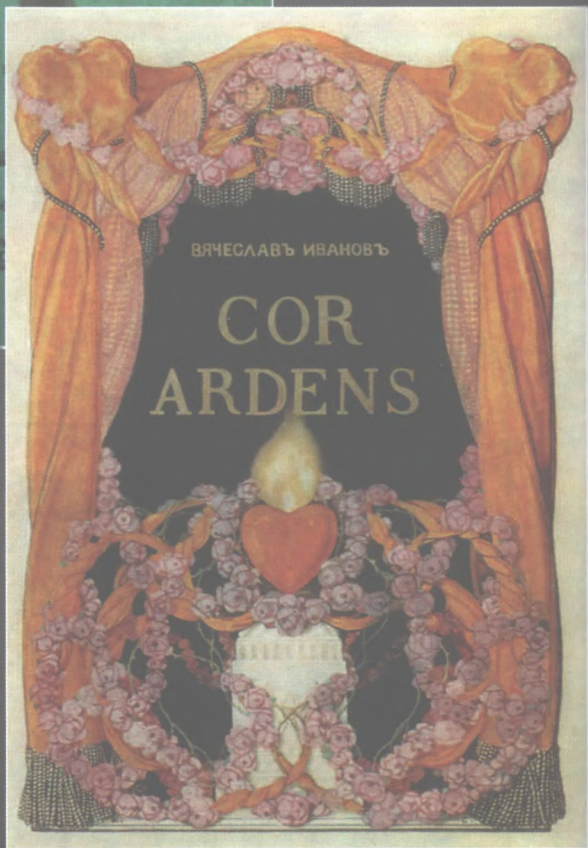
Л.Д. Зиновьева-Аннибал
и Вячеслав Иванов. Загорье, 1907

В.К. Шварсалон, Ал.Н. Чеботаревская (на первом плане).
Загорье, 1907

Вяч. Иванов.
По звездам. СПб., 1909.
Обложка худ.
М.В. Добужинского

Вяч. Иванов. Cor ardens. М., 1911.
Фронтиспис худ. К.А. Сомова

1909.

Начало

Вотний ден в годоу. Доромо на Балкан
Учрежденіи, предидеи? Религ дасид на вощ
и воо дасид саму...
маю. Мадригичина савдас (Славянские кон-
дестра, филономическа дигурация, сабодас
Вороси нае оградомъ сово, scindis of the
дуннаго бадунна доромо, ие ето, она е сифу
сикко? е оудрому маламалоу следомъ доромо
иу чрасноу оубе, иди роръ лоръ...
— оамо савд оградомъ в дуннаго оудра
в мур дуннаго сикко, ордисидеит мотел.

дуннаго оудра
маю дасид и...
Мадригичина, Вора нотка
в 12^а тму, са Република,
вату Удасиде. И на
савд доромо а руде е сифу
дуннаго оудра и пубера
оудрама савд дуннаго

Начало дневника
Вяч. Иванова. 1909

ВЯЧЕСЛАВЪ ИВАНОВЪ.
ОБЩЕСТВА ГОСУДАРСТВЕННЫХЪ ОТРУПОВЪ ВЪ РИМСКОЙ РЕСПУБЛИКѢ.

**DE SOCIETATIBUS
VECTIGALIIUM PUBLICORUM
POPULI ROMANI.**

SCRIPSIT
VENCESLAUS IVANOV.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія М. А. Алексеевнорова (Надомская, 43).
1910.

Диссертация Вяч. Иванова. Титульный лист. 1910

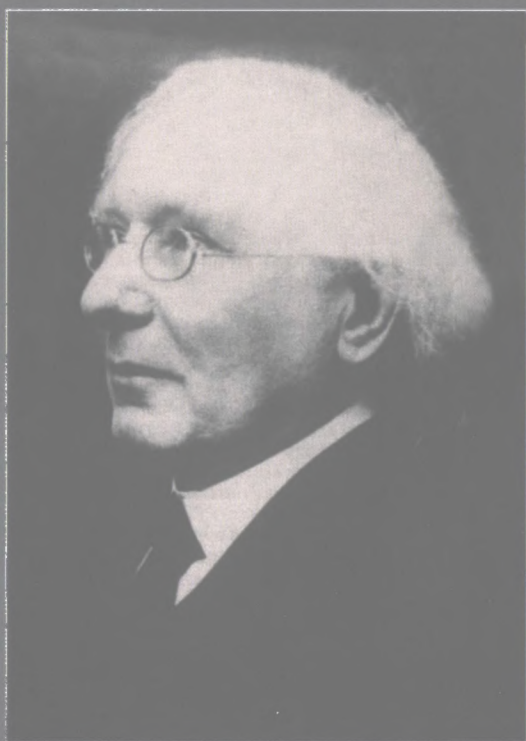
Вячеслав Иванов.
Худ. К.А. Сомов. 1906

Вячеслав Иванов
Худ. К.Ф. Юон. 1921

Вячеслав Иванов.
1900-е гг.

Вячеслав Иванов. 1910-е гг.

Портрет Вячеслава Иванова.
Худ. Н.П. Ульянов. 1920

(правда, они чуждаются друг друга) — а я, прежде всего, вовсе не гожусь в вожатые. И хозяевам, условливаясь о поездке, я сказал, что твой приезд сделался проблематическим и что, б<ыть> м<ожет>, я немедленно по возвращении с островов поеду к тебе домой. Решай сама, но только мне хочется, чтобы мы где-нибудь встретились и пожили в хороших местах одни.

Поздравляю тебя с именинами Маруси, и также поздравляю детей.

То, что ты мечтаешь про Оку и т.д. мне очень понравилось. День мой: написал Стребулаеву! подсчитал свои деньги! взял ванну! побывал в Институте! давал литературные советы Россидису, который предается «сладкой меланхолии» (как он пресерьезно говорит) и бьет баклуши или спит. Он совсем нищий при этом, имеет ученичка в гимназии, и первое время в Афинах ночевал на улице. Недавно я его свел в brasserie³: он никогда еще не пил пива.

Фотини теперь с пэди хорошо обращается, кажется совсем здоровой, ко мне сердобольна: меня снаряжает и хочет укладывать мою сумочку.

Да, я подсчитал деньги и нашел, что их в обрез довольно для обоих дорогих путешествий и только; почему прошу тебя прислать мне к промежутку двух *gigi* несколько сот франков, *poste restante*⁴.

Письмо твое любовное, ласковое и мне будет светиться...

В.

PS. Заметь, что Маруся начинает письмо словами: «Лидия право выдумывает на меня относительно всхрапа (?)...»⁵ и тем простодушно выдает себя. Ибо во время «всхрапа» она писала мне письмо, — факт! Ergo⁶, пришлось его почему-то уничтожить и начать дружеское собеседование сызнава.

Общее предостережение: в критиках Англии и всего Английского нужно быть перед Сережей объективнее и доказательнее, и в особенности эти критики не должны быть огульными или gehässig⁷.

День 116. утром

Хлопочу, собираюсь. Сделал приятное открытие в погребце, как плетеная бутылочка. φεΰω⁸.

Целую, обожаю. Так тебя люблю!

OS.

Детей поцелуй, — *Сережу!*

* Знак Иванова.

Конверт со штемпелями: ΑΘΗΝΑΙ. 27 ΜΑΡΤ. 1902 — Genève. 13.IV.02.

¹ Речь идет о п. 474.

² Текст письма Иванова к И.М. Гревсу см.: История и поэзия. С. 245. Иванов цитирует с незначительной неточностью.

³ Пивную (*фр.*).

⁴ До востребования (*фр.*).

⁵ Иванов буквально цитирует начало письма М.М. Замятниной от 19 марта / 1 апреля (РГБ. Ф. 109. Карт. 19. Ед. хр. 14. Л. 65). Ср. начало п. 474.

⁶ Следовательно (*лат.*).

⁷ Злобными (*нем.*).

⁸ Уезжаю (*греч.*).

480. Зиновьева-Аннибал — Иванову 26—28 марта / 8—10 апреля 1902. Женева

114-й д<ень> м<ужества>. 2 час<а> дня. Вторник. Сена. Вечера приехала Юл<ия> Мих<айловна>. Описать ее приезд, т.е. то лицо сияющее, которое выглядывало уже из вагона, потом то всё потрясенное, вне себя от счастья существо, прекрасное, которое обнимало нас и, усевшись в карету, изъявляло свою радость и любовь каждому радостно знакомому дереву, повороту, вывеске, саду и солнцу, и всем, и потом детям, девушкам, каждой картине на стене, солонке, стекляшке для ножей <?>, ножу, старой оловянной ложке, желтому переплету книжки из библиотеки Richard, моей ласке, бараньему коврику, отданному-таки ей, описать всё исступление молодого, полного, блаженного *счастья* нельзя. Надо себя вспомнить, и перенестись в эту душу, и содрогнуться упоением красивой жизни, Солнца и Любви. О Базеле¹ она молчала, сказав только, что устала и ей было дурно по дороге. И мы не спрашивали.

Вечером Маруся объяснила ей мое молчание тем, что она сказала мне, что у нее, т.е. у Юлии есть тайна. Юлия тотчас пожелала сообщить мне, т.к. ни минуты не думала обманывать. И сегодня всё утро мы говорили с ней. Маруся была на лекции. Насколько близки их отношения, не могу еще разобрать. Она говорит: «У него есть препятствие к браку. Я знаю его, но как касающееся его лично, выдать не могу. Быть может, оно со временем устранится — но пока мы об этом не заботимся. Мы так счастливы. Ближе быть друг к другу нельзя, чем мы. Я чувствую, что он сделал меня иною. Он считает меня очень хорошою, и я

хочу быть такою, какую ему кажусь. И прежняя я противна мне. Я стала иная. Я другой человек. И на весь мир гляжу иначе, гораздо лучше. И я счастлива уж тем, что *сама* сумела полюбить, тогда как до сих пор всегда отталкивалась от людей. Моя душа меняется теперь. Он сдержанный, скрытный, но я его знаю, и знаю, какой он хороший, и хочу только одного — чтобы он и вам нравился!» Она на вид развилась и в полном цвету своей красоты и очень женственна, но чиста, как ветер в поле, это чувствуется. Она мне сказала странную фразу. Я ей говорила о Anatole France, что у него стиль и рассказ всегда *très sobre*². Она подхватила слово: «Да, я хочу его читать, я боюсь всего не *sobre* теперь, я знаю, что это мне может дать отвращение к жизни теперь!» Что это значит? Теперь понятна ее тоска дома, и еще она, говоря о матери, сказала: «Мне всего тяжелее, что, любя ее, я вижу то *малое*, что ее удовлетворяет, и эта *малость* меня мучает. Я хотела бы большей требовательности от нее! А затем единственное пятно в моем счастье — это то, что она страдает из-за меня, видя, что я не уживаюсь с нею, в ее воздухе!» Я обещала ей все силы приложить, чтобы утешить мать и успокоить ее *необходимостью* и *пользой* жизни дочери здесь. Там же она буквально погибала. Что было делать иного? Утром получила твою четверговую картолину³.

Играла и пела по обыкновению. После обеда давала Косте приготовительный к Остроге урок музыки, вместо Miss Blaskwell, да и еще до обеда Оле урок пения. Буду пробовать учить Юлию Михайловну петь, когда она вполне отдохнет. Сегодня пойдем гулять немножко после чаю. Маруся ездила на первую лекцию сегодня Vullietty и встретила Феликса, который шел в свою *лабораторию*, он занимается по зоологии *тайно* от своих музыкантов, чтобы его не презирали ни музыки <?>. Его же успокаивают естественные науки и он «блаженствует» — за ними, как сегодня сказала ему Маруся. Ах, Дотя, где ты, моя Татата, будешь читать это письмо? И как плохо будет мне скоро, скоро. После завтра ты выезжаешь. Целую своего Дотю крепко и нежно. Сережа сдает последний экзамен. Сегодня отошлем⁴.

115-й день <ужества>. 8 час <ов> утра.

В ожидании ванны. Сеп. Здравствуй, Дотя. Вчера вечером гуляли втроем мы — Маруся, Юлия и я — в саду. Легли рано все, но не могла я спать. Немножко нервы расхотелись. Разные

мысли были, очень меня потрясшие, всё о той же широте жизни, о тебе и о психологии любящей души, — это уже обо мне. Не ожидала найти в себе чувства, какие ощутила, но всё при личном свидании скажу. Как интересна жизнь и как может быть прекрасна и богата. Даже вместить трудно. И как я люблю тебя, до какой глубины, Дотя. Целую. Оля уже пустила мне кран в ванне. Утро дивное. Жду письма твоего.

Лидия.

6 ½. Сена. Что мне сказать тебе наскоро, Дотя. Прежде всего: утром пришло прилагаемое комическое послание⁵. А твое от *Субботы* не пришло. Я немножко тревожусь и немножко боюсь. Если ты вправду был здоров и *bien* <1 нрзб.>, — то пропало, значит, письмо. А может, запоздало? Затем скажу еще, *que je roule dans des délices ésthetiques*⁶. Это правда. Музыка моя божественная, затем переписка божественно гениального «Камен<ного> Гостя»⁷ и радость переделывать, дополнять хороший (думаю) его разбор в моем «Шуме», и всюду между всем этим этот чарующий образ этой прекрасной телом, душой и умом девушки. Сдерживаюсь всё время, всеми силами, чтобы не показать ей этого восторга моего. Она так прекрасна каждым жестом, каждым словом. Сколько в ней нежного юмора и брызжащего <так!> светлым родником веселия. И как она жадна до знания и искусства. Сегодня рассматривала фотографии греческие, и каждое замечание, каждый энтузиазм были так глубоки, и умны, и сердечны. О, она жемчужина красоты. И какая она роскошная женщина. Видеть ее счастье, думать о ней — радость. Иногда мне кричать хочется от избытка наслаждения ею. Но я очень сдерживаюсь. Но пускай же я радуюсь. Что может быть выше наслаждения Красотой?

116 д<ень> м<ужества>. Сена. 12 утра. Вот скорее напишу: Костя спорил упрямо, что нет разницы между одушевленными и неодушевл<енными> существительными, потому что всякое одушевленное существ<ительное> можно *сделать неодушевленным* (прим<ер>: убить змею или даже человека) и *как же тогда склонять* обездушенный предмет. Это, по-моему, великолепно. А вчера он сидел взаперти весь *afternoon*⁸ за то, что по «приглашению» кучера взлез на запятки «коляски» (бочки для поливки дороги), и когда Маруся (видевшая его на бочке) сказала: «Я думала даже, что она для вывоза нечистот», то Костя *froidement*⁹ заявил, что в этот раз она была для поливки, но раньше однажды они с Ке-

neth⁷ом ездили «без приглашения в *кажете*» (телега для вывоза нечистот). Всё это en plein sérieux¹⁰. Вот и не хохочи. Забыла сказать, что мы в последний день детских вакаций играли очень весело в «игры» дома, так как шел дождь. — Дотя: Маруся сидит у стола и читает «Шум» про себя, переписанный мною на две трети: это прямо отдельная повесть по длине и сложности. На нашем диване лежит Юлия Михайловна и читает «Journal de Genève». Она должна много лежать. Это изумительно, до чего она гармонична, эта девушка. Нет слова, нет жеста, нет взгляда, который не был бы красив. И вся душа, глядя на нее и чувствуя ее, полнится одним желанием: счастья для нее.

¹ О пребывании Ю.М. Замятниной в Базеле см. п. 478.

² Очень сдержанный (*фр.*).

³ П. 473.

⁴ О времяпрепровождении С.К. Шварсалона в эти дни см. его письмо к Иванову от 10.4 / 28.3: «...я умею ездить на Мамином велосипеде и учу Маму; она теперь почти что выучилась. Это страшно весело; я уже два раза ездил в город. <...> Я уже кончил все экзамены, которые не послали из школы в прошлую субботу, понедельник и вторник. Греческий экзамен был очень трудный. Мг. Ратон мне сказал, чтобы я делал греческие упражнения дома все вакации: я теперь их делаю каждый день. Читаю «Обломова»: он, мне кажется, местами очень смешной, но обыкновенно слишком протяжный и очень долгие описания. Я тоже читал «Ouarda»: это французский роман из Египетской жизни; наверное, будет дальше очень интересно, но пока интересно, но не слишком» (РГБ. Ф. 109. Карт. 38. Ед. хр. 54. Л. 27—28). Отметим, что в тот же день он отправил Иванову еще одно письмо:

Четверг 10.4/28.3. 02

Дорогой Вячеслав, мне было очень, очень грустно, когда Мама сказала, что ты хотел делать путешествие вместе с ней в Греции летом, когда это так страшно опасно от лихорадки; я в большом отчаянии и очень боюсь, но от всего сердца и надеюсь, что Мама не поедет, и ты раньше приедешь к нам, дорогой Вячеслав, где мы все тебя ждем с таким нетерпением; вот уже год и три месяца, как тебя не видели. Пожалуйста, дорогой Вячеслав, не поезжай, мы все этого очень боимся и надеемся очень жарко, что ты не будешь подвергаться такой опасности лихорадки, которую я тебя так прошу избежать. От всего сердца целую тебя, остаюсь горячее и бесконечно любящий тебя

Сереза.

(Там же. Л. 29 и об).

⁵ Прилагавшееся к письму «комическое послание» вместе с ним не сохранилось и нам неизвестно.

⁶ Вращаюсь в эстетических наслаждениях (*фр.*).

⁷ «Маленькая трагедия» А.С. Пушкина (1830) и опера А.С. Даргомыжского.

⁸ Послеобеденное время (*англ.*).

⁹ Хладнокровно (*фр.*).

¹⁰ Совершенно серьезно (*фр.*).

481. Зиновьева-Аннибал — Иванову
15/28 августа 1902. Шамони

Четверг

Дивно!

Тожи <?>, мы в сапожной лавке в Chamoni: мне пришлось купить дивные сапоги с гвоздями, и всем прибавили гвоздей. Идем на Montanvers. На Flégère и на *Lac Blanc* не успеть, и дорога ужасна. Дивное путешествие. Дети в восторге от всякой скалы. Всё хорошо. Маруся счастлива, и я тоже.

Целую. Вот на дороге гармонич<еский> звон стада. Всем привет. Лилю <?> целую. Лидия.

Открытка. Штемпели: Chamoni. 28 août 02 — Genève 29.VIII.02. Адресовано на виллу Жава.

Приписка М.М. Замятниной: Целую крепко, ожидаю, полна <?> всех чудес от гор. Маруся.

ИНТЕРМЕДИЯ (V)
Женева 1902—1903

М.М. Замятнина — В.И. Иванову

28 марта / 10 апреля <1902>

<...> Оля вдруг приносит телеграмму, <в> кот<орой> стоит «samedi paris chez toi»¹ — телеграмма из Афин, следовательно, от вас и для Лидии <...> Текст непонятен и, понятно, повергает в полное недоумение. Юля наконец высказывает предположение, что вместо «paris» след<ует> читать «pars»², Лидия соображает и находит, что вы действительно можете в субботу выехать. Радость захватывает, и к<a>к-то боишься верить этой возможности.

РГБ. Ф. 109. Карт. 14. Ед. хр. 14. Л. 69 об.

¹ Субботу Париж к тебе (фр.).

² Париж... выезжаю (фр.).

Дневник М.М. Замятниной

День. *Villa Java*. Понедельн<ик>. 9 ½ ч. веч.

Лидия за роялью, Вяч<еслав> опять слушает хоту. Только что кончили пить чай. Юля в столовой изучает теорию музыки — урок Фел<иксу> В<алерианови>чу. Лидия поет «Les pasquinnades <?>»¹ Остроги. До чая ходили по саду при луне, чудный вечер был, теплый, сухой, почти совершенно летний, можно было гулять в одном платье. Сейчас Вяч<еслав> нет-нет да и подойдет к «Богатырям»², и все в нем бродит и пенится его «Володарь» со «Светомиром»³. Сегодня в детском уютном местечке он еще набрасывал некоторые черточки будущего содержания. Интересная будет

драма-поэма в народном духе и для народа, для широкого распространения доступна.

Перед ужином ходили к бабушке, втроем. По дороге зашли в вилу <так!> «Paracelsia»⁴. Говорили о Юлином романе; о ее глупости вчерашней с приведением как примера «Плодов просвещения»⁵. Вяч<еслав>, конечно, к<а>к всегда апрофондировал⁶ вопрос совершенно незаслуженно, ночью даже думал и злился за Юлин смех <?> глупый вчерашний.

День. Villa Java. Вторн. 10 ½ ч. утра.

Лидия за роялью поет упражнения. Вячеслав пошел в сад — méditer⁷. Юля с Сережей уехали на велосипедич<ескую> прогулку, при их выезде я их сфотографировала. Я сижу и читаю учебник архитектуры.

9 ½ ч. веч.

Лидия, Вяч<еслав>, Фел<икс> Вал<ерианович> и Юля в саду на площадке, высоко из-за тучи выходит луна; воздух несколько свеж, и Фел<икс> Вал<ерианович> в моем objet d'art⁸, т.е. серой пелерине. Вяч<еслав> в полном одеянии, т.е. в своем плаще и с палкой. Сейчас Лидия ком<м>ентирует «Богатырей» Васнецова. Фел<икс> В<алерианович> еще не видал вновь развешанных картин. Фел<икс> Валер<ианович> рассказывает, как он напал на «Ворон к Ворону летит»⁹, говор<ит:> взял том, начал перелистывать и тотчас же, напев <?>, сложил музыку. После урок<а> до обеда Лидия пела под аккомпанемент Фел<икса> Валер<иановича> его роман<с>ы. Тогда же и знакомство Вяч<еслава> с Ф<еликсом> В<алериановичем> состоялось. За обедом было блюдо общего вкуса и макароны по-итальянски с томатами и чесноком, после обеда — турецкий кофе.

10 ¾ ч. веч.

Сейчас только что ушел Острога.

Вяч<еслав> просил Лидию спеть его романсы, чтобы прослушать их под живым впечатлением его личности и т.к. при нем он его наблюдал и не так сосредоточенно слушал.

За вечерн<им> чаем много дурили, Острога был сегодня очень оживлен и мил. Было все — и дуэт птичника с Лидией — Лидия поет петухом, а Острога, оказалось, не уступает ей, а еще гораздо лучше ее подражает всяким и молодым и старым петухам,

и тотчас явились на сцене петухи, щенята и свиньи — все было запито старой бутылкой айвового наливки. Подурив, с интересом все слушали, к <a>к Острога заинтересовался зоологией и исключительно губками речными.

По поводу разнообразия занятий Острога Вячеслав делает замечание, что слишком в этом виден славянин, что у него много черт <?> этого общего с ним — в этом его славянском отклике многому, конечно, при этом Вячеслав вздыхает.

После романсов Острога Лидия начала петь Шуберта и распелась, сегодня у нее чудный голос и она чудно передает Шуберта, особенно хорошо у нее выходит <пропуск в тексте> im Tul <?>¹⁰.

Б.д.

Hall, перед гравюрой «Богатырей». Вячеславу она очень нравится, притягивает его.

Villa Java. Воскр. 7/20 Apr. 8 ½ ч. Веч.

Лидия поет романсы Ф.В. <Остроги>

Вячеслав ходит вдоль hall, дети только что легли. Вячеслав находит, что описания пейзажа в <пропуск в рукописи> Ф.В. не передает, хотя и производит впечатление nocturne. Лидия оборачивается к нему с опасением одобрения или нет.

Вячеслав теперь сидит в угловом кресле под «Весной»¹¹ и внимательно прислушивается. Теперь, можно сказать, чаша полна, Вячеслав вместе с нами.

Юля сидит в столовой.

Днем сегодня Лидия и Юля ездили, одна утром, другая после обеда на велосипеде, обе, кажется, уже окончательно учились ездить. Вячеславу, конечно, несмотря на нерешительность, захотелось тоже научиться, и он начал немного с Сережей сегодня.

После чая ходили на чудную прогулку на берег Роны: Лидия, Вяч<еслав>, дети и я. Обо все<м>, о чем мечталось, осуществилось <?>. На возвратном пути рассказывали о Палестине.

Днем Вяч<еслав> читал вслух «Ревизора»¹².

Сейчас, слушая музыку Острога, Вяч<еслав> высказал, что музыканты счастливее поэтов, что музыка доступнее людям, передается непосредственно, поэзия же требует рефлексии; я, конечно, возражала, по-моему, музыка вовсе не более доступна.

Затем Вяч<слав> говорил, что, конечно, высшее иск<усство> в драме, к<a>к я всегда и думала.

Villa Java 9 Июня/27 Мая Понед<ельник>. 1902

Вячеслав кончил сегодня окончательно, к<a>к говорит, свой сборник. Великий день. Мы его справили оргией, весь день с обеда, т.е. с 2-х часов я была в «Приюте». Вячеслав прочел все «Диффирамбы» и все «суспириа»¹³ — все растолковал, и теперь мне все кажется понятным, глубоким, целой философией, целым мировоззрением. Подумать, до чего богат содержанием этот сборник — неужто его не поймут, не раскусят сразу. Думаю, что все-таки оценят не только в потомстве, а и теперь уразумеют и красоту и содержание. Сегодня же Лидия прочитала спич Умолова и сцену с его англичанином. Сильно написано, к<a>к слушаешь их — все, конечно, прощаешь им, и видишь, что нельзя мерить их общей меркой, что они к<a>к бы имеют право и больно делать людям, т.к. сделают и счастье многое.

Villa Java 10 ½ ч. веч. 11 Июня. Среда.

Давно не писала во время действия, душа <?> была напряжена, не хватало эпичности и спокойного отвлечения, задержана душа была. Да и теперь еще внутри дрожит, все напряженно.

Сейчас Лидия поет, Вячеслав ходит по hall. Девушки в Verpiet¹⁴ на празднике, дети спят. Сейчас Вяч<слав> за чаем записал афоризм эпиграммой <?>: корни и ветви этики — три добродетели основные морали, по его мнению: три внешние обнаружения трех основных корней души.

Корни и ветвия

Ты Справедливость! ты Великодушие! ты Благодарность!
Вы плодотворной душе ветвием растите тройным.
Мужество ты! ты милость! ты, жизненность, верная сила!
Вы углубляйтесь тройным корнем в единое я!

Вариант сейчас написан:

Ты Справедливость! Ты Великодушие! ты Благодарность!
Вы тройным простирайтесь солнечным ветвием души.
Мужество ты! ты милость! ты, жизненность, верная сила!
Вы углубляйтесь тройным корнем в единое Я!

У Вяч<еслава> менее всего средней добродетели, а у меня первой. Лидия то же говорит, но добавляет, что у Вяч<еслава> средние корни сильны, развиты, но они глубоко закопаны. Я тоже допускаю это, но часто больно чувствую глубокие, слишком не обнаруживающиеся в ветвях корень этот <так!>.

Вечером сегодня, ложась спать, Вера опять была несдержанна, вследствие чего жалко плакала и насилу улеглась. Вячеслав, сильно любя ее, боюсь, испортит ее; она за последнее время резкая уж очень стала. Люблю я девочку, и мне кажется, словно ее от меня отнимают, и горько мне и за себя и за нее.

Вячеслав, угадав, что я пишу об отсутствии средней ветки и корня у него — поцеловал мои каракули, к<a>к он называет мое писание, доказывая этим к<a>к раз обратное тому, что я пишу. Радостно после того сказал, довольный, предполагая, что смутил меня. Любит он это.

Сегодня он радостен, т.к. много работает у него. «Ниобея», верно, идет¹⁵.

Villa Java. 17/30 Июня 1902 г. Понедельник. 11 ч. веч.

Теплый вечер. На небе играют зарницы и светят ясные звезды.

Счастливым день сегодня для меня. Чудные часы провела в «Приюте», Вячеслав читал Лидии и переводил для меня сделанные им сегодня в библиотеке выдержки из Вагнера. Выдержки, в кот<орых> говорится о «grand Art»¹⁶, о народе-творце и вдохновителе, о трагедии к<a>к о единственно могучей выразительнице в ясных образах мифов народных.

О том, что трагический герой должен освободиться от эгоизма и приобщиться общему через с необходимостью вытекающую смерть, через смерть, на кот<орую> герой сам идет. Отсюда возникновение трагедии из тризны — прославления смерти героя. Вячеслав видит возникновение древней трагедии *из жертвы* и тризны по этой жертве.

Комедия тоже должна кончат<ь>ся смертью героя, но вопреки его желанию, не вытекающей из его подвига, в этом комедия (Марсий¹⁷).

[Поэт будущего [настоящий] необходимо музыкант-актер]

Вяч<еслав> добав<ляет>: вся религия христианства есть тризна жертвенной смерти Спасителя (обедня выражает это). Вагнер говорит, что Шекспир должен сочетаться с Бетховеном.

У Бетховена в 5 симфонии выражено приобщение человека к общему через смерть.

Затем Вячеслав говорил о «Володаре». Ключ к нему — он «всечеловек», и он должен кончить трагической смертью — вытекающей отсюда с необходимостью.

Сегодня, кажется, Вячеслав на первую ступеньку меня допустил, т.е. сообщил свои мысли тотчас по их появлении, и я счастлива. <...>

Villa Java. 19 Июня/2 Июля 1902. Среда. 12 ½ ночи.

<...> Лидия только что прочла начало новое в «Чертозе» — приход всей гурьбы в <1 нрзб> — до размышлений Опалина в келье — о величии математики. Чудные, грандиозные страницы ею написаны. Таланта полна она, моя Лидия, и каждый раз, к<a>к слушаешь, прощаешь ей все, за что сердиться на нее, за что так больно обижаешься — невнимательный, значит, она человек через талант свой.

После урока Вячеслав много говорил, кабы сумела сказать я, о чем они говорили — говорили о том, что он устал от истории — от прошедшего, что он бежал из Греции, что ему тяжело было бы быть теперь в Италии, что нельзя жить прошедшим все. Что человек <1 нрзб> исчерпал все прошедшее, нельзя требовать и жить мертвым мрамором. Нельзя жить историей дня настоящего. Прошедшее пережито, и воспринято, и отошло. Теперь надо изучать душу человека, надо изучать Шекспира. Т.к. я, конечно, только с интересом слушала и молчала, то он устал говорить, устал в данный момент переживать к<a>к бы все прошедшее, устал под тяжестью, и совсем заволновался — мы пошли для успокоения в мой «уют» смотреть голондуев, пришла и Лидия. Голондуев не смотрели, а Вячеслав снял со стены «Астарту» и зачаровывался ею. Лидии она не нравится, но Вяч<еслав> и я не наглядимся на соединение вечности и мгновения в ее взгляде. Absolutayes и страсти ее взгляда и губ. Ее пережитому, и ее юности, и ее всечеловечности.

Надо было опустить письмо в Charmilles. Пошли Вяч<еслав> и я. Лидия осталась писать. В Charmilles зашли в кафе — выпить пива. По дороге и там говорили о моих занятиях по искусству. Вяч<еслав> по моей просьбе назначил <?> мне несколько тем:

«Идеализм или <?> мистицизм в искусстве после Рафаэля и до прерафаэлитов», т.е. отыскать его существование».

2) Разобрать с этой точки зрения карт<ину> Рембранд<та> «Сцена в Эм<м>аусе».

3) Сделать очерк и изучить Рожер Ван дер Вейдена.

4) Теньер и его влияние на прерафаэлитов. <...>

Обещал после того, к<a>к он сделается известностью, мне протекцию. Затем начал говорить о предположении его и Лидии издавать журнал, проповедующий дионисизм.

Пили и за мою работу, и за дионисизм. Я пришла, опьяненная и пивом, и горизонтами.

Говорил Вяч<еслав> на обратном пути о работе рус<ских> за границей, о влиянии этой работы на Россию.

О том, что постепенно национальности исчезнут, будет лишь европейский человек (Ничше) и национальность сохранится лишь (Вячеслав) в возрожденной поэтом песне. И великое значение России в том, что она всечеловеческое.

Villa Java. 16/3 июля 1902. Среда

Вчера Вяч<еслав> задумал сделать вместо «Ниобеи» одной — Трилогию, т.к. иначе тесно было бы, развить все нельзя было бы.

Сегодня мучился переустройством. Сейчас, слышу, говорит Лидии учащенно: «Понимаешь! Понимаешь!» — оказывается, сложил в уме зерно первой части Трилогии. Пер<вая> ч<асть> будет носить название «Тантал», вторая «Ниобиды» и третья «Ниобея»¹⁸.

РГБ. Ф. 109. Карт. 43. Ед. хр. 6. Л. 31—47.

¹ «Издевки», «Насмешки» (фр.).

² Гравюра с картины В.М. Васнецова, висевшая у Ивановых (см. п. 376). Была прислана М.М. Замятниной в Англию в 1900 г. (см.: Интермедия (IV)).

³ Данная запись фрагментарно (равно как и запись от 17/30 июня) опубликована Г.В. Обатниным среди записей о ранних замыслах «Повести о Светомире царевиче», которая писалась Ивановым, по имеющимся сведениям, с 1928 г. и до конца жизни, однако так и осталась незаконченной. Трудно сказать, насколько замысел был определен в 1902 году, но упоминание имен ее героев, как кажется, весьма существенно. См. также: *Обатнин Г.В.* Из материалов Вячеслава Иванова в Рукописном отделе Пушкинского Дома // Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 1991 год. СПб., 1994. С. 32—34.

⁴ См. п. 392, прим. 17.

⁵ Пьеса Л.Н. Толстого (1890).

⁶ От фр. *approfondir*, углублять.

⁷ Размышлять (фр.).

⁸ Предмете искусства (*фр.*).

⁹ Романс Ф. Остроги на стихи Пушкина (см. п. 436).

¹⁰ Речь явно идет о песне Ф. Шуберта на стихи Гёте «Der König in Thule» (1816). См. п. 466, прим. 5.

¹¹ Репродукция с картины С. Боттичелли.

¹² Комедия Н.В. Гоголя (1835).

¹³ Разделы книги «Кормчие звезды». В окончательном варианте раздел «Дифирамбы» получил название «Евіа».

¹⁴ Коммуна в Женевском кантоне.

¹⁵ Неоконченная трагедия Иванова.

¹⁶ Большое искусство (*фр.*).

¹⁷ В греческой мифологии — сатир, достигший необычайного мастерства в игре на флейте и вызвавший на состязание Аполлона. Победив Марсия, Аполлон содрал с него кожу.

¹⁸ В окончательном варианте трилогия должна была состоять из трагедий «Тантал», «Ниобея» и «Прометей», причем вторая так и осталась неоконченной.

Иванов — Замятниной

№ 1-а.

9.Г'03

Четверг через 2 часа по отъезде

Узнав, что Л<идия> только что отослала с Острогой без моего ведома картолину и завидуя, что № 1 остается за ней, спешу настрочить в свою очередь «открытку» (как выражаются окружающие вас ныне друзья), чтобы констатировать, что все мы сиротливо повесили нос, что, видимо, повлияло и на настроение Остроги! Столь уныло начало нашей переписки! Опечаленный яванец¹. Я занимаюсь одновременно санскритом и диктовкой Вере².

РГБ. Ф. 109. Карт. 9. Ед. хр. 33. Л. 6. Отметим, что значительная часть писем 1903 года использована в кн.: *Богомолов Н.А.* Вячеслав Иванов в 1903—1907 годах: Документальные хроники. М., 2009, а также в предшествовавших публикациях: *Toronto Slavic Quarterly* (интернет-журнал), № 22—23.

¹ То есть обитатель виллы Жава (Ява).

² Следует приписка В.К. Шварсалон.

Зиновьева-Аннибал — Замятниной

Пятница 27/14 Янв. 03. № 2.

...Вячеслав слег тотчас после твоего отъезда: то же, что у меня. И по сей день то встанет, то ляжет. Но настроение хорошее.

Сегодня и вчера работал трудный урок санскрита, но шибко устал. На последнюю лекцию едва съездил и слег. Ничего, в гостинной так удобно болеть и ухаживать за больным. <...>

Кончила вполне отделку главы «Чертоза». Завтра буду переписывать. Прочитала внимательно всю книгу «En route»¹. <...>

РГБ. Ф. 109. Карт. 23. Ед. хр. 11. Л. 8, 9 об.

¹ Роман Ж.-К. Гюисманса «В пути» (1895).

Зиновьева-Аннибал — Замятниной

Среда. 28 Янв. № 3.

4 часа. Вяч<еслав> сегодня весь день в постеле <так!>: озноб и боли в лице и голове. Ломает инфлюэнца. <...>

Разве я такая, какую являлась перед тобою? или Вячеслав тот, каким видела его ты? Он давно глубоко изменился, и в Греции мы прожили месяцы в высокочеловеческом воздухе. Но что-то есть в нашем союзе, при всей несомненной любви нашей, что роняет в нас человека и что, значит, грёшно и безобразно. <...>

Еду в Россию и письмо со мною. Вторая телеграмма вызвала, потому что пишут, что мать *узнает* всех.

РГБ. Ф. 109. Карт. 23. Ед. хр. 11. Л. 13 об, 14 об — 16. Письмо было отправлено 2 февраля из Берлина.

Зиновьева-Аннибал — Замятниной

Вильно

Не лучше ли тебе <...> как можешь скорее переписать так же чудно, как первую главу, и *вторую*. Во всяком случае, самые скверные листы ее. И снести Перцовы <так!>¹. Если они² честные люди, т.к. честно стремятся к своей цели, то не могут не обрадоваться <так!>: и идеи, и стиль в их духе: я только что прочитала повесть Соловьевой-Allegro «Племянница»³. Это не *к идеям*, а к стилю относится. Надо бы им дать гранки и прямо *вторую* главу. <...> *Очень* надеюсь на «Нов<ый> Путь». Светлый мог бы быть луч этот журнал, и если бы нас допустили в него, мы могли бы поднять его на высоту, о которой мечтают его начинатели. Надо всё

испробывать <так!>, чтобы в него пробиться — вот мое мнение. Не съездить ли к Розанову и не поговорить ли задушевно с ним обо мне и о В<ячеславе> как о глубоких союзниках и прочитать ему несколько филос<офских> стихотв<орений> и также из «Райской матери»⁴. Словом, ты знаешь, как поступать — лишь загорись.

Я бы к ним подошла смелее <?> с точки зрения «братского знака». Быть может, стоит повидать еще Волошина⁵ и вместе с ним Розанова или кого иного? <...>

РГБ. Ф. 109. Карт. 23. Ед. хр. 11. Л. 86—87. Письмо писалось на возвратном пути из Петербурга в Женеву. Штемпель: Вержболово. 18.1.03.

¹ См. п. 495, прим. 10.

² Имеются в виду сотрудники журнала «Новый путь», с которым Иванов и Зиновьева-Аннибал стремились наладить контакт.

³ Новый путь. 1903. № 1. С. 82—108.

⁴ Раздел в книге «Кормчие звезды».

⁵ М.А. Волошин познакомился со стихами Иванова в 1902 г. в Париже, у А.В. Гольштейн. Весь январь 1903 г. он находился в Петербурге, и в его записной книжке сохранилась запись о намерении встретиться с Замятниной (вероятно, для того, чтобы взять экземпляр «Кормчих звезд» для А.И. Косоротова). Лично Волошин и Иванов познакомились 13/26 июля 1904. См.: *Купченко В.П.* Труды и дни Максимилиана Волошина: Летопись жизни и творчества 1877—1916. СПб., 2002. С. 107.

Зиновьева-Аннибал — Замятниной

№ 3 (с возвращения)

Мы думаем об очень широком издательском предприятии, но еще не решились и еще выжидаем прием Сборника, чтобы решить. Но, милая, и мудрая, и спасительная Маруся, пойми, что времена круто изменились, что тишина и отвлеченность от мира нашей жизни должна роковым образом прекратиться со дня выхода Сборника, и иное должно быть направление всех наших усилий теперь, в особенности твоих. Теперь думаю также еще по-другому об желательности помещения «Пламенников» в «Нов<ом> Пути», да оно и невозможно. *Но сближение с Новопутейцами более нежели желательно* ввиду дальнейших наших планов в особенности. Поэтому делай всё, чтобы проникнуть к ним, напри<ер>, к Розанову и «зажечь костер в ночи», «братский знак». Моим романом, т.е. его помещением, можно пользоваться как предлогом, а еще лучше, нельзя ли самой, *для своего интереса* попасть в ка-

кой-либо салон этих господ и также «Мира Искусства» и искусно говорить о нас со стороны Братского знака. Понимаешь? <...>

Мы оба очень устали, почти больны. Дети здоровы. Вчера был Вебер много часов: он говорит о Сборнике как о книге «монументальной», а Гольштейн пишет, что плакал над «Перстью». Изумительно: Европа и Россия. <...>

Да, Щукин предложил Вяч<еславу> читать курс в Парижск<ой> Русской школе. В принципе Вяч<еслав> согласен: вопрос времени.

РГБ. Ф. 109. Карт. 23. Ед. хр. 11. Л. 21—23 об. В оригинале письмо не датировано. Номер означает, что оно третье после возвращения Л.Д. из Петербурга. Приблизительно его можно отнести ко времени около 2/15 февраля.

Зиновьева-Аннибал и Иванов — Замятниной

16 февр. 03

В<ячеслав> вел весь дом в ежовых и всем друг. Все его хвалят, и он *очень* спокоен нервами — даже со столояром (за клетку) у мирового судился и, кажется, победил.

<Приписка ВИ>: Дорогой друг, спасибо вам за то, что Вы так пригтели Л<идию> в Петербурге. Дорогой друг, нам *необходимо*, чтобы вы остались в *Петерб<урге>* еще довольно *долгое* время, — как ни хочется увидеть вас опять скорее среди нас. <...>

РГБ. Ф. 109. Карт. 23. Ед. хр. 11. Л. 24. Открытка.

Зиновьева-Аннибал — Замятниной

22 Февр. 03

<...> Что же это. Не верится. Но и если не возьмут мой роман, всё равно великое дело уже совершилось тем, что Мережковский так признал «талант» Вячеслава и позвал его в сотрудники en ргпсире и послал привет! Скажи ему, что на экземпляре Сборника, ему посланному <так!> написано греческое* приветствие ему от Вячеслава.

* Рукой Иванова вставлено: стихотворное.

Дорогая наша, видишь ли, как много ты сделала для нас. Да, кстати, скажи Мережковскому от меня, что граф Прозор спрашивал меня перед моим отъездом в Россию, знакома ли я с Дмитрием Серг<еевичем> и что если да, то передать ему от графа привет.

Сотрудничество в «Нов<ом> Пути» для нас великое счастье, ибо даст нам возможность высказывать себя, свое мирозерцание, но не одиноко, а как бы «in Bech und Glied». Словом, говорить нечего: это счастье, счастье, и я боюсь ему верить. <...>

У нас тут тоже замечательные события: Вячеслава пригласили в Парижскую русскую школу (свободный русский университет) читать курс по Истории Религий, и были очень довольны его предложением прочитать: [Религ] [Греческая] «Религия и поэзия Страдания в древней Греции», или, быть может, под другим заглавием: «Религия Страдающего Бога в древней Греции». Он теперь готовится к лекциям. В середине Марта поедет в Париж работать в библиотеке, а в Апреле прочитает лекций [10 или] 12, считая по две лекции в неделю. Это очень выгодная вещь, как для известности и знакомств, так и для того, чтобы, как он сам говорит: «вентилировать» свои матерьялы и домыслы на их основании. Затем эти лекции могут быть в виде статей напеча<та>ны. Ты, если представится случай к тому, упомяни об этом в «Нов<ом> Пути»: это *цель* читать в русской школе в Париже. Как видишь, жизнь наша поворачивает в другую колею! Нельзя больше хорониться в чистой тишине. Санскритские упражнения Вячеслав хочет продолжать из Парижа письменно. Мы оба находимся в очень мужественном и энергическом состоянии, чему не вполне соответствует здоровье. Но я надеюсь на то, что правильное, ровное напряжение Вячеслав сумеет вынести благополучно. Его ведь ослабляет больше всего всякий беспорядок, и волнения, и решения¹. <...>

РГБ. Ф. 109. Карт. 23. Ед. хр. 11. Л. 25—27.

¹ Более подробно о событиях этого времени см. в упомянутой книге Н.А. Богомолова.

Зиновьева-Аннибал — Замятниной

23 Февр. Понед.

Марусенька, работаю как бешеная над перепиской. Вяч. помогает. Хочу завтра выслать «Чертозу» и *предпоследнюю* главу, т.е. жертву Ирины. Она прекраснее всех остальных и в ней уже наме-

чен весь конец романа, даже почти *всего* цикла частей. *Ты должна заставить* Мережковского прочитать ее. Даже если он уже успел отказаться от романа. Ради Бога, настой <так!> на этом просто по человечеству, даже не для журнала, но упроси его прочитать.

Волнение наше сильное. В особенности волнуется Вяч<еслав>. Он никогда из-за своей книги *так* не волновался. Где же бранили его? *Непреренно разыщи.*

РГБ. Ф. 109. Карт. 23. Ед. хр. 11. Л. 30 и об.

Зиновьева-Аннибал — Замятниной

№ 7 (кажется) 24-ого (кажется) Февр. 03

Ты задала нам огромный труд. Вячеслав, имея 16 стр. санскрита, еще мне помогал перепиской и выслушиванием и советами. Ну, вот дело: «Чертозу» вышлю завтра. Сегодня высылаю 1) главу последнюю, но не до конца (эта часть ее самая важная и заключает все намеки на конец).

2) отрывок из главы философской, и к нему прицеплен *exposé* о философии Оп<али>на и предстоящей ей эволюции. Если *не* отказано в «Нов<ом> Пути», то снеси тотчас и объясни 1) что завтра принесешь образчики *юмора*, иначе роман был бы слишком однообразен. 2) что могу по их желанию прислать и *самый* конец.

Если *отказано*, то всё-таки (конечно, ели нет *полной* безнадежности), сходи к Мережковскому и попроси его по-человечески посмотреть присланное. <...>

Какое *счастье* если Мер<ежковский> искренний человек! Глубокое было бы счастье найти братьев по Порыву и идти вместе. Мучительно не знать, стоишь ли на пороге *счастия* или горького падения неожиданно, но так сладостно родившейся надежды. И когда ты получишь это письмо, уже всё будет у вас решено! <...> Понимаешь ли ты всю важность возможности печататься в журнале, и именно в их журнале?

Месяцами большими глотками заставляя выпивать свое «наложение»; такая или иная *известность* неминуемая и пропаганда Сборника и его изъяснение и заполонение «Нового Пути» сильною, обильной струей моего романа. Это значит *быть* «Новым Путем». Но молчу, молчу. <...>

Вебер написал письмо Бенуа, где высказал бесконечно высокое мнение о *труде* Вяч. для языка, и философии, и стиля, но очень объективно и убедительно.

РГБ. Ф. 109. Карт. 23. Ед. хр. 11. Л. 32—34 об.

Иванов — Замятниной

Шт. Женева 7.III.03

Замысел наш (который, Вы говорите, угадывали) был в том, чтобы издание лидиной лирико-философской эпопеи производить сравнительно небольшими последовательными выпусками, имеющими форму почти периодического издания (под именем, думали мы, «Д И О Н И С»), в котором — пока что — единственными сотрудниками были она да я, причем я поставлял бы для этого издания поэтическую (в смысле стихотворной) и философскую (в смысле формы) часть. Содержание первого выпуска было бы:

Пламенники. — «Славящая». — Гл. I—III, роман Л.З.
Тантал, трагедия Вяч. Иванова.
Афоризмы, В.И.

Содержание второго

Пламенники. — «Славящая». Гл. IV—V.
«Греческая религия страдающего бога»
и т.д.

Предприятие необычное! И притом: «*du sublime au ridicule il n'y a qu'un seul pas*»¹. Быть может, «Пламенники» проиграли бы в действии от дробления. Есть много *contra*

Думать об осуществлении его нужно было бы осенью.

Первые отпечатанные главы романа так бы и вошли в издание, со своей пагинацией. Только продолжением были бы уже *moi* вещи. Форма книги та же.

Вот для *возможности* такого предприятия и нужно было бы предварительно *sonder le terrain*².

Во-первых, как посмотрят на самую возможность такого издания в литер<атурных> кругах?

Далее, — нет ли издателя? Не заинтересовался ли бы этим «Мир Искусства», — не дал ли бы денег — как пай, что ли — и имя издательское, — вернее, не предпринял ли бы сам что-нибудь в виде литературных книжек, в союзе с нами и на нашей базе....

Здесь, конечно, я могу только *entamer la question*³, и нельзя ничего поручить Вам в смысле *demarches*⁴. Но Вы должны знать, что желательно было бы нам выведать, — и должны *подумать* сами.

Целую Ваши руки, обнимаю с горячей благодарностью. Вячеслав.

РГБ. Ф. 109. Карт. 9. Ед. хр. 33. Л. 11 об — 12 об.

¹ От возвышенного до смешного всего один шаг (*фр.*).

² Прощупать почву (*фр.*).

³ Затронуть вопрос (*фр.*).

⁴ Демаршей, действий (*фр.*).

Зиновьева-Аннибал — Замятниной

Б.д.

Вячеслав назначил начало своего курса на Фоминой и, вероятно, на Святой уезжает. Но может быть и до Пасхи. Пока ему здесь много матерьяла в библиотеке и даже дома (из Берлина выписано). Работает он отлично. Благо, теперь санскрит кончился. Только порядочно повозился он с моей I-й главой... <...> Критика Мережк<овского> принесла мне глубокую пользу. Я смогла *свежим* взглядом взглянуть на эту еще из старых времен притянутую главу и не нашедшую себя в простоте и убедительности своих истин.

РГБ. Ф. 109. Карт. 23. Ед. хр. 11. 39 об — 40. Речь идет о подготовке парижского курса лекций Иванова.

Зиновьева-Аннибал — Замятниной

26 Марта / 8 Апр. 03

Мы с ним три раза уезжали на целый день. Вчера, например, после панихиды были в Bellerive, долго в лесу и у озера и ужинали там. В Воскресенье одно — в Негмансе уже на границе Франции в дивной, тающей красоте. Курс Вячеслава (три лекции почти написаны) мне *очень* нравится. При видимой глубокой эрудиции и научной крепости он полон «духа». Я счастлива.

<Рукой Иванова>

Нужно иметь

<Вписано позднее:> Полное собр<ание> соч<инений> Вл.

Соловьева.

Пока что, Маруся дорогая, купите:

Вал. Брюсов, Tertia Vigilia;

Ив. Бунин, Листопад;

Сев. Цветы за 1901 и 1902 гг. <Вычеркнуто, потом восстановлено>

Добрлюбов, стихотв<орения>

Работы *Лернера* и *Брюсова* о Пушкине и новые сборники стихов *Гиппиус, Мережковского и Бальмонта*

*Пишибышевский Homo Sapiens*¹.

Целый капитал, черт возьми, на питание «ядовитой гадины»². Но «положение обязывает», как говорит Батюшков, — которого «положение» — между двух стульев — обязывает..... (?)³. Нетерпение у меня великое стиснуть Вас, друг, в змеиных кольцах моих объятий. Вяч.

РГБ. Ф. 109. Карт. 23. Ед. хр. 11. Л. 50 об — 51 об.

¹ Все означенные книги, кроме «новых сборников стихов», помечены (Замятниной, видимо) галочками как купленные.

² Имеется в виду книгоиздательство «Скорпион».

³ Речь идет о Ф.Д. Батюшкове и его позиции относительно творчества Иванова и Зиновьевой-Аннибал (см. подробнее в основном тексте переписки).

Зиновьева-Аннибал — Замятниной

28 Марта

Приехала неожиданно Александра Васильевна и, конечно, весь день пошел как в кипятке <...>

Алекс. Вас. рассказывает о новых картинах Редона. <...>

РГБ. Ф. 109. Карт. 23. Ед. хр. 11. С. 52, 53 об.

Иванов и Зиновьева-Аннибал — Замятниной

Суббота, 25/12 Апр. '03

Дорогая Маруся

Сидим с Лидией рядом и одновременно пишем на двух сторонах листа, отчего толкаем друг друга и не все выходит, б<ыть> м<ожет>, разборчиво.

Очень счастливы вашей телеграммой, благодарим и поздравляем с победой!

6 часов, через два часа едем на вокзал, провожают меня в Париж. Первая лекция в понедельник 27/14 Апр<еля> в 10 ч... Silence, silence

.....*

Уезжайте с миром.

В.

Спасибо за восхитительную лукутинскую табакерку!

Зная, что я не лишен иногда дара предчудния <так!>, вы не удивитесь, что в среду после концерта камерной музыки и именно одного квартета Бетховена мы с Лидией avons soupré au champagne в Café de la Poste¹, справляя заранее что-то такое, что представлялось мне как ее победа в «Скорпионе»...

Я надеюсь, что Вы все устроили мудро, относительно условий, и надеюсь также, что решение «Скорпиона» окончательное и действенное. Обнимаю. В.

Дорогая Маруся.

Где ты? Только что отвез молочник корзину Вячеслава, полную книгами, новыми одеждами и всяким богатством, и сели тебе писать. Через 2 часа выезжаем провожать самого лектора на Cognac² к парижскому поезду. Он было прихворнул, но 1 ½ грамма хины его быстро выправили. Вчера утром совершилось невероятное. Пили у бабушки за Скорпиона!

Ругаю тебя за гнусного немецкого зеленохвостого яичногрудого красноспливого петуха.

Вячеслав, заметив час (2.40 утра) отправки твоей депеши, решил, что ты с Скорпйонщиками ужинала в трактире и, напоив их пьяными, читала «Пламенники» до тех пор, пока в диком огне они все не закричали: «Полное издание!» Да, странный час! Сча-

* Точки Иванова.

стие мое велико, главное — нравственная поддержка совсем чужих людей моего 8-милетнего труда. Вячеслав меня изводит, дразня «Скорпионица». Ты сама сумеешь, конечно, все устроить как можно практичнее. Привези *огурцев* русских и *морсу*. Если ты еще в Москве, узнай, нет ли хорошей девушки в прислуги (язык!) для <нрзб>.

Целую. Бесконечно благодарная и любящая Лидия.

РГБ. Ф. 109. Карт. 9. Ед. хр. 33. Л. 23—24. Написано после получения от Замятниной известия о том, что «Скорпион» взялся за издание «Пламенников» без предварительных условий.

¹ Ужинали с шампанским в кафе «У Почты» (*фр.*).

² Вокзал в Женеве.

Зиновьева-Аннибал — Замятниной

1.V.03

Милая Маруся, уже не знаю, застанет ли тебя это письмо в Мюнхене. Как видишь, я не уехала, увы, в Париж. Причина — болезнь Христины. Грустно, потому что мне было бы любопытно познакомиться с Брюсовым <так!>, и вообще все, что пишет Вячеслав, манит меня. Дети же устроены, кажется, прочно. Как мне обидно, что Вячеслав и все давно читают «Сев<ерные> Цветы», а я должна ждать, пока ты сообразишь приехать. Также не имею «Мира Искусства», несмотря на все просьбы и на то, что писала, что мне *необходимы* новинки. <...>

РГБ. Ф. 109. Карт. 23. Ед. хр. 11. Л. 61. Открытка из виллы Жава в Мюнхен. Датируется по штемпелю.

ПЕРЕПИСКА
1903

482. Зиновьева-Аннибал — Иванову
18/31 января 1903. Франкфурт

8.45. веч. Франкфурт.

Нахожусь на духовной родине Miss Tupper¹. От Базеля сюда всё время было очень тяжело: жара, дамы сердитые и бойкая головная боль, антипирин и минуты плохой дремы. Здесь сходила в спальный вагон: милейший заведующий им сам велел мне испытать счастье на своем старом месте (*все дамы вышли*), т. как сегодня мало пассажиров, «Samstag»², и всегда он мне даст постель в случае нужды ночью: 10 марок. Отослала депешу брату. Не держи Костю для уроков в гостиной, если жарка саламандра³: он от этого совет.

С тобою я нераздельна, мучительна и доверчива без надежды, но и без отчаянья. Целую нежно, и всех дорогих поцелуй, все в моей душе, скажи им, постоянно слежу за вами, в драгоценной семье.

Твоя Лидия.

Открытка. Штемпели: Frankfurt. 4.2.03. — Genève. 6.11.03. Задержку с отправлением письма из Франкфурта объяснить затруднительно.

¹ Дочь миссис Тапер, у которой жил С.К. Шварсалон во время обучения в Лондоне, была учительницей музыки и окончила консерваторию во Франкфурте-на-Майне.

² Суббота (*нем.*).

³ Керосиновая печь.

483. Зиновьева-Аннибал — Иванову
19 января / 1 февраля 1903. Берлин

Salve¹ orasempre

Телеграмма. Помета: Consigné le 1.2. 1903 a 8 heures 17 min. du m<atin>.

¹ Привет (*лат.*).

484. Зиновьева-Аннибал — Иванову
19 января / 1 февраля 1903. Вирбаллен

agatituchi¹

Телеграмма из Вирбаллена (Wirballen; русское название — Вержболово, пограничная станция между Россией и Германией) в Женеву. Помета: Consigné le 1.2. 1903 a 12 heures 20 min. du m<atin>.

¹ Неточно разобранный телеграфистом текст дублируется в п. 485: «Agathy Tuchy», т.е. «В добрый путь» (*древнегреч./новогреч.*).

485. Зиновьева-Аннибал — Иванову
20 января / 2 февраля 1903

«Сидим и попиваем»¹, т.е. сию перед стаканом мутного жидкого чая, прогнанная через строй симпатичных². Всё в порядке и всё на месте. У кассы билетной симпатичный прогнал милого <?> носильщика, бравшего раньше меня кому-то билет: «Эй рабочий, пошел в сторону... Дурак, не понимаешь, что ли. Пусти барыню». Глупое огромное стадо мужиков польских в передниках и смазных сапогах похож<е> на стаю мясников. Стая симп<атичных> и стая таможенных. Запах смазных сапог в залах и запах прелого чаю в ресторане. Запертые двери и глупый грубоватый тон. Вот «матушка»³. За паспорт заплатила 15 р. 15 коп. и теперь всё в порядке в отношении финансов. Ехала недурно, даже хорошо в III кл<ассе>. Весь вечер дремала одна в отделении, а днем имела потрясающую беседу с одной немкой (вдвоем) только что (еще молодой и тихой, средней руки) потерявшей единственного ребенка — сына 16 ½ лет от influenza⁴. В глубоком трауре и совсем растеряна. Возвращается после похорон (где-то в чужом месте) к мужу. Имеет возможность жить заработком мужа хорошо и потому му предстоит дни пустоты ужасающей. Нет надежды на рождение

другого ребенка. Я ей советовала принять сироту. Она осветилась и говорит, что думала. Я ей рассказала про Еленушку и George Kerrel⁵, и очень она была потрясена этими мыслями, и что Богу угоднее любовь к чужому ребенку, чем к своему, и что жизнь коротка и неизвестно, лучше ли смерти со своими изменами, злом и разлукою, и что кого Бог любит, того берет рано. Она жала руки мои, уходя, и едва не пропустила станцию. Она глядела в окно еще утром при других, когда рассказала свое несчастье, и говорила: «Wie schön ist der Frühling und er wird ihn niemals sehen»⁶, и потом я ей напомнила ее слова и сказала, что и я плакала о том же. Это тоже очень волновало ее. Дорого было бы знать, что с нею будет дальше. Видишь ли, как страшно. Смерть, смерть, всюду смерть. Надо или без мысли, как животное, или вырываться, как пламя из факела. Что же ты думаешь о хоре Христов <?> в «Н<о-вый> Путь»?⁷ есть ли письмо от Мережк<овского>⁸ или что-либо от Маруси об этом.

Я очень советую послать в принципе, но лучше я сама увижу в Петербурге Батюшкова⁹ или кого иного. Целую. Берегись: так опасна эта болезнь. И Оле вели беречься. Радость, жизнь, целую. Веру и детей обнимаю.

Лидия твоя.

Телеграмма была «Agathy Tuchy»¹⁰.

Еще целую. Лидия.

Конверт, адресованный на виллу Жава, штемпели: Почтовый вагон 20.I.1903. — Genève. 4.II.03.

¹ Источник цитаты не установлен.

² Имеются в виду русские жандармы.

³ То есть «матушка-Русь».

⁴ Гриппа (*фр.*).

⁵ То есть о покойной дочери и планах усыновить английского мальчика (подробнее см.: Интермедия (IV)).

⁶ Как прекрасна весна, а он ее никогда не увидит (*нем.*).

⁷ Иванов раздумывал, не предложить ли только что открывшемуся журналу «Новый путь» (1903—1904; в 1905 издавался под названием «Вопросы жизни») стихотворение «Хор духов благословляющих» (в книгу «Прозрачность» вошло под загл. «Хваление духов благословляющих»), отданное в конечном итоге в альманах «Северные цветы» и там напечатанное. Ср. п. 495, а также письмо М.М. Замятниной к Ивановым от 14/27 марта 1903: «Вячеславино стихотворение, посланное в “Нов<ый> Путь”, там напечатано не будет. Брюсов просил разрешение напечатать его в Сборнике “Северные цветы”, учавств<уют> <так!> Мережк<овский>, Гипиус <так!>, Брюсов, Бальмонт. Печатать надо сейчас, т.к. Сборник должен выйти к Пасхе, ответа Вашего ждать нельзя, и я разрешила. Сказала, что имею полномочие в издательских делах» (РГБ. Ф. 109. Карт. 19. Ед. хр. 17. Л. 87 об).

⁸ Первое известное нам письмо Д.С. Мережковского к Иванову датировано 20 марта (ст. ст.) 1903. См.: Переписка Д.С. Мережковского с В.И. Ивановым / Публ. и коммент. Н.А. Богомолова и М. Цимборской-Лебоды // Studia Rossica VII. W kraju i na obocznynie. Literatura rosyjska XX wieku. Warszawa, 1999. S. 81—82. Из него следует, что Иванов предлагал в журнал неизвестные нам «Афоризмы» и работу «Эллинская религия страдающего бога» (в конце концов опубликованную там).

⁹ Федор Дмитриевич Батюшков (1857—1920), историк литературы и литературный критик. Иванов рассчитывал на то, что книга «Кормчие звезды» привлечет его внимание и будет им самим или кем-то из авторов редактировавшегося им журнала «Мир Божий» отрецензирована (вероятно, причиной этого было то, что Батюшков печатал стихи Иванова в журнале «Cospopolis», редактором которого был). Однако план потерпел неудачу, о чем см. в дальнейших письмах (п. 494 и далее). Ср. также сведения о плане Е.В. Дегена написать рецензию на «Кормчие звезды» для этого журнала (Переписка с Гольштейн. С. 365).

¹⁰ См. п. 485, прим. 1.

486. Зиновьева-Аннибал — Иванову 20 января / 2 февраля 1903

10 утра. Пон<едельник>. Спала хорошо. Сделала туалет и принесли стакан кофе. Режицы <?>¹. Изумительная вещь: нет снега. Оттепель. 12 ч<асов>. Ну вот, близко, должно быть, Луга². Поезд тянется без шума и качки, глухо, но без остановок, поля странные, слишком печальные без снега. Перо мое не движется. Дочитывала «Юльяна»³. Хороши описания. Хорош, кажется, характер глуповатого, безвольного, сухого Юльяна. Но плохо, что Мер<ежковский> не знает Греции, не ведает Диониса и всё во-зится с Аполлоном *очень поздно* времени. И *духа* нет в книге.

Неразрывно с тобою.

Целую. Orasempre.

Открытка. Штемпели: 19.I.1903, почтовый вагон. — Genève. 5.II.03.

¹ Уездный город Витебской губ. (ныне Резекне, Латвия), железнодорожная станция.

² Город Петербургской губернии.

³ Роман Д.С. Мережковского «Смерть богов (Юлиан Отступник)» (1895).

487. Зиновьева-Аннибал — Иванову 20 января / 2 февраля 1903

Еще купила картолину. Тоскует душа, и хочу ее слово тебе сказать, и нет слова. Но ты не волнуйся: ведь это письмо придет

к тебе лишь на 4-й день, и всё до тех пор будет иное. Какое? не знаю, но иное. Луга через 3 часа; там и опушу. Я себя чувствую совсем иной, чем прежде, при Марусе. У меня большая, тугая энергия на малое и большое. Думаю кое с кем повидаться. — 6 ч<асов>. Вот Гатчино <так!>¹. Доти, не забудь послать для Саша² посвящение. Добудь из соломен<ной> Маруси сложенные вчетверо тонкие листки, кот<орые> я посылала Гольшт<ейну> о 8-м, и пошли мне³.

Бог с тобой. Спешу. Твоя Л.

Открытка. Штемпели: 19.1.1903, почтовый вагон. — Genève. 5.II.03.

¹ Город Петербургской губ. Точное название — Гатчина.

² Имеется в виду А.Д. Зиновьев, брат Зиновьевой-Аннибал.

³ О чем идет речь, нам неизвестно.

488. Иванов — Зиновьевой-Аннибал 20 января / 2 февраля 1903. Женева

Понед. 20 Янв. / 2 Февр. 03

№ 1

Дорогая Радость! Все у нас хорошо и благополучно. Будь спокойна. Мы оба, быть может, преувеличивали трудность положения. Оля еще лежит, хотя и порывается встать и действовать. Я ее удерживаю. Христина справляется сравнительно легко и гладко. Она ведет себя очень спокойно и мило. Между тем она делает большое усилие — не потому, чтобы работа и заботы ее подавляли — вовсе нет, — а потому, что она также кандидатка в grippés¹. К вечеру у нее разбалывается голова, и глаза всегда мутные, и легкое недомогание постоянно; если однако у нее объявится настоящий грипп, то она, вероятно, только заменит Олю в «палате больных», а может быть все и так обойдется. Очаровательная и спокойно, серьезно деятельная Вера, наша председательница за столом во время герас², сегодня пошла с утра в школу, но если случится какое-нибудь затруднение по хозяйству, она останется дома, и этого будет достаточно, чтобы придать устойчивость и порядок внутренней жизни виллы Java. Из того, что Костя с нами, что Вера начала ходить регулярно в школу, что сегодня все же состоится урок Остроги, — ты можешь убедиться, до какой степени у нас все в порядке. Заботу причиняет мне больше всего именно Вера: 3 раза в неделю (по понед<ельникам>, вторни-

к<ам> и пятницам) ей нужно быть в школе с 8 часов: сегодня, например, первый урок — рисование, завтра — немецкий. И хотя она не жалуется на большую усталость, вид у нее сегодня немного утомленный, и голова временами побаливает. А сегодня нужно еще вернуться в школу пополудни. Не знаю, пойдет ли дело на лад. Если голова будет часто болеть, нельзя будет продолжать регулярное посещение школы. Напиши, как тут быть. Я в день твоего отъезда уже был на ногах. Пришел проведать нас Острога, с предложением взять на следующий день (воскресенье) детей на прогулку, чтобы способствовать устройению нашего смятого бурей коллективного существования, но от этого предложения, разумеется, мы отказались. Христина сочла возможным угостить его и ужином, и мы проболтали с ним до 12-го часа вдвоем. Я чувствовал себя, правда, очень разбитым и дрожал как в лихорадке; но на другой день мне было совсем хорошо. Сегодня я еще не выхожу, но немочь, кажется, миновала совсем. С Острогой мы все беседовали об искусстве, я развивал взгляды на будущность лирики, как *grand art*³. Курьезно, что он увлекается очень моим «Под деревом кипарисным» (просил разъяснения!) и «Святой горой»⁴.

От тебя — вестями твоими живем и дышим — имел сегодня картолину из Франкфурта и телеграмму из Вержболова⁵. Сегодня к вечеру ты должна быть в Петербурге. Как-то приедешь, и что найдешь? С тобой постоянно. Orasempre.

Твой Вячеслав.

Передай мой глубокий и сочувственный привет Елизавете Николаевне, брату, Эмме Васильевне⁶. Желаю тебе мужества и доброго часа.

В.

Отправь от себя сборник Яковлеву, Пабст, Зиновьевым⁷ — *dédicases*⁸ посланы Марусе.

Целую В.*

¹ Гриппующие (*фр.*).

² Еды (*фр.*).

³ Большого искусства (*фр.*).

⁴ Стихотворения Иванова, вошедшие в «Кормчие звезды».

⁵ Открытка из Франкфурта нам неизвестна (она явно не может быть отождествлена с п. 482); телеграмма из Вержболова — п. 484.

⁶ Елизавета Николаевна Зиновьева — жена А.Д. Зиновьева; Эмма Васильевна — компаньонка матери Зиновьевой-Аннибал.

* Приписка (от слова «отправь») сделана карандашом.

⁷ Знакомые и родственники Зиновьевой-Аннибал.

⁸ Посвящения (*фр.*).

489. Зиновьева-Аннибал — Иванову 21 января / 3 февраля 1903. Петербург

Встретил меня Степан, мамин «человек», и тотчас сказал, что мама поправляется. Приехали. Мама лежала в зале на постели, и когда я вошла, поглядев на меня, вдруг улыбнулась такою глубокою во всё бедное растерянное лице улыбкою, и тотчас же заплакала (она никогда не плачет), но говорить не умеет. И при каждом имени ребенка, и при имени отца всё вновь принималась трогательно плакать. Сознание ушло вглубь и проявляется где-то из глуби, но *мою* улыбку и *мои* слезы, за которыми я хотела ехать на край света, мне Бог дал, и сердце полно через край. Было воспаление пузыря. Стенки разрушаются, вряд ли она выживет долго, доктор говорит вряд ли *месяц*. Осталось с неделку, *не больше*. Здесь все рады мне горячо и добро. Особенно волновали ее разговоры о Вере <?>. Что она понимает, нельзя узнать, но то плачет, то кричит, когда упоминаешь дорогое имя.

Господь с нами. Всё, что нужно, свершилось, и счастье мое велико. Да, она стала кричать, когда меня уводили обедать, почему я вернулась.

Открытка. Штемпели: С. Петербург 21 янв. 1903. — Genève. 5.II.03.

490. Иванов — Зиновьевой-Аннибал 21 января / 3 февраля 1903. Женева

Вторник, 3 Февр. / 21.I.03

№ 2

Милая Радость!

Какое неожиданное, чудесное счастье! «Convalescente! Reconque»¹. Телеграмма пришла с непонятною скоростью, в 10-м часу или даже в 9. У меня были Острога и Вебер². Мы хорошо беседовали, философически. Сегодня письмецо Александры Васильевны, прилагаемое³, и ответ немедленный от меня — успокоительный, утешительный, между прочим и о Маке⁴. О Яше⁵ я забыл

вчера сообщить удовлетворительный результат справки по телефону. Лев Ник<олаевич> сказал, что жар значительно уменьшился; сегодня он собирался выехать в Ментону, успокоенный за сына. Сегодня твоя картолина с жалобами Митре на безобразие Немцев. Вчера письмецо с берлинскими впечатлениями⁶. С нетерпением жду петербургских вестей от тебя. Телеграмма была нам всем здесь великой радостью. Вера была у дедушки и успокоила старика доброй вестью. Бедняжка, она сегодня, хозяйничая с кофе, обожгла руку и поплакала; не может сегодня играть и писать. Зато в школе голова не болела. Вебер думает, что посылать ее в школу не нужно, если голова будет побаливать. Сегодня я в первый раз вышел погулять в Petit Saconnex. Была чудесная погода, но биза. Санскрит меня в эти дни не беспокоит. Ольштрассер⁷ оказался также жертвой «d'une violente grippe»⁸ одновременно со мной, и Saussure⁹ имел вакацию. Сегодня пишет Сережа, впрочем письмо его лучше перешлю.

Оля сегодня встала, зато Христина ненадежна — но уверяет, что здорова¹⁰.

Целую Жизнь и Радость. Orasempre.

¹ «Поправляется! Узнала» (фр.). Текст телеграммы, полученной от Зиновьевой-Аннибал из Петербурга (см.: Переписка с Гольштейн. С. 361).

² Лев Николаевич Вебер (1870—1956), врач, сын А.В. Гольштейн от первого брака. Оставил воспоминания: *Weber-Bauler Leon, dr. From Occident to Orient: Memoirs of a Doctor. Lnd., 1941.*

³ Письмо нам неизвестно.

⁴ Имеется в виду письмо от 3 февраля 1903, в котором излагаются обстоятельства семейной жизни, небесполезные для понимания всего контекста переписки февраля 1903 г.: «Вчера вечером получаю от Лидии телеграмму — прямо чудесную: “Convalescente. Reconnie”. Итак, Софья Ал. и поправляется, и узнала ее! В последнее время до болезни она почти не узнавала. Какое утешение! <...> Мария Мих. вообще собиралась вскоре навестить своих. Она ускорила отъезд вследствие внезапного зова родственников, возобновления недомоганий и нервных кризисов “Юлаши” и т.д. Лидия уступила ей черед отъезда <...> Нервы ее в эпоху ее гриппа и бронхита достигли чуть не крайних пределов болезненного напряжения, появились бессонницы, страхи, angoisses, удушья, и т.д. и т.д. <...> Но с уездом Маруси стала чувствовать себя гораздо лучше, спокойнее и энергичней занялась текущими делами. Это факт, что Маруся, которую мы так любим, такую привязанностью, но которая так бесконечно разны от нас “реагирует на жизнь”, — действует на наши нервы фатально» (Переписка с Гольштейн. С. 361). Мака — прозвище Л.Н. Вебера. Следует отметить, что в цитированном выше письме упоминаний о нем нет.

⁵ Сын Л.Н. Вебера.

⁶ Ни одно из упоминаемых писем не сохранилось. Митра — древнеиранский мифологический персонаж, выступавший также как бог Солнца.

⁷ Судя по контексту, коллега Иванова в изучении санскрита у Ф. де Соссюра. Никакой информации нам собрать не удалось; в официальных списках студентов он не числится.

⁸ «Сильного гриппа» (*фр.*).

⁹ Фердинанд де Соссюр (Ferdinand de Saussure; 1857—1913), швейцарский лингвист, исследователь индоевропейских языков. О занятиях Иванова санскритом под руководством Соссюра см.: Переписка с Гольштейн. С. 340; Ziffer Giorgio. Il poeta e il grammatico: Un biglietto di Ferdinand de Saussure fra le carte di Vjačeslav Ivanov // *Russica Romana* 1994: 1. P. 189—191; *Бонгард-Левин Г.М.* Индия и индологи в творчестве Вяч. Иванова // *Вестник истории, литературы, искусства.* М., 2008. Вып. V. С. 201—218.

¹⁰ См. в цитированном выше письме Иванова к Гольштейн: «Я оправился от гриппа, и Оля уже встала. Всякие rechutes <рецидивы — *фр.*> и пр. возможны, Христине все неможется, но все это не мешает правильному ходу нашего домашнего корабля» (Переписка с Гольштейн. С. 361).

491. Зиновьева-Аннибал — Иванову 23 января / 5 февраля 1903. Петербург

Дорогой мой, сегодня два слова: мама хуже узнавала меня. Был доктор: сказал, что может тянуться и несколько месяцев, но не больше. Я очень ослабла и весь день лежала, тоже нога болит и доктор очень осторожный (Лиза заставила меня показать) велел мне отдохнуть несколько дней, так что вероятно выеду в Понедельник. Должна кончать. Маруся ангел. Твоя Лидия.

Только тобой живу, всех <?> целую.

Открытка. Штемпели: С.Петербург 23 янв. 1903. — Genève. 8.II.03.

492. Зиновьева-Аннибал — Иванову 23 января / 5 февраля 1903. Петербург

5.II.03

Je t'ecris encore un mot en toute hâte pour te dire que la malade a bien passé la nuit et que probablement tout ira bien. Sois donc tranquille et j'essais <?> vous revoir Jeudi matin.

L.I.

Открытка. Штемпели: С.Петербург 25 янв. 1903. — Genève. 10.II.03.

Перевод:

Я пишу тебе в спешке еще одно слово, чтобы сказать, что больная хорошо провела ночь и что, возможно, все пойдет хорошо. Будь поэтому спокоен и я попробую <?> вас снова увидеть в Четверг¹ утром. Л.И.

¹ Четверг приходился на 30 января / 11 февраля.

493. Зиновьева-Аннибал — Иванову 23 января / 5 февраля 1903. Петербург

Тоти, какой ты нехороший Mâtyit <?>¹. Вот Четверг, а я приехала в Понед<ельник>, и нет из дому письма. Пропало? Это ужасно тяжело. Вчера вечером были обе Юлии² и Маруся. Маруся принесла мокрые гранки, которые при ней же отпечатавались³. Мы прокорректировали до ухода Оп<али>на. Сегодня Маруся у Батюшк<ова>. Скоро вернется — рассказать.

6 ½ веч<ера>. — Маруся уже давно была, и результат плачевен свыше всяких ожиданий. Коловрат<ов> гений перед своим оригиналом! Батюшков раскрыл книгу на «Ступенях Воли» и прочитал: «Рыжей птицей стен рудых»⁴, и сказал Марусе, что критики он не напишет, потому что это *не* поэзия и ты эрудит. Что раз я твоя жена, то он вперед знает, что не может поместить моей вещи. И, о Вебер, о Вебер! как он был прав⁵. Мужайся, мы, вероятно, будем одни, и всю жизнь, быть может, но что за беда. А Маруся нам верный друг, и глубже, чем сама то знала, и должна быть связь между нами глубже, чем мы понимали, почему мы одни ей жизнь и воздух, а всё здесь плесень и тоска. Мы решили, что она вернется, чтобы жить с нами на иных основаниях. Пока есть переписка романа и кое-что по хозяйству, и она постарается о переводе, и в деньгах, кроме стола и самой скромной одежды, не нуждается.

Ее нельзя отогнать, она вся дрожит и звенит нам, и даже говорит, что то толкование tat twam asi⁶ было последним выкриком <?> оптимизма, и что жить ужасно, и что даже дух не веет.

Все-таки Бат<юшков> сохранил рукопись. Даст ответ в Понед<ельник>. Кстати и ноги отдохнут, я тут всё больше лежу.

Смертельная тоска — нет писем. Даст Бог, будет завтра.

9 ½. Иду спать. Маруся еще пришла, и вся сияющая, от Котляр<евского>⁷, который был сильно затронут твоей книгой: она ему указала некоторые стихи. Она сама скажет тебе. Очень уста-

ла и ложусь. Целую. Прости скушные письма. Скоро буду говорить.

Лидия.

Датируется на основании письма М.М. Замятниной к Иванову от 4 фев<раля н.ст.> 1903: «Была сегодня у Батюшкова, он, миленький, еще не удосужился углубиться в “Сборник”, вследствие чего, бегло просмотрев его в редакции, предпочел отзывать не писать. Не читая Сборника, он предположил, что Вы нитшеянец, “а ведь Нитше надо принимать cum grano salis” <С осторожностью — лат.>, — говорит он. В результате визита я усиленно ему посоветовала научиться думать, буквально так, и публику научить тому же. Что публика у нас думать не умеет, он согласился, но выходило, что не умеет думать и продумывать и он, Батюшков. <...> Прочсть роман Лидин он обещал и очень извинялся, что говорит мне прямо, что думает, и любезен был очень, да проку-то от этого не выйдет никакого.

Котля, вот, меня так утешил, очень заинтересовался Сборником, после того, к<а>к при мне прочел по моему указанию несколько ваших вещей. (Я ему Сборника не пожертвовала, но у меня был с собой с надписью для В. Беляевск<ого>). <...>» (РГБ. Ф. 109. Карт. 19. Ед. хр. 15. Л. 4 и об). На следующий день, 24 января / 5 февраля она же сообщала: «Вернувшись от Лидии, у кот<орой> сиюх всякую возможную минуту, нашла у себя пакет от Батюшкова с гранками и рукописью Лидиной и приложением письма, с отказом, конечно» (Там же. Л. 6). Упомянутые в письме Котля — Н.А. Котляревский (см. ниже прим. 7), В.А. Беляевский — брат О.А. и Ю.А. Беляевских.

¹ На «детском» языке — мальчик.

² То есть Ю.М. Замятнина и Ю.А. Беляевская.

³ Речь идет о гранках набравшегося в типографии «Нового времени» романа «Пламенники».

⁴ См.: I, 596.

⁵ Отзыв Л.Н. Вебера нам неизвестен.

⁶ Имеется в виду дистих этого названия, посвященный А.В. Гольштейн (I, 642). Согласно примечанию Иванова, «tat twam asi (Упанишады) значит: “Это (именно каждый отдельный индивидуум) — ты (сам)”» (I, 861). Толкование этого стихотворения, сделанное М.М. Замятниной, нам неизвестно.

⁷ Нестор Александрович Котляревский (1863—1925), литературовед, в это время преподавал в Александровском лицее; впоследствии — академик. Близкий знакомый М.М. Замятниной.

494. Иванов — Зиновьевой-Аннибал 23 января / 5 февраля 1903. Женева

№ 3

Четверг 5 февр. / 23. I. 03.

Дорогая Радость! Известий от тебя из Петерб<урга> все еще нет. Приходят впечатления дороги¹. О них скажу, что так жить нельзя. Нельзя жить абсолютным, и нельзя жить без «ahamkâga», что значит в санскрите «делание я, самоутверждение я, центро-

бежная, эгоистическая, самоохранительная сила». Ты человек необыкновенный, пробужденный, поэтому нужно беречься. Сегодня у нас твоя англичанка². Я вышел утром с ней познакомиться. Она вовсе не приятна и не *distinguée*³. Была лекция Saussure'a — продолжение последней до болезни. Он спрашивал о нашем здоровье. Был и блудный сын — Chantre⁴. Во время обеда я был у дедушки, избегая общества англичанки. Вручил ему свою книжку, которой он нетерпеливо ждал. Он обедал при мне и сначала хандрил, а потом очень оживился. Только что искал я в соломённой Маруське листиков, что ты посылала Гольштейну; но их там, к моему смущению, не оказалось — чуть ли Гольштейн не забыл вернуть их?⁵ [Вче<ра>] Приходил столяр и заявил, что завтра утром привезет клетку и будет ее устраивать. Вчера я пустил барышень на бал русский. Изволили выбыть в 11 ½ ночи (раньше не собрались) и вернулись около 6. Перед их балом сам я был на *récital* Willy Rehberg'a⁶. Было очень хорошо. *Davidsbündlertänze*⁷ Шумана и соната Шопэна — особенно первые — мне нравятся, но соната Бетховена ор. 53, знакомая мне, (т<ак> наз<ываемая> «l'Aurore»⁸) была aus einer höheren Region⁹, и я не знал, что ее так можно сыграть; и вообще Бетховен был как единственный. Шуман и Шопэн принадлежат веку, который интерпретирован в лирике Гейне и Мюссе. Это значит, что они нас удовлетворять не могут. А для Бетховена только что зачинается заря. Шопэн причем лично узок, от него даже душно. «Хор благословляющих духов» я отослал еще в день твоего отъезда Перцову¹⁰. Я просто пробую почву — тверда ли она на «Новом Пути» для моих откровений. Кстати, на другой день по твоем отъезде, [№] в последнем № «Нового Времени» читаю сатирические стишки «Бенедикта»¹¹:

«Новые Пути»

Я приблизился к распутью,
Весь объят невольной жутью:
Предо мною два пути...
Два пути — и оба новы,
На обоих я основы
Новой жизни мог найти
Вьются те пути, как змеи,
Тот правее, тот левее

и т.д.

На левом пути «машинист развязный Нил» (понимай: Горький), —

Наступая всем на ноги,
 «Не давай другим дороги» —
 Вот что значит новый путь.
 Повернул я взор правее,
 Вижу путь еще новее:
 Шли там с верою слепой,
 Облачась во власяницы
 И потупивши ресницы
 Люди странные толпой.
 Шли, подобно мрачным теням,
 Подымаясь по ступеням
 В царство новой красоты
 В новой истины чертоги.
 Их <так!> проворнее, чем ноги
 Уносили их мечты
 Но на зло их нетерпенью
 Был над каждою ступенью
 Там на страже некий чорт

и т.д.

Дальше намеки на статью Мережковского о Чичикове-чорте¹².

Если бы о моих стихах кто-нибудь говорил раньше в печати, я бы не сомневался, что «Бенедикт» вдохновился «Eritis sicut dei» («и приведен к распутью, глядел я в дол, влеком мерцающею мутью») и «Сфинксом»¹³.

А впрочем, меня собираются, кажется, игнорировать не в шутку.

«Нов<ое> Вр<емя>», видно, решило делать по два неплатных анонса в месяц. Это строговато, при 40%. К сведению Марусе!¹⁴

Обнимаю ее. Ей кланяется усердно [дедушка] Дмитрий Васильевич.

Целую Радость. Берегись простуды. Люблю.

OraSemp<re>

Здесь Острога, и похвалил Костю за то, что он видимо работал.

Письмо, отделившееся от основного фонда и хранящееся: ИРЛИ. Ф. 94, № 76. Текст сообщен Г.В. Обатниным и сверен с автографом.

¹ Скорее всего, имеется в виду п. 493.

² Об этой гувернантке-англичанке (из п. 511 узнаем ее имя — miss Codac) у нас сведений нет.

³ Благовоспитанна (*фр.*).

⁴ В списках студентов факультета литературы и социальных наук Женевского университета значится «Chantre, Ami, Genève, boulevard du Théâtre, 8». Более подробных сведений собрать о нем не удалось.

⁵ См. п. 487.

⁶ (На) концерте Вилли Реберга (*фр.*). Willy Rehbürg (1863—1937) — пианист, композитор, профессор в Женевской консерватории.

⁷ «Танцы давидсбюндлеров» (*нем.*). Фортепианный пьеса Р. Шумана (1837). Давидсбюндлеры — члены воображаемого общества, придуманного Шуманом для себя, в которое входили Моцарт, Паганини, Шопен и др.

⁸ Бетховен назвал сонату «Вальдштейн», ибо она была посвящена заказчику графу Вальдштейну, но во Франции по старой традиции она называется «L'augoge» («Заря»).

⁹ Из высшей области (*нем.*).

¹⁰ См. п. 485, прим. 7. Петр Петрович Перцов (1868—1947), журналист, искусствовед, формальный издатель журнала «Новый путь».

¹¹ Бенедикт — постоянный псевдоним литератора Николая Николаевича Вентцеля (1856—1920), регулярно печатавшегося в «Новом времени». Отметим, что в 1912 г. появилась его пьеса «Лицедейство о господине Иванове» (перепеч.: Русская театральная пародия XIX — начала XX века. М., 1976), имеющая в виду события личной жизни Иванова. Цитируемые далее стихи опубликованы: Новое время. 1903. 12 (25) января. Иванов цитирует их практически точно.

¹² В дальнейшей части стихотворения Бенедикта читаем:

Чтоб хитрей завлечь в пучину,
Бес, надев порой личину,
 Был на беса не похож.
Тот, под видом Хлестакова,
Врал как будто бестолково,
 Но была коварной ложь.
Занимая пост свой твердо,
Бес, — по виду Держиморда,
 Ждал, чтоб там, где шум возник,
Бойко действовал по скулам,
И никем, как Вельзевулом
 Был Дмухановский-Сквозник.

Слова о «Чичикове-черте» относятся к статье Д. Мережковского «Судьба Голя» (Новый путь. 1903. № 1—3).

¹³ Стихотворения из «Кормчих звезд» (I, 572—574, 644—660).

¹⁴ Речь идет о рекламе «Кормчих звезд», печатавшихся в типографии «Нового времени». М.М. Замятнина должна была (как и О.А. Беляевская) контролировать деятельность склада и типографии.

495. Иванов — Зиновьевой-Аннибал
24 января / 6 февраля 1903. Женева

Пятница 6. II / 24. I утром

№ 4 (?)*

Милая Радость! Конечно, ты знаешь, как тронуло меня твое письмецо, открытое¹, с вестью о первом свидании с твоей милой, милой матерью. Не такими ли будут наши души после смерти? — то дремными или смутно боящимися и страждущими, то радостно трепещущими и бессознательно, блаженно утешенными каким-то родным, знакомым лучом? Я не знаю, как ты сможешь расстаться и покинуть ее. Оставайся при ней, сколько можешь, не считая времени, и о нас не думай; нам хорошо. Вот что захотел я написать тебе тотчас по прочтении твоих строк о матери, чтобы ты так и знала, и так бы поступала, а не спешила домой, волнуясь за нас и вырываясь от нее с болью. Впрочем, все делай в меру своих сил, береги свою бедную душу, не подавляй ее; отбрось только житейские попечения² о семье, смотри на единственно-существенное и живое.

Прилагаю листочки Александры Вас<ильевны> только что полученные³. Съезжу для нее в Lancy⁴. Вчера вечером Острога ужинал и в 10-м часу пошел на audition к Mme Zibelin. Имеют же терпение: она — давать auditions des élèves⁵, а он — на них присутствовать! Вот «колесо» существования! Он играл Шумана и Бетховена. Дети очень интересуются музыкой.

Курьезно знать о твоих литературных démarches⁶? Удостоилась ли ты узреть Коловратова⁷? Поедешь ли с письмом А<лександр> В<асильевны> к Бенуа⁸? Это мне представляется немножко неприятным. Тебе однако это знакомство также полезно. О Марье Вас<ильевне>⁹ поговоришь; он в своей «Ист<ории> русской живописи / искусства (?)»¹⁰ много говорит о ней. Как бы то ни было, нам необходимо создать в Петерб<урге> некоторую почву для своей дальнейшей деятельности; нужно, чтобы нас знали и уважали, некоторый «succès»¹¹ нужен.

Целую, как люблю. В.¹²

Получено ли вчерашнее письмо?

Твои листки нашел в бумагах на столе.

* Знак принадлежит Иванову.

Конверт с пометой: Recommandé <Заказное>. Адрес: Madame S. de Zinovieff. Ее Высочайшей Александриной Зиновьевой (для Лидии Дм. Ивановой) Большая Московская, 13. С.-Петербург. St. Pétersbourg / Russie. Envoi de Mr V. Ivanov villa Java, Châteleine, Genève. Штемпели: Genève. 6.II.03 — С.Петербург. 27.I.03.

¹ П. 489.

² Разговор о «первом свидании» Л.Д. с матерью и просьба отбросить «житейские попечения» отсылают к началу стихотворения Вл. Соловьева «Три свидания» (1898). «Отбрось только житейские попечения» вторит молитве, называемой «Херувимская песнь».

³ Имеется в виду недатированное письмо (Переписка с Гольштейн. С. 362—363).

⁴ В упомянутом в предыдущем примечании письме Гольштейн писала: «Ради Бога, сходите к Хилкову <...> и возьмите у него мою книгу <...> Он обещал мне переслать ее и до сих пор не получаю ничего, хотя писала ему. <...> Книга Е.А. Соловьева “В раздумьи”. <...> Адрес Хилкова: Grand Lancy 181 près <de> Genève» (Переписка с Гольштейн. С. 363; Дмитрий Александрович Хилков (1857—1949) — толстовец, основатель секты «духовных христиан»). 15 февраля Гольштейн написала: «Я еще не поблагодарила Вас за хлопоты из-за книги у Хилкова. Спасибо, теперь все получила» (Переписка с Гольштейн. С. 364).

⁵ Ученические прослушивания (*фр.*).

⁶ Демаршах, хлопотах (*фр.*).

⁷ Персонаж «Пламенников», прототипом которого был Ф.Д. Батюшков. См. п. 494 и прим. к нему.

⁸ В цитированном письме А.В. Гольштейн писала: «Лидии послано письмо с просьбой передать <...> 1 экз. Бенуа (Мир Искусств.) с моим письмом» (Переписка с Гольштейн. С. 362). Александр Николаевич Бенуа (1870—1960) — художник, искусствовед. О встрече М.М. Замятниной с ним см.: *Богомолов Н.А.* Цит. соч. С. 20—21.

⁹ М.В. Якунчикова.

¹⁰ Иванов написал название труда Бенуа так, чтобы было ясно: он забыл точное название. Книга именовалась: «История живописи в 19 веке. Русская живопись», ее два тома были изданы в 1901—1902 гг.

¹¹ «Успех» (*фр.*).

¹² На полях последней страницы имеется приписка, сделанная В.К. Шварсалон: «Дорогая мамочка, крепко тебя целую у нас все хорошо. Я целую бабушку, дядю Сашу и тетю Лизу. Я всех целую».

496. Зиновьева-Аннибал — Иванову

Между 22 и 24 января / 4 и 6 февраля 1903. Петербург

Понед. 2 часа.

Вчера забыла сказать, что когда я рассказывала, что ты не можешь встать, мама вдруг начала жалобно кричать. Милый, кто знает, что она понимает, и что она думает, и *как мучается*. Лучше об этом не думать. Это слишком ужасно. Сегодня жар совсем спал. Но был кризис, когда пульс совсем остановился. Ка-тет <?> стенки пузыря уничтожается, и это обыкновенный конец

при таких болезнях, но наверное не знаю. Завтра будет доктор. Ты же <?> поговори с Вебером. Милый, писать тебе весь ужас, всё болото, всю муку здешних людей и их отношений не могу. Намекну лишь, что из всего болота сплетен и ненависти встает призрак страшного романа и глубокого распада в семье любителя боя быков. Я просто ненавижу его и не.....*¹

10 веч. Славенька, не могу писать. Я скоро выеду, думаю, в Субботу. Мне здесь нечего делать. Мама, когда я встретила ее сегодня, засмеялась и заплакала, потом я сказала: «Я с тобой», и она повторяла: «Ты со мной». Я: «Бог с тобой», она «Бог со мной», и всё жала руку. А потом понемногу всё стала сердиться, кусать меня, бранить.. но когда я стала прощаться, опять жалко расплакалась, потом завыла. Маруся была 3 раза. Она, конечно, добрый гений наших несчастных дел, неутомима и умна куда больше нашего. Я ничего не могу сделать. Всюду одно суждение: «Трудно, надо думать, непонятно...», и всюду *интерес* огромный, и желание изучить, что-то затягивает. Анюта² добрая, но грубая и никуда не движется: получила на платье 20 р., т.к. недостаток платья, по ее словам, мешает ей пойти в один дом, где много женихов. Гревся³ уверял, что никогда не обещал снести книгу Аретм. <?> и что лучше тебе ему послать. Но Мар<уся> убеждала его в обратном.

Быть может, из душевного мартириолога <так!> сегодняшнего дня больше всего поразило меня известие, что Пульдохус <?> *потопилась* в Фонтанке.

Я повидею Батюшк<ова> и Воронину⁴. Больше никого.

Целую нежно.

Вся твоя

Лидия.

Точной датировке письмо не поддается: Зиновьева-Аннибал пробыла в Петербурге со вторника 21 по понедельник 27 января (ст. ст.) 1903 г., т.е. помета «понедельник» не может соответствовать действительности.

¹ Что здесь имеется в виду, мы не знаем.

² А.Н. Шустова.

³ Шуточно переименованная фамилия И.М. Гревса.

⁴ С Ф.Д. Батюшковым Л.Д., сколько мы знаем, не встречалась. О личности Ворониной у нас сведений нет.

* Точки Зиновьевой-Аннибал.

497. Зиновьева-Аннибал — Иванову
24 января / 6 февраля 1903. Петербург

24 Янв. / 6 Февр. 02 <так!>

Вот утро пятницы, и нет письма. Жестоко. Чистилище. Или у вас совсем ужасно, или почта, каналья, в России совсем бесстыжая. Не мог же ты не писать мне 4 дня подряд. Еще надеюсь на вечернюю разноску писем. Но впереди весь день. Сегодня вечером будет у матери доктор и посмотрит мою ногу. Ей, по-моему, *совсем* хорошо, и хоть сейчас выезжай, но доктор этот ужасно осторожный. Всё-таки надеюсь на воскресенье или понедельник, тогда Бог даст, буду дома в Среду или в Четверг (поезд ведь вечерний отсюда). С ногой было легкое затвердение в вене, и, испугавшись каких-либо последствий при напряжении и задержек, я обратилась к доктору. Но это пустяки, только из благоразумия и жажды попасть домой скорее я осталась лежать сначала на кресле, а вчера и сегодня (до обеда хоч) даже в постели, чтобы удобнее задрать ногу и не двигаться. Совсем, совсем сегодня не болит, и вся вена мягкая. Это, верно, от слабости после инфлюэнции. То же самое было после того же у молодой, здоровой Паниной¹. Да, у Веры будут дела, если уже не пришли (кóкó). Добровольская² не велела больше *лежать*, но, думаю, всё же так лучше сделать: *второй* день лежать, *третий* встать, но *не ходить* в школу. А в *первый* день одеться тепло и сходить в школу *раз*. На четвертый идти спокойно в школу, а на 7-й можно на бисиклете. Саша увидел у меня книгу и взял ее себе вчера вечером с большим любопытством. Поймет ли что. Да, ничего еще не умею предсказать! Всё-таки смешно <?> думать, что *значительность* s'impose³ на людей, но они как-то бьются испуганно и иные отлягиваются. Хревся прекрасен! О нем ни слуху ни духу⁴. Маруся была у него и сказала, что я больна, и он сказал, что зайдет ко мне. Но думаю, что уеду, не повидав «друга» пополюе⁵.

— 10 веч. Доти, в 1 час дня было дорогое письмо⁶. Вечером был доктор и окончательно успокоил меня относительно ноги, разрешив выезжать в Воскресенье, но у мамы оказался маленький затек легкого, что грозит возможностью воспаления... сегодня уже после доктора пульс повысился, температура тоже, и рвота... Так что новая и страшнейшая болезнь матери может задержать. А может и обойтись. Собственно, глупо, что я пишу это, когда еще ничего не известно и всего вероятнее, что это обойдется: доктор же уехал совершенно спокойный. Доктор очень хороший, знаю-

щий, ученый, добросовестный и даже как человек глубокий. Потом расскажу. Много, слишком много есть что сказать. Моя душа скорбит глубоко, даже глубже, чем знаю. Лице моей матери годилось бы в модель для скульптуры: Истома Жизни.

Маруся совершенно в Преображении! И мое спасенье!

Какое счастье было мне твое письмо и знать, что ты так полагаешься на Веру. Целую вас обоих и детей и Олю и Христину. Твоя Лидия.

Анюта часами возле меня. Она славная, верная, но грубая при всей чуткости любовной и на нервы очень тяжело действует.

¹ О ком именно идет речь, мы не знаем.

² См. п. 398, прим. 2.

³ *Здесь*: воздействует (*фр.*).

⁴ См. письмо И.М. Гревса к Зиновьевой-Аннибал от 28 января, где он писал: «Все дни стремлюсь к Вам, но опять хвораю — еле сил хватает ходить по обязанностям» (История и поэзия. С. 254).

⁵ Так и произошло. 17 февраля / 2 марта Гревс писал Иванову: «...истомлен совершенно непосильною работою; она именно заставила меня опоздать повидаться с Лидией Дмитриевной, которой не могу не выразить огорчения за то, что не нашла она времени известить меня, когда уезжает» (История и поэзия. С. 255).

⁶ Имеется в виду только что полученное п. 494.

498. Зиновьева-Аннибал — Иванову 26 января / 8 февраля 1903. Петербург

Τό παύτα ωρέω, καρο¹. Выезжаю завтра в Понед<ельник>. Буду в Четверг. Не надо встречать, не смотри поезда. Я приду сама к вам. Застой в легком прошел и состояние остается хроническим в почках и хронический легкий жар, но при бесконечной заботливости можно продержать эту усталую душу довольно долго в своей тюрьме. Я здорова, но *не могу* нравственно никого видеть. Письмо Коловрат<ова> (О мой коловратик, какой ты гений перед твоим прототипом!) привезу. Очень им горжусь². Я первая получила ушат помоев. Бат<юшков> заклятый твой враг, но безграмотный до невероятия.

Со мною вместе попалась и Гиппиус³.

Не надо с Верой много толковать о гол<овной> боли, думаю. Лучше зараз, и можно наблюдать ее. Целую нежно. Лидия.

¹ Вечно прекрасный, дорогой (*зреч.*, *ит.*). Третье слово верно должно писаться *орайо*; последнее представляет собой итальянское слово *саго* (дорогой), записанное греческими буквами.

² См. письмо Ф.Д. Батюшкова (с припиской А.И. Куприна) к М.М. Замятнинной от 24 января 1903:

Многоуважаемая

Марья Михайловна

Согласно Вашему желанию стал читать роман «Пламенники», но, к сожалению, скоро убедился в его непригодности для нас. Все-таки передаю на просмотр А.И. Куприну, прося его в приписке сообщить свою резолюцию.

Вы спрашивали, почему я встаю против фабрикации новых слов и насилования языка? Да просто из уважения к процессам сложения языка и, если хотите, предубеждения против всяких приемов в духе волялюка. Продолжаю думать, что «Пламенник» — слово несуществующее, а если говорят «любовник», то этим еще не оправдывается образование по аналогии «пламенник». Ведь, напр., искусственное слово «соусник» еще не уполномочивает говорить «конфетник» вместо ящика с конфетами и т.п. А затем выражения «кудели» во множественном числе, тогда как кудель слово собирательное; «волосы *замолчали* у висков»; «внимательные и благосклонные губы» и т.п. — все это вычур и только. Баловалась такими фокусами Гиппиус, но, кажется, и она замолкла. Героиня восклицает: «Надо кликать, надо кликать», — но это очень рискованно: как бы не прослыть и соответствующим производным эпитетом — кликуши, что может оказаться и совершенно несправедливым по отношению к автору, но ляжет тяжким обвинением на героиню. Когда последняя говорит, что «все, что не небо на земле — обман нашего испуга» — «или упрекнешь меня молчаливо?» — я следую указанному совету, и это все, что я могу сделать. Возвращаю при сем гранки и рукопись и прошу верить совершенному уважению и преданности

Ф. Батюшков.

Прочитал «Пламенники» и совершенно присоединяюсь к мнению Федора Дмитриевича.

А. Куприн

(РГБ. Ф. 109. Карт. 12. Ед. хр. 12. Л. 3 и об; на л. 5—6 — копия, сделанная Замятнинной)

Вероятно, Замятнина отвечала на это письмо (текста в нашем распоряжении нет) и получила в ответ следующее:

29/1 1903

Литейный 15

Многоуважаемая

Мария Михайловна,

Вот и привел Вас, окольным путем, к признанию, которое мне очень хотелось от Вас услышать: Вы на словах отстаивали, что можно «сочинять» язык, что пора нам освободиться от рабства установленных выражений и т.п. Я прибегаю к шаржу, и очень рад был услышать от Вас аргументы иного рода, т.е. Вы доказываете, что слово существует, а не изобретено. Со своей стороны могу сделать ссылку и по поводу слова «вычур» — не изобретенное мною, а взятое у Ап. Майкова: форма оригинальная, но все же существующая. Я намеренно употребил ее. Затем позвольте напомнить, что я отнюдь не позволил себе давать эпитетов автору, а отнес именно к героине рассказа вывод, который могли сделать читатели, пораженные странным оборотом ее возгласа. Так как относительно одного пункта мы договорились, то мне остается лишь про-

сить извинения за то, что я прибеж к шаржу с целью довести Вас до признания, которого я, может быть, не услышал бы, оставаясь на почве отвлеченной аргументации. А об употреблении «собирает<ельных>» слов во множеств<енном> числе в оправдании формы «кудели» я все-таки буду спорить. Не теперь, конечно. Но вот первое неудобство стиля, в котором написана повесть: форма отвлекает от содержания, в такой мере отвлекает, что я совершенно не мог дать себе отчета в последнем, так как потребовалось бы вторично прочесть, чтобы заглянуть в суть. Точно так же — я не могу решить, в какой мере г. Иванов действительно поэт, когда, раскрыв наугад книжку, читаю такие строки: «Воля, ...приявшая зрак — Рыжего льва, — Он, с тяжким рыком...» Неужели это поэзия? Однако простите. Больше не буду.

С искренним к Вам уважением и преданностью

Ф. Батюшков (Там же. Л. 7—8; на л. 9 — копия рукой Замятниной). Цитата, приводимая Батюшковым, — из стихотворения Иванова «Поединок» (цикл «Рокоборец» (I, 543).

³ См. в предыдущем примечании письмо Батюшкова от 24 января.

499. Зиновьева-Аннибал — Иванову 16 февраля / 1 марта 1903. Женева

16 Февр. / 1 Марта 03

Это перо пишет приятно, как гусиное. Я очень им довольна! Вера молодец и любовная помощница. Тотиту перисто для стис-тов и виписот и заметат¹! От Лидии².

¹ Видимо, должно означать в переводе с «детского»: «Дотику перышко для стишков и выписок и заметок».

² На оборотной стороне листа пробы пера рукой Иванова: стих «Вы символы Судьбы стоящей на пороге», «Bâtarde» (незаконнорожденная — фр.); подпись (дважды), фамилия «Бальмонт» (латинскими буквами, повторена трижды) и др.

500. Зиновьева-Аннибал — Иванову 13/26 апреля 1903. Женева

26 Apr. 03

Бог в помощь!

Гадкий, худо было, холодно и тоскливо à la Merechkovsky¹. Не отдохнула, как мечтала отдохнуть. После Café de la Poste лучше отдохнула. Всё время еду, еду. Ты понимаешь. Не живу. Путь. И даже нет «цветов полей»², пыль, большая дорога, но коллея <так!> с выбоинами, и всё внимание посмещено, оттого время идет. Теперь три часа. Встала в 8 ½. Прочитала Евангелие с детьми и отправила Веру конвоировать младших к Веберу³. Сережа

утром навещал Fressler'a⁴. Теперь он дома, учится. Кристина больна спит (хотя ходила всё утро), жду Льва Ник<олаевича> с минуты на минуту. К четырем дети будут. Мальчики пойдут в футбол. Когда ты получишь это письмецо? *До* или *после*⁵. Вся жизнь с тобою.

8 час. веч.

События такие: Была с Сережей на бисикле у дедушки, оставивши записку в случае визита Fressler. Вызванная по телефону, примчалась в 4 минуты. Снова чудно езжу. Теперь обедал Острога. Мы пели «Erlkönig» и еще Schubert'a. Я привезу его вещи в Париж. Сережа сейчас едет провожать Fraessler'a и возьмет письма. Все целуем. Вся твоя.

Лидия.

От Маруси нет письма⁶.

¹ Наподобие Мережковского (*фр.*). Ср. характеристику романа Д.С. Мережковского «Юлиан Отступник» в п. 487.

² Вероятно, отсылка к строкам Пушкина, начинающим стихотворение без заглавия: «Цветы последние милей / Роскошных первенцев полей» (1825).

³ Видимо, дети были у Л.Н. Вебера как у врача.

⁴ Неустановленное лицо. Судя по контексту — врач, однако в списках женевских врачей того времени он не числится.

⁵ Имеется в виду — до или после первой лекции в парижской Высшей школе общественных наук, назначенной на следующий день, 27 апреля.

⁶ М.М. Замятнина в это время возвращалась из России в Женеву. Зиновьева-Аннибал нетерпеливо ждала ее, чтобы иметь возможность уехать к Иванову в Париж.

501. Иванов — Зиновьевой-Аннибал 13/26 апреля 1903. Париж

Воскр. вечером, в бюро «отельчика»

Дорогая Радость! Приехал очень скоро; хоть я не спал, а лежал всю дорогу в темноте. Париж встретил ненастный, грязный, безобразный и — милый. Здесь я почувствовал, сколько пережитого связывают меня с ним. У Гольшт<ейно>в меня оставили, а вещи поехали с Каролиной¹ в «отельчик»². Потом дома я переделал, потом стригся у прежнего куафера³ на rue de la Pompe и наконец, только в 12 ч<асов>, очутился у Щ<укина>⁴. Он был *очень* мил. Я у него нашел и спец<иальные> книги. Требуется, чтобы я каждый вторник *обедал* на его dîners fixes⁵. «Нам хочется про-

вести вас в совет школы». Комплименты стихам — они, говорит, очень здесь нравятся (?)*. Читал рецензию Брюсова⁶. Делать визиты не советовал, но А<лександра> В<асильевна> настаивала на визите Гамбаров⁷.

Мы поехали к нему вместе и нашли необычайную ласковость приема. Потом взяли фиакр и заехали к Ковалевскому⁸ в отель, где я оставил карточку (его не было по обыкновению дома). И завтракал, и обедал у Гольшт<ейнов>. Гамб<аров> убеждает читать у них зимой о *Риме*⁹. Целую тебя и всех дорогих.

В.

Открытка на адрес: Madame L.Ivanov. Villa Java, Châtelaine près Genève. Suisse. Штемпель: Paris. 27—4 03. Женевский штемпель отсутствует. Опубликовано в статье: Кузнецова О.А. К истории посвящений в сборнике Вячеслава Иванова «Прозрачность» (Русская литература. 2006. № 3. С. 99; с неточностями).

¹ Многолетняя служанка Гольштейнов.

² Видимо, тот самый, адрес которого указывается на письмах Зиновьевой-Аннибал: 89, rue de la Tour. Passy.

³ От фр. «coiffeur» — парикмахер.

⁴ Иван Иванович Шукин (1869—1909), выходец из известной купеческой семьи Шукиных (см. о ней: *Демская Александра, Семенова Наталья*. У Шукина, на Знаменке...[М., 1993]), коллекционер, автор искусствоведческих статей (в т.ч. в журнале «Весы»), лектор нескольких учебных заведений, в том числе Свободного университета в Брюсселе и Высшей школы общественных наук в Париже, где читал курсы «Религиозное и общественное движение в XIV и XV вв.» (1901/02 уч. год), «История христианства (первые 3 в.)» (1902/03 уч. год). О своем приглашении в Школу Иванов вспоминал: «Инициатором этого приглашения был покойный И.И. Шукин» (II, 21). Считается, что письмо с приглашением Иванова утеряно («Обнимаю вас и матерински благословляю...» С. 183), однако оно сохранилось (см.: *Богомолов Н.А.* Цит. соч. С. 60). Там же — сведения о других контактах Иванова с И.И. Шукиным. Ср. также письмо 166, прим. 3.

⁵ Обеды по определенным дням (фр.).

⁶ Имеется в виду рецензия В.Я. Брюсова на «Кормчие звезды» (Новый путь. 1903. № 3. С. 212—214; перепеч.: *Брюсов Валерий*. Среди стихов: Манифесты, статьи, рецензии 1894—1924. М., 1990. С. 74—75).

⁷ Юрий Степанович Гамбаров (1850—1926), юрист, специалист по теории права, один из ведущих профессоров Школы. В 1902/03 уч. году читал курсы «Энциклопедия права» и «Основные учения гражданского права».

⁸ Максим Максимович Ковалевский (1851—1916), историк, юрист, один из основателей Школы. В 1902/03 уч. году читал курсы: «Современные социологи», «Генезис политической экономики», «Очерк истории всемирной торговли в Средние века», «Очерк истории социальных систем в древности и в эпоху Возрождения», «История политических учений в древности и эпоху Возрождения в связи с историей учреждений».

* Знак принадлежит Иванову.

⁹ В программе Школы на 1903/04 уч. год были заявлены два курса Иванова: «Связь греческой мифологии с древнейшими философскими системами» и «История римских государственных учреждений» (сведения почерпнуты из печатной Программы, экземпляры которой хранятся в архиве Б.И. Николаевского [Hoover Institution of War, Revolution and Peace, Stanford]).

502. Зиновьева-Аннибал — Иванову 14/27 апреля 1903. Женева

10 час. Утра. 27 Apr. 03.

Это час окончания лекции. 10.55 по парижскому времени. Все в эти минуты уже подходят к тебе, возлюбленный мой, поздравляют, знакомятся, говорят, вероятно, приятные слова. А я здесь одна. Но не одна. Меня нет здесь. Я вся с тобою. Это ларва моя здесь. Я хотела тебе послать телеграмму: «αγαθή τύχη» прямо в Sorbonne до начала лекции и побоялась: вдруг она смутит тебя и расстроит¹.

Я не спала всю ночь. А ты? верно дрыхал отлично. Я совершенно спокойна сознанием за твою лекцию, потому что знаю ее, но тревога волнует немножко просто из-за крупности момента этой первой твоей публичной беседы научной.

Дорогой мой, я не считаю минуты до первого известия от тебя, я просто не живу. Еще не было письмеца из Парижа, верно, гадкий, ты не послал ничего в Воскресенье. Это нехорошо. Хотя, впрочем, в 11 может прийти. От Маруси нет ничего. Даже в пятницу уже после телеграмму *не писала*.

Или Кука <?>² сердится, что вполне разумно³, или замышляет грациозный приезд сюрпризом, что тоже разумно, потому что я ненавижу встречать, ждать, готовиться и т.д. Думаю, что мое грубое письмо очень ей полезно было⁴. Оно поможет встать в другие, очень серьезные, человеческие, строгие отношения, где больше будет взаимного уважения. Оля говорила вчера, что нужно тебе написать: вчера я принимала трех кавалеров, и то по телефону была вызвана от 4-ого, к которому ездила с пятым. Загадка.

2 ½ часа. У Веры болела голова. В школу не пошла. Христина все в жару. Вебер выжидает: не может понять. Устала. Рано лягу и приму снотворного. Скорее бы завтра.

Целую. Твоя

Лидия

Конверт с адресом: 89, rue de la Tour. Passy. Женевский штемпель — 27.IV.03. Парижский штемпель отсутствует.

¹ Такая телеграмма была послана несколько позднее (см. п. 505).

² Видимо, прозвище М.М. Замятниной.

³ Во время пребывания в России М.М. Замятнина постоянно получала разнообразные указания от Ивановых относительно устройства их произведений в печать, покупки книг, размещения рецензий на «Кормчие звезды» и т.д. и часто были недовольны ее решениями.

⁴ По всей видимости, имеется в виду письмо от 5 апреля (н.ст.) 1903:

Милая Маруся,

Мне хотелось бы назвать горькими словами все твои поступки, но к чему. Изменник не виноват в том, что он предаст дело друга для минутной прихоти. Лентяй не виноват в том, что позорно коптит небо. Бессердечный не способен даже рассудить, когда его равнодушие может встревожить или обидеть друга. Даже сердиться я не могу. Всё это лишь характеристика тебя такую, какую ты мне представляешься. Ни муки ожидания, ни страха за рукописи, ни огорчения за то, что, сунувшись, ты тотчас отхлынула и тем лишь, быть может, повредила делу, ни злобы и утомления и унижения ее — я не стану описывать тебе. Скажу только очень серьезно: я не имею высокого мнения о тебе. Боюсь, тебе будет тяжело жить со мною.

Теперь о деле: что значит эта дичь о том, что мы должны решать судьбу твоих примитивов: Нам-то какое дело? Мы всё делали, чтобы из тебя сделать порядочного человека, больше ничего. Но что меня интересует, так это причина, которую ты приводишь для своего вопроса: «Как будет лучше для дела, скажите?» — что это значит: какому делу мешают примитивы? Ты ведь знаешь, что в Женеве в доме нет дела никакого для тебя. Об этом мы с тобой довольно говорили в Петерб<урге>. Что же касается моего отъезда, то я могу и уезжать из дому. Острога постоянно ходит: в случае нужды поможет, и дети велики теперь.

На этом текст письма обрывается. На первой его странице Иванов написал: «*Не читайте* этого резкого и злого письма, если Вы не в духе и не спокойны. Лидия *злит*ся, потому что слишком замучилась ожиданием и придает *слишком* большое значение “Скорпиону”, нигде не видя поддержки в своем деле», и потом перечеркнул все письмо синим карандашом (РГБ. Ф. 109. Карт. 23. Ед. хр. 11. Л. 55—56 об.).

503. Иванов — Зиновьевой-Аннибал 14/27 апреля 1903. Париж

succes profond selon alexandra fetons en deux = venceslas

Рукой М.М. Замятниной приписан адрес: 89. Rue de la Tour Passy — XVI-ème
Перевод:

успех глубокий по мнению александры отмечаем вдвоем. Вячеслав (*фр.*). На том же бланке рукой Зиновьевой-Аннибал приписан ответ на телеграмму: «Felicissime: Agatituche» <Я очень счастлива (*ит.*): В добрый путь (*древнегреч./новогреч.*)>. Оригинал этой телеграммы — п. 505.

504. Зиновьева-Аннибал — Иванову
14/27 апреля 1903. Женева

Felicissime agatituchi

Телеграмма из Женевы в Париж. Штемпель — 27.IV.03.

505. Иванов — Зиновьевой-Аннибал
14/27 апреля 1903. Париж

Понед. 9 ч. веч.

Дорогая Радость

пишу за письменным столом А<лександр> В<асильевн>ы. Получил телеграмму¹, благодарю, но боюсь, что ты не поняла, что в тексте *нашей* телеграммы «*succès profond*»² выражает мнение А<лександр> В<асильевн>ы и вместе служит ограничением, а не увеличением понятия succès: именно, она утверждает, что все многим как-то внутренне и т.п. понравилось. Я же не решаюсь судить. Факт, впрочем, что голова моя *не* чувствовала себя в пространстве, где летают бутылки. Мне было уже вовсе не страшно, а напротив очень весело. Но зала оказалась какой-то очень большой, как я не ожидал. Слушателей было minimum 70 (по А<ександре> В<асильевне>) или до 100, я же не знаю сколько, но было много, хоть и не полна была зала, и лица мне казались внимательными и сочувственными, а после лекции хорошие аплодисменты, хотя аплодисм<енты> здесь обычны. Щукин выражался мне, что лекция была во всех отношениях блестящая. И форма очень литературная понравилась. Доброе лицо Гамбарова ласково глядело вблизи. Лекция продолжалась 45 минут и взяла гораздо больше листков, чем сколько я назначал. Я был хорошо слышен, кроме некоторых имен разве. После лекции подошел ко мне откуда-то взявшийся Ковалевский (Вл<адимир> Авг<устович>)³ ругает его за то, что он пришел только к концу лекции — на 10 минут) с улыбающимся и любезнейшим видом и сейчас же стал говорить мне, чтобы я вошел в состав постоянных профессоров школы, а именно, чтобы зимой читать об учреждениях древности, что им необходим представитель древности классической, что если древность будет хорошо поставлена, школа их будет единственной в своем роде (для социальных наук) по полноте программы и т.д. Щукина я познакомил с А<ександрой> В<асильев-

ной>, и она была со мной, и Щ<укиным>, и Семеновым⁴ — в ложе консьержа, которая служила профессорской комнатой — для Щукина, п<отому> ч<то> таковой вовсе нет, а есть только передняя перед большой и хорошей залой, полная слушателей, да наверху еще аудитория для практич<еских> занятий. Теперь у них наплыв ученых сил, а залу они имеют только на определенные часы.

На следующей неделе я решил читать только один раз, чтобы не мешать другим; а сегодня, после меня, Ковалевский отказался от своей лекции в пользу прибывшего из Киева приват-доцента. [Пока я пишу, у Гольштейнов сидит гость — уже седой весь, кот<орый>, проживая в Париже, слушает *все* подряд лекции; и меня слушал он, но не высказывается...]* После лекции мы с А<лександрой> В<асильевной> решили праздновать и смотреть Париж, и вышло это очень артистично. К сожалению, Пантеон был заперт и св. Женевьевы — старухи Пювиса мы не смогли видеть⁵. Зато пошли по предложению А<лександрой> В<асильевны> по церквям и видели церковь св. Женевьевы, церковь св. Юлиана-Hospitalier и Notre Dame⁶. И потом мы видели разные чудесные уголки *старого* Латин<ского> кварта<ла>, так что Париж предстал мне совсем новым, ничего этого я не знал. Завтракали мы *хорошо* в Taverne du Panthéon и набрались воздуха Лат<инского> квартала всеми легкими. Вернулись по чудесной электрич<еской> подземной дороге⁷. Дома я нашел твое дорогое и ласковое письмецо...

Целую тебя горячо и как люблю. С нетерпением жду известий из Москвы. Здесь говорят, «Сев<ерные> Цветы» уже вышли с моим стихотворением⁸.

В.⁹

Конверт, адресованный на виллу Жава. Штемпели: Paris. 28—4 03. — Genève. 29.IV.03. Письмо опубликовано: «Обнимаю вас и матерински благословляю...» С. 183—185, с довольно значимыми разночтениями.

¹ П. 504.

² Успех *глубокий* (фр.). Имеется в виду п. 504.

³ В.А. Гольштейн.

⁴ Юлий Федорович Семенов (1873—1947), журналист, мемуарист, зять А.В. Гольштейн (был женат на дочери Гольштейнов Наталье Владимировне (1880—1953)).

⁵ Французский художник Пювис де Шаванн расписал Пантеон фресками на тему жития св. Женевьевы.

* Квадратные скобки — знак Иванова.

⁶ Под церковью Св. Женевьевы подразумевается стоящая близ Пантеона церковь St-Etienne-du-Mont, где находится могила (пустая, т.к. мощи были сожжены во время Великой французской революции) святой. Церковь Юлиана-Hospitalier известна также как St-Julien-le-Pauvre. Notre Dame — знаменитый собор Парижской Богоматери.

⁷ Имеется в виду парижский метрополитен.

⁸ Стихотворение «Хор духов благословляющих» (см. п. 486, прим. 7).

⁹ Письмо непосредственно продолжено письмом А.В. Гольштейн, которое приводится здесь полностью:

Милая Лидия.

Моя часть телегр<аммы> значила, что Вяч. имел успех глубокий, т.е. привлек внимание, возбудил мысль, завлек на свою сторону несколько человек, которые прямо в *восторге* от его лекции, от новизны, и увлечены глубиной его мысли и *обаянием* его ума. Вот почему это *глубоко*. Лучше ведь три-четыре слушателя глубоко проникнувших в его мысль, чем толпа славословящих от глупости. Voilà! Мы праздновали символично и сердечно этот *успех*.

Тебя, дорогая, поздравляю от души с успехом. Желая, чтобы он был полный и удовлетворяющий. Я страшно хочу, чтобы ты мне прислала вторую главу. Вяч<еслав> Ив<анович> говорит, что она ключ к остальному.

Мешают писать, говорят кругом.

Обнимаю нежно и любовно.

Твоя А. Гольштейн.

506. Зиновьева-Аннибал — Иванову 15/28 апреля 1903. Женева

Вторник

Вот всё известия от тебя счастливые, и очень чисто у меня на душе, светло. Я вся в делах детей, больной Христины (еду сейчас к Добров<ольской>), цветничка детского (только что устроила им дорожку), счетов (вчера весь день считала, это очень весело и здорово — буду вести отныне правильно. Оля отлично всё записывала, а Маруся свинья).

Спала с пол ночи плохо, но потом, благодаря снотворному, заснула до 11 утра. Письмо Маруси идиотично, и, кроме того, дела брошены в «Нов<ом> Времени», и что же она сговорила о дележе прибыли и о числе издания. Не показывай, думаю, письма ее Ал<ексandre> Вас<ильевне>. Опускай свои письма так, чтобы они поспевали к *9-тичасо<во>му* вечерн<ему> экспрессу из Парижа. Очень жду твоего свидания с Брюсовым <так!>¹.

Не могу больше писать, счастье. Целую. Думаю, Маруся будет к Воскресенью, а я поеду к тебе в Субботу через 11 дней.

Мое присутствие здесь необходимо. Костя воем плакал весь вечер вчера, я всё мундштук натягивала. Но в общем все счастливы.

Твоя Лидия.

Сереза сказал: «А хорошо быть поэтом», когда я читала письма.

Письмо, отколовшееся от основного корпуса переписки. Хранится: ИРЛИ. Ф. 94. Ед. хр. 77.

¹ Фамилию В.Я. Брюсова Л.Д. пишет то с одним, то с двумя «с». Мы сохраняем этот разнобой.

507. Иванов — Зиновьевой-Аннибал 15/28 апреля 1903. Париж

29/16 Apr.

Милая Радость, я ведь не хочу считать, что сегодня *рождение* Лили, а завтра, *п<отому> ч<то>* она родилась 16-го по-русски. Поздравляю тебя и всех в день, и скажи ей: я ее поздравляю и целую как люблю. *А<лександр> В<асильевна>* очень ее любит и чего-то ждет от нее, и даже как-то романтически умолкает, говоря о ней. Милая Радость, вот я в Париже в годовщину [рождения Лили] rue de l'Annonciation!¹ Попаду ли туда? Сегодня работаю в *Bibl<iothèque> Nat<ionale>* — все то по-старому, волнует все это как-то. Гольштейнов не видел. Лекция у меня завтра, а я раньше ленился ее хорошо заготовить. Кажется, вторая будет неинтересная. Сегодня иду к Щукину. Времени буквально нет даже чтобы опустошить корзину, не то что делать покупки. Завтракал в *buvette*² библиотеки (1.50 с *rouboire*³), теперь пишу в кафе. Устал. Курить не дают ни в здании, ни на дворе — вот беда. Жду от тебя весточки светлой и сердечной. Может быть, есть у Гольшт<ейнов>. Целую Лилию и Лилию. В.

Открытка. Штемпели: Paris 28—4 03 — Genève. 29.IV.03. Авторская дата и первая фраза письма представляют собою некоторую не до конца понятную игру.

¹ Речь идет об улице, где родилась Л.В. Иванова (в Пасси, выходит на площадь Пасси).

² (В) буфете (*фр.*).

³ Чаевыми (*фр.*).

508. Иванов — Зиновьевой-Аннибал
16/29 апреля 1903. Париж

29/16 Apr., в кафе на rue Rivoli.

О Париже, дорогая Радость! «Свет и коловращение людей»!! Сегодня день рождения Лили, еще поздравляю. Я нарочно зашел сегодня в ее квартал и видел последовательно все места исторические: и rue Singer, и ее улицу, и ее барокный <так!> интересный дом очень старого типа («Ne vous-tourmentez-pas» уже там нет), и церковь ее прихода (Благовещения), куда и входил — церковь также интересную очень². Столько о воспоминаниях. Начинаю эпос. Вчера вечером был на *jeuq-fixe* у Шукина. Его квартира — музей. Салона стены все увешаны редкими картинами. Есть чудесные примитивы — напр<имер>, один Бартоло Сиенской школы³. Он гордится одним Греко — но это 17-й век. Гойя представлен у него целой коллекцией! Подумай только, что это такое! После этого простительно и трюфли положить в *vol-au-vent*⁴. Прощаешь и омаров, и двойную батарею чудесных ликеров, вдруг поднявшихся тесным рядом между *convives*⁵. Все было непринужденно и корректно. Сидел я против Шукина между Валишевским⁶ (изящный поляк, историк, о книгах которого ты, кажется, слышала — с ним разговор был у меня по-французски) и Хвостовым, филологом из Казани⁷. Насупротив были де Роберти⁸ и Лучицкий⁹, по сторонам Шукина. Всего было за столом 14 человек. Но появлялись и еще кое-кто. С Онегиным встретился так: «Иванов, как вы постарели! И не стыдно было *мне* книгу не прислать¹⁰ — а через меня-то и они все стали интересоваться!» Говорю, что не решился предстать на суд такого пушкиниста. Онегин характеризует меня «Эллином» и говорит: «Что же, это хорошо, это нужно». Альбом у него в нескольких томах¹¹; потребовал, чтобы я туда написал стихотворение — из «эллинических» или «морских»¹² или сочинил новое¹³. Там у него Бальмонт недавно вписал стихот<во>рение, за кот<орое> был изгнан из России¹⁴. Альбом устроен так, что каждая страница носит дату календаря и каждый вписывает на странице дня его рождения. Из чего я узнал, что Бальмонт родился в Июне 1867 г.¹⁵ Мне оставлено «16 Февраля»¹⁶. Хвостов забавлял меня все египетскими папирусами и своей диссертацией, кот<орую> пишет о Египте¹⁷. Я этим ведь когда-то занимался. Он ученик Виноградова¹⁸ и знакомый разных знакомых филологов. С Валишевским была речь об истории, об Ив<ане> Грозн<ом> (он пишет о нем книгу¹⁹), о библиотеках и архивах — но он очень

светский барин, лысый и с седой бородкой клином. С Волковым²⁰ говорил об антропологии и [в частности] о масках, узнал хорошие вещи и получил полнейшее антропологическое одобрение своей гипотезе о происхождении праздничных масок из погребальных. С добрым армянином Томамшевым²¹ о вавилонской религии. — О моя универсальность! С Шукиным о школьных нестроениях. Де Роберти был любезен, п<отому> ч<то> я ему занес карточку. Семенов, корресп<ондент> «Новостей» приходил и исчез²²; с ним я не знакомился. Ковалевского и Гамбарова не было по случаю их участия демонстративного в «митинге» студенч<еском>, устроенном для протеста против забаллотировки Лысицкого (автора скандала с Карышевым²³), желавшего читать курсы. Ковалев<ский>, де Роберти и нек<оторые> др<угие> сочли нужным, во имя свободы убеждений и пр., протестовать против решения совета своим присутствием. Но кроме Лучиц<кого> и де Роберти никто из присутствовавших не пошел в марксистский кагал в кафе «Суффлэ». —

Сегодня день начался брэкфастом у Гольшт<ейнов> и паломничеством на rue de la Sorbonne (кстати, русская школа в Ecole des Hautes Etudes Sociales²⁴, но эта последняя не принадлежит вовсе Сорбонне, [хотя] и помещается насупротив ее). Приехал я обыкновенно рано и пил кофе. В аудитории я нашел очень приличное число слушателей — но сколько, не могу сказать. Тут уж у меня много знакомых, кот<орым> надо жать руки — Ященко²⁵ м<ежду> п<рочими> и Поляков²⁶ («пэдераст» и «ассистент Бальмонта»). Онегин пришел на лекцию. Сразу же мне говорят, что Валерий Брюсов здесь. Скромного вида и с умной *решительно* (и по впечатлен<ию> А<лександры> В<асильевны>) физиономией молодой человек. Я говорю ему, пожимая руку: «Благодарю вас». — «За что?» — «За добросовестное отношение к тому, что французы называют effort²⁷. И я говорю как о себе, так и о “Пламенниках”». — «О “Пламенниках” мне нужно с вами поговорить!» Оказывается, он еще не знал о телеграмме Маруси^{28*}. Он передает мне экземпляр «Сев<ерных> Цветов» и извиняется, что после моего «Хвалите Бога, силы сфер» — молитва диаволу: это оттого, что стих<отворение> было получено поздно. И также оговаривается, что поступил по разреше<нию> М<арии> М<ихай-

* Он говорит: половинных издержек по изданию не хотят, все заплатят, но печатание может продолжиться в «Нов<ом> Вр<емени>», а обложку поставит «Скорпион» и всем будет заведовать⁴⁹. (Прим. Иванова.)

ловны»²⁹. На самом деле расположение вышло довольно гармонично, и дьявол оттеняет выгодно. Но поговорить нам не удается, хотя мы оба после моей лекции остаемся на Ковалевск<ого>. Сегодня я прикрепил на доску три фотографии, и А<лександра> В<асильевна> говорила, что это все хорошо. Но лекцией она недовольна, говорит, что слишком много материала: как музей, кот<орый> пробегаешь запыхавшись. Поляков говорит — но это человек неважный, — что филологии им не нужно, а только идей. Идеи были, но фактич<еского> и научн<ого> материала было много, и это так *нужно*, п<отому> ч<то> я ученее их. Ковалевский опять пришел на после<дние> четверть часа и опять подошел по оконч<ании> и стал говорить, чтобы я не говорил *нет* на его предложение читать зимой по рим<ским> учреждениям или госуд<арственному> праву или аграрной истории. Мы говорили именно больше об этом последнем, о Гревсе и моей диссертации. Аплодисменты были, как следует, и Брюсов — говорит А<лександра> В<асильевна> — кивал одобрительно головой в двух местах, когда кивала и она. Какой-то молодой человек подошел и сказал, что остался в Париже для моей лекции, и спросил моего мнения о Мережковском, кот<орого> талант я, конечно, хвалил (дело в том, что я упомянул о нем), а также знаю ли я книжку Вольнского об Аполлоне и Дионисе³⁰ — мне, конечно, неизвестную. Еще один верный слушатель (т.е. замеченный уже в 1-м и сидящий против меня) говорил со мной, помогая снимать фотографии. Подошла Кругликова³¹ и стала звать к себе на субботу, говоря, что у нее будет и Брюсов; я сказал, что субботой не располагаю, п<отому> ч<то> А<лександра> В<асильевна> проектирует для меня кое-кого у себя. А<лександра> В<асильевна>, оказывается, за это на Кругликову злится. У Ковалевского я попросил вежливо позволения остаться на его лекцию, чтобы учиться лекторству, дикции. И правда, и содержание лекции было совершенно inédit³², и манера говорить превосходна. После всех сих событий, условившись с Брюсовым быть у Онегина в его пушкинском музее завтра утром (это уже было раньше сговорено)³³, я поспешил к Гольшт<ейнам> завтракать, как было условлено к сожалению, п<отому> ч<то> мне хотелось позавтракать с Брюсовым, а обедать он не мог сегодня вместе. А<лександра> В<асильевна> пригласила его «ко мне» в субботу, но он уже раньше обещал Кругликовой. Когда я вышел, пристал ко мне Поляков и следовал за мной по земле и под землей (métropolitain) до двери Гольштейнов, рас-

сказывал о Бальмонте, кот<орого> называл «несчастливым»*, просил меня прочесть его стихи, читал их отчасти**, разбирал мои стихи, но главная цель этого молодого человека (необыкновенно почтительного) была просить меня быть в понед<ельник> на вечере возникающего студенч<еского> общества (для культа поэзии и идеализма), где Валерий будет читать реферат «О задачах поэзии» и свои стихи, — и читать мне также свои стихи³⁴. Реферат на понед<ельник> будет читать Брюсов, кот<орый> тотчас же и уезжает, но он надеется, что и я не откажусь читать потом у них реферат. На первое я, гарантированный именем Брюсова, и также Яценки, согласился, хоть и гадко мне это — но, казалось, необходимо было согласиться, на второе предложение скорее почти «нет». Только что пришел к Гольшт<ейнам>, как Ука³⁵ зовет на свой реферат через 2 недели и я, конечно, говорю, что очень рад (и правда, я ему придаю значение) — и он очень доволен! Как видишь, молодежь кипит и — молодит стариков. Гольштейн провозглашает: *il faudrait limiter le nombre des poètes*³⁶ — но он исключает из уничтожения Бальмонта и меня. А<лександра> В<асильевна> злится на Брюсова за то, что он талантлив, перелистывает его сборник³⁷ и все осуждает, но видимо находится «под впечатлением» так что <?> мы условливаемся позвать его особо, в свободный для него день. Дома нахожу твое письмецо милое, любимое³⁸, и Маруськину мазню ненавистно-милую, и *carte postale* Брюсова³⁹. Ты знаешь, что меня тронуло прямо? Это внимание любовное, с кот<орым> они поместили подробное объявление о «Кормчих Звездах» на заключительной странице альманаха⁴⁰. И предисловие к альманаху, о новых стихах — такое теплое⁴¹. Теперь оно и к тебе относится. «Сев<ерными> Цветами», из кот<орых> ничего еще не прочел, но все видел, я доволен *чрезвычайно*. *Tout est plein de talent! C'est un renouveau!* Et c'est sûr⁴².

И что после этого значит слишком нелепый лай новой «критики», который досаден только тем, что напечатан на страницах хоть и презренного всеми, но «толстого» журнала!⁴³

Прочтя письма и пересмотрев «Сев<ерные> Цветы» и «Научное Слово», где фигурирует критикованная мною статья <так!>

* Благодаря раздвоенности между «Я» и «Не-Я».... как видишь, усвоена и идея, и фразеология. (Прим. Иванова.)

** О «Горящих Зданиях» — он был, кажется, недоволен моим суждением: «ваши стихи очень красивы, но не имеют *своей* музыки, это музыка Бальмонта». (Прим. Иванова.)

«А. Баулер»⁴⁴ и интересн<ая> для меня статья о греч<еской> религии С. Трубецкого⁴⁵, я опять пускаюсь в долгие парижские странствия, намереваясь сделать кучу визитов, но посещаю по позднему времени одного Томамшева, добряка-армянина, и вот сижу — в кафе, за Repot⁴⁶. Сейчас пообедаю и около 9 часов зайду в отель к Брюсову.

Кажется — все. Разве прибавлю, что после первой лекции добрый Гамбаров, *сочувственно* будто бы, говорил А<лександре> В<асильевн>е: «Вот он читает как настоящий *поэт*; а Аничкову⁴⁷ это именно не удастся». В следующ<ие> две недели я имею только по часу, все нахлынули, все разобрали, Ковалев<ский> отдает свои часы других не допускают <?>. Я говорю Шукину: «Зачём же вы звали меня именно теперь, а не осенью?» А он: «Нам курс именно теперь необходим для программы». Вообще мною довольны. Целую Радость. В.

Я сижу в отличном кафе; тем не менее пришли господин с дамой и *оба* взяли абсэнт. Париж пьянит после Женевы движеньем и пространством.

Я еще зайду к Брюсову. Он в самом центре, но, вероятно, не дома. Поклонись горячо Дм<итрию> Вас<ильевичу>.

Жалко Христины. — Поклонись ей.

Поцелуй Сережу, Веру, Костю бедного, но все же его нужно *châtier*⁴⁸.

Конверт, адресованный на виллу Жава. Штемпели: Paris. 29—4 05 — Genève. 1.V.03. Значительная часть письма опубликована в вышеназванной статье О.А. Кузнецовой (Русская литература. 2006. № 3. С. 99—103).

¹ См. п. 423, прим. 15.

² Имеется в виду квартал в Пасси, связанный с рождением Л.В. Ивановой: на rue Singer жила Зиновьева-Аннибал, на rue de l'Annonciation располагалась квартира, в которой первые месяцы жизни держали новорожденную; на той же улице находится и церковь Благовещения. *Ne vous-tourmentez-pas (фр.)* — не беспокойтесь. Цитата из Евангелия: «Итак не ищите, что вам есть или что пить, и не беспокойтесь» (Лк. 12: 29). Очевидно, эти слова были написаны на доме, который Иванов вспоминает.

³ Видимо, имеется в виду Доменико ди Бартоло (Domenico di Bartolo; ок. 1400—1447), итальянский художник. Возможно также, что речь идет о Таддео ди Бартоло (Taddeo di Bartolo; 1362—1422), также итальянском художнике Сиенской школы.

⁴ Волован, слоеный пирог с начинкой (фр.).

⁵ Сотрапезниками (фр.).

⁶ Казимир (Феликсович) Валишевский (1849—1935), польский историк, популярный в России. В 1902/03 уч. году прочитал в Школе небольшой (всего 4 лекции) курс на французском языке «Происхождение современной России».

⁷ Михаил Михайлович Хвостов (1872—1920), историк античности.

⁸ Евгений Валентинович де Роберти (1843—1915), социолог, философ, экономист. В Школе в 1902/03 уч. году читал курсы «История социологии и критика современных социологических систем» и «Основные типы метафизической мысли в истории философии».

⁹ Иван Васильевич Лучицкий (1845—1918), историк, представитель либерально-народнического направления. В Школе в 1902/03 уч. году читал курс «Экономический строй Франции в XVIII в.».

¹⁰ Александр Федорович Онегин (фамилия официально сменена; первоначально Отто; 1845—1925), коллекционер, владелец Пушкинского музея в Париже. После смерти Онегина все материалы, купленные у него Академией наук еще до 1917 года, поступили в Пушкинский Дом. Сборник «Кормчие звезды» Иванов подарил ему 25 июля 1903 с надписью: «Дорогому Александру Федоровичу Онегину в знак глубокого почитания и сочувствия» (Русская литература. 2006. № 3. С. 100).

¹¹ Альбомы Онегина хранятся в музее ИРЛИ (Пушкинского Дома).

¹² О каких «эллинических» стихах Иванова идет речь, догадаться трудно. «Морские» составили в «Кормчих звездах» раздел «Thalassia».

¹³ Как сообщает О.А. Кузнецова, в альбом Онегина вписано стихотворение Иванова «Пушкин у Онегина» (сборник «Прозрачность»).

¹⁴ Речь идет о стихотворении К.Д. Бальмонта «Маленький султан» («То было в Турции, где советь вещь пустая...») (1901), действительно записанном в альбоме А.Ф. Онегина.

¹⁵ Точнее — 3 (15) июня.

¹⁶ По старому стилю.

¹⁷ Эта диссертация опубликована: *Хвостов М.М.* История восточной торговли Греко-римского Египта. Казань, 1907.

¹⁸ Павел Гаврилович Виноградов (1854—1925), историк, профессор Московского, а впоследствии Оксфордского университета, учитель Иванова.

¹⁹ Такая книга действительно вышла: *Ivan le Terrible*, par K. Waliszewski. Paris, 1904. Первые русские переводы — 1912 (СПб., пер. Ю. Петухова; М., пер. В.П. Потемкина и В.П. Херсонской).

²⁰ Федор Кондратьевич Волков (1847—1918), этнограф, антрополог, археолог эволюционистского направления. В 1902/03 уч. году читал в Школе курсы «Основы антропологии» и «Сравнительная этнография».

²¹ Михаил Иванович Томамшев (верно: Тамамшев; 1853—1908), историк. В Школе в 1902/03 уч. году читал курс лекций «История Кавказа».

²² Вероятно, журналист Евгений Петрович Семенов (Соломон Моисеевич Коган; 1861?—1944), впоследствии автор статьи, вызвавшей скандал среди русских символистов (*Le mysticisme anarchique // Mercure de France*. 1907. 16 juillet. № 242), в который был замешан и Иванов. Подробнее см.: Литературное наследство. М., 1976. Т. 85. С. 501; *Обатнин Г.В.* Неопубликованные материалы Вяч. Иванова по поводу полемики о «мистическом анархизме» // *Лица: Биографический альманах*. М.; СПб., 1993. [Т.] 3. С. 466—477.

²³ Николай Александрович Карышев (1855—1905), экономист. В Школе в 1902/03 уч. году читал курс «Теория политической экономии». О Лысицком и скандале нам не удалось найти данных.

²⁴ Высшая школа общественных наук (*фр.*). Французское учебное заведение, отчасти по образцу которого была построена Русская высшая школа общественных наук.

²⁵ Александр Семенович Яценко (1877—1934), юрист, издатель, библиограф.

²⁶ Соломон Львович Поляков (псевд. С. Литовцев; 1875—1945), писатель и журналист.

²⁷ Усилие, старание (*фр.*).

²⁸ О какой именно телеграмме М.М. Замятниной идет речь, неизвестно. В марте 1903 г. она вела переговоры о публикации «Пламеников» в издательстве «Скорпион». Брюсов принял роман, не читая, но после знакомства с текстом от издания под разными предлогами отказывался. Некоторые материалы об этой истории см.: *Богомолов Н.А.* Указ. соч. С. 47—56.

²⁹ Брюсов повторял то, что написал Иванову в первой из сохранившихся открыток: «Напечатать ваши стихи позволила нам Мария Михайловна Замятниная. Не гневайтесь, что они помещены в общем отделе и в соседстве с дьяволом. Это случайность. Предыдущие листы уже были отпечатаны» (*Литературное наследство*. Т. 85. С. 435). Стихотворение о дьяволе, о котором здесь идет речь, — «Когда я в бурном море плавал...» Ф. Сологуба.

³⁰ Аким Львович Волинский (Хаим Лейбович Флексер; 1861—1926), литературный и балетный критик, теоретик искусства. Имеется в виду работа Волинского «Литературные заметки: Аполлон и Дионис» (*Северный вестник*. 1896. № 11. С. 232—255).

³¹ Елизавета Сергеевна Кругликова (1865—1941), художница, близкая по духу к «Миру искусства». Подолгу жила в Париже.

³² Ново, оригинально (*фр.*).

³³ Описание этого визита см. в п. 511.

³⁴ Речь идет о чтении статьи, получившей впоследствии название «Ключи тайн» (*Весы*. 1904. № 1), в подзаголовке к названию которой Брюсов сообщал: «Лекция, читанная <...> в Париже, в кружке русских студентов». О генезисе этой статьи см.: *Богомолов Н.А.* От Пушкина до Кибирова. С. 288—291; *Богомолов Н.А.* К истории «Ключей тайн» // Из истории символистской журналистики: «Весы». М.: Наука, 2007. С. 6—40. Об этом вечере Брюсов записал в дневнике: «В П<ариже> были знакомые. Ященко, напр<имер>. Через него я попал во весь русский Парижский Кружок. Бывали мы на лекциях в Русск<ой> Высш<ей> Школе — пародии на Университет. Я читал лекцию в помещении Association des étudiants — ту же, что в М<оскве>. Общество было такое же, как в Лит<ературно-Художественном> Кружке, только еще более некультурное, еще более грубое. Возражения мне — в стиле Любошица.

Вылезали какие-то “сельские учителя”, как они рекомендовались, и требовали объяснить им, что такое декадентство. Народу было так много, что зала не вмещала, сидели, стояли, толпились, не пускали, было душно, жарко. На 9/10 идиоты. После, однако, остались одни сочувствующие. Сол<омон> Поляков, Поярков, “Иван Странник”, Кругликова, Пилло, Люси, Елена и др. (Были Ивановы, но ушли.) Пилло сказал речь, по-франц<узски>, что быва<л> на собраниях самого низшего плана, но таких гнусных не видывал. После говорили стихи, пили кофе, etc., etc. И зачем все едут <?> в Париж? Они и франц<узского> языка не изучили» (*Брюсов Валерий*. Дневники 1891—1910. М., 1927. С. 132; печ. с дополнениями и исправлениями по рукописи: РГБ. Ф. 386. Карт. 1. Ед. хр. 16. Л. 31 об — 32). В записи упоминаются: журналист Семен Борисович Любошиц (1859—1926), постоянный оппонент символистов на публичных чтениях; поэт и критик Николай Ефимович Поярков (1877—1918); французский художник Андре Шарль Пийо (Pillot; ?—1925); Люси (Людмила Ивановна) Савицкая (1881—1957), возлюбленная Бальмонта (далее в дневнике Брюсов сообщает, что она вышла замуж за А. Пийо); Елена Константиновна Цветковская (1880—1943), третья жена К.Д. Бальмонта.

³⁵ Ука — прозвище младшего сына Гольштейнов Владимира.

³⁶ Следовало бы ограничить число поэтов (*фр.*).

³⁷ Вероятно, последний из выпущенных к тому времени — «Tertia Vigilia: Книга новых стихов 1897—1900» (М., 1900).

³⁸ По всей вероятности, п. 502.

³⁹ Имеется в виду цитированная в прим. 29 открытка от 13/26 апреля (получена только 29 апреля).

⁴⁰ См. в той же открытке: «Мы позволили себе поместить и *объявление* о вашей книге (Литературное наследство. Т. 85. С. 434). Это объявление было помещено на специальной отдельной странице в самом конце сборника и подробно перечисляло все разделы книги Иванова.

⁴¹ См.: «Наш третий альманах в некоторых отношениях иной, чем два первые. Он более “единогласен”, более однороден по внутреннему составу. В нем ряд новых имен и нет кое-кого из прежних спутников. Мы рады этим новым. В них новая молодость, новая бодрость, сила! И нам некогда жалеть об отставших. Было время, мы поджидали их, давали возможность подойти. Но пора и снова идти. Наши лица опять обращены вперед, к будущему, и нам уже не видно, кто сзади. «С к о р п и о н» (Северные цветы, собранные книгоиздательством «Скорпион», на 1903 год. М., 1903. С. нenum.).

⁴² Все полно таланта! *Это обновление!* И это наверняка (*фр.*).

⁴³ Видимо, речь идет о рецензии А. Налимова (Литературный вестник. 1903. № 2. С. 496—497).

⁴⁴ А. В. Гольштейн. См.: *Баулер А. В.* К характеристике направлений современного романа во Франции // Научное слово. 1903. Кн. 2. С. 77—99. Подробный разбор статьи см. в письме Иванова к Гольштейн от 16 декабря 1902 (Переписка с Гольштейн. С. 356—359; «Обнимаю вас и матерински благословляю...» С. 174—176).

⁴⁵ Имеется в виду статья: *Трубецкой С. Н.* Этюды по истории греческой религии // Научное слово. 1903. Кн. 2. С. 100—109.

⁴⁶ *Regnot* (точнее, *Regnod*) — первоначально (в 1805—1915) сорт абсента крепостью 65—75 °; после запрещения этого напитка, с 1920 г. — анисовый аперитив.

⁴⁷ Евгений Васильевич Аничков (1866—1937), критик, литературовед, впоследствии близкий друг Иванова. В 1901/02 уч. году он читал в Школе курс «Литературные теории XIX в.» и вел практические занятия по сравнительной истории литературы, а также преподавал английский язык. Два последующих года не преподавал. См. статью Иванова о нем: Неосуществленный замысел Вяч. Иванова / Публ. М. Д. Эльзона // Русская литература. 1993. № 2. С. 193—195.

⁴⁸ Наказать (*фр.*).

⁴⁹ Несколько позже, 16/29 мая Брюсов писал Иванову: «“Пламенники” будет очень трудно печатать в Москве. Нельзя будет *начать* раньше конца этого года. Всего удобнее было бы продолжать печатание в Петербурге. “Скорпион” при этом принимает издание на себя. Сообщите, согласны ли вы» (Литературное наследство. Т. 85. С. 435). Ответ Иванова на это письмо — там же. С. 436.

509. Зиновьева-Аннибал — Иванову 16/29 апреля 1903. Женева

29 Apr.

Дорогой мой, получила твое закрытое с Ал<ександрой> Ва<ильевной> письмо, и также открытое сегодня же¹. Мне чуеться

нечто общее в духе успеха твоего с кафедры с успехом «К<ормчих> Звезд». Глубоко и не крикливо, прочно и истинно. Итак, сегодня вторая была лекция. А я думала, в *Четверг*. У нас все хорошо. Сережа уже очень хорош, прямо друг, помощник, и умен и ласков. Купил себе дивный диксьонер² 2 тома (и энциклопедический) Нем<ецко>-Франц<узский> и обр<атный> по случаю за 12 фр<анков> и выпросил в подарок на рождение будущее. В восторге: с учителями и товарищами в дружбе сердечной. Костя в ежовых³ и приходит в себя. Вчера дивно приготовил штрафное чтение очень трудное Жюль Верна по двум лексиконам. Сегодня весело и мирно отпраздновали Лидию, пирог, шоколад, сифон с сиропом и общее растворение сердец. А вот с Христиной! Добров<ольская> выстукала (и я слышала) *плеврит* внизу в плевре, от него жарок до 38 и побольше уже 2 недели. Пока вода в пленках плевры, а может сделаться гной и тогда прокол надо делать. Пока решили: отдых, пища, микстура для всасывания, хинин. Она *ничего не знает*. С Лидией имела длинный урок музыки. Была у Жако. Хочу начать работать. Спала благодаря *dormisol*'у, а то нет: скучно очень, по тебе скучаю. Была у Зибелен. Да, была перед лекцией Saussure, отдала книгу, он говорит, что курса почти не будет и что он что-то мне пришлет для сведения тебя, и я добуду также книги в Париже. Целую. Лидия.

Открытка. Штемпели: Genève. 29.IV.03 — Paris. 30—4 03.

¹ См. п. 505 и 507.

² От *фр.* dictionnaire, словарь.

³ То есть в ежовых рукавицах.

510. Иванов — Зиновьевой-Аннибал *17/30 апреля 1903. Париж*

Четверг, 30 Апр.

Дорогая Радость, сегодняшнее утро было посвящено пушкинскому музею Онегина, где я застал уже Брюсова с женой и куда пришел после меня Хвостов с женой. Онегину я сказал, что приду с Ал<ексан>дрой Вас<ильевной>, не тобой, и что ты родня Пушкину, что, конечно, его заинтересовало¹.

Потом я пошел с Брюсовым по Champs Elysées через Tuileries до Palais Royal'я и по дороге мы беседовали и о дионисизме, и о

ритмике, и о других предметах. Он занимался спец<иально> Тютчевым, прочел сейчас же, и очень хорошо, по-моему, «Последнюю Любовь»² и [сообщил] сказал мне (*de sorte qu'il m'a rendu repêché*³): «Странно мне все это слышать. Потому что все это я проповедовал уже в статьях и применял в стихах» — т.е. музыкальную *меру* и пр.; Тютчева же стихи *все почти* были первоначально написаны «вольными ритмами» и только изуродованы при издании под чужим влиянием⁴. Он очень интересуется — и опять прежде всего со стороны формы — моими <?> трагедиями. Я для него собираюсь в понед<ельник> на собрании прочесть начало *Тантала*⁵. Напиши, нужно ли. Он сомнительно высказался о начинании Полякова и о нем самом, *s'est gecié*⁶, когда я назвал его другом Бальмонта, но говорит, что обещал сказать несколько слов о задачах поэзии и прочесть стихов неизданных, и очень рад, если я буду там также; он гов<орит>, что сначала приглядится, что это за люди. Лекция моя ему была интересной. В частности хвалит заключение, что на вазах и пр. изображается *идеальный* мир. Он придет вечером в один из след<ующих> дней — по моему *настоянию* в «салон» Ал<ексан>дры В<асильевны>, но *ко мне*, впрочем. Сделал визит Кикиной⁷, не застал, и Кругликовой — но и ее мастерская была заперта. Страшно жаль Христину. Лечи ее хорошо, не ограничивайся Добров<ольской>, если нужно. Религиозно-философ<ские> собрания запрещены — я еще вчера хотел тебя известить⁸.

Жаль, что ты не здесь (а тебе худож<ице?>*). Целую горячо всех <?>.

Письмо написано на двух открытках: первая открытка заканчивается фразой: «Странно мне все это слышать». Штемпели: Paris. 30—4 03. — Genève. 1.V.03. Частично опубликовано: Кузнецова О.А. Цит. соч. С. 103. Отметим, что чтение исследовательницы ответственного места рукописи: «...сказал мне (*de sorte qu'il m'a rendu repêché*), что он мой: страшно мне все это слышать» — не находит соответствия в оригинале: после скобок следуют два коротких зачеркнутых слова, не поддающихся прочтению, но вовсе не похожих на «он мой», а после двоеточия открываются кавычки (приходящиеся на край открытки и потому неотчетливо видные). Закрываются они уже на второй открытке.

¹ Ср. также об этом посещении в дневнике Брюсова: «Были у Онегина. Он показывал нам папиросы, пробки, спички etc., относящиеся к Пушкину, оч<ень> подробно, а бумаги очень бегло» (*Брюсов Валерий*. Дневники. М., 1927. С. 132, с уточнением по рукописи).

* Фраза в скобках плохо читается и явно не закончена.

² Стихотворение Ф.И. Тютчева (между серединой 1851 и началом 1854).

³ Так, что поставил меня в тупик; так, что это меня озадачило (*фр.*).

⁴ Брюсов неоднократно писал о текстологии Тютчева. Перечень этих статей (до 1903 г.) см.: Ф.И. Тютчев: Библиографический указатель произведений и литературы о жизни и деятельности 1818—1973 / Сост.: И.А. Королева, А.А. Николаев / Под ред. К.В. Пигарева. М., 1978. С. 69—74. О степени вмешательства редакторов (в том числе Н.А. Некрасова и И.С. Тургенева) в тексты его стихотворений см.: *Благой Д.* Тургенев — редактор Тютчева // Тургенев и его время. М., 1923. С. 142—163; *Пигарев К.В.* Состав и редакционные принципы издания // Тютчев Ф.И. Лирика: В 2 т. М., 1966. Т. 1. С. 315—323; *Николаев А.А.* Примечания // Тютчев Ф.И. Полное собрание стихотворений. Л., 1987. С. 361—365, и др.

⁵ В конце концов этот план, судя по всему, был отвергнут (см. п. 515). Ответ Зиновьевой-Аннибал находим в ее приписке к письму В.К. Шварсалон. Она написала отчиму: «Дорогой Вячеслав, Как я рада твоему успеху на твоей первой лекции, от всего сердца поздравляю тебя и желаю такого же успеха, большего еще, если можно, в следующих лекциях. Я сразу, как ты уехал, почувствовала скуку, мне казалась <так!> как-то одиноко без тебя, теперь лучше. <...>», а Л.Д. приписала: «О “Тантал” сам знаешь читай: оч<ень> интересно и <2 нрзб>. Целую» (РГБ. Ф. 109. Карт. 37. Ед. хр. 2. Л. 18).

⁶ Воскликнул (*фр.*).

⁷ О ком идет речь, нам в достоверности не известно. В генеалогической росписи семейства Кикиных значатся сестры Елизавета Николаевна (в замуж. Карпова) и Софья Николаевна, эмигрировавшие в начале XX в. во Францию (http://www.kikin.ru/gospis_1.htm). Помимо того, в архиве В.И. Вернадского (человека из круга знакомых Иванова и Зиновьевой-Аннибал) есть письмо Зинаиды Викторовны Кикиной (Архив РАН [Москва]. Ф. 518. Оп. 3. Д. 757), содержание которого, однако, не позволяет сделать каких-либо выводов о личности писавшей.

⁸ Религиозно-философские собрания в Петербурге были запрещены 5 апреля (ст. ст.) 1903 г.

511. Зиновьева-Аннибал — Иванову 17/30 апреля 1903. Женева.

О вчерашней лекции нет известий. Это оттого что ты, Славенька, опускаешь письма не к поезду вечернему. Досадно, что опаздывают вести, которых ждешь как воздуха для легких. Я пишу *каждый* день. У нас плохо с Кристиной. Жар стоит вот уже недели три вокруг 38. Добровольская боится гнойного плеврита и толкует об операции. Что думает Гольшт<ейн>? Потов нет, и она справляет всю работу еще. Берегу как могу бедную деточку, но что это вообще за штука гнойн<ый> плеврит? Узнай. Я сегодня пишу I главу «Пути Забвения», совсем плохо описание без <1 нрзб> ...точия <?>.

Дети отлично. Сережа нарядился в ту знаменитую шапку, вывернутую красной подкладкой вверх, и три часа подряд играет в саду с Miss Codac и детьми в войну. Утром устраивал с упоением библиотеку, любовно перекладывая книгу за книгой и готовил радостно уроки. Кажется, он отлично пойдет с классом. Он так мил, так радостен и такой мне помощник. Костя изучил великолепно первые страницы «*Le mystérieuse*»¹ с описанием труднейшим урагана. Работал очень хорошо. Но я не сплю. Страшно тоскливо мне. Верно, главное Христина мучает. Завтра иду к Добров<ольской> с ней. Ну, что Бог даст. Надо работать и жить. Целую. Жду свидания. Лидия.

Лидия хорошо знает урок Феле <?>² и счастлива. Сейчас придет Феля <?>.

Открытка. Штемпель: Genève. 30.IV.03. Парижский штемпель отсутствует.

¹ «Таинственный остров», роман Жюль Верна (1875).

² Видимо, Ф. Острога.

512. Зиновьева-Аннибал — Иванову 18 апреля / 1 мая 1903. Женева

1 Мая

Дорогой Вячеслав, получила сегодня (вместо вчера) твое чудное, длинное письмо¹. Какой ты добрый, что не поленился написать мне так подробно. Волнует это и глубоко радует, всё это новое, шумное, житейское и жизненное, что ворвалось в твою, в нашу жизнь так всё-таки неожиданно. Я даже не понимаю как-то, сообразить чего-то не успею. Это словно мы на лодке тихо плыли, тихо качались вдвоем, гадали, гадали, и звезды, и море, и незнакомые, и иногда едва, слегка узнаваемые берега, острова плыли мимо, и мы *не* держали «своенравно прочь», и шум, и говор, и какие-то приветствия, и нужно много бегать по твердой земле, но там впереди всё та же «неразгаданная ночь»².

Мне жалко не познакомиться с Брюсовым. Я бы приехала тотчас, если бы не Христина. Может, мне и полезно было бы с ним поговорить о «П<ламенни>ках». Ты с ним поговори за* меня. Ты еще умнее сумеешь. Относительно научного *équipement*³ лек-

* Лист прожжен, поэтому последнее слово читается предположительно.

ции я согласна с тобою: в конце очутится костный остов (костяк), в конечном впечатлении курса, хочу сказать. Во всяком случае, недостаток не в количестве данных научных, а в сжатости рассказа. Думаю, что растянуть всё на 5, 6 лишних лекций было бы выгодно для общего лучшего понимания. Здесь все то же *angoisse*⁴ за Христину, дружба и строгий лад с детьми, песни кошек, мурлыканье простуженного и размякшего Феликса, глупая воркотня одеревенелого батяки моего, который сильно потрясает мои глупые таттвама́зистые⁵ нервы (плохие, гнусные для артиста). Черт возьми жизнь! хочу работать и не могу. Поганая жизнь: тянется, ведьма, в болото заботы, жалости проклятой, хлопот и бессонницы. А черт! Хочу работать, могу работать. Как спастись от жалости и забот? О очаг семейный, скверность ты большая. Хочу к тебе скорей, скорей. Кука приедет не раньше понедельника

Целую. Твоя Лидия. Я все-таки очень тверда и здорова.

¹ П. 508.

² Отсылка ко второй строфе стихотворения Иванова «Час истомы, час отлива...» («В челне по морю», III):

Мы ж от искры путеводной
Своенравно держим прочь —
И дерзаем бег свободный
В неразгаданную ночь... (I, 594).

³ Оснащения (*фр.*).

⁴ Тревога (*фр.*).

⁵ От *санскр.* Tat twam asi (см. п. 493, прим. 6).

513. Иванов — Зиновьевой-Аннибал 18 апреля / 1 мая 1903. Париж

Милая Радость, Гольштейн говорит: *никак* не нужно Христине выходить... Спокойно лежать ей необходимо. Втирания ей делать маслом на пораженной <?> стороне, масло можно мешать с терпентином или также с креозотом. Салициловый натр потом принимать. Гнойного плеврита, он полагает, *не* будет. <Es?> ist wohl ein<e> sog. tuberkulöse Pleuritis — Zeichen dass sie Tuberkeln *hat*, was aber nichts vorbestimmt; das will nicht sagen sie sei gerade schwindsüchtig: Ihre Gegenwart ist nicht gerade gefährlich, aber trinken aus demselben Glas mit den Kindern soll sie nicht, auch Auswürfe sind gefährlich. Das alles ist mir überaus traurig! Событие дня, единствен-

ное, визит к Редонам² с А<лександрой> В<асильевной>. Редону я понравился (гов<орит> А<лександра> В<асильевна>), он был очень вдохновлен, я вынес впечатление таланта огромного и вовсе мне еще неожиданного и нового, и был прямо поражен и потрясен виденным. — Одну картину я назвал «Prophète de Dionysos»³, и это ему так понравилось, что он соблазняется назвать ее так в каталоге⁴.

Целую В.

После Редона (avenue <de> Wagr<am>) мы с А<лександрой> В<асильевной> гуляли по Champs Elysées и вернулись в экипаже.

Мои лекции следующие будут 5 Мая и 14 Мая.

Гольштейны очень увлечены моей теорией происхождения дионисийства.

Открытка на виллу Жава. Штемпели: Paris. 1—5 05 — Genève. 3.V.03. Фрагмент опубликован: Кузнецова О.А. Цит. соч. С. 103—104 (с неточностями).

¹ Это, скорее всего, так называемый туберкулезный плеврит — признак того, что у нее туберкулы, что, с другой стороны, ничего не решает; это не значит, что она больна чахоткой: ее присутствие не опасно, но ей нельзя пить из одного стакана с детьми, также опасна мокрота. Все это мне очень печально (*нем.*).

² Одилон Редон (Odilon Redon; 1840—1916), французский график и живописец. О его знакомстве с А.В. Гольштейн см.: Переписка с Гольштейн. С. 336.

³ «Пророк Диониса» (*фр.*).

⁴ О судьбе этой картины см.: *Malmstad John E. «Hermits of the Spirit»: Vjačeslav Ivanov and Odilon Redon // Вячеслав Иванов и его время: Материалы VII международного симпозиума, Вена, 1998. Ф. а М., 2003. Р. 371—381. Репродукция картины представлена на с. 374; ее настоящее местонахождение неизвестно.*

514. Иванов — Зиновьевой-Аннибал 20 апреля / 2 мая 1903. Париж

Воскр<есенье> утром

Дорогая Радость, как-то все у вас? что с Христиной? Не тоскуй, милая Радость. Вчера мне не случилось написать, да ничего и не было. Приехав в библ<иотеку>, нашел ее запертой: Эдуард все смутил <?>. Купил цилиндр и перчатки. Пополудни был у Щукина, чтобы взять книги. Видел слегка <?> его картины — между пр<очим>, одного Félicien Rops¹, — они у него и в уборной, и в спальнной, и в ванной. Встретил Исаева² и философа Ивановского³, моего, как оказалось, товарища по гимназии и по уни-

в<ерситету>, но незнакомого мне, потому что он был классом ниже. Шукин очень звал во вторник обедать, но я сказал: нет, обедать никак не могу, но зайду к вам непременно. А<лександра> В<асильевна> проектировала вчера une petite réunion⁴, имеющее ко мне отношение (т<ак> что я отказал и у Кругликов<ой>), но Котляревский известил телег<раммой>, что прийти не может и просил назначить другой час, и был только Яценко. Собрание литературное в понедельник настолько значительно, что оповещено в школе и будет не в кафе, а в зале Associat<ion> des Etudiants⁵. Ящ<енко> там же. А<лександра> В<асильевна> решила ехать со мной. Она очень *против* чтения «Тантала», и кажется права. Она находит это неосторожным и нестоящим⁶. Две-три вещицы из сборника, я думаю⁷.

Читать в школе я буду 5-го, 9-го и 14-го Мая. По расписанию на ближайшие две недели.

Я писал, что раньше он звал в пятницу на народный бал⁸. Брюсов опять звал меня — на этот раз через Яценку — ехать сегодня в Версаль, но я опять отказался.

Спасибо Верушке — она меня крайне обрадовала своим дорогим письмецом друга.

Открытка на виллу Жава. Штемпели: Paris. 3—5 03 — Genève. 4.V.03

¹ Фелисьен Ропс (1833—1898), бельгийский художник.

² Андрей Алексеевич Исаев (1851—1924), экономист. Преподавал в Демидовском лицее (Ярославль), Петербургском университете. Впоследствии — в Петербургском психоневрологическом институте.

³ Владимир Николаевич Ивановский (1867—1931), философ, многолетний друг Иванова. Об их отношениях (с обширными цитатами из писем Ивановского к Иванову) см.: Кузнецова О.А. Цит. соч. С. 105—107.

⁴ Маленькое собрание (*фр.*).

⁵ Студенческой ассоциации (*фр.*).

⁶ См. п. 511, прим. 6.

⁷ 7 мая Зиновьева-Аннибал сообщила Замятниной: «Мне оказалось очень важно и интересно попасть в тот понедельник в собрание. Были бешеные нападки реаллистов на “новое искусство”. Вячеслав после реферата Брюссова и дебатов читал несколько стихов, и ему хорошо хлопали, несмотря на возбуждение страстей: “Океанид” между прочим» (РГБ. Ф. 109. Карт. 23. Ед. хр. 11. Л. 66).

⁸ Речь идет о недатированном (хотя явно написанном 30 апреля) письме В.Я. Брюсова:

Уважаемый

Вячеслав Иванович!

Все-таки 1 мая мне будет очень трудно быть у Вас. Не соберетесь ли Вы с нами вечером на народный бал в Grand'Roue? Это будет «поучительно и занимательно».

Если соберетесь, заезжайте к нам (Port Mahon) между 7 ½ и 8. Пойдем — Вы, мы и Яшенко. Не гневайтесь, что я все откладываю быть у Вас. Буду скоро и непременно. Пока же позволяйте в наших отношениях пользоваться вольностью туристов.

Уважающий

Валерий Брюсов (РГБ. Ф. 109. Карт. 13. Ед. хр. 84. Л. 2).

515. Зиновьева-Аннибал — Иванову 7/20 мая 1903. Лондон

Четверг. Вечер. 10 час.

Дотик, переезд несносный: «fog»¹ и медленный ход корабля с постоянным свистом через каждые 30 секунд. Уныло и неуютно. Следствие — опоздание. Подъезд к Лондону — черный город, ужас и вывески Babe's Food² и проезд мимо Norwood³, и в самом городе мимо Pollock'a⁴. Захватило сердце потрясающим ужасом перед жизнью. Жизнь ужас — измена и смерть. Как ужасен роман Пшибыш<евского>⁵, какой трагизм de génie⁶. В черном Лондоне с мрачными чумными людьми и закрытыми домиками первая радость — фигура Пэтона на бисикле: уезжает to speak⁷ где-то и поручает меня мужу сестры, гостящему у него. Но успел сволочить наверх корзину и сам развязать! ее. Ласков, прост. Пообедала. Угощал beau-frère⁸, неинтересный, но симпатичный. Теперь в гостиную пишу после длинной беседы с Peach'ом — милым, простым, сердечным мальчиком. Жду Пэтона. На душе бодро и грубо. Что-то лекция твоя. Уже <?> Пэтон спраш<ивал>: как мистер Иванов, т.е. профессор Ivanov теперь? Пишу в sitting-room⁹, beau-frère тоже ушел писать. Целую, будь счастлив. Агапо калон к'агафон¹⁰.

Лидия.

Открытка. Штемпели: Hampstead. 20.5<?>03 — Paris. 22.5.03.

¹ Туман (англ.).

² Детское питание (англ.).

³ Пригород Лондона, где похоронена дочь Ивановых Елена.

⁴ Речь идет о магазине Бенджамин Поллока (1857—1937), располагавшемся по адресу 73 Hoxton Street. Этот магазин был посвящен игрушечному театру, т.е. в нем продавались вырезанные из бумаги фигурки персонажей театральных пьес, которые можно было использовать для домашних «постановок». Среди поклонников игрушечного театра были Дж.Э. Милле и Данте Г. Россетти, магазин Поллока посещали Роберт Л. Стивенсон и С.П. Дягилев.

⁵ Видимо, речь идет о романе Станислава Пшибышевского (1868—1927) «Ното Sapiens» (1895—1896; 1901), изданном в переводе М.Н. Семенова издательством

«Скорпион» (М., 1902). В письме от 26 марта / 8 апреля 1903 Иванов просил М.М. Замятину приобрести эту книгу, что она исполнила (см.: Приложение (V)).

⁶ Гения (фр.).

⁷ Говорить (англ.).

⁸ Деверь (фр.).

⁹ Гостиной (англ.).

¹⁰ Русскими буквами записана греческая фраза, в переводе означающая: «Я люблю своего благородного мужа».

516. Зиновьева-Аннибал — Иванову 8/21 мая 1903. Лондон

Пятница час дня

Сижу на камне старика. Рядом могилка. Виднеется возвышение по ее середине ростом как бы с Елену. Трава сочная, радостная и весеннее-нежная, поросла кругом и по могиле. Кипарисы стоят мертвые, но в ногах растеньице вроде мирта, но чернее, выросло в свободный кустик. Велю его выкопать тщательно и в горшке привезу его. Посадим дома в саду. Это будет очень сладко — иметь Еленино верное 3-х летнее дерево. Пишу на бумаге, в которой принесла дивных ландышей и нарциссов. Они изнемогают в траве на изголовье под ярким солнцем. Птицы поют. Старый дуб с черными суками молодо зелен. На душе ужас жизни, простой ужас и последнее геройство отчаяния нести эту жизнь дальше на все катастрофы и предстоящие муки. И недоумение, большое недоумение: к чему. О если бы можно было любить верно и не отдавать смерти.

Твоя Лидия.

Да, в Лондоне опущу это письмо: если в Понедельник утром ты прилешь в прилагаемом конверте рисунок *креста* русск<о-го> и букв: Младенец Елена Иванова 1899 г. — Да будет воля Твоя. — (Я думаю, так, или как хочешь ты) — к *понедельнику* утру, т.е. опустишь в Париже до *шести* вечера (в кружку, где написано *lancé 6/15¹*), — то во Вторник я уже увижу готовый камень и в Среду могу выехать. Сделай так и имей в виду, что в воскресенье нет почты в Лондон, т. что мне получить письма нельзя до понедельника, а Yeatman² просит с первой почтой. Как пахнут на жарком солнце ландыши! Посылаю тебе один.

Лидия.

Ты *всё*, что я имею.

Станция. 2.29. Съела окорока и pot of tea³ в знакомой норвудской булочной. Еду. Устала. Отдохну в уютной комнате Turper <?>.

Конверт со штемпелями: London May 22 03 — Paris 23—5 03. Написано карандашом

¹ Опускать до 6.15 (*фр.*).

² Очевидно, мастер, который должен был делать памятник Елене.

³ Чайник чаю (*англ.*).

517. Зиновьева-Аннибал — Иванову 9/22 мая 1903. Лондон

Суббота

Перед людьми дилемма: или живи и полною грудью вдыхай муку и ужас, или же будь мертв и туп, как эти люди вокруг меня. Ничего писать не могу. Только в суете не страдаю, как остаюсь одна — изнываю. Это глупо, но я как неразумная. Страшно, страшно. Думаю во Вторник или в Среду выехать в ночь. О, скорее быть с тобой, скорее, скорее.

Ты мое здоровье и жизнь.

Твоя Лидия.

Открытка. Штемпели: Hampstead. My 23 03 — Paris 24—5 03.

518. Зиновьева-Аннибал — Иванову 10/23 мая 1903. Лондон

Воскр.

Дотик, вчера была в Stores, у Бантинг и в workhous'e¹. George Kerrel здоровый мальчуган 3 ½-х лет, он в школе за городом. Я было хотела поехать завтра, но еще не решила. Бантинг говорят, что иностранцам ребенка не дадут. Верно, все-таки поеду. У Бантингов говорила умно о твоей книге, обещала прислать, но думаю, что они не оценят: христьянствующие позитивисты и прогрессисты-филистеры. Оч<ень> были любезны, и я узнала о счастье: завтра вечером еду слушать Weingarten'a (Kaim-Saal) — 9-ю симф<онию> и квартет с хором².

Быть может, из-за этого всего не выеду раньше Среды. Тоска нападает, как ливень или вал, лишь только отступает на мгновение суета-спасительница. Здесь не люди, а запыхавшиеся безумцы-слепцы.

Твоя Лидия.

Открытка. Штемпели: Hampstead. Му 25.03 — Paris 25—5 03 <Так!>. Воскресенье приходилось на 23 мая по новому стилю.

¹ Работный дом. Об истории мальчика Джорджа Кеппела см. письмо Зиновьевой-Аннибал к М.М. Замятниной от 3 марта 1900 (Интермедия (III)).

² Речь идет об одном из самых знаменитых дирижеров этого времени Феликсе Вайнгартнере (Felix Weingartner; 1863—1942), который был и композитором, автором книги о симфониях Бетховена. О Вайнгартнере и его знаменитом оркестре Кайма (Kaim-Orchester) Иванов безусловно знал. Концерт оркестра Берлинской филармонии под управлением Вайнгартнера он слушал в Берлине в 1896 г. (см. п. 215), а появление оркестра в Женеве в апреле 1902 г. было одним из событий сезона. Судя по тому, что Зиновьева-Аннибал редко пропускала выступление известных музыкантов, и особенно симфонии Бетховена, очень вероятно, что она — вместе с Ивановым, который к этому времени уже вернулся из Афин, прослушала его концерт. Если нет, не подлежит сомнению, что они оба об этом читали. В «Journal de Genève» об этом писалось многократно. Первое объявление было 27 марта, затем 7 апреля появилась большая статья, посвященная Вайнгартнеру как звезде-дирижеру. Сам концерт (на котором исполнялись симфония Моцарта «Юпитер» и Третья «героическая» симфония Бетховена) состоялся 14 апреля, а пространная (очень хвалебная) рецензия появилась 22 апреля. Что касается английских его концертов: 16—25 мая 1903 г. в Лондоне Queen's Hall проходил Бетховенский фестиваль, в рамках которого под руководством Вайнгартнера исполнялись многие симфонии. В доступных нам материалах не указано, каким оркестром он руководил, но, вероятно, Kaim-Orchester, ибо был его главным дирижером. Kaim-Saal — концертный зал в Мюнхене, где, возможно, Ивановы слушали Вайнгартнера раньше. Следует отметить, что в концерте, где была Зиновьева-Аннибал, текст Шиллера в Девятой симфонии пелся на английском языке. См.: The London Times. 1903. May 26. Issue 37090. P. 12; The Musical Times. 1903. June 1. P. 402.

519. Иванов — Зиновьевой-Аннибал 11/24 мая 1903. Париж

Дорогая Лиля, милая Радость! Я с тобой.

Какое счастье было бы, если тебя и задержали!

Писать ничего не хочется. Посылаю brouillon <?>¹ проекта. Извести их, если что изменишь, телеграммой, и прошу тебя — не повленись, измени по своему вкусу. Слова «да будет воля Твоя» я нахожу стильным сделать в виде двух вертикальных строк: это напоминает стиль старинных крестов, окаймленных надписями,

и символизирует как бы потоки от концов креста. Но ты перемены, п<отому> ч<то> у тебя глаз вернее. Славянские буквы мне, вероятно, не удадутся, и потому я сделал везде одинаковые. А по сторонам креста можно было бы употребить славянские <?>.

Посылаю(?) в магазин вместе с рисунками и обложку своего сборника как модель русских красивых букв.

У меня все хорошо.

Люблю, целую, всегда с тобой

Вячеслав

Orasempre

Одновременно посылаю в [конверте] Yeatman'у <?> в его конверте чертеж и кусочек обложки.

М<ожет> б<ыть> зайду сейчас к Редону оставить карточку pour féliciter²: он сделан кавалером Légion d'Honneur³!

Ал<ексан>дра Вас<ильевна> *очень* просит привезти ей *запас употребленных* лебед<иных>? перьев, каковые и мне нужны. Это ты ведь и обещала⁴.

Конверт с адресом: Madame I. Ivanov p/b J.L. Paton, Esq. 38, Elsworth Road, Primrose Hill London NW. Envoi de Mr V. Ivanov 89 rue de la Tour XVIe. Штемпель: London My 25 03. Парижский штемпель вырезан вместе с маркой.

¹ Черновик <?> (фр.).

² Чтобы поздравить <его> (фр.).

³ Почетного Легиона (фр.).

⁴ Приписка сделана карандашом.

520. Зиновьева-Аннибал — Иванову

13/26 мая 1903. Лондон

Вторник

Дотик, хотела выехать сегодня, но невралгия и рассудок удерживают. Завтра схожу в музей. Вчера... но не могу говорить об этом в письме. Вчера был Зевс Фидия, после которого не забывшему его нельзя быть несчастным¹. Вчера была римская ночь восторга и дионисизма. Freude goldner Feuresfunken, Tochter des Elysium Wollusst war dem Wurm gegeben. Und der Cherub steht bei Gott². Пишу и всю потрясает, о Боже, что скажу. Была так пьяна дома, что даже Пэттона пробрало и бедный как-то <нрзб> но он воскликнул: Entbehren sollst du, sollst entbehren³; that is our dithy-

gam⁴! и я этим мгновением поняла его до конца. И не безумцы ли люди? Не встречай меня ни за что. Но к 8-ми закажи шоколад: это веселее. Я приеду трамом. Моя драма, должно быть, будет прекрасна до бесконечности.

Лидия.

Открытка со штемпелями: Hampstead. My 26. 03 — Paris 27—5 03.

¹ Таким образом Зиновьева-Аннибал выражает свой полный восторг от исполнения симфонии Бетховена. Она упоминает статую Зевса работы древнегреческого скульптора Фидия (ок. 490 — ок. 430 до н.э.), ссылаясь на предание, о котором В.И. впоследствии напишет в статье «Две стихии в современном символизме», т.е. «народное мнение было согласно в том, что видевший Фидиев кумир уже не может более быть несчастным в жизни» (II, 541).

² Неточная цитата из «Оды к радости» Шиллера (текст положен на музыку в четвертой части Девятой симфонии Бетховена). Правильно: «Freude, schöner Götterfunken Tochter aus Elysium <...> Wollust ward dem Wurm gegeben, Und der Cherub steht vor Gott» (нем.). В переводе Ф.И. Тютчева, ставшем особенно знаменитым по цитированию в «Братьях Карамазовых» (глава «Исповедь горячего сердца. В стихах»):

Радость, первенец творенья,
Дщерь великого Отца <...>
Насекомым — сладострастье,
Ангел — Богу предстоит.

³ «Отречься надо, надо отречься» (нем.). Цитата из «Фауста» Гёте, ст. 1549. (В переводе Б.Л. Пастернака: «Смирять себя!»)

⁴ Вот наш дифирамб! (англ.)

ФИНАЛ

Париж 1903

Зиновьева-Аннибал — Замятниной

6—5—03

Дорогая Маруся, надеюсь, что эти последние недели разлуки пройдут легче первых месяцев. *Ты всё же* с нами, дома; мы же временно богемствуем, и скоро все будем вместе. <...> Валерий очень милый человек, и мы в очень хороших дружеских отношениях. <...>

<Вписано между строк ВИ:>

Дорогой Сережа, ты поэт —
Шлю тебе, товарищу, привет.
Удался тебе на славу русский стих.
Будь и впредь в нем так же смел и так же лих.

РГБ. Ф. 109. Карт. 23. Ед. хр. 11. Л. 63. Открытка из Парижа на виллу Жава. Датируется по штемпелю.

Иванов — Замятниной

6—5—03

Среда, в ресторане

Дорогая Маруся! *Soyez bienvenues à la villa Java!* <...> Жизнь здесь так *полна*, что мы едва находим время поспать, и то недостаточно. Вчера вечером были у нас — т.е. в салоне А<лександр>ры> Вас<ильевны> Брюсовы. *Ils sont charmants*². Брюсов ходит аккуратно на мои лекции. Вчера на лекции я узнал от Ковалевского, что выбран единогласно в профессора и члены Совета Рус-

ской Школы, т.е. нашей смешной boîte³. Видите, какая честь! Сильнейшее из впечатлений в Париже до сих пор — знакомство с Редоном и его мастерская. А вечер литературный, где подвизались мы с Брюсовым против разъяренной толпы марксистов... Tout ça est érique — mais ça dépasse les limites de cette carte postale⁴. <...>

РГБ. Ф. 109. Карт. 23. Ед. хр. 11. Л. 64. Датируется по штемпелю.

¹ Добро пожаловать на виллу Жава! (фр.)

² Они очаровательны (фр.).

³ Школы (фр. разг.).

⁴ Все это эпично, но это превосходит границы этой почтовой открытки (фр.).

О вечере в студенческом кружке, где Брюсов читал лекцию «Ключи тайн», а Иванов стихи, подробнее см. в указанной выше книге Н.А. Богомолова и в следующем письме.

Зиновьева-Аннибал — Замятниной

89, Rue de la Tour. Paris XVI. 7 Мая 03.

Спасибо за «Сев<ерные> Цветы»¹! как ты мило лишаешь Вяч<еслава> их! и знакомства с моими издателями и кружком его литерат<урных> друзей. Но их не посылай. Милостию судьбы они у нас есть: Брюсов сам передал нам книжку. Также его «Vigilia»² у нас есть, слава Богу, но не тебе. Позор нам здесь был не знать «Мира Искусства», но сколько раз я зывала напрасно о нем. <...>

У нас здесь такая суэта и работа, что трудно вообразить. Не спим, не едим почти. Но результаты блестящие. Вячеслава всеми силами заманивают на зимний курс по римской древности и выбрали его *единогласно* в Совет школы и в профессора. Брюсов приходит на каждую лекцию, даже остается для этого лишние дни в Париже и писал Перцову, что «Нов<ый> Путь» много потеряет, если не залучит себе эти лекции. О курсе зимнем думаем, что это выгодно и умно принять и может послужить к связям и даже к экзамену Берлинскому. Он не берет всей зимы, а по месяцу, по 6-ти недель два раза в зиму. С Брюсовым виделись еще не раз. Мне оказалось очень важно и интересно попасть в тот понедельник в собрание. Были бешеные нападки реалистов на «новое искусство». Вячеслав после реферата Брюсова и дебатов читал несколько стихов, и ему хорошо хлопали, несмотря на возбуждение страстей: «Океанид»³ между прочим. Брюсов умный очень, и

искатель, и крупный талант, и очень интересен лицом и манерами. Его муза родственна нашей и, быть может, мы будем дружны в будущем. Это глубоко радостно. Он на меня производит сильное впечатление. Да, новый мир окружил душу, и душа снова полна сил, жизни, жажды творчества, счастья несказанного Красоты и надежд, и веры в силы свои и в свое будущее. С Вячеславом мне очень хорошо, глубоко, прекрасно хорошо. Комната тесна, но в сад окном и за двоих 150 фр. <...>

РГБ. Ф. 109. Карт. 23. Ед. хр. 11. Л. 64 об — 67. Карандашом. Сохраняем характерное в начале знакомства Л.Д. с Брюсовым написание его фамилии.

¹ Имеется в виду альманах кн-ва «Скорпион», где были напечатаны стихи Иванова.

² Книга В.Я. Брюсова «Tertia Vigilia» (М., 1903).

³ Стихотворение из «Кормчих звезд» (I, 525—526).

Иванов — Замятниной

8.V.03

Неизреченная Маруся, <...> Вчера вечером в русской школе читал Брандес¹ — личные воспоминания и пр. об Ибсене. Потом мы были в кафе с Брюсовыми и еще тремя русскими из «эстетов» и «мистиков» — моими слушателями. И было очень интересно. Мы с Брюсовым очень близки по стремлениям. Он — очаровательный *юноша*, очарователен, когда одушевляется. Лидия, увы, безнадежно влюблена! Вчерашний день — день моего визита у Ивана-Странника² — думаю влюбиться в свою очередь; тем более, что она меня так хвалит. Только верность *Вам* удерживает меня на опасной pente...³ В. <Далее рукой Зиновьевой-Аннибал:> Дорогая Маруся, с Брюсовым сговорилась совсем как ты сегодня пишешь. Спасибо за письма. Вчера в кафе до часу сидели, и Вяч. чудно говорил с таким жаром <?> и такой сжатостью! Но все перья павлиньи были собственно украдены у меня, что совсем поразило Брюсова и других. Его здесь захвалят. <...>

РГБ. Ф. 109. Карт. 9. Ед. хр. 33. Л. 25. Открытка. Датируется по штемпелю.

¹ Георг-Морис-Коген Брандес (1842—1927) — знаменитый датский критик, популярный в том числе и в России.

² Иван-Странник или Ivan-Strannik — псевдоним Анны Митрофановны Аничковой, урожд. Авиновой (1868—1935), писательницы, жены Е.В. Аничкова.

³ Склоне (*фр.*).

Зиновьева-Аннибал — В.К. Шварсалон

Париж. Воскресенье

Ты как будто предчувствовала, что мы были у тех художниц, где много народу¹. Это большая мастерская, как сарай с одной стеной из стекол, и там набрались художники и всякий народ, но не особенно было весело, хотя очень просто. Вячеслава просили читать стихи. Читали еще два поэта. Ему хлопали много. Здесь с нами обоими обращаются очень любезно, очевидно, что Вячеслава уважают сильно, а то, что «Скорпион» издает меня (видела ли, каким сказочно красивым изданием) внушает, как будто, всем уважение и ко мне, вернее, доверие к моему роману. Познакомилась я и В. с одной известной в Париже писательницей, она русская, но пишет по-французски (Ivan Strannik). Она была с визитом у меня, после визита к ней Вяч<есла>ва, и любезно пригласила нас обоих завтра, чтобы нас познакомить с знаменитым критиком и лектором — Брандессом <так!>. Это важно и интересно. Еще очень важно (и многого я от этого жду), что в Пятницу мы пойдем к *большому* художнику Редону, другу Алекс<андры> Вас<ильевны>. Вяч. уже с ним знаком, и оба друг с другом оказались глубоко родными.

РГБ. Ф. 109. Карт. 24. Ед. хр. 24. Л. 9 об — 10 об. Скорее всего, написано письмом в воскресенье 10 мая нового стиля.

¹ О ком идет речь, мы достоверно не знаем.

Зиновьева-Аннибал — Замятниной

13—5 03

Редон согласен писать заглавный лист «Пламенников»¹. <...> Вячеслав бежит в библиотеку. Завтра лекция. Он несет письмо.

РГБ. Ф. 109. Карт. 23. Ед. хр. 11. Л. 68. Открытка. Датируется по штемпелю.

¹ Этот план не осуществился.

Зиновьева-Аннибал — Замятниной

<Середина мая 1903>

У нас парижский пожар часов и минут. Нельзя описать интенсивность жизни. Брандес — дурак, я это знала с тех пор, как еще в России прочитала «Moderne Geister»¹, и здесь убедилась. Была еще идиотическая лекция о Гете. Познакомились мы с ним у Ивана Странника, там были еще несколько русских княгинь и князей. Он вел себя по-немецки грубо, самомнителен и невежествен до непонятности. Весь разговор вел Вяч., Брандес выпрашивал хриплыми выкриками. Вяч. стал таким спокойным и causeur², что просто радость. Иван Странник довольно красивая женщина, кажется (по ее первому роману судя, не без таланта очень интимного³), но Гольштейны вскрывают какие-то очень некрасивые dessous, и не знаешь, как к ней отнестись. Она ухаживает за нами, очевидно дорожит Вяч<есла>вом, и вообще пресмешно, что образуется круг почитательниц его. У Гольштейн ко мне приезжали эти самые княгини, чтобы близко знакомиться с нами, и Вячеслав, страшно элегантный, парижского образа, стоит, опираясь грациозно о рояль, элегантные дамы смотрят на него с диванов и кресел и ловят его слова. <...> Ив. Стран<ник> нашел, что у меня *очень* интересное лицо и видна негритянская кровь! (Аннибал). Были вчера у Редона. С час времени провели в мастерской, после чего были так им пьяны, что, дойдя до Trocadero, сели в кафе и просидели часа 3, там и пообедали, а дома еще кутили особенно. Дионисический художник самый истинный, потому что о Дионисе не ведает. Он будет писать голову Агавы для моих «Пламенников», я уже общала, но ты не удостоила внимания, так же как и на сообщение о том, что пишу драму в 3-х актах, 1-й акт готов. Заглавие «Звенья»⁴, сюжет — Измена и Смерть. Хочу набросать скорее, скорее, чтобы до начала печатания готово было. По этому представь себе и нашу жизнь. Это неопишимо. Это что-то, что мчится et qui grise⁵, и прекрасно, и кружится голова от интенсивности движения, даже словно тошнит подчас как в слишком мчащемся поезде. «Скорпион» подымает мои акции. Новое ощущение быть кем-то и не получать 3 1/3 за красоту явления, как в l'insipide Genève⁶. <...> Лекции Вячеслава выше *общего* уровня слушателей, поэтому телеграмма Ал<ександры> Вас<ильевны>

Succès profond была верною оценкою и вместе верным ограничением. Но будущее вскрывается, и день выезда из Женевы был счастливым, думаю. Эти лекции важны <?> почти исключительно в *будущем* как готовый план и набросок книги научной о Дионисизм<е> и Трагедии⁷.

РГБ. Ф. 109. Карт. 23. Ед. хр. 11. Л. 89—91 об. Написано карандашом.

¹ Имеется в виду книга Брандеса «*Moderne Geister: literarische Bildnisse aus dem neunzehnten Jahrhundert*», многократно выходившая на разных языках.

² Человек, владеющий искусством разговора (*фр.*).

³ О каком именно романе идет речь, сказать трудно. К тому времени на счету Иван'а Strannik'а их было два: «*L'appel de l'eau*» (1901) и «*La statue ensevelie*» (1902). Отметим, что Иванов рецензировал ее третий французский роман «*L'ombre de la maison*» (Весы. 1904. № 11).

⁴ Окончательное заглавие — «Кольца» (М., 1904).

⁵ И что кружит голову (*фр.*).

⁶ Пошлой Женеве (*фр.*).

⁷ Отчасти этот план реализовался в большой работе Иванова «Эллинская религия страдающего бога», так, впрочем, до конца и не доведенной.

Иванов — Замятниной

Суббота, 16 мая

Л. меня восхищает: представьте, у нее вдруг родился замысел драмы — и уже 1-ый акт (из 3) готов! Еще не знаю, будет ли хорошо, но, во всяком случае, сильный лиризм (несмотря на чрезвычайную простоту) и, что особенно важно, 1-й акт *сценичен!!*.

Я уже прочел 5 лекций. Аудитория обыкновенно (вступительные лекции, конечно, дело иное) не превышает 30 слушателей. Многие хвалят. Принимая во внимание, что весь почти комплект студент<ов> фанатичнейшие гражданственники, марксисты, позитивисты и т.д. — конечно, нельзя и думать о том, чтобы приманить <?> их Грецией, религией или эстетизмом. Но удивительным образом профессора (тоже почти все позитивисты) ко мне дружелюбны.

Как хорошо, что вы дома — на душе спокойно.

Обнимаю Вас. Крепко жму руку Христине и желаю ей скорей поправляться. В.

РГБ. Ф. 109. Карт. 9. Ед. хр. 33. Л. 26 и об.

Зиновьева-Аннибал — Замятниной*18 Мая*

Выезжаю в Лондон в Четверг утром. Не знаю, кончу ли II-й акт до того. Беру с собой драму. В Пятницу еду в Norwood, заказываю камень, в Субботу в Stores. В Воскресенье к Океану, где жду окончания камня и пишу конец драмы. Останавливаюсь у Paton'a. Здесь теперь работаем: Вяч — лекцию, я драму. Обедать ходим в кабачек рядом, где дешево, и здорово, и уютно. Живем, как всегда, когда можем отдаваться «влечению духа», т.е. работать совсем отвлеченные от жизни семьи, этой милой, любящей, красивой и любящей <так!> семьи, и всё же пленяющей крылья наши до того, что из журавлей в поднебесье обращаешься в курицу или голубя домашнего. Живем в нашем Элементе, и лучше, чем когда-либо, и, как и в Греции, чувствуем всю неизмеримую благодарность к тебе, ангелу-хранителю, так что худо ли, хорошо ли — будет l'oeuvre de notre vie artistique¹.

РГБ. Ф. 109. Карт. 23. Ед. хр. 11. Л. 70 и об. О поездке Л.Д. в Англию подробнее см. в основном тексте переписки.

¹ Труд нашей художественной жизни (*фр.*).

Зиновьева-Аннибал — Замятниной*Париж 31—5—03*

Сегодня В. в библиотеке. Застала его больным от переутомления: лихорадка и опухоль лица. Гольшт<ейн> лечил. Отоспался и лучше. <...>

РГБ. Ф. 109. Карт. 23. Ед. хр. 11. Л. 73. Открытка. Датируется по штемпелю. Написано по возвращении из Лондона.

Зиновьева-Аннибал — Замятниной*Париж 6—7—03*

Вчера завтракали с Пушкиревой¹ <...> Она очаровательная, глубокая русская женщина, русской красоты и таланта, он² — ужасен! Вот сумасшедший брак. Я не знала, что она ночью <?>

писала тебе рекомендации Брюс<ову> и Поляк<ову>, и не знала, как достаточно благодарить. Они были в Женеве 1 день. Не обиделась ли она. Она имеет большие связи с художеств<енным> театром³. <...>

РГБ. Ф. 109. Карт. 23. Ед. хр. 11. Л. 74, 75 об. Датируется по штампе.

¹ Вера Васильевна Пушкарева-Котляревская (1871—1942), актриса Александринского театра. Окончила Высшие женские курсы, по которым была знакома с Замятниной.

² Нестор Александрович Котляревский (1863—1925), историк литературы, преподаватель Александровского лицея, впоследствии председатель Репертуарного комитета Императорских театров, академик. Близкий знакомый Замятниной.

³ Театральные связи Пушкаревой-Котляревской и ее мужа были важны в связи с драматургическими планами Иванова и Зиновьевой-Аннибал. Однако из них, насколько мы знаем, ничего не вышло.

Зиновьева-Аннибал — Замятниной

Суббота. 9 ч. утра. В постели!...

...а должна была быть в *Von Marché!*!. Но, Марусенька, эти дни я так напрягалась, а сегодня предстоит следующее: в 11 на лекцию Вяч. (12—1), расстояния адские! Потом завтрак с Семеновым и Ал. Вас. в *quartier Latin* (А в след. субботу с *тремя поэтками!*). Затем прием *мой* в салоне Ал. Вас — княгини Гагаринной, княжны Трубецкой, *Mme de Roberti* (знаешь соцьюлога), Кикиной и т.д. (Кстати, *напиши*, что знаешь об Анненковой-Бернар²: она в меня влюбилась странно, и мы вчера завтракали в *buvette*³ библиотеки, и она слушала меня и говорила, что видит во мне *нового человека*, которому многое открыто, что не открыто другим, и что такие новые появляются, и лице у меня с картины, а не живое, и т.д. Она будет в *Glyon*, и к ней приедет Писарев (актер), и она зовет меня, чтобы ему прочесть драму. От сюжета драмы она в восторге и всё повторяет: это ново. Она сама писала драму, но историческую, теперь работает в библиотеке для 2-й.) Дальше: Вечером, после ужасных приемов (это *мои* приемы по парижским нравам, а Вячеслав, легший в 2 и вставший в 7, будет спокойно дрыхнуть: он, кстати, во второй раз болен крапивной лихорадкой от нервного напряжения) — мы поедем в театр в конце бульваров смотреть последнее представление новой пьесы *Meterlink* <sic!>.

РГБ. Ф. 109. Карт. 23. Ед. хр. 11. Л. 76—77. Письмо в оригинале не датировано, но явно написано 6 июня.

¹ Сеть парижских магазинов, существующая до сих пор.

² Нина Павловна Анненкова-Бернар (1859 или 1864—1933), актриса и литератор, автор исторической пьесы о Жанне д'Арк «Дочь народа» (СПб., 1903). Была гражданской женой упоминаемого в письме далее актера Модеста Ивановича Писарева (1844—1905).

³ Буфете (*фр.*).

Зиновьева-Аннибал — В.К. Шварсалон

Пятница. 12 Июня. 03.

Милые детки, завтра Вячеслав кончает последнюю лекцию. Затем он остается недели 4, т.е. до середины или даже конца Июля, чтобы отделать лекции к печати, работать будет в библиотеке. Может быть, даже будет печатать по-французски или по-английски¹. Тогда это произведет большой переполох в филологии, потому что он утверждает совершенно новые и самостоятельные вещи о происхождении религии Диониса и трагедии. Это большой и страстный спор в филологии, и все образованные люди тоже им заинтересованы. Теперь, что касается меня, я, конечно, желала бы остаться с Вячеславом. 1) он работает чрезмерно (ложится даже в 4 утра и часто в два и встает всегда рано) и поэтому его здоровье требует бдительного и любовного надзора. Пока я была в Лондоне, он уже захворал. 2) на него находит легко тоска в одиночестве, а Гольштейны (это между нами семейный секрет) имеют на него тяжелое, тоскливое влияние. <...> Итак, если у вас все благополучно, я останусь по возможности до конца или почти до конца с Вяч. <...>

РГБ. Ф. 109. Карт. 24. Ед. хр. 24. Л. 11 об — 12 об.

¹ Этот план осуществлен не был.

Зиновьева-Аннибал — Замятниной

13 июня. Суббота. 03.

Сегодня утром Вяч. встал в 4 ½ часа, чтобы закончить свою заключительную лекцию. Он ведь *почти не работает* к лекциям. Здесь время так уходит. Но он работал много в библиотеке для

наборки массы фактов, что ставит всё очень научно. В 11 мы были в школе на лекции Роберти. Так как конец лекции была беседа, то я предложила ему рассказать нам об схемах анархизма. И после лекции ко мне подошли студенты и вели оживленную беседу со мной об анархизме. В 12 ¼ — последняя лекция с очень, по моему, удачным общим обобщением смысла дионисизма и его роли по наше время. Много хлопали наши *fidèles*¹, которых числом не много, но которые, по словам Ковалевского, *sont l'élite*² студентов. Потом с двумя еще поэтами и несколькими другими знакомыми пошли вместе завтракать в артистический кабачек, после завтрака Вяч. говорил стоя <?>, и те поэты — милый товарищеский тон. Сговорились на ужин все еще на буд<ушей> недели <так!>. Теперь мы дома. Вяч. читает, я пишу тебе, сейчас выходим обедать, потом на «закрытие» школы вечером. Не знаю, чем кончится торжество. Будут лекции³.

РГБ. Ф. 109. Карт. 23. Ед. хр. 11. Л. 78 об — 79.

¹ Приверженцы (*фр.*).

² Являются элитой (*фр.*).

³ О процедуре окончания учебного года см.: *Гутнов Дмитрий*. Русская высшая школа общественных наук в Париже (1901—1906). М., 2004. С. 177.

Иванов — Замятниной

Воскр. 5.VII.

Благодарю Вас за интересное ваше письмо о Вене, где вы превосходно описали Богоматерь на картине v. der Weyden'a. Простите за столь медленное и, в конце концов, неудовлетворительное исполнение вашего поручения. Ука имеет знакомых в заведении Ларусса, но его протекция не устроила дела¹. Прилагаю полученный им ответ, из кот<орого> видно, что вам нужно списаться лично с одним барином, ныне отсутствующим*, но надежд на успех, кажется, нет. Cependant, пишут из редакции, *il serait bon de ne pas se baser sur mon simple avis mais de s'adresser aux autorités compétents qui accuilleront peut être bien la proposition*². Я писать ему за вас и Кондакова³ с Горьким не хочу, боясь еще все перепутать,

* Georges Moreau, directeur de la Revue Universelle. 19 rue Montparnasse⁶. (*Прим. Иванова.*)

напишите вы сама или с помощью Vuliéty, кот<орый> знаток в этих делах. Вся затея, по-моему, довольно вздорная и не возбуждает моего сочувствия: какая вам выгода от получения тощего гонорара за 200 скучных страниц перевода и бесконечные даровые хлопоты. А Ларуссу что за толк уступать свои клише? Удивляюсь, что ваш маг и волшебник Кондаков не придумал ничего осмысленнее, где вы могли бы и деньги заработать, и лучше, самостоятельнее выдвинуться.

За миниатюры *хвалю*.

Что за вздор школа [Ingres] Энгра и философия d'Indy⁴ — какое вам-то дело до того? Новые журналы здесь видеть трудно: выложены только последние книжки, а потом переплетаются у какого-то космического переплетчика, который употребляет на переплет целый геологический период. Вообще Bibl<i>othèque> Nationale — гнездо француз<ской> чиновничьей рутины. Все-таки постараюсь все увидеть.

Первую свою лекцию я вам не прислал потому же, почему я не прислал и остальные одиннадцать. Какая разница между первой и второй?.. Интереснее по общему <1 нрзб>, пожалуй, — последняя. Но от первой до последней это — *нечитаемые* наброски, brouillons illégibles, indéchiffrables⁵.

Знаете ли вы, что я — еще 1-го русского Июня — поссорился и *разорвал* с Александрой Васильевной? <...>

Ваш верный

Вяч.

Впрочем, не посылаю Вам письма из дома Larousse, т.к. убедил Лидию еще заехать на всякий случай к упомянутому барину — м<ожет> б<ыть>, он теперь уже опять в Париже, — Мне* лично, *конечно*, ехать к нему трудно и недосуг.

РГБ. Ф. 109. Карт. 9. Ед. хр. 33. Л. 27—29 об.

¹ О чем идет дело, мы в точности не знаем. Можно предположить, что Н.П. Кондаков собирался издать перевод какой-то книги, выпущенной издательством Larousse,

* «Мне» написано с *большой* буквы. NB. (Прим. Иванова.)

и добыть на наиболее выгодных условиях клише к ней. Ука — прозвище сына Гольштейнов.

² Однако... было бы хорошо не основываться на моем частном мнении, а обратиться к более компетентному руководству, которое, возможно, примет предложение (фр.).

³ Никодим Павлович Кондаков (1844—1925), выдающийся историк искусства и археолог, академик.

⁴ Жан Луи Огюст Доминик Энгр (1780—1867), французский художник; Венсан д'Энди (1851—1931), французский композитор. Вероятно, речь идет о каких-то занятиях Замятниной в Женевском университете.

⁵ Нечитаемые, нерасшифровываемые черновики (фр.).

⁶ Жорж Моро, директор «Всеобщего обозрения» <Адрес> (фр.).

Зиновьева-Аннибал — Замятниной

Воскресенье. 19.7.03, Париж

...думаем непременно быть в Среду.

РГБ. Ф. 109. Карт. 23. Ед. хр. 11. Л. 82. Датируется по почтовому штемпелю.

*КРАТКОЕ
ПРИБАВЛЕНИЕ
ПОСЛЕ ФИНАЛА*

От составителей

Письмами Ивановых весны и лета 1903 года логически завершается их переписка избранного нами периода (напомним, что за ним осталась переписка 1906 года). Письма к М.М. Замятниной и к детям проливают на это парижское пребывание дополнительный свет, почему и обозначены нами как финал. Однако в архиве сохранились еще два письма Зиновьевой-Аннибал к Иванову весны 1904 года. Они малосущественны, но все-таки значимы для исчерпания темы. Поэтому мы помещаем их в крошечном отдельном разделе как своеобразный мини-эпилог.

521. Зиновьева-Аннибал — Иванову *19 февраля / 3 марта 1904. Сен-Серг*

Четверг

Лопатка, не весело и не скучно, но не совсем ловко. Ехать не страшно, потому что настоящие большие <1 нрзб>. Здесь, кажется, устроят за 4 фр<анка>. Отельчик совсем деревенский. В спальнях здоровый холод. Но воздух легок и сух. Вебер был и съехал. Пусть Вера непременно едет к нему завтра же. Сейчас ложусь. В два дня отдохну ловко в этой легкости.

Целую крепко Лопатку.

Маруся, купи всем рыбы, а папе ливерной хорошей колбасы. Целую Марусю. Лена пусть ест больше яиц.

Orasempre, <4 нрзб> Λιδια!

Если Вера придет в Суб<боту> — вместе съедем в Воскресенье, если, конечно, ты не решишься <1 нрзб>².

Открытка на виллу Жава. Штемпели: St.Sergues près Nyon. 4. III.04 — Genève. 4.III.04.

¹ Краткую фразу по-гречески нам разобрать не удалось.

² В этом курортном местечке, однако, Ивановы остались довольно долго: последнее известное нам письмо оттуда к М.М. Замятниной датировано 17 марта. Непосредственно после этого Ивановы уехали в Россию.

522. Зиновьева-Аннибал — Иванову
20 февраля / 4 марта 1904. Сен-Серг

*Пятница 11 ½ утра.
На площадке занесенного снегом закрытого
Hôtel de l'observatoire.*

Солнце ясное, голубой снег, впереди туманный провал — это глубокая даль, скрытая вашими тучами. Сегодня скажу сознательно и не могу не сказать настойчиво: чем скорее ты решишься протянуть руку за здоровьем, тем будешь умнее. Здесь спится по 14 часов подряд и дышится мягким воздухом до животного сознания сладости дышать. Нужно бы детям приехать в Субботу, и если Сережа не может, то Лене с Верой. О Лене нужно очень серьезно подумать на 2 недельки сюда. Если Лопатка будет умна, то она велит своей Марусеньке устроить очень крупные звезды в <нрзб> и приедет моя Лопатка немедленно перед Россией на 8 дней. Dixi <?>. Лидия.

Hôtel мой совершенно пуст: я одна, всё по-зимнему и полная, снежная тишина и мягкость. Небеса, и <1 нрзб> земля, и ты один.

Открытка на виллу Жава. Штемпели: St.Sergues près Nyon. 4.III.04 — Genève. 4.III.04.

К ИЛЛЮСТРАЦИЯМ

При иллюстрировании книги использовались фотографии из архива Вяч. Иванова (РГБ. Ф. 109) и из коллекции Государственного Литературного музея (ГЛМ). Место хранения таких фотографий указано в подписях под иллюстрациями. Приносим благодарность хранилищам за разрешение на публикацию. То же относится к воспроизведениям оригиналов писем: они хранятся в РГБ и были отсканированы при подготовке издания с разрешением руководства отдела на публикацию.

Открытки с видами городов, связанных с жизнью В.И Иванова и Л.Д. Зиновьевой-Аннибал, а также некоторые портретные фотографии, места хранения которых не указаны, размещены в сети Интернет.
All rights reserved.

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН*

Аверинцев С.С. I, 7, 34
Авьерино М.А. I, 386
Авсеенко В.Г. I, 310
Агафоанжело (Агафоангел; прозвище) I, 601, 604, 605, 628
Адриан, император I, 550; II, 376, 378, 388
Азадовский К.М. I, 46
Александр I Обренович, король Сербии II, 372
Александр III, император I, 213
Александр Македонский II, 116, 376
Александр Степанович, знакомый Зиновьевой-Аннибал I, 417
Александра Матвеевна — см. Розанова А.М.
Алексеева Е.В. I, 61
Алексей Романович — см. Казицын А.Р.
Алферьев Н.И. I, 214

* В указатель внесены по возможности все упоминания присутствующих на страницах переписки людей, в том числе и не прямые («моя мать», «учительница» и пр.), а также имена авторов цитат, вне зависимости от того, названы они в тексте или нет. Фамилии, встречающиеся и в кириллическом и в латинском алфавите, даны в обоих вариантах — вначале в кириллице, затем, в скобках, в латинице. В указатель не внесены: 1) имена Иванова и Зиновьевой-Аннибал; 2) мифологические (в том числе библейские и евангельские) персонажи и персонажи литературных произведений; 3) имена владельцев ресторанов, торговых фирм, издательств, гимназий и т.п.; 4) эпизодически появляющиеся персонажи, вроде «Маша горбатая». Поясняются имена тех лиц, о которых не удалось собрать достаточных данных или возможность отождествления которых сомнительна. В том случае, если мы не уверены, что на конкретной странице речь идет именно о данном человеке, после номера ее ставится вопросительный знак в скобках. Номера страниц, на которых присутствуют биографические данные об упоминаемой персоне, выделены полужирным шрифтом.

- Алферьев П.И. I, 214
Алферьевы I, 210
Альтман М.С. I, 39, 126, 310
Альфieri (Алфиери) В. II, 237, 238
Алымова С.И. I, 44, 51, 55, 67, 70, 140, 143, 144, 197, 205, 206, 221, 226, 278, 290, 305, 320, 329, 331, 461, 537, 540, 541, 545, 548, 552, 568, 581—584, 590—592, 594, 595, 597, 598; II, 389, 396
Амалия, королева Греции II, 392
Ангел — см. Гонимос А.
Аничков Е.В. I, 431, 433; II, 494, 497
Аничкова (урожд. Авинова; псевд. Иван-Странник или Ivan-Strannik) А.М. II, 496, 515—518
Анненкова-Бернар Н.П. II, 520, 521
Антиох Эпифан II, 388
Антоновский Ю.М. I, 276
Анфертьева А.Н. I, 69, 483
Анюта, «девушка» Зиновьевой-Аннибал — см. Шустова А.Н.
Апухтин А.Н. II, 406
Аранкур (Harancourt) Э. I, 57; II, 296, 301
Ардель И. I, 386
Аристей (Aristeas) I, 483
Аристотель I, 496, 497
Аристофан (Aristophan) I, 21; II, 349, 351, 364, 365, 403, 405
Арцыбашев М.П. I, 540
Аспазия I, 275, 276
Афинея I, 21
Ахматова (урожд. Горенко, в замуж. Гумилева) А.А. I, 47
Ахметов, человек, в которого была влюблена Зиновьева-Аннибал I, 99
- Б.Б. I, 699
Баевская Е.В. I, 47
Байрон Дж.Н.Г. I, 647, 650; II, 65
Бакст (Розенберг) Л.С. I, 42
Бакунин М.А. I, 57, 469,
Балабанова (Балобанова) Е.В. I, 660, 661
Балмашев С.В. I, 565
Бальмонт К.Д. I, 10, 40, 613, 616, 628, 629, 667—669; II, 148, 153, 456, 463, 481, 490, 491, 493, 495, 499
Бантинг — см. Bunting
Баратынский Е.А. II, 366, 368
Баркер Е. I, 24
Басси (Bassi) Г., брат Э. Басси II, 35

- Басси (Bassi) Э., жених О.Ф. Никитиной II, 27—29, 34—36, 56, 57, 63, 81, 82, 112, 115, 145, 147, 173, 214, 239, 245, 249, 261, 263, 295, 316, 317, 319, 321, 322, 326, 327, 402—403
- Батюшков К.Н. II, 344
- Батюшков Ф.Д. I, 433, 608, 648; II, 456, 463, **464**, 470, 471, 475—477, 479—481
- Бах И.-С. II, 341
- Бахман А. I, 386
- Белов И. I, 386
- Белый Андрей (Бугаев Б.Н.) I, 18
- Беляев В.И. I, 218, 219; II, 103—105
- Беляева (урожд. Иванова) М.Т. I, 219; II, 233, 234, 257, 270, 276, 297, 350, 351, 386, 393, 403, 405, 419
- Беляевы М.Т. и В.И. II, 208
- Беляевская О.А. I, 197, 400, 401, 609, 656, 697, 700, 710, 711; II, 241, 263, 265, 474
- Беляевская Ю.А. I, 54, 197, 401, 656, 685, 687, 697, 701, 702, 710, 711; II, 470
- Беляевский В.А. II, 471
- Бенедикт — см. Вентцель Н.Н.
- Бенедиктов В.Г. I, 309
- Бенуа Александр Н. I, 667, 669—671; II, 158, 454, 475, 476
- Бердяев Н.А. I, 41
- Берлиоз Г. I, 531, 545, 546
- Бернс Р. I, 522
- Бертенсон В.А. II, 267
- Бетховен (Beethoven) Л. ван I, 14, 476, 477, 479, 529, 531, 687, 688; II, 278, 286, 315, 339, 341, 345, 380, 381, 385, 386, 395, 396, 402, 404—406, 412, 421, 431, 445, 446, 457, 472, 474, 476, 482, 507—510
- Бизе (Bizet) Ж. I, 105, 114, 176, 177, 217, 221, 224, 296, 362, 456, 531; II, 28, 122, 189, 244, 247, 250, 255, 258, 298, 367
- Бирюков П.И. II, 299, **302**, 327, 400
- Бисмарк-Шёнхаузен О.Э.Л. фон I, 19; II, 23, **24**, 207
- Битрос Л. (Леонардо(с), Лионарди), официант в Афинах I, 735; II, 20, 41, 44, 50, 52, 53, 89, 91, 111, 117, 119, 122, 140, 145, 160, 161, 164, 178, 184, 185, 199, 207, 209, 245, 256, 317, 390, 393, 405
- Благовещенский П.М. I, 69
- Благой Д.Д. II, 500
- Блок, тетка (мать деверя) Зиновьевой-Аннибал II, 262
- Блок А.А. I, 18, 332; II, 52
- Бобок, спутница Зиновьевой-Аннибал II, 27, 28, 38, 51, 97, 99

- Боборыкин П.Д. I, 550; II, 284, 285, 305, 306, 329, 395, 402, 404, 406, 418, 423, 424
- Боголепов Н.П. I, 718, **719**
- Богомоллов Н.А. I, 10, 32, 45, 49, 60, 61, 144, 366, 598; II, 153, 448, 452, 464, 476, 483, 496, 514
- Бодлер (Baudelaire) Ш. I, 156; II, 126, 127, 230, 231, 276—277, 279, 297, 312—314, 330, 335
- Боккабадати (Vocabadati) В. I, 76—79, 85, 86
- Болотов, адвокат I, 376
- Бомарше П.О.К. де II, 170
- Бонгард-Левин Г.М. I, 63, 64, 310, 419, 736; II, 469
- Борман О. I, 453, **454**
- Боттичелли С. (А. Филиппеи), I, 482; II, 443, 448
- Брандес Г.-М.-К. II, **515—518**
- Брема (Vrema) М. II, 247, **250**, 274, 277, 297, 301, 341, 345, 366, 381
- Бруни Ф.А. II, 158
- Брут Марк Юний II, 280
- Брюллово К.П. II, 158
- Брюнетьер (Brunetière) Ф. I, 738; II, 58, 60, 61, 82, 84, 175, 177, 278
- Брюсов В.Я. I, 5—6, 9, 10, 14, 39, 40, 55, 310, 649, 658; II, 66, 301, 456, 458, 463, 483, 488, 489, 491—494, 496, 497—501, 504, 505, 513—515, 520
- Брюсова (урожд. Рунт) И.М. II, 498, 513
- Бублик В.Д. I, 591
- Будберг А.А., бар. I, 192, **193**
- Бузони Ф. I, 477
- Булгаков С.Н. I, 41
- Бунин И.А. II, 456
- Буренин В.П. II, 156, 158, 402, 418
- Бурже П. I, 389, 390
- Бьернсон Б.-М. II, 376, 379
- Бюрнан (Burnand) Э. I, 466—**468**
- Бюффон Ж.Л.Л. де I, **479**
- Вагнер (Wagner) Р. I, 14, 55, 196, 364, 366, 710; II, 66, 242, 250, 286, 288, 290, 383, 384, 385, 397, 404, 406, 445
- Валишевский К. (Ф.) II, 490, **494**, 495
- Валь В.В. фон I, 533, **534**
- Ванновский П.С. II, 203
- Варламов А.Е. II, 154, 300, 303
- Василий Великий, св. II, 129, **131**
- Васильев А.А. I, 433

- Васильевский В.Г. I, 153, **154**
Васнецов В.М. I, 581, 582, 595, 597, 640, 655, 657; II, 68, 70, 158, 441—443, 447
Васюня, «девушка» Зиновьевой-Аннибал I, 53, 55, 623, 636, 640; II, 106
Вахтель (Wachtel) М. I, 9, 20, 22, 61, 62, 64, 126, 225, 366, 419; II, 314, 389
Вебер Л.Н. I, 228; II, 9, 451, 454, 467, **468**, 470, 477, 481, 482, 484, 527
Вебер Я.Л. II, 468, 498 (?)
Вейнберг П.И. I, 311, 700
Вейнгартнер Ф. I, 14, 477
Вейнингер О. I, 540
Величко В.Л. II, 391—393
Венгеров С.А. I, 700
Вентцель Н.Н. II, 472—474
Венявский Г. (Г.И.) I, 531
Верди (Verdi) Дж. I, 79, 101, 104—106, 113, 168, 169, 180, 196—198, 362; II, 170, 229
Верлен (Verlaine) П. I, 10, 648, 649; II, 214, 296, 301, 341, 345
Верн Ж. I, 399, 401; II, 498, 501
Вернадская (урожд. Старицкая) Н.Е. I, 205, **206**
Вернадский В.И. I, 205, **206**
Вернадский Г.В. I, **206**
Виардо-Гарсия (Viardot) М.-П. I, 38, 39, 225, 228—**229**, 243, 249, 271, 281, 305, 306, 319, 320, 328, 331, 354, 355, 361, 362, 367, 370; II, 135, 167, 298, 342
Виктория, королева Англии II, **16**
Виламовиц фон Мёллендорф (Wilamowitz v. Moellendorf) У. I, 20, 481, 482; II, 42, 45, 199, 207, 222, 232
Виллемер М. фон I, 218, 219; II, 412
Вилли, жених miss В. Hunt I, 199, 368
Вильгельм (Wilhelm) А. I, 18, 20, 21; II, 31, **33**, 37, 55, 56, 87, 115, 140, 143, 144, 159, 160, 162, 171, 183, 199, 202, 206, 207, 208, 220, 221, 236, 237, 240, 266, 272, 294, 308, 323, 326, 327, 347, 351, 369, 376, 377, 418, 424, 428
Вильгельм II, германский император I, 19
Виндельбанд В. I, 366
Винкельман И.-И. I, 69
Виноградов П.Г. I, 340, **344**, 725; II, 490, **495**
Виргилий (Вергилий) Публий Марон I, 625
Висс (Wyss) А. II, 254, 258
Вогюэ Э.-М. де II, 251—**253**
Войцеховская Э.А. I, 129
Волков Ф.К. II, 491, **495**

- Волошин (Кириенко-Волошин) М.А. I, 41; II, 450
Волынский А.Л. (Флексер Х.Л.) II, 492, **496**
Вольтер (Voltaire; Ф.М. Аруэ) II, 288, 289
Воронина, знакомая Зиновьевой-Аннибал II, 477
Всеволожский И.А. I, 175, 176, 243, **245**
Вульф (урожд. Якунчикова) В.В. I, **228**, 707 (?)
Вульф Ю.В. I, **228**
Вульфиус Г.Г. I, 68, **69**
Вульфиус Н.В. I, 68, 69
- Г., человек, в которого была влюблена в молодости Зиновьева-Аннибал I, 143, 144
- Гагарина, светская знакомая Зиновьевой-Аннибал в Париже II, 520
Гаген-Торн В.Э. I, 37, 213, 296, 332, 417, 418, 539, 548, 552, 590
Гаде (Gade) Н. I, 364, 366
Гайдебуров В.П. I, 613, **617**, 619
Галанина Ю.Е. I, 33, 61
Галилей Г. I, 366
Галперт Н.А. I, 603, 605, 608, 609, 618, 624, 626—628
Гамбаров Ю.С. II, **483**, 486, 491, 494
Ганн, знакомый Зиновьевой-Аннибал I, 417
Гартман М. I, 150—152
Гаспаров М.Л. I, 52
Гегбарт (Gebhart) Э. II, 126, **127**
Гейне (Heine) Г. I, 165, 167, 168, 180, 276, 330, 332, 489, 490, 504, 506, 541, 542, 680; II, 49, 52, 358, 362, 386, 394, 395, 396, 472
Гейрот — см. Торриги-Хейрот Л.
Геккерт Л. де (Луи Борхард ван Г. де Бевербард) I, 618
Гелиогабал II, 281, 291
Гендель (Handel) Г.-Ф. II, 228, 229, 315
Гераклит Эфесский II, 162, **163**, 281, 282
Герард В.Н. I, 313, **315**,
Герасимов Ю.К. I, 658
Герцык Е.К. I, 42
Гете (Goethe) И.-В. I, 11—13, 82—84, 108, 113, 120, 121, 125, 126, 129, 134, 135, 140, 142—144, 148, 149, 162, 163, 171, 172, 181, 182, 219, 241, 242, 253, 265, 266, 269, 272, 273, 367—369, 377, 378, 466—468, 488—490, 541, 542, 550, 552, 553, 645, 647, 648, 698, 700; II, 36, 39, 70, 102, 147, 153, 159, 174, 278, 341, 345, 354, 358, 386, 388, 389, 396, 404, 406, 411, 412, 421, 443, 448, 482, 510, 517
Гетзе (Goetze) К. I, 145, **146**
Гизебрехт В. I, 344

- Гиппиус З.Н. I, 554, 555; II, 456, 463, 479, 480
- Гиршфельд (Hirschfeld) О. I, 225, 316, 340—344, 356, 366, 368, 374, 474, 478, 480—485, 487, 505, 507, 508, 515—518, 725; II, 43, 209
- Глинка М.И. I, 383—386, 521, 522; II, 114, 366, 368, 421, 422
- Глюк (Gluck) К.-В. I, 105, 113, 680 (?); II, 192, 195, 330, 335
- Гнедич Н.И. I, 577; II, 344, 427, 429
- Гнедич П.П. I, 700
- Гоголь Н.В. I, 21, 476, 477, 625, 629, 668, 669; II, 53, 59, 72, 76, 77, 245, 250, 252, 272, 277, 404, 426, 443, 448, 473, 474, 490
- Голенищев-Кутузов А.А. I, 613, 616—617
- Голованов Н.Н. I, 212, 214, 215, 219, 222, 231
- Головин В.Е. I, 37, 296, 565, 568, 569—575, 577—587, 607, 618, 624, 627, 628
- Гольбейн Г. I, 466, 467
- Гольштейн (Holstein, урожд. Баулер) А.В. I, 6, 37, 54, 64, 227, 228—229, 231, 314, 315, 334—336, 342, 344, 354, 371, 387, 394, 399—401, 403, 404, 472, 476, 479, 483, 493, 509, 569, 585, 598, 629, 667, 670, 671, 677, 683, 687, 689—692, 703, 708; II, 9, 23, 54, 55, 114, 128, 178, 214, 219, 223, 229, 236, 251, 254, 276, 282, 302, 321, 347, 359, 363, 373, 386, 404, 406, 450, 456, 467—469, 471, 475, 476, 483, 485—489, 491—494, 497—499, 503, 504, 513, 516, 517, 520, 523
- Гольштейн В.А. I, 54, 226, 227, 231, 354, 370, 371, 419, 420, 422, 423, 427, 435, 437, 439—442, 444—451, 461, 462, 469, 478, 482, 486—488, 492, 493, 495, 498, 509, 585, 629, 659, 683, 690; II, 9, 10, 54, 55, 69, 362, 363, 451, 465, 472, 486, 487, 493, 500, 502, 519
- Гольштейн (в замуж. Семенова) Н.В. I, 509, 510, 626, 629, 683; II, 487
- Гольштейн В.В. (Ука) I, 690; II, 493, 496, 523, 524
- Гольштейны А.В. и В.А. I, 262, 353, 426, 453, 494, 498, 503, 504, 507, 510, 511, 513, 556, 680, 688; II, 9, 19, 50, 52, 94, 121, 166, 262, 401, 482, 487, 489, 492, 493, 503, 517, 521
- Гомер I, 215, 294, 295, 331, 577; II, 54, 59, 160, 199, 211, 241, 323—327, 427, 429
- Гомперц (Gomperz) Т. II, 158, 159
- Гонимос А. I, 734; II, 21, 23, 24, 30, 33, 40, 41, 51, 54, 56, 58, 68, 81, 89, 92, 128—130, 140, 141, 145, 149, 152, 153, 155, 159, 162, 164, 170, 172, 175, 178, 185, 186, 198, 199, 208, 210, 222, 234, 237, 240, 264, 272, 295, 301, 303, 309, 310, 312, 314, 317, 369, 371, 377, 404, 405, 408, 426, 427
- Гонимос К., дочь А. и Ф. Гонимосов II, 25, 33, 54, 237
- Гонимос Ф. I, 735; II, 20—22, 24, 30, 32, 33, 40—42, 49, 51, 53—55, 58, 59, 68, 88, 89, 92, 100—102, 104, 109, 118, 119, 122, 128—130, 140, 141, 143, 149, 153, 155—157, 160, 164, 170, 172, 178, 180, 186, 199—201, 207—209, 222, 225, 237, 264, 276, 286, 293, 303, 307, 308, 312, 314, 317,

- 324, 327, 347, 351, 353, 364, 365, 371, 372, 377, 383, 387, 393, 401, 404, 405, 407—409, 416, 419, 421, 426, 427, 433
- Гончаров И.А. II, 418, 421, 437
- Гораций Квинт Флакк II, 304
- Городецкий С.М. I, 41
- Городницкая А.А. I, 64
- Горький М. (Пешков А.М.) I, 671; II, 145, 251, 253, 473, 523
- Гофман М.Л. I, 45, 49
- Гревс Е.И. I, 77, 79
- Гревс И.М. I, 6, 15, 18, 35, 36, 51, 63, 64, 67, 68, 70, 76, 77—80, 84, 85, 96, 114, 118, 153, 154, 160, 171—175, 177—179, 181, 182, 187, 189, 190, 194, 197, 205, 206, 209, 210, 212, 221, 223, 224—229, 237, 239, 240, 261, 300, 308, 310, 311, 330, 335, 338, 342, 368, 371, 399, 400, 403, 417—420, 423—426, 428, 431, 436, 447, 449, 451, 462, 538, 539, 570, 575, 577, 604, 605, 608, 610, 611, 613, 616, 617, 624, 626—628, 671, 717, 720, 721, 724, 725, 730, 733, 735; II, 34, 304, 313, 327—329, 335, 391, 392, 396, 416, 420, 425, 432, 434, 477—479, 492
- Гревс (урожд. Зарудная) М.С. I, 77, 79, 205, 209, 210, 212, 221, 224—227, 300, 335, 508, 571
- Греко — см. Эль Греко
- Гренауэр, вероятно, врач в Женеве II, 150, 227
- Гречишкин С.С. I, 331
- Грибоедов А.С. I, 215, 670, 672; II, 240, 241
- Григ Э. I, 332
- Григорьев А.Л. I, 662
- Григорьева Н. I, 490
- Гримм Э.Д. I, 675, 676
- Гудзий Н.К. I, 662
- Гузевич Д.Ю. I, 510
- Гузевич И.Д. I, 510
- Гульельмо(с) (Goulielmos), лавочник в Афинах II, 30, 50, 51, 69, 127, 129
- Гуревич Л.Я. I, 554, 555
- Гуревич Я.Г. I, 47
- Гусев В.Е. II, 73
- Гутнов Д.А. II, 522
- Гфеллер (Gfeller) У. I, 47
- Гюго (Hugo) В. I, 145, 146, 196, 197, 288, 290; II, 327
- Гюисманс (Huysmans) Ж.-К. I, 52, 583, 584; II, 377, 379, 449
- Данзас Ю.Н. I, 618
- Данилевский Н.Я. II, 415, 416
- д'Аннунцио Г. I, 101, 112, 113, 188, 189, 540

- Данте Алигьери I, 210, 629, 729, 730, 731; II, 23, 313
Дарвин Ч. I, 489; II, 60
Даргомьжский А.С. II, 122, 123, 126, 436, 437
Дашкевич (Дашкович) П. II, 214, **219**, 236, 245, 299, 317, 321, 346, 374, 388, 391, 400, 401
Девлет-Гильдеевы, кн. I, 210
Девлет-Кильдеева А.А. I, 214
Девлет-Кильдеева Е.Ф. I, 214
Деген Е.В. II, 464
Декарт Р. I, 489; II, 378, 380
Де Роберти Е.В. II, 490, 491, **495**, 520, 522
Деким Коссутий II, 388
Делианис Ф. II, 21, 23
Делэ Ж. II, 375
Демская А.А. I, 401; II, 483
Державин Г.Р. I, 215
Дерпфельд (Dörpfeld) В. I, 18—20, 717, 736; II, 32—34, 40, 41, 43—46, 55, 75, 87, 88, 91, 92, 100, 101, 117, 128, 129, 154, 155, 160, 162, 171, 174, 185—187, 202, 206—211, 222, 233, 251, 269, 284, 292—294, 311, 318, 323, 326, 369, 371, 372, 376, 377, 418, 428
Дерпфельд Ф. II, 43, 101
Дерпфельды, жена и дочь В. Дерпфельда II, 44, 428
Дефо Д. I, 409, 410, 424
Дешарт О. (Шор О.А.) I, 6—8, 23, 32—35, 48, 49, 50, 55, 58, 76, 80, 159, 292, 310, 657
Дидро (Diderot) Д. II, 288, 289
Диоген I, 113, 233
Диоген Лаэртский I, 113
Длуголенский Я.Н. I, 263
Дмитревская А.Т. I, 84, 196, 201—207, 210—212, 247, 337—**339**, 345, 348, 426, 491, 521, 522, 531; II, 104, 105, 335
Дмитревский А.М. (Леля) I, 201, 202, 204, 522
Добиаш А.А. I, 626, 627, **629**
Добиаш (в замуж. Рождественская) О.А. I, 613, 616, **617**, 626—629
Добровольская М.Э. I, 715; II, 165, 478, 488, 498—501
Добролюбов А.М. II, 456
Добролюбов Н.А. I, 27
Доде А. I, 428, 435
Доменико ди Бартоло II, 490, **494**
Доницетти Г. I, 112—114, 168, 169, 210
Достоевский Ф.М. I, 467, 581; II, 23, 402, 510
Драга, королева Сербии II, 371, **372**

- Дрейфус А. П, 29, 30
Дройзен (Droysen) Й.-Г. П, 349, **351**, 365
Дуня, «девушка» Зиновьевой-Аннибал — см. Строганова Е.С.
Дягилев С.П. I, 667, 669—671; II, 153, 156, **157**, 505
- Евгеньев-Максимов В.Е. I, 331
Евграфов (Гутман) Г.Р. I, 24
Елена, св. II, 152, **154**
Елена (Елена Васильевна Потемкина), прислуга С.А. Зиновьевой I, 673, 692
Елена Егоровна, знакомая Зиновьевых II, 118, 122
Ернштедт В.К. I, 604, **605**, 608, 612, 613, 615, 616, 619, 620, 628, 656, 658
Ерофеева Н.Н. I, 215
Ефрем Сирий I, 570, 571; II, 101, 103
Ефрон, знакомая Иванова в Риме I, 158
- Жадовская Ю.В. II, 122, 126
Жак-Далькроз (Jaques-Dalcroze) Э. I, 57; II, 358, **362**, 380, 381
Жанна д'Арк II, 521
Жебелев С.А. I, 433, 483
Жорес (Jaurés) Ж. II, 261, **265**, 273—282, 286, 288—291, 304
Жуковская (урожд. Зиновьева) А. I, **469**, 585; II, 72, 119, 156 (?), 245, 246, 261, 297, 299, 321, 367
Жуковская Б. I, **469**
Жуковский В.А. I, 126, 215, 275, 275, 276, 294, 295, 698; II, 73, 154
Жуковский А.Н. I, **469**
Жуковский Д.Е. I, 469
Жуковский Н.И. I, **469**
Жуковский С.Н. (Э.). I, **469**; II, 64, 66, 83, 136, 244, 297, 298, 328, 359, 384—386, 403, 406
Жуковские, семейство I, 468, 469, 471, 571, 572, 586; II, 72, 77, 119, 125, 150, 223, 246, 366, 367, 381
- Загуляева Ю.М. I, 700
Замятнина М.М. I, 41, 43, 47, 48, **50**—53, 55, 60, 605—607, 610, 611, 615, 617, 618, 624, 627, 629—632, 636—639, 641—649, 651—661, 666—669, 672, 674, 676, 678—681, 683, 684, 687, 689—693, 695—697, 700—704, 707, 709—711, 715, 716, 718, 720, 721, 723—733, 736—739; II, 7, 8, 10, 11, 13, 14, 16, 17, 19, 22, 25, 30, 33, 40, 42—44, 47, 48, 54, 57, 60—64, 66—73, 76, 77, 79, 82, 83, 87, 90, 92, 93, 95—97, 106—108, 111, 113—126, 132—137, 139—141, 143, 146—153, 157, 161—170, 174—180, 182, 183, 185, 186, 189—191, 193, 196, 198, 205, 206, 210, 212, 214, 216—

- 218, 223—232, 234, 237, 241—244, 246, 248, 249, 253, 255—258, 260—262, 267, 268, 271, 272, 277—279, 285, 286, 291, 294, 297, 299, 300, 303, 305, 307, 311, 316, 319, 327—330, 339, 340, 343—345, 349, 350, 352, 354, 355, 357, 358, 360, 361—366, 371, 373, 375—381, 390—392, 395, 397, 399, 400, 404, 410—412, 414—420, 424, 430—438, 441—458, 463, 465, 466, 468—474, 477—482, 484, 485, 488, 491—493, 496, 502, 505, 513—524, 527, 528
- Замятина П.А. I, 737; II, 107, 118, 122, 151, 358, 362
- Замятина (в замуж. Корш) Ю.М. I, 737; II, 7, 8, 106—108, 113, 118, 151, 244, 249, 267, 270, 360, 361, 363, 423, 424, 430—432, 434—437, 441—443, 468, 470, 471
- Зарин, вероятно, сотрудник русского консульства в Париже I, 293
- Зарудная (в замуж. Кавос) Е.С. I, 508 (?), 508 (?), 510 (?), 671
- Зарудная З.А. I, 507 (?), 508 (?), 510 (?), 571, 575, 577, 578
- Зарудный С.И. I, **571**
- Зелинский Ф.Ф. I, 425, 483; II, 325, **326**
- Зенобия I, 539—541
- Зиновьев А. II, 119
- Зиновьев А.А. II, 106, 107, 109, 111, 113, 117, 119
- Зиновьев Александр Д. I, 25, 37, 38, 46, 175, 176, **263**, 264, 370, 372, 396, 407, 423, 435, 428, 466, 467, 470, 514, 536, 537, 540—542, 545—552, 554, 565, 568, 570—575, 577, 579, 581—583, 585—587, 637, 674, 681, 683, 702, 703; II, 94, 98, 105, 113, 118, 122, 189, 316, 465, 466, 476, 478
- Зиновьев Андрей Д. I, 25, 26, 103
- Зиновьев В.В. I, **24**
- Зиновьев В.Н. I, **24**
- Зиновьев Д.А. I, 682, 701, 706
- Зиновьев Д.В. I, **24**, 25, 35, 36, 38, 41, 44, 51, 69, 70, 79, 80, 114, 155, 193, 292, 298, 302, 305, 312, 313, 359, 362, 364, 381, 384, 385, 387, 396, 409, 410, 412, 413, 417, 421—423, 435, 463—465, 468—473, 506, 507, 526, 558, 559, 565, 567, 569, 571, 573, 574, 578, 581, 583, 585—587, 629, 635, 643, 655, 661, 669, 675, 707, 729; II, 33, 48, 65, 67, 72, 76, 80, 102, 103, 105—109, 119, 123, 126, 136, 139, 149, 152, 156, 162, 164, 165, 167—169, 193, 228, 231, 232, 238, 256, 262, 297, 298, 300, 303, 321, 329, 342, 385, 395, 411, 420, 431, 432, 442, 457, 467, 468, 472, 473, 482, 494, 502, 527
- Зиновьев Л.А. II, 106, 107, 109, 111, 113, 117, 119
- Зиновьев Н.В. I, **24**
- Зиновьев П.В. I, 24
- Зиновьев, двоюродный брат Л.Д. I, 302, 305
- Зиновьева Е.Н. I, 38, 549, 552, 601—603, 673, 674, 680, 682, 684, 688, 692—694, 706; II, 118, 122, 466, 469, 476

Зиновьева М.П. I, 205, 206

Зиновьева О.Д. I, 103, 675

Зиновьева С.А. I, 25—27, 31, 32, 37, 38, 44, 114, 138, 155, 160, 180, 185, 198, 199, 220, 222, 241, 265, 293, 359, 362, 364, 396, 421, 433, 435, 437, 463—468, 476, 479, 480, 485, 487, 492, 494, 499, 505—507, 510, 511, 514, 519, 520, 526, 543, 571, 582, 585, 588, 601—603, 606, 635, 638, 659, 665, 668, 672—675, 677, 680—681, 683, 684, 688, 690, 692, 694, 701; II, 118, 122, 232, 276, 349, 350, 366, 389—391, 419, 420, 467—470, 475—479

Зиновьевы, женевское семейство II, 397

Зоил I, 331

Золя Э. II, 28, 30, 31, 33

Зом Р. I, 344

Зуев В.Ю. I, 419

И. I, 699

Ибсен Г. I, 504, 505, 508, 512, 545, 546; II, 252, 423, 424, 515

Иван III, в.кн. Московский I, 473

Иван Грозный (Иван IV) II, 490

Иван-Странник — см. Аничкова А.М.

Иванов А.А. II, 156, 158

Иванов Д.В. I, 47, 49

Иванова А.В. I, 39, 78, 84, 203, 204, 219, 239, 303, 321, 337—339, 425, 426, 428, 494, 506, 508, 521, 522; II, 104, 203, 335, 350, 414, 416

Иванова А.Д. I, 202, 203, 206, 207, 211, 212, 214, 215, 217, 226, 321, 337—339, 345, 376, 460, 478, 491, 414

Иванова (урожд. Дмитревская) Д.М. I, 15, 39, 60, 67—70, 76, 78, 79, 84—87, 90, 114, 120, 122, 123, 127, 136, 137, 148, 156, 160, 171, 175, 176, 178, 181, 184, 185, 187, 191, 192, 197, 201—206, 211, 217, 219, 225—227, 229, 230, 233—235, 237—239, 242, 245—247, 251, 261, 264, 266, 269, 273, 275, 278, 282—286, 288—291, 297, 300—304, 307—310, 312—315, 317, 318, 321, 323—326, 331—333, 337—339, 345—351, 364, 366, 369, 375, 386, 387, 423, 425, 426, 477, 478, 490, 491, 494, 506, 508, 509, 521, 522, 527, 530, 531, 582, 628; II, 104, 105, 203, 277, 306, 335, 428

Иванова Е.В. I, 331, 637—644, 646, 651, 652, 681, 682, 707; II, 10—12, 15, 16, 76, 79, 138, 215, 218, 219, 226, 257, 270, 271, 463, 506

Иванова Л.Н. I, 32

Иванова Л.В. I, 23, 25, 33, 38, 45, 47, 51—53, 56, 311, 387, 388, 390—396, 401—404, 406—410, 412, 414, 416, 420—423, 425, 427, 428, 430, 436, 438, 440, 441, 443—447, 451—453, 456—458, 460, 461, 464, 472, 473, 475, 477, 480, 482, 484—487, 490—495, 498, 499, 503, 505, 507—510, 514, 518, 520, 521, 526, 533, 536, 543, 544, 546, 557, 558, 565, 567, 568,

571, 579, 583, 585, 636, 639, 640, 644, 652, 659—661, 666, 672, 675, 677, 679, 680, 682, 689, 691—693, 703, 707, 708; II, 7, 10, 12, 16, 18, 34, 48, 58, 61—67, 71, 72, 74, 75, 77—80, 83, 88, 89, 105, 107—112, 115, 116, 119, 120, 131, 133, 135—139, 141, 144, 148, 150, 152, 155, 162, 168, 170, 173, 179, 180, 182, 184, 189, 193, 194, 198, 201, 206, 213—215, 218, 219, 223, 226—229, 231, 235, 241, 249, 255, 270, 271, 273, 285, 295, 314, 316, 319, 320, 322, 323, 330, 341, 354, 357, 360, 366, 400, 401, 412, 414—417, 431, 489, 490, 494, 498, 501

Ивановы В.И., Д.М. и А.В. I, 106

Ивановский В.Н. II, 503, **504**

Ивашинцов, знакомый Иванова I, 300

Иващенко (урожд. Сперанская) М.А. I, 395 (?), 414, 415, 430, 451, 539

Иващенко, генерал I, 430

Иващенко А.П. I, 539

Ида Степановна, знакомая Зиновьевых II, 118, 122

Иоаким, Константинопольский патриарх I, 736

Иоанн Златоуст, св. II, 23

Иолшина М.П. I, 669

Иолшины, семья I, 669

Иосеф (Joseph) М. I, 516, 518

Исаев А.А. II, 503, **504**

Исократ II, 199

Ительсон Г.Б. I, 364, **366**

Кавелин К.Д. I, 28—32

Каверин (Зильбер) В.А. I, 33

Кавос Е.С. — см. Зарудная Е.С.

Казанский, приятель Иванова I, 431

Казицын А.Р. I, 603, 605, 624, 626—628

Казчевская (?), женевская знакомая Зиновьевой-Аннибал II, 366

Каллимах II, 31, **33**, 34

Кальвин Ж. II, 60, 251, 402

Каменский А.П. I, 540

Кант И. I, 541, 542; II, 278, 357

Капнист И.П. II, 318, 376, 379, 387—389, 394, 395, 401

Капустин М.Н. I, 342, **344**

Карл Смелый I, 466—468

Карл-Эммануэль I, герцог Савойский II, 298, **302**

Каролина, служанка Гольштейнов II, 482

Карпович П.В. I, 719

Карышев Н.А. II, 491, **495**

- Катон-ст. Марк Порций I, 719, 738
Каторбинский — см. Котарбинский В.А.
Кикина С.Н. II, 19, 499, 500, 520
Кирилл, св. I, 123
Клавдий, римский император II, 165, 166
Клейгельс Н.В. I, 534
Клочкова Ю.Р. I, 113
Климент Римский, св. I, 123
Книп (Клиер) Ф. I, 453, 454
Кобринский А.А. I, 46, 48
Ковалевский М.М. II, 483, 486, 487, 491, 492, 494, 513, 522
Колесов, гимназический товарищ Иванова I, 684
Колоколов А. I, 32
Коломийцов В.П. I, 542
Кольбе (Kolbe) В. II, 55, 59, 61, 155, 159, 207, 211, 221, 225, 233, 245, 269
Кольцов А.В. II, 66, 67
Комбарьё Ж. II, 381
Кондаков Н.П. I, 451, 452; II, 523, 524
Кони А.Ф. I, 700
Константин Великий II, 152, 154
Константин («пэди»), родственник Гонимосов II, 200, 208, 312, 314, 404, 405, 407, 409, 419, 426, 433
Константинидис, драгоман II, 20
Коп (или Кон) I, 566, 567, 583
Королева И.А. II, 500
Корф Семен Николаевич, бар. (?) I, 396, 575
Корф, бар., сотрудник русского посольства в Париже I, 522—525, 530, 532, 533
Косоротов А.И. II, 450
Котарбинский В.А. I, 597, 598
Котлубовский (возможно, Ю.А. Кулаковский) I, 656, 658
Котляревский Н.А. II, 470, 471, 504 (?), 519, 520
Котляревский С.А. II, 504 (?)
Котрелев Н.В. I, 9, 47, 61, 63, 64, 310, 671, 736
Крашенинников М.Н. I, 69, 70, 282—284, 302, 303, 307, 308—309, 324, 333, 345—348, 365, 425, 426, 481—483, 490, 491, 521, 522, 613, 616
Кривенко В.С. I, 69
Кригер (Krieger) Б. II, 207, 209
Кристина (Христина) Семеновна, «девушка» Зиновьевой-Аннибал I, 53, 55; II, 48, 61, 63, 71—73, 76, 77, 80, 83, 93, 95, 96, 98, 99, 105, 106, 108, 111, 119, 123, 126, 134, 135, 140, 151, 152, 167, 177, 181, 195, 196, 204,

- 205, 218, 228, 230, 239, 243, 246, 247, 257, 259, 261, 268, 314, 342, 355, 374, 383, 399, 412, 431, 458, 465, 466, 468, 469, 479, 482, 484, 488, 494, 498—503, 518
- Кропоткин (Крапоткин) П.А. II, 246
- Крутликова Е.С. II, 492, **496**, 499, 504
- Кружков Г.М. I, 64, 635, 638, 641, 643, 644, 645, 650, 654, 655, 657, 661; II, 11
- Крумбахер (Kumbacher) К. I, 725; II, 313, **314**, 428
- Крылов И.А. I, 302, 304
- Ксенофонт II, 187
- Ксантиппа I, 323, 326
- Кузмин М.А. I, 32, 38, 39, 41—43, 45—47, 49, 51, 52
- Кузнецова И.И. I, 61
- Кузнецова О.А. I, 64; II, 483, 494, 499, 502, 504
- Кузьма — см. Ляхоцкий А.М.
- Куманин А.А. I, 364, 366
- Куприн А.И. II, 480
- Купченко В.П. II, 450
- Курциус (Curtius) Л. I, 19, 20
- Курциус Э.Р. I, 19
- Кушлина О.Б. I, 32, 34
- Кьяра, знакомая Иванова в Риме I, 159
- Лад(ас) А., владелец ресторана (?) в Афинах II, 199, 220, 221, 405, 407
- Ланье, вероятно, хозяин парижской квартиры Иванова I, 293
- Лаппо-Данилевский К.Ю. I, 482
- Леванда, семейство знакомых М.М. Замятниной II, 244, 249
- Левенхайм или Левенгейм (Lowenheim; урожд. Röhn) Э. I, 12, 13, **197**, 210, 212, 231, 235, 271, 294, 295, 340, 344, 354, 362, 364, 368, 475—481, 489, 490, 495, 503—508, 511—513, 525, 530, 536, 538, 543, 545, 549, 554; II, 50, 114, 161, 257, 388,
- Левик В.В. I, 149; II, 314
- Леля — см. Дмитриевский А.М.
- Лена, видимо, «девушка» Зиновьевой-Аннибал II, 527, 528
- Ленин Н. (Ульянов В.И.) II, 302
- Леонардо да Винчи I, 683; II, 73, 74, 76—79, 92, 93, 106, 117—120, 122, 126, 132, 134, 138, 147—153, 164, 165, 168, 178, 180—182, 189, 190, 193, 195, 214, 218, 225—227, 229, 242, 244, 247, 249, 250, 253, 256, 258, 273, 274, 276, 285, 300, 319, 323, 339, 341, 345, 354, 358, 365, 372—374, 382, 383, 399—401, 412, 419, 421, 429, 434—436
- Леонардо — см. Битрос

- Леонидас, сын соседей Ивановых в Афинах II, 21, 32, 42, 102, 153, 404, 407
- Лепер Р.Х. II, 428, **429**, 432
- Лермонтов М.Ю. I, 16, 17, 298, 324, 327; II, 58, 60, 255, 258, 347, 350, 354, 406
- Лернер Н.О. II, 456
- Лесков Н.С. I, 34
- Лист Ф. I, 321, 322, 531
- Литвинов, певец I, 185
- Лоррен (Lograin) К. II, 232, **234**
- Лоти (Loti) П. (Л.М.Ж. Вио) I, 735, 736
- Луговой А.А. I, 700
- Луи-Филипп, французский король I, 435
- Луиза, домоправительница Д.В. Иванова I, 298, 383—385, 559, 582; II, 76, 192, 193, 205, 233, 300, 303
- Лукницкий П.Н. I, 47
- Лути М. (Форнарина) I, 148
- Луций Аврелий Вер I, 550
- Луций Элий Вер I, 550
- Лучицкий И.В. II, 490, 491, **495**
- Лысицкий, неизвестное лицо в Париже II, 491, 495
- Лэнепвё, Ш.-Ф. I, 56
- Любошиц С.Б. II, **496**
- Людмила Николаевна, знакомая Ивановых I, 68
- Лютер М. II, 60, 101
- Ляпустина Е.В. I, 63, 64, 310
- Ляхоцкий А.М. (Кузьма) II, 346, 347, 388, 400, 401, 418, 419
- Маас (Maas) Э. II, 232, **234**
- Майков А.Н. II, 406, 480
- Майков Л.Н. I, 629
- Маймин Е.А. I, 662
- Макаренкова Е. I, 510
- Максимов Д.Е. I, 331
- Мальмстад (Malmstad) Дж. Э. I, 23; II, 503
- Мальцев А.П. I, 364, **366**
- Мамонтов М.А. I, 670, **671**
- Маннштедт (Mannstädt) Ф. I, 365, 531
- Мария Владимировна, знакомая Д.М. Дмитриевской I, 425
- Марк Аврелий II, 241
- Маркетти Ф. I, 196, 197

- Марков (Markov) В.Ф. I, 669
Марто (Marteau) А. II, 380, **381**, 402
Массне (Massenet) Ж.Э.Ф. II, 123, 150, 154, 226, 228
Матвеев Н., владелец дачи в Сестрорецке I, 687, 695
Матэ В.В. I, 629
Медичи Л. I, 512, 513
Межуев Б.В. I, 618, 695—696
Мей Л.А. I, 489, 490
Мейер (Meyer) П.-М. II, 207, **209**
Мейер Э. II, 45
Мейерхольд В.Э. I, 21
Мендельсон (Mendelssohn) Л.-А. I, 481, **483**
Мендельсон Ф. I, 332
Мережковская З.Н. — см. Гиппиус З.Н.
Мережковский Д.С. I, 39, 731; II, 148, 153, 313, 314, 451—453, 455, 456, 463, 464, 473, 474, 481
Метерлинк (Мэтерлинк) М. II, 387, 388, 520
Микели (Micheli), супруги, хозяйка римской квартиры Иванова I, 67, 148, 154
Микельанджело Буонарроти I, 42, 274, 489
Милле Дж.Э. II, 505
Минский (Виленкин) Н.М. I, 10, 329—330, 360, 666
Минцлова А.Р. I, 48
Мирымский И.В. I, 542
Михайлова М.В. I, 24
Михаловский Д.Л. I, 700
Модестов В.И. I, 118, **180**
Модестова, жена В.И. I, 179, 180
Мольер (Molière; Поклен Ж.-Б.) II, 161, 163, 303, 304, 306, 307, 327, 328
Моммзен (Mommsen) Т. I, 340, 341, 343—345, 353, 356, 360, 367, 374, 375, 377, 478, 480, 481, 484, 485, 487, 489, 507, 511, 514—517, 519, 675, 676, 725; II, 33, 45, 46, 73, 240
Мопассан Г. де I, 689
Моренгейм А.П., бар. I, 523—525, 532
Моретти М. I, 597
Морозов Н.А. I, 469
Морозов, знакомый Иванова I, 295
Моцарт (Mozart) В.-А. II, 167, 170, 226, 228, 231, 330, 335, 474, 508
Мрочковский (Острога) В. I, 56, 57; II, 355, 356, 362
Муравьев М.Н. I, 524, 525
Мурильо Б.-Э. II, 404, **406**
Мюллер В. II, **411**

- Мюнцер (Münzer) Ф.-Г. I, 364, **366**, 478, 479; II, 43, **46**, 207, 209
Мюссе А. де II, 472
- Нагродская Е.А. I, 39
Надсон С.Я. II, 406
Найдич Э.Э. II, 354
Налимов А. II, 497
Наполеон Бонапарт II, 99, 287, 288, 312, 325, 326, 340, 341, 344
Направник Э.Ф. I, 175; II, 316, **317**
Настя, прислуга в Копорье I, 694, 695, 703, 706, 711
Наук, врач II, 363, 424
Негри (Negri) А. II, 283, 285
Некрасов Н.А. I, 477; II, 404, 406
Нерон I, 667; II, 281, 291
Нестеров М.В. I, 582, 595, 597
Нечаев, знакомый Ивановых I, 539, 540, 553
Нива (Nivat) Ж. I, 47
Никита, неизвестное лицо II, 7, 8
Никитин И.С. II, 203
Никитина О.Ф. — см. Острога О.Ф.
Николаев А.А. II, 500
Николаевский Б.И. II, 484
Николай II, император I, 613, 616
Николаус Я. II, 405, **407**
Никольский Б.В. I, 667, 669, 678, 729, **730**
Нильссон (Нильсон, Nilsson) М.П. II, 42, 45
Ницше (Nietzsche) Ф. I, 14, 83, 84, 213, 274—276, 373, 374, 377, 384, 386, 552, 553, 579, 580, 624, 625, 628, 648, 710, 711; II, 20, 23, 102, 103, 187, 257, 261, 273—282, 285, 286, 288—291, 304—306, 329, 348, 349, 373, 375, 404, 406, 425, 447, 471
Норвежец, прозвище неизвестного английского археолога II, 22, 24, 42, 71
- Обатнин Г.В. I, 10, 61; II, 250, 447, 474, 495
Обер (Aubert) Р. I, 47
Оболенский А.В., кн. I, **56**, 57
Обольянинов Л.А. I, **70**, 210, 214
Огиевич Е.В. I, 419
Ольга, королева Греции I, 736
Ольштрассер, студент Ф. де Соссюра II, 468, 469
Оля, «девушка» Зиновьевой-Аннибал — см. Острога О.Ф.
Ом (Оом) Ф.Ф. I, 575, 576
Онегин (Отто) А.Ф. I, 417, 419; II, 490—492, 495, 498, 499

- Орешников А.В. I, 69
Оссиан (мистификация Дж. Макферсона) I, 364, 366
Острога (урожд. Никитина) О.Ф. I, 47, 53, 55, 58, **295**, 300, 305, 306, 308, 311, 321, 322, 329, 331, 526, 555, 560, 564, 565, 569, 583, 614, 617, 618, 623, 624, 636, 639, 660, 661, 666, 670, 672, 681—683, 689, 690, 692, 703, 707, 708, 720, 737; II, 10, 18, 22, 29, 33, 35, 36, 47, 48, 56—58, 60, 61, 63, 64, 71, 72, 76, 77, 80—83, 87, 91—93, 95—99, 106—108, 111—113, 115, 117, 119—121, 126, 130, 132, 134, 135, 139, 140, 147, 152, 165—167, 169, 173, 177, 178, 180—182, 187, 189, 193, 195, 196, 200, 202, 204, 205, 214, 218, 224, 229—231, 239, 243, 244, 246, 249, 255, 256, 259—261, 263, 268, 273, 287, 294, 295, 299, 315—317, 319, 321, 322, 327, 330, 331, 342, 355—357, 366, 370, 374, 383, 395—397, 399, 401—403, 412, 415, 421, 432, 436, 463, 465, 468, 469, 479, 488
Острога (Ostroga) Ф. (Ф.В.) I, 41, **55—58**, 295; II, 63, **65—66**, 112, 122—126, 132, 133, 164, 169, 176, 181, 189—193, 213, 215, 230, 235, 242—247, 253, 254, 259, 263, 268, 270, 276, 286, 287, 295—302, 311—313, 324, 326, 329, 339, 341, 342, 345, 346, 352, 355—359, 366—368, 370, 371, 373, 374, 378—381, 383, 386, 391, 392, 396, 397, 402, 431, 432, 435, 441—443, 448, 465—467, 473, 475, 482, 501, 502
Острога Ю.Ф. I, 58
Отт Н.В. (?) I, 602, 603
Отгон, король Греции II, 392

Пабст Г.Е. I, 205, 206, 430, 603, 604, 609; II, 466
Павзаний (Павсаний) II, 313, 388
Павлова М.М. I, 61
Паганини Н. II, 474
Палестрина Дж.-П. да I, 715, **716**
Палечек О.О. I, 175, 176
Палладий (П.И. Раев) I, 547, **549**
Паллис А. I, 736
Панагиотис, сосед Ивановых в Афинах II, 20, 69, 101, 405
Панаева А.Я. I, 532
Панина, знакомая Зиновьевой-Аннибал II, 478
Пантелеев Л.Ф. I, 671, 690, **691**, 692
Панченко Б.А. I, 433
Паскаль Б. II, 278
Пассек Е.В., ректор Юрьевского университета I, 45
Пастернак Б.Л. I, 84, 149, 298, 553, 648, 700; II, 39, 70, 102, 510
Пастернак Л.О. I, 660, **662**
Паульсен (Paulsen) Ф. I, 365, **366**, 373
Перикл I, 276, 541, 542

- Пернье Л. П, 188
Перро Ш. П, 114
Перцов П.П. П, 449, 472, **474**, 514
Перченоч Ф.Ф. I, 70, 206
Петр I, император I, 655; II, 267
Петраков В.В. I, 597
Петрарка Ф. I, 467
Петухов Ю. П, 495
Пигарев К.В. П, 500
Пизанелло А. I, 41
Пизистрат (Писистрат) П, 42, 45, 388
Пийо (Пилло, Pillot) А.-Ш. П, **496**
Пиндар I, 604, 605, 608, 609, 611, 613, 616, 619, 620, 626, 638, 656, 658; II, 60, 222, 376, 428
Пиндемонта И. I, 135; II, 177
Пирумова Н.М. I, 57
Писарев Д.И. I, 27
Писарев М.И. П, 520, **521**
Писемский А.Ф. П, 252
Платен-Халлермюнде (Platen) А. фон I, 504—506
Платон I, 16, 378, 504, 614, 616, 618, 625; II, 50, 92, 187, 188, 229, 232, 234, 281, 282, 304, 360
Плещеев А.Н. I, 150—152
Плиний старший (Гай Плиний Секунд) I, 478
Плутарх П, 127, 281, 282
По Э.-А. П, 22, 24
Победоносцев К.П. I, 575, 577, 586
Подолинский А.И. I, 548, 549
Покровский П.М. П, 207, **209**, 225
Поленц В. фон П, 406
Полибий П, 240, 241
Полилов Н.Н. I, 84, 553; II, 23
Полонский Я.П. П, 406
Поляков С.А. I, 40, 41; II, 520
Поляков С.Л. (С. Литовцев) П, 491—493, **496**, 499
Помирчий Р.Е. I, 17, 657,
Помяловский И.В. I, 308, 309, **311**, 425
Пончелли А. I, 199
Потемкин В.П. П, 495
Поярков Н.Е. П, **496**
Пракситель I, 129, 640
Прозор М.Э. П, 452

- Прокопий, греческий митрополит I, 736
Прокопий Кесарийский I, 426
Протопопов В.Д. I, 671
Протт (Protт) Г.Т.А. фон II, 114—116, 221, 245, 268,
Прутков Козьма I, 703
Психари (Psichari, Psicharis) Ж. II, 313, 314
Пуссен (Poussin) Н. II, 232, **234**
Пухштейн (Puchstein) О. II, 129, **131**, 185
Пушкарева-Котляревская В.В. II, 519, **520**
Пушкин А.С. I, 106, 124, 126, 134, 135, 139, 165, 168, 190, 219, 310, 338,
339, 345, 348, 351, 377, 378, 397, 398, 414—415, 417, 419, 428, 440, 442,
530, 531, 552, 553, 609, 613, 617, 618, 628—630, 632, 654, 655, 657, 658,
659, 661; II, 56, 57, 60, 117, 130, 145, 147, 152, 154, 162, 163, 175—177,
192, 195, 202, 204, 220, 221, 265, 266, 269, 271, 296, 301, 309, 310, 330,
353, 404, 406, 418, 423, 424, 436, 437, 442, 448, 481, 482
Пшибышевский С. I, 540; II, 456, 505
Пэтон (Paton) Дж.Л.А. I, 45, **645**, 660, 676, 679, 680, 687; II, 10—14, 17,
61, 65, 95, 120, 152, 166, 173, 175, 187, 188, 270, 273, 277, 326, 351,
366, 411—413, 420, 423, 437, 505, 509, 519
Пювис де Шаванн П.С. II, 487
Пяст (Пестовский) В.А. I, 46
- Радин Е.П. I, 538, 549
Радлов Э.Л. I, 612, 615, **617**, 618, 696
Раевский, знакомый Иванова I, 624
Ралли З.К. I, 469
Рафаэль Санти I, 148, 489; II, 323, 447
Реберг (Rehburg) В. I, 386; II, 301, 336, 472, **474**
Редон О. I, 228, 509, 510, 513; II, 242, 456, **503**, 509, 514, 516, 517
Режанн (Réjanne, наст. имя Rejeu) Г.-Ш. II, 26, 28, **29**
Реймерт, певец и художник-дилетант I, 560
Реклю Ж.Ж.Э. I, 57; II, 298, **302**, 356, 357
Релльштаб Л. II, 405, **407**
Рём (Röhm) И.-Б. I, 364, **366**
Рембрандт ван Рейн Х. II, 447
Ремнев А.В. I, 69
Ренан (Renan) Э. II, **157—159**, 351—353
Ризлер (Risler) Э. II, **381**, 402
Роберт (Robert) К. II, 158, 160, 162, **272**
Рогачевская Е.Б. I, 662
Рогинский А.Б. I, 70, 206
Рогир ван дер Вейден II, 447, 522

- Родофея, соседка Ивановых в Афинах II, 40, 160, 312, 353, 365, 407—409, 416, 426
- Рожер ван дер Вейден — см. Рогир ван дер Вейден
- Розанов В.В. I, 657, **658**, 731; II, 450
- Розанова А.М. I, 612, 615, 617
- Ропс (Rops) Ф. II, 503, **504**
- Россетти (Rossetti) Д.-Г. II, 184, **185**, 505
- Россидис К. II, 303, 307, 308, 311—313, 318, 323—325, 327, 346, 347, 349, 351, 353, 359, 364, 365, 369—371, 376, 377, 379, 383, 387—392, 405, 415, 427, 433
- Россини Дж. I, 77, 79; II, 143, 170, 192, 228, 229
- Россов Н.П. I, 121
- Ростовцев М.И. I, 35, 418, 430, 433, 451, 453, 454; II, 428, 429
- Ростовцева (урожд. Кульчицкая) С.М. II, **429**
- Рубинштейн А.Г. I, 180, 204, 521; II, 192, 195
- Руссо Ж.-Ж. II, 280, 282
- Рэскин (Рёскин; Ruskin) Дж. II, 13, **14**
- Сабашникова (в замуж. Волошина) М.В. I, 41—43, 48, 53
- Саблер В.К. I, 46, 547, **549**, 575
- Саблин Н.А. I, 469
- Савицкая Л.И. II, **496**
- Салтыков М.Е. (Н. Щедрин) I, 532
- Сапов В.В. I, 64, 67, 69, 70, 76, 84,
- Сафо (Сапфо) I, 132, 328, 331
- Саченко-Сакун М. I, 386
- Свасьян К.А. II, 306
- Сведенборг Э. II, **305—307**
- Сведомский П.А. I, **597**
- Сейфферт (Seuffert) О. I, 538, **540**
- Семенов М.Н. I, 41
- Семенов А.Ю., сын Ю.Ф. Семенова I, 708
- Семенов Е.П. (Коган С.М.) II, 491, **495**
- Семенов М.Н. II, 505
- Семенов Ю.Ф. I, 228, 229, 510, 626, 629, 683; II, **487**
- Семенова Н. I, 401; II, 483
- Сен-Санс (Saint-Saëns) К. II, 247, 250, 341, **345**, 366—369
- Серао (Serao) М. I, 247, **248**, 312
- Сервет (Servette) М. II, 249, **251**
- Сигма — см. Сыромятников С.Н.
- Сима — см. Корф С.Н.
- Симанков В. I, 214

- Симонович (Симанович) Н.Е. I, 612, 614, 615, 617, 625—627, 629
Сипягин Д.С. I, 565, 568, 570, 575, 577, 579, 583, 586
Скабичевский А.М. I, 629; II, 176, 177
Скотт В. II, 301, 405, 407
Слонимский Л.З. I, 613, 616, 624
Случевский К.К. I, 9, 613, 617
Сметана Б. I, 531
Сократ I, 323, 326; II, 104, 154, 155, 364
Соллогуб Ф.Л. I, 700
Соловьев Вл.С. I, 9, 10, 308—310, 327, 328, 331, 612—619, 624, 628, 653, 654, 657, 667, 668, 671, 695—697, 699—702, 706, 710, 730; II, 69, 70, 162, 162, 304—306, 391—393, 456, 475, 476
Соловьев Е.А. II, 476
Соловьева (Allegro) П.С. II, 424, 449
Сологуб (Тетерников) Ф.К. II, 368, 496
Солодкая Д.О. I, 61
Сорокина М.Ю. I, 70, 206
Соссюр (Saussure) Ф. де II, 468, 469, 472, 498
Софокл I, 658; II, 187, 188, 368
Софья Семеновна, жительница Копорья I, 706
Спасовходский П.И. I, 384—386, 417, 418, 559, 560
Спенсер Г. II, 280
Сперанская — см. Иващенко М.А.
Спиноза Б. I, 366
Срезневская Л.Н. I, 368
Станиславский (Алексеев) К.С. II, 424
Стасюлевич М.М. I, 9, 306, 310, 328, 604—606, 613, 616
Степан, слуга С.А. Зиновьевой II, 467
Степановы, хозяйева дачи в Сестрорецке I, 606, 607, 610, 611
Стивенсон Р.Л. II, 505
Страделла А. I, 560
Стребулаев, знакомый Иванова II, 323, 433
Строганова (Строгонова) Е.С. (Дуня) I, 34, 53, 79, 80, 93, 113, 114, 198, 292, 335, 371, 382, 385, 392, 395, 410, 412, 413, 416, 420, 427, 430, 439—441, 443, 445—450, 453, 460, 473, 505, 506, 508, 510, 519, 520, 523, 553, 642, 668, 669, 677, 682; II, 106, 110
Строоны — см. Strachan
Суворин А.С. II, 251—253
Суворов А.В. I, 703
Сумароков С.П. I, 56
Сумарокова (в первом браке Оболенская, во втором Мрочковская) З.С. I, 56, 57; II, 355, 356

- Суриков В.И. II, 158
Сыромятников С.Н. I, 614, 616, **618**
- Таддео ди Бартоло II, 490, **494**
Тамамшев (Томамшев) М.И. II, 491, 494, **495**
Тан (Богораз В.Г.) I, 645, **646**, 648, 649
Таппер (Turper), семейство I, 660, 661, 687; II, 10—14, 16, 17, 61, 120, 216,
223, 256, 270, 326, 349, 351, 421, 461
Таракан — см. Vullière Н.
Тарановский К.Ф. I, 18
Тасси (Tassis) Ж. I, 55, 57, 61, 146
Тахо-Годи Е.А. I, 61, 474, 618; II, 326
Тенирс Д., мл. II, 447
Теньер — см. Тенирс Д., мл.
Тименчик Р.Д. I, 46
Тириш (Thiersch) Г. II, 160, **163**
Тит Ливий I, 117, **118**; II, 240, 241
Толстой А.К. I, 113, 313, 315, 360—362, 532, 533; II, 192, 195, 298—299,
302, 346, 404, 406, 407
Толстой Л.Н. I, 113, 463, 660, 662, 718, 719; II, 226—230, 251, 252, 266, 267,
269, 270, 307, 309, 310, 327, 328, 349, 383, 404, 406, 442, 447
Торвальдсен Б. II, 189, 194
Торриги-Хейрот (Torrigi-Heiroth) Л. I, 191, **193**, 302, 304, 306, 440, 443,
445, 448, 449, 452, 454, 560
Третьяков П.М. I, 36
Трубевская, светская знакомая Зиновьевой-Аннибал в Париже II, 520
Трубевской С.Н. I, 699, 700, 706, 729, 730; II, 494, 497
Туган-Барановский М.И. I, 553—555
Туду А. I, 56
Тулинов А.В., знакомый супругов Шварсалон I, 547, 549, 551, 553, 563,
583, 590
Тургенев А.И. I, 629
Тургенев И.С. I, 209, 210, 328, 359, 360, 669; II, 500
Тюрин А.Н. I, 64
Тютчев Ф.И. I, 121, 215, 398; II, 225, 234, 404, 406, 499, 500, 510
- Уайт Т. I, 366
Узенер (Usener) Г. II, 221, **222**
Ухтомский Э.Э., кн. I, 310
- Фалиеро-Далькроз Н. II, 288
Ферни-Джиральдони (Fermi-Giraldoni) К. (К.Л.) I, 68, **69**, 76—78, 140

- Ферстер (Foerster) В.-Ю. I, 418, 512, 513
Фет (Шеншин) А.А. I, 368, 369, 729, 730; II, 300, 303, 395, 404, 406
Фигнер Н.Н. I, 176
Фидий I, 165, 167, 170; II, 509, **510**
Фидлер Ф.Ф. I, 700
Филипп, дворник (?) в петербургском доме Зиновьевой-Аннибал I, 144, 321, 322, 329
Филипп, герцог Орлеанский I, 434, 435
Филиппс Э.В. I, 465, 510, 511, 543, 601, 683; II, 118, 122, 466
Филократ I, 483
Философов Д.В. II, 158
Фонвизин Д.И. II, 420
Форнарина — см. Лути М.
Фотини — см. Гонимос Ф.
Франс (France) А. II, 165, 166, 376, **379**, 435
Франциск Ассизский, св. II, 20, 23, 134, 218
Фрей, семья II, 7
Фрейлиграт Ф. I, 322
Фридель (Friedel) Э.-А. I, 545, 546
Фуртвенглер (Furtwängler) А. II, 160, **163**
- Хальберр Ф. II, 188
Хансен Т. II, 313
Хвостов М.М. II, 490, **495**, 498
Херсонская В.П. II, 495
Хилков Д.А. II, **476**
Хомяков А.С. I, 9
Хохлов П.А. I, 36
Христина — см. Кристина
Христоман(ос), афинский врач II, 172, 251, 371
- Цветковская Е.К. II, **496**
Цезарь Гай Юлий I, 432, 433
Цимборска-Лебода М. II, 464
Цицерон Марк Туллий I, 433, 738
- Чайковский П.И. I, 106, 113, 150—152, 225, 364, 384, 386, 489, 490, 521, 531—533, 680; II, 192, 195, 298—299, 300, 302, 303, 346, 407
Чеботаревская Ал.Н. I, 40, 48, 58
Черный Э.В. II, 276, 279
Чернышова А.С. I, 597
Чернышевский Н.Г. I, 290, 291

Чертков В.Г. I, 662

Чехов А.П. I, 333, 336; II, 253

Четверухина А.Д., подруга Зиновьевой-Аннибал I, 196, 197, 205, 206, 329

Чиж В.Ф. I, 668, 669

Чюмина О.Н. I, 700

Шаламов В.Т. I, 310

Шарко Ж.-М. I, 668

Шарлотта (Charlotte), няня I, 385, 395, 404, 417, 429, 430, 440, 446, 453, 473, 510, 519, 543, 556, 558

Шаховской Д.И. I, 70, 206

Шварсалон (в замуж. Иванова) В.К. I, **43—45, 47—50**, 55, 56, 58, 69, 302, 314, 319, 330, 335, 338, 371, 382, 385, 390, 395, 403, 413, 441, 444—446, 459, 462, 479, 486, 507, 566, 568, 636, 639, 640, 642, 650, 651, 654, 661, 667, 687, 690—692, 694, 699, 701, 702, 704—706, 708, 711, 715, 726; II, 7, 10, 14—16, 18, 19, 33, 47, 48, 58, 61—63, 65—68, 71—80, 83, 84, 87, 93, 94, 96—99, 103, 104, 106—115, 120, 130—133, 136, 138—140, 144, 148, 150—152, 161, 162, 168—170, 173, 177, 179—183, 187, 193, 194, 196—198, 203, 212, 215, 217, 218, 226, 228—232, 246—249, 254—258, 261—263, 265, 273, 274, 276, 283—287, 291, 295—298, 313, 330, 331, 341, 342, 354—357, 360, 367, 368, 370, 372, 373, 382, 386, 395, 397, 399—401, 412, 415, 418, 421, 430, 431, 445, 448, 463, 465—468, 476, 478, 479, 481, 484, 494, 500, 504, 516, 521, 527, 528

Шварсалон К.К. I, **44—47**, 56, 155, 220, 221, 229, 292, 295, 370, 371, 376, 382, 385, 390, 395, 401, 434, 437, 441, 442, 474, 486, 493, 494, 498, 500, 504, 507, 508, 509, 510, 513, 514, 568, 571, 573, 581, 584, 587, 636, 639, 650, 651, 654, 661, 665, 681, 682, 683, 685, 687, 692, 694, 701, 708, 709, 711, 726, 739; II, 10, 14, 16, 18, 47, 58, 61—64, 66, 71, 72, 74, 76, 78, 79, 83, 89, 93, 96—99, 115—117, 119, 125, 126, 131, 133, 134, 136, 139, 144, 148—152, 175, 177, 179—181, 186, 193, 194, 203, 213—218, 223, 227—233, 235, 236, 238, 246, 248, 249, 254—256, 262, 263, 270, 271, 273, 283—285, 287, 291, 295—298, 313, 329, 330, 331, 341, 342, 357, 360, 363, 366, 370—372, 383, 385, 395—397, 399—401, 412, 415, 417, 419, 421, 435, 436, 461, 465, 473, 489, 494, 498, 501

Шварсалон К.С. I, 8, 32, **33—38**, 44, 68—70, 79, 80, 193, 205, 206, 210, 212, 232, 238, 242, 246, 265, 285, 296, 300, 309, 315, 326, 329, 331, 392, 394, 396, 403, 406—413, 416, 417, 422—425, 427, 430, 438, 445, 452, 464, 506, 547, 554, 569, 575, 635, 647, 725; II, 28, 33, 45, 106, 108, 109, 112—113, 120, 124—126, 145, 147, 165, 168—170, 181, 182, 231, 232, 358, 362, 368, 371, 378

Шварсалон С.К. I, **44—46**, 49, 292, 296, 314, 335, 366, 382, 385, 390, 391, 395, 398, 399, 403, 409, 411, 414, 429, 433—435, 441, 445, 446, 462, 473,

- 474, 479, 486, 492, 500, 504—507, 509, 511, 513, 526, 534, 536, 567, 568, 571, 583, 604, 605, 618, 619, 625, 635—637, 640, 655, 659—661, 665—667, 670—672, 676, 677, 679, 681—683, 687, 692, 694, 706, 733; II, 7—14, 16, 17, 19, 25, 30, 32, 33, 40, 41, 44, 47, 52, 55, 58, 61—64, 66—69, 71, 72, 76—80, 83, 84, 89—99, 104, 106, 107, 110—112, 116—122, 129, 131—135, 137, 144, 147, 148, 151, 152, 154, 155, 161, 163, 165, 166, 173, 176—179, 182, 187, 188, 197, 203, 209, 213, 217, 218, 220, 224, 226, 230, 232, 236, 239, 240, 245, 251, 255, 257, 263, 270, 273, 274, 276, 294, 323, 326, 346, 347, 349—351, 353, 356, 358, 360, 366, 369, 378, 380, 382, 387, 391, 394, 395, 397, 399—401, 409—413, 415, 417, 418, 420—423, 431, 433, 435, 437, 442, 443, 461, 481, 482, 489, 494, 498, 501, 513, 528
- Шекспир У. I, 121, 135, 192, 298, 333, 336, 474, 539, 668; II, 62, 63, 65, 78, 79, 84, 445, 446
- Шенкль (Schenkl) X. II, 418, 428
- Шерих Д.Ю. I, 310
- Шеффер В.А. (Schöffner V. v.) II, 155, **158**
- Шиллер Ф. I, 124, 126, 275, 276, 306—307, 309, 541, 542, 698; II, 348—350, 423, 424, 508—510
- Шильдер Н.К. I, 700
- Шифф (Schiff) А. II, 43, **45**, 46, 87, 130, 210
- Шиффмахер, певица II, 177
- Шишкин (Shishkin) А.Б. I, 28, 41, 61; II, 326
- Шишков А.С. II, 271
- Шлиман (Schliemann) Г. I, 19
- Шмидеберг (Schmiedeberg) О. I, **199**
- Шоп (Шоппи), семейство в Лондоне II, 11, 18
- Шопен Ф. II, 370, 472, 474
- Шопенгауэр А. I, 105, 516, 518; II, 279
- Шрадер (Schrader) Г. II, 41, **45**, 115, 116, 130, 143, 144, 157, 159, 160, 186, 208, 210, 266, 268, 294, 323, 347, 369, 377, 415
- Штейнер Г. I, 19
- Штольберг (Stolberg) Ф.-Л. II, 370, 383, 385, 386, 396
- Шторк А. II, 405, 407
- Шуберт (Schubert) Ф. I, 14, 274, 545; II, 190, 250, 341, 345, 358, 370, 383, 385, 386, 396, 405, 411, 421, 423, 424, 431, 443, 448, 482
- Шуман (Schumann) Р. I, 14, 167, 364, 680; II, 190, 215, 226, 228, 250, 262, 265, 342, 358, 361, 363, 394—396, 423, 424, 472, 474, 475
- Шустова А.Н. I, 53—55, 79, 93, 113, 114, 155, 156, 160, 220, 292, 293, 335, 336, 343, 382, 385, 395, 396, 398, 400, 403, 408, 409, 414, 429, 430, 436, 441, 446, 447, 450, 471—473, 486, 492—495, 497, 499, 500, 504—506, 508, 510, 519, 520, 526, 534, 536, 537, 560, 565, 566, 569, 576, 583, 585,

610, 611, 623—625, 636, 638—640, 642, 649, 659, 667—669, 672, 685, 690; II, 106, 214, 245, 349, 350, 360, 362, 363, 370, 396, 477, 479
Шюре (Schuré) Э. I, 14, 521, **522**, 529, 531

Щепкина-Куперник Т.Л. I, 474

Щукарев А.Н. I, **425**, 433

Шукин И.И. I, 399—**401**, 425, 462; II, 451, 482, **483**, 486, 487, 489—491, 503, 504

Эберс Г. II, 437

Эванс (Evans) А.Дж. I, 18; II, 166, 187, **188**, 207, 209, 210, 245

Эвмен II, царь Пергама II, 251, 252

Эдуард II, король Англии II, 158

Эйхендорф Й. фон II, 423, 424

Эккерман (Eckermann) И.-П. I, 13

Экерт (Eckert) Э. II, 288, 297, 301

Элла, спутница В. И. Иванова I, 475, 476, 479, 480

Эллис (Кобылинский Л.Л.) II, 279

Эль Греко (Д. Теотокопулос) II, 490

Эльзон М.Д. II, 497

Эльсниц А.Л. I, 469

Эмерсон Р. У. II, 306, 307

Эмма Васильевна — см. Филиппс Э.В.

Энгр (Ingres) Ж.Л.О.Д. II, 523, 524

Эрн В.Ф. I, 52

Эрнесто — см. Басси Э.

Эстер, жительница Лондона II, 11

Эсхил I, 658; II, 52, 275, 278

Юргенсон И.И. I, 687, **688**

Языков Н.М. II, 197, 198, 305, 306

Языкова, знакомая Зиновьевой-Аннибал I, 603, 604

Яковлев В.В. I, 34 (?), 295, 296, 308, 322, 338, 351, 439, 546, 553, 570, 577;
II, 466

Яковлева О.А. I, 144, 296, 434, 435

Яковлевы В.В. и О.А. I, 144, 395, 430, 451, 540, 548, 709

Якунчикова (в замуж. Вебер) М.В. I, **228**; II, 9, 119, 475, 476

Янсон, сестрорецкий урядник I, 606, 607, 610—612, 615

Ясинский И.И. I, 700

Яснов М.Д. I, 47

Ященко А.С. II, 491, 493, **495**, 496, 504, 505

- Allinson A.C.E. II, 353
Allinson F.G. II, 353
Asnier, по контексту — преподаватель Женевского университета II, 174, 177
Bachs, преподаватель пения в Париже I, 175
Barblan O. II, 317
Barde, профессор, оппонент С. Фора II, 334, 338
Barnard H.C. I, 645
Barret-Browning E. I, 583, **584**
Beldraghi, инженер, владелец дома в Пезаро I, 76, 85, 90
Berthoud, профессор, оппонент С. Фора II, 334, 338
Blackwell, гувернантка детей Ивановых II, 48, 61—64, 66, 72, 75—80, 83, 84, 88, 93, 97, 106—110, 112, 115, 119—121, 125, 126, 133, 135, 137, 139—141, 150—152, 179, 189, 196, 197, 201, 212, 213, 215—218, 226, 227, 230, 231, 235, 238, 246—249, 255—257, 262, 263, 272, 273, 287, 295, 297, 314, 330, 355—357, 366, 382—384, 399—401, 410, 412, 430, 431, 435
Bocabadati-Gazzudo (в замуж. Varesi) C. I, 114, 179, **180**, 197, 199
Bonnefon Ch. II, 379
Bouvier B. I, 738; II, 60, 97, **99**, 135, 142, 157, 163, 174, 177,
Boyer P. I, 400, 401
Bosanquet R.C. II, 45, 163, 188, 209, 241
Bruch M. I, 522
Bunting (Бантинг), лондонские знакомые Ивановых II, 17, 18, 166, 249, 507
Chantre A. II, 472, 474
Chézy W.Ch. v. II, 472, 474
Codd D. II, 472, 474, 501
Collignon M. II, 416
Cornwall B. I, 339
Cuchet, учительница К.К. Шварсалона в Женеве II, 124, 246,
David J.L. II, 190, 194
Deuel L. I, 19
D'Indy V. II, 286, **288**, 341, 523, 524
Duvernois, учительница Л.В. Ивановой II, 135, 141
Dyer L. II, 32—34
Faure F. II, 260, 264
Faure S. II, 264, 320, 321, **323**, 328, 329, 331—338, 342, 346—349, 357,
Felkin, учитель С.К. Шварсалона II, 166
Flournoy Th. (?), профессор, оппонент С. Фора II, 334, 338
Foerster, неизвестное лицо I, 417, 418
Fressler (Fraessler), женевский врач (?) II, 482

- Fulliquet J.G., лионский пастор II, 335, 338
Gallet L. II, **228**
Gerhardt C. I, **580**
Giardini F. II, 226, **229**
Ginisty P. II, 379
Giordani G. II, 396, **402**
Giordani T. II, 396, **402**
Goessler P. II, 211
Goodell T.D. II, 429
Gräber (?), знакомый Иванова II, 129
Grillo L. I, 61
Guimet E. II, 221, **222**
Harrison J.E. II, 174, **176**, 311, 313, 325, 326
Haydn J. II, 298, 302, 330,
Hedwig, начальница школы в Вюртемберге, где училась Зиновьева-Ан-
нибал (?) I, 382
Heermance T.W. II, 429
Henry H. I, 61
Henze (Heinze) W. II, 207, **209**
Heyroth — см. Торриги-Хейрот Л.
Hildá, одноклассница Л.В. Ивановой II, 168, 273, 316, 319, 320, 322, 323,
354,
Hiller von Gaertringen F. II, 174, **176**
Holländer F. II, 423, 424
Homolle T. I, 18; II, 199, **203**, 240, 241
Hunt B. I, 198 (?), 368
Hyginus I, 658
Jahn O. II, 311, 313
Jennens Ch. II, 317
Jordaens J. II, 142
Kaenel Ph. I, 468
Keppel G. I, 651, 652; II, 15, 463, 507, 508
Kinkel J. I, 522
Kloebe, хозяйка афинской квартиры Ивановых I, 723, 732, 733; II, 269,
271
Lamé Fleuri (Raymond J.) I, 459
Last, семейство англичан в Женеве II, 243, 246, 276, 297, 311, 313, 356,
357
Lechat H. II, 199, **203**
Legrand, композитор II, 359, 362
Lehmann S. II, 45
Leyden E.V. von I, **580**

- Löwenheim L. I, 481, 483, 489, 504, 506, 508, 511, 513, 521, 522, 531,
Loyson Ch.H. II, 357, **361**, 362, 380, 381, 383 (?), 384 (?)
Loyson P.H. II, **361**
Luini B. II, 136, **141**, 142, 146
Marchand S. I, 19
Maud L. I, 662
Meikleham, семья I, 660, 666, 676, 680, 687; II, 11, 12, 61
Merlin C. II, 428, 429
Meyer E. I, 19
Michaelis A. II, 311, 313
Moeller, певица II, 189, 190, 194, 246, 299,
Moréas J. II, 126, 190—192, 194, 195, 358, 362, 396, 402
Moreau G. II, 522—524
Morel F. I, 435, 442
Müntz E. II, 320, **323**
Nauck A. I, 658, 660
Nugue<s> L., квартирная хозяйка в Париже I, 370, 421, 449; II, 19
Padilla (урожд. Désirée Artôt) M.J.M. I, 223—**225**, 226
Padilla y Ramos M. I, **225**
Pauli (Pauly) A. I, 656, 658
Perugino P. I, 640
Pestellini F. I, 87
Pialuga, певец I, 185
Piero di Cosimo II, **402**
Pollock B. II, **505**
Pomperi de, сосед Зиновьевой-Аннибал в Париже I, 370, 371
Potin F. I, 494, **495**
Ralph, Dr. и Mrs. I, 679, 692; II, 233, 236, 284
Rasi, учитель пения Зиновьевой-Аннибал I, 164, 168, 195
Refardt E. I, 56
Reisch E. I, 717
Richardson R.R. II, 160, **162**, 209
Rizzi D. II, 326
Röscher W.H. I, 656—658, 660; II, 347—348, 350
Scamuzzi, знакомый Зиновьевой-Аннибал I, 198, 206, 208—209
Schering, владелец аптеки в Берлине I, 199
Schillings M. v. II, 286, **288**
Séailles G. II, 249, 250
Sodoma (Bazzi G.A.) II, 136, **141**, 142, 146
Sorel Ch. II, 163
Stergiopoulos K. I, 61
Strachan Ch. II, 126, 197, 217, 226, 277

- Strachan K. II, 216, 248, 356, 394, 436—437
Strachan, семейство знакомых в Женеве II, 77, 83, 84, 120, 138, 150, 197, 216, 217, 230, 235, 239, 255, 257, 287, 356,
Stradella A. II, **142**, 192
Strudler J. I, 61
Superguono (прозвище) I, 624—626, 628,
Thudicum, владелец школы в Швейцарии II, 125, 246, 270, 271
Tod M.N. II, 45, 163, 209, 241
Töpffer J. II, 155, **158**
Tupper A. I, 660, 666, 670—672, 676, 680, 703,
Varesi — см. Voccabadati-Gazzudo C.
Varesi F. I, **180**
Vollgraff (Vollgraf) C.W. II, 240, **241**
Vullièty H. II, 119, **122**, 135, 141—143, 234, 249, 295, 352, 357, 362, 435, 523
Warnstall, английский знакомый Ивановых I, 671
Weber C.M. v. II, 330, 335, 384,
Weil H. 157, 158
Weingartner F. II, 507, **508**
Whitehouse J.H. II, 13, **14**
Wickert L. I, 717
Yeatman, изготовитель надгробий (?) в Лондоне II, 506, 507, 509
Zibelin-Wilmerding L., певица, знакомая по Женеве, и ее дети Harry и Fred II, 77, 83, 123, 124, 150, 181, 189, 190, 214, 244—246, 253, 254, 257, 259, 260, 274, 276, 277, 286, 295, 298, 299, 342, 356, 357, 360, 412, 498
Ziffer G. II, 469

Содержание

ПЕРЕПИСКА 1901

350. Зиновьева-Аннибал — Иванову. 2/15 января 1901. Женева (?).....	7
351. Зиновьева-Аннибал — Иванову. 2/15 января 1901. Понтарле	8
352. Зиновьева-Аннибал — Иванову. 2/15 января 1901. Дижон	8
353. Зиновьева-Аннибал — Иванову. 3/16 января 1901. Париж	9
354. Зиновьева-Аннибал — Иванову. 4/17 января 1901. Лондон	10
355. Зиновьева-Аннибал — Иванову. 6/19 января 1901. Лондон	12
356. Зиновьева-Аннибал — Иванову. 8/21 января 1901. Лондон	12
357. Зиновьева-Аннибал — Иванову. 9/22 января 1901. Лондон	14
358. Зиновьева-Аннибал — Иванову. 12/25 января 1901. Лондон	16
359. Зиновьева-Аннибал — Иванову. 13/26 января 1901. Лондон	17
360. Зиновьева-Аннибал — Иванову. 13/26 января 1901. Лондон	18
361. Зиновьева-Аннибал — Иванову. 15/28 (?) января 1901. Дьепп	19
362. Зиновьева-Аннибал — Иванову. 18/31 (?) января 1901. Париж	19
363. Иванов — Зиновьевой-Аннибал. 2—4 / 15—17 декабря 1901. Афины	20
364. Иванов — Зиновьевой-Аннибал. 4/17 декабря 1901. Афины	24
365. Зиновьева-Аннибал — Иванову. 2—5 / 15—17 декабря 1901. <i>Пароход между Пиреем и Неаполем</i>	26
366. Зиновьева-Аннибал — Иванову. 5/18 декабря 1901. Неаполь	30
367. Иванов — Зиновьевой-Аннибал. 5—7 / 18—20 декабря 1901. Афины	30
368. Зиновьева-Аннибал — Иванову. 5—7 / 18—20 декабря 1901. <i>Неаполь — Марсель</i>	34
369. Иванов — Зиновьевой-Аннибал. 8—10 / 21—23 декабря 1901. Афины ...	40
370. Зиновьева-Аннибал — Иванову. 9/22 декабря 1901. Базель-Женева	46

371. Иванов — Зиновьевой-Аннибал. 11—12 / 24—25 декабря 1901. Афины ...	49
372. Иванов — Зиновьевой-Аннибал. 12—15 / 25—28 декабря 1901. Афины ...	52
373. Зиновьева-Аннибал — Иванову. 10—13 / 23—26 декабря 1901. Женева ..	61
374. Зиновьева-Аннибал — Иванову. 14/27 декабря 1901. Женева	66
375. Иванов — Зиновьевой-Аннибал. 16/29 декабря 1901. Афины	67
376. Иванов — Зиновьевой-Аннибал. 16—18 / 29—31 декабря 1901. Афины ...	68
377. Иванов — Зиновьевой-Аннибал. 17/30 (?) декабря 1901. Афины	70
378. Зиновьева-Аннибал — Иванову. 15—17 / 28—30 декабря 1901. Женева ..	71
379. Иванов — Зиновьевой-Аннибал. 18—19 декабря 1901 / 31 декабря 1901 — 1 января 1902. Афины	74
380. Зиновьева-Аннибал — Иванову. 17—20 декабря 1901 / 30 декабря 1901 — 2 января 1902. Женева	75

ПЕРЕПИСКА 1902

381. Иванов — Зиновьевой-Аннибал. 19 декабря 1901 / 1 января 1902. Афины	87
382. Иванов — Зиновьевой-Аннибал. 22 декабря 1901 / 4 января 1902. Афины	91
383. Зиновьева-Аннибал — Иванову. 20—23 декабря 1901 / 3—5 января 1902. Женева	92
384. Иванов — Зиновьевой-Аннибал. 22—25 декабря 1901 / 4—6 января 1902. Афины	100
385. Иванов — Зиновьевой-Аннибал. 25—26 декабря 1901 / 7—8 января 1902. Афины	103
386. Зиновьева-Аннибал — Иванову. 23—27 декабря 1901 / 5—9 января 1902. Женева	105
387. Иванов — Зиновьевой-Аннибал. 26—28 декабря 1901 / 8—10 января 1902. Афины	114
388. Иванов — Зиновьевой-Аннибал. 29 января 1901 / 11 января 1902. Афины	117
389. Зиновьева-Аннибал — Иванову. 27—29 декабря 1901 / 9—11 января 1902. Женева	117
390. Зиновьева-Аннибал — Иванову. 29—30 декабря 1901 / 11—12 января 1902. Женева	122
391. Иванов — Зиновьевой-Аннибал. 30 декабря 1901 — 1 января 1902 / 12—13 января 1902. Афины	127
392. Зиновьева-Аннибал — Иванову. 31 декабря 1901 — 3 января 1902 / 13—16 января 1902. Женева	132
393. Иванов — Зиновьевой-Аннибал. 2—4 / 15—17 января 1902. Афины	143
394. Зиновьева-Аннибал — Иванову. 4—7 / 17—20 января 1902. Женева	147
395. Иванов — Зиновьевой-Аннибал. 5—8 / 17—20 января 1902. Афины	154
396. Иванов — Зиновьевой-Аннибал. 8—9 / 21—22 января 1902. Афины	159

397. Иванов — Зиновьевой-Аннибал. 9/22 января 1902. Афины	163
398. Зиновьева-Аннибал — Иванову. 7—9 / 20—22 января 1902. Женева	164
399. Зиновьева-Аннибал — Иванову. 9—10 / 22—23 января 1902. Женева	167
400. Иванов — Зиновьевой-Аннибал. 11/24 января 1902. Женева	171
401. Иванов — Зиновьевой-Аннибал. 10—12 / 23—25 января 1902. Афины ...	171
402. Зиновьева-Аннибал — Иванову. 11/24 января 1902. Женева	177
403. Зиновьева-Аннибал — Иванову. 10—13 / 23—26 января 1902. Женева ...	178
404. Зиновьева-Аннибал — Иванову. 14/27 января 1902. Женева	184
405. Иванов — Зиновьевой-Аннибал. 13—15 / 26—28 января 1902. Афины ...	184
406. Иванов — Зиновьевой-Аннибал. 15—16 / 28—29 января 1902. Афины ...	186
407. Зиновьева-Аннибал — Иванову. 14—18 / 27—31 января 1902. Женева ...	189
408. Зиновьева-Аннибал — Иванову. 17—18 / 30—31 января 1902. Женева ...	195
409. Зиновьева-Аннибал — Иванову. 19 января / 1 февраля (?) 1902. Женева	196
410. Иванов — Зиновьевой-Аннибал. 16—19 января / 29 января — 1 февраля 1902. Афины	198
411. Зиновьева-Аннибал — Иванову. 20—21 января / 2—3 февраля 1902. Женева	204
412. Иванов — Зиновьевой-Аннибал. 19—22 января / 1—4 февраля 1902. Женева	206
413. Иванов — Зиновьевой-Аннибал. 22—23 января / 4—5 февраля 1902. Афины	209
414. Иванов — Зиновьевой-Аннибал. 21 января / 5 февраля 1902. Афины	210
415. Зиновьева-Аннибал — Иванову. 23—25 января / 5—7 февраля 1902. Женева	211
416. Иванов — Зиновьевой-Аннибал. 24—26 января / 6—8 февраля 1902. Афины	220
417. Иванов — Зиновьевой-Аннибал. 26 января / 8 февраля 1902. Афины	222
418. Зиновьева-Аннибал — Иванову. 26—27 января / 8—9 февраля 1902. Женева	225
419. Зиновьева-Аннибал — Иванову. 28 января / 10 февраля 1902. Женева ...	229
420. Иванов — Зиновьевой-Аннибал. 27—29 января / 9—11 февраля 1902. Афины	232
421. Иванов — Зиновьевой-Аннибал. 29 января / 11 февраля 1902. Афины ...	235
422. Иванов — Зиновьевой-Аннибал. 30 января / 12 февраля 1902. Афины ...	238
423. Зиновьева-Аннибал — Иванову. 29 января — 1 февраля / 11—14 февраля 1902. Женева	242
424. Иванов — Зиновьевой-Аннибал. 2/15 февраля 1902. Афины	251
425. Зиновьева-Аннибал — Иванову. 2—3 / 15—16 февраля 1902. Женева	253
426. Зиновьева-Аннибал — Иванову. 4/17 февраля 1902. Женева	258
427. Иванов — Зиновьевой-Аннибал. 3—5 / 16—18 февраля 1902. Афины	265
428. Иванов — Зиновьевой-Аннибал. 6/19 февраля 1902, Афины	267

429. Иванов—Зиновьевой-Аннибал. 7—8 / 20—21 февраля 1902. Афины	271
430. Зиновьева-Аннибал — Иванову. 5—8 / 18—21 февраля 1902. Женева	272
431. Иванов — Зиновьевой-Аннибал. 9/22 февраля 1902. Афины	282
432. Зиновьева-Аннибал — Иванову. 9—10 / 22—23 февраля 1902. Женева ...	285
433. Зиновьева-Аннибал — Иванову. 10/23 февраля 1902. Женева	291
434. Иванов — Зиновьевой-Аннибал. 10—12 / 23—25 февраля 1902. Афины ..	292
435. Иванов — Зиновьевой-Аннибал. 12/25 февраля 1902. Афины	294
436. Зиновьева-Аннибал — Иванову. 12—14 / 25—27 февраля 1902. Женева .	295
437. Иванов — Зиновьевой-Аннибал. 13/26 февраля 1902. Афины	303
438. Иванов — Зиновьевой-Аннибал. 14—15 / 27—28 февраля 1902. Афины .	307
439. Зиновьева-Аннибал — Иванову. 16 февраля / 1 марта 1902. Женева	310
440. Иванов — Зиновьевой-Аннибал. 16 февраля / 1 марта 1902. Афины	310
441. Зиновьева-Аннибал — Иванову. 16—17 февраля / 1—2 марта 1902. Женева	314
442. Иванов — Зиновьевой-Аннибал. 17—18 февраля / 2—3 марта 1902. Афины	317
443. Зиновьева-Аннибал — Иванову. 18 февраля / 3 марта 1902. Женева	319
444. Иванов — Зиновьевой-Аннибал. 20 февраля / 5 марта 1902. Женева	323
445. Иванов — Зиновьевой-Аннибал. 20 февраля / 5 марта 1902. Афины	323
446. Иванов — Зиновьевой-Аннибал. 21—22 февраля / 6—7 марта 1902. Афины	326
447. Зиновьева-Аннибал — Иванову. 19—21 февраля / 4—7 марта 1902. Женева	328
448. Зиновьева-Аннибал — Иванову. 22—23 февраля / 8—9 марта 1902. Афины	339
449. Зиновьева-Аннибал — Иванову. 24 февраля / 10 марта 1902. Женева ...	345
450. Иванов — Зиновьевой-Аннибал. 26—27 февраля / 11—12 марта 1902. Афины	347
451. Иванов — Зиновьевой-Аннибал. 28 февраля / 13 марта 1902. Афины	351
452. Иванов — Зиновьевой-Аннибал. 1/14 марта 1902. Афины	353
453. Зиновьева-Аннибал — Иванову. 25 февраля — 1 марта / 11—14 марта 1902. Женева	354
454. Иванов — Зиновьевой-Аннибал. 3—4 / 16—17 марта 1902. Афины	363
455. Зиновьева-Аннибал — Иванову. 3—4 / 16—17 марта 1902. Женева	365
456. Иванов — Зиновьевой-Аннибал. 5/18 марта 1902. Афины	369
457. Иванов — Зиновьевой-Аннибал. 6/19 марта 1902. Афины	371
458. Зиновьева-Аннибал — Иванову. 5—7 / 18—20 марта 1902. Женева	372
459. Иванов — Зиновьевой-Аннибал. 7—8 / 20—21 марта 1902. Афины	376
460. Зиновьева-Аннибал — Иванову. 8/21 марта 1902. Женева	380
461. Зиновьева-Аннибал — Иванову. 9—10 / 22—23 марта 1902. Женева	382
462. Зиновьева-Аннибал — Иванову. 11/24 марта 1902. Женева	385
463. Иванов — Зиновьевой-Аннибал. 10—11 / 23—24 марта 1902. Афины	387

464. Иванов — Зиновьевой-Аннибал. 13/26 марта 1902. Афины	389
465. Иванов — Зиновьевой-Аннибал. 14/27 марта 1902. Афины	393
466. Зиновьева-Аннибал — Иванову. 12—15 / 25—28 марта 1902. Женева ...	395
467. Иванов — Зиновьевой-Аннибал. 15/28 марта 1902. Афины	403
468. Иванов — Зиновьевой-Аннибал. 16—17 / 29—30 марта 1902. Афины	407
469. Зиновьева-Аннибал — Иванову. 16—17 / 29—30 марта 1902. Женева ...	410
470. Зиновьева-Аннибал — Иванову. 18/31 марта 1902. Женева	412
471. Иванов — Зиновьевой-Аннибал. 18—19 марта / 31 марта — 1 апреля 1902. Афины	414
472. Иванов — Зиновьевой-Аннибал. 20 марта / 2 апреля 1902. Женева	417
473. Иванов — Зиновьевой-Аннибал. 21 марта / 3 апреля 1902. Афины	417
474. Зиновьева-Аннибал — Иванову. 19—22 марта / 1—4 апреля 1902. Женева	418
475. Иванов — Зиновьевой-Аннибал. 22—23 марта / 4—5 апреля 1902. Женева	422
476. Иванов — Зиновьевой-Аннибал. 24 марта / 6 апреля 1902. Афины	425
477. Иванов — Зиновьевой-Аннибал. 25 марта / 7 апреля 1902. Афины	426
478. Зиновьева-Аннибал — Иванову. 25 марта / 7 апреля 1902. Женева	429
479. Иванов — Зиновьевой-Аннибал. 26—27 марта / 8—9 апреля 1902. Афины	432
480. Зиновьева-Аннибал — Иванову. 26—28 марта / 8—10 апреля 1902. Женева	434
481. Зиновьева-Аннибал — Иванову. 15/28 августа 1902. Шамони	438

ИНТЕРМЕДИЯ (V)

Женева 1902—1903	439
------------------------	-----

ПЕРЕПИСКА 1903

482. Зиновьева-Аннибал — Иванову. 18/31 января 1903. Франкфурт	461
483. Зиновьева-Аннибал — Иванову. 19 января / 1 февраля 1903. Берлин	462
484. Зиновьева-Аннибал — Иванову. 19 января / 1 февраля 1903. Вирбаллен	462
485. Зиновьева-Аннибал — Иванову. 20 января / 2 февраля 1903	462
486. Зиновьева-Аннибал — Иванову. 20 января / 2 февраля 1903	464
487. Зиновьева-Аннибал — Иванову. 20 января / 2 февраля 1903	464
488. Иванов — Зиновьевой-Аннибал. 20 января / 2 февраля 1903. Женева ...	465
489. Зиновьева-Аннибал — Иванову. 21 января / 3 февраля 1903. Петербург	467
490. Иванов — Зиновьевой-Аннибал. 21 января / 3 февраля 1903. Женева	467
491. Зиновьева-Аннибал — Иванову. 23 января / 5 февраля 1903. Петербург	469
492. Зиновьева-Аннибал — Иванову. 23 января / 5 февраля 1903. Петербург	469

493. Зиновьева-Аннибал — Иванову. 23 января / 5 февраля 1903. <i>Петербург</i>	470
494. Иванов — Зиновьевой-Аннибал. 23 января / 5 февраля 1903. <i>Женева</i>	471
495. Иванов — Зиновьевой-Аннибал. 24 января / 6 февраля 1903. <i>Женева</i>	475
496. Зиновьева-Аннибал — Иванову. <i>Между 22 и 24 января / 4 и 6 февраля 1903. Петербург</i>	476
497. Зиновьева-Аннибал — Иванову. 24 января / 6 февраля 1903. <i>Петербург</i>	478
498. Зиновьева-Аннибал — Иванову. 26 января / 8 февраля 1903. <i>Петербург</i>	479
499. Зиновьева-Аннибал — Иванову. 16 февраля / 1 марта 1903. <i>Женева</i>	481
500. Зиновьева-Аннибал — Иванову. 13/26 апреля 1903. <i>Женева</i>	481
501. Иванов — Зиновьевой-Аннибал. 13/26 апреля 1903. <i>Париж</i>	482
502. Зиновьева-Аннибал — Иванову. 14/27 апреля 1903. <i>Женева</i>	484
503. Иванов — Зиновьевой-Аннибал. 14/27 апреля 1903. <i>Париж</i>	485
504. Зиновьева-Аннибал — Иванову. 14/27 апреля 1903. <i>Женева</i>	486
505. Иванов — Зиновьевой-Аннибал. 14/27 апреля 1903. <i>Париж</i>	486
506. Зиновьева-Аннибал — Иванову. 15/28 апреля 1903. <i>Женева</i>	488
507. Иванов — Зиновьевой-Аннибал. 15/28 апреля 1903. <i>Париж</i>	489
508. Иванов — Зиновьевой-Аннибал. 16/29 апреля 1903. <i>Париж</i>	490
509. Зиновьева-Аннибал — Иванову. 16/29 апреля 1903. <i>Женева</i>	497
510. Иванов — Зиновьевой-Аннибал. 17/30 апреля 1903. <i>Париж</i>	498
511. Зиновьева-Аннибал — Иванову. 17/30 апреля 1903. <i>Женева</i>	500
512. Зиновьева-Аннибал — Иванову. 18 апреля / 1 мая 1903. <i>Женева</i>	501
513. Иванов — Зиновьевой-Аннибал. 18 апреля / 1 мая 1903. <i>Париж</i>	502
514. Иванов — Зиновьевой-Аннибал. 20 апреля / 2 мая 1903. <i>Париж</i>	503
515. Зиновьева-Аннибал — Иванову. 7/20 мая 1903. <i>Лондон</i>	505
516. Зиновьева-Аннибал — Иванову. 8/21 мая 1903. <i>Лондон</i>	506
517. Зиновьева-Аннибал — Иванову. 9/22 мая 1903. <i>Лондон</i>	507
518. Зиновьева-Аннибал — Иванову. 10/23 мая 1903. <i>Лондон</i>	507
519. Иванов — Зиновьевой-Аннибал. 11/24 мая 1903. <i>Париж</i>	508
520. Зиновьева-Аннибал — Иванову. 13/26 мая 1903. <i>Лондон</i>	509

ФИНАЛ

Париж 1903	511
------------------	-----

КРАТКОЕ ПРИБАВЛЕНИЕ ПОСЛЕ ФИНАЛА

521. Зиновьева-Аннибал — Иванову. 19 февраля / 3 марта 1904. <i>Сен-Серг</i> ...	527
522. Зиновьева-Аннибал — Иванову. 20 февраля / 4 марта 1904. <i>Сен-Серг</i> ...	528
К иллюстрациям	529
Указатель имен	530

Вячеслав Иванов — Лидия Зиновьева-Аннибал

ПЕРЕПИСКА

1894—1903

Том 2

Дизайнер

Е. Поликашин

Редактор

Н. Богомолов

Корректор

Э. Корчагина

Компьютерная верстка

С. Пчелинцев

Налоговая льгота —
общероссийский классификатор продукции
ОК-005-93, том 2;
953000 — книги, брошюры

ООО «НОВОЕ ЛИТЕРАТУРНОЕ ОБОЗРЕНИЕ»

Адрес издательства:

129626, Москва,
абонентский ящик 55

Тел.: (495) 976-47-88

факс: (495) 977-08-28

e-mail: real@nlo.magazine.ru

Интернет: <http://www.nlobooks.ru>

Формат 60×90/16

Бумага офсетная № 1

Усл. печ. л. 35,5. Тираж 2000. Заказ № 2551

Отпечатано в ОАО «Типография “Новости”»

105005, г. Москва, ул. Фр. Энгельса, 46

Издательство
НОВОЕ ЛИТЕРАТУРНОЕ ОБОЗРЕНИЕ
2008 год

Серия «Россия в мемуарах»

П. Н. Зайцев
ВОСПОМИНАНИЯ

Издательский работник и литератор Петр Никанорович Зайцев (1889—1970) в течение ряда лет был близким другом и помощником Андрея Белого, о чем и оставил подробные мемуары, впервые публикуемые полностью в данной книге. Существенно дополняет их и представленная в качестве приложения переписка между Зайцевым и Белым. В том включены также воспоминания автора о литераторах, с которыми ему доводилось встречаться (В. Брюсов, В. Маяковский, С. Есенин, М. Булгаков, М. Цветаева, А. Ахматова и др.).

Переписка Вячеслава Иванова (1866–1949)
с Лидией Зиновьевой-Аннибал (1866–1907) –

один из важнейших памятников истории русской культуры рубежа XIX и XX веков. В настоящее издание включена переписка 1894–1904 годов. В ней широко документированы ученые занятия Иванова, его становление как поэта, работа над первой книгой стихов «Кормчие звезды», лекции в Парижской вольной школе общественных наук, сделавшие его знаменитым. Письма рисуют широкую картину европейской жизни 1890-х и начала 1900-х годов (супруги жили не только в России, но и в Италии, Франции, Германии, Швейцарии, Греции), а также историю любви, разворачивающуюся на глазах читателя.

Книга – плод работы интернационального коллектива (Майкл Вахтель – профессор Принстонского университета, США; Д.О. Солодкая – аспирант этого университета, Н.А. Богомолов – профессор МГУ им. М.В. Ломоносова; существенную помощь в работе оказали ученые из США, Италии, Франции, Швейцарии), она сводит воедино материалы, хранящиеся в Москве, Петербурге и Риме. Переписка впервые издается в полном объеме.

НОВОЕ ЛИТЕРАТУРНОЕ ОБОЗРЕНИЕ

Вячеслав Иванов

Переписка

Лидия Зиновьева-Аннибал

2

ISBN 978-5-86793-734-8

9 785867 937348